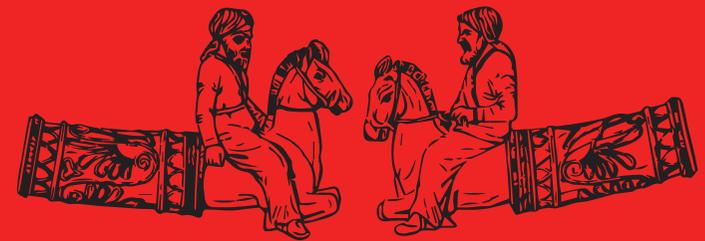

ЭЛИТА БОСПОРА И БОСПОРСКАЯ ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРА

2016

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭЛИТА БОСПОРА
И БОСПОРСКАЯ ЭЛИТАРНАЯ
КУЛЬТУРА

Санкт-Петербург
2016

**Ministry for Culture of Russian Federation
The State Hermitage Museum
The Russian Academy of Fine Arts Museum
Russian Academy of Sciences
Institute for the History of Material Culture**

**Министерство культуры Российской Федерации
Государственный Эрмитаж
Научно-исследовательский Музей при Российской Академии художеств
Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры**

**BOSPORAN ELITE
AND
ITS CULTURE**

**ЭЛИТА БОСПОРА
И БОСПОРСКАЯ ЭЛИТАРНАЯ
КУЛЬТУРА**

**Papers of the International Round Table
November 22–25, 2016**

**Материалы международного Круглого стола
22–25 ноября 2016 года**

**Saint Petersburg
2016**

**Санкт-Петербург
2016**

УДК 930.26.947.011
ББК 63.4.63.3 (0)329.48
П 43

Редколлегия «Боспорского феномена»
Ю. А. Виноградов, В. Ю. Зуев, Н. К. Жижина,
Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова,
В. А. Хрищановский

Ответственные редакторы-составители:
В. Ю. Зуев, В. А. Хрищановский

П43 Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.) — СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. — 464 с.

ISBN 978-5-87399-099-3

Материалы третьего Круглого стола, проводимого в рамках проекта «Боспорский феномен», посвящены рассмотрению различных аспектов темы элиты Боспора и её культуры. Данное издание рассчитано на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся проблемами древней истории, культуры и искусства.

УДК 930.26.947.011
ББК 63.4.63.3.(0)329.48

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Благотворительного фонда содействия охране и исследованию
памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья
«Артемиды» (Москва)*

На фронтиспise изображена Артемиды с ланью.
Римская копия с греческого оригинала Леораха
(конец IV в. до н. э.). Скульптура хранится в Лувре (Париж).
Копия из Научно-исследовательского музея
при Российской Академии художеств (Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-87399-099-3

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «ПАЛАЦЦО», 2016

Предисловие

Предисловие к изданию материалов юбилейного — десятого — «Боспорского феномена» 2013 года с размышлениями о его дальнейшей судьбе заканчивалось словами: «...Не будем ставить точку. Пусть останется многоточие...». Это сохраняло и организаторам, и участниками какую-то надежду: в том или ином виде, с прежней или новой периодичностью популярная петербургская конференция археологов, историков-античников и филологов-классиков продолжит свое существование.

Давно намечавшийся поворот (скорее даже возврат) от всеобъемлющих (и всеприемлющих) античных форумов к более узким тематическим круглым столам или небольшим конференциям, посвящённым рассмотрению различных аспектов собственно «боспорского феномена» в 2014 году удалось реализовать в виде юбилейного Круглого стола «Погребальная культура Боспорского царства», приуроченного к столетию М. М. Кубланова. А что дальше?

Весь 2015 год прошёл в сомнениях и раздумьях — начинать или не начинать новый цикл конференций? Каким он должен быть? Как сломать сложившийся стереотип, не оставляющий времени для обсуждения прослушанных докладов, споров и дискуссий? К концу года стало ясно, если мы пропустим следующий — 2016-й — окончательно собьёмся с ритма наших «бьеналле» и продолжение/возобновление «боспорских феноменов» станет весьма проблематичным. В ноябре на внеочередном заседании члены Оргкомитета всё же решили рискнуть. Придумали тему, которая в последнее время была на слуху, и разослали приглашения принять участие в Круглом столе только тем, кто ею занимался, чтобы спокойно, в узком кругу, с большими докладами и неторопливыми дискуссиями за пару дней обсудить проблемы элиты Боспорского царства и её культуры. Все были «за». Однако, в момент принятия этого ответственного (скорее безответственного) решения на проведение запланированного мероприятия, кроме туманных обещаний, не было ни копейки...

Заявки на участие в «феномене» нового формата мы просили прислать к середине января. К указанному сроку было получено уже около 30 заявок — гораздо больше, чем разосланных приглашений. Похоже, что и эта конференция начинала жить своей собственной

жизнью, не считаясь с планами и намерениями её организаторов. Откликнулись в основном те, кто привык регулярно, раз в два года приезжать в Санкт-Петербург на «Боспорский феномен». И дошедшую до них «по цепочке» информацию о том, что очередная конференция состоится в ноябре 2016 года в Санкт-Петербурге они восприняли как естественное продолжение того, что было раньше. Правда нужно отметить, что подавляющее большинство заявок соответствовало заявленной теме, и не было никаких формальных оснований их отвергать. К тому же мы решили, несмотря на узко тематический характер конференций нового цикла, зарезервировать какое-то время (и место в предполагаемом сборнике материалов) для оперативной информации о новых находках и открытиях, для юбилейных и мемориальных дат...

К маю, когда заявившие о своём желании участвовать, должны были прислать свои материалы для публикации, их набралось уже около полусотни. Многие, узнавшие (и узнававшие по мере распространения информации) о грядущей конференции, просили отсрочки.

Предлагаемые темы и полученные материалы обещали интересные дискуссии. Оргкомитет проявлял слабость, не без опаски прикидывая время, необходимое для всех выступлений. Чтобы изменить прежний формат и сломать устоявшийся порядок, волевым усилием на первый день конференции было отобрано ограниченное количество «установочных» докладов по заявленной теме и зарезервировано время для их спокойного обсуждения. Решили попытаться даже записывать дискуссии — ведь нередко именно во время обсуждений и споров, возникает самое интересное — а потом опубликовать её в интернете¹.

Становилось ясно: недостатка в желающих приехать и выступить не будет. Более того, нам придётся отказаться от заманчивой идеи небольшой двухдневной конференции — даже не конференции, а Круглого стола, как мы её поначалу назвали — и вернуться к привычным четырёхдневным заседаниям. К счастью, наши постоянные соорганизаторы — ИИМК РАН и Государственный Эрмитаж выразили готовность пойти нам на встречу и предоставить свои конференц-залы на всё необходимое время. Появилось и ещё одно новое, весьма уважаемое петербургское учреждение, заинтересовавшееся сотрудничеством с Оргкомитетом в проведении «Боспорского феномена» — Научно-исследовательский музей при Российской Академии художеств. Присланные материалы — даже без тех, которые были обещаны и срочно дописывались — уже «тянули» на солидный сборник, который очень хотелось издать к началу конференции, как всегда бывало раньше...

¹ Все материалы данного сборника размещены в интернете на сайте «Боспорский феномен. Государство и культура на периферии античного мира»: <http://bosporanphenomen.ru>

И тут античные боги вновь проявили к нам свою благосклонность. Если быть совсем точным — не боги, а богиня. Недавно появившийся в Москве благотворительный фонд «Артемида», содействующий исследованию археологических памятников Северного Причерноморья, выразил готовность профинансировать издание материалов нашего Круглого стола, за что от имени всех участников конференции 2016 года хочется выразить его руководству глубокую благодарность. Если всё закончится благополучно: тематическая конференция пройдет в новом формате, с интересными докладами и плодотворными, будящими мысль дискуссиями, а сборник с её материалами окажется своевременно издан, то авантюра, в которую Оргкомитет пустился год назад, может считаться оправданной.

Через два года — в 2018-м — «Боспорскому феномену» должно исполниться 20 лет. И уже хочется отметить это событие очередной авантюрой. Пятнадцатой по счёту...

Оргкомитет конференции

Двойной юбилей

Юбилейные даты, нечастые в жизни каждого человека, ещё реже бывают двойными — когда совпадают «круглые числа» возраста и стажа трудовой и творческой деятельности. Именно такое совпадение пришлось на 2016 год в жизни Ольги Юрьевны Соколовой. Отмечая личный юбилей, который принято называть «порой творческой зрелости», Ольга Юрьевна встречает и четвертьвековую годовщину руководства Нимфейской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа.

О. Ю. Соколова родилась в 1956 году в Северодвинске Архангельской области, где прошли её детство и юность. Приехав по окончании школы в 1974 году в Ленинград, она поступила на первый курс Исторического факультета Ленинградского государственного университета, избрав своей

Ольга Юрьевна Соколова

специальностью археологию. Учёбу она совмещала с работой сначала в фотоархиве ЛОИА АН СССР, а с 1978 года — в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа, где продолжает трудиться по настоящее время в должности ведущего научного сотрудника.

Став студенткой кафедры археологии, Ольга Юрьевна, под руководством Нонны Леонидовны Грач, сразу включилась в работу по исследованию некрополя, а затем и городища Нимфея. Её первая, ещё студенческая, работа, написанная по нимфейским материалам, была посвящена комплексу терракотовых протом из святилища Деметры. Ученица Н. А. Грач, Ольга Юрьевна с самого начала своей работы в Нимфее в полной мере со знавала, какой памятник исследует, и как высока мера научной ответственности, ложащаяся на плечи ар-

хеолога, посвящающего свой труд этому античному городу, по праву признанному особенным в общем боспорском контексте. Продолжая ту исследовательскую линию, которую развивала Н. А. Грач, О. Ю. Соколова основное внимание сосредоточила на изучении эллинистического периода жизни Нимфея. Тем не менее, и новые находки на городище и некрополе, и сам масштаб исследований определяли необходимость последовательного расширения научного поиска. Требовался углублённый анализ всей истории существования города и внимательное отношение к тому, что, собственно, и придаёт этому памятнику неповторимый облик и значимость — его архитектуре, уникальным эпиграфическим материалам, сакральной и повседневной жизни портового города, одной из самых северных морских гаваней античной ойкумены.

То богатство археологических и историко-культурных сведений, которые даёт в руки исследователей Нимфей, охватить, по достоинству оценить и обработать одному человеку не под силу. Отдавая себе в этом отчёт, Ольга Юрьевна привлекает к работе в Нимфее коллег — археологов, эпиграфистов, знатоков античной архитектуры, реставраторов и специалистов в области точных методов исследования. Благодаря этому становится возможной реализация многих проектов, посвящённых Нимфею, деятельное участие в которых принимает, а часто играет ведущую роль сама Ольга Юрьевна. Среди значимых событий научно-исследовательской и выставочной деятельности, связанной с Нимфеем, достаточно упомянуть посвящённые ему издания, в последние два десятилетия вышедшие при её участии, и эрмитажные выставки, экспонировавшиеся не только в Санкт-Петербурге, но и за пределами России.

В исследовании Нимфея велика роль международного сотрудничества эрмитажной экспедиции, которое всегда поддерживает, сохраняет и развивает её руководитель. С коллегами из Польши, Германии и особенно Украины Нимфейскую экспедицию и саму Ольгу Юрьевну связывают прочные научные контакты. Они были и остаются тем основанием и творческим началом, которое скрепляет узами товарищества и коллегиальности людей, объединённых общими профессиональными интересами и задачами.

Сложнейшие десятилетия и прежде немислимые трудности, выпавшие на долю поколения Ольги Юрьевны, поставили перед людьми самые серьёзные проблемы, в том числе профессиональные. Без преувеличения можно сказать, что О. Ю. Соколова выдержала все испытания времени, став для Нимфейской экспедиции, и для самого Нимфея той опорой, на которой общее дело развития археологии держалось и продолжает держаться.

На протяжении последних 15 лет — с тех пор, как Государственный Эрмитаж стал соорганизатором — Ольга Юрьевна является членом

Оргкомитета конференции «Боспорский феномен». За долгие годы совместной работы на этом поприще друзья и коллеги в полной мере оценили её ответственность, надёжность, доброжелательность. Присоединяясь к юбилейным поздравлениям, все мы очень надеемся провести вместе ещё не один «Боспорский феномен».

Н. К. Жижина

I. ЭЛИТА БОСПОРА И ЕЁ КУЛЬТУРА

И. А. Тулье

Понятие «элитарная культура» в традиционном обществе

Задумавшись о применимости понятия *элитарная культура* к традиционному обществу, необходимо уточнить в каком смысле с прилагательным *элитарная* используется существительное *культура*, термин, имеющий, как известно, сотни значений и определений. Это может быть более или менее систематизированное описание комплекса всех видов деятельности и их продуктов, характеризующих человеческую жизнь как человеческую, которая осуществляется в создаваемой людьми искусственной среде обитания. Функциональные подходы указывают на культуру как вместилище, хранилище и транслятор духовного, главным образом, наследия. Или как сумму правил и норм, организующих человеческое поведение. Изучаются соотношение культуры в целом и культуры разных эпох, культуры этносов и народов, культуры социальных страт и возрастов, культуры разных профессиональных групп и культуры, присущие определённым видам деятельности. Хорошо известно разделение на материальную и духовную культуру, иногда противопоставляемых, как нечто полезное, но приземлённое — возвышенному и подлинно культурному. В этом прочтении культура обладает исключительно положительными значениями, включая в себя то, что принято оценивать как «положительный вклад». Остановимся на самом общем определении, которое поглощает все внутренние парные оппозиции, составляя базовую для себя оппозицию с природой — это надбиологический, внебиологический способ адаптации человека к окружающей среде, вначале — природной, затем и социальной.

Понятие *элитарная культура* как субкультура привилегированных групп общества становится возможным с появлением теории элит в социологии 20 века. И с началом осознания феномена массовой культуры, которой сознательно противостоит элитарная. Несмотря на столетнюю историю разработки теории, однозначного понимания критерия «допуска» в элиту, формирования элит (политической, экономической, культурной) нет: организованное или неорганизованное меньшинство, обладающее интеллектуальным, моральным или

творческим превосходством над большинством (массой); или наивысшая общественная оценка деятельности в значимых для социума сферах; или представители власти, определяющей социальную жизнь; или просто принадлежность к верхней части социальной структуры и т.п. Есть нерешённая в общем проблема культурной элиты: это обладающие властью и средствами покровители, которые так или иначе регулируют своими заказами и предпочтениями производство культуры для элиты, группа профессионалов, создающих высокий культурный продукт и высоко ценимая авторитетной частью сообщества...

Рассуждая об элитарной культуре, надо определяться, говорим ли мы о культуре какой-то элиты или о том, что творится или/и потребляется культурной элитой, насколько самостоятельна или зависима в своей деятельности культурная элита от политической. Или элитарность культуры определяется качественно — это культура, связанная с высшими проявлениями человеческой духовности (нравственность, философия, религия, искусство), которые выражены в высочайшей степени совершенства (высокая культура). Естественно, что «высочайшие степени» доступны не всем и не всем предназначены, таким образом «высокое» может выступать не высоким самим по себе, а как противопоставленное всему остальному, то есть «низкому», массовому, что ведёт к пониманию элитарной культуры как отделённой, закрытой. Есть вариант: *элитарная* культура это просто усиление позитивной оценки культуры в её высоких видах и проявлениях, когда под культурой и культурным понимается всё хорошее и достойное.

Одним словом, под элитарной культурой можно понимать — (1) нечто высокопоставленное, связанное с социальными элитами; (2) содержательно возвышенное и формально совершенное; (3) закрытую самодостаточную социально-культурную систему. Место в обществе, содержание и способ функционирования могут не быть взаимообуславливающими.

Следует напомнить о том, что понятие элитарной культуры (как хранителя подлинных ценностей) появляется в связи с современной массовой культурой, которая, если отказаться от оценочных суждений, есть порождение новых технологий и средств коммуникации. Однако, как часто бывает, терминологию, зафиксировавшую актуальную наличную ситуацию, начинают использовать гораздо шире. Так, и у элитарной культуры выявляется глубокое прошлое — «уже в первобытном социуме жрецы, волхвы, колдуны, племенные вожди становятся привилегированными обладателями особых знаний, которые не могут и не должны предназначаться для всеобщего, массового пользования» (Кондаков. 1998. С. 387).

Эти терминологические штудии имеют целью подчеркнуть сложность проблемы выявления культурного феномена и термина, его

обозначающего. И задаться вопросом об эвристичности применения данного понятия к реалиям традиционного общества. Является ли новизна терминологии препятствием для её применения к исследованию культур древности, не знавших её, то есть, является ли отсутствие тех или иных понятий индикатором отсутствия феномена? На первый взгляд — нет. У греков, например, не было термина, эквивалентного нашему термину *культура*. Но поскольку культура (в её общем понимании как продукта человеческой деятельности) появляется вместе с человеком, то, очевидно, что её можно исследовать на языке современной науки. Между тем, *элитарная культура* — термин довольно искусственный, не просто относящийся к определённой субкультуре, но обусловленный конкретной культурно-исторической ситуацией ценностного противопоставления культуре масс и массовой культуре.

Однако ничто не мешает попытаться проверить эвристичность применения к боспорскому культурному феномену дихотомии *элитарное — массовое*, с учетом разнообразного понимания *элитарного*.

«Элитарная культура» в археологическом контексте представлена совокупностью предметов высокого качества изготовления или высокой значимостью содержания. Если смотреть по артефактам, находимым на некрополях (в частности, некрополях Илуратского плато и Китея), то, естественно, что в погребальных ситуациях, центром которых были, возможно, представители властных элит, оказывались единичные вещи — сложные по материалу и исполнению. Существовала, вероятно, «индустрия» изготовления массового инвентаря, который мог в разных количествах и сочетаниях попадать в разные по социальному статусу захоронения. В любом случае, эти предметы не предназначались для личного «элитарного» или «массового» прижизненного потребления. При том, на некрополе, в погребально-поминальном комплексе, «элитарная» утварь не противопоставляется массовой продукции, а сочетается с ней и с природными объектами. Относительно элитных погребений речь может идти о более сложном вещевом «тексте» — чем социально сложнее был устроен человек (как правильно функционирующая вещь), тем сложнее (чтобы правильно исполнить его функцию) были сопровождающие его в жизни и при погребении вещи и их сочетания. Лотман называет предметы «мнемонико-сакральными символами», которые включаются не в словесный текст, а в текст ритуала. Кроме того, «по отношению к этому тексту, они сохраняют известную свободу: материальное существование их продолжается и вне обряда, включение в различные и многие обряды придает им широкую многозначность» (Лотман. 1987. С. 8).

Если рассматривать в качестве главной функции элитарной культуры сохранение и передачу традиций и ценностей, то сталкиваясь с археологическими остатками древней культуры в раскопах, мы пыта-

емся распознать в них содержание сохранённого. Работы, «дешифрующие» древние памятники, их назначение, их понимание носителями культуры — достаточно посмотреть на множественность интерпретаций конкретных памятников и комплексов — показывают, что понятие древнему сообществу кажется либо не доступным аутентичному пониманию, либо открывается сообразно нашим навыкам, потребностям и представлениям (см. напр.: *Approaching the Ancient Artifact*. 2014; Spivey. 1997). Это можно было бы объяснить таким свойством элитарной культуры как закрытость, ограждение себя от вероятных посягательств со стороны непосвященных в нее масс. А может быть, «культурное достояние» сохраняется, поскольку актуально для всего сообщества — как способ его существования и циркуляции в своём времени, когда восприятие смысла происходящего не требовало специальных усилий для его считывания. Для другой культуры, хотя и считающей себя прямой наследницей, когда-то открытое и явное стало закрытым и почти тайным.

Одна из проблем исследующих Боспорский феномен — греки и варвары. Имеет ли она научные перспективы в контексте *элитарной культуры*? Факт осознания дихотомии (об этом, см., напр., Маринович. 2006), выделение/отделение себя от другого и чужого, может быть высокомерным, но с другой стороны — греки не меряются доблестью с «полуживотными»: можно было бы сказать, что *наша* культура это просто культура, которая противопоставляется некультурности, то есть варварству, дикости. Противопоставление варварам как носителям массовой культуры отсутствует.

Если элитарная культура — это то, что характеризуется высоко духовным содержанием, то, вероятно, она должна быть органически связана с религией, считающейся одной из высот жизни человеческого духа, и тогда что может быть ближе к элитарному как не изображения богов и героев — эти сохранившиеся материальные остатки религиозной жизни. В таком случае всякое изображение, имеющее отношение к религиозному культу, можно считать элитарным. Или имеет значение качество материала (мрамор, бронза, глина) и непременно антропоморфный облик божества или место размещения или (что может быть взаимосвязано с первыми двумя) ритуальный контекст? Нефигуративные «кумиры» предшествуют статуе, относятся к периоду дикости и варварства, или с точки зрения духовности равноценны ей, тем более, что они сосуществуют (об этом см.: Gaifman. 2010)? Учёные пытаются выработать критерии различения культовой и вотивной статуи: этимологически доказано, что в культурной традиции не было четкой фиксации, а «культовая статуя» это научный термин (Pirenne-Delforge. 2010; Mylonopoulos. 2010. С. 4). Для носителей культуры — зольное святилище не менее значимо, чем архитектурное сооружение с портиком, колоннами и статуей божества в наосе. Человек, принёсший в зольник

доньшко сосуда с граффито, обозначающем имя божества, осуществляет не менее высокий акт поклонения по сравнению с тем, кто принес вотивную статую в храм или разбил её в тризне. Очень интересен вопрос о подношениях, достойных быть переданными божественным силам (своего рода правящей элите).

Традиционное общество выражает и воспроизводит определённый тип культуры — традиционный же (точнее — мифоритуальный). Здесь следует обратить внимание на два взаимообусловленных положения: 1) способ мышления, связывающий предметы и явления по одному алгоритму с моделью мира в качестве ее изоморфных и изофункциональных моделей и действующих частей; 2) человек в этой системе, такая же правильно функционирующая вещь, обуславливающая самовоспроизводство мироздания (см., напр.: Лосев. 1988).

Традиционное общество, как самовоспроизводящийся космос, с одной стороны, поддерживало границы между различными способами стратификации сообщества и набором знаний, умений и компетенций в каждой страте. Проникновение из одной страты в другую и, соответственно, к другим кодам одного и того же культурного содержания («свёрнутого» и разворачиваемого ритуала), не санкционировалось сообществом. Но с другой — древние мыслители, признавая благотворное воздействие на любого человека музыки и пения, ничего не говорили об элитарном искусстве (искусстве для элит). Как у Платона, с его идеями создания «правильных» граждан, действующих, функционирующих для блага целого (государства), восприятие прекрасного позволяет всем очиститься от наносного, так и у Аристотеля, видевшего основой блага государства правильно воспитанных граждан, чему способствовали античная трагедия и катарсис, который связывал восприятие сценического действия с духовным очищением, освобождением от аффектов. Если вспомнить о потреблении продуктов духовной культуры, то они были общими.

Литература

- И. В. Кондаков. Элитарная культура // Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2.
- А. Ф. Лосев. Типы античного мышления // Античность как тип культуры. М., 1988.
- Ю. М. Лотман. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
- А. П. Маринович. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. М., 2006.
- Approaching the Ancient Artifact*. Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H. Alan Shapiro. Berlin, Boston, 2014.
- Milette Gaifman. Aniconism and the notion of the «primitive» in Greek antiquity // Divine Images and Human Imaginations in Ancient Greece and Rome. Boston, 2010. — (Religions in the Graeco-Roman World. Book 170).

- Joannis Mylonopoulos.* Introduction: Divine images *versus* cult images. An endless story about theories, methods, and terminologies // *Divine Images and Human Imaginations in Ancient Greece and Rome.* Brill. Leiden, Boston, 2010.
- Pirenne-Delforge Vinciane.* Greek priests and «cult statues»: in how far are they unnecessary? // *Divine Images and Human Imaginations in Ancient Greece and Rome.* Boston, 2010.
- Spivey Nigel.* *Understanding Greek Sculpture: Ancient Meanings, Modern Readings.* London, 1997.

М. В. Скржинская

Интеллектуальные занятия боспорской элиты

Сейчас немного известно об интеллектуальных занятиях боспорских царей и их приближённых, которые составляли основную часть элиты государства. Интересующие нас сведения содержатся в кратких упоминаниях письменных источников, а ряд выводов можно сделать, анализируя надписи и другие археологические памятники.

Боспорскую элиту возглавлял царь, и многое во вкусах его окружения определялось поведением монарха. Цари стремились дать хорошее образование своим наследникам, благодаря чему у греков выработывалась привычка читать книги, слушать музыку, заниматься философией, историей и другими науками, а у некоторых появлялось желание писать собственные сочинения. Прямое свидетельство о высоком уровне образования царя и его занятиях философией сохранилось в «Жизнеописании софистов» Филострата (I, 24). Он упомянул, что один боспорский царь (его имя не названо), «получивший хорошее эллинское образование» посетил Смирну, и там заплатил крупную сумму философу Полемену за возможность вести с ним беседы. Исходя из того, что Антоний Полемон жил во II в. н. э., таким царем мог быть Савромат I, Котис II или Реметалк. О царе Савромате I известно, что его наставником был выдающийся образованный военный и политический деятель, приверженец учения стоиков. Оратор, произносивший речь на его похоронах, сравнил покойного с мудрым кентавром Хироном, воспитателем Ахилла, Геракла, Тесея и других героев (Сапрыкин. 2005. С. 46, 47, 68).

В семьях боспорской элиты традиция получать высшее образование в лучших школах Эллады восходит к классическому времени. На рубеже V–IV вв. до н. э. Сопей, один из приближённых царя Сатира, послал своего сына в Афины и оплатил его обучение в школе прославленного оратора Исократ (Скржинская. 2014. С. 39–41). К нему приезжали молодые люди со всех концов Эллады, многие затем прославились на разных поприщах: выдающимися ораторами стали Исей, Ликург,

Гиперид, известными историками — Андриотий, Эфор, Феопомп, крупными политическими деятелями — Тимофей и Лаодамант, тиран Гераклеи Клеарх, правитель Саламина на Кипре Никола и другие.

В основу описания Боспора в «Библиотеке» Диодора Сицилийского положены сочинения нескольких местных историков IV–III вв. до н. э. В. Ф. Гайдукевич (1949. С. 161–162), В. В. Струве (1968. С. 172) и другие современные ученые считали, что это были произведения местных придворных профессионалов. На мой взгляд, исторические труды в это время могли писать только греки из элитарных слоев общества. Такими были Геродот, Фукидид, Ксенофонт, а в Северном Причерноморье Сирик (IOSPE I2. № 344), представитель знатного херсонесского рода и единственный известный нам по имени историк из античных государств на северном побережье Понта.

Современник борьбы за власть сыновей Перисада I посвятил свой труд недолгому царствованию Сатира II. Судя по многим деталям повествования, он сам сражался в битвах с войском Евмела, младшего брата этого царя. По образцу воспоминаний Ксенофонта о соперничестве за власть братьев Артаксеркса и Кира, в котором на стороне Кира участвовал автор «Анабасиса», боспорянин, соратник Сатира, описал события 310–309 гг. до н. э. и осудил поступки Евмела. Позже другой боспорянин из окружения Евмела в ином ключе написал о его деятельности на благо государства и о трагической случайной гибели царя. Косвенные сведения о сочинениях других боспорских историков встречаются у нескольких античных авторов (Скржинская. 2014. С. 152–157).

Сохранились два изображения боспорян, занимавшихся творчеством в I–II вв. н. э. Это найденная в Пантикапее мраморная статуя молодого человека в большом плаще со свитком в руке и корзиной с рукописями у ног. Его лицо обладает портретными чертами, а поза мужчины и атрибуты характерны для греческих скульптур, изображавших поэтов и философов. Рядом была найдена женская статуя того же размера, которая изображает, наверное, жену этого боспорского интеллектуала (Соколов. 1973. С. 126, 127. Рис. 132, 133). Заказ двух таких изваяний, исполненных опытным скульптором, мог позволить себе весьма состоятельный человек, а рукописи около него позволяют с определённой уверенностью считать статую портретом одного из представителей боспорской элиты.

Другой памятник представляет известняковое надгробие с рельефом и стихотворной эпитафией (КБН. 145). В надписи сказано, что Стратоник был автором многих мудрых книг (вероятно философских), которые переживут века после его гибели. На рельефе Стратоник представлен в двух ипостасях — интеллектуала и воина. На верхнем изображении он в большом плаще со свитком в руке стоит около стола, на котором лежат четыре его книги, а внизу Стратоник, одетый

в шаровары и вооружённый кинжалом и горитом, сидит на коне, а позади виднеется всадник на пьедестале. Может быть, это статуя, которой он был удостоен за какие-то заслуги при жизни.

В двух пантикапейских эпитафиях говорится об интеллектуальных занятиях боспорян: один из них, восемнадцатилетний юноша Гелиодор, был любителем наук (КБН. 125), а другой «питомец Муз», Смикр, излагал всем желающим своё учение в период раннего эллинизма (КБН. 118). Его современник Дифил Боспорский не удовлетворился знаниями, которые смог получить на родине. Он отправился в Афины и там выступил в спорах с философом Стильпоном «великим искусником в словопрении», а затем боспорянин стал «его страстным приверженцем» (Diog. Laert. II, 113).

В повседневной жизни греки широко использовали полученные в школе навыки игры на лире, прививавшие привычку к домашнему музицированию и желание слушать хороших исполнителей. По изображениям музыкантов можно заключить, что боспоряне слушали духовую и струнную музыку. На местных терракотах можно увидеть тригоны — разновидность арфы (Кобылина. 1961. С. 94), по находкам известна лира (Скржинская. 2010. С. 347. Рис. 95) и её изображения на боспорских монетах (Анохин. 1986. № 168, 226). При раскопках на Боспоре неоднократно находили фрагменты аулосов. Среди них есть инструменты для исполнения сложной музыки. Таков, например, найденный в некрополе Пантикапея аулос эллинистического времени с шестью боковыми отверстиями (чаще их бывает два или три); он сделан из кости, бронзы и дерева (Петерс. 1986. С. 74–75). В могилу его поместили как любимый предмет покойного.

В IV в. до н. э. Левкон I пригласил к своему двору прославленного в Элладе певца Стратоника, аккомпанировавшего себе на кифаре; царь не хотел его отпустить, когда тот решил вернуться на родину (Athen. VIII, 41, 349 d). Вероятно, не случайно на фресках царского склепа I–II вв. н. э. (Гайдукевич. 1949. С. 485) представлены не только авлеты, сопровождающие музыкой катафалк, но в другом месте изображено трио из двух аулосов, по звучанию близких современному гобою, и сиринги — многоствольной флейты (Ростовцев. 1915. С. 36. Рис. 1). Видимо, любителем музыки во второй половине I в. н. э. был богатый боспорянин, похороненный в каменном саркофаге с росписями. На одной из них нарисовано трио из музыкантов, играющих на ручном органе и двух больших аулосах с шестью боковыми отверстиями (Блаватский. 1964. С. 175. Рис. 51). В античности существовало много видов аулосов, и здесь нарисованы сложные инструменты с большим количеством отверстий и перекрывающих их клавиш (Скржинская. 2010. С. 353–355). Орган изобрели на исходе эллинистического периода, а его изображение свидетельствует о том, что на Боспор проникали новые веяния в музыку.

Аристотель писал, что музыка неизменно сопровождает отдых свободного гражданина (Pol. VIII, 5, 8; 1340 b); а по произведениям античных авторов известно, что лира нередко звучала во время праздничных застолий, когда под её аккомпанемент пели разные стихи. На лире или на барбитоне аккомпанировали, произнося речитативом отрывки из эпических поэм. В надписи на чернолаковой солонке из Пантикапея сказано, что Гигент и Патайк победили в исполнении эпоса (Блаватский. 1964. С. 93. Рис. 28). Скромный призыв указывает на то, что это был не официальный агон, а, наверное, дружеское застолье с состязанием его интеллектуальных участников в умении выразительно исполнить отрывки из разных сочинений.

О знании мифов, которые излагали, как правило, в поэтических произведениях, свидетельствуют иллюстрации на специально приобретённых многочисленных дорогих расписных вазах, украшавших пиры элиты общества (Скржинская. 2011. С. 19–78; 2012. С. 59–167). В первые века новой эры к знанию греческой литературы боспорская элита присоединила римских классиков; поэтому некоторые любители словесности, принимая римское гражданство, взяли имена Вергилия и Цицерона (КБН. 894, 1294).

О боспорских поэтах сейчас известно по стихотворным эпитафиям и посвящениям, записанным на каменных стенах. Среди множества трафаретных образцов, зарифмованных ремесленниками, есть несколько неординарных стихотворений, принадлежавших перу хорошо образованных авторов, принадлежавших к интеллектуальной элите (КБН. 119, 121, 130, 145). Они обладали навыками употребления поэтического языка, умели пользоваться яркими стилистическими приёмами и были знакомы с философскими сочинениями (Шкорпил. 1914. С. 71–75; Доватур. 1992. С. 11–27; Панченко. 1992. С. 28–42; Гаврилов. 2005. С. 239–240).

Таким образом, можно заключить, что многие представители боспорской элиты читали разные книги, помнили наизусть много стихов, а некоторые писали исторические, литературные и философские сочинения. Кроме того, они любили слушать профессиональных музыкантов, а иногда и сами умели хорошо играть на лире и на аулосе.

Литература

- В. А. Анохин. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
 В. Д. Блаватский. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
 А. К. Гаврилов. Боспорский воин Аполлоний и его поэт // *Hyperboreus*. 2005. Vol. 11. Fasc. 2.
 В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
 А. И. Доватур. Проводы Феофилы // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 1992.

- М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- Д. В. Панченко. Эпитафия Гекатея // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Б. Г. Петерс. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1986.
- М. И. Ростовцев. Из прошлого Греции и Рима. М., 1915.
- С. Ю. Сапрыкин. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2.
- М. В. Скржинская. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- М. В. Скржинская. Мифы о героях в античных государствах Северного Причерноморья // БИ. 2011. Т. XXV.
- М. В. Скржинская. Мифы о богах в культуре и искусстве античных государств Северного Причерноморья // БИ. 2012. Т. XXVI.
- М. В. Скржинская. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2014.
- В. В. Струве. Древнейший историк СССР // Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. М.; Л. 1968.
- Г. И. Соколов. Античное Причерноморье. Л., 1973.
- В. В. Шкорпил. Отчёт о раскопках в Керчи // ИАК. 1914. № 54.

А. В. Подосинов

Боспорский правитель за рубежом: причины и следствия

Представляет интерес такой феномен, как *боспорский царь за рубежом*: когда, при каких обстоятельствах, с какой целью и с каким результатом правители Боспора оказывались за пределами своей страны, как правило, в Риме.

До времени Митридата VI Евпатора боспорские цари, по всей видимости, не выезжали за пределы своего государства.

При Спартокидах Боспорское царство практически не вмешивалось в дела соседних государств, не говоря уже о делах Греции и Рима. Конечно, хлебная торговля Боспора с Афинами при Спартокидах создавала особые условия для установления дружеских отношений между боспорскими царями и Афинами. Так, в Афинском почётном декрете в честь Спартока III (правил ок. 304/3–284/3 гг. до н. э.), относящемся к началу 284 г., сообщается, что за поддержку Афин в сложных для них обстоятельствах боспорский царь получил две бронзовые статуи в Афинах, которые должны были быть поставлены на агоре и на акрополе рядом со статуями его предков (Хайнен. 1999. С. 158–169). При этом возникают непростые вопросы: должно ли было быть портретное сходство, а если было, то как, когда, где и кому могли позировать боспорские правители (ведь не приезжали же они лично в Афины для этого?).

Последний боспорский царь из династии Спартокидов Перисад V в 109 г. до н. э. передал власть понтийскому царю Митридату VI Евпатору, чьи отношения с Римом, как известно, были далеко не нейтральными.

Митридат, перенеяв власть на Боспоре и поставив туда правителем своего сына Махара, которого после смерти Митридата сменил другой его сын Фарнак (в 63 г. до н. э.), вовлёл Боспорское царство в мировую политику — а значит, в тесное соприкосновение с Римской державой. Боспорские цари, которые с этого времени и вплоть до IV в. н. э. носили титулы «друг римлян» (φιλωρῶμαῖοι) и «друг императора» (φιλοκαίσαρες) (Горнчаровский. 2005. С. 25), начинают ездить «за границу» — в Рим.

Уже Фарнак получил свою власть на Боспоре от Рима (от Помпея — победителя Митридата) и принял титул «друга и союзника» римлян (App. Mithr. 113; 114; В.С. II, 92). В 48 г. до н. э., воспользовавшись гражданской войной в Риме, он вторгся в Малую Азию, захватив Колхиду, Малую Армению, Каппадокию, Пафлагонию, Понт. Как известно, 2 августа 47 г. Фарнак был разгромлен Цезарем в битве при Зеле и отплыл из Синопы в Пантикапей, не достигнув своей цели.

Первый же отъезд боспорского царя «за границу» (хотя целью было восстановить державу отца) стал губительным для него — в его отсутствие власть на Боспоре захватил узурпатор Асандр, который разбил вернувшегося Фарнака и стал боспорским царём.

Дочь Фарнака и внучка Митридата Динамия, возможно, уже ездила в Рим утверждаться на царство со своим сыном Аспургом. Ч. Роуз и В. Н. Парфёнов даже видят её изображение вместе с Аспургом на римском Алтаре мира (завершён в 9 г. до н. э.) на фризе рядом с Марком Випсанием Агриппой (Rose. 1990. P. 453–467, специально о наших героях см. с. 455–459; Parfenov. 1996. S. 95–103) (рис. 1).

Предполагается, что, прибыв в Рим с Агриппой после 13 г., Динамия оставалась там в свите императора до 8 г. до н. э. (Горнчаровский. 2005. С. 27). Столь длительное пребывание в Риме может быть одной из причин постановки Динамией после возвращения из Рима почётных надписей в честь Августа и Ливии (КБН. 38, 978, 1046), а также переименования Фанагории и Пантикапея соответственно в Агриппию и Кесарию.

Про сына Динамии Аспурга говорят, что он «до получения царского титула какое-то время находился в Риме» (Сапрыкин. 2002. С. 156). В самом деле, историки спорят, по чьей инициативе он туда поехал, сам или по приглашению Августа. Это было, вероятно, в 13 г. н. э. О поездке сам Аспург рассказывает в своем рескрипте (Блаватская. 1965. С. 202–206; Сапрыкин. 2002. С. 166–170), а именно, что он благодарен горгиппийцам за то, что они «соблюдали себя в полной безмятежности во время путешествия моего к императору Августу — ἐν τῇ πρὸς τὸν Σεβαστὸν Αὐτοκράτορα ἀναβάσει». Как видно из надписи, опасность, связанная

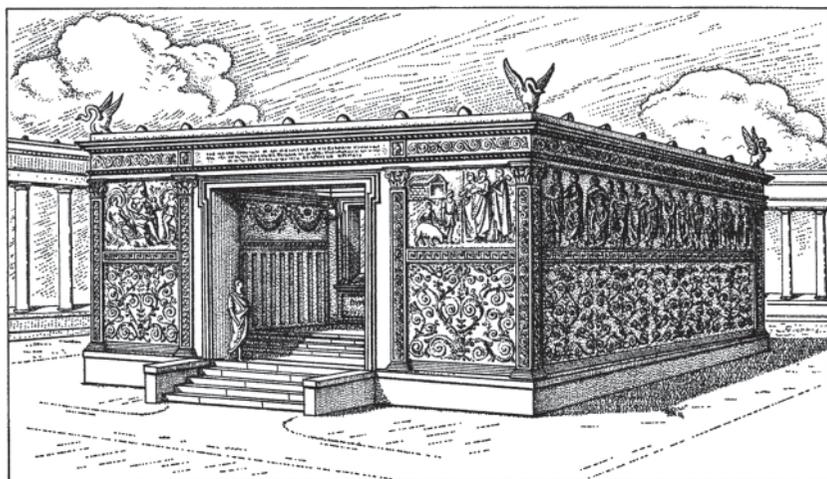

Рис. 1 — Алтарь Мира (Ara Pacis Augustae) Освящён 30 января 9 года до н. э. Графическая реконструкция

с личным отсутствием Аспурга в своём царстве и возможностью узурпаторства, на этот раз миновала боспорского царя.

Предполагается, что сын и преемник Аспурга Митридат VIII (правил между 39/40 и 44/45 г. н. э.) также мог до своего воцарения жить длительное время в Риме (Горончаровский. 2005. С. 28). Но это не спасло его в дальнейшем от участи пленника Рима.

Дело в том, что в 41 или 42 г. н. э. Митридат VIII послал в Рим к императору Клавдию своего младшего брата Котиса, который, вместо заверения Клавдия в дружбе с Митридатом, выдал антиримские планы брата (Dio Cass. LX, 28, 7), стал претендовать на боспорский престол и в войне против Митридата с помощью римских когорт под началом Юлия Аквилы одержал победу, став новым боспорским царем (Tacit. Ann. XII, 15–21). Митридат в конце концов был выдан Клавдию и отвезён в Рим. Царь аорсов Эвнов, выступивший посредником между Митридатом и Клавдием и выдавший первого Риму, попросил императора не проводить боспорского царя в триумфе и не казнить. Тацит передает гордые слова Митридата, будто бы сказанные Клавдию: «Я не отослан к тебе, но прибыл по своей воле; а если ты считаешь, что это неправда, отпусти меня и потом ищи».

Митридат ещё долго, около 20 лет, жил в Риме на положении знатного заложника (Dio Cass. LX, 8). По-видимому, он стал одним из информаторов Плиния Старшего в его описании Боспорского царства (NH VI, 17): «К ним (т. е. савроматам. — А. П.) бежал во время principatus

Рис. 2 — Часть южного фриза Алтаря Мира с изображением женщины, держащей руку на голове длинноволосого мальчика, у которого на шее видна варварская гривна

Клавдия Митридат, и он рассказал (*narravit*), что с ними соседствуют талы, которые на востоке достигают устьев Каспийского моря...». Сопоставив это известие со словом «рассказал» у Плиния, учёные пришли к выводу, что Плиний имел возможность лично беседовать с бывшим боспорским царём о его родине и поэтому смог включить в свою «Естественную историю» многие интересные и уникальные факты, сообщённые ему Митридатом (Скржинская. 1977. С. 9). Митридат был казнен в Риме в 68 г. за участие в заговоре Нимфидия против императора Гальбы.

На встречу к римскому императору ездил и боспорский царь Тиберий Юлий Реметалк (правил в 131/132–153/4 гг.). Об этом сообщает Юлий Капитолин (*Jul. Cap., Vita Ant. Pii IX, 8*): «*Rimethalcen in regnum Bosforanum audit inter ipsum et curatorem negotio remisit*» — «(император Антонин Пий) возвратил (отослал) Риметалка в Боспорское царство, выслушав дело между ним и куратором» (Гайдукевич. 1962. С. 485–489).

А вот ещё одно любопытное сообщение о некоем боспорском царе за рубежом: он едет туда с познавательными целями:

«И когда правитель Боспора, получивший полное греческое воспитание (*πᾶσαν δὲ Ἑλληνικὴν παιδείαν ἤρμωστο*), прибыл в Смирну для знакомства с Ионией (*καθ' ἰστορίαν τῆς Ἰωνίας*), Полемон не только отказался находиться в его свите, но также медлил, будучи приглашён на встречу с ним, до тех пор, пока не принудил царя прийти в свой дом, при этом получив от него плату в десять талантов» (*Philostr. Vitae sophist. I, 25, 4*).

Удивительным образом оказалось так, что боспорского царя отказался принимать в Смирне потомок другого боспорского царя. Дело в том, что упомянутый Филостратом Полемон жил ок. 88–144 гг. и был правнуком Полемона I, когда-то (14–7/8 гг. до н. э.) правившего Боспором и там убитого, и внуком Полемона II, последнего понтийского царя. Полное имя Полемона (Марк Антоний Полемон) указывает на его прабабку Пифодориду, которая была внучкой триумвира Марка Антония и женой Полемона I. Знатный потомок знатных предков, Полемон был ярчайшим представителем второй софистики, современником Диона Хрисостома и Герода Аттика; в Смирне он занимал весьма высокое социальное положение (в частности, был στρατηγός ἐπὶ τῶν ὀπλῶν), там даже чеканились монеты с его именем; он пользовался при Траяне, Адриане и Антонине Пии большим почётом.

Кто же мог быть боспорским царем, путешествующим по Ионии?

Во время активной жизни смирнского Полемона на Боспоре правили Котис II (123/124–132/3) и за ним Реметалк (131/132–153/4), каждый из которых теоретически мог быть гостем Полемона. Представляется, что, скорее всего, это был Реметалк, о встрече которого с римским императором говорилось выше.

В этом случае возникает вопрос: а не могло ли быть так, что Реметалк ездил в Рим к Антонину Пию через Малую Азию, по пути приобщаясь в Ионии к греческой культуре? Тем более, что куратором, вопрос с которым уладил Антонин Пий, был, по всей видимости, правитель провинции Вифиния — Понт (Гайдукевич. 1962. С. 487–488), через которую боспорский царь и должен был ехать в Ионию.

Как бы то ни было, заслуживает внимания цель поездки боспорского царя: он прибыл в Смирну в рамках путешествия, предпринятого «для изучения Ионии». Рассматривая вопрос о Боспорской элите, мы должны признать, что этот царь оказался и хорошо образованным, и любознательным, что неплохо характеризует боспорский царский дом.

В. Ф. Гайдукевич в связи с этим путешествием боспорского правителя справедливо пишет, что, несмотря на варваризацию Боспора, «боспорские цари, как и весь верхний слой общества Боспора в I–II вв. продолжали в своём быту сохранять основные элементы греческой культуры, что, прежде всего, выражалось в сохранении греческого языка как основного языка Боспорского государства» (Гайдукевич. 1949. С. 325).

* * *

Подводя итоги, отметим, что зарубежные вояжи боспорских царей имели разные цели и приводили к разным результатам. Одни правители (как Фарнак) покидали пределы своего царства для завоевательных целей; при этом во время их отсутствия на родине мог произойти государственный переворот; другие (как Динамия, Аспург и Реметалк) ез-

дили в Рим, чтобы подтвердить свои права на царство, и это им удавалось; третьи (как Митридат VIII) жили в Риме как юные наследники клиентских государств; четвёртые (как тот же Митридат в конце жизни) привозились в Рим насильно как преступники и содержались там как знатные заложники; пятые (как Котис), будучи посланы в Рим в качестве посланников действующего царя, возвращались его противниками и с помощью римского оружия добывали себе боспорский престол. Наконец, один хорошо образованный боспорский царь ездил в Ионию как турист — изучать знаменитые греческие города, выславшие когда-то своих граждан колонизовать побережья Чёрного моря, в том числе на территории будущего Боспорского царства.

Литература

- Т. В. Блаватская. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2.
 В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
 В. Ф. Гайдукевич. Из истории Боспора во II в. н. э. // Древний мир: сборник статей в честь академика В. В. Струве. М., 1962.
 В. А. Горончаровский. Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н. э. — середине III в. н. э. Автореф. докт. дисс. СПб., 2005.
 С. Ю. Сапрыкин. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
 М. В. Скржинская. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
 Х. Хайнен. Афинский почетный декрет в честь Спартока III (IG, II², 653) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. М., 1999.
 V. Parfenov. Dynamis, Agrippa and der Friedensaltar: zur militärischen und politischen Geschichte des Bosporanischen Reiches nach Asandros // Historia. 1996. Bd. 45. 1.
 Ch. B. Rose. «Princes» and Barbarians on the Ara Pacis // American Journal of Archaeology. 1990. № 94.

Н. Б. Чурекова

Боспорская политическая элита эпохи архаики и ранней классики

Наши представления о политической элите боспорского государства весьма гипотетичны. Причина такого положения, разумеется, заключается в том, что письменные источники, которые проливали бы свет на этот вопрос, к сожалению, отсутствуют. Поэтому все гипотезы и построения относительно боспорского общества и государства весьма спорны и основываются в основном на привлечении материалов других государственных образований, история которых в большей степени наша отражение в нарративной традиции. Но и здесь мы сталкиваемся

с определёнными трудностями. Боспорское государство, как бы это громко не звучало, уникально. Из того пласта материала, который у нас всё-таки имеется, мы совершенно точно можем утверждать только одно — боспорская государственность является феноменом античного мира. И, тем не менее, очевидно, что при любом государственном устройстве политическая элита на Боспоре существовала. Другое дело, что она собой представляла на протяжении архаического и классического периодов. По всей видимости, боспорская элита не была статичной, и мы склонны выделять по крайней мере три этапа истории её развития.

Первый этап связан с основанием апоекий на берегах Боспора. Политическая элита этого времени состояла из наиболее влиятельных и родовитых колонистов, во главе которых стоял ойкист, а позднее, по всей видимости, и весь его род. Имена ойкистов боспорских апоекий до нас практически не дошли, исключением являются Гермонасса или Семандр и Фанагор, однако, кроме этих полумифических имён нам ничего больше не известно. Нет данных также и о существовании в этот период на Боспоре родовой земельной собственности с родовыми усыпальницами аристократической элиты, как это было во многих других полисах, или специальных должностей, занимаемых представителями одного рода. Поэтому определить характер политической элиты Боспора мы можем только исходя из утверждения, что боспорские апоекии основывались как полисы. В таком случае в данный период (назовём его условно «периодом самостоятельных полисов») политическую элиту Боспора можно охарактеризовать, как элиту полисную (о полисном характере элит архаического и классического времени см.: Суриков. 2009. С. 34). Она была сформирована в первую очередь из знатных родов метрополии. Хотя можно допустить и существование неких, так сказать, «выскочек», также принимавших участие в колонизации. Это представители верхушки демоса, которые уже в эпоху поздней архаики предпринимали активные действия для сближения с аристократией и в ряде случаев вытесняли последнюю с руководящих позиций. В этом смысле политическая элита колоний вообще и боспорских в частности, по всей видимости, состояла не только из представителей старых аристократических родов метрополии.

Второй этап в существовании боспорской политической элиты связан с периодом правления Археанактидов. О происхождении рода и характере их власти написано много (Чурекова. 2012. С. 146–150; 2014. С. 176–182 с историографией), не будем специально останавливаться на этих вопросах. Основные гипотезы сводятся к определению их власти как тиранической или олигархической. Как нам представляется, власть Археанактидов по своему характеру ближе к старшей тирании (Чурекова. 2014. С. 181–182). Археанактиды были, несомненно, представителями знатного рода, занимавшего высокое положение в полисе

и по всем признакам могут быть отнесены к «старшим тиранам». При этом вряд ли это была власть одного рода в рамках всего государства. Централизации власти при Археанактидах ещё не произошло, скорее в рамках объединения полисы обладали определённой самостоятельностью, Была ли это пресловутая автономия и автаркия, нам опять же судить трудно, однако, очевидно, что централизованное государство с сильной верховной властью образовано было только Спартокидами.

Политическая элита на Боспоре этого времени по-прежнему представляла собой элиту полисную. Новое в её характере было обусловлено, во-первых, главенством одного рода и формированием правящей элиты по степени приближённости к нему, а, во-вторых, из особенностей функционирования объединения полисов типа симмахии. Вероятно, в этот период должна была происходить довольно ожесточенная политическая борьба между знатными аристократическими родами в отдельных полисах и, возможно, появилось противостояние этих родов уже за пределами своего полиса, т. е. в рамках всего вновь созданного союза.

Изменения в политической элите на третьем этапе связаны с трансформацией всей государственной системы, произошедшей после прихода к власти новой правящей династии Спартокидов. Сейчас уже практически нет сомнений в том, что имя её основателя фракийского происхождения, и получается, что греческому роду Археанактидов (или представителю этого рода) наследовал фракиец Спарток, который, к тому же мог иметь отношение к царствующему роду одриссов (см. об этом: Васильев. 1999). Это, вне всяких сомнений, должно было привести к серьёзным изменениям в среде политической боспорской элиты, состоящей до этого преимущественно из представителей знатных греческих родов, ведущих своё происхождение из метрополии. Появление нового этнического компонента в элите боспорского общества хорошо фиксируется по данным археологии. Погребения варварской знати вблизи греческих городов — это явный показатель включения их в политическую элиту государства. Курганы варварской знати начинают возводиться в окрестностях боспорских городов (Пантикапея, Нимфея, Кеп, Фанагории и, возможно, Гермонассы) приблизительно с конца первой половины V в. до н. э., ближе к середине (Виноградов. 2002. С. 125). Склепы же с уступчатым перекрытием, скорее всего, имеют фракийское происхождение и уже непосредственно связаны с династией Спартокидов (Виноградов. 2014. С. 86). Получается, что проникновение варваров в среду боспорской политической элиты, вероятнее всего, произошло ближе к середине V в. до н. э., то есть ещё до прихода к власти Спартока. Не исключено, что именно подобное положение варварской аристократии, её инкорпорирование в правящий класс, подготовило наследование (если, конечно, таковое имело место) Спартоком власти от Археанактидов. При этом Спартокиды сохранили многие характерные

черты власти своих предшественников, не случайно почти единодушно исследователи считают их тиранами. А тирания, конечно же, могла возникнуть только в полисной среде. Но появление в боспорской политической элите варваров раз и навсегда изменило её, в дальнейшем это привело к формированию полиэтничного государства.

Таким образом, ко времени ранних Спартокидов политическая элита Боспора претерпела некоторые изменения, трансформировавшись из полисной в элиту «эллинистического» типа. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, сходство с эллинистическими государствами, в которых варварская и греческая политическая элита сливалась воедино, образуя новую надполисную структуру.

Литература

- А. Н. Васильев. Одрисский династ во главе Боспора? // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999.
- Ю. А. Виноградов. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху // Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2002.
- Ю. А. Виноградов. О хронологии некрополя боспорской аристократии Юз-Оба // Боспорские чтения. Вып. XV. Керчь, 2014.
- И. Е. Суриков. Аристократия и демос. Политическая элита архаических и классических Афин. М., 2009.
- И. Е. Суриков. Две проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («Взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2012.
- Н. Б. Чурекова. Археанактиды на Боспоре: к проблеме происхождения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 6 (3). Нижний Новгород, 2012.
- Н. Б. Чурекова. К проблеме периодизации тирании на Боспоре // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014.

А. Н. Матукина

Правовая основа и легитимизация власти Спартокидов

Уже в первые десятилетия правления у представителей династии Спартокидов появилась необходимость в разработке доктрины, в рамках которой оправдывались бы их притязания на власть и легитимизация этой власти. В этом нуждался и Спарток I, скорее всего, пришедший к власти в результате государственного переворота, и Сатир I, и Левкон I, продолжившие формирование территориального Боспорского государ-

ства с помощью военной агрессии. Междоусобная война сыновей Перисада I и жестокая акция Евмела, уничтожившего родственников и сторонников побеждённых братьев Сатира II и Притана, сделала ещё более актуальной необходимость обоснования законности правления боспорских тиранов. В результате складывания государства Боспор в форме территориальной монархии, объединяющий гражданские общины полисов и варварские племена, появилась необходимость создания правовой основы власти правящей династии, а также разработки доктрины, которая закрепляла бы существующую модель политических, экономических и социальных отношений.

Столь же важной была необходимость формирования образа боспорских правителей и Боспорского государства в целом как полноправной части эллинского мира в цивилизационном и, как следствие, политико-правовом отношении. Спартокиды должны были восприниматься *другими эллинами* как полноценные субъекты международной политики.

Для достижения этих целей они разрабатывают систему мероприятий, результатом которой стало появление цельной государственной идеологии. По-видимому, начало её складывания относится ко времени правления Сатира I, активно продолжается при Левконе I и Перисаде I и остаётся важным направлением политики Спартокидов вплоть до последних представителей династии.

К основным мероприятиям, направленным на оформление этой идеологии, можно отнести:

- формирование особой титулатуры боспорских правителей (двойная титулатура «архонт — базилевс» со времени правления Левкона I);
- выстраивание специфических отношений с полисами, предполагающих формальное признание полисных прав и свобод при сохранении тиранического режима Спартокидов (Грибанов. 2013. С. 20);
- формирование государственного пантеона, включающего обожествлённых представителей династии;
- использование идеи «непрерывной династической легитимности» (Молчанов. 2002. С. 151–159); создание генеалогической легенды о происхождении правящей боспорской династии от Зевса (через Геракла) и Посейдона (через Евмолпа) (Гайдукевич. 1955. С. 56);
- создание образа правителя, соответствующего стоическим представлениям об идеальном монархе, в официальной придворной историографии (сочинение анонимного боспорского автора, ставшее основой для написания глав 22–26 «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского);
- сознательное использование религиозных маркеров для обозначения вовлечённости в общеэллинскую жизнь (в частности, от-

правление даров в общеэллинистические святилища Перисадом II, Перисадом III и Камасарией — МИС 28 = IG, XI, p. 2, № 287; МИС 15 = Syll.3, 439; МИС 38).

Разработка и реализация государственной идеологии была связана с продуманной пропагандистской кампанией, нацеленной на формирование образа добродетельного монарха, имеющего как фактические, с точки зрения морали, так и юридические, правовые, основания для единоличного правления. Основные позиции этой идеологии складывались постепенно на протяжении второй половины IV—III вв. до н. э. и были актуальными вплоть до конца II в. до н. э., когда последний представитель династии Спартокидов передаёт царство Митридату VI Евпатору. Подобные идеологические кампании разворачивались в различных монархиях эллинистического мира (Антигониды в Македонии, Атталиды в Пергаме, Птолемеи в Египте, Селевкиды), что свидетельствует о том, что Спартокиды не только стремились выглядеть эллинами в глазах эллинистического мира, но действительно были его полноценной частью.

Литература

- В. Ф. Гайдукевич Античные города Северного Причерноморья. // Очерки истории и культуры. Сборник статей. Отв. ред.: В. Ф. Гайдукевич и М. И. Максимова. М.; Л., 1955. Т. 1.
- Д. В. Грибанов. Полис на раннеспартокидовском Боспоре (438–303 гг. до н. э.): административное и социально-правовое устройство. Автореферат дисс.... канд. ист. наук. Харьков, 2013.
- А. А. Молчанов. Персеиды — Гераклиды — Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // ДГВЕ. 2002. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004.

A. Twardecki

Evidence of Foreign Citizens in the Bosphoran Inscriptions. A second approach¹

The purpose of this paper is a summarized presentation of Bosphoran inscriptions mentioning foreign citizens — immigrants. Most interesting are the inscriptions with attributive or presumed information about the occupation or social status of the deceased. It should provide evidence for research on

¹ The first version of this paper was presented at the conference «The Bosphoran Kingdom», Sandbjerg Manor, Denmark, 23–26 March 2009, but has never been published.

contacts between the Bosphoran Kingdom and other Greek *poleis*, with special concern to potential elite members. In my presentation I omit testimonies of the presence of barbarian people and Roman citizens — this is the subject of a different problem. To supplement the evidence, I include selected testimonies of the presence of *Bosporanoi* overseas¹, which could potentially show us the directions of Bosphoran economic penetration. Any evidence concerning cities being members of the Bosphoran Kingdom and Theodosia is excluded from the discussed material. Of course, this material cannot form the basis for serious statistical research, but is only an interesting contribution to the discussion about Bosphoran elites.

Black Sea. The Crimea. Chersonesos.

Funerary stele of Bion, son of Apolophanes, from Chersonesos (Pantikapaion, (IOSPE) 2, 296 2 add. C. 312 № 302 = (CIRB) 173, first half of the 4th century BC)

Funerary stele of Kallikrates, son of Eukritos, from Chersonesos (Pantikapaion: (IOSPE) 2, 302 = (CIRB) 194, second half of the 4th century BC)

Funerary stele of Kephalos, son of Kephalionos, from Chersonesos (Pantikapaion: (IOSPE) 2, 303 = (CIRB) 195, the 4th century BC)

A limestone plinth of Battas, son of Polydoxos from Chersonesos (Pantikapaion: (CIRB) 243, first half of the 3rd century BC).

All testimonies date back to either the 4th or the early 3rd century BC. The last one — a plinth, suggests that certain Battas had a statue in Pantikapaion, which in its turn allows us suggest that he could be an elite member.

Western shores. Olbia.

Private letter on a lead tablet (530–510 BC)².

This, one of the oldest inscriptions from Pantikapaion, confirms the exchange of a slave for debts. We have few testimonies of the Bosphoran presence in Olbia³. Most interesting are *tituli memoriales* of the three Bosporaneoi with full Roman names, dating back to the early 2nd century AD, the first half of the 2nd century AD and the Roman Imperial period. This evidence allowed M. I. Rostovtsev to formulate a hypothesis about Bosphoran protectorate over Olbia in that (Ростовцевъ. 1915. С. 12 слл.; Vinogradov. 1997. S. 344). Very interesting in broader sense is an inscription from the turn of the 2nd and 3rd centuries AD⁴. In addition, the evidence of relations between Olbia and Chersonesos (Vinogradov. 1997. S. 484–492) allows us conclude that

¹ This problem was partly covered in a paper (Vinogradov. 1987).

² Found probably near Pantikapaion: Vinogradov. 1998. P. 160–163, № 3 (photo, translation; SEG 48 (1998), 1024). Text: Ὁ παῖς: οὗτος / ἐ Βορυσθένεος / ἐπρήθη: ὄνομα: / αὐτῶι: Φαῦλλης, / πάντα: θέλομεν: / [χρη] ? ἀποδ[ό]σθαι and translation: This slave was exported for sale from Borysthenes, his name is Phaulles. We wish all (debts?) to be paid.

³ IOSPE I(2) 202, 203, 204.

⁴ IOSPE I(2) 40.

Olbiopolitae and Bosporanoi had intensive mutual relations. I am convinced that we may add the above named Bosporanoi in Olbia to the upper class, though in the Roman period.

Kallatis.

Funerary stele of Demophon, son of Gorgios from Kallatis (late 3rd — early 2nd century BC)¹.

Odessos.

Funerary stele of Diphilos, son of Mnesiphontos from Odessos (mid-4th — early 3rd century BC)².

Asia Minor. Southern shore. Amisossos.

Proxeny for an unknown one, son to Dionysios from Peiraios (Amisos) (344–310 BC)³.

Funerary stele of Sosias, son to Damaros from Amisos and Mania, wife of Sosias (300–250 BC)⁴.

Funerary stele of an unknown one from Amisossos (is dated back to the 3rd century BC)⁵.

Funerary stele with poetic epigram to Kleopatra, wife of Meniskos, citizen of Amisossos (1st century AD ?)⁶.

Funerary stele with poetic epitaph of Dindianos (1st — mid-2nd century AD)⁷.

There is a clear division too: three inscriptions date back to 4th and 3rd centuries BC and two — to 1st–2nd centuries AD. A proxeny in the first inscription suggests that Dionysios's son should have had close friends or relatives among the Bosporan elite. The two latter inscriptions, being poetic epitaphs, show that the deceased citizens from Amisossos had been ambitious, and most probably both reveal a trend for the elite in Bosphorus at the turn of the 1st and 2nd centuries AD. This is also an evidence of cultural influence from the Asia Minor centres upon the Bosporan cities in this period.

Sinope.

Funerary stele of Metrotimos from Sinope (4th century BC)⁸.

Fragment of a funerary stele with a poetic epigram of Pharnakes, son to Pharnakes a *paidotribes* (1st century BC)⁹ (a very instructive text).

¹ Pantikapaion: CIRB. № 252.

² Pantikapaion: IOSPE 2, 295 = CIRB. № 237.

³ Pantikapaion: IOSPE 2, 1; cf. IOSPE 4, add. P. 284 = CIRB. № 1.

⁴ Pantikapaion: IOSPE 2, P. 308, 286 (1) = CIRB. 249 (now missing).

⁵ Pantikapaion: CIRB. № 250.

⁶ Pantikapaion: IOSPE 2, 286 = CIRB. № 124.

⁷ Pantikapaion: Болтунова. 1973. P. 125–130 (photo); cf. BE (1974), 382; Merkelbach. 1976. S. 82; cf. SEG 26 (1976–77), 849. The Alybe may be identified with Amisossos.

⁸ Pantikapaion: CIRB. № 208 (now missing).

⁹ Pantikapaion: IOSPE 2, 299, add., P. 309 = K-W. P. 86. № 488, Pl. 34=CIRB. № 129.

Fragment of a funerary stele of Poplios Ignatios Onesiphoros, from Sinope (124 AD)¹.

Funerary stele of Tiberios Klaudios Menyllion from Sinope (3rd century AD)².

Only the second inscription gives us information about the profession of the deceased. He was a teacher and lived in the period of the Mithridatic wars. The unification of the Bosporan Kingdom with the Asiatic domains of Mithridates VI of Pontus boosted the influence of Greek centres from Asia Minor upon the Bosporan elites. As we may suppose, thanks to the above-cited inscriptions from Amisossos, this influence was still vivid in the subsequent two centuries.

Heraclea Pontica.

Funerary stele of Pyrrhos, son Eurynomos from Heraklea (4th century BC)³.

Funerary stele of unknown women from Heraklea (4th century BC)⁴.

Fragment of stele with an epitaph of Mikke, wife of Kokkos, daughter to Gokon from Heraklea (second half of the 4th century BC)⁵.

Fragment of a funerary stele for Myrsine from Heraklea (first half of the 3rd century BC)⁶.

A marble pedestal with a votive inscription of Julius Teleseinos Herakleotes (ca 250 AD)⁷.

Again, we may suppose that the epitaph of the third inscription suggests that Mikke and Kokkos have more cultural ambitions than others.

Amastris.

Fragment of a proxeny decree of Pairisades and his sons for Kromnita (4th century BC)⁸.

Funerary stele of Kronios, son to Poseidonios from Kromna (first half of the 4th century BC)⁹.

¹ Pantikapaion: IGrR 1. № 897 = CIRB. № 703 a.

² Pantikapaion: CIRB. № 733.

³ Nymphaion: CIRB. № 923.

⁴ Nymphaion: CIRB. № 925.

⁵ Gorgippia: IOSPE. 4. 444 = CIRB-album. № 1193 (photos of the stone (twice after Boltunova) and of estampage); Болтунова 1982. С. 66. №. 5; cf. SEG. 32. 1982. 791. Cf.: Robert. 1963. P. 136 (Herakleote in Gorgippia).

⁶ Pantikapaion: IOSPE 2, 289 (after own copy) = K-W. P. 5. № 26 = CIRB-album.

⁷ Pantikapaion: IOSPE 2, 289 (after own copy) = K-W. P. 5. № 26 = CIRB-album. № 246. Cf.: Vinogradov. 1997. S. 47 (mention as testimonium for trade contacts with Pontus).

⁸ Pantikapaion: IOSPE 2, 44, add. P. 292 = IGrR. 1. № 890 = CIRB. № 59.

⁹ Pantikapaion: Unpublished ?

⁹ Pantikapaion: OAK. 1880. C. 132. № 4 = IOSPE 2, 291 (after own copy) = K-W. P. 15. № 97 = CIRB. № 199, where Peiraeus is identified with Amastris.

Metrical epitaph of Heliodoros, son to Helios from Amastris (1st–2nd centuries AD)¹.

Funerary stele of Theon, son to Dionysios from Amastris (second half of the 1st century AD — first half of the 2nd century AD)².

A marble pedestal with votive inscription of Amastrians (221 AD)³.

Kromna existed until ca. 300 BC when together with Tios, Sesamos and Kotyora it joined the new community of Amastris in the process of synoikismos. Tios.

Stele of Severos, son to Socrates from Tios (130 AD)⁴.

Tertios Rufus, *naukleros* of Tios (200–250 AD)⁵.

As an aside, there is also a stele with an epitaph of Drosanis the Paphlagon, Leukon's mercenary (4th century BC)⁶.

Bosphorus. Chalkedon.

Fragment of a proxeny decree for the Chalcedonians (reign of Pairisades I, 344–310 BC)⁷.

Byzantion.

Fragment of a right corner of a votive base made by Teisias, son to Deloptichos from Byzantion (late 4th — early 3rd century BC)⁸.

Prusa.

Base with a votive inscription for King Rheskouporis (223 AD)⁹.

Aegean. Ionia. Colophon.

Altar of Pytharetos, son to Iolas from Colophon (first half of the 3rd century BC)¹⁰.

Islands. Chios.

Fragment of a proxeny decree for Chiotai (the second half of the 4th century BC) — supplement¹¹.

Funerary stele of Athenais from Chios (first half of the 4th century BC)¹².

¹ Pantikapaion, 1st–2nd century AD: CIRB. № 134.

² Pantikapaion: IOSPE 4, 285 = CIRB. № 610.

³ Pantikapaion: IOSPE 2, 42 = CIRB. № 54; F. Millar. SCI. 1996. 15. P. 167–173 (relation of the Bosphoran Kingdom with Rome honours for the Bosphoran king by Amastris; cf. SEG. 1996. 46. 920).

⁴ Pantikapaion: IOSPE 2. 301 = K-W. № 614. Tabl. 42 = CIRB. № 705.

⁵ Pantikapaion: CIRB. № 732.

⁶ Stele was found in Pantikapaion and is from the first half of the 4th century BC: IOSPE 2, 296 = CIRB-album. № 180; cf. Vinogradov. 1980. S. 91–92. Note 10; cf. SEG. 30 (1980). 981.

⁷ Pantikapaion: IOSPE 2, 2 = CIRB. № 2.

⁸ Pantikapaion: IOSPE 2, 21 = CIRB. № 17.

⁹ Pantikapaion: IOSPE 2, 43 = CIRB. № 55.

¹⁰ Pantikapaion: IOSPE 4, 401 = CIRB. № 248.

¹¹ Pantikapaion: IOSPE 2, 3 = CIRB. № 3.

¹² Pantikapaion: IOSPE 4, 403 = CIRB. № 155.

Funerary stele of Angelippos, son to Apollonides from Chios (4th century BC?)¹.

Mytilene.

Funerary stele of Diphilos, son to Nikodemos from Mytilene and Zopyra, wife of Diphilos from Mytilene (1st century BC?)².

Rhodes.

Fragment of a votive base of three Rhodians (the reign of Pairisados II, 284–245 C)³.

There we find confirmation of the main trend: most of the stones are dated to the early Hellenistic period and the remaining ones to the Roman period. The exception for Mytilene (1st century BC). In this city we also find evidence of its commercial contacts with Bosphorus in the 4th century BC⁴.

South-Eastern Mediterranean. Lykandos?

Funerary stele of Damas, son to Gaios, *strategos* of Tykandeiton (mid-1st century AD?)⁵.

It is a really hard case, but the military service has its own rules. Additionally, we also find evidence for Bosphoran in Caria (Smith. 1988. P. 55. № 5).

Crete.

Funerary stele of Diodotos, son to Aineas from Crete (ca. 50 AD)⁶: in Blavatskaya's opinion — a specialist, in Vinogradov's — a mercenary archer.

Cyprus.

Funerary stele of Aristokrates from Cyprus (late 4th — 3rd century BC)⁷ — working on grain imports to Athens?

The professions of the Greeks mentioned in those inscriptions show that this region was, for Bosphorus, a source of various specialists rather than commercial partners. The Cypriot case is, rightly in my opinion, interpreted by Vinogradov as a possible merchant importing grain to Athens. In other cases, the chronology is not as important as elsewhere.

Greece. Peloponnesus.

Stele with epitaph of Philoxenos from Helike (490–480 BC)⁸.

Stele of Pantias from Tegea (Leukon's I reign: 389–349 BC)⁹.

¹ Found westward of the Kuban River: IOSPE 2. 468 = CIRB. № 1233.

² Pantikapaion: IOSPE 2, 294 = CIRB. № 274.

³ Pantikapaion: IOSPE 2, 35 = CIRB. № 20.

⁴ IG XII, 2, 3, Taxes privileges for Leukon.

⁵ Pantikapaion: IOSPE 4, 297 = K-W. P. 107. № 613. Tabl. 42 = CIRB. № 382.

⁶ 1988 in Hermonassa: T. V. Blavatskaya, Acta Universitatis Wratislaviensis* = Antiquitas 1993. 18. P. 23–35*.

⁷ Pantikapaion: CIRB. № 236.

⁸ Gorgippia: Болтунова. 1986. С. 59–61 (photo); cf. SEG. 1986. 36. 718.

⁹ Phanagoria: Яйленко. 1986. С. 222–226 (drawing); cf. SEG. 1987. 37. 676.

Fragment of a votive (?) inscription made by a Mantinean (4th century BC), concerns *gymnasion* matters in Phanagoria¹.

Upper fragment of rectangular plate dedicated for Arcadians of Leukon (Leukon's I reign: 389–349 BC) — mercenaries or *koinon*?²

Cylindrical altar dedicated to Spartan Hecate (3rd century BC)³.

Funerary stele of Democharis, son to Nikasion from Eleia (3rd century BC)⁴.

A special case is the first inscription dated to the 5th century BC. All remaining inscriptions but one are dated to the 4th century BC — mostly for Leukon's I reign and most probably there were mercenaries. The last one, dating back to the 3rd century BC is a very interesting case of dedication to Spartan Hekate.

Summing up: the Peloponnesians probably had no commercial activity with Bosphorus, but served as soldiers of fortune or specialists of physical training.

Athens.

There is no evidence of the Athenians in Bosphorus except for the interpretation of the text about Peiraeus as not concerning Amissoi but the Athenian Peiraus. On the contrary, we have interesting evidence for the Bosphorans in Athens⁵. Vinogradov presented the hypothesis that some foreigners from other cities could, especially in the 4th century BC, work as merchants in trade between Athens and Bosphorus (Cypriot and Syracuse). Thanks to Athenian sources, we also recognise that, at the end of 5th century BC, Pontos meant *all* the Black Sea *poleis*⁶ or the Bosphoran Kingdom as the most important economical partner only⁷. The role of the Bosphoran Kingdom

¹ Phanagoria: ИАК. 1902. 3. С. 31. № 17 (after a description of Shkorpil) = CIRB. № 991 (erroneously is given p. 51 of *editio princeps*; CIRB-album: photo), cf. Блаватская. 1948. С. 82–83 (about *gymnasion* in Phanagoria).

² Pantikapaion: IOSPE 2, 4 = CIRB-album. № 37.

³ Pantikapaion: IOSPE 2, 23 = CIRB. № 22.

⁴ Gorgippia: CIRB. № 1194.

⁵ IG. II(2). 212, a famous honorary decree for Spartokos and Pairisades dated for 347 BC; four funerary stelae from the 4th century BC: IG. II(2). 8426, Εὐπορία Ἀνδροκοῦ Βοσπορανή; IG. II(2). 8429, Καλλιέως Θρασυμήδους Βοσπορίτης; SEG. 25. 272, [Υ]γεινέρω[τος] [Β]οσπορίτ[ης]; IG. II(2). 8431, [---]έου Βοσπορίτης; IG. II(2), 653: Honorary decree for Spartokos, 289 BC; three funerary stelae of the 2nd century BC: IG. II(2). 8424, Ἀγάθων Βοσπορείτης; IG. II(2). 8427, Ἡδεῖα Εὐπολέμου Βοσπορανή; IG. II(2). 8430, Νέων Σαρμάτης Βοσπορανό; IG. II(2). 8428, Funerary stele, Roman period, Ἡρακλέων Βοσπορανό; IG. II(2). 8425, Funerary stele, 2nd century AD, Ἀφροδισία Δημητρίου Βοσπορανή. IG. II(2). 903 = Syll. (3). 640 — decree in honour of an Athenian businessman exporting olives to Pontos and importing grain. Cf.: Gauthier. 1982. P. 275–290 (BE. 1984. 178; SEG. 32. 132).

⁶ Demosth., 35, 10, 20, 33–36.

⁷ Isocr. 17, 3, 5, 35; Demosth. 20, 31; Dein. 1, 43*.

in the ancient economy is well known and we have a large bibliography for this problem (Vinogradov 1997. S. 3. № 4).

The lack of evidence of Athenians in Bosphorus is, in the light of our historical knowledge, the most serious of faults in our testimonies. There is no another possibility as hard luck to explain this *lacuna*.

Egypt.

Nymphaion graffiti (middle of the 3rd century BC)¹.

Funerary stele of Metrodora, daughter of Aischrion, Libyan? (4th century BC)².

Western Greeks. Syracuse.

Funeral stele of Melas, son to Simos, Syracusan (400–350 BC)³ — working on grain imports to Athens?

The Libyan is my interpretation of the text: Μητροδώ[ρα] Αἰσχρώωνος, Λίβυος γυ[νή].

* * *

At first look we recognise that the majority of the testimonies date back to the 4th and 3rd centuries BC. Second in quantity are those from the Roman period. This agrees with our historical knowledge, but can prove nothing. We may speak, with all restrictions, only about tendencies.

Chronological order

6th century — 1

5th century — 1

4th century — 21

3rd century BC — 10

2nd century BC — 0

1st century BC — 2

1st century AD — 5

2nd century AD — 2

3rd century AD — 4

4th century AD — 0

Now we compare geographical layout. The Black Sea beat all others hands down. This is, again, no hard proof, although it seems to be logical and concurs with our knowledge. We should just recall the case of Athens to be sure that this evidence is not representative, though again — in those numbers we may see a certain tendency.

The first and maybe the last tendency that might be accepted by everyone is that our epigraphic sources show that representation of Black Sea citizens is especially significant in its southern shores. Another tendency, though in

¹ Nymphaion: SEG 36 (1986), 756. № 13; Яйленко. 1995. С. 230–271. № 13 (cf.: SEG. 1995. 45. № 997, 13); Vinogradov. 1999. P. 271–302.

² Pantikapaion: CIRB. № 206.

³ Pantikapaion: IOSPE. 2. 300 = K-W. P. 4. № 23 = CIRB. № 203.

this case with restrictions, is that the majority of Hellenistic inscriptions mention foreigners. Another period of activity may be dated back to the first two centuries AD, but in this case the political situation appears to be completely different.

Let us return to the decree from Olbia mentioned before: it was erected in honour of the benefactor of the city, Theokles, son to Satyros, who had also received golden crowns from all the nearby cities and states: Nikomedia, Nikaia, Heraklea, Byzantion, Amastris, Tianos, Prusa, Odessos, Tomis, Istria, Kallatis, Miletus, Kyzikos, Apameia, Chersonesos, Bosphorus, Tyras and Sinope¹. The institute of benefactors in Roman (and certainly in Hellenistic) time is well known. Benefactors were powerful and rich people with influence over a certain region. I would presuppose a hypothesis, especially in the light of above-presented material, that the set of cities mentioned in the inscriptions was perceived as a more or less compactable region. These cities are the first to be suspected in mutual connections in Hellenistic period, and it seems likely that their citizens used to visit each other. Though all these inscriptions concern Roman reality, we can also find similar inscriptions from the Hellenistic period. One example is a monument concerning the benefactor of the city, Satyros, son to Spartokos, identified by the scholars as the Bosphoran tyrant, along with his son Leukon I, who formed an alliance with Olbiopolitae against Theodosia, Chersonesos and Heraklea Pontica². Ironically, the controversy about the identity of the person favours my presumption in this specific case.

I propose to divide the trends into several chronological periods.

1. Archaic or colonisation period: 7th–6th centuries BC. During that period we see an intensive cultural influence of the mother-city (language, calendar, religion etc.), the Ionians and the Milesians playing the most important part.

2. Classical period: 5th century BC — 330 BC. The Milesians lost their role after the Ionian Revolt, and the Athenians replaced them, especially after the Pontic Expedition of Pericles in 437 BC³. The rise of Bosphoran Symmachia with Pantikapaion (Archaeonaktidae, Spartokidae). The consolidation of the Bosphoran state and major influence of Heraklea Pontica, which, together with Chersonesos, supported Theodosia.

3. The 2nd century is completely unrepresented.

4. The Mithridatic and Roman Period: 1st century BC — 3rd century AD. The growing influence of Asia Minor on Bosphoran elites. Bosphoran elites exploit the *pax Romana* for expansion through the entire Black Sea region.

¹ IOSPE. I(2). 41 in another inscription with similar information but fragmentarily preserved and without the name of the benefactor in question.

² Vinogradov. 1997. S. 515. The marble stele is dated back to 392–388 BC, after the reign of Satyros.

³ Plutarch, Pericles, 20.

This is, of course, only the first step and a preliminary hypothesis: the Black Sea (Pontos) since the 5th century and especially the 4th and 3rd centuries BC until the Byzantine period, built more or less united region with northern and western parts of Asia Minor, which must have influenced the Bosphoran elites.

About funerary stelae of immigrants from Asia Minor found in Bosphorus (Марти. 1928. С. 118–121; Марти 1934. С. 78–79; Гайдукевич. 1949. С. 235; Максимова. 1956. С. 351 (About the mentioned Pharnakes epitaph); Gardiner-Garden. 1986. P. 192–225; IOSPE. II. 5–8, 10/11, 343–347; IV 418/419).

Bibliography

- Т. В. Блаватская.* Надпись Агафа из Фанагории // ВДИ. 1948. № 4.
А. И. Болтунова. Надгробная эпитаграмма Диндиана // Studii Clasice. București, 1973. Т. 15.
А. И. Болтунова. Новые эпитафические материалы из Горгиипии // ВДИ. 1982. № 3.
А. И. Болтунова. Надписи Горгиипии (Из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1.
В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. Л., 1956.
Ю. Ю. Марти. Стихотворная эпитафия амастрийца Илиодора, сына Илиева // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2 (59).
Ю. Ю. Марти. Новые эпитафические памятники Боспора // Из истории Боспора. Л., 1934. — (ИГАИМК. Вып. 104).
М. И. Ростовцевъ. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 1915. Вып. 58.
В. П. Яйленко. Одна боспорская эпитафия // Проблемы античной культуры. М., 1986.
В. П. Яйленко. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщины в античном мире. М., 1995.
J. S Gardiner-Garden. Relations between the Bosphoran Kingdom and Neighbouring Peoples in the 4th century BC // Historia. 1986. 35.
Ph. Gauthier. Les villes athéniennes et un décret pour un commerçant // REG. 1982. 95.
R. Merkelbach. Epigramm aus Pantikapaion // ZPE. 1976. Bd. 20.
L. Robert. Noms indigènes dans l'Asie-Mineure gréco-romaine. Paris, 1963.
R. R. R. Smith. Simulacra Gentium: The Ethne from the Sebasteion at Aphrodisias // JRS. 1988. Vol. 78.
S. R. Tokhtas'ev. Thrakische Personennamen am Kimmerischen Bosphoros // Studia in Honorem Georgii Mihailov. Sofia, 1995.
J. G. Vinogradov. Die historische Entwicklung der Polis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5 Jh.v.Chr. // Chiron. 1980. Bd. 10.
J. G. Vinogradov. Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Acta Centri Historiae Terra Antiqua Balcanica. Trinovi, 1987. Vol. II.
J. G. Vinogradov. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, Philipp Von Zabern, 1997.

Yu. G. Vinogradov. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in Light of Private Lead Letters // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart, Steiner, 1998. — (Historia Einzelschriften. Bd. 121).

J. G. Vinogradov. Der Staatsbesuch der "Isis" im Bosporos // ACSS. 1999. Vol. 5. 2. P. 271–302.

Н. В. Молева

Боспорская элита в стихотворных надгробных надписях

Термин «элита» применительно к тому слою боспорского населения, который играл главную роль в политике и культуре, является слишком общим и нуждается в дифференциации. Тем более, что современное его понимание отличается от того, что существовало в Древней Греции.

Упомянув о «типологии элит», И. Е. Суриков уделил самое пристальное внимание первому типу — аристократической элите (*kaloï kagathoi*) — прекрасным и доблестным, самой развитой, самой образованной, военно и спортивно подготовленной части гражданского коллектива, обладавшей наиболее широким кругозором. Конечно, все они были представителями знатных родов (Суриков. 2009. С. 34, 51). Он выделил также признаки греческой аристократии, составляющие базу её власти:

- экономическое могущество и богатство;
- исключительное положение в религиозной жизни;
- занятие всех важных должностей в государстве;
- военный престиж;
- участие в панэллинских агонах, особенно в спортивных состязаниях (Суриков. 2000. С. 13–17). Если судить по памятникам боспорской эпиграфики, все эти признаки вполне подходят для выделения боспорской аристократической элиты, ведущей силы внешней и внутренней политики государства во все века его существования.

В трудах, посвящённых истории Боспора, термин «элита» встречается редко. У М. И. Ростовцева есть определение «полуиранской аристократии» (Ростовцев. 1918. С. 150–152). В. Ф. Гайдукевич пишет о знати землевладельческой, торговой, местной (варварской), как социальной опоре царской власти (Гайдукевич. 1955. С. 115). В. Д. Блаватский пользуется термином «местная знать», «социальные верхи Боспора» (Блаватский. 1964. С. 46–47, 63, 90, 202, 213). Во всех этих случаях име-

ются в виду приближённые боспорских царей, влияющие на политические события. А. А. Масленников, характеризуя верхушку боспорского общества, отмечает, что аристократия являлась самой влиятельной группой и включала в себя руководителей различных звеньев государственного аппарата. Причём, все без исключения должностные лица носили греческие имена, а во II–III вв. н. э. к ним присоединялись ещё и римские. В ряде случаев магистратуры могли переходить от отца к сыну (Масленников. 1990. С. 111–113). Ю. А. Виноградов, наряду с обозначениями «местная аристократия», «варварская аристократия» (Виноградов. 2009. С. 75, 77, 79) часто употребляет термины «элита Боспорского царства», «скифская элита», «варварская элита» (Виноградов. 2009. С. 62, 65).

В военной иерархии аристократия была представлена тяжёлой конницей (Масленников. 1990. С. 42). Изображения таких всадников часто встречаются на рельефных надгробиях (КБН–Альбом. 294, 491, 1238 и др. Табл. 3). А. А. Завойкин в своей монографии использует словосочетание «верхи боспорского общества» и «знатные роды», отмечая их большую роль в истории Боспора (Завойкин. 2013. С. 455, 457). Н. И. Сударев пишет о «верхушке населения городов» (Сударев. 2004. С. 218). В. А. Горончаровский акцентируя внимание на военной аристократии, служившей при дворе, называет её «элитным подразделением», выступавшим на войне как конный корпус (Горончаровский. 2003. С. 25).

Оставляя в стороне сложный вопрос об этнической принадлежности боспорской аристократии, заметим лишь, что М. И. Ростовцев считал, что основным составляющим её элементом был фракийский, а позже — сарматский (Ростовцев. 1918. С. 147–150). В. Д. Блаватский называл её «эллинизированной местной знатью», имевшей родство с синдо-меотскими родами (Блаватский. 1964. С. 73, 90). В. Ф. Гайдукевич отмечал, что богатые землевладельцы, жрецы, судохозяева состояли, в основном, из греков (Гайдукевич. 1949. С. 63). Ю. А. Виноградов пишет о «полуварварской элите» Боспора, для культуры которой типична выразительная военизированная окраска (Виноградов. 2007. С. 133).

Безусловно, несмотря на редкие случаи употребления термина «элита», высшие слои боспорского общества, по большей части сосредоточенные в Пантикапее, резко выделялись в среде боспорских граждан (*οἱ πολῖται*) или «боспоритов», подданных боспорских царей (Завойкин. 2013. С. 443, 448, 452). Не случайно многие эпитафии на надгробных памятниках (некоторые из ценного привозного мрамора) происходят из столицы. Такие надгробия были дорогими и доступными лишь людям, в руках которых скопились значительные богатства; кроме всего прочего они являлись жрецами всех крупных храмов (КБН — все посвященные надписи. Табл. 2). Являясь также профессиональ-

ными военными, они образовывали военно-религиозные братства аристократического характера — синоды (Блаватский. 1964. С. 213).

Элитарность этих слоёв боспорского общества достаточно полно отражена в самых различных источниках. Об этом свидетельствует, например, то, что погребения в курганах, склепах, саркофагах производились, в соответствии с греческими традициями, с палестрическим инвентарём; иногда — с кремацией покойных (Кунин, Кунина. 1962. С. 282, 286). Кстати, сам обряд кремации, как и наличие оружия в могилах, Н. И. Сударев, вслед за Е. Г. Кастанаян, считает характерной чертой погребального обряда греческой верхушки населения боспорских городов и отмечает сочетание таких признаков с палестрическими чертами (Кастанаян. 1959. С. 294; Сударев. 2004. С. 211; Сударев. 2005. С. 279–289). Им было подсчитано, что на территории европейского Боспора такие погребения составляют 10%. Вероятно, именно столько аристократии было в составе населения столицы и её окрестностей. Втрое меньше подобных захоронений отмечено на азиатской стороне (Сударев. 2004. С. 210).

Высокий общественный статус боспорской элиты отражён и в многочисленных эпиграфических источниках: посвятительных и почётных надписях, манумиссиях, надписях фиасов и строительных, списках имён победителей спортивных агонов (наиболее знаменит горгийский — КБН. 1137) и стихотворных эпитафиях. Последних известно более 40.

Создателями этих написанных элегическим дистихом поэтических произведений были местные стихотворцы. Все они являются единственными дошедшими до нас подлинными образцами поэтического творчества боспорян. В них воспеваются добродетели умерших. Именно «воспеваются», так как музыка часто сопровождала исполнение большинства стихотворных произведений, и поэты были одновременно и композиторами (Скржинская. 2009. С. 281).

В эпитафиях на памятниках мужчин указываются качества, присущие аристократии — воинам, доблестным защитникам Отечества. Так, к самым главным достоинствам мужчин и юношей относятся военная доблесть и слава на поле боя, честь, справедливость, верность, безукоризненная дружба. Они сравниваются с троянскими героями и, конечно, пребывают вместе с ними в загробном мире (КБН. 119, 131, 136, 1057). Особого упоминания заслуживают стихотворные надписи, подчеркивающие высокий общественный характер деятельности умерших. В числе их «Мастус, стяжавший почёт царей и сограждан» (КБН. 138), «Хариксен... почёт и добрую славу стяжав от царя и народа» (КБН. 140).

Однако, наиболее интересным с исторической и культурной точек зрения представляется то обстоятельство, что в боспорских эпитафиях нашёл отражение ещё один тип элиты — интеллектуальный. К нему отнесём поэтов, философов, писателей, учителей, музыкантов (сочинителей и выдающихся исполнителей музыкальных произведений). Именно

эти люди интеллигентных, как сейчас бы сказали, профессий часто не столь состоятельные (судя по известняковым надгробиям), оставили самые яркие впечатления о жизни и культуре Боспора, о его жителях. В своём духовном развитии они старались не отставать от метрополии и оставили после себя «живую память», «почётную славу» и книги для потомков. К сожалению, труды их не дошли до нашего времени. Однако ими активно пользовались греческие и римские писатели, в частности, Страбон, Диодор Сицилийский, Дион Кассий. Вероятно, и личные связи боспорских учёных с интеллектуальной элитой Греции могли быть весьма частыми и сложными (Завойкин. 2013. С. 455, 511–512). В письменных источниках сохранились некоторые их имена: философы Сфер Боспорский, Стратоник и Смикр, упоминаемые в эпитафиях (КБН. 145, 118), музыкант Исил, получивший образование на родине (Молева. 2005. С. 62). Стихи же боспорских поэтов дошли до нас в десятках сохранившихся эпитафий. Такого рода сочинения ведут свое начало от речей, произнесённых над могилами («ἔλι» — над, «τάφος» — погребение, могила); позднее основное содержание этой речи стали высекать на надгробиях (Федосеев, Кучеревская, Артеменко. 2013. С. 5).

О любви боспоритов к поэтическому творчеству свидетельствует факт существования не только спортивных, но и поэтических агонов. Известно граффито на чернолаковой солонке IV в. до н. э.: ΕΠΟΣ. ΝΙΚΗ ΓΥΓΗΝΤΟΣ ΚΑΙ ΠΑΤΑΙΚΟΥ. — Состязание в эпической поэзии. Победа Гигеса и Патайка. Очевидно агональный характер греческой культуры был присущ и Боспору (Блаватский. 1964. С. 93. Рис. 28). Судя по эпитафиям, их авторы были людьми хорошо образованными, владеющими законами жанра, знающими произведения своих знаменитых коллег (Магковская. 2000. С. 91). Несмотря на то, что такие стихи были заказными и не всегда безупречными по размеру, их авторы проявляли талант, выдумку, стремление быть оригинальными, избегали штампов. Имена их неизвестны. У эллинов отсутствие указаний на авторство стихов на надгробиях было правилом (Доватур. 1992. С. 12). Но творческая судьба этих авторов завидна: стихи, сочинённые 2,5–2 тысячи лет назад, звучат и в наше время. Все они рассчитаны на внимание читателя и долговременное существование. И такая читающая аудитория на боспорских некрополях была многочисленной (Панченко. 1992. С. 42). Не будем забывать, что древние греки регулярно и достаточно часто посещали некрополи в дни поминовения и похорон, прочитывая и оценивая надгробные стихотворные надписи (Молев, Молева. 2015. С. 39). В них называются такие человеческие достоинства как мудрость, образованность, любовь к наукам, добрый нрав. Как правило, в этих эпитафиях упоминаются Музы, покровительницы интеллектуальных занятий, которые оплакивают таких умерших (КБН. 118, 125, 146). Особое впечатление производят надписи в честь Стратоника, Смистра и Гекатея. Стратоник «причисленный к прежним великим людям... мудрость которого узнают

из его книг бесчисленные века» (КБН. 145. Табл. 1). Смикр дал согражданам «наилучший образ мыслей и учил на распутьях дорог» (КБН. 118). Гекатей «запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения» (КБН. 117) Д. В. Панченко считает, что эта надпись представляет собой концентрированное и цельное выражение жизненной позиции (Панченко. 1992. С. 30). В этих поэтических строках воспеваются не только талант, как божественный дар, поцелуй Муз, но и достигнутые успехи, а главное — красота человеческой души (Молева. 2005. С. 215).

Разумеется, выделяя отдельные фразы из эпитафий и давая им оценку, мы не должны забывать о целостности форм этих произведений. Кроме возвеличивания заслуг умерших в них отражено горе родных, поставивших надгробие «памяти ради» (ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ). Собственные чувства, заслуги живых родственников тоже подробно перечисляются (Молев, Молева. 2015. С. 40–42). Так в надписи в честь Аполлония, погибшего в бою с варварами, отмечена печаль его супруги, которая «стонет в слезах, восприняв неожиданную скорбь... всё полно горя» (КБН. 119), что хорошо оттеняет как мужество павшего героя, так и горе его вдовы (Гаврилов. 2005. С. 71). Заметим, что в стихотворных эпитафиях восхваление военной доблести, как правило, не соседствует с указанием на интеллектуальные таланты. Вероятно, эти категории боспорской элиты хотя и сосуществовали в одном обществе, но жили каждая своими интересами и ценностями.

Однако, именно представители интеллектуальной элиты Боспора, прежде всего, поэты и историки, увековечивали и военные подвиги, и научные достижения боспоритов, донесли до нас их духовный мир, чувства, эмоции, их веру, надежду, любовь. Ни один другой письменный источник не даёт такой информации.

Заканчивая наш краткий очерк, отметим ещё один вид элиты, который таковым (за редким исключением) в Греции не считался. Условно назовём его «творческой интеллигенцией» и отнесём к ней архитекторов, скульпторов, камнерезчиков, художников, торевтов. В отличие от искусств, вдохновлённых богами, они создавали свои шедевры собственными руками. Их считали ремесленниками (τεχῆται) и труд их часто оплачивался дорого. Будучи людьми обеспеченными, они не принадлежали к социальным верхам общества, а иногда не являлись и полноправными гражданами. Так, например, кораблестроитель Сис не удостоился патронимика на надгробном памятнике (КБН. 513). Но эти высокоталантливыми людьми были созданы пережившие многие века здания, фрески, скульптура и рельефы, передающие облик боспоритов, прекрасные ювелирные изделия. По их творениям мы можем судить о высокой степени развития культуры Боспора. Образы представителей боспорской аристократической (военной) и интеллектуальной элиты сохранились в их произведениях (Табл. 1–3).

Представители боспорской элиты на рельефных надгробиях первых вв. н. э.: 1 — КБН-Альбом. № 145; 2 — Иванова. 1961. Илл. 65; 3 — КБН-Альбом. № 1238

Литература

- В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964.
- Ю. А. Виноградов. Северное Причерноморье в условиях кризиса второй половины II в. до н. э. // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10.
- Ю. А. Виноградов. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. 2009. Т. XXII.
- А. К. Гаврилов. Боспорский воин Аполлоний и его поэт // Hyperboreus. 2005. Vol. 11, fasc. 1.
- В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. 1955. Т. I.
- В. А. Горнчаровский. Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб., М., 2003.
- А. И. Доватур. Проводы Феофилы (СIRB 130) // Этюды по истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- А. А. Завойкин. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь, Керчь, 2013.
- А. А. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. М., 1961.
- Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи боспорских городов в VI–IV вв. до н. э. и их местные особенности // МИА. 1959. № 69.
- В. Э. Кунин, Н. З. Кунина. Курганные погребения пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине Керчи // АИБ. 1962. Вып. 2.
- А. А. Масленников. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1990.
- Т. А. Матковская. Камень, изливающий немую скорбь. Керчь, 2000.
- Е. А. Молев, Н. В. Молева. МННМН ХΑΡΙΝ... Чья память была увековечена в боспорских надгробных эпитафиях? // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2015.
- Н. В. Молева. Музы и музыка на Боспоре // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- Д. В. Панченко. Эпитафия Гекатея (СIRB 121): конфессия, философский топос или выбор пути? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград, 1918.
- М. В. Скржинская. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев, 2009.
- Н. И. Сударев. Кремация на Боспоре в VI–II вв. до н. э. Типы и хронология // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.
- Н. И. Сударев. К вопросу об этнической принадлежности погребений с оружием из боспорских некрополей VI–III вв. до н. э. // Боспорские чтения. Керчь, 2005. Вып. VI.
- И. Е. Суриков. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000.
- И. Е. Суриков. Аристократия и демос. М., 2009.
- Н. Ф. Федосеев, Н. А. Кучеревская, Е. Д. Артеменко. Продвинулись звёзды... Керчь, 2013.

Е. А. Молев

Сопей и Сопейд. К истории боспорской политической элиты

Проблема формирования элит в греческих колониях разных регионов античной ойкумены неоднократно рассматривалась в научных трудах. Это касается и Боспорского государства. Представляется несомненным, что процесс этот имел много общего и, в частности, очевидным представляется факт возникновения элит из числа, прежде всего, первопоселенцев колоний (Фролов. 1988. С. 172). Однако, процесс политического развития каждого вновь основанного полиса имел и немало отличий, вызванных местоположением колонии, количеством первопоселенцев, варварским окружением, биоресурсами региона и т. д. Одним из важных отличий региона Керченского пролива стало объединение расположенных здесь колоний в единое государственное образование. Не подлежит сомнению важная роль в этом процессе политических элит. Но что представляли собой эти элиты, какие социальные слои их выдвигали и поддерживали? До сих пор, несмотря на многолетние исследования, по этому вопросу нет единства мнений среди боспороведов.

Разумеется, одной из причин этого является недостаточное количество источников и довольно большой разброс по времени их публикации в рамках собственно античной истории. Но кое-какие наблюдения о процессе формирования политической элиты Боспора в V в. до н. э. они всё-таки позволяют сделать. В данном сообщении мы рассмотрим информацию афинского оратора IV в. до н. э. Исократ, произнесённую в Трапезитской речи около 394 г. до н. э., об одном из представителей элиты Боспора Сопее и его сыне (Isocr., Trapez. 17 = Латышев. 1947. С. 302–303). Эта информация даёт нам следующие факты, позволяющие характеризовать политическую элиту Боспора того времени:

а) Сопей, который, *как знают все плавающие в Понте* (курсив мой. — Е. М.), так дружен с Сатиром, что начальствует над большой областью и имеет попечение о всех его владениях (17,3. Перевод здесь и далее В. В. Латышева).

б) Сатиру был сделан ложный донос, что и отец мой злоумышляет на его власть, и я вхожу в сношения с изгнанниками... он схватывает моего отца ... и вытребовать меня от вас (17,5).

в) отец мой освобождён и Сатир так раскаивается в своем поступке, что... сделал его власть ещё большею...и взял мою сестру в жёны своему сыну (17,11).

г) Сатир, выслушав нас обоих (раба Пасиона и Сопейда) не пожелал произвести суд... созвав судохозяев, просил их помочь мне... кроме того он написал письмо к здешним государственным властям...(17, 52).

д) Стоит также вспомнить и о Сатире и моём отце, которые постоянно ставят вас выше всех эллинов и уже часто, при недостатке хлеба, отсылали пустыми суда прочих купцов, а вам предоставляли вывоз, и в ваших частных коммерческих делах, которые им приходится разбирать, вы получаете не только должное, но даже и больше (17,57).

Из приведённых отрывков речи Исократы прежде всего отметим, как особенно важное для нашей темы замечание, что передаваемая им информация о Сопее хорошо известна «всем плавающим в Понт» (ὅι πλέοντες εἰς τὸν Πόντον ἄπαντες). Следовательно, мы можем не сомневаться в том, что политически активным афинянам уже в самом начале IV в. до н. э. политическая ситуация на Боспоре была достаточно хорошо известна. А судя по сообщению Лисия в речи в защиту Мантифея («отец отправил нас на жительство к Сатиру, правителю понтийскому, до поражения при Геллеспонте», т. е. до 405 г. до н. э. Lys., XVI, 4 = Латышев. 1947. С. 301), ещё ранее. Следовательно, у Исократы было достаточно информации, что бы дать объективную оценку роли Сопея на Боспоре.

Этому не противоречат и его политические симпатии, в частности отношение к единовластию (Борухович, Фролов. 1969. С. 200–220; Фролов. 1969. С. 3–20). Во всяком случае, характеризуя его взгляды, нельзя не согласиться с абсолютно справедливой оценкой их Э. Д. Фроловым: «Совершенно очевидно, что в выборе своих клиентов Исократ руководствовался совершенно иными симпатиями, чем, скажем, его современник Лисий, оратор безусловно демократической ориентации» (Фролов. 1984. С. 172).

Характеристика собственно Сопея вкладывается Исократом в уста его сына, имя которого не упоминается в речи. Это, конечно, не значит, что Исократ не имел никаких других источников информации о Сопее, но в данном случае важнее другое — он никак не комментирует то, что говорит Сопейд. А это, вероятнее всего, проистекает из того, что у него самого (Исократы), то, что говорит последний, не вызывало сомнений и тем более резкого неприятия. Попробуем же рассмотреть эту информацию с точки зрения общей оценки высшей боспорской элиты в начале IV в. до н. э., к которой, несомненно, принадлежал и наш герой.

Итак, Сопей характеризуется прежде всего как друг тирана Сатира I, который именно на этом основании (ὄυτως οἰκέϊως πρὸς Σάτιρον διακέϊμενον) управляет большой областью его государства и имеет попечение о всех его владениях. Таким образом, несомненно, что принадлежность к правящей элите Боспора в то время определялась близостью к правителю. Нам уже приходилось отмечать, что такой социальный ранг элиты, как друзья, характерен для политических систем более позднего, эллинистического времени (Молев. 1999. С. 9; Молев. 1997. С. 62). Однако, и в более раннее время характерной опорой власти тиранов были их

родственники и друзья. Причем, такое положение было характерно и для самой Греции (Фролов. 1972. С. 100, 138, 142), и для её колоний (Фролов. 1979. С. 108–115; Высокий. 2004. С. 45, 54, 92, 125, 182, 228).

Таким образом, есть основания считать Сопея одним из представителей аппарата управления, созданного Спартокидами, а может быть и ещё ранее, при Археанактидах (предлагаемая Ф. В. Шеловым-Коведяевым версия об Археанактидах, как просто «древних правителях», а не тиранах, потомках некоего Археанакта (см. Шелов-Коведяев, Толстиков. 2014. С. 452–479), представляется мне менее вероятной). Характеризуя эту социальную категорию у сицилийских тиранов, М. Ф. Высокий называет их тиранами-наместниками (Высокий. 2004. С. 94, 130, 204–206, 229, 231). То, что Сопей именно «правит (ἄρχειν) большой областью» позволяет думать, что его власть вполне могла быть сопоставима с властью сицилийских тиранов-наместников. Ещё более убеждает в этом продолжение фразы «имеет попечение о всех его владениях». Мне уже приходилось отмечать, что перевод этой фразы В. В. Латышевым не совсем точен (Молев. 1997. С. 69. Сн. 3). Слово «δυνάμεως» в ней из всех вариантов его значения в нашем случае более правильно будет воспринимать как «войско». Командование войском любой тиран обычно доверял своему ближайшему родственнику или соратнику, что в наибольшей степени гарантировало его безопасность. Такими были: в Фокиде — Ономарх при Филомеле (Diod., XVI, 31,5), Фаилл при Ономархе (Diod., XVI, 35,1); в Сицилии Полизел при Гиероне (Высокий. 2004. С. 212), Лептин, Феарид и Дион при Дионисии (Diod., XIV, 48, 4; XIV, 102, 3; Plut., Dion., 7, 2); в Сиционе Адей при Эвфроне (Xen., Hell., VII, 1, 45) и т. д.

Таким образом, и Сопей при Сатире I, вероятнее всего, получил определённую область в управление (так сказать, «в кормление») и должность стратега, командовавшего наёмным войском тирана. При таком положении он вполне мог составить заговор с целью захвата власти в свои руки, подобно тому, как это сделал в свое время отец Сатира I, хотя Сопейд, считает это ложным доносом. Но он пострадавшая сторона и это понятно. И здесь вот что любопытно — на этом его оправдание и заканчивается. В дальнейшем ни Исократ, ни его слушатели, ни даже обвиняемый в государственной измене Сопейд ничуть не отрицают возможности заговора против Сатира в принципе (Молев. 1997. С. 48).

Все отмеченные наблюдения в сочетании с тем, что изменения в государственном устройстве в древности происходили всегда очень медленно, позволяют сделать вывод, что процесс формирования политической элиты под властью тиранов Боспора начался уже при Археанактидах и Спарток I, вероятнее всего, занимал в государстве того времени пост, аналогичный посту Сопея при Сатире I, что и позволило ему совершить успешный государственный переворот в свою пользу.

И в этом нет ничего удивительного. Ещё Г. Берве отмечал нежелание знати подчиняться кому-либо из своего сословия и стремление аристократов самим стать тиранами (Берве. 1997. С. 236).

Литература

- Г. Берве. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997.
 В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов. Публицистическая деятельность Исократов // ВДИ. 1969. № 2.
 М. Ф. Высокий. История Сицилии в архаическую эпоху. СПб., 2004.
 В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2.
 Е. А. Молев. Сатир I Боспорский // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1999.
 Е. А. Молев. Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э. Учебное пособие. Н. Новгород, 1997.
 Э. Д. Фролов. Монархическая идея у Исократов // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 1. Л., 1969.
 Э. Д. Фролов. Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972.
 Э. Д. Фролов. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979.
 Э. Д. Фролов. Огни Диоскуров. Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984.
 Э. Д. Фролов. Рождение греческого полиса. Л., 1988.
 Ф. В. Шелов-Коведяев, В. П. Толстиков. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. (Из истории Пантикапея начала эпохи классики) // Древности Боспора. М., 2014. Т. 18.

М. Ю. Трейстер

Гарнитуры ювелирных украшений и сервизы из драгоценных металлов в погребальном обряде Боспора классического и раннеэллинистического времени

Гарнитуры ювелирных украшений или парюры (*parure de bijoux*) определяют как наборы, которые выполнены в едином стиле, имеют единое художественное решение, изготовлены из одинаковых материалов и вместе образуют единый ювелирный ансамбль. Термин «парюра» возникает в XVII в., когда такие наборы, включающие как минимум диадему, серьги, ожерелье, браслет и брошь, получают распространение в Европе. Расширенные варианты включали также перстень и пряжку, а большие наборы, включавшие до 15 предметов, надевались в особенно торжественных случаях. В то же время были распространены и полунборы (*demi-parure*), включавшие серьги и брошь.

До сих пор в общих работах, посвящённых античному ювелирному делу материалы обычно рассматривают по категориям находок, при этом не уделяя внимания сочетанию рассматриваемых произведений как комплексов находок. Такие понятия, как *jewelry set* или *Schmuckgarnitur*, просто не рассматриваются (см., например, Higgins. 1980; Deppert-Lippitz. 1985). Впрочем, А. Шварцмайер определяет как «Schmuckgarnitur» набор ювелирных украшений из женского погребения в склепе № 1 кургана Большая Близница, отмечая, что он «производит такое однородное впечатление, что его можно определить как гарнитур связанных между собой предметов, изготовленных в одной и той же мастерской» (Schwarzmaier. 1996. S. 116) около 340–330 гг. до н. э. (Schwarzmaier. 1996. S. 123). Подобным же образом как *Schmuckgarnitur* определяются и наборы украшений: из гробницы «3-й дамы» (в отечественной литературе принято обозначать её как «каменная гробница № 4») того же кургана, датированный началом III в. до н. э. (Schwarzmaier. 1996. S. 132, 135: «eine handwerklich einheitliche Garnitur») и феодосийской гробницы 1853 г. (Schwarzmaier. 1996. S. 123).

Если исходить из критериев определения «*parure*» в отношении античных ювелирных украшений, найденных на Боспоре, то очевидно, что в тех редких случаях, когда до нас дошли полностью погребальные комплексы с украшениями, датирующиеся последней четвертью V в. до н. э. — первой половиной IV в. до н. э., говорить о существовании в это время каких-либо выполненных из одних материалов и в одном стиле наборов не приходится. Устойчивым элементом женских украшений богатых погребений были золотые или бронзовые, обтянутые золотом, спиралевидные подвески (Силантьева. 1976. С. 123–137), которые могли дополняться ожерельями из золотых бус (Силантьева. 1979. С. 49–58), а также перстнями, иногда подвесками в виде львиных головок или серебряными браслетами (см., например, обзор находок в Фанагории XIX в.: Трейстер. 2015. С. 16–22). В менее богатых погребениях рассматриваемого времени на Боспоре золотые ювелирные украшения представлены лишь ожерельями из бус или бус с зерновидными подвесками (см., например, находки из некрополя Артющенко-2: Кашаев. 2010. С. 137–145).

В качестве примера богатого мужского погребения последней четверти V в. до н. э. укажем на погребение № 8 кургана № 17/1876 некрополя Нимфея, раскопанное А. Е. Люценко (Силантьева. 1959. С. 71–78. № 2. С. 105–106. № 114; Уильямс, Огден. 1995. С. 132–135. № 76–80; Kat. Bonn. 1997. S. 131–135, № 43–47; Калашник. 2014. С. 31), в котором было найдено ожерелье из пронизей в виде коробочек, украшенных спиральными завитками из зерни с филигранными розетками с заполнением лепестков из зелёной и синей эмали, с зерновидными подвесками (Силантьева. 1959. С. 71–78. № 2. Рис. 38, 1; Уильямс, Огден. 1995. С. 133. № 76; Kat. Bonn. 1997. S. 132–133. № 43; Калашник. 2014. С. 66–67),

8 золотых серег в форме калачика (Силантьева. 1959. С. 71–78. № 2. Рис. 38, 2; Уильямс, Огден. 1995. С. 134. № 77; Kat. Bonn. 1997. S. 133. № 44) и перстень с изображением летящей Ники на щитке (Силантьева, 1959. С. 71–78. № 2. Рис. 38, 3; Калашник. 2014. С. 64). Говорить о единстве стиля этих вещей не приходится.

Несколько выделяется на этом фоне набор украшений, найденный в женском погребении в плитовой могиле на северном склоне горы Митридат, открытой в 1854 г. А. Е. Люценко, включающий пару бронзовых спиралевидных серёг, обтянутых золотом, два ожерелья, в том числе с пронизями в виде розетт и цветков лотоса, с чередующимися зерновидными подвесками и подвесками в форме масок Ахелоя, а также из гладких бус и бус из шариков зерни и пары серебряных браслетов с золотыми окончаниями в форме головок львов и два золотых перстня с изображениями на щитках (Уильямс, Огден. 1995. С. 152–158. № 93–98; Kat. Bonn. 1997. S. 140–144. № 51–55; Калашник. 2014. С. 72–83). Основные находки из комплекса датируются в рамках 400–380 гг. до н. э. На этом фоне выделяются перстни, в том числе подписной — афинского мастера Атената, относящиеся ещё ко второй половине V в. до н. э., и, возможно, являвшиеся семейной реликвией (Уильямс, Огден. 1995. С. 158. № 97–98; Kat. Bonn. 1997. S. 143–144. № 54–55; Калашник. 2014. С. 74–77). То, что перстни из погребения относятся к более раннему времени, а среди остальных украшений лишь декор спиралевидных подвесок и браслетов (использование S-видных спиралей и калиброванной зерни и композитные материалы — бронза и золото; серебро и золото) сближает эти украшения, впрочем, не давая оснований утверждать, что они были изготовлены одновременно и в одной мастерской, — всё это не позволяет определять указанные украшения как единый ансамбль.

Впрочем, и в Греции в это время наборы ювелирных украшений были скромными и редко состояли больше чем из двух предметов (например, ожерелье и подвеска, происходящие предположительно из Акарнании: Уильямс, Огден. 1995. С. 54–55. № 7–8).

Начиная с эпохи Александра Македонского ситуация повсеместно меняется. Это касается как увеличения количества предметов, так и роскоши отделки. Можно говорить о том, что в это время также складывается определённый стандартный набор. В погребениях знатных женщин, таких как в склепе № 1 (Уильямс, Огден. 1995. С. 184–195. № 119–126; С. 267–269. № 202–203; Kat. Bonn. 1997. S. 185–195. № 85–91; Калашник. 2014. С. 156–177), в гробнице «3-й дамы» (Калашник. 2014. С. 150–151; 184–195) и каменной гробнице № 5 (Уильямс, Огден. 1995. С. 184–195. № 119–126; С. 267–269. № 202–203; Kat. Bonn. 1997. S. 199–202. № 99–101; Калашник. 2014. С. 148–153) кургана Большая Близница, они включают стленгиды, калаф, височные подвески (только в первой из них), ожерелья различных типов, в том числе с зерновидными подве-

сками и подвесками в форме буковых орешков, пектораль (только во второй из них), серьги в форме дисков с подвесками, браслеты с окончаниями в форме фигурок львиц или баранов (или спиральные с тисненными изображениями львов) и перстни.

Набор украшений из женского погребения Куль-Обы (Уильямс, Огден. 1995. С. 142–149. № 85–89; Калашник. 2014. С. 136–147), напротив, демонстрирует вторичное использование в переделанном виде височных подвесок с дисками с головой Афины Парфенос (Уильямс, Огден. 1995. С. 144–145. № 87; Калашник. 2014. С. 136–139) и явно выпадающих и по форме, и по стилю из набора пластинчатых браслетов с оттиснутыми по матрицам изображениями грифонов, терзающих оленей (Уильямс, Огден. 1995. С. 143. № 86; Калашник. 2014. С. 33, 146–147).

Идеальным примером «малого гарнитура» этого времени является набор украшений из женского погребения Старшего Трёхбратнего кургана (рис. 1). Особенности декора объединяют в одну группу пару браслетов (Трейстер. 2008. С. 117–119. Кат. 21 с лит. Табл. 62; 108; 109, слева), серьги (Трейстер. 2008. С. 112–113. Кат. 14 с лит. Табл. 57; 106; 109, в центре) и ожерелье с подвесками (Трейстер. 2008. С. 113–115. Кат. 15–18 с лит. Табл. 58–60; 107). Интересно, что при всей разномастности таких украшений, как браслеты и серьги, фризы ионийского киматия, украшенные эмалью на этих предметах, имеют практически одинаковые размеры. И для браслетов, и для серег, и для пронизей-розетт и подвесок ожерелья характерно использование вставок эмали синего и зелёного цвета в филигранных кастах из тонкой рубчатой проволоки. Вероятнее всего, эти украшения образовывали гарнитур, изготовленный в одной мастерской. Подобным образом вставки из эмали синего и зелёного цвета украшают височные подвески, серьги и ожерелья,

Рис. 1. Ювелирные украшения из гробницы № 1 Старшего Трёхбратнего кургана. Киев, МИДУ (фото М. Ю. Трейстера, 2004)

Рис. 2. Бронзовые и серебряные сосуды из погребения № 3 кургана на Зеленской горе. Государственный Эрмитаж (таблица составлена с использованием негативов Фотоархива ИИМК)

происходящие, преимущественно, из нескольких погребальных комплексов Боспора, в частности, Куль-Обы и гробницы I Большой Близницы. Вполне обоснованно предполагать изготовление гарнитур женских украшений из Старшего Трёхбратнего кургана в той же мастерской, в которой изготавливались упомянутые выше ожерелья с зерновидными подвесками, серьги и височные украшения с медальонами. Очевидно, что в подражание браслетам из гарнитура менее искусным мастером были изготовлены спиралевидные перстни с наконечниками в виде львиных протом (Трейстер. 2008. С. 119. Кат. 22 с лит. Табл. 58, 63, 1; 109, справа). Учитывая хронологию Куль-Обы и Большой Близницы есть веские основания датировать создание «трёхбратнего гарнитура» временем около 350–340 гг. до н. э. (Трейстер. 2008. С. 120–122).

Наиболее значительные памятники торевтики рассматриваемой эпохи из некрополей Таманского полуострова происходят из кургана на Зеленской горе. Восемь серебряных сосудов из погребения № 3 в Зеленском кургане, которое относят к началу III в. до н. э., — самая ранняя находка набора столового серебра в античных некрополях азиатской части Боспора (Трейстер. 2002. С. 180–186; Treister. 2003. P. 51–77; Трейстер. 2010. С. 547–548, 585. Прим. 139–141 с лит.). Богатство форм (лекиф класса Талькот, канфар, килик на низком поддоне и с высокими закрученными ручками, фиала, ситула, черпак, ситечко, формиск) (рис. 2) находит параллель с сериями сосудов из македонских гробниц в Вергине и Дервени. Большинство форм сосудов характерно для богатых македонских гробниц последней четверти IV в. до н. э. (Дервени, Паппа, Арзос, Потидея).

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что гарнитуры ювелирных украшений появляются на Боспоре в богатых погребениях не ранее середины — третьей четверти IV в. до н. э. Отсутствие находок более ранних наборов сосудов из драгоценных металлов в погребениях боспорской знати более раннего времени не позволяет проследить какие-либо закономерности. Однако обращает на себя внимание, что в неограбленных погребениях кургана Большая Близница, в которых явно были похоронены люди высокого социального статуса с гарнитурами ювелирных украшений высочайшего уровня, сосуды из драгоценных металлов найдены не были, как не были они найдены и в погребении «жрицы» из Старшего Трёхбратнего кургана.

Литература

- Ю. П. Калашиник. Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб., 2014.
 С. В. Кашаев. Золотые украшения из некрополя Артющенко-2 // Записки ИИМК РАН. 2010. Вып. 5.
 П. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. М.; Л., 1959 (МИА, № 69).

- П. Ф. Силантьева. Спиралевидные подвески Боспора. Л., 1976 (ТГЭ. Т. 17).
- П. Ф. Силантьева. Филигранные бусы классической эпохи из некрополей Боспора // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- М. Ю. Трейстер. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуашха (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н. э. // БФ. 2002.
- М. Ю. Трейстер. Изделия из бронзы, кости и украшения // Трёхбратние курганы. Курганный комплекс второй половины IV–III в. до н. э. в Восточном Крыму Симферополь, Бонн, 2008. — (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. 3).
- М. Ю. Трейстер. Ювелирное дело и торевтика // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. II.
- М. Ю. Трейстер. История находок золотых украшений в Фанагории во второй половине 19 — первой трети 20 в. // Золото Фанагории. М., 2015. — (Материалы по археологии и истории Фанагории. 2). М., 2015.
- Д. Уильямс, Дж. Огден. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н. э. СПб., 1995.
- B. Deppert-Lippitz. Griechischer Goldschmuck. Mainz, 1985.
- R. Higgins. Greek and Roman Jewellery. 2nd ed. London, 1980.
- Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bonn, 1997.
- A. Schwarzmaier. Die Gräber in der Großen Blizniza und ihre Datierung // JDI. 1996. Bd. 111.
- M. Treister. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow and Related Finds from Karagodeuashkh // AWE. 2003. Vol. 2. 1.

Д. В. Журавлёв, Е. Ю. Новикова

Золото Боспора и Херсонеса: комплексы с изделиями из драгоценных металлов в собрании Государственного Исторического музея¹

Ювелирные изделия и иные предметы из драгоценных металлов закономерно считаются одним из маркеров культуры древней элиты. Увы, далеко не все памятники, открытые за почти двухвековую историю археологических раскопок на юге России, известны даже специалистам — они печально, но терпеливо ожидают момента публикации в музейных хранилищах.

С начала XXI века ювелирные изделия из Северного Причерноморья стали предметом пристального изучения сразу нескольких коллективов исследователей. Попытка создания свода ювелирных изделий Северного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Ювелирное искусство Херсонеса Таврического IV в. до н. э. — IV в. н. э.: комплексное исследование (по материалам собрания Государственного исторического музея)» (№ 15-31-10168).

Причерноморья II в. до н. э. — II в. н. э. в трёх томах была предпринята недавно В. И. Мордвинцевой и М. Ю. Трейстером (Мордвинцева, Трейстер. 2007). Были изданы музейные каталоги ювелирных украшений из музеев Волгограда (Мордвинцева, Хабарова. 2006) и Краснодара (Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко. 2010), хотя там подавляющее большинство памятников представлено «варварскими», а не античными изделиями, а также альбом, посвященный золоту Горгииппии (Новичихин, Галут. 2013). Стоит выделить подробное монографическое исследование, посвящённое золоту Фанагории (Трейстер. 2015) и ряд статей М. Ю. Трейстера (см. например: Трейстер. 2010; 2014). Ряд ювелирных изделий из Северного Причерноморья также представлен в каталогах выставок, как отечественных, так и зарубежных.

Хорошо известно, что большую часть найденных в Северном Причерноморье древностей Императорская археологическая комиссия передавала в Императорский Эрмитаж, где и сосредоточены все лучшие «старые» находки греческого золота. К сожалению, далеко не все они опубликованы — даже всемирно известные комплексы Куль-Обы, Большой Близницы или херсонесского склепа 1012 изданы только частично. Что уж говорить о «рядовых» погребениях боспорской или херсонесской элиты, содержащих сравнительно немного изделий из драгоценных металлов... Великолепно изданный том «Греческое золото в собрании Эрмитажа» (Калашник. 2014), при всех своих достоинствах, к сожалению, не может в полной мере закрыть эту лауну. Важно, что в последние годы стали появляться качественные научные публикации материалов раскопок XIX в., подготовленные хранителями Эрмитажа совместно с исследователями из других научных организаций. Среди них выделим начавшуюся публикацию некрополя боспорской аристократии Юз-Оба (Бутягин, Виноградов. 2014) и издание комплекса погребения с золотой маской (Тайна золотой маски. 2009).

Государственный Исторический музей также не стоит в стороне от процесса введения в научный оборот своих коллекций. Недавно в Историческом музее при поддержке РГНФ был начат проект полного издания всей коллекции античных ювелирных украшений и прочих изделий из драгоценных металлов. Первый том этой серии, посвященный материалам из кургана Куль-Оба, а также имеющим паспорт «из Куль-Обы» (но в реальности происходящие из других памятников) был опубликован в 2014 г. (Журавлёв, Новикова, Шемаханская. 2014). В настоящее время авторский коллектив продолжает работу над следующими томами этой серии.

Боспор. Как хорошо известно, в XIX в. практически все найденные античные ювелирные изделия поступали в Эрмитаж. Тем не менее, в ГИМ оказались несколько комплексов, в своё время разделённых между Императорским Эрмитажем и Румянцевским музеем (коллекции

последнего были переданы в 1924 г. в Исторический музей). Приведём лишь один из них. В 1862 г. «при раскопках сплошной насыпи, окружающей большой курган, к западу от Керчи, возле хутора Баврова, открыт на глубине 11/2 сажени от её поверхности, каменный саркофаг, опущенный в материк. Саркофаг этот, покрытый одною огромною плитою и высеченный из цельного известкового камня, заключал в себя полустлепший деревянный гроб, с остовом, обращённым головой на восток. Череп покойника, лежавший на подушке из лавровых листьев, был украшен золотым венком, с оттиском на нём Медузиной головы. В прахе остова найдено: около шеи и на груди — 28 маленьких розеток и четыре круглые бляхи (на последних также оттиснуто изображение головы Медузы); выше кисти правой руки — гладкий браслет, на груди и ниже её, до колен — значительное число пластинок, шириною от 1 до 2 дюймов. 18 гладких бляшек, привешанных к цилиндрическим трубочкам, и одна бляшка без трубочки. 25 крупных бус с бордюрами по краям, и 8 пряжек или застёжек, с вытиснутыми на них узорами. Все эти вещи, сделанные из листового золота, служили по всей вероятности погребальным украшением одежды покойника, которая была вышита золотом и от которой уцелели только золотые нити. Кроме того, в гробу найдено: с правой стороны — длинный меч в железных ножнах, с рукоятью, от которой сохранился круглый халцедоновый камень, с золотой чашкою, украшенною 9 рубинами; короткий меч или кинжал, обращённый рукоятью к ногам остова; большой круглый янтарь, десять массивных серебряных пряжек от перевязи меча, обломки какой-то деревянной вещицы, с бронзовой оковкой и две большие круглые серебряные пряжки с ушками для ремней и остатками железных звеньев. Около кисти левой руки найдено 5 коралловых цилиндрических бус и каменная, круглая буса, зеленоватого цвета» (ОАК за 1862 г. С. XIV–XV).

Часть предметов из этого комплекса хранится ныне в Государственном Эрмитаже. Среди них погребальный венок, разнообразные бляшки, браслет, ожерелье с золотыми пронизьями, рукоять меча с золотой обкладкой, кусок янтаря и серебряные колесовидные псалии (ГЭ. ОАМ. П.1862.77 — П.1862.85)¹. Остальная же часть инвентаря — железные меч и кинжал с золотыми обкладками, многочисленные пластины из золотой фольги, серебряные пряжки и т. п. через Московский Публичный и Румянцевский музей поступила в Исторический музей (ГИМ 54746. Оп. Б-38) Предварительная датировка комплекса — III в. н. э.

Надеемся, что совместная публикация этого и других боспорских комплексов объединёнными усилиями исследователей из Эрмитажа и Исторического музея будет возможна уже в ближайшее время. В истории двух крупнейших музеев страны подобные удачные проекты

¹ Благодарим Д. Е. Чистова за информацию.

уже были — это, например, совместная публикация материалов элитного некрополя «Золотое кладбище» (Гущина, Засецкая. 1994) или памятников зубовско-воздвиженского типа из Прикубанья (Гущина, Засецкая. 1989).

В Историческом музее представлены отдельные ювелирные изделия из раскопок Ф. И. Гросса, К. Е. Думберга, Ю. А. Кулаковского, В. В. Шкорпила. Несмотря на, что этих вещей сравнительно немного, они представляют значительный интерес. Кроме того, из Керчи происходят значительные частные собрания (Е. Р. Запорожский, П. О. Бурачков), некогда приобретённые музеем, в которых присутствует много ювелирных украшений. Отметим, что с этой группой материала существует много проблем — мало того, что все они практически беспаспортны, но некоторые из них подверглись доделкам или были собраны из разновременных фрагментов. Существовали и иные источники поступления, но лишь некоторые из ювелирных изделий, в частности, комплекс из Анапы, переданный в ГИМ из КГБ СССР, были опубликованы специально (Журавлёв, Трейстер. 2005; Treister, Zhuravlev. 2006), небольшая часть фигурировала в каталогах выставок (Журавлёв, Новикова. 2002, 46–69), а большинство ещё только ожидает публикации.

Херсонес. Исторический музей обладает обширной коллекцией памятников ювелирного искусства из раскопок Херсонеса Таврического — более 500 разнообразных изделий из золота, серебра и камней античного периода. Начало коллекции было положено поступлениями из Археологической комиссии (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича). Так, например, в ГИМ были частично переданы золотые украшения из знаменитого пристенного склепа № 1013, а также несколько бляшек из склепа 1012 (основная коллекция хранится в Государственном Эрмитаже). В 1941 г. постановлением Наркомпроса РСФСР в Исторический музей была передана уникальная коллекция изделий из драгоценных металлов из Херсонесского музея, которая сегодня и составляет основу нашего собрания. В основном здесь представлены вещи из раскопок конца XIX — начала XX вв. — К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лёпера (см. подробнее: Журавлёв, Костромичев. 2016).

В 1956 г. в серии «Памятники культуры» была опубликована небольшая монография Н. В. Пятшышевой, посвящённая ювелирным изделиям Херсонеса, в которую вошли лучшие образцы из этой коллекции (Пятшышева. 1956). Сегодня, спустя более полувека с момента выхода этой работы, очевидно, что пришло время вновь обратиться к этой тематике. Н. В. Пятшышевой были опубликованы лишь лучшие образцы ювелирного искусства из Херсонеса, в то время как часть «рядового» материала в монографию просто не вошла. Полиграфическое качество издания оставляет желать лучшего: некачественные фотографии, отпечатанные на плохой бумаге, не дают возможности работы с вещами. Кроме того, в книге Н. В. Пятшышевой отсутствуют фотографии оборотной

стороны вещей и прорисовки, не говоря уже об информации о составе металла. В монографии допущен ряд неточностей и неправильных атрибуций.

Среди изделий из драгоценных металлов — нашивные бляшки различных типов, серьги, перстни, подвески, амулетницы, детали погребальных венков и диадем, монетные индикации и заготовки для них, и т. п. Подавляющее большинство ювелирных изделий относится к первым векам н. э., и лишь небольшая часть (например, урна № 53 из раскопок 1912 г.) — к эллинистическому времени.

Вопреки устоявшемуся мнению, большинство комплексов могил, раскопанных Р. Х. Лёпером, можно восстановить. С самого начала авторским коллективом было принято решение публиковать не только сами ювелирные изделия и иные предметы из драгметаллов, а все погребальные комплексы целиком, даже если в них обнаружено лишь несколько листиков золотой фольги. Для этой работы были объединены усилия хранителей Исторического музея (Д. В. Журавлёв, Е. Ю. Новикова) и Музея-заповедника Херсонес Таврический (Д. А. Костромичев). В проекте также участвуют сотрудники ГМИИ им. А.С.Пушкина (С. А. Коваленко) и ГОСНИИР (М. С. Шемаханская). Таким образом, задачей проекта является не только комплексное исследование коллекции ювелирных изделий, но и монографическая публикация инвентаря всех могил, содержащих драгметаллы, хранящегося сегодня в Москве и Севастополе, с привлечением всех доступных архивных данных. Представляется, что это наилучший вариант решения деликатной проблемы, когда комплексы оказались волею судьбы разделены между разными музеями.

Литература

- А. М. Бутягин, Ю. А. Виноградов. Курганы на мысе Ак-Бурун // Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Симферополь, Керчь, 2014. — (Боспорские исследования. Том II. Supplementum 13).
- И. И. Гуцина, И. П. Засецкая. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. — (Тр. ГИМ. Вып. 70).
- И. И. Гуцина, И. П. Засецкая. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- Ювелирные изделия // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. 30 мая — 15 августа 2002 г. М., 2002.
- Д. В. Журавлёв, Е. Ю. Новикова, М. С. Шемаханская. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. М., 2014. — (Труды ГИМ. Вып. 200).
- Д. В. Журавлёв, Д. А. Костромичев. Р. Х. Лёпер и его раскопки херсонесского некрополя // Боспор Киммерийский и варварский мир в период антич-

- ности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. — (XVII Боспорские чтения).
- Д. В. Журавлёв, М. Ю. Трейстер. Инвентарь богатого Горгиппийского (?) склепа II в. н. э. в собрании Государственного Исторического музея // ДБ. М. 2005. Вып. 8.
- Ю. П. Калашиник. Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб., 2014.
- В. И. Мордвинцева, М. Ю. Трейстер. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н. э. — 2 в. н. э. Симферополь, Бонн, 2007. Тома I—III.
- В. Мордвинцева, Н. Хабарова. Древнее золото Поволжья. Из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь, 2006.
- В. И. Мордвинцева, Е. А. Хачатурова, Т. В. Юрченко. Сокровища древней Кубани. Симферополь, Краснодар, 2010.
- А. М. Новичихин, О. В. Галут. Золото Горгиппии. Анапа-Краснодар, 2013. ОАК за 1862 г.— Отчёт Императорской археологической комиссии за 1862 г. СПб., 1863.
- Тайна золотой маски. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. Санкт-Петербург, 21 апреля — 3 сентября 2009 г. СПб., 2009.
- М. Ю. Трейстер. О хронологии некоторых погребальных комплексов из раскопок Д. В. Карейши и А. Б. Ашика 1834–1835 гг. // *Поль Дюбрюкс*. Собрание сочинений. СПб., 2010. Том I.
- М. Ю. Трейстер. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н. э. — V в. н. э. (генеzis и хронология основных типов) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). СПб., 2014.
- Золото Фанагории. Фанагория. Результаты археологического исследования. М., 2015. Т. 2.
- М. Yu. Treister, D. Zhuravlev. Grave-goods from a rich tomb in Gorgippia (?) dating from the 2nd century AD and now in the collection of the State Historical Museum (Moscow) // *ACSS*. 2006. Vol. 12. № 3–4.

Н. Л. Кучеревская

Боспорская скульптура — элитарное искусство или «ширпотреб»?

Принадлежность боспорской скульптуры к элитарному искусству определить возможно лишь условно. Скульптурные произведения из собрания Керченского лапидария принято делить на привозные и выполненные в ремесленных мастерских Боспора. Как известно, многие скульптуры классического или эллинистического времени, выполненные из мрамора, были привозными и изготовленными по заказу состоятельных боспорян в греческих полисах. Как правило, эти произведения были репликами известных скульптур, иногда представляли собой первоклассные копии, порой таких выдающихся скульпторов, как Пракситель

и Скопас. Особой популярностью в античном мире пользовались образы, стремящиеся к передаче недостижимого идеала и обладающие высокими эстетическими качествами. Эти произведения стоили очень дорого, поэтому приобрести их мог ограниченный круг потребителей, которых мы причисляем к элите. В боспорском обществе к элите принадлежали знать, землевладельцы и жрецы, выбиравшиеся из представителей высших сословий. Практически все мраморные скульптуры Европейского Боспора найдены на территории Пантикапея, где была сосредоточена верховная власть. В то же время, произведения античного искусства, — в частности, культовая, мемориальная, декоративная скульптура, — были предназначены для всего общества свободных граждан.

Исходя из круга заказчиков, относящихся к элите боспорского общества, к памятникам элитарной культуры можно отнести культовую скульптуру, изготовленную из мрамора. Самые ранние мраморные памятники лапидарной коллекции относятся к V–IV вв. до н. э., например, хранящиеся в Эрмитаже: посвященный рельеф с изображением богинь и мистов V в. до н. э. (Савостина. 2012. С. 83–89. Рис. 42–47), база с рельефными фигурами (ГЭ. Инв. № Пан.749) (Ашик. 1849. С. 53. Рис. 102; Максимова, Наливкина. 1955. С. 301. Рис. 5; Соколов. 1999. С. 61), статуя Диониса (ГЭ. Инв. № П.1865.37) (Марти. 1926. С. 14–15. Рис. 9; Waldhauer. 1931. S. 31. Abb. 31; Соколов. 1999. С. 38), голова Геракла (ГЭ. Инв. № П.1891.841) (Waldhauer. 1928. S. 82. Taf. XLIV, Abb. 76; Максимова, Наливкина. 1955. С. 302. Рис. 7; Соколов. 1999. С. 39); в ГМИИ им. А. С. Пушкина — голова богини Афины / Гекаты I в., копия с оригинала V в. до н. э. (Савостина. 2012. С. 177–178. Рис. 136); из лапидарного собрания — гермы Деметры (ВКИКМЗ. КЛ-799 — рис. 1, 1) (Античная скульптура. 2004. С. 74–75), Геракла (ВКИКМЗ. КЛ-147 — рис. 1, 2) (Античная скульптура. 2004. С. 73) и герма с посвящением Афродите Урании (ВКИКМЗ. КЛ-794) (Античная скульптура. 2004. С. 76–77).

Эллинистическая эпоха представлена мраморной скульптурой более полно: статуэтки Афродиты (ВКИКМЗ. КЛ-871 — рис. 1, 3) (Античная скульптура. 2004. С. 42–43), Асклепия (?) (ВКИКМЗ. КЛ-861 — рис. 1, 4) (Античная скульптура. 2004. С. 40), Диониса (ВКИКМЗ. КЛ-1177 — рис. 1, 5) (Античная скульптура. 2004. С. 46–47), Артемиды Босбатос (ВКИКМЗ. КЛ-49 — рис. 1, 6) (Савостина. 1997. С. 170–179; Античная скульптура. 2004. С. 38), торс поверженной амазонки (ВКИКМЗ. КЛ-1094 — рис. 1, 7) (Античная скульптура. 2004. С. 128–129), скорее всего, сделаны греческими мастерами и привезены на Боспор в эллинистическую эпоху — время оживлённых связей с Атикой и Малой Азией.

Впрочем, некоторые скульптуры вполне могут оказаться репликами классических образцов римского времени. Герма Деметры (ВКИКМЗ. КЛ-799) разными исследователями относится к IV в. до н. э. (Соколов.

1973. С. 62. № 49; Соколов. 1999. С. 62, № 49; Античная скульптура. 2004. С. 74, № 29), также не оспаривается её «копийное» происхождение (Иванова. 1951. С. 191–195). Также спорна датировка статуи-акротерия Ники, закаляющей быка (ВКИКМЗ. КЛ-798 — рис. 2, 8) (Античная скульптура. 2004. С. 52–53), определяемая в диапазоне IV в. до н. э. (Иванова. 1961. С. 36; Цветаева. 1963. С. 236) — II в. н. э. (Соколов. 1999. С. 359; Античная скульптура. 2004. С. 52, 53) и уточнённая Е. А. Савостиной — ок. 150 г. до н. э. (Савостина. 2012. С. 262).

Изображения правителей Боспора занимают в искусстве Боспора важное место и, поскольку передают известные и аристократические образы, а также изготавливались для правящей верхушки, вполне могут считаться образцами элитарного искусства.

Скульптура Митридата Пергамского из Пантикапея (Эрмитаж) характеризуется экспрессией, свойственной пергамской школе, обусловленной концепцией воплощения в портрете реального персонажа аллегорического образа Геракла, несущего свободу греческому миру (Савостина. 2012. С. 205). Портрет боспорского царя из Пантикапея (II–I вв. до н. э.), хранящийся в Эрмитаже, отличается несвойственной греческому искусству жёсткостью изображения, сочетающейся с традициями эллинистического портрета, базирующимися на работах Лисиппа («тип Александра») (Савостина. 2012. С. 191).

В первых веках н. э. в скульптуре «высокого» стиля прослеживается влияние римского портрета. «Портрет боспорянина» из Пантикапея (ВКИКМЗ. КЛ-614 — рис. 2, 9) и голова бородатого мужчины в горельефе (ВКИКМЗ. КЛ-1753 — рис. 2, 10) из Мирмекия, по мнению Г. И. Соколова, имеют сходство с римским императором Адрианом (Соколов. 1999. С. 366–367, 368; Античная скульптура. 2004. С. 80–81, 82).

Найденная в Анапе мраморная скульптура, известная как статуя Неокла (ГМИИ. П 1а 817), работы малоазийско-боспорского мастера, сочетает черты столичного и местного искусства (Блаватский. 1947. С. 97. Ил. 61; Кобылина. 1951. С. 173. Ил. 1; Максимова, Наливкина. 1955. С. 315–316. Ил. 295; Всеобщая история искусств. 1956. С. 359. Ил. 320; Кобылина. 1972. С. 12–13. Ил. XXI–XXII; Соколов. 1973. С. 158–159; Бритова 1975. С. 69. Ил. 116–117; Античная скульптура. 1987. С. 116–117. № 73; Акимова. 2011. № 153). Портрет правителя Горгииппии не является идеализированным героизированным образом, напротив — несёт этнические черты. Учитывая принадлежность модели (Неокла или иного знатного персонажа) к высшим слоям боспорского общества, мы позволим себе причислить скульптуру к кругу произведений элитарного искусства.

Отдельная группа памятников, которые можно отнести к элитарному искусству Боспора — посвященные рельефы, бывшие объектами всеобщего почитания, изготовленные боспорскими мастерами или

Рис. 1. 1 — Герма Деметры (КЛ — 799) IV в. до н. э.; 2 — Герма Геракла (КЛ — 147) IV в. до н. э.; 3 — Статуэтка Афродиты (КЛ — 871) II в. до н. э.; 4 — Статуэтка Асклепия (КЛ — 861) IV–III в. до н. э.; 5 — Статуэтка Диониса (КЛ — 1177) III в. до н. э.; 6 — Статуэтка Артемиды Босбатос (КЛ — 49) II в. до н. э.; 7 — Торс поверженной амазонки (КЛ — 1094) III–II в. до н. э.

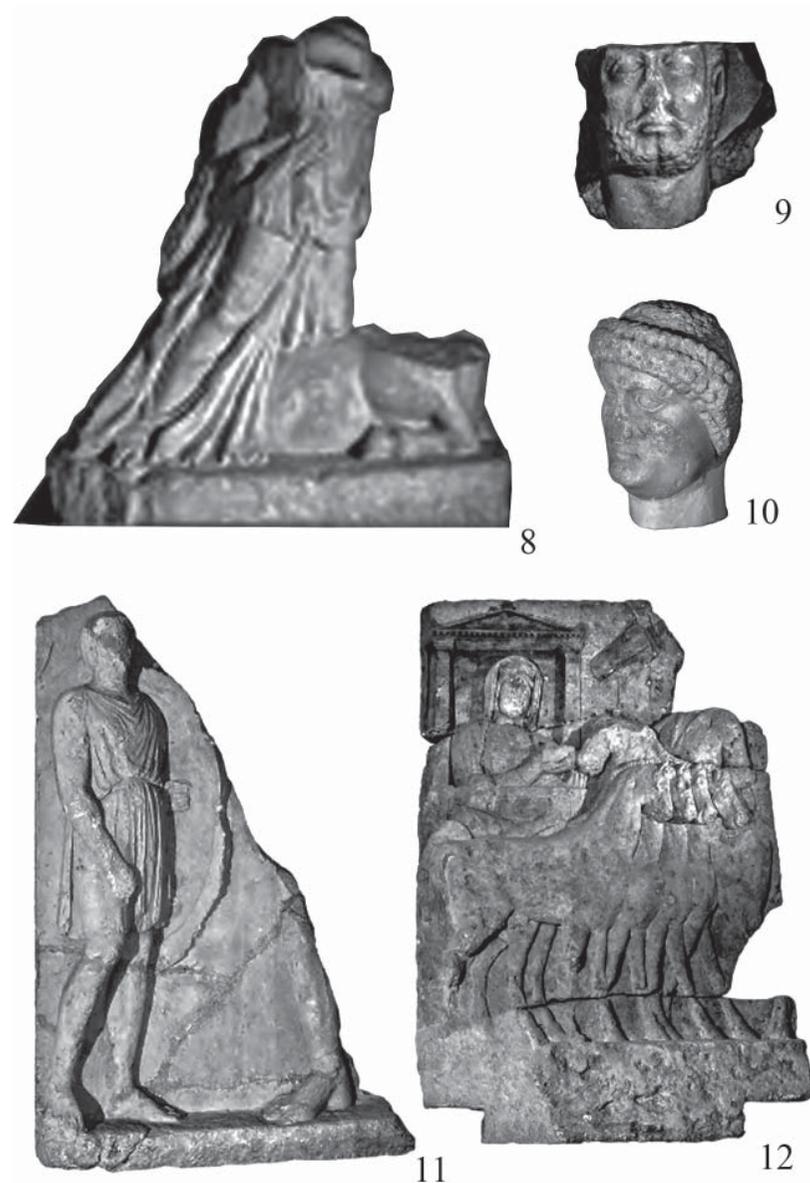

Рис. 2. 8 — Статуя-апотропей Ники, закалывающей быка (КЛ — 798) ок. 150 г. до н. э.; 9 — Портрет боспорянина (КЛ — 614) II в. н. э.; 10 — Рельефное изображение мужской головы (КЛ — 1733) II в. н. э.; 11 — Рельеф с изображением оруженосца-аспидофора и воина (КЛ — 822) V–IV в. до н. э.; 12 — Рельеф из курганной группы «Три брата» (КЛ — 1267) IV в. до н. э.

аттическими скульпторами, работавшими на Боспоре. Такой работой является стела конца V — первой половины IV в. до н. э. из местного известняка с изображением оруженосца-аспидофора и воина (ВКИКМЗ. КЛ-822 — рис. 2, 11) (Античная скульптура. 2004. С. 87). На стеле представлены элементы доспеха гоплита. Е. А. Савостина разглядела фрагмент почти полностью утраченного плюмажа шлема, что в античном искусстве служило символом воинской доблести (Савостина. 2012. С. 102–107). Вероятно, памятник был установлен над захоронением выдающегося воина, возможно, полководца в честь одержанной победы. Вероятно, стела была не просто надгробием, а выполняла функции объединения боспорян для защиты полиса.

Рельеф из курганной группы «Три брата» (ВКИКМЗ. КЛ-1267 — рис. 2, 12) — продукт боспорского искусства, испытавшего влияние вкусов местного варварского населения (Савостина. 1995. С. 110–119; Античная скульптура. 2004. С. 54–55; Савостина. 2012. С. 128–140). Манера исполнения и своеобразная композиция рельефа «не дотягивают» до права называться произведением элитарного искусства, однако его колоссальные размеры, свидетельствующие о значимости в религиозной жизни боспорцев и, возможно, о посвятельном характере этого памятника, ставят Трёхбратнюю стелу в ряд с вышеупомянутыми святынями.

К группе посвященных или памятных стел, несомненно, относятся и мраморные памятники Азиатского Боспора: фриз со сценой амазономахии (Савостина. 2001. С. 284–303), «Таманский рельеф» аттической работы (Савостина. 1999. С. 259–276; Савостина. 2012. С. 107–118), стела с изображением атакующего воина (Савостина. 2012. С. 119–121).

Посвященные рельефы были общегражданскими боспорскими святынями, поэтому, в силу особого их предназначения и почитания, они также могут быть причислены к элитарному искусству.

Изначально образцы высокого искусства создавались талантливыми художниками и несли в себе отпечаток экзистенциальной сути своих творцов. На протяжении хода истории каждый мастер вносил в повторение шедевра свое восприятие художественной действительности, немаловажную роль играли профессиональные умения, личные эстетические критерии, сложившиеся под влиянием окружающей среды. В становлении боспорского художественного стиля и иконографии сюжетов важную роль сыграли греческие художники, работавшие в городах Боспора. Боспорские мастера усвоили их методы изготовления скульптуры, иконографию и художественные приёмы, но вскоре их произведения адаптировались к художественным вкусам местного этнического общества. Готовые образцы подвергались изменениям в местных мастерских. Боспорское искусство поздеэллинистической и римской эпох носит декоративный и ремесленный — массовый — характер, порой условный и даже примитивный.

В результате творческой переработки античных образцов на Боспоре складывается собственный стиль. Появление различных направлений в искусстве в большой степени обусловлено экономическими и социальными причинами. Ранние памятники, условно относимые нами к серии т.н. «высокого» или элитарного искусства, были доступны лишь немногим состоятельным гражданам. Их высокая стоимость была обусловлена ценой на привозной мрамор и оплатой высококвалифицированного труда ремесленника.

Со временем традиция установки памятников (в основном, надгробных стел), свойственная поначалу привилегированной прослойке общества, переросла в моду. Стремление соответствовать красивой традиции, вне зависимости от благосостояния и социальной принадлежности, породило массовый спрос на изготовление ремесленных произведений. Массовое тиражирование привело к упрощению и удешевлению памятников. Профессиональная квалификация мастеров была не одинаковой, качество исполнения отдельных работ различно. Однако было бы неправильно объяснять условные черты боспорской скульптуры только неумением художника, в большинстве случаев они соответствовали содержанию. Значительное количество второстепенных памятников предназначалось для рядовых граждан боспорских городов. В них с наибольшей полнотой сказались вкусы основной массы свободного населения Боспора.

Литература

- А. И. Акимова. Статуя правителя Горгииппии из Анапы // Шедевры античного искусства из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. К 100-летию музея. Каталог. Боспор. М., 2011.
- Античная скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1987.
- Античная скульптура. Лапидарная коллекция. Киев, 2004.
- А. Ашик. Боспорское царство со его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1849. Ч. III.
- В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947.
- Н. Н. Бритова. Скульптурный портрет III в. н. э. // Римский скульптурный портрет. Очерки. М., 1975.
- Всеобщая история искусств. М., 1956. Т. I.
- А. П. Иванова. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора // СА. Вып. XV. 1951.
- М. М. Кобылина. Скульптура Боспора // МИА. 1951. № 19.
- М. М. Кобылина. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972.
- М. И. Максимова, М. А. Наливкина. Скульптура // АГСП. 1955. Т. 1.
- Ю. Ю. Марти. Сто лет Керченского музея: (исторический очерк). Керчь, 1926.
- Е. А. Савостина. Тема надгробной стелы из Трёхбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах. Армавир, Москва, 1995. № 1.

- Е. А. Савостина. Статуя в храм. Боспорская Артемида (?) // Введение в храм. М., 1997.
- Е. А. Савостина. Таманский рельеф в контексте традиций Боспора и Аттики // Таманский рельеф. М., 1999.
- Е. А. Савостина. «Боспорский стиль» и сюжеты Геродота в пластике Северного Причерноморья // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М., СПб., 2001.
- Е. А. Савостина. Царь Боспора. Скульптурный портрет в собрании Эрмитажа — проблема атрибуции // ДБ. М., 2011. Вып. 15.
- Е. А. Савостина. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь, Керчь, 2012.
- Г. И. Соколов. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л., 1973.
- Г. И. Соколов. Искусство Боспорского царства. М., 1999.
- О. Waldhauer. Die antiken Skulpturen der Ermitage. Berlin, Leipzig, 1928. Bd. I.
- О. Waldhauer. Die antiken Skulpturen der Ermitage. Berlin, Leipzig, 1931. Bd. II.

А. А. Трофимова

Царский портрет на Боспоре: хронология, типология, специфика

Царский портрет — особое направление эллинистического искусства, возникшее во второй половине IV — начале III в. до н. э., с появлением потребности в изображениях правителей новых государств. Портреты эллинистических царей восходят к образцу, который был задан изображениями Александра Македонского. Композиция и стиль портретной статуи воплощали энергию и харизматичность, властитель изображался с атрибутами героев и богов, символизирующими идеологию его правления. Хотя в различных регионах существовали вариации, в целом, в эпоху эллинизма царский образ был «поразительно сходным на огромной территории» (Smith. 1991. P. 24).

Исследуя историю портрета, можно смело утверждать, что, на фоне общей картины искусства античной периферии, Боспорский царский портрет был явлением исторически-целостным и глубоко своеобразным. Это своеобразие прослеживается в хронологии его развития, специфике образов, типологии, а также в той значительной роли, которую играл портрет правителя в обществе Боспора.

Как можно судить по находкам круглой скульптуры и надписей, доля портретов правителей, в соотношении с изображениями богов и декоративной пластикой, была достаточно большой. Очевидно, что основным материалом для статуй служила бронза, которая редко сохраняется до наших дней — вероятно, этим обстоятельством можно объяснить значительную разницу в количестве дошедших до нас скульп-

птур и постаментов. На месте древних Пантикапея, Фанагории, Гермонассы, Горгиппии, Танаиса и других поселений найдены многочисленные постаменты с надписями, предназначенные для почётных статуй архонтов и царей, наместников и высших должностных лиц (например, управляющего царским имуществом), знатных боспорян, римских императоров и членов их семей. Надписи содержат упоминания изображений Левкона, Спартока, Аспурга. Перисада, Митридата Пергамского. Митридата VI Евпатора, царицы Динамии, Тиберия Юлия Рескупорида, Тиберия Юлия Савромата, Реметалка, Августа, его супруги Ливии, Марка Аврелия, Веспасиана (КБН. № 20, 38, 40–44, 46–49, 52–56, 58–60, 953, 978, 979, 1046–1049, 1119–1121, 1240). Статуи правителям устанавливались по случаю побед, в знак благодарности за благодеяние и в качестве дипломатического дара; монументы воздвигались от имени полиса, городского совета, архонта, царя, храмовых служителей и частных лиц. Помимо статуй и фрагментов, насчитывающих, в общей сложности, около 50 предметов, на территории Боспорского царства найдены произведения мелкой пластики, восходящие к монументальным образцам. Свидетельством высокого уровня портретного искусства являются резные камни, обширная группа золотых и бронзовых перстней-печатей с профилями эллинистических царей и, безусловно, боспорские монеты. Монеты с портретами царей чеканились на протяжении длительного периода, с III в. до н. э. и до III в. н. э. Изображения на монетах отличались более высоким качеством, чем в чеканах других государств, портретные серии сохранялись до конца империи (Фролова. 1997; Smith. 1988. P. 99).

Существенным отличием истории Боспорского портрета является то, что на Боспоре изображение правителя появляется раньше, чем в большинстве регионов античного Средиземноморья. Первое извест-

Рис. 1. Бюст Митридата VI Евпатора. 30-е гг. до н. э. Общая высота 53 см. Мрамор белый, крупнозернистый с желтовато-сероватым оттенком. Найден в 1860 г. в Керчи. Поступил в 1860 г. из Императорской Археологической комиссии. Государственный Эрмитаж, инв. П.1860.20

ное изображение — колоссальный торс из коллекции Эрмитажа — датируется серединой IV в. до н. э. (Waldhauer. 1925. S. 51). Б. В. Фармаковский определил скульптуру как портретную статую одного из Спартокидов и предположил, что эрмитажная статуя была воздвигнута афинянами в Пантикапее в благодарность за боспорский хлеб (Фармаковский. 1927. С. 1133). Скульптурный тип Асклепия и колоссальные размеры торса говорят о том, что боспорских правителей уже на раннем этапе изображали в виде богов. Эта особенность согласуется с устойчивой традицией героизации, которая сохранилась на Боспоре до позднейших времен (Фармаковский. 1927. С. 1138). Типологической параллелью ранней дате возникновения портретов на Боспоре служат памятники из малоазийских государств, в частности, статуя Мавсола из Галикарнасса. В Галикарнассе, однако, это тип не имел дальнейшего развития, в то время как на Боспоре портреты правителя создавались в эпоху эллинизма и в римский период.

Вполне очевидно, что традиция воздвижения портретов боспорских правителей объясняется важной ролью царской власти в истории Боспора. Такая форма правления была оптимальной для греческих колонистов и соответствовала укладу местных жителей. Тесные контакты греков и местного населения, установившиеся в период греческой колонизации Северного Причерноморья, нашедшие выражение в экономических связях, культурном взаимодействии и религиозном синкретизме, стали основой развития региона. Подобный механизм взаимодействия, присущий обществам эллинистической эпохи, дал основание исследователям выдвинуть предположение о существовании особой исторической ситуации на Боспоре — «протоэллинизме» (Ростовцев. 1989. С. 195; Rostovtzev. 1954. P. 582–588; Блаватский. 1955. С. 109–115). Сейчас большинство историков относят время формирования эллинистической монархии на Боспоре — её экономических, политических и правовых институтов — к середине IV в. до н. э., тогда как непосредственной предшественницей этой политической формы принято считать режим тирании, сложившейся в середине V в. до н. э. (Сокольский. 1955. С. 119–204; Молев. 2013. С. 181–185; Лордкипанидзе. 1985; Сапрыкин. 2008. С. 214). Власть царя сохраняла свою экономическую и политическую актуальность до конца античного периода истории Боспорского государства.

Другой отличительной чертой искусства и культуры Боспора является сосуществование образов греческих правителей и варварских царей. Хотя в греко-скифского памятниках трудно провести черту между мифологическим и историческим, исследователи единодушны в предположении, что сцены из жизни скифов на произведениях торевтики изображают их правителей (Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991; Алексеев. 2003. С. 81–86). До нашего времени дошли скульптурные

находки, например, голова синдского царя из Фанагории, изображающая пожилого мужчину в башлыке и диадеме. Башлык нередко можно увидеть на головах скифов, киммерийцев, персов на изделиях боспорских торевтов и керченских вазах. Широкое плоское лицо мужчины напоминает местные этнические типы, известные на рельефных надгробиях. По стилистическим признакам голова датируется второй половиной IV в. до н. э. (Кобылина. 1962. С. 209–214), но скульптурный тип повторяет более архаичные образцы. Образ лишён патетики и динамизма, свойственной портретам эллинистических властителей. Сходную картину можно видеть в искусстве Парфии и Бактрии III–I вв. до н. э. — изображения представителей восточной элиты отличаются от эллинистических правителей по стилю, иконографии и атрибутам.

Следует отметить, что царский портрет на Боспоре не только появляется раньше, но сохраняется значительно дольше, чем в других регионах. В эпоху Римской империи, наряду со статуями императоров здесь продолжали воздвигаться памятники местным царям. Боспорские правители придерживались самостоятельного курса во внешней и внутренней политике; зримым воплощением их идеологии были монетные серии правителей Боспора, имеющие выраженный «независимый» стиль (Smith. 1989. P. 141–142; Фролова. 1997), а также скульптурные портреты Митридата VI Евпатора и боспорской царицы Динамии. Образ правителя Понтийской державы Митридата VI Евпатора, который вёл борьбу против Римской империи, имел значение для искусства всего эллинистического мира. Динамичная страстная манера представляет собой развитие «царского» стиля, основанного на иконографии Александра (Smith. 1988. P. 100, 141) — теперь, по сравнению с предшественниками, царь выглядит более «божественным». В контексте исследования особенно интересен найденный в Пантикапее бюст Митридата-Диониса с чертами Митры-Мена — скорее всего, фрагмент принадлежал массивной статуе, изображавшей царя восседающим на курульном кресле (Кобылина. 1951. С. 179; Савостина. 2012. С. 189). Как показала Е. А. Савостина, на голове Митридата, возможно, была надетая фригийская шапка (кирбасия) дополненная в бронзе, бронзовые локоны вставлялись в отверстия пышной шевелюры, увенчанной венком. Эти атрибуты, идеализированный характер скульптуры, её статичность и фронтальность, дают основания полагать, что статуя имела культовый характер. Совмещение образов правителя, греческого и иранских божеств, которое являет пантикапейский портрет Митридата, происходит органично и, по всей вероятности, отражает культовую практику почитания царя. Причудливую смесь традиций представляет собой ещё один памятник, относящийся к эпохе Августа — бронзовый бюст боспорской царицы. Эллинистический по духу, он исполнен восточной торжественности и символизма. Вместе с тем, это римский портрет,

Рис. 2. Бюст боспорской царицы — возможно, Динамии. 30^е годы н. э. Выс. бюста 25,8 см, выс. головы 13 см., выс. подставки 4,2 см, диам. подставки 15 см. Бронза с инкрустацией красной медью и серебром. Государственный Эрмитаж, инв. ПАН 1726 А (бюст), инв. ПАН 1726 Б (подставка). Найден близ Новороссийска, в 1898 г. Поступил в 1899 г.

Ахурамазда, Митра и один из предков Антиоха, Великий персидский царь. В настоящее время, однако, полагают, что «ахеменидский» стиль изображений вымышлен: фикцией является одяние, головной убор Дария и само родство с ним царя Антиоха, которого прославляет монумент (Smith. 1988. P. 101; Smith. 1991. P. 227). Аналогию типу местного правителя, а также художественной традиции, в которой исполнен бюст царицы, можно усмотреть в произведении позднего эллинизма — бронзовой статуе иранского сатрапа Шами (Smith. 1988. P. 101, 173, Pl. 57).

Суммируя, можно заключить, что органичное слияние эллинских, варварских и полувосточных элементов стало ключевым элементом в развитии царского портрета на Боспоре. В этом жанре индивидуальность Боспорского искусства проявилась чрезвычайно ярко. В портретах правителей достигалась большая свобода, чем в более консервативной иконографии греческих героев и богов. Поиск «идентичности» был характерен для боспорского портрета на протяжении его истории, ко-

передающий физические особенности модели и римскую прическу времени Агриппины Младшей. Как известно, определение портрета как Динамии обосновал М. И. Ростовцев (Ростовцев. 1916; Гайдукевич. 1955. С. 128; Gaidukevic. 1971. S. 337–338; Кобылина. 1972. С. 12; Sokolov. 1976. № 93; Сапрыкин. 2002. С. 96; возражения: Parlasca. 1979. S. 397; Молчанов. 1971. С. 101; Онайко. 1971. С. 73 сл.). Надетая на голове царицы фригийская шапка, покрытая изображением солнца, и профиль Митры воспроизводятся на понтийских монетах Митридата VI Евпатора. Понтийский герб Митридата появляется на статере Динамии, внучки Митридата, и других преемников. М. И. Ростовцев сопоставил головной убор с рельефами и статуями святилищ на террасах кургана Немруд Даг (на юго-востоке Турции). В подобной тиаре изображаются

торая продолжалась с середины IV в. до н. э. до III в. н. э. Более длительный чем где бы то ни было и очень интенсивный процесс взаимодействия греческой и местного мировосприятия, происходивший на территории Боспорского царства, привёл к появлению собственного стиля в скульптурных образах царей Боспора.

Литература

- А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурзин, Р. Ролле. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991.
- А. Ю. Алексеев. Гребень из кургана Солоха и скифские цари V–IV вв. до н. э. // АСГЭ. 2003. № 36.
- В. Д. Блаватский. Культура эллинизма // СА. 1955. XXII.
- В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- М. Ю. Вахтина. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- М. М. Кобылина. Скульптурный портрет из Фанагории // СА. 1962. № 3
- М. М. Кобылина. Скульптура Боспора // Пантикапей. М.; Л., 1951. — (МИА. № 19).
- М. М. Кобылина. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972.
- О. Д. Лордкипанидзе. «Эллинизм», «эллинистический мир», «Эллинистическая культура (трудности дефиниций) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.
- А. А. Молчанов. Искусство портрета на античном Боспоре (по нумизматическим материалам) // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1971. № 4.
- Е. А. Молев. Понтийское царство как наследник Ахеменидов // Иран и античный мир: политическое культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Казань, 2011.
- Е. А. Молев. «Прото-, просто- и постэллинизм» на Боспоре // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2013.
- О. Я. Неверов. Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея // СА. 1968. № 1.
- О. Я. Неверов. Митридат и Александр. К иконографии Митридата VI // СА. 1971. № 2.
- О. Я. Неверов. К иконографии Митридата Евпатора // СА. 1972. № 2.
- М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // «Древности». М., 1916. Т. XXV.
- М. И. Ростовцев. Государство и культура Боспорского царства. ВДИ. 1989. № 2.
- Е. А. Савостина. Элада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь, Керчь, 2012.
- С. Ю. Сапрыкин. Боспорское царство: от тиранов к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1.
- С. Ю. Сапрыкин. Понтийское царство. М., 1996.
- С. Ю. Сапрыкин. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- С. Ю. Сапрыкин. О хронологических границах эпохи эллинизма // История. Мир прошлого в современном освещении. М., 2008.
- Н. И. Сокольский. О периоде эллинизма в Северном Причерноморье // ВДИ. 1955. № 4.
- Б. В. Фармаковский. Боспорські Спартокіди в атенському різьбярстві // Етнографічний вісник Укр. Акад. наук. Ч. 3 / Ювілейний збірник на пошану

академіка Дмитра Йвановича Багалія з нагоди сімдесятої річниці життя та п'ядесятих роковин наукової діяльності. Київ, 1927.

H. A. Фролова. Монетное дело Боспора. М., 1997.

O. Waldhauer. Ancient Marbles in the Moscow Historical Museum // JHS. 1924. 44.

M. I. Rostovzeff. The Bosphoran Kingdom // Cambridge Ancient History. 1954.

R. R. R. Smith. Hellenistic Royal Portraits. Oxford, 1988.

R. R. R. Smith. Hellenistic Sculpture. London, 1991.

М. М. Чореф

Надчеканки на медных монетах архонта Асандра как источник исторической информации

Объектом нашего исследования стали контрамарки, встречающиеся на монетах этого северопонтийского государя. Речь идет об обозначениях «✱» (рис. 1, 1–5), «♣» (рис. 1, 6, 7) и «⚡» (рис. 1, 8–11). Первая из них весьма широко распространена. Она известна на оболах, обращавшихся в эпоху Асандра. В тоже время вторая и третья надчеканки крайне редки. Причём их оттискивали исключительно на тетрахаалках. До настоящего времени эти контрамарки «♣» и «⚡» не были описаны.

Полагаем, что заинтересовавшие нас надчеканки размещали в разные периоды времени в нескольких регионах Боспорского государства. В пользу этого предположения говорят, во-первых, прослеженные закономерности в размещении, и, во-вторых, использованный для их оформления символичный ряд. Дело в том, что в состав контрамарки «✱» входит хорошо узнаваемый дифферент «▲», впервые появившийся на боспорских монетах при Фарнаке II (63–47 гг. до н. э.), во время его похода в Понт (Чореф. 2012. С. 51–53), а знак «♣» отмечен как эмиссионный символ на статерах архонта Асандра (Чореф. 2014. С. 481–482). Что же касается вновь выявленной контрамарки «⚡», то, очевидно, что её не могли размещать на монетах в центрах, использовавших вышеперечисленные надчеканки. Ведь, как помним, её и «♣» оттискивали исключительно на тетрахаалках.

Основываясь на результатах проведенных исследований (Чореф. 2012а. С. 96–99; Чореф. 2012б. С. 105–112; Чореф. 2012с. С. 44–59; Чореф. 2012д. С. 171–200; Чореф. 2013а. С. 127–156; Чореф. 2013б. С. 24–29; Чореф. 2014. С. 456–487), допускаем, что заинтересовавшие нас надчеканки оттискивали на монетах при Полемоне I, но, в тоже время, не от его имени. Полагаем, что выявленную нами надчеканку с дифферентом «♣» выбивали на монетном дворе стратегии Диоскуриады. Датируем её первым выступлением жителей Боспора против Полемона I, т. е. 14 г. до н. э. Полагаем, что её выбор может быть объяснён популярностью

Рис. 1. Звездовидные надчеканки на монетах Боспорского государства второй половины I в. до н. э.: 1–3 — оболы архонта Асандра; 4 — обол Пантикапея; 5 — увеличенное изображение звездовидной надчеканки. 6, 7 — Тетрахаалки с надчеканкой «♣». 8–11 — Тетрахаалки с контрамаркой «⚡»

культы Геракла у жителей региона. Звездовидную контрамарку использовали на монетном дворе аспургиан. Она появилась на монетах в результате восстания в азиатской части Боспора, вызванного браком Полемона I с Пифодоридой, заключённого после смерти Динамии. Эту надчеканку начали оттискивать на монетах в 12 г. до н. э. Её использовали до момента гибели упомянутого римского ставленника. Монограмму « F », состоящую из символов «А», «Е» и «Т», разобранный нами на вновь выявленной надчеканке, также датируем 12 г. до н. э. Читаем в ней первые буквы имени и указание на должность вельможи — лидера восставших. Полагаем, что он управлял Танаисом и его округой.

Допускаем, что при Полемене I в восточной части Боспорского царства возникали региональные центры власти, неподконтрольные официальному Пантикапею. Они могли санкционировать контрамаркирование. Причиной тому стало не только субъективное стремление местных лидеров заявить о своем приходе к власти, но и объективное желание защитить местные рынки от монет эпохи Асандра, вытесняемых на окраины государства в результате выпуска обильных серий бронзы чекана Полемона I.

Судя по надчеканкам, восставшие в Диоскуриаде и в Танаисе продержались сравнительно недолго. Так, монеты с контрамаркой « F » крайне редки. Нечасто встречаются и бронзы с выбитой на них монограммой « F ». В то же время контрамарка « Ж » оттиснута на множестве оболков, обращавшихся в эпоху Асандра. Полагаем, что это обстоятельство свидетельствует о продолжительности периода деятельности использовавшего её эмиссионного центра, и, следовательно, длительности периода существования санкционировавшего надчеканки органа власти.

Считаю, что появление контрамарок свидетельствует о тяжести кризиса, поразившего Боспорское царство на рубеже н. э., вызванного грубым вмешательством Рима во внутренние дела этого государства.

Литература

- М. М. Чореф. К атрибуции звездовидных надчеканок на меди боспорского архонта Асандра // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартоск, 7 февраля 2014 года) Нижневартоский государственный университет, 2012а. Ч. I.
- М. М. Чореф. Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник // Stratum plus. 2012b. № 6.
- М. М. Чореф. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // НВБелГУ. 2012с. Т. 22. № 7 (126).
- М. М. Чореф. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах боспорского царства периода «скифских войн», как исторический источник // Stratum plus. 2012d. № 4.

- М. М. Чореф. Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики // Stratum plus. 2013а. № 6.
- М. М. Чореф. «Nomen est omen», или к истории Таврики рубежа н. э. // НВБелГУ. 2013b. Т. 26. № 8 (151).
- М. М. Чореф. К биографии Асандра: путь к престолу // МАИАСК. 2014. Вып. 6.

В. П. Толстиков

Архитектурно-планировочная среда Центрального района Пантикапея как источник по социально-политической истории Боспора¹

Начатые в 1972 году Боспорской (Пантикапейской) экспедицией Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина под руководством Ирины Дмитриевны Марченко и продолженные автором многолетние исследования на Западном плато Первого кресла Митридата и его северном склоне, позволили с той или иной степенью полноты воссоздать строительную историю этого весьма важного участка центрального района Пантикапея.

В предлагаемом исследовании я исхожу из методологического положения о том, что особенности структуры и характера застройки античного населённого центра содержат информацию, которая, наряду с другими категориями археологических материалов, может служить источником, фиксирующим не только этапы эволюции самого центра, но, при определённых условиях, и специфические черты его социально-политической истории.

Рассматриваемый участок территории Пантикапея расположен непосредственно к западу от скалы Первого кресла Митридата и включает Западное плато с его северным склоном (рис. 1). Здесь, на площади около 6000 м², в пределах трех раскопов: Центрального (Центр.); Центрального Северного (Ц.С.) и Центрального Эспланадного (Ц.Э.), открыты остатки последовательно сменявших друг друга монументальных архитектурных комплексов в широких хронологических рамках от последнего десятилетия VI до первой половины I в. до н. э.

Характеризуя специфику местоположения этих комплексов, отмечу, что они занимали один из самых удобных для застройки участков вершины Митридатова холма, поскольку территория, примыкающая с запада к подножию скалы Первого кресла, представляет собой довольно ровную и при этом хорошо защищённую площадку. Южный

¹ Доклад подготовлен при поддержке Гранта РГНФ №15-31-10142/16.

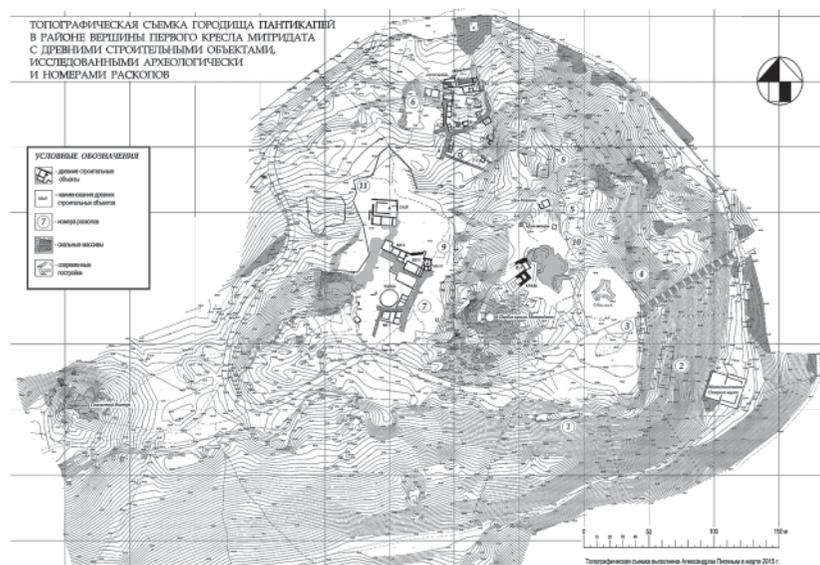

Рис. 1. Топографический план района первого кресла горы Митридат с древними с наименованием раскопов и древними строительными объектами: 1 — Раскоп Ю.Ю. Марти 1930 г. 2 — Раскоп «Над Старым музеем». 3 — Раскоп «У часовни Стемповского». 4 — Раскоп «У Обелиска». 5 — Раскоп «Верхний Митридатский». 6 — Раскоп «Новый Эспланадный». 7 — Раскоп «Центральный». 8 — Раскоп «Восточный». 9 — Раскоп «Центральный Северный». 10 — Раскоп «Новый Верхний Митридатский». 11 — Раскоп «Центральный Эспланадный»

склон Западного плато крут и даёт серьезные преимущества для обороны. С западной и северо-западной сторон плато ограничено мощными выходами материковой скалы. К настоящему времени открыт ещё один весьма значительный скальный массив, скрытый ранее под насыпями древних напластований и отвалами из «разрытий» XIX века.

Наличие в архитектурном ансамбле эллинистического времени монументального 12-метрового колодца свидетельствует о том, что на момент его сооружения, то есть, около середины IV в. до н. э., на западном плато существовал водоносный слой, залегавший на доступной глубине. Это обстоятельство, надо полагать, также имело определяющее значение.

Следует обратить внимание ещё и на то, что Западное плато в какой-то степени прикрыто самой вершиной Первого кресла от свирепых холодных норд-остов — преобладающего направления розы ветров в осенне-зимний период.

Особая функциональная роль, отводившаяся этому расположенному в центральном районе города участку, фиксируется наличием здесь

остатков двух крупных архитектурных ансамблей, существовавших, соответственно, в поздне-архаический — классический и эллинистический периоды истории Боспора Киммерийского.

Раскопками установлено, что Западное плато, первые признаки освоения которого в виде котлованов «землянок» и хозяйственных ям фиксируются археологически с третьей четверти VI столетия¹ (рис. 2), около 485–480 гг. до н. э., то есть в Фазе 2 Четвёртого строительного периода, с помощью линии укреплений было включено в пределы акрополя, первоначальная территория которого — ядро апойкии, ограничивалась Верхним плато Первого кресла Митридата и, быть может, небольшим участком, примыкавшим к нему с севера. Однако ещё ранее, между последним десятилетием VI и началом V в. до н. э., ещё в течение Фазы 1 указанного строительного периода, на Западном плато и прилегающем к нему участком северного склона, включённых отныне в границы обитаемой зоны (раскопы Центральный и Центральный Северный), возводится единый архитектурный ансамбль (рис. 3). Он включает многокамерные комплексы (МК) I–IV и толос, круглую в плане постройку диаметром 15 м, служившую функциональным и композиционным центром ансамбля². Не исключено, что это центральное здание общественного центра, сочетавшее сакральные и административные функции, служило в качестве раннего пританея — места совещаний полисных магистратов. Особый статус данного архитектурного комплекса подчёркивает, в частности, находка в МК I обломков уникальной керамической ванны для сакральных омовений, украшенной рельефными фризами в виде ов, лесбийского киматия, пальметт, а также сюжетным фризом, представляющим состязание колесниц-биги³. Выводы относительно функционального назначения этого строительного комплекса имеют особое значение для темы нашего исследования, поскольку фиксируют как общественный характер самого ансамбля, так и выраженный особый статус территории, отведённой для него.

Совершенно иной облик и функции имела синхронная застройка рассматриваемого периода на северном склоне Западного плато (раскоп Новый Эспланадный) (рис. 4). Здесь раскопаны остатки более двух десятков небольших по площади домов, располагавшихся на пологих

¹ Второй строительный период. Фазы 1–2, согласно уточненной периодизации. См.: Толстикова, Шелов-Коведяев. 2014. С. 482–486.

² Толстикова, Журавлёв, Ломтадзе. 2003. С. 307–350. Толстикова, Журавлёв, Ломтадзе. 2002. С. 43–49.

³ Ближайшая аналогия пантикапейской ванне происходит из раскопок Клазомен, где был обнаружен фрагмент стенки ванны с рельефными фризами: в верхнем фризе представлен Тритон с осьминогом в левой руке и дельфином в правой, в нижнем — колесницы-биги. (См.: Ctvizoglu. 2004. P. 192–193, Fig. 14; 15).

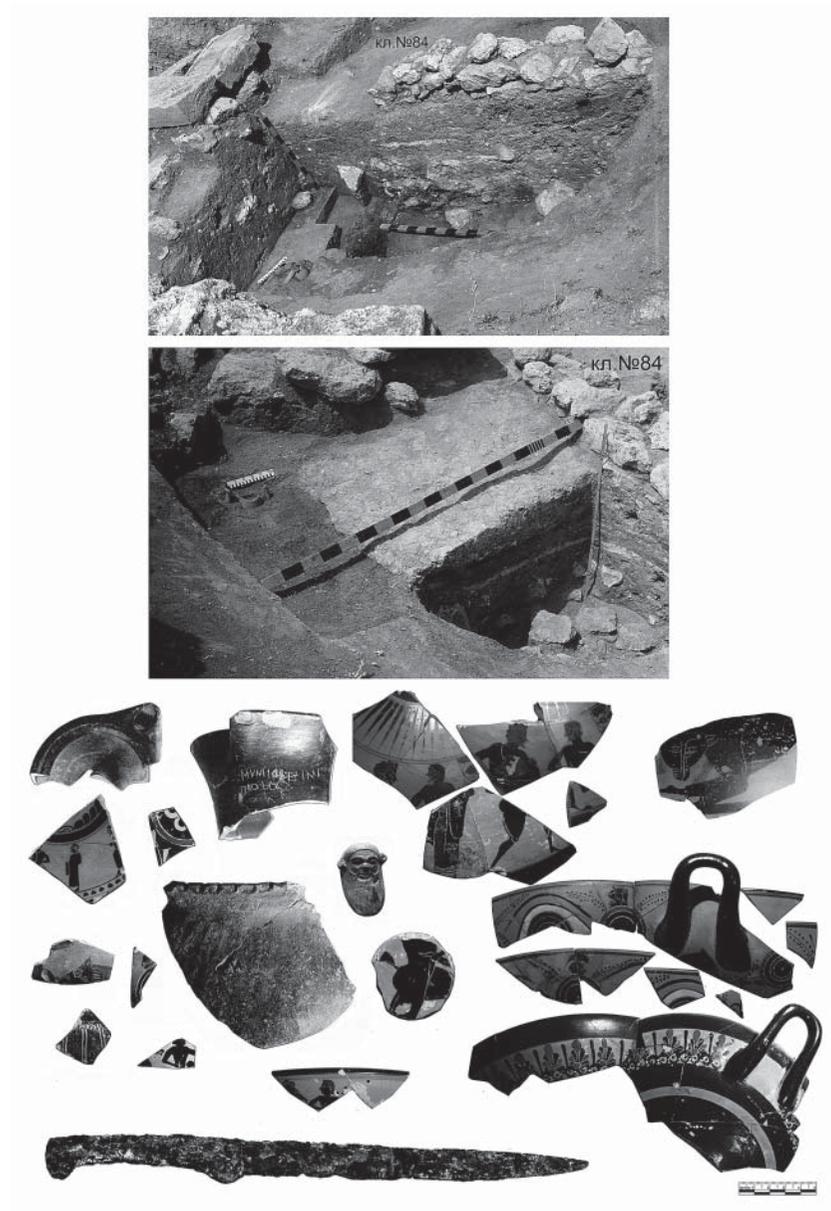

Рис. 2. Раскоп Центральный. Фото: котлован «землянки» № 1 и находки из «землянок» и хозяйственных ям 3-й четверти VI в. до н. э.

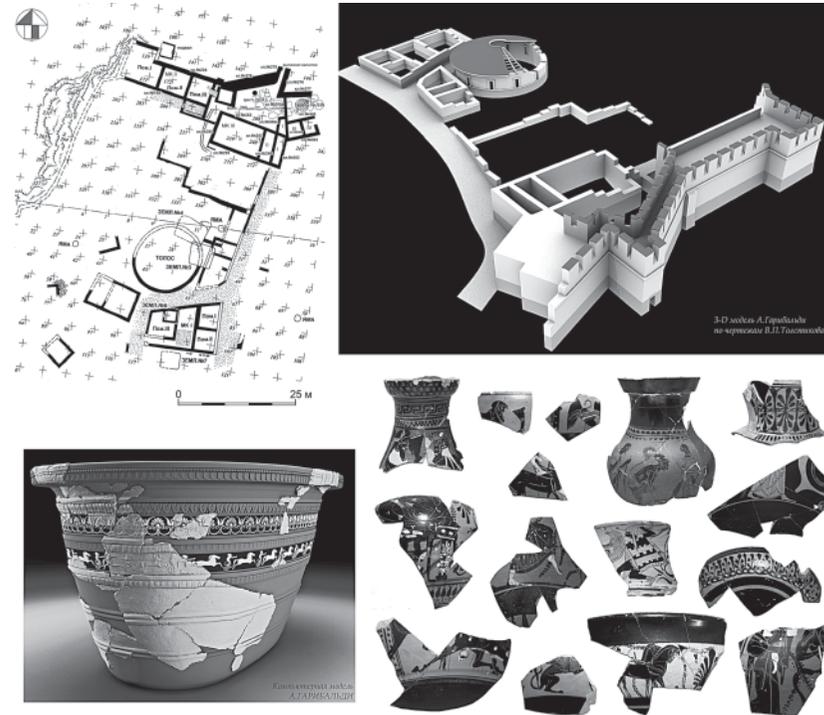

Рис. 3. Раскопы «Центральный», «Центральный Северный». 1 — Общий архитектурный ансамбль с толосом. Последняя четверть VI — первая четверть V вв. до н. э. План. 2 — Ансамбль с толосом. 3-D модель. Автор А. Гарибальди. 3 — Ванна для священных омовений из МК I. 3-D модель. Автор А. Гарибальди. 4 — Образцы керамики из слоя разрушения архитектурного ансамбля с толосом

уступах склона¹. Дома имели одно- и двухкамерную структуру и не блокировались в кварталы, но группировались вдоль двух параллельных улиц, шедших вниз по склону в направлении с юга на север и выведших к площади. Площадь была расположена на V террасе и имела заощение из крупных полигональных плит². Характеризуя этот участок городской застройки, следует отметить, что она имела явно выраженный рядовой характер, её планировка носила иррегулярный характер и не имела какого-либо функционально-композиционного центра, но была подчинена особенностям рельефа. Всё указывает на то, что эти постройки предназначались для обитания рядового населения Пантикапея.

¹ Марченко. 1968. С. 27–53. Марченко. 1984. С. 8–18.

² Марченко, 1984. С. 6.

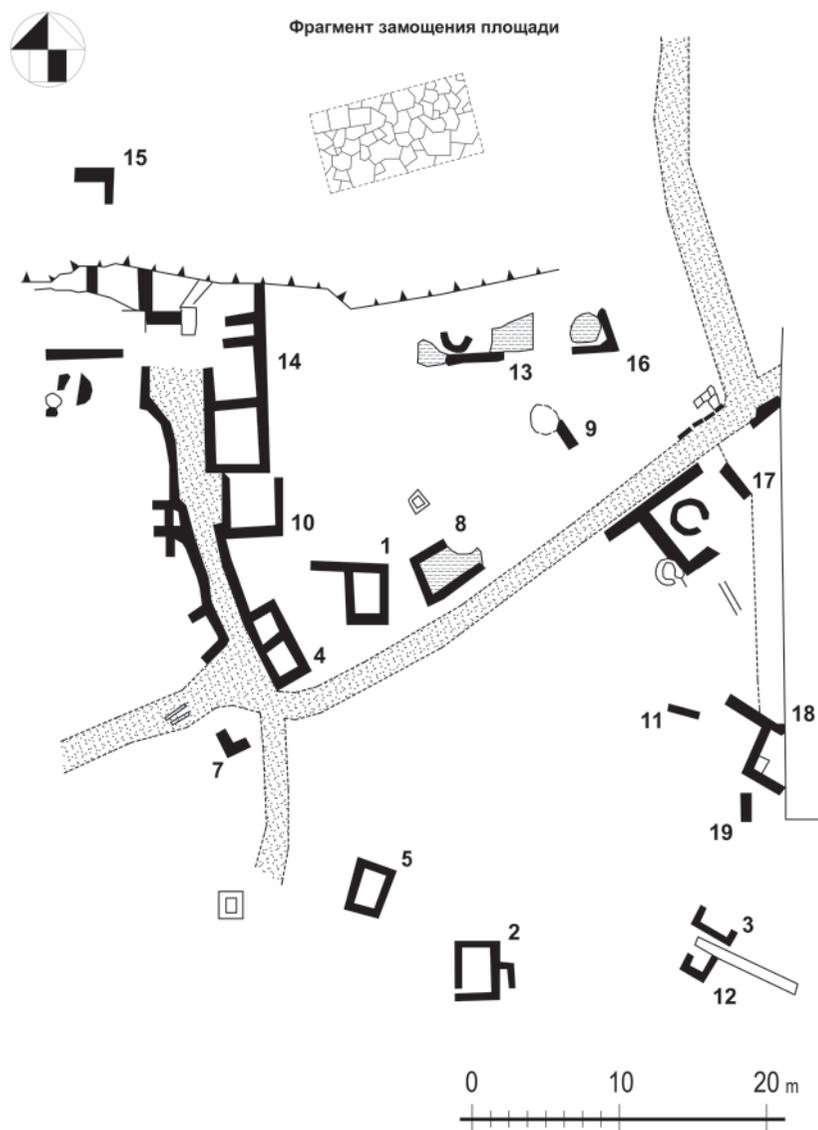

Рис. 4. Раскоп Новый Эспладный. Строительные объекты последней четверти VI — первой четверти V в. до н. э. План

Но вернёмся к Западному плато. Большой интерес представляет характер построек, предшествовавших сооружению ансамбля базилики, то есть относящихся к *Фазам 1–3 Шестого строительного периода*. В этот период, датируемый серединой V — серединой IV вв. до н. э., на Западном плато располагалось несколько весьма значительных зданий, и существовала достаточно развитая уличная сеть.

Первым в этом ряду, то есть относящимся к *фазе 1*, может быть названо прекрасно сохранившееся, облицованное каменными кладками подвальное помещение, площадью около 11 м² (рис. 5. «А»)¹. Площадь самого дома, обнаруженного в пределах квадратов 118–119; 136–137 Центрального раскопа, была значительно большей, однако плохая сохранность стен не позволяет судить о планировке и размерах этого здания. Ясно лишь, что оно было ориентировано по сторонам света. Материал из слоя заполнения подвала, включающий мендейскую амфору раннего типа и целый «сервиз» чернолаковой аттической керамики, светильников, а также краснофигурные сосуды надежно датирует время бытования дома между 450 и 425 гг. до н. э.

К фазе 2 могут быть отнесены остатки другого дома «Б», обнаруженные на квадратах 26; 45. Сохранился лишь юго-восточный угол этой постройки, ориентированной по оси северо-запад — юго-восток (рис. 5. Дом «Б»).

Большая юго-западная часть этого здания оказалась уничтожена при сооружении другого дома, который, таким образом может быть отнесен к *фазе 3* рассматриваемого строительного периода (рис. 5. Дом «В»). От этого дома, раскопанного в пределах квадратов 44; 63; 79; 80–81, сохранились почти полностью все цокольные кладки, сооружённые из тщательно отёсанных и уложенных с соблюдением рядности блоков. Он был, по-видимому, двухкамерным, прямоугольным в плане и, также как предыдущий, ориентирован углами по сторонам света. Общая площадь его составляла 45 м². Находки из слоя, заполнявшего помещение дома, указывают на то, что он также был возведён в третьей четверти V в. до н. э. Одной из наиболее показательных из них для датировки служит, например, верхняя часть краснофигурной ойнохои с изображением спящей менады и подкрадывающегося к ней сатира работы редкого мастера (The Methyse Painter, M-1360), созданная между 440–435 гг. до н. э.² По-видимому, дом продолжал существовать и в первой четверти следующего столетия.

К наиболее значительным зданиям, существовавшим в *фазе 3*, должен быть отнесён так называемый «Дом с андроном». Его остатки обнаружены в пределах квадратов 132–135; 151–152; 169–170 и 188 Центрального раскопа (рис. 5. «Дом с андроном»). Здание имело в плане

¹ Толстикова, Журавлёв, Ломтадзе. 2002. С. 260–285.

² CVA. Russia. Fasc. IV. P. 33, Pl. 29, 3–6.

**ЗАПАДНОЕ ПЛАТО
ПЕРВОГО КРЕСЛА МИТРИДАТА.
ПЛАН-СХЕМА СООРУЖЕНИЙ
КОНЦА 5 - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
4 ВВ. ДО Н.Э.**

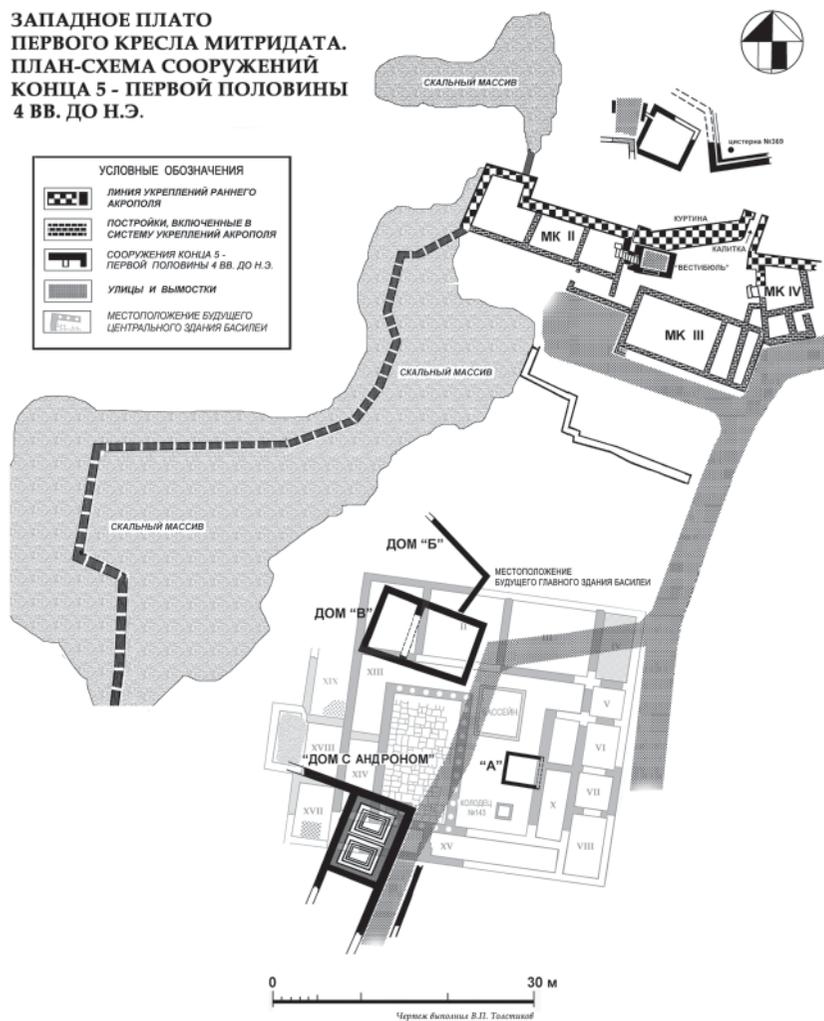

Рис. 5. Раскопы «Центральный», «Центральный Северный». Сооружения конца V — первой половины IV в. до н. э. План

прямоугольные очертания и также было ориентированного углами по сторонам света. От него сохранился отрезок кладки № 97 — внешней северной стены длиной 14 м. Кроме того, кладка № 129 — отрезок внешней, восточной стены, сохранившийся на длину 11 м, и кладка № 96 — внутренняя стена-перегородка, трасса которой прослеживается на длину 7,5 м. Юго-восточным фасадом дом был обращён к улице,

образованной двумя горизонтами покрытия: более ранним — плитовым и более поздним — из щебня и дроблёной керамики. Оба этих здания имели одинаковую ориентацию, соединялись одним отрезком уличной сети и входили в единую систему застройки.

Фундаменты внешних стен «Дома с андроном» имеют толщину до 0,9 м и сооружены из крупных и средних камней известняка без соблюдения рядности. Глубина их залегания достигает 1,2 м, а подошвы покоятся на материке. На фундаменты опираются цокольные зоны стен толщиной 0,6 м, имеющие трёхслойную конструкцию, причём внешние их панцири сложены из крупных тесаных блоков с соблюдением рядности. Собственно стены толщиной 0,5 м были возведены из небольших, тщательно отёсанных и регулярно уложенных прямоугольных блоков.

В углу — северо-восточном помещении дома пол был оформлен мозаичным покрытием из морской гальки на белом цемянковом растворе. Орнамент представлял собой систему вписанных один в другой квадратов из гальки темных тонов по светлому фону. По периметру пола, с трёх сторон: с западной, северной и восточной, шел кант шириной 0,85 м из бордовой штукатурки. С южной стороны кант отсутствовал, но продолжалось светлое мозаичное покрытие (рис. 6). Такая композиция указывает, на то, что этот орнаментальный мотив размещался не в центре помещения, а был образован, по-видимому, двумя анало-

Рис. 6. Раскоп «Центральный». Здание с андроном. Фрагмент мозаичного пола с бордюром для размещения лож-клин. Фото В. П. Толстикова

гичными орнаментальными блоками, второй из которых находился в несохранившейся части пола помещения. Очевидно, что мы имеем дело с андроном — залом для мужских пиров-симпосиев. Бордюры вдоль стен фиксировали места расположения лож-клин, на которых возлежали пирующие. Общая площадь зала составляла около 48 м². С северо-западной и юго-западной сторон от андрона фиксируются остатки ещё, как минимум, трёх смежных помещений.

Напомню, что это до сих пор единственная в Пантикапее находка постройки с надёжно определяемым помещением такого функционального назначения. Местоположение на Западном плато, монументальность, тщательность постройки здания и наличие андрона определённо выделяют его из ряда обычных жилых и хозяйственных строений. Есть основания полагать, что в оформлении здания были использованы накладные керамические плиты с рельефным декором в виде фризов ов и жемчужника, а также применён ионический ордер. На это указывают находки трёх известняковых баз колонн, которые могут быть отнесены именно к этому дому. Базы различаются по размерам, но однотипны и состоят из двух элементов — турса и плинта, вытесанных из единого блока известняка с тщательно обработанными поверхностями (рис. 7)¹. Все три базы были обнаружены во вторичном использовании, в различных пунктах фундаментов центрального здания базилики, возведённой на этом месте в следующий *Седьмой строительный период*.

Исследование баз рассматриваемого типа обнаруживает одну закономерность: большинство аналогий (как самих этих ордерных деталей, так и их изображений) происходит либо из островного региона Эгеиды, либо из «варварских» областей Передней Азии, пограничных с греческим миром и находившихся в орбите эллинских влияний. Так, например, фрагмент известнякового турса, близкий по форме и размерам пантикапейским деталям, найден при раскопках в Амафонте на Кипре². Он датируется серединой — 2-й половиной V столетия. Два аналогичных мраморных турса архаического времени происходят из пропилона ионического ордера в Алики на Фасосе³. Завершают эту далеко не полную выборку находки из Арсамеи в Коммагене. Здесь,

¹ Толстикова, Ломтадзе, 2001. С. 431. Прим. 7. Две базы (место находки: квадрат 137, в кладке № 98; квадраты 169–170 в кладке № 141) имели следующие параметры: размеры плинтос — 0,63 × 0,63 м при высоте 0,18 м, турсус — диаметр максимальный 0,63 м, диаметр верхней плоскости (равный нижнему диаметру колонны) — 0,54 м; общая высота баз — 0,35 м. Третья база (место находки: квадрат 188 в кладке № 141а): размеры плинта — 0,56 × 0,56 м при высоте 0,126 м, турсус — диаметр максимальный 0,56 м, диаметр верхней плоскости — 0,48 м, общая высота базы — 0,27 м.

² BCH. 1990. 114. P. 1006. Fig. 28.

³ Daux. 1962. P. 952. Fig. 16; P. 954. Fig. 21.

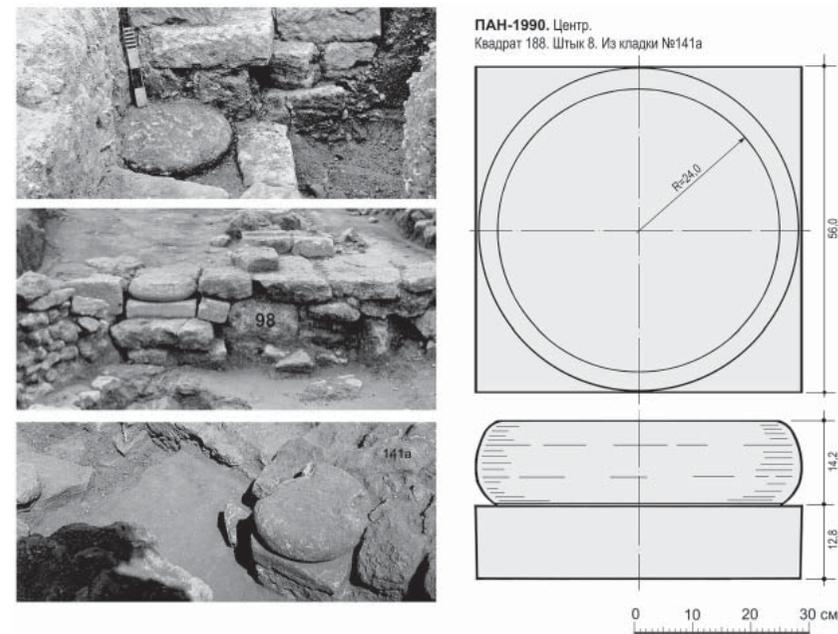

Рис. 7. Раскоп «Центральный». Базы колонн ионического ордера из Дома с андроном, использованные вторично в фундаментах главного здания базилики. Фото В. П. Толстикова. Одна из баз колонн. Чертёж

в позднеэллинистическом слое II Гиеротезиона, было обнаружено большое количество двухчастных баз, в которых турсус и плинт, как и в пантикапейских деталях, выполнены из единых блоков светлого известняка¹. Примером изображения ионических колонн с аналогичными базами может служить рельеф из скальной гробницы в Kizkapan в Иракском Курдистане².

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, например, что это здание не просто хронологически предшествовало ансамблю царской резиденции-базилики, к рассмотрению которой мы переходим, но могло выполнять ту же функцию, а именно — служить местом обитания первых Спартокидов. В этой связи обращает на себя внимание информация, сохранённая Полиеном, о том, что боспорский династ Левкон I, правивший в 389/8–349/8 годах до н. э., имел резиденцию в Пантикапее, которая в тексте именуется дворцом (αὐλή). (Polyaen, Strateg., VI, 9, 2)³.

¹ Hoepfner. 1969. S. 79–84; Abb. 37–39.

² von Gall. 1966. S. 36; S. 39. Abb. 21.

³ Толстикова, Ломтадзе. 2001. С. 430–432.

Ансамбль базилеи. Остатки сооружений, образывавших ансамбль базилеи, были открыты на Западном плато в ходе многолетних раскопок в пределах раскопок Центральный, Центральный Северный и Центральный Эспланадный (рис. 8)¹. Насколько можно судить, этот монументальный ансамбль был возведён по единому плану во второй половине IV столетия, то есть в *Фазе 1 Седьмого строительного периода*. Его местоположение, монументальность, впечатляющие размеры центрального здания, снабжённого перистильным двором, тщательность его квадратных рустованных кладок, обильное использование в его конструкции и интерьерах ордерных элементов и монументальной скульптуры, а также продуманная система водоснабжения позволили мне высказать предположение о том, что этот комплекс мог служить резиденцией правителей Боспора. Существование такой резиденции, именуемой βασιλεία, засвидетельствовано античными письменными источниками (Diod., XX, 23, 30–40; 25, 25–30)². Материалы раскопок показывают, что одновременно с возведением монументальных построек на основной территории Западного плато были проведены и весьма значительные работы на северо-западном его углу. В расположенный здесь крупный скальный массив, отёсанный вертикально на высоту 6 м, был встроены комплекс (СК), образованный тремя смежными помещениями, заглублённым коридором с выходом в подвал, очевидно, сообщавшийся с расположенными выше к югу постройками³.

Для контекста нашего исследования особенно показателен тот факт, что для освобождения территории под это строительство были одновременно разрушены и сnivelированы все монументальные постройки предшествующего периода, включая и «Дом с андроном». Очевидно, что такая строительная программа могла быть реализована на акрополе Пантикапея лишь по приказанию и под контролем правителя Боспора.

Отмечу сразу, что аналогичная картина характерна и для участка северного склона Западного плато, непосредственно перед проходившей здесь линией укреплений акрополя. Как будет показано ниже, на этой территории также оказались разрушены сооружения предшествующего периода. Это было вызвано строительными мероприятиями по усилению обороноспособности ранних укреплений акрополя, получивших отныне новую функцию: *с этого момента перестроенные и усиленные укрепления раннего акрополя превращаются здесь в северный оборонительный рубеж резиденции Спартокидов*.

¹ Толстикова. 2000. С. 302–339.

² Античные авторы цитируются по: Латышев. 1890.

³ Толстикова, Кузьмина. 2011. С. 110–122.

ПЛАН-СХЕМА
АНСАМБЛЯ БАСИЛЕИ
БОСПОРСКИХ СПАРТОКИДОВ
НА ЗАПАДНОМ ПЛАТО
ПЕРВОГО КРЕСЛА
МИТРИДАТА

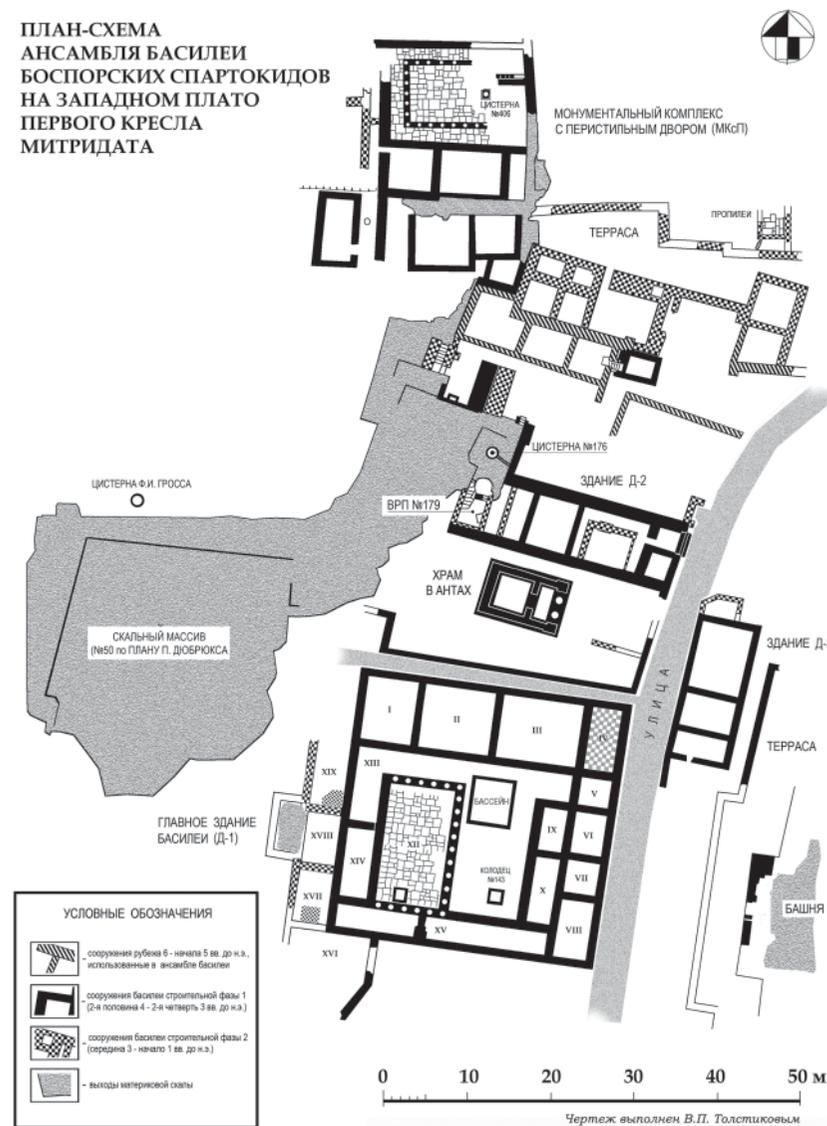

Рис. 8. Раскопки «Центральный», «Центральный Северный». План-схема ансамбля базилеи на Западном плато Первого кресла Митридата. По В. П. Толстикова

Ядром ансамбля базилеи, её функциональной и планировочной доминантой служило главное здание (Д-1), имевшее в плане очертания квадрата со стороной 32 м. Таким образом, его первоначальная площадь составляла 1024 м² (рис. 6). Здание было ориентировано по сторонам света, с отклонением на 10 градусов к северо-востоку от магнитной оси С–Ю. Насколько можно судить, главный вход располагался на южном фасаде здания, но он не сохранился.

Вдоль восточного фасада Д-1 проходила главная улица шириной 3–4 м с мощением из щебня и керамического боя. Вдоль северного фасада шёл переулок с аналогичным замощением, обрамлённый по северному краю подпорной стенкой, пересекавшийся у северо-восточного угла Д-1 с главной улицей.

На расстоянии 12–15 м к северу от главного здания располагалось прямоугольное в плане здание (Д-2), размерами в плане 9 × 27 м, ориентированное на северо-запад — юго-восток по продольной оси. Первоначально оно имело пять помещений при общей площади 243 м². Входной проём шириной 3 м, снабжённый каменной лестницей, вёл в здание с юго-восточной стороны.

Ещё одно прямоугольное в плане здание (Д-3) с тремя помещениями располагалось в 4 м к юго-востоку от главного здания, вдоль главной улицы. Оно делилось на три помещения и имело в плане размеры 17,5 × 8 м, то есть общую площадь 140 м². Вход размещался на юго-западном фасаде.

Территория между Д-1 и Д-2 имела в плане трапециевидные очертания и представляла собой замкнутый участок, ограниченный также и с юго-восточной стороны монументальной оградой из квадратной кладки, шедшей вдоль трассы главной улицы. Этот участок общей площадью не менее 50 м² представлял собой теменос, в центре которого располагался небольшой храм в антах дорического ордера, обращённый фасадом к юго-востоку. Полностью сохранившееся основание храма, сооружённое из трёх ярусов больших прямоугольных блоков известняка имело в плане размеры 10 × 7,4 м. Храм был ориентирован по продольной оси Ю–В — С–З с отклонением от магнитной оси В–З на 15 градусов.

В ходе раскопок центрального здания базилеи, как в его пределах, в слое, связанном с его разрушением, в том числе в заполнении колодца № 143, так и в строительных объектах последующих периодов, во вторичном использовании, были найдены многочисленные ордерные детали и их фрагменты, относящиеся к рассматриваемому архитектурному сооружению. Их изучение позволило существенно детализировать реконструктивную схему главного здания базилеи¹.

Специальные исследования относительно времени возникновения, а также роли и места зданий с колонными и банкетными залами в гре-

¹ Толстиков, 2000. С. 302–339.

ческой архитектуре позволяют заключить, что здания такого типа получают широкое распространение в эллинском мире с последней четверти V в. до н. э.¹ Именно одновременное наличие в здании этих двух элементов, свидетельствует о формировании в жилой архитектуре Греции парадного, торжественного стандарта. Примерами тому могут служить так называемый «Дворец II» в Эретрии, датируемый первой четвертью IV в. до н. э., дом в секторе E/5, сооружённый там же в первой трети этого столетия, а также жилые дома в Олинфе. В течение IV столетия, по-видимому, не без влияния македонской дворцовой архитектуры², в Греческом мире, как в частной жилой полисной строительной практике, так, и прежде всего, в государствах с царской формой правления, распространяется тип монументального, часто двухэтажного здания с банкетными залами, группирующимися вокруг перистильного колонного зала. Именно к такому типу парадных статусных сооружений может быть отнесено главное здание пантикапейской базилеи.

На мой взгляд, археологически засвидетельствованная специфика эволюции архитектурно-планировочной среды в центральном районе столицы Боспора — на Западном плато Первого кресла горы Митридат, позволяет заключить о кардинальном изменении её функций. На смену общественному центру полиса с толосом, возможно с функцией пританея, приходит сначала ряд зданий, образующих, так сказать, жилую элитную зону, в которой, в том числе, располагалось и монументальное здание, включающее в себя два весьма показательных структурных компонента — ордерную систему и зал для пиров-симпосиев (андрон). Именно одновременное наличие в здании этих двух элементов — перистильного двора и андрона, свидетельствует о формировании в жилой архитектуре Греции парадного, торжественного стандарта.

Фаза 1 Седьмого строительного периода (начало третьей четверти IV века до н. э.) знаменуется возведением по единому плану на Западном плато акрополя ансамбля резиденции боспорских династов. Особенно примечательно, что отрезку северного фронта укреплений акрополя протяженностью не менее 50 метров, придаётся новая функция. Он отныне обеспечивает безопасность северной границы базилеи.

По моему мнению, приведённые выше факты служат свидетельством, зафиксированным в архитектурно-планировочной среде центрального района Пантикапея, всё возрастающего доминирования интересов правящей верховной власти в лице тирана — в официальной титулатуре «архонта всего Боспора», как над интересами гражданской общины полиса, так, по-видимому, и над интересами его верхнего аристократического слоя.

¹ Börker. 1983. Kuhn. 1985. S. 315–316.

² Lauter. 1986. S. 132–142.

Литература

- В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и римских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1.
- И. Д. Марченко. Раскопки Пантикапея в 1959–1964 г. // СГМИИ. 1968. Вып. 4.
- И. Д. Марченко. Раскопки Пантикапея в 1965–1972 г. // СГМИИ. 1984. Вып. 7.
- В. П. Толстиков. Пантикапей — столица Боспора // ОАИБ. М., 1992.
- В. П. Толстиков. Дворец Спартокидов на акрополе Пантикапея. (К проблеме локализации, интерпретации и графической реконструкции) // ДБ. 2000. 3.
- В. П. Толстиков, Ф. В. Шелов-Коведяев. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. К истории Пантикапея начала эпохи классики // ДБ. 2014. 18.
- В. П. Толстиков, Д. В. Журавлёв, Г. А. Ломтадзе. К хронологии застройки западного плато акрополя Пантикапея. Подвальное помещение второй половины V века до н. э. // ДБ. 2002. 5.
- В. П. Толстиков, Д. В. Журавлёв, Г. А. Ломтадзе. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея // ДБ. 2003. Т. 6.
- В. П. Толстиков, Ю. А. Кузьмина. Новый строительный комплекс в Пантикапее // РА. 2011. № 2.
- В. П. Толстиков, Г. А. Ломтадзе. К вопросу о времени основания базилеи Спартокидов на акрополе Пантикапея // ДБ. 2001. Т. 4.
- Ch. Börker. Festbankett und griechische Architektur // Xenia. Konstanz, 1983. Hft. 4.
- H. Ctvizoglu. Archaic relief Ware from Klazomenai // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Ciliny. Proceeding of the International Symposium held at Archaeological Museum of Abdera. Thessaloniki, 2004.
- G. Daux. Chronique des Fouilles 1961 // BCH. 1962. T. LXXXVI.
- H. von Gall. Zu den «Medischen» Felsgräbern in Nordwestiraqi Kurdistan // AA. 1966. Bd. 81.
- W. Hoepfner. Das Hierothesion des Königs Mithridates I. Kallinikos von Kommagene nach den Ausgrabungen von 1963 bis 1967. Tübingen, 1969. Bd. II.
- G. Kuhn. Untersuchungen zur Funktion der Säulenhalle in archaischer und klassischer Zeit // Jahrbuch der DAI. Berlin, 1985. Bd. 100.
- H. Lauter. Die Architektur des Hellenismus. Darmstadt, 1986.

Н. С. Асташова, Г. А. Ломтадзе, О. Ю. Самар, В. П. Толстиков

Древнейший Пантикпей — предварительные итоги археологических исследований¹

Результаты исследований 2010–2015 годов Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина на Новом Верхнем Митридатском раскопе позволяют существенно расширить наши представления о ранней истории Пантикапея. Впервые в истории раскопок на горе Митридат, были открыты надёжно датированные, сооружённые на материковом грунте, древнейшие остатки наземных монументальных

¹ Доклад подготовлен в рамках Гранта РГНФ № 15-31-10142/15

построек (каменные цоколи прямоугольного в плане здания Д-3, пристроенные к внутреннему фасу мощного цоколя оборонительной стены № 44). Крайне важно, что эти объекты были перекрыты мощным (до 1,4 м) слоем пожара (рис. 1–2)¹.

В связи с этим, важнейшей задачей является анализ массового керамического материала, обнаруженного в слоях связанных с исследованными сооружениями. Отметим, что в результате раскопок получено достаточно большое количество находок. Работа по их обработке ещё не завершена, поэтому наши выводы пока носят только предварительный характер.

В амфорном комплексе преобладают островные центры производства. Это лесбосские красноглиняные и сероглиняные амфоры (рис. 3. 5, 8, 10) конца VII — первой половины VI вв. до н. э. (Birzescu. 2005. P. 50–53, Abb. 1–2, Kat. № 1–8; Монахов. 2003. С. 45, табл. 27; 30, 1–3; Ильина, Чистов. 2012. С. 21–23, 63–64, табл. 5–9, 56–59; Sezgin. 2012. P. 212–215), фрагменты хиосских амфор «с белой облицовкой» середины VII — первой четверти VI вв. до н. э. (Монахов. 2003. С. 12–13, табл. 1–2; Ильина, Чистов. 2012. С. 23, табл. 10; Sezgin. 2012. P. 93–101), тара Милета (рис. 3. 2, 3, 7), отличительной особенностью которых является вытянутый по вертикали уплощенный венчик и расположенные под ним несколько рельефных уступов, относящаяся к концу VII — второй четверти VI вв. до н. э. (Монахов. 2003. С. 30–32, табл. 17; Ильина, Чистов. 2012. С. 20–21, 65, табл. 1, 64, 8–17; Sezgin. 2012. P. 150–156). В большом количестве в ранних слоях Пантикапея найдены фрагменты самосских архаических амфор конца VII — третьей четверти VI вв. до н. э. (рис. 3. 4, 9), отличающиеся характерным коротким горлом, массивным отогнутым валикообразным венцом и широкой низкой ножкой (Монахов. 2003. С. 26–27, табл. 14–15; Ильина, Чистов. 2012. С. 21, 65, табл. 2, 64, 1–7; Sezgin. 2012. P. 182–185). Массово встречается клазоменская тара (рис. 3. 1) последней трети VII — первой половины VI вв. до н. э. (Монахов. 2003. С. 51–53, табл. 32; Ильина, Чистов. 2012. С. 21, 64, табл. 3, 60; Sezgin. 2012. P. 39–48). Ко второй — третьей четверти VI в. до н. э., вероятнее всего, относятся фрагменты амфор «на сложнопрофилированном кольцевом поддоне» (Монахов. 2003. С. 39–40, табл. 23; Ильина, Чистов. 2012. С. 23–24, 64–65, табл. 11, 61; Sezgin. 2012. P. 259–271), найденные в этих же ранних слоях (рис. 3. 6).

¹ Конечно, материалы конца VII — первой половины VI столетия неоднократно встречались и на других участках исследованной территории центрального района городища: на раскопах Новый Эспланадный, Центральный, Восточный, но везде только в перемещённом состоянии. Кроме того, и это следует подчеркнуть особо, никаких надёжно датированных строительных объектов первой половины VI в. до н. э. на исследованной территории, суммарная площадь которой превышает сегодня 15000 м², до последнего времени, обнаружено не было.

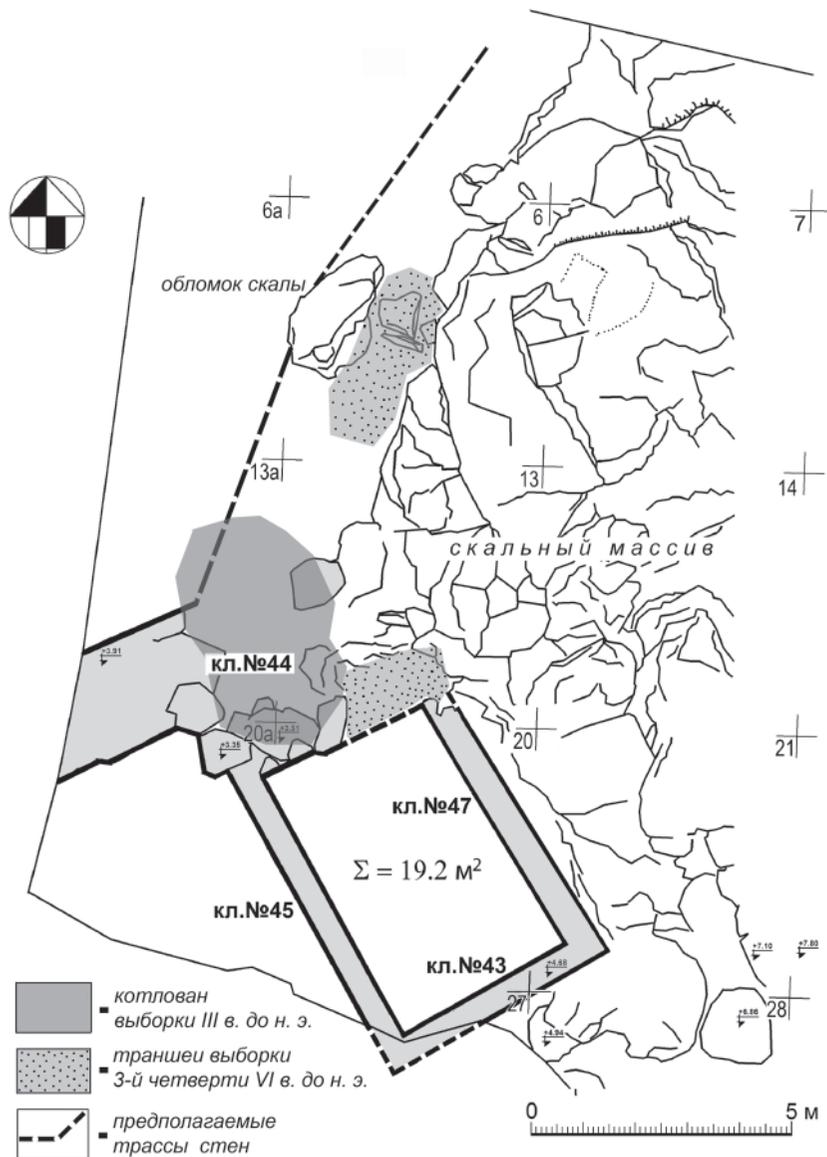

Рис. 1. План сооружений на Новом Верхнем Митридатском раскопе

Рис. 2. Квадраты 20; 21 — остатки цоколя здания (Д-3) и оборонительной стены (№ 44). 1 — Вид с северо-запада. 2 — Общий вид с севера

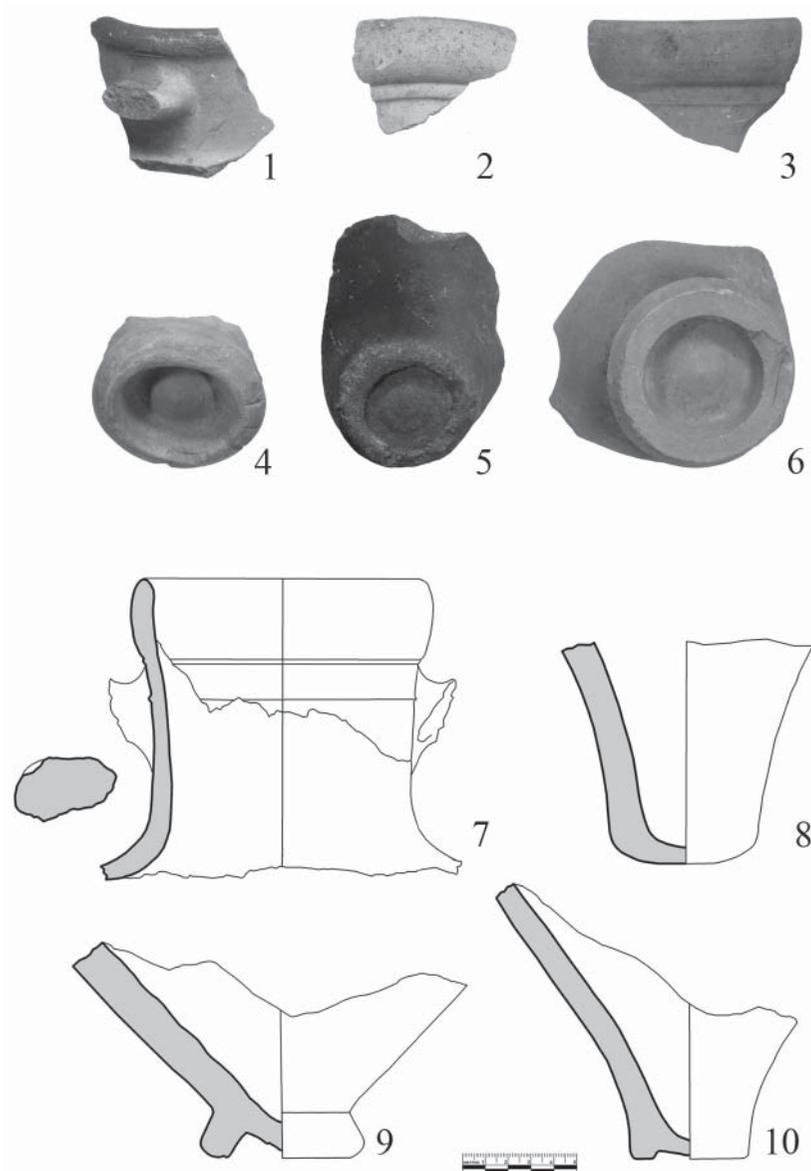

Рис. 3. Фрагменты тарных амфор из ранних слоев Нового Верхнего Митридатского раскопа

Помимо амфорной тары, среди атрибутированных находок отметим фрагменты больших диносов круга мастера Лондонского диноса, расцвет деятельности которого приходится на первую четверть VI в. до н. э. Целой серией представлена расписная хиосская керамика — фрагменты ранних групп Grand Style и Group with dotted concentric circles конца VII — первой четверти VI вв. до н. э. Среди массива расписной северо-ионийской керамики хотелось бы выделить фрагменты большого скифоса-кратера (рис. 4. 2), который находит аналогии среди находок в Навкратисе и в слое разрушения Старой Смирны (600–575 гг. до н. э.). Из многочисленных находок восточно-греческой керамики, выделим фрагменты ойнохой с изображением глаз на венчике, фрагменты тарелок (рис. 4. 1) и «ваз для фруктов» с розетками и лотосами, а также тонкостенных киликов с полосами лака. Помимо часто встречающихся фрагментов ионийских киликов с изображением глаз отметим небольшой фрагмент венца северо-ионийской полу-сферической чаши, т.н. «килика с птицами», датирующегося последней четвертью VII в. до н. э. Хронологически следующие за ними килики с розетками представлены в рассматриваемом комплексе различными формами этого типа от конца VII до середины VI вв. до н. э.

Настоящим открытием стало обнаружение совершенно нового для Северного Причерноморья типа керамики, близкие аналогии которой были найдены среди керамики Центральной Анатолии, в частности из раскопок в Гордионе (Gordion), датированной исследователями ок. 720 г. до н. э. Это фрагменты большого сосуда типа диноса с геометрическим орнаментом поверх плотной светлой обмазки, фрагмент края сосуда с декоративным налепом в виде валика с приподнятыми краями на верхней плоскости венца. Известно, что подобные сосуды были распространены во Фригии, юго-западной Анатолии и Лидии в VIII–VI вв. до н. э. (Сокан-Керсе. 2009. Р. 43).

Анализ датирующих материалов позволяет предположить, что наиболее ранние сооружения на вершине горы Митридат, связанные с основанием апойкии на месте будущей столицы Боспора, появились уже в конце VII в. до н. э. или, по крайней мере, не позднее рубежа VII и VI вв. до н. э. Около середины VI столетия в результате какой-то катастрофы, скорее всего военного характера, постройки были разрушены и перекрыты слоем мощного пожара. При этом очевидно, что пожар имел место не на данном участке, а где-то южнее, на территории пока ещё скрытой под южным бортом раскопа. Вскоре после этого события были произведены частичные выборки на камень древнейших построек и нивелировка слоя разрушения для возведения новых строений. В ходе этих восстановительных работ слой пожара был перемещён к северу, перекрыв остатки частично разобранных цокольных кладок стен древнейшего здания, и, по-видимому, цокольную кладку оборонительной стены, на поверхностях которых следов пожара не обнаружено.

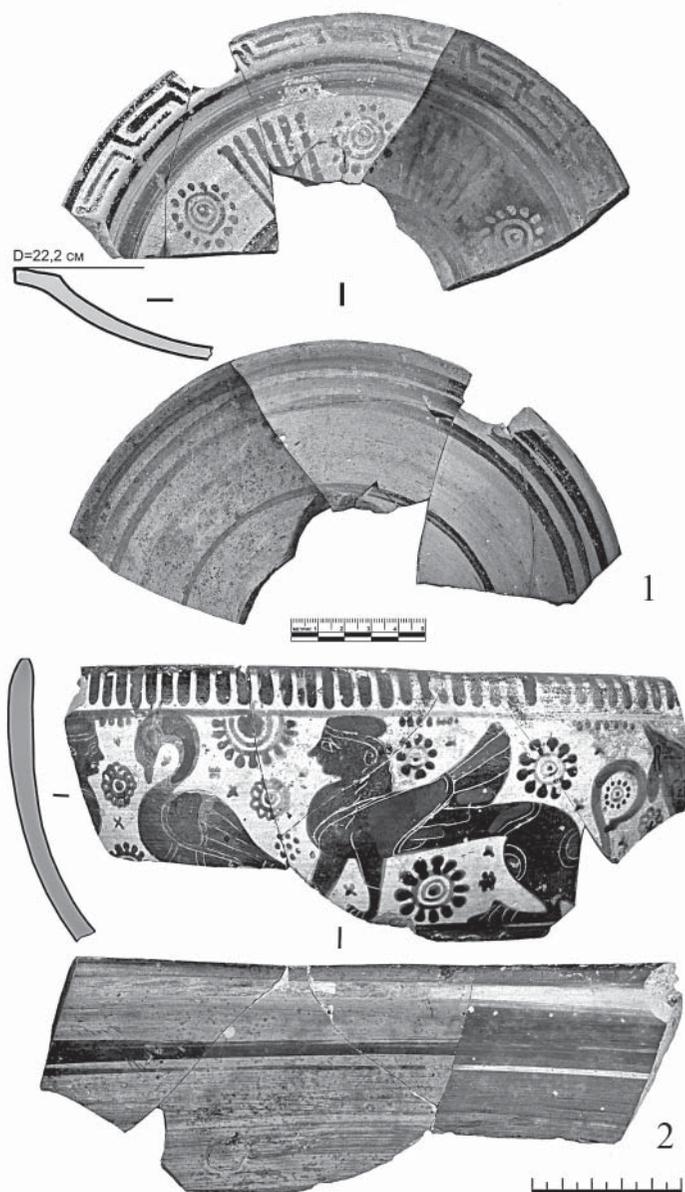

Рис. 4. Фрагменты расписной керамики из ранних слоев Нового Верхнего Митридатского раскопа

Так на исследованном участке завершился Первый строительный период, начавшийся на рубеже VII–VI веков основанием Пантикапейской апойкии.

Литература

- С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва–Саратов, 2003.
- Д. Е. Чистов, В. Ю. Зувев, Ю. И. Ильина, А. К. Каспаров, Н. Ю. Новосёлова. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб. 2012. Том 2.
- I. Birzescu. Die Handelsamphoren der «Lesbos Rot»-Serie in Istros // AM. 2005. Band 120.
- S. Çokay-Kerpe. The Pottery from Burdur Uylupinar Necropolis / ADALYA. 2009. № XII. Suna-İnan Kiraç Akdeniz Medeniyetleri Araştırma Enstitüsü. Suna & İnan Kiraç Research Institute on Mediterranean Civilizations.
- Yu. Sezgin. Arkaik Dönem İonia Üretimi. Ticari Amphoralar. İstanbul, 2012.

Н. И. Винокуров¹

Маркеры боспорской элитарной культуры (на примере городища Артезиан)

В первом веке до н. э., когда Боспор оказался втянутым в противостояние с Римом, произошли, по-видимому, серьезные изменения в составе населения многих боспорских городов и населенных пунктов, что не могло не затронуть старую боспорскую аристократию и традиционную военную элиту Боспора (Винокуров, Крыкин. 2017 (в печати)). События боспоро-римской войны 44/45–49 гг. завершили вовлечение Боспора в сферу римского влияния, несмотря на крайнюю ожесточенность гражданского противостояния внутри Боспора во время боспоро-римской войны, которое нам было известно до недавнего времени только из текста Тацита (Тас. Анн. XII. 15–21) (Дьяков. 1940. С. 71–88; Кадеев. 1979. С. 55–76; Горончаровский. 2002. С. 197–206; 2003. С. 161–170; Винокуров. 2004. С. 78–88; 2009. С. 9–16; 2005. С. 50–60; 2007б. С. 17–56; 2007в. С. 190–199; 2008. С. 67–77; 2009. С. 9–16; 2010а. С. 38–44; 2010б, 46–65; 2012; 2013. С. 30–40; 2014а. С. 98–105; Abramzon, Treister,

¹ Винокуров Николай Игоревич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков МПГУ. Почта: vinokurovnl@list.ru

Vinokurov. 2012. С. 207–278; Сапрыкин, Винокуров, Белоусов. 2014. С. 134–162). События боспоро-римской войны по возможности были реконструированы (Абрамзон, Винокуров, Трейстер. 2012. С. 127–128). В ходе раскопок городища Артезиан на примере сравнительно небольшой царской укрепленной резиденции удалось подтвердить катастрофические последствия военных действий для жителей Боспора как рядовых, так и весьма обеспеченных, возможно, входивших в состав управленческой верхушки государства. Полученные результаты, ещё не до конца оценённые специалистами, позволили по-новому взглянуть не только на начало боспоро-римской войны 44/45–49 гг., но и на выделение хронологических индикаторов среди массового и коллекционного археологического материалов, важных маркеров боспорской элитарной культуры, значимых для истории Боспора и прилегающих регионов (Абрамзон, Винокуров, Трейстер. 2012. С. 93–146; Abramzon, Treister, Vinokurov. 2012. С. 207–278; Сапрыкин, Винокуров, Белоусов. 2014. С. 134–162).

Слой пожара и гибели цитадели и всего городища Артезиан датируется вторым годом боевых действий боспоро-римской войны — *осенью 46 г. н. э. или концом лета — осенью 47 г. н. э.* Пожарище было перекопано победителями в поисках сокровищ, а некрополь — разграблен, надгробные памятники разбиты и осквернены.

Фортификация и планировка городища, выявленные в центральной части городища, позволили говорить о высоком уровне градостроительной культуры царских архитекторов и строителей. Отменное качество строительства, внимание к созданию многоуровневой системы обороны крепости, обеспеченности водой, провиантом, другими необходимыми ресурсами показывают прямую заинтересованность боспорской центральной власти в обустройстве комфортной службы её сравнительно небольшого гарнизона. Важное стратегическое значение, которое придавалось царской властью Боспора акрополю и городищу на протяжении нескольких столетий, наличие нескольких святилищ, ордерных построек, мощной (*не по меркам рядового поселения*) фортификации, капитальных многоэтажных зданий большой площади правильной, хорошо продуманной планировки, являются важными первичными маркерами непростого статуса городища, а также высокого управленческого статуса людей, поставленных во главе его гарнизона, которые от имени царя должны были управлять данным укреплением, его военной, хозяйственной и сакральной жизнью. Такие управленцы, царские наместники, входили в боспорскую региональную, а, может быть, и в столичную элиту.

Находки на некрополе городища Артезиан говорят о заметной стратификации жителей городища. По-видимому, общая планировка некрополя была проведена одновременно с сооружением всей крепости

и была связана с определёнными космогоническими представлениями её создателей (Винокуров. 2014б; Винокуров, Мацнев, Фесенко. 2007. С. 171–190). Группировка могил некрополя в определённые обособленные кластеры, своеобразные звёздные «кусты», вокруг богатых склепов и больших семейных плитовых гробниц, показывает, что жители городища жили большими семейно-родовыми кланами. Склепы являлись центрами притяжения других гробниц людей более низкого социального статуса. В них хоронили наиболее зажиточную часть населения городища, которая отличалась, как показывают антропологические данные, от общей массы населения следующими чертами: большим ростом, меньшими аномалиями в развитии скелета и зубного аппарата, вероятно, лучшим питанием, большим количеством боевых травм.

Богатство многих артезианских захоронений, набор сопровождающего погребального инвентаря, ничем не уступавшего богатым некрополям центральных городов Боспора, вполне очевидно свидетельствуют о высоком уровне жизни родовитой части населения городища. Доминантные, наиболее богатые захоронения, принадлежали воинской элите, воинам-всадникам. Их хоронили с оружием, в сопровождении лошадей, нередко взнузданных, и собак. Воинские могилы были отмечены курганными насыпями и, конечно, надгробными стелами. Саркофаги из кипариса, пышно украшенные разноцветной росписью, резьбой, гипсовыми налестками, — несомненный показатель элитарной культуры, пусть и погребальной. Саркофаги были не только в больших каменных склепах, семейных плитовых усыпальницах, но и в грунтовых гробницах с заплечиками, рассчитанных максимум на одно-два захоронения. Последние заметно преобладали на некрополе и принадлежали, как думается, среднему классу местного сообщества. В непосредственной близости от этих «аристократических» гробниц хоронились слуги, возможно, рабы, практически без сопровождающего инвентаря или с очень бедными вложениями, часто в подбойных захоронениях или обычных грунтовых ямах, не имевших даже стандартного плитового перекрытия. Подобная имущественная дифференциация, выраженная в погребальном обряде, которая проявляется столь заметно на сравнительно небольшом военном поселении, как Артезиан, число жителей которого в самые благоприятные времена вряд ли превышало тысячу человек, также может выступать маркером, помогающим понять, насколько была велика разница в доходах насельников крепости.

Важно также отметить, что отдельные богатые погребения зачем-то помечались своеобразными тамгами-знаками, высеченными на плитах перекрытий, или особыми антропоморфными плитами, которые использовались в конструкции каменных гробниц. Вряд ли это случайно. Тем более эти плиты находились глубоко под землёй, сразу же после совершения захоронения засыпались, и не были предназначены для

созерцания или каких-то поминальных нужд. Подобные тамги остались на большой плите с остатками (строительной или посвященной?) надписи, на черепках сосудов, различных бытовых предметах, к примеру, на оселках и игральные кости (Винокуров. 2003. С. 151–192; 2004. С. 79–88). Являются ли такие знаки маркерами местной элиты? Вполне допустимо так думать. Однако среди этих знаков количественно доминировали так называемые царские знаки, прежде всего, тамги Динамии и Аспурга, которые могли быть как маркерами царского хозяйства и собственности, так и обычными религиозными символами-оберегами.

В целом погребальный обряд некрополя Артезиан, сочетавший элементы преимущественно греческого и отчасти варварского происхождения, показывает полиэтническое происхождение местного населения. По этой причине весьма интересны найденные в артезианских погребениях человеческие останки с прижизненно деформированными черепами, которые в научной литературе традиционно связываются с носителями негреческого происхождения. Вполне допустимо говорить о деформации как о способе выделения этнической и элитарной составляющей среди жителей городища, так как подавляющее большинство черепов с прижизненной искусственной деформацией происходит из богатых погребений. Все выявленные случаи искусственной деформации относятся к кольцевому типу, объединявшему три варианта, которые отличались друг от друга особенностями наложения повязок (Винокуров, Дробышевский. 2006. С. 73–87).

Богатое оружие, посуда, особенно металлическая, дорогостоящие ювелирные украшения, серебряные и золотые монеты, редкие привозные изделия, одним словом, уникальные находки, которые обычно не встречаются среди стандартного массового археологического материала, являются маркерами выделения элиты. Подобные находки обнаружены на городище и некрополе Артезиан. Причём на некрополе, самым ярким образом разграбленном в последние годы, они единичны, но на городище встречаются серийно, что очень необычно для глубинных районов Боспора. Они *концентрировались в районе ранней цитадели*, уничтоженной римским штурмом, а внутри неё — преимущественно среди руин самого большого центрального полуподвального помещения 4, куда провалились прогоревшие верхние этажи крепости. Возможно, над ним размещались покои наместника крепости или другого высокого должностного лица.

Не вызывает сомнений, что элита гарнизона была всаднической, хорошо экипированной и вооружённой. Остатки доспехов, шлемы, копья, дротики, длинные мечи, а также импортное оружие, римские фибулы-авциссы, серебряная и бронзовая посуда — все эти элитарные статусные вещи, которыми, несомненно, дорожили, каким-то чудом

остались в слое горения, несмотря на то, что после гибели крепости пожарище неоднократно перекапывалось. Понятно, что таких артефактов было изначально гораздо больше, чем оказалось найдено. Подобные дорогостоящие предметы являются, действительно, важными маркерами элитарной культуры. Они были доступны родовитым боспорянам, имевшим хороший материальный достаток, людям, которые занимали определенные позиции в иерархии местной служилой и управленческой аристократии. Можно в этой связи упомянуть и золотые перстни с резными полудрагоценными камнями различными мифологическими изображениями, которые открыты в слое пожара и вкладах. Заманчиво в них видеть некие элитарные символы, царские награды, знаки особого социального статуса, подобные перстням римского всаднического сословия. Другие статусные маркеры, найденные в слое гибели городища, — серебряные и золотые монеты, римские и боспорские, являлись средством накопления богатства. Прежде всего, это касается римской серебряной монеты, на Боспоре практически неизвестной и в реальном экономическом обороте не использовавшейся (Абрамзон, Винокуров. 2016 (в печати)). Возможно, серебро привезено неизвестными жителями Артезиана из отдалённых римских провинций в качестве военного трофея или награды за службу.

Клады, найденные в слое гибели городища, демонстрируют наиболее значимые и ценные для древних вещи, которыми дорожили богатые жители городища, ставшие последним подношением хтоническим богам в момент смертельной опасности, когда ждать спасения было невозможно, а гибель казалась неизбежна. Вкладах были разнообразные золотые и серебряные украшения, сосудики для драгоценных благовоний, боспорские и римские монеты, памятные вещи — обереги: эллинистические бронзовые наконечники стрел, кремни, жетоны от игр. Все эти находки красноречиво свидетельствуют о довольно высоком уровне благосостояния жителей крепости.

Надписи являются важным источником для фиксации полиэтнического происхождения населения городища. Это были надписи на стенках пифосов, амфор, на фрагментах простой гончарной и краснолаковой посуды, пирамидальных глиняных грузилах, кружках из гончарных стенок, игральные и гадательные кости (астралахи), игровых жетонах. Уникальны для поселений боспорской хоры надписи на донцах серебряных канфаров, происходящих непосредственно из слоя пожара 46/47 г. Все надписи выполнены на древнегреческом языке, за исключением, одной греко-латинской билингвы на игровой фишке с цифровыми обозначениями, равными числу 12. Среди граффити преобладают сокращения греческих слов и личных имён, хозяйственные и бытовые надписи. Широкое использование греческого языка жителями городища Артезиан на протяжении всей его многовековой истории

свидетельствует о культурной преемственности и определённом образовательном уровне детей и взрослых. Нельзя в этой связи не упомянуть ещё об одной удивительной находке — остраконе с многострочным двухсторонним граффито (к. о. 69/2011), школьным упражнением, начертанным в период правления царя Аспурга двумя учениками, обучавшимися в одном из северных помещений ранней цитадели городища Артезиан греческому языку. Это были некие Салас (Σάλας) и Долес (Δόλης), которые помимо обычных учебных упражнений отметились довольно непристойными шутками. С. Ю. Сапрыкин уделил в совместной работе особое внимание происхождению имен Салас и Долес, что оказалось очень важным не только для характеристики нравов и образа жизни военных поселенцев и их детей на поселении Артезиан, но и определения этнического состава его обитателей (Сапрыкин, Винокуров, Белоусов. 2014. С. 134–162). В этой связи необходимо упомянуть находки двух надгробных стел кавалеристов. Одна из них сохранила имена Сос(т)ибия, сына Диониса, и двух его сыновей — Дисака и Падафа, которые служили в коннице и, вероятно, погибли одновременно в бою и были вместе захоронены. Из упомянутых на стеле имён лишь одно является действительно греческим. Первый сын Сосибия, как считает С. Ю. Сапрыкин, носил фрако-иранское, или скорее фракийское имя, а второй сын был наречён иранским именем (Сапрыкин, Винокуров, Белоусов. 2014. С. 134–162). По-видимому, семья Сосибия, сына Дионисия, была эллинизированной — глава семьи, отец Сосибия, был, скорее всего, эллином или эллинизированным боспорцем с фракийскими корнями, а его сыновья происходили от брака с женщиной, в жилах которой текла фракийская и сарматская кровь (или сыновья были рождены от браков с двумя разными женщинами — фракиянкой и сарматкой). По-видимому, жители Артезиана, носившие фракийские имена, если не сами, то их предки могли прибыть на Боспор из внутренних регионов Фракии, так как эти имена встречаются там наиболее часто по сравнению с другими регионами античного мира.

Понятно, что обучение грамоте подрастающего поколения и наличие учителей непосредственно на городище требовало определённых финансовых и организационных ресурсов. В любом случае, наличие школы — важный цивилизационный признак, который говорит как о благосостоянии военных поселенцев, так и о присутствии среди них грамотных людей, а также потребности обучать детей грамоте.

Артезианские материалы достаточно согласно свидетельствуют о заметном римском влиянии на формирование местной элитарной материальной культуры. Исторический парадокс заключается в том, что романизированная элита была уничтожена во время боспоро-римской войны как раз сторонниками проримской партии во главе с римским ставленником Котисом.

Литература

- М. Г. Абрамзон, Н. И. Винокуров. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 2016. № 4 (в печати).
- М. Г. Абрамзон, Н. И. Винокуров, М. Ю. Трейстер. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 2012. № 3.
- М. Г. Абрамзон, Н. И. Винокуров, М. Ю. Трейстер. Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014.
- Н. И. Винокуров. Новые изображения всадников на Боспоре // ДБ. 2002. Вып. 5.
- Н. И. Винокуров. Граффити из раскопок античных памятников урочища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 2003. № XIII.
- Н. И. Винокуров. Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан // ДБ. 2004. Вып. 7.
- Н. И. Винокуров. Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Керчь, 2005.
- Н. И. Винокуров. Отчет о научно-исследовательских работах Артезианской археологической экспедиции на территории Ленинского района автономной республики Крым в 2006 г. (ИА РАН). М., 2007а.
- Н. И. Винокуров. Во всем ли виноваты варвары? // PARA BELLUM. 2007б. № 28.
- Н. И. Винокуров. Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. до н. э. в боспорской крепости Артезиан // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2007в.
- Н. И. Винокуров. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008.
- Н. И. Винокуров. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // PARA BELLUM. 2009. № 31.
- Н. И. Винокуров. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.) // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки Москва, Киев, 2010а. Вып. I.
- Н. И. Винокуров. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году // ДБ. 2010б. Вып. 14.
- Н. И. Винокуров. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген, 2012.
- Н. И. Винокуров. Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. // Российский научный журнал. 2013. № 1 (32).
- Н. И. Винокуров. Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан // Таврические студии. Исторические науки. 6. Симферополь, 2014а.

- Н. И. Винокуров.* Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Симферополь, Керчь, 2014б. — (Боспорские исследования. Supplementum 12).
- Н. И. Винокуров, С. В. Дробышевский.* Погребения с деформированными черепами античного времени в Крымском Приазовье (по материалам раскопок некрополя и городища Артезиан) // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006. Вып. 5.
- Н. И. Винокуров, Д. В. Мацнев, А. В. Фесенко.* Сириус, созвездие Близнецов и сюжет божественной охоты в Крымском Приазовье (на примере некрополя городища Артезиан) // БИ. 2007. Вып. XVI.
- Н. И. Винокуров, С. М. Крыкин.* Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н. э. 2017 (в печати).
- В. А. Горончаровский.* Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002.
- В. А. Горончаровский.* Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н. э. // ВДИ. 2003. № 3.
- В. Н. Дьяков.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. № 3–4.
- В. И. Кадеев.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 2.
- С. М. Крыкин.* Терракотовые «фракийские всадники» на Боспоре // Вестник МГПУ. 2015. № 2 (18).
- С. Ю. Сапрыкин, Н. И. Винокуров, А. В. Белоусов.* Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культы) // ВДИ. 2014. № 3.
- С. Ю. Сапрыкин, С. А. Ермолин.* Римский флот на Боспоре: новая латинская надпись из Пантикапея // ВДИ. 2010. № 3.
- М. G. Abramzon, M. Y. Treister, N. I. Vinokurov.* Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian // ACSS. 2012. Vol. 18. 2.

А. М. Бутягин, Ю. А. Виноградов

Курганы на мысе Ак-Бурун и особенности формирования боспорской элиты в V–IV вв. до н. э.¹

Курганы, в разное время раскопанные на мысе Ак-Бурун (южная оконечность Керченской бухты), представляют собой любопытное явление в боспорской археологии. Во II томе серии «Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора» нами были подробно рассмотрены все предметы, происходящие из этих курганов и находящиеся сейчас в коллекции Государственного Эрмитажа (Бутягин, Виноградов. 2014).

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 5-31-10162а (ц) «Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев (по неопубликованным материалам Научных архивов Института истории материальной культуры РАН, Государственного Эрмитажа, Крымских научных учреждений и историко-культурных заповедников)».

После выхода этой работы стали доступны и вещи, хранящиеся в Британском музее. Из большого количества вопросов, связанных с Ак-Бурунскими курганами, хотелось бы выделить всего один: что они дают для понимания культуры аристократии Боспорского государства?

Нет никаких сомнений в том, что интересующие нас курганы расположены на отдельном, возможно, специально выделенном участке некрополя Юз-Оба. Мыс Ак-Бурун занимает особое положение в Керченской бухте, открывая дорогу в открытое море (или встречая корабли, которые должны были обогнуть мыс для подхода к Пантикапею); на фоне неба он выделяется ярким, почти белым цветом. Этот мыс, по всей видимости, играл также важную роль в переправе через Керченский пролив, служа своеобразными «воротами» Европейского Боспора. Весьма вероятно, что курганный некрополь Юз-Оба начал формироваться именно с возведения курганов на мысе Ак-Бурун, хотя это утверждение требует дополнительных исследований. Учитывая стратегическую важность этой территории для Боспорского государства, не удивительно, что именно в этих захоронениях отразились основные этапы развития культуры высшего слоя Боспорского государства.

Наиболее раннее захоронение открыто в Пятом кургане; это была каменная гробница, перекрытая деревом (Бутягин, Виноградов. 2014. С. 27–36). Она датируется серединой-третьей четвертью V в. до н. э., исходя из даты найденной здесь конской узды (рис. 1) и фрагментированной бронзовой гидрии. В комплексе, как видим, наличествуют предметы, относящиеся к разным культурам: номады принесли узду собственного изготовления, а греческие вещи были получены ими на Боспоре. Несмотря на немногочисленный инвентарь, данный курган, без сомнения, может быть соотнесён со старшей группой Нимфейских и Семибратних курганов, которые знаменуют собой установление первых прочных отношений между греческими городами Боспора и варварской аристократией.

Более позднее погребение Ак-Бурунского некрополя обнаружено английским доктором Д. Макферсоном во время Крымской войны, когда Керчь была захвачена неприятелем (McPherson. 1857. P. 58–59; Бутягин, Виноградов. 2014. С. 21). Об этом открытии наша информация крайне невелика. Судя по сообщению Д. Макферсона, в Пятом кургане (по А. Е. Люценко) им найдены, помимо упоминавшейся выше гидрии, относящейся к раннему комплексу, ещё и фрагменты костяных пластин от украшения саркофага. Как опубликованные Д. Макферсоном иллюстрации, так и непосредственное изучение костяных фрагментов показывает, что их никак невозможно датировать временем раньше середины IV в. до н. э., они скорее относятся ко второй половине столетия. Фрагменты кости требуют дополнительного изучения для уточнения их датировки. Заметим, кстати, что способ орнаментации саркофага может

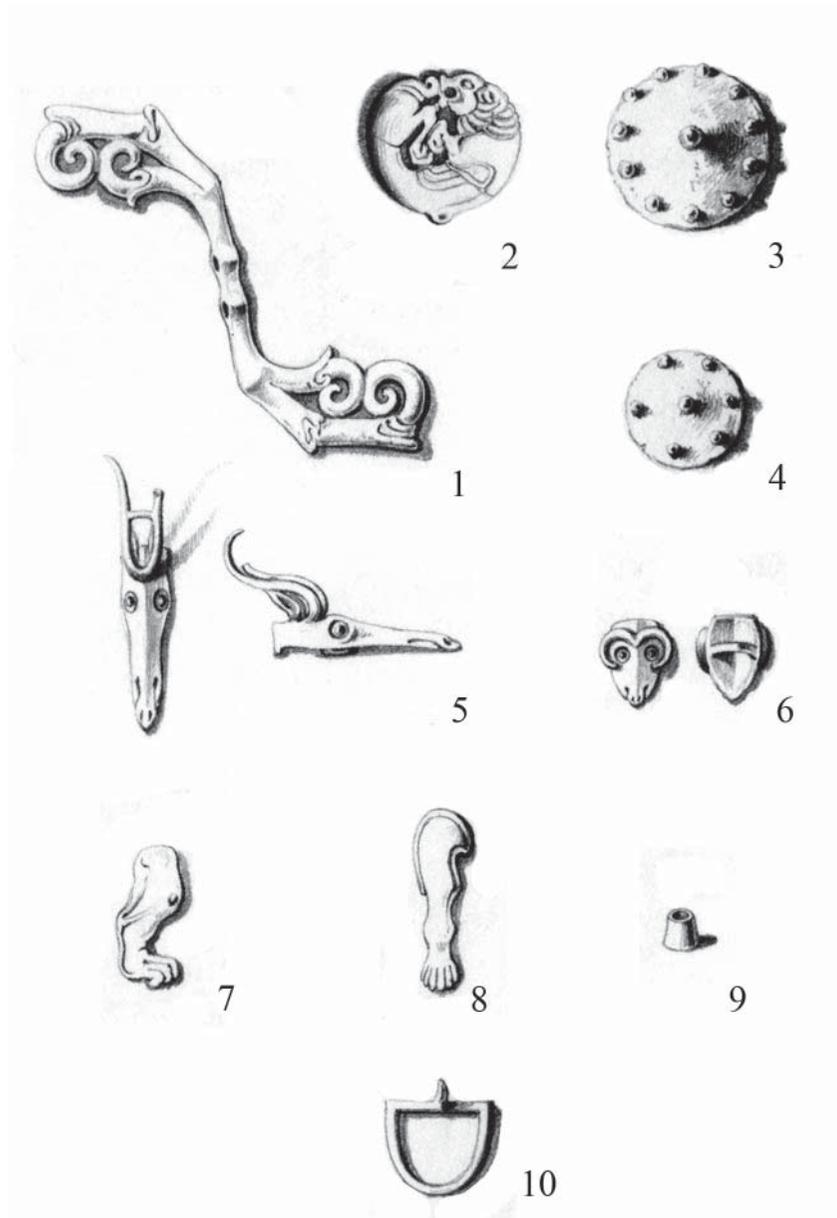

Рис. 1. Предметы из раскопок кургана 5 (по: Архив ИИМК РАН. Фонд Р. 1, № 691, л. 39 об.)

быть аналогичен деревянному саркофагу из Павловского кургана, который, однако, относится к чуть более раннему времени. Разновременность предметов из английских раскопок Пятого кургана может объясняться тем, что они, скорее всего, были найдены в разных гробницах или, что тоже не исключено, костяные фрагменты были обнаружены в грабительском ходу. В любом случае, в кургане зафиксирована ещё одна (помимо ранней) гробница с каменным перекрытием. Скорее всего, именно к ней и относятся фрагменты саркофага. Эта гробница демонстрирует особенность, характерную для боспорского погребального обряда IV в. до н. э. — наличие деревянного саркофага с костяными вставками.

Следующий этап формирования Ак-Бурунского некрополя представлен Третьим курганом, который суммарно датируется концом IV — началом III в. до н. э. В 1875 г. в нём были обнаружены две кремации, которые по инвентарю были признаны женской и мужской. Из раскопок женской кремации происходили скарабеоиды, золотые бусы, костяные детали шкатулки и фрагменты керамических сосудов, в том числе крышка краснофигурной леканы (Бутягин, Виноградов. 2014. С. 68–73).

Мужская кремация находилась в гробнице перекрытой черепицей (Бутягин, Виноградов. 2014. С. 74–110). На слое угля найден набор предметов, среди которых хрестоматийно известной стала золотая «тиара» (рис. 2). Из гробницы происходит также железное оружие (наконечники копий, дротиков, стрел, лезвия меча и кинжала), фрагмент бронзовой поножи, пластинки от железного панциря (?), обломки золотого венка, части золотого ожерелья, золотые бляшки в виде многолучевых звёзд, две золотые ворворки, золотой перстень с железной (!) вставкой, фрагменты серебряных сосудов, и, что особенно важно для датировки комплекса, золотой статер Александра Македонского и поздняя чернофигурная Панафинейская амфора.

Анализ обнаруженных материалов позволяет предполагать, что обе кремации были совершены с небольшим промежутком времени и, как уже сказано, могут быть датированы концом IV — началом III в. до н. э. Отличия этого комплекса от предыдущего (Пятого кургана) весьма существенны. Во-первых, обращает на себя внимание изменение обряда — тела усопших были кремированы, причём в случае мужского захоронения можно предполагать, что покойный был уложен на слой горячих углей. В обряде и предметах, найденных здесь, проявляются черты меото-савроматских традиций, не слишком характерные для более ранних погребений (например, в кургане Куль-Оба). Помимо этого, мы видим здесь и явное греческое влияние в обряде (черепичное перекрытие) и наборе инвентаря — золотой венок, золотая монета и пр.

Золотая «тиара», безусловно, была специально изготовлена для варварского заказчика. Детали её орнамента и бляшки в виде звёзд свидетельствуют о македонском влиянии на вкусы боспорской аристократии.

Рис. 2. Предметы из раскопок кургана 5 (по: Отчёт Императорской археологической комиссии. Альбом. СПб., 1879. Табл. II)

Захоронения IV — начала III в. до н. э. с мыса Ак-Бурун демонстрируют весьма сложную картину формирования боспорской элиты. С одной стороны, в погребальном обряде мы видим общие черты (курганная насыпь, каменные гробницы, наличие специально изготовленных в греко-варварском стиле предметов, одновременное использование греческого оборонительного и варварского наступательного вооружения). С другой стороны, варварские вожди, вошедшие в боспорские аристократические круги, сохраняли свою племенную специфику, проявляющуюся в сохранении варварских особенностей погребально обряда и в некоторых предметах сопровождающего инвентаря.

К концу IV в. до н. э. боспорская аристократическая культура испытывала мощное внешнее влияние, выразившееся в ориентации на македонские образцы. По этому поводу заметим также, что определённые аналогии с каменными ложами из Македонии наблюдаются в декоре саркофага из Куль-Обы, а также на фрагментах саркофага из Пятого Ак-Бурунского кургана. Это явление, впрочем, может быть отражением общегреческой традиции оформления парадных лож, на которые ориентировались изготовители саркофагов.

Некрополь Ак-Бурунского мыса отразил и ещё один этап развития боспорской элиты — в захоронении 1874 года были найдены предметы, относящиеся, видимо, к постмитридатовскому времени, когда состав аристократии Боспора снова существенно изменился (Бутягин, Виноградов. 2014. С. 37–52). Обнаруженная здесь золотая фибула типа «Алезия» свидетельствует об усилении на Боспоре римского влияния, но эта тема выходит за хронологические рамки нашей публикации.

В целом, в курганах на мысе Ак-Бурун представлены два основных этапа формирования аристократической элиты Боспора. Первый из них приходится на середину V — начало IV в. до н. э. (возможно, до начала правления Левкона I). В это время между Боспором и варварскими вождями устанавливаются прочные взаимоотношения, в результате чего курганы номадов начинают сооружаться вблизи греческих городов, а в гробницах появляется большое количество греческих драгоценных предметов. На втором этапе, который можно суммарно датировать IV в. до н. э. формируется греко-варварская аристократия единого Боспорского государства. В это время происходит слияние греческих и варварских погребальных традиций, выпускается большое количество предметов, в которых объединяется греческий художественный стиль и вкусы номадов. В то же время, этот процесс ни в коем случае нельзя считать линейным. Судя по всему, боспорская аристократия была открыта для проникновения в её состав представителей элиты дружественных варварских племён, которые в течение некоторого времени сохраняли самобытные черты привычной для них культуры.

Скифские черты, например, прекрасно видны в погребении в кургане Куль-Оба, а меото-савроматские — в Третьем кургане Ак-Буруна. Анализируя эти элементы, можно проследить изменения интереса Боспора к разным варварским группам на различных исторических этапах. К сожалению, огромное количество ограбленных курганов существенно снижают наши возможности по анализу боспорской аристократической культуры эпохи Спартокидов. Курганы III–II вв. до н. э., однако, позволяют считать, что элита Азиатского Боспора в это время стала играть в жизни государства более важную роль, нежели ранее. Варварская «подпитка» правящего слоя тогда шла из прилегающих областей Прикубанья.

В заключение, следует отметить чрезвычайную важность некрополя на мысе Ак-Бурун для изучения культуры боспорской элиты. Не случайно здесь отразились основные этапы её формирования. Совершение погребения на этом стратегическом пункте, вблизи от столицы царства и переправы через пролив было очень престижным, и право на это, по всей видимости, предоставлялось только выдающимся представителям боспорской греко-варварской аристократии.

Литература

- А. М. Бутягин, Ю. А. Виноградов. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Том II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Керчь, Симферополь, 2014. Отчёт Императорской археологической комиссии за 1876 год. Альбом. СПб., 1879. VI таблиц
- D. McPherson. Antiquities of Kerch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus. London, 1857.

М. Ю. Вахтина

О женских погребениях в гробницах 1 и 2 некрополя Нимфея¹

Известно, что в эпоху Археанактидов на территории Боспора, вблизи некоторых греческих центров появляются курганы, содержащие захоронения с «варварскими чертами», отражёнными в погребальном обряде и инвентаре.

Шесть гробниц с варварскими чертами обряда, которые можно датировать в пределах V в. до н. э., были открыты вблизи Нимфея (Силантьева. 1959. С. 56 сл.; Соколова, Павличенко, Каспаров. 1999). Ещё три нимфейских комплекса удалось реконструировать на основе

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-10151.

материалов, хранящихся в музее Ашмолеан в Оксфорде (Vickers. 1979; 2002). Необычность курганных погребений нимфейского некрополя отмечал ещё М. И. Ростовцев, который пришёл к выводу о том, что они «не могут считаться греческими, а принадлежат, несомненно, соседним скифам» (Ростовцев. 1925. С. 161). Л. Ф. Силантьева приводит для некрополя Нимфея пять комплексов¹, даты которых соответствуют времени правления Археанактидов. Все эти захоронения были совершены в курганах, находившихся на расстоянии 2–3 км от границ города и располагавшихся на тех же участках, что и другие погребения, не отличающиеся «местными особенностями» (Силантьева. 1959. С. 56 сл.).

Для этих комплексов характерно сочетание черт обряда и элементов погребального инвентаря, присущих, с одной стороны, для греков Северного Причерноморья, а с другой — для варваров-скифов, занимавших господствующее положение в регионе (Зинченко. 2001. С. 121; Виноградов. 2005. С. 245 сл.). То, что погребения этого круга располагались на территории некрополя греческого города, на наш взгляд, однозначно свидетельствует о том, что там были захоронены представители элиты, которые были достаточно тесно связаны с нимфейской общиной. Н. А. Грач полагала, что уже «в V в. до н. э. местная аристократия играла заметную, если не ведущую роль в жизни города. Это подтверждают богатые воинские захоронения в курганах с местными чертами обряда» (Грач. 1999. С. 31). В некоторых из этих курганов открыты комплексы, которые, на основании вещевых наборов, можно интерпретировать как захоронения женщин.

О роли так называемых «местных элементов» в жизни Нимфея мы можем только догадываться. И, конечно же, неясно, кем были женщины, захоронения которых в ряде случаев сопровождали мужские или же обнаружены в тех же курганных насыпях. Были ли они представительницами варварской элиты, «дочерьми степи»? Или же гречанками, соединившими свои судьбы с туземными воинами-аристократами и способствовавшие, таким образом, «адаптации» последних к новым условиям жизни, в том числе, обеспечивавшими их необходимыми родственными связями в круге греческой элиты?

К числу женских погребений в группе комплексов «с варварскими чертами» относятся захоронения в гробницах 1 и 2. Материалы, обнаруженные при раскопках, хранятся в музее Ашмолеан в Оксфорде и изданы М. Викерсом (Vickers. 1979; 2002). Чтобы приблизиться к пониманию того, к каким культурным мирам могли относиться погребён-

¹ Комплекс каменной гробницы № 16/1876 в сплошной могильной насыпи (Силантьева. 1959. С. 78 сл.), также имеющий черты, сближающие его с перечисленными погребениями, принадлежит к более позднему времени — началу IV в. до н. э. (см.: Виноградов. 2005. С. 249).

ные здесь женщины, обратимся непосредственно к деталям обряда и сопровождавшему инвентарю.

Гробница 1, сложенная из грубо обработанных плит местного известняка и ориентированная по оси запад-восток, содержала погребение «воина и женщины» (Vickers. 1979. P. 9). Она обнаружена на глубине 0,60 м ниже уровня поверхности в юго-восточной части кургана высотой 7,25 м (1979. Fig. 1). Над верхним рядом камней были найдены скелеты лошади и собаки. Гробница содержала остатки двух костяков — мужского и женского, от которых сохранились лишь череп и нижняя челюсть. Череп принадлежал мужчине в возрасте 25–35 лет (Vickers. 1979. P. 35. Pl. Пс; 2002. P. 14. Pl. 1, 2). Интересной его особенностью является трещина в лобовой части. Возможно, она являлась следствием боевого ранения, от которого, по-видимому, удалось успешно излечиться. Челюсть с остатками зубов принадлежала женщине (Vickers. 1979. P. 35. Pl. Пд; 2002. Pl. 1, 2). К её вещевому комплексу относился следующий набор вещей.

Электровое кольцо (Vickers. 1979. Pl. XVIIIa. Fig. 12–13). Пара золотых ладьевидных серёг («калачиков») (Vickers. 1979. Pl. III a; 2002. Pl. 3). Один конец каждой серьги оформлен в виде головки грифона архаического облика (рис. 1, 1а–б). Тип серёг-калачиков (или ладьевидных серёг) был широко распространён в Греции и на Переднем Востоке с VII в. до н. э. (Higgins. 1980. P. 125). Известен он и в Северном Причерноморье, где встречается с эпохи архаики и до конца скифской эпохи (Скржинская. 1986. С. 122–114; Мартынов. 1997. С. 38). Однако, украшение в виде головок грифонов на серьгах этого типа чрезвычайно редки. Все экземпляры, декорированные подобным образом, связаны с территорией Северного Причерноморья. Кроме подвесок из нимфейской гробницы, такой декор известен только для двух пар серёг. Одна пара происходит из комплекса кургана 3 у с. Дорт-Оба на левом берегу р. Салгир в центральной части Крыма (Петренко. 1978. С. 107. Табл. 19, 10, 10а; Мартынов. 1997. С. 36–37; Алексеев. 2012. С. 124–125; Колтухов, Сенаторов. 2014. С. 68. Рис. 1, 2). Другая обнаружена в составе женского погребения скифского кургана 6 у с. Балабаны в Молдавии, датированном IV в. до н. э. (Чеботаренко. 1973. Рис. 7, 8). С. Г. Колтухов и С. Н. Сенаторов полагают, что могила в кургане 3 Дорт-Обы может быть поставлена «в один ряд с небольшой серией богатых женских захоронений V–IV вв. до н. э. из степной Скифии», причём, по их мнению, серьги с головками грифонов из кургана у с. Балабаны были изготовлены во второй половине V в. до н. э. и достаточно долго использовались, прежде чем попасть в комплекс погребения (Колтухов, Сенаторов. 2014. С. 72). Ту же особенность «длительного ношения» можно отметить и для подвесок из Балабан.

Нашивные бляшки в виде фигурок зайцев (84 экз.) (Vickers. 1979. Pl. IVb–c; 2002. Pl. 5) (рис. 1, 2). Изображения этого животного известны

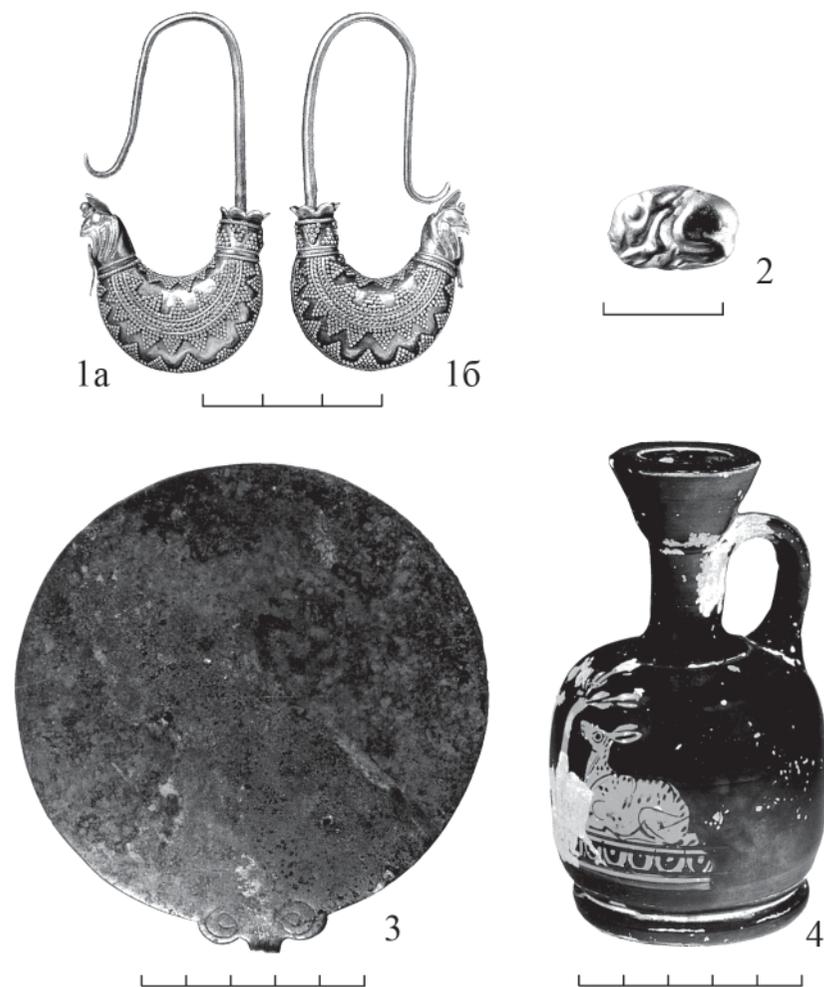

Рис. 1. Инвентарь из женской гробницы 1 некрополя Нимфея

в скифском искусстве (Полидович, Вольная. 2005). А. Р. Канторович отнес бляшки из Нимфея к типу, который он назвал «бельским». Исследователь отметил, что тип «не находит себе близких аналогий в рамках звериного стиля, данный тип композиционно сходен с модулем припавшего к земле хищника в скифском искусстве», и датировал нимфейские бляшки 475–425 гг. до н. э. (с учётом наиболее вероятной даты комплекса гробницы) (Канторович. 2015. С. 840–841). В частности, в похожей манере трактованы золотые бляшки из комплекса кургана 1 (23)/

2001 могильника Перещепино I, исследовавшегося недалеко от западных оборонительных сооружений Бельского городища в лесостепном Приднепровье, который датируется временем около середины V в. до н. э. (Кулатова, Супруненко. 2010. С. 67. Табл. 2, 6).

Бронзовое зеркало (Vickers. 1979. Pl. IIIb; 2002. Pl. 4, 2) с гравированной пальметкой у основания ручки (рис. 1, 3). Согласно классификации З. А. Билимович, это зеркало можно отнести к типу плоских «пелопонесских» зеркал, производившихся в конце VI–V вв. до н. э. (Билимович. 1976. С. 41–42). На двухчастных зеркалах классического времени часто встречается орнамент в виде пальметки с волютами, помещённой у выступа, крепившегося к ручке. С первой половины V в. до н. э. зеркала, украшенные подобным образом, распространяются в Северном Причерноморье (Билимович. 1973. С. 44).

Аттический краснофигурный лекиф с изображением зайца (Vickers. 1979. Pl. IVa. Fig. 2; 2002. Pl. 4, 1) (рис. 1, 4). Оно как бы «повторяет» сюжет, представленный на золотых бляшках, возможно, усиливая его семантическое значение. Форма и стилистические особенности декора позволили М. Викерсу датировать этот сосуд концом V в. до н. э. (Vickers. 2002. P. 20). Вероятно, к этому времени относится и весь комплекс гробницы 1.

Кроме этих вещей, в состав женского комплекса входили предметы, не сохранившиеся до наших дней: золотое ожерелье с подвесками в виде орехов и два мраморных алабастра. В гробнице также найдены фрагменты шкуры, шерстяной ткани, орехи. Среди органических остатков была и морская губка, как и в нимфейском кургане 17 (Силантьева, 1959. С. 71). Особенно интересен фрагмент шерстяной ткани высокого качества, что позволило высказать предположение о том, что она была произведена в Милете, метрополии многих боспорских колоний, славившегося своими тонкорунными овцами (Vickers. 2002. P. 24. Pl. 6).

Таким образом, в нимфейской гробнице 1 погребение воина-аристократа сопровождало «богатое» женское захоронение, в состав которого входили греческие вещи — бронзовое зеркало, расписная посуда. Судя по нашивным бляшкам и, особенно, сергам-калачикам, украшенным изображениями грифонов, аналогии которым «уводят» нас в варварский мир Северного Причерноморья, женщина, вероятнее всего, была положена в могилу в негреческой одежде, или же её убранство включало весьма выразительные элементы, подчеркивающие её связь с туземной средой. Это позволяет предположить, что женщина, так же, как и мужчина, останки которого найдены в этой усыпальнице, вышла из туземной среды Северного Причерноморья.

По сравнению с рассмотренным выше «женским» комплексом инвентарь женского погребения гробницы 2 выглядит более «эллинизированным». Эта гробница, обнаруженная под насыпью кургана высотой 6, 45 м (Vickers. 1979. P. 10), располагалась в восточной его части

на древней дневной поверхности. Не исключено, что курган мог содержать ещё одно, не сохранившееся, мужское захоронение. В гробнице были найдены остатки деревянного гроба. Погребённая здесь женщина лежала головой на восток, на шее у неё было золотое ожерелье (рис. 2, 2), состоящее из бусин в виде головок барана (Vickers. 1979. Pl. VIa; 2002. Pl. 7, 1). Несомненно, оно было изготовлено греческим мастером, хотя близкие аналогии составлявшим его приплюснутым с боков стилизованным бараньим головкам в круге произведений античной торевтики классического времени обнаружить не удаётся. Некоторое сходство в трактовке морды животных можно видеть на подвесках-букралиях в центральной части ожерелий 500–400 гг. до н. э. из Восточной Греции (Higgins. 1980. Pl. 26, верхнее изображение). Среди произведений, обнаруженных в Северном Причерноморье, нимфейским бусам, наиболее близки, на наш взгляд, изображения, представленные на нашивных бляшках из II Семибратнего кургана, датированные 450–425 гг. до н. э. (Уильямс, Огден. 1995. С. 30. Рис. 73).

На плечах погребённой женщины найдены круглые золотые застёжки (рис. 2, 3, а–б), очевидно, скреплявшие одежду (Vickers. 1979. Pl. VIId; 2002. Pl. 7, 3), на левой руке — золотое кольцо с изображением сфинкса (рис. 2, 1) (Vickers. 1979. Pl. VIb; 2002. Pl. 7, 2). Судя по полевой документации, к этому комплексу, вероятно, относились два аттических краснофигурных аска (рис. 2, 4, 5) (Vickers. 1979. Pl. VIIa–b; VIIIa; 2002. Pl. VIII), а также чернофигурные скифосы (рис. 2, 7, 8) и лекана (рис. 2, 6) (Vickers. 1979. Pl. VIIIb, IXa–c; 2002. Pl. 9–10). Скифосы датируются в пределах первой половины V в. до н. э. (Vickers. 2002. P. 30), а лекана — 430–420 гг. до н. э. (Vickers. 2002. P. 31). Очевидно, захоронение можно датировать третьей четвертью V в. до н. э.

На первый взгляд, комплекс гробницы 2 кажется более «эллинизированным» по сравнению с набором вещей из гробницы 1. Однако, этому впечатлению противоречит надпись, процарапанная на дне одного из скифосов — Αὐχῆς (рис. 2, 8а), по всей вероятности, обозначающая имя владелицы сосуда. Написанное по-гречески, имя это, с наибольшей степенью вероятности, является варварским (Тохтасев. 2015. С. 890). И это сразу же ставит под сомнение возможную трактовку комплекса как погребения гречанки. Учитывая особенности обряда (подкурганное захоронение), могилу в гробнице 2 можно также трактовать как элитное погребение скифянки, хотя, возможно, более «эллинизированной», чем та, что была захоронена в гробнице 1.

Придётся признать, что, учитывая сравнительно небольшое число «богатых» женских могил в степном мире Северного Причерноморья классического времени, чрезвычайно трудно выделить признаки, позволившие бы с достаточной степенью достоверности определять «этническую принадлежность» комплексов.

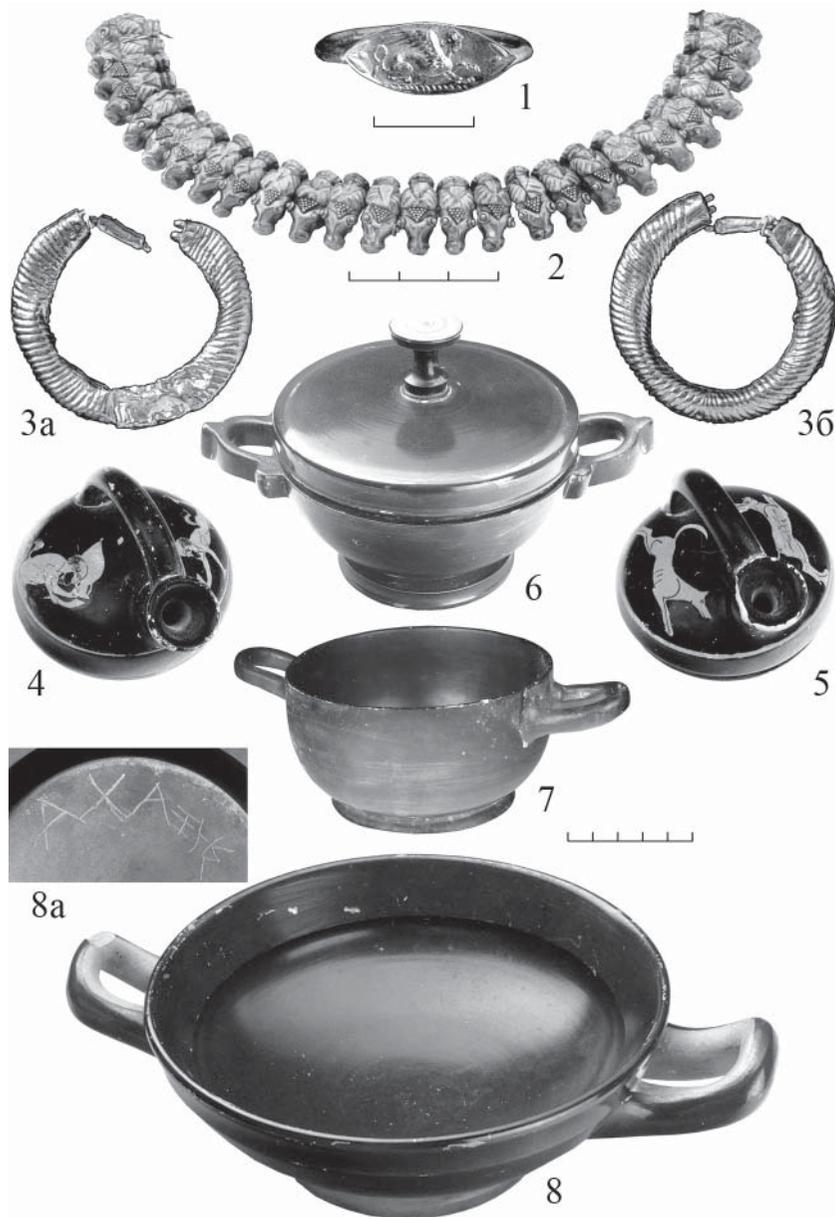

Рис. 2. Инвентарь из женской гробницы 2 некрополя Нимфея

В этой связи уместно будет вспомнить ещё об одном погребении «богатой скифянки» конца V — начала IV в. до н. э. из кургана Темир-Гора к северо-востоку от современной Керчи, инвентарь которого также демонстрирует «высокую степень эллинизации» (Яковенко. 1977). Оно было совершено по обряду кремации. В его состав входили золотые украшения, античная керамика, бронзовое зеркало, а также два перстня с резными камнями греческого производства, причём вставка одного из них (Boardman. 1970. № 600), была предположительно изготовлена в мастерской Дексамена Хиосского (Яковенко. 1977. С. 143). Интерпретировать это захоронение как скифское позволил тот факт, что обнаружено оно было при раскопках скифского кургана. Если бы подобный комплекс был найден, например, на территории некрополя Пантикапея, то его, скорее всего, назвали бы «погребением богатой гречанки».

Подводя некоторые итоги сказанному выше, придётся признать высокую степень эллинизации, присущей, в первую очередь, варварским женским погребальным комплексам эпохи Археанактидов, выявленных на территории Боспорского царства. Трудно выработать какие-то критерии в определении этнической принадлежности довольно немногочисленных женских захоронений этого времени. Однако, по-видимому, решающая роль при попытках этнической интерпретации принадлежит, в первую очередь, особенностям погребального обряда и топографии памятников.

Литература

- З. А. Билимович. Аттические зеркала в Северном Причерноморье // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.
- З. А. Билимович. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. 1974. Вып. 17.
- М. Ю. Вахтина. О гробницах I и VI некрополя Нимфея // Таврические студии. Исторические науки. Симферополь, 2015. № 7.
- Д. Вильямс, Д. Огден. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V—IV вв. до н. э. СПб., 1995.
- Ю. А. Виноградов. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Н. Л. Грач. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- С. А. Зинченко. Нашивные бляшки с изображением оленя из некрополя Нимфея (к вопросу об особенностях функционирования одного канонического образа) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Т. I.
- А. Р. Канторович. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция (рукопись докторской диссертации). Т. I. М., 2015. // http://archaeolog.ru/media/dissovet/Kantor_diss.
- С. Г. Колтухов, С. Н. Сенаторов. Скифское погребение в кургане Дорт-Оба 3 // Таврические студии. Исторические науки. Симферополь, 2014. № 6.
- І. М. Кулатова, О. Б. Супруненко. Кургани скифського часу західної округи Більського городища. Київ, 2010.

- А. К. Мартынов. Золотые серьги из могильника Дорт-Оба // СГЭ. 1997. № 57.
 В. Г. Петренко. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // САИ. М., 1978. Д4-5.
 Ю. Б. Полидович, Г. В. Вольная. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Европы: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М. 2005.
 М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. РАИМК., 1925.
 М. В. Скржинская. Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и её округа. Киев, 1986.
 Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.
 О. Ю. Соколова, Н. А. Павличенко, А. К. Каспаров. Новые находки на территории Нимфейского некрополя // Hesperoboreus. 1999. Vol. 5. Fasc. 2.
 С. Р. Тохтасьев. Из ономастики Северного Причерноморья. XXII: несколько скифских и сарматских имён // Индоевропейские языки и классическая филология. СПб., 2015.
 Г. Ф. Чеботаренко. Скифские курганы у с. Балабаны // Археологические исследования в Молдавии в 1970–1971 гг. Кишинев, 1973.
 Э. В. Яковенко. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
 J. Boardman. Greek Gems and Finger Rings. London, 1970.
 R. Higgins. Greek and Roman Jewellery. London, 1980.
 M. Vickers. Scythian Treasures in Oxford. Oxford, 1979.
 M. Vickers. Scythian and Thracian Antiquities. Oxford, 2002.

О. Ю. Соколова

Изображение грифона из Нимфея

В 1987 году при исследованиях в центральной части городища Нимфей была найдена костяная пластинка с резным изображением мифического существа с туловом льва, крыльями, орлиной головой с разинутым клювом, острыми торчащими ушами и гребнем и перед ним — мужской бородатой головы с длинными волосами и звериными ушами в профиль влево (ГЭ. Инв. № НФ.87.255 — рис. 1). Пластина изготовлена из ребра крупного животного¹. Её размеры: длина 5,9 см, ширина 2,9 см. Рисунок нанесён острым инструментом, на поверхности пластины прослеживаются пятна красной краски — охры. Обратная сторона аккуратно заглажена.

Синкретическое существо с анатомическими признаками хищного зверя, чаще семейства кошачьих (туловище, ноги, уши, хвост), птицы (голова, крылья, иногда ноги), а для определенного периода и признаками рептилий (чешуя, перепончатый гребень) в современной науке определяется как «грифон» (Канторович. 2015. Т. 2. С. 722). Выделяется несколько иконографических типов грифона — раннегреческий, ори-

¹ Определение — ст. науч. сотр. ИИМК РАН А. К. Каспарова.

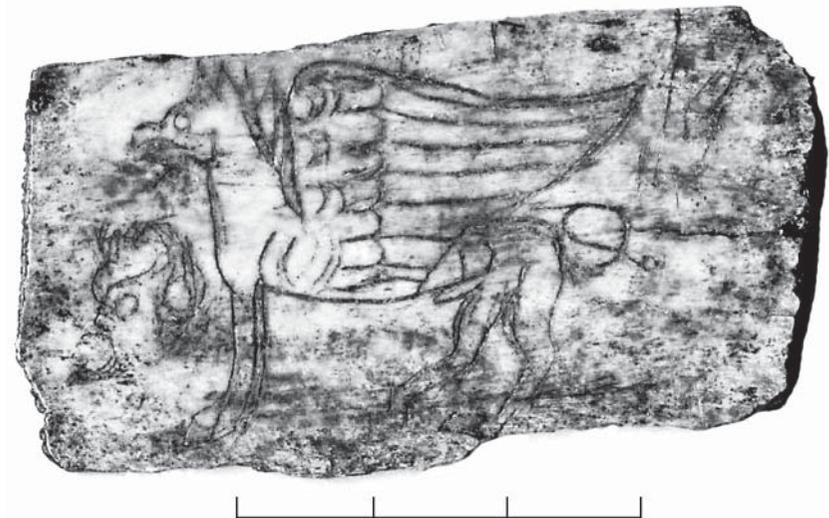

Рис. 1. Костяная пластинка с изображением грифона (ГЭ. Инв. № НФ. 87. 255)

ентализирующий (переднеазиатский), «скифский» (Погребова. 1948. С. 62), ассиро-урартский, хеттский, ахеменидский, позднегреческий (Канторович. 2015. С. 190, 724–725).

Изображения львиноголовых и орлиноголовых грифонов были широко распространены в Северном Причерноморье, особенно на Боспоре. Они встречаются на керамических вазах и металлических сосудах, в декоре парадного оружия и на золотых нашивных бляшках, золотых серьгах, головных украшениях и перстнях-печатах, архитектурных деталях и мозаичных полах, украшениях саркофагов, надгробиях и монетах (Шелов. 1950; Скржинская. 2009; Скржинская. 2010; Федосеев 2013).

По мнению исследователей, в представлении греков, живших в Северном Причерноморье, грифоны выступали спутниками богов Диониса, Афродиты, и в первую очередь, Аполлона. Их изображения на ювелирных изделиях могли служить оберегами для владельцев, а в монументальном искусстве — стражами города. А также они были связаны с подземным миром, куда должна была перейти душа умершего, так как обитали на его границе (Скржинская. 2009. С. 384; Скржинская. 2010. С. 232; Виноградов. 2007. 40–41). На пантикапейских монетах они могли выступать в роли хранителей местных богатств — зерна и рыбы (Брабич. 1959. С. 92), а также отражать связь с местными культурами, в частности, культом змееной богини (Шелов. 1950. С. 68–69). При

этом, некоторые исследователи отмечали, что оба варианта изображений грифонов тесно связаны между собой и по своему значению равны (ОАК 1864. С. 59–60; Шелов. 1950. С. 67). Н. Ф. Федосеев отмечает, указывая на концентрацию находок с изображением грифонов на Боспоре, что это свидетельствует не только о популярности его культа, но и о государственном его характере (Федосеев. 2015. С. 377).

На нимфейской пластине изображено крылатое существо с туловищем хищника, в профиль влево. Голова хищной птицы с раскрытым клювом расположена перпендикулярно шее. Надклювье загнуто, подклювье прямое. Глаз круглый. Треугольные уши расположены перпендикулярно голове. Вдоль мощной, трапециевидно расширяющейся шеи проходит гребень из треугольных зубцов. На груди показаны рёбра. Крылья ориентированы горизонтально вдоль спины, кончики их приподняты вверх. Перья намечены овалами, образующими вертикальные ряды, а маховые перья — продольными широкими полосами. В тазобедренной части обозначены самцовые гениталии. Хвост длинный, тонкий, закручен петлёй. Передние ноги копытного (?) поставлены вместе, задние ноги хищника находятся в нешироком шаге, правая нога впереди.

Изображение грифона на нимфейской пластине соответствует позднегреческому типу — орлиноголовому с перепончатым гребнем, который получил распространение на Боспоре в IV в. до н. э.

Перед грифоном — изображение мужской бородатой головы с длинными волосами и звериными ушами в профиль влево. Оно напоминает изображения на пантикапейских монетах IV в. до н. э., которые определяются как голова сатира (Зограф. 1951. Тб. XL–XLI). По мнению исследователей, это изображения относятся к категории «говорящих» типов, увековечивая память об отце Левкона I (Анохин. 1999. С. 56). А. Д. Б. Шелов отмечал, что головы на пантикапейских монетах, представленные в виде греческих сатиров, изображали какое-то местное божество, связанное с культом змееной богини (Шелов. 1950. С. 63–65).

Рисунок на нимфейской пластинке можно сопоставить с пантикапейскими монетами с головой сатира на лицевой стороне и изображениями грифона — на оборотной. На золотых статерах — львиноголового, на серебряных и медных монетах — орлиноголового. Д. Б. Шелов отмечал связь изображений сатира и грифона на пантикапейских монетах с местными негреческими культами, в частности, культом змееной богини и видел в них «результат сложного скрещения и взаимодействия греческих и местных культов, проявившихся во всех областях культурной жизни классического Боспора» (Шелов. 1950. С. 69).

Пластинка была найдена в центральной части городища (участок «Г»), в горелом слое внутри стен № 118, 125, 116-А, толщина которого составляла около 20 см, с большим количеством самана, кусков угля, скоплением костей животных и керамическим материалом. В слое вместе

с пластиной был найден фрагментированный хиосский канфар (ГЭ. Инв. № НФ.87.105), внешняя сторона которого покрыта светлым плотным ангобом, а на внутренней поверхности — лаковое покрытие разорвано полосой, по которой нанесён слабый светлый ангоб. Подобные канфары характерны для слоёв второй половины VI в. до н. э. (Буйских. 2013. С. 174, кат. 10.144, рис. 169). А также фрагменты родосско-ионийских чаш и миниатюрных кувшинчиков с поясками красной краски и чёрного лака, фрагменты чернофигурных аттических киликов, при этом следует отметить, что часть фрагментов от одного из киликов была найдена ранее в 1972 и 1986 гг. на соседних квадратах (ГЭ. Инв. № НФ.87.111; НФ.87.107+НФ.86.67+НФ.72.421 — Горбунова. 1983), фрагменты краснофигурных аттических сосудов — аска с плохо сохранившимся изображением (ГЭ. Инв. № НФ.87.120) и килика, датирующегося временем около 480–470 гг. до н. э. (ГЭ. Инв. № НФ.87.118 — СВА. Р. 48. Pl. 27. 1–3)¹. Из амфорных находок представлены ножка красноглиняной лесбосской амфоры и горло сероглиняной амфоры, датирующейся второй половиной VI в. до н. э. (ГЭ. Инв. № НФ.87.1), обломки венчиков хиосских раннепухлогорлых амфор последней трети VI — начала V вв. до н. э. (Монахов. 2003. С. 16), а также прямогорлых хиосских амфор, обломки фасосских амфор V — начала IV в. до н. э. Следует отметить фрагмент красноглиняной чашечки с красным ангобом внутри (ГЭ. Инв. № НФ.87.159), фрагменты кухонной (ГЭ. Инв. № НФ.87.167–168) и лепной керамики, фрагменты гераклейской черепицы, в том числе фрагмент полукруглого калиптера с плохо читаемым английским клеймом (ГЭ. Инв. № НФ.87.239), два миниатюрных пирамидальных грузила (ГЭ. Инв. № НФ.87.193–194), глиняная пробка и ложило из ручки амфоры, астрагал со стесанными с двух сторон боковыми гранями (ГЭ. Инв. № НФ.87.254), железный гвоздь, длиной 8,0 см, куски самана, кости животных и рыб.

В целом, комплекс находок датируется в пределах второй половины VI — начала IV вв. до н. э.

Следует отметить ещё одну находку из Нимфея с изображением грифона — каменную матрицу из частной коллекции, опубликованную Н. Ф. Федосеевым и которую он датировал в пределах IV в. до н. э., скорее его второй половиной (Федосеев. 1994).

Литература

- В. А. Анохин. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
 В. М. Брабич. Об охранительном назначении грифонов на пантикапейских монетах IV в. до н. э. // КСИА АН УССР. Киев, 1959. Вып. 9.
 А. В. Буйских. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев, 2013.

¹ Благодарю А. Е. Петракову за помощь в атрибуции керамики.

- Ю. А. Виноградов. Большой лекиф Ксенофанта. Санкт-Петербург, 2007. — (Серия: Античность в Эрмитаже).
- К. С. Горбунова. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.
- А. Н. Зограф. Античные монеты. М.; Л., 1951 — (МИА. № 16).
- А. Р. Канторович. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Москва, 2015. Т. 1–2.
- С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва, Саратов, 2003.
- Н. Н. Погребова. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. 1948. Вып. XXII.
- М. В. Скрижинская. Семантика изображений грифонов на памятниках искусства из раскопок Боспора, Херсонеса и Ольвии // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. Вып. X.
- М. В. Скрижинская. Фантастические существа в культуре, искусстве и религии античных государств Северного Причерноморья // БИ. 2010. Вып. XXIV.
- Н. Ф. Федосеев. Матрица с изображением грифона из Нимфея // ВДИ. 1994. № 4.
- Н. Ф. Федосеев. Боспорский грифон // ДБ. 2013. Т. 19.
- Д. Б. Шелов. К вопросу о взаимодействии греческих и местных купцов в Северном Причерноморье. Сатир и грифон на пантикопейских золотых статерах IV в. до н. э. // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.

В. Н. Зинько

Погребальные комплексы эллинистической знати на хоре Нимфея¹

Первые поселения на хоре Нимфейского полиса появляются не ранее последней четверти VI в. до н. э. (Зинько. 2003. С. 26). Однако некрополи рядом с этими сельскими поселениями начинают формироваться лишь в начале IV в. до н. э. Всего на нимфейской хоре картографировано 2 грунтовых некрополя и 13 курганных групп (Scholl, Zin'ko. 1999. Pp. 70–93). Среди них наиболее широко известно богатое подкурганное погребение в Старшем Трёхбратнем кургане (Ыч-оба), раскопанное в 1965 г. Д. С. Кирилиным (Кирилин. 1966; 1968).

В склепе № 1 с уступчатым перекрытием кургана № 1 («Старший брат», высота — 8,6 м) было парное погребение пожилой женщины в пышном золотом погребальном наряде и девочки, датируемое второй половиной IV в. до н. э. В склепе найден многочисленный погребальный

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

инвентарь (Кирилин. 1968. С. 120). Голову женщины украшали золотой калаф и покрывало, расшитое 15 золотыми пластинами с изображением пальмет и крылатой богини. Лоб обрамляла золотая диадема с изображением льва и пантеры, в ушах — золотые серьги в виде сфинксов. В 9 метрах от склепа в насыпи кургана выявлены остатки каменного жертвенника и монументальный известняковый рельеф с изображением богини Деметры в колеснице и стоящего перед ней всадника (Савостина. 1995; Зинько Е. 1999). Склеп № 2 этого кургана оказался ограблен.

В кургане № 2, высотой 6,7 м, раскопаны 3 погребальных сооружения: ограбленные каменный склеп с уступчатым перекрытием и плитовая могила с 6–7 скелетами, а также не разграбленная плитовая могила с деревянным саркофагом, в котором во второй половине IV в. до н. э. была захоронена богатая чета. Ещё одна разграбленная монументальная плитовая могила исследована в кургане № 3, высота которого 4 м. Она также датируется второй половиной IV в. до н. э. (Бессонова. 1973).

Всего в 3 курганных насыпях, расположенных в 8 км к юго-западу от Нимфея, выявлено 6 погребальных сооружений. В кургане № 1–2 склепа с уступчатым перекрытием, в кургане № 2 — один склеп и 2 монументальных плитовых могилы, в кургане № 3 — одна плитовая могила из известняковых блоков. Во всех трёх насыпях на специальных глиняных подстилках недалеко от погребальных сооружений лежали конские костяки. В курганах № 2 и 3 конские захоронения были разрушены грабителями. Сохранились некоторые детали от уздечных наборов в скифском зверином стиле, в частности, наносник в виде фантастического животного; кроме этого фрагменты бронзовых псалий в виде бычьих голов характерных для Северного Кавказа.

Все эти погребальные комплексы сочетают в себе местные скифские черты погребального ритуала с сильной эллинизацией. Наиболее близкой аналогией Трёхбратним курганам являются расположенные на Нимфейском некрополе курганы со скифскими чертами обряда, датируемые второй половиной V в. до н. э. (Бессонова. 2008. С. 66). По определению А. А. Масленникова «погребения Трёхбратних курганов, скорее всего, принадлежали представителям сильно эллинизированного варварского рода» (Масленников. 1981. С. 56). На основе детального анализа не потревоженных погребальных комплексов к выводу о том, что они принадлежат одному знатному роду, пришёл и М. Ю. Трейстер (Трейстер. 2008. С. 155).

Подобные подкурганые сооружения, в той или иной мере разграбленные, известны и в других районах нимфейской хоры. Так к северо-западу от Нимфея в 1876 г. Н. П. Кондаковым обследовано 5 курганных групп (Люценко, Кондаков. 1876). В двух группах, расположенных в непосредственной близости от большого поселения (поселение

Чурубашское по И. Т. Кругликовой), принятого Н. П. Кондаковым за боспорский город Тиритака, он раскопал пять курганов с разграбленными гробницами. Наиболее хорошо сохранилась каменная гробница в кургане № 1, внутри которой стояла «пепловая урна» с золотым листиком на дне. Здесь же в гробнице найдены 3 глиняных сосуда, нож, 2 бронзовых перстня, бусы, 2 золотых листика и 1 золотая серьга, а также 2 бронзовых монеты. В 1995 г. эта курганная группа была картографирована и получила название «Скалистый курганный могильник». Здесь насчитывается 17 курганных насыпей высотой от 1,1 до 4 метров (Scholl, Zin'ko. 1999. Рр. 85–86).

К востоку от Южно-Чурубашского поселения расположена ещё одна курганная группа, состоящая из 9 курганов, четыре из которых также раскопал Н. П. Кондаков. В трёх курганах им исследовано пять ограбленных земляных гробниц без какого-либо инвентаря. В самом большом кургане по прозвищу «Иван Бий», под завалом из камней, открыта нетронутая и без земли каменная гробница, с двумя скелетами, положенными с согнутыми ногами. Кости скелетов были окрашены в кирпично-красный цвет, вещи отсутствовали. В 1996 г. грабители вскрыли центральные погребения трёх курганов этой группы. В кургане № 8 — грунтовая погребальная конструкция, возле которой удалось собрать отдельные фрагменты железного пластинчатого панциря и черешок копья. В курганах № 5 и № 6 — монументальные каменные ящики из тщательно обработанных известняковых блоков. Судя по фрагментам керамики, собранным в грабительских отвалах, эти погребения можно датировать в пределах первой половины IV в. до н. э. (Зинько. 2003. С. 118).

В ещё одной курганной группе Н. П. Кондаковым раскопано четыре насыпи, большая часть из которых оказалась ограблена. Эти курганы уничтожены несколько десятилетий назад при проведении агротехнических работ. Сохранилось лишь два кургана (курганная группа у поселения Чурубаш-3). Курган № 1 (высота — 1,7 м) в верхней части насыпи имел круглую загородку диаметром до 6 м из вертикально поставленных больших известняковых валунов. В насыпи кургана № 2 также сохранилась круглая загородка из необработанных валунов. Внутри загородки видны стенки каменного ящика. Эти погребальные конструкции близки погребальным памятникам варварского населения, выявленным в Крымском Приазовье (Зинько. 1998. С. 31).

Всего Н. П. Кондаковым в 3 курганных группах раскопано 13 курганных насыпей, содержащих 20 погребений. Все эти захоронения он считал могилами скифских кочевников. К сожалению, отсутствие рисунков находок не позволяет точно датировать курганные погребения, открытые Н. П. Кондаковым на хоре Нимфея. Можно лишь предположить, что часть из них сооружена ранее впускного погребения первой

половины IV в. до н. э. в кургане № 2, в том числе и в эпоху бронзы. К тому же и среди комплексов античного периода скифская принадлежность не всегда бесспорна. Вероятно, наряду со скифскими традициями, мы имеем дело и с иными варварскими (кизил-кобинскими) чертами, выразившимися в скорченности погребённых и посыпанию их красной краской. В то же время захоронения, открытые на Скалистом курганном могильнике, расположенном вблизи поселения Чурубашское (Чурубаш-6), по составу погребального инвентаря, наличию бронзовых монет, а также урны с пеплом, свидетельствуют скорее об эллинских традициях, характерных для боспорских некрополей IV в. до н. э. Эти подкурганные погребения, среди которых выделяется одно-два с особо богатым инвентарём (золотые украшения, оружие), можно рассматривать как погребальные комплексы эллинизированной знати, имевшей земли на хоре.

Курганы выявлены и в приморской части хоры Нимфея. На северной окраине поселения Героевка-2 до недавнего времени находились 4 насыпи, снесённые при земляных работах. В восточной поле большого кургана № 2 (высота около 5 м) удалось исследовать тризну со значительным количеством фрагментов чернолаковой аттической керамики первой половины IV в. до н. э., многие из которых были обожжены (Зинько. 2003. С. 121–122). Лишь один самый южный небольшой курган № 1 (высота не более 1 м) исследован полностью в 1993 г. (Зинько. 1998). В этом кургане обнаружено четыре погребения, три из которых датируются IV в. до н. э. Ко второй — третьей четверти IV в. до н. э. относится основное погребение с трупосожжением, а несколько позднее в насыпи кургана были сделаны два подзахоронения, которые несут отпечаток совсем иной культурной традиции.

В 1,5 км к северу от этих курганов близ поселения Героевка-4 расположена ещё одна курганная группа, состоящая из 3 насыпей. В 2002 г. был исследован наполовину разрушенный курган № 1, расположенный на краю высокого берегового обрыва (Зинько. 2003. С. 123–136). В нём раскопан ограбленный монументальный каменный ящик, сложенный из тщательно обработанных плит. В погребении обнаружена фрагментированная краснофигурная аттическая гидрия второй четверти IV в. до н. э. с изображением пяти персонажей мифа о споре Посейдона и Геры за Аргос (рис. 1). Ножка гидрии оказалась отбитой и была заполнена спрессованным серым пеплом. Она служила импровизированной крышкой урны для погребального пепла. Использование гидрий в качестве погребальных урн зафиксировано в нескольких погребениях Нимфейского некрополя. Кремацию следует датировать первой половиной IV в. до н. э. В 2008 г. грабители проникли в каменный склеп с уступчатым перекрытием соседнего кургана, а на следующий год этот курган снесён и склеп разобран.

Рис. 1. Гидрия из кургана № 1 у поселения Героевка-4. Фото О. Ягги

В юго-восточной части хоры между поселениями Героевка-1 и Героевка-2 на берегу находится курганный некрополь Челядиново Восточное. В 1995 г. здесь картографирован 21 курган, а курган № 16 полностью раскопан (Зинько. 2003. С. 130–133). Первоначальная насыпь возведена над монументальным каменным ящиком, который неоднократно грабился. На каменных плитах пола найдены фрагменты керамики, в том числе, двух чернолаковых лекифов начала IV в. до н. э., около 40 наконечников стрел, бронзовая ворварка, а также фрагменты железного копья, меча и ножа. Это погребение датируется в пределах

первой трети IV в. до н. э. Позднее с северо-западной стороны первоначальной насыпи построен каменный склеп и перекрыт новой большой насыпью. Склеп разрушен в период раннего средневековья. Подобные склепы с короткими небрежно сооружёнными стенками известны на некрополе Нимфея, а также в скифских курганах Восточного Крыма. Этот склеп, судя по находке сетчатого лекифа середины IV в. до н. э., вероятно, можно датировать этим временем.

Исследованные подкурганные сооружения хоры Нимфея относятся к небольшому столетнему периоду использования этих земель в IV в. до н. э. Как и в случае с Трёхбратними курганами, некоторые из них можно рассматривать как усыпальницы знатных (богатых и не очень) родов, владевших землями в окрестностях боспорского города. На каждом некрополе выделяется одна–две курганные насыпи высотой более 4 м. Часть погребальных элементов характерна для всех раскопанных курганов IV в. до н. э., что скорее всего свидетельствует об общепоспорских традициях. Особый интерес представляют курганы с кремациями. В то же время наблюдается, особенно для некрополей удалённых от моря в степь, присутствие иных традиций, свойственных варварским племенам, как Крыма, так и Северного Кавказа. Несмотря на это, отдельные, особо богатые, подкурганные погребальные комплексы нимфейской хоры находят явные аналогии среди погребений знати Пантикапея, в первую очередь в Юз-обинском курганном некрополе.

Литература

- С. С. Бессонова. Погребение IV в. до н. э. из Трёхбратнего кургана // Скифские древности. К., 1973.
- С. С. Бессонова. Погребение № 3 из Среднего Трёхбратнего кургана // Трёхбратние курганы. Симферополь, Бонн, 2008.
- В. Н. Зинько. Погребальные комплексы с хоры Нимфея // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- В. Н. Зинько. Хора боспорского города Нимфея // БИ. 2003. Вып. IV.
- Е. А. Зинько. Сакральная скульптура с сельской округи Нимфея // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
- Д. С. Кирилин. Археологические исследования Ортельской экспедиции Керченского музея в 1965 г. (район Тобечикского озера) // Пленум ИА АН СССР 1996 г. Секция «Античная археология». Тезисы докладов. М., 1966.
- Д. С. Кирилин. Трёхбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- А. С. Люценко, Н. П. Кондаков. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 20. 1876.
- А. А. Масленников. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., 1981.
- Е. А. Савостина. Тема надгробной стелы из Трёхбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах. Армавир, 1995. Вып. 1.
- М. Ю. Трейстер. Погребальный обряд Трёхбратних курганов и проблемы аккультурации // Трёхбратние курганы. Симферополь, Бонн, 2008.
- T. Scholl, V. Zin'ko. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999.

В. А. Хршановский

Элитный склеп-кенотаф на Илуратском плато

В 2003–2008 гг. на юго-западном участке Илуратского плато были исследованы три монументальных склепа, римского времени, сложенные из блоков известняка и перекрытые в древности полуциркульными сводами — № 213, 220 и 225–227 (рис. 1) (Хршановский. 2011а. С. 286–403). Их размеры и архитектурные достоинства не оставляли сомнений в принадлежности лицам чрезвычайно высокого ранга. Помимо самих

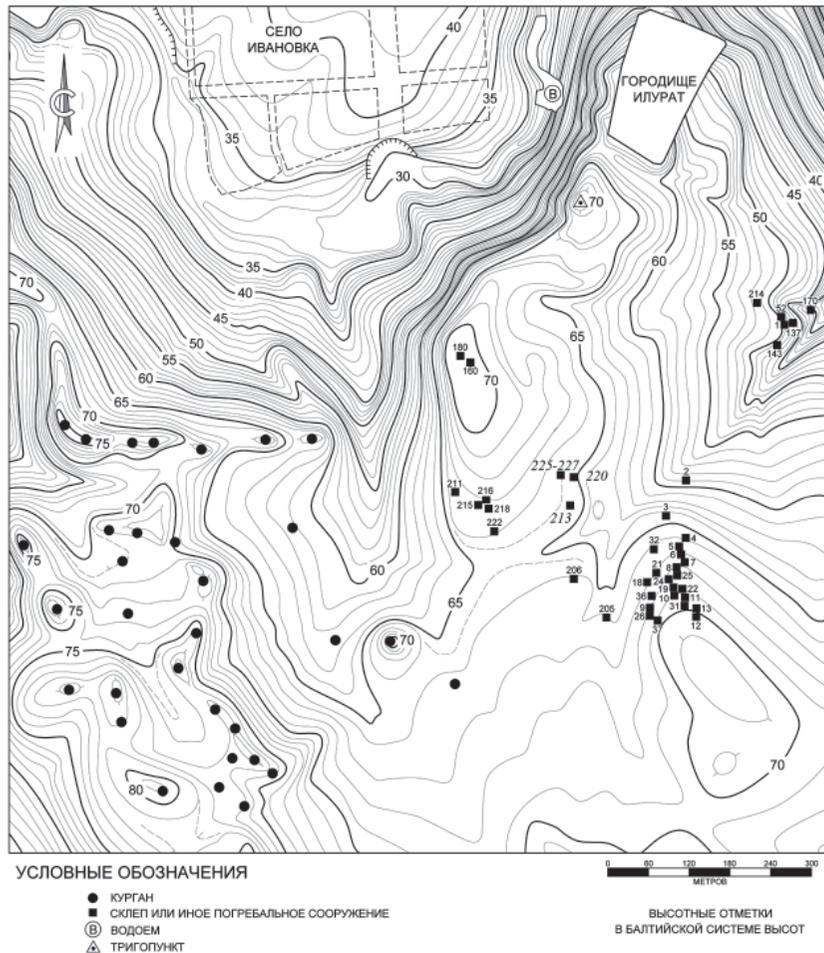

Рис. 1. Склепы и курганы на Илуратском плато. Топографический план

склепов, о высоком статусе людей, для которых они предназначались, свидетельствовали некоторые находки: фрагменты листьев из золотой фольги от погребального венка и, особенно, редкий по своим художественным достоинствам золотой перстень с вставками из граната из склепа № 213 (Захаренков, Трейстер, Хршановский. 2004. С. 79–83. Рис. 7; Мордвинцева, Трейстер. 2007. Т. 2. С. 35. Кат. № А 93а. 1; Т. 3. Табл. 4).

Среди трёх склепов, расположенных компактной группой в непосредственной близости друг от друга, сооружённых и первоначально использованных в течение полувека в конце I — середине II в. н. э., выделяется самый западный из них — недостроенный склеп № 225, составляющий единый погребально-поминальный комплекс с двумя склепами-кенотафами № 226–227 и следами совершённых возле них тризн.

Как и два других (№ 213 и 220), склеп № 225 имел меридиональную ориентацию: дромос с юга подводил к камере, перекрытой в древности полуциркульным сводом. Однако, в отличие от них, он изначально не был достроен: посередине задней (северной) стены камеры находился ещё один входной проём с арочным перекрытием, ведущий не во вторую камеру, а к склепам-кенотафам (№ 226–227) и выгороженной перед ними ритуальной площадке (Рис. 2).

Дромос склепа № 225 имел в плане правильную прямоугольную форму. Он был вырублен в материковом суглинке и с двух сторон облицован каменными стенами. Длина дромоса — 2–2,2 м, ширина — 1,6–1,7 м (немного расширяется к входу в камеру). Восточная стена,

Рис. 2. Склепы-кенотафы № 225–227. Вид с юго-запада

высота которой составляла 2,3–2,35 м, была образована пятью рядами кладки. Западная, высотой 1,85 м, — четырьмя рядами. Все блоки были поставлены с перевязкой.

В южной части дромоса полом являлся выровненный материковый грунт. Ступени или пандус, подводящие к входу, возможно, были разрушены при вторичном использовании склепа и сооружении впускной в дромос лестницы. В северной части почти во всю его ширину лежала растрескавшаяся предпороговая плита подквадратной формы (1,2 × 1,05–1,15 м), толщиной — не менее 0,08–0,1 м.

Дромос подводил к входному проёму шириной 0,9 м. Стена, разделяющая дромос и камеру, была сложена из мощных блоков известняка. Её толщина достигала 0,55 м. Соответственно, такой же ширины был и порог, отделяющий дромос от камеры. Высота порога со стороны дромоса (от предпорожной плиты) — 0,05 м. С восточной стороны от входного проёма стена сохранилась на высоту 1,3 м, с западной — на 1,5 м.

Камера склепа № 225 имела правильную прямоугольную форму (3,5 × 4,6 м) и была вытянута в меридиональном направлении. Максимальная высота её стен (4–6 сохранившихся рядов кладки) достигала 2,4–2,5 м (!). Судя по угловым блокам, камера была перекрыта полуциркульным сводом.

Посередине северной стены был расположен входной проём, шириной около 1 м, глубиной 0,55 м. Высота ступеньки-порога 0,37 м. На высоте 1,23 м от уровня порога с обеих сторон стояли, сохранившиеся *in situ* нижние блоки, некогда перекрывавшего проём арочного свода. Нижняя часть входного проёма была заложена с внешней (северной) стороны камеры двумя рядами кладки из грубо обработанных блоков и камней. Высота кладки — 0,7 м. Несоответствие этого заклада технике и строительной культуре склепа № 225 очевидно.

Пол камеры склепа был покрыт плитами известняка. Вымостка сохранилась почти по всей площади, за исключением нескольких плит в западной половине камеры. В основном они имели правильную прямоугольную или подпрямоугольную форму, размером от 0,4 × 0,17 м до 1,15 × 0,85 м, но были и плиты в форме неправильных четырёхугольников. Толщина плит 0,08–0,1 м. Какой-либо закономерности (рядности) в их расположении не замечено. Особое внимание обращают на себя четыре продольных углубления в плитах северо-восточного угла камеры. В плане они образуют почти правильный прямоугольник (1,8–1,9 × 0,4–0,5 м). Взаиморасположение и размеры пространства, ограниченного этими продольными углублениями (от 0,04 × 0,13 до 0,06 × 0,17 м), позволяют предположить, что они (как и в других склепах) могли быть предназначены для ножек постамента, на который устанавливался гроб.

Помимо продольных углублений на некоторых плитах вымостки имелись и круглые в плане лунки, диаметром от 0,03 до 0,1 м, глубиной —

0,03–0,05 м. Общее их количество достигает двух десятков. В основном, они расположены в южной половине камеры, но несколько лунок находилось на самых северных плитах вымостки.

На всех стенах имелись пробитые в известняковых блоках вертикальные проушины: 2 на южной стене, 5 или 6 на восточной, 7 или 8 на западной, 2 на северной (причём одна была горизонтальной). Общее их количество — более двух десятков. Время их появления и функциональное назначение до сих пор остается невыясненным.

В грунте заполнения склепа находились костные останки людей: не менее 22 взрослых и 7 детей, а также многочисленные кости животных и птиц. К сожалению, местонахождение остеологического материала не позволяет соотнести его с каким-либо определённым периодом функционирования склепа.

В целом по разным группам находок в дромосе и камере склепа № 225 можно выделить три хронологических периода: конец I — первая половина II в. н. э. — время сооружения и первоначального использования склепа; II–III вв. н. э. — вторичные коллективные захоронения и позднеантичный или раннесредневековый период, когда через дромос в камеру была впускана лестница из плоских камней-ступеней.

Среди самых ранних артефактов, синхронных времени сооружения склепа № 225 (конец I — первая половина II в. н. э.) и его первоначального использования, представлены профильные фрагменты амфор, краснолаковые сосуды, светильники и терракотовые статуэтки, среди которых была и редкая по типу протома богини в высоком головном уборе (Хршановский. 2011а. С. 396–396. Рис. 16).

Склепы-кенотафы № 226 и 227. Вместо ожидавшейся второй камеры, за северной стеной камеры склепа № 225 оказалась ритуальная площадка со следами нескольких тризн, ограждённая с восточной и западной сторон стенами из разнокалиберных блоков и необработанных камней, высотой, соответственно, 1,7 м и около 3 м (!). Помимо ритуальной площадки с материалом рубежа I–II вв. н. э., прямо напротив входного проёма в северной стене были обнаружены два склепа-кенотафа № 226 и 227.

Склеп-кенотаф № 226 находился на расстоянии около 1 м от северной стены склепа № 225, прямо напротив входного проёма в северной стене камеры. Однако, при этом, его порог находился гораздо выше (на 1,4–1,5 м) порога камеры, почти на уровне нижних блоков арки, перекрывающий проём. В плане склеп, образованный плитами известняка, стоящими на рёбрах, имел правильную прямоугольную форму, меридиональную ориентацию (с очень небольшим отклонением к северо-западу и юго-востоку). Длина склепа 2,3–2,5 м, ширина 1–1,2 м, высота 1,45–1,5 м. Входной проём, шириной 0,7–0,6 м, высотой 0,95 м закрывали три блока прямоугольной формы. Полком камеры склепа

служил выровненный материковый суглинок. Сверху вся конструкция была перекрыта тремя известняковыми плитами.

Склеп-кенотаф № 227 был расположен «зеркально» по отношению к склепу № 226: вход в него находился на севере. В плане он также представлял собой правильный прямоугольник, ориентированный меридионально, с небольшим отклонением, соответственно, к северо-западу — юго-востоку. Длина склепа, стены которого, как и соседнего, были образованы плитами известняка, стоящими на рёбрах, — 2,4–2,3 м, ширина 0,75–0,8 м, высота 1,35 м. Входной проём в камеру (0,75 × 1,45 м) закрывала одна вертикально поставленная плита известняка подпрямоугольной формы с неровным верхним краем, шириной 0,8–0,97 м, высотой 1,95 м, толщиной 0,08–0,12 м. Склепы № 226–227 имели общую внутреннюю стенку. Как и склеп № 226, он был перекрыт тремя поперечно лежащими известняковыми плитами.

Находки в склепах-кенотафах № 226 и 227 были практически идентичны: в каждом по набору (несколько различающемуся) гипсовых налепов. Налепы плохо сохранились. Среди найденных в склепе № 226 угадываются изображения Ниобид, раненого юноши Ниобида, театральные маски, женские протомы (?). Последние типы встречались и в склепе № 227. Однако, в отличие от набора налепов из соседнего склепа, здесь отсутствовали изображения ниобид, зато находилась голова кошачьего хищника (пантеры?). При этом никаких признаков останков погребённых, деревянных гробов (или их следов), украшением которых гипсовые налепы обычно являлись, не обнаружено. На полу каждого из склепов было найдено по светильнику: в одном случае сероглиняный с удлинённым носиком, в другом — округлый краснолаковый (Хршановский. 2011а. С. 399–403. Рис. 17–19), а в грунте заполнения — по скелету змеи.

Три самых больших склепа на Илуратском плато (№ 213, 220 и 225), расположенные в непосредственной близости друг от друга, не только территориально, но и хронологически близки друг к другу: все они были сооружены в конце I — первой половине II в. н. э. Первым из них, вероятно, был погребально-поминальный комплекс из склепа № 225 и парных склепов-кенотафов № 226–227, так как именно там находились самые ранние амфорные остатки и образцы краснолаковой керамики. Погребально-поминальный комплекс из недостроенного склепа № 225 и склепов-кенотафов № 226–227 вне всякого сомнения свидетельствует о каких-то исторических событиях, происшедших в конце I — первой половине II в. н. э.

Общепринятого научного определения «кенотафа» и всеобъемлющей классификации подобных погребальных памятников до сих пор не существует. Чаще всего, этот термин, в соответствии с буквальным переводом с греческого — «пустая могила», используется для обозначения погребального сооружения без тела покойного, по той или иной

причине недоступного для захоронения (Грушин. 1996. С. 20; Грушин, Тишкин. 1997. С. 42–48).

В традиционном обществе, с присущим его членам типом мышления, «вторжение смерти» в мир живых преодолевалось не просто избавлением от тела покойного, а комплексом ритуальных действий. Человек считался окончательно умершим «только после совершения соответствующих обрядов» (Байбурин. 1993. С. 101, 104–105). Отсутствие физического «объекта» погребения — тела — не избавляло от необходимости совершения ритуала, который, имел свои собственные смысл и цель: обеспечить правильный и необратимый переход умершего в иной мир (Байбурин. 1993. С. 120). Именно этот приоритет «культурного» над «биологическим» мог вызвать появление и распространение кенотафов в погребальной практике древних народов. Их существование зафиксировано и в письменных источниках, и в археологических комплексах.

Кенотафы были известны в Древней Греции. О «пустом погребальном холме (кенотафе)», насыпанном Пелопом в честь Миртилы упоминает Павсаний в «Описании Эллады» (Paus. VI, 20,16). Примеры наиболее известных кенотафов среди греческих погребальных памятников приводят в своей книге Д. Курц и Дж. Бордман (Kurtz, Boardman. 1971. P. 257–259).

Идея создания кенотафов разных типов была присуща скифам как в Сибири (Грушин. 1996. С. 21), так и в Северном Причерноморье (Ольховский. 1991. С. 67, 81, 99–100, 138; Кисель. 2003. С. 26). Известны они и на Боспоре (Хршановский. 2011б. С. 397–402).

Особенность илуратского склепа-кенотафа № 225–227 в том, что, судя по всему, начинали его возводить, как настоящий склеп, причём необычайно большой для Боспорского царства римского времени. В склепе № 225 была построена только первая — малая — камера (или преддверие). Но размеры её — 3,5 × 4,6 м вполне соизмеримы с основными погребальными камерами склепов № 220 (5,6 × 3 м) и № 213 (5 × 3,85 м). Какой же в таком случае предполагалась его большая (собственно погребальная) камера, в которую должен был вести дверной проём с арочным перекрытием в северной стене. И главный вопрос: для кого на Илуратском плато — западной окраине Боспорского царства — склеп такого масштаба мог предназначаться?

То, что склеп № 225 сооружался для какого-то высокопоставленного лица, сомнений не вызывает, как и то, что в ходе строительства склепа произошли события, потребовавшие корректировки первоначальных планов: вместо большой погребальной камеры были сооружены два кенотафа. Исходя из общих соображений, это могло произойти из-за утраты объекта (или объектов) погребения — тела (или тел) умершего.

Судя по материалу из склепов-кенотафов, тризн, совершённых на выгороженной перед ними ритуальной площадке и, некоторым — самым

ранним — находкам из малой камеры склепа № 225, предполагаемые события разворачивались в конце I — первой половине II вв. н. э. В течение этого времени были построены и расположенные в непосредственной близости склепы № 220 и 213. Их взаиморасположение позволяет допустить и некую родственную общность тех, для кого они предназначались.

Учитывая, что три склепа № 213, 220, 225 Илуратского плато входят в пятёрку самых больших (по площади камер) боспорских склепов римского времени (Хршановский. 2011а. С. 404), можно допустить их принадлежность даже представителям правящей династии конца I — первой половины II в. н. э. (Рескупорида I или Рискупорида II, Савромата I, Котиса II, Реметалка) или высшей кочевнической знати.

Литература

- Павсаний. Описание Эллады. М., 2002. Т. 1.
 А. К. Байбурина. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
 С. П. Грушин. Типы кенотафов и причины их сооружения // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 1996.
 С. П. Грушин, А. А. Тишкин. Что такое кенотаф // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. № 2.
 Н. В. Захаренков, М. Ю. Трейстер, В. А. Хршановский. Выдающийся памятник погребальной архитектуры некрополя Илурата // Сборник к 90-летию М. М. Кубланова. СПб., 2004.
 В. А. Кисель. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.
 В. И. Мординцева, М. Ю. Трейстер. Произведения тюреттики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н. э. — II в. н. э. Симферополь, Бонн, 2007.
 В. С. Ольховский. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.
 В. А. Хршановский. Склепы I — первой половины II вв. н. э. на Илуратском плато // ДБ. М., 2011а. Т. 15.
 В. А. Хршановский. Кенотафы на Боспоре: новые открытия (по материалам некролей Китея и Илурата // Взаимовлияние культур. Материалы международной конференции. Керчь, 2011б. — (Боспорские чтения XII).
 D. C. Kurtz, J. Boardman. Greek Burial Customs. London, 1971.

В. А. Горончаровский

Погребальные памятники элиты Синдского царства

В настоящее время погребальные комплексы представителей царского рода и аристократии являются единственным источником информации об элите синдского общества и его материальной культуре, а потому заслуживают самого тщательного всестороннего изучения.

Наиболее представительными из них являются знаменитые Семибратние курганы, раскопанные В. Г. Тизенгаузенем в 1875–76 и 1878 гг. Самые ранние комплексы имели под курганными насыпями возведённые над материком сырцовые склепы с деревянным перекрытием (СК 2, 4, 5)¹ и сопровождающие конские захоронения.

А. М. Новичихин не так давно предложил рассматривать традицию применения сырцовых конструкций как принесённую на Азиатский Боспор греками-колонистами и впоследствии заимствованную синдской аристократией (Новичихин. 2006. С. 23), при этом он ссылается на применение сырцового кирпича для сооружения гробниц на территории Греции и Северного Причерноморья (некрополи Ольвии, поселения Панское I и Нимфея). Надо сказать, что эти примеры никоим образом нельзя признать удачными, поскольку они несопоставимы с СК либо конструктивно, либо в отношении датировки. В Ольвии, как впрочем, и в Пантикапее, для VI–V вв. до н. э. сырцовые склепы отсутствуют, да и могильные ямы, стенки которых облицованы сырцовыми кирпичами, представляют собой единичные случаи (Кастанаян. 1959. С. 258, 276)². В Нимфее известен только один подкурганый сырцовый склеп середины V в. до н. э., но его греческая принадлежность под вопросом, поскольку по всем сторонам от гробницы были обнаружены конские могилы с наборами бронзовых украшений упряжи V в. до н. э. (Силантьева. 1959. С. 86). Сырцовые склепы близ Фанагории связаны с курганными насыпями середины — второй половины V в. до н. э., т. е. синхронны началу формирования Семибратней курганной группы. Что касается соответствующих погребальных сооружений на Панском I, то они датируются IV в. до н. э. (Рогов. 1982. С. 49), как и два сырцовых склепа из некрополя Кеп (Сокольский. 1965. С. 116). В данном случае стены были сложены из кирпичей размерами 0,62 × 0,45 × 0,08 м. Здесь нет ничего общего с принятыми у синдов стандартами, известными по уташской гробнице конца V в. до н. э., где чётко зафиксированы размеры использованных в кладке кирпичей: 0,5 × 0,48 м и 0,52 × 0,5 м при толщине от 0,06 до 0,11 м (Алексеева. 1991. С. 30), т. е. они практически совпадают с длиной персидского «царского» локтя (52,5 см).

Распространение сырцовых сооружений на Таманском полуострове и к востоку от него лишь отчасти можно объяснить отсутствием хорошего строительного камня. В ещё большей степени это относится к району Семибратних курганов, в 5 км от которых находятся современные каменные карьеры. Естественно предположить здесь связь

¹ Здесь и далее для обозначения отдельных Семибратних курганов будет применяться сокращение СК.

² По устной информации Н. И. Сударева, сославшегося на неопубликованные данные, несколько таких могил, датирующихся первой половиной V в. до н. э., обнаружено и в фанагорийском некрополе.

с «какими-то своеобразными чертами погребального культа обитателей Синдики» (Сорокина. 1957. С. 14), а не с греческой традицией или с могильниками VI–V вв. до н. э. в районе Анапы¹, где, по мнению А. М. Новичихина, происходило формирование синдского этноса (Новичихин. 2014. С. 116–117). Истоки этой погребальной обрядности нужно искать в иной культурной среде, чтобы определить регион, откуда они могли быть привнесены.

В скифских курганах между Дунаем и Доном тип сырцовой погребальной камеры отсутствует (Ольховский. 1991. С. 17). С другой стороны, обычай захоронения умершего в просторной наземной погребальной камере, возведённой из сырцового кирпича, в X–VIII вв. до н. э. имел широкое распространение в Приаралье (Итина. 1992. С. 31–37). Для более позднего времени использование склепов из сырцового кирпича, перекрытых деревянными крышами, зафиксировано в курганных могильниках VI — первой половины V вв. до н. э., исследованных в южноуральских степях и Самарском Заволжье, где после середины V в. до н. э. такая традиция быстро исчезает (Мышкин, Скарбовенко. 2010. С. 93). Курганы с сырцовыми конструкциями, возведённые на погребённой почве, в ряде случаев сопровождаются захоронениями взнузданных коней. При этом в могильнике Кырык-Оба II, к югу от р. Урал, стены погребального сооружения при высоте до 1,5 м имели ширину 1 м из четырёх полукирпичей (Гуцалов. 2007. С. 78, 80), т. е. использовался тот же стандарт, что и в уташской гробнице. Впрочем, в субкультуре местной кочевнической элиты такие склепы далеко не доминируют, составляя всего около 12% всей выборки. Это может свидетельствовать о существовании на этой территории какой-то группировки номадов, часть которых могла сместиться в западном направлении около 530 г. до н. э. или ранее под давлением кочевой волны с востока («скифы царские»), положившей начало среднескифской культуре (Алексеев. 2003, с. 208–210). Этой датировке не противоречат имеющиеся в греческой литературной традиции самые ранние упоминания о синдах и Синдике — у эфесского поэта Гиппонакта, жившего во второй половине VI в. до н. э., и его современника Гекатея Милетского, создавшего своё «Землеописание» в конце того же столетия.

К концу VI в. до н. э. синды, очевидно, прочно заняли географическую нишу в Нижнем Прикубанье и обрели доминирующее положение среди местных оседлых и полuosедлых варварских племён, создав военно-политический союз, противостоявший в начале V в. до н. э. скифской экспансии. Эта ситуация могла способствовать налаживанию кон-

¹ Они представлены тремя типами: площадки с каменными закладами; ямы прямоугольной и овальной формы с округлыми обкладками из камня; заглублённые каменные ящики.

тактов с боспорскими эллинами, столкнувшимися с той же угрозой. В этот период в центре Синдики был основан город Лабрис (Семибратнее городище), скорее всего, на первых порах имевший статус эмпория под варварским протекторатом, где на более или менее постоянной основе проживали представители греческих городов, заинтересованных в торговых связях с синдами. Конечно, такое близкое соседство не могло не оказать влияния на погребальную обрядность синдской элиты, но проявилось это далеко не сразу. Можно проследить постепенный переход от сырцовых склепов, возведённых на материке (СК 2 и СК 4) и перекрытых деревянными брусьями (в пределах склепа или отдельно захоронены лошади, число которых может достигать тринадцати), к каменным гробницам, впущенным в угол сырцовых склепов с захоронениями коней в отдельных отсеках (СК 5 — на материке и СК 6 — в материке) и далее — к каменным гробницам вытянутой формы, впущенным в материк (СК 1, СК 3 и СК 7).

При анализе данных комплексов с точки зрения социальных позиций в сравнительном плане можно использовать существующее деление курганов скифской знати по высоте насыпей на четыре группы (Мозолевский, 1979, с. 152, 156–157). В высшую IV группу (верховные цари), за нижний числовой показатель которой следует принять 11 м, попадают только три комплекса: СК 4 (≈ 440–430 гг. до н. э.) — 12,8 м, СК 6 (≈ 410–400 гг. до н. э.) — 11,4 м и СК 1 (≈ 385–375 гг. до н. э.) — 14,9 м. Ещё три комплекса соответствуют II группе высотой от 5,7 до 7,5 м (члены царского рода). Мало отличаясь высотой друг от друга, они образуют достаточно компактную группу курганов (6–6,7 м): СК 2 (≈ 450–440 гг. до н. э.), СК 5 (≈ 430–420 гг. до н. э.) и СК 7 (≈ рубеж V–IV вв. до н. э.). Группа I высотой от 3 до 4,5 м (родовые старейшины, богатые кочевники) представлена лишь небольшим курганом СК 3 (≈ 390–380 гг. до н. э.) — 3,2 м. При этом отметим, что захоронение здесь носило явно экстраординарный характер, но, очевидно, всё же было связано с представителем правившей в Синдике династии.

Таким образом, на протяжении примерно шестидесяти лет в Семибратних курганах были погребены три верховных правителя синддов: около 435 г., 405 г. и 380 г. до н. э. Последним из них согласно античной литературной традиции и данным эпиграфики был Гекатей, судя по всему, погребённый в СК 1 — самом позднем и одновременно самом большом среди Семибратних курганов. В его конструкции при этом наиболее ощутимо влияние боспорской архитектуры, поскольку тут был обнаружен самый ранний на Боспоре оштукатуренный склеп размерами 6,4 × 3,6 м.

Всё же мы не можем утверждать, что Лабрис был единственной точкой притяжения высшей синдской знати, особенно на раннем этапе. Среди погребальных комплексов Азиатского Боспора обращает на себя

внимание курган 6, раскопанный в 1852 г. в непосредственной близости от Фанагории (ФК 6). Высота его насыпи достигала 15,6 м, что позволяет с полным правом отнести этот памятник к категории «царских». В центре кургана был обнаружен расположенный над материком сырцовый склеп с провалившимся деревянным перекрытием. Размеры гробницы сравнительно невелики: 3,6 × 3,2 м (11,5 м²) при высоте 1,8 м, да и сопровождающий инвентарь достаточно скромный (простые деревянные саркофаги, оружие без дополнительной отделки, чуть более десятка золотых бляшек, спиралевидные подвески). К этому нужно добавить расположенное рядом захоронение четырёх лошадей с бронзовыми уздечными наборами. В данном случае высочайший социальный статус подчёркивался не помещённым в могилу богатством, а количеством труда, затраченного для увековечения памяти умершего, судя по всему, бывшего первым правителем Синдики. С учётом всех находок вряд ли будет преувеличением отнести сооружение этого погребального комплекса примерно к 450–440 гг. до н. э. Его появление в окрестностях столицы Азиатского Боспора может говорить о том, что именно Фанагория имела наиболее интенсивные контакты с синдами на раннем этапе существования созданного ими «царства». Видимо, ФК 6 был возведён в тот период, когда только начинала складываться система, обеспечивавшая синдскую элиту товарами престижного потребления. Собственно они здесь практически отсутствуют, а всё немногочисленное золото относится к женскому погребению.

К этому же периоду принадлежит достаточно статусное захоронение в кургане 2, раскопанном в 1852 г. под Фанагорией (ФК 2) (Гёрц. 1898. С. 61). Сырцовая гробница, перекрытая провалившимися внутрь деревянными брусьями находилась на глубине 5,3 м от дна впадины в центре кургана. С учётом размеров самого склепа площадью 25,6 м² высота курганной насыпи была не менее 9 м. В ней на полу из сырцового кирпича лежали скелеты трёх воинов в чешуйчатых панцирях, рядом с которыми найдены остатки горита со стрелами, обломки железных наконечников копий и меча. Из украшений присутствовали только три золотых рельефных бляшки. Часть склепа была выделена загородкой из сырцовых кирпичей, где оказались пять скелетов лошадей с уздечными наборами в положении «голова к хвосту». Ещё шесть скелетов лошадей были обнаружены в загородке с правой стороны гробницы.

В связи с погребениями синдской элиты для нас представляет интерес ещё один комплекс — это курган с гробницей из сырцового кирпича и деревянным перекрытием, исследованный в окрестностях Кеп близ усадьбы Пивнева в 1880 г. (ОАК за 1880. С. XII), датирующийся периодом около 440–430 гг. до н. э.

Как видим, подкурганные погребения синдской аристократии фиксируются именно близ тех античных городов Азиатского Боспора

(Фанагория, Кепы), которые упомянуты в перипле Псевдо-Скилака, как существующие в земле синдов¹.

Захоронения синдской знати, не имевшей прямого отношения к «царскому» роду, рассеяны также на довольно большой территории к западу от Лабриса (Малье Семибратние, курганы близ пос. Джигинка, Уташ). К элитным захоронениям примыкает и погребальный комплекс, реконструированный в ходе изучения коллекции Массоно (музеи Берлина и Филадельфии). Обращает на себя внимание наличие в нём большого количества изделий из золота: около трёхсот бляшек; деталей женского головного убора; пекторали; гривны из литого прута; двух питьевых рогов с львиными головками; пластин-обивок от деревянных сосудов и серебряной с позолотой фиалы (Лесков. 2010. С. 507–512). Ряд аналогий с находками из СК 4 позволяет датировать этот комплекс приблизительно 440–430 гг. до н. э.

Если попытаться проследить постепенные изменения набора престижных предметов в погребальном инвентаре курганных комплексов синдской элиты, наглядно демонстрирующих принадлежность конкретных индивидов к властным структурам, то становится очевидным, что первая декада второй половины V в. до н. э. действительно стала переломной для синдских вождей, значительно расширив их возможности в сфере получения даров и различных ценностей. В отличие от ФК 2 ранние Семибратние курганы (СК 2 и 4) демонстрируют резко возросшее благосостояние правящей элиты (оружие с отделкой золотом и серебром, золотые бляшки, гривны, ожерелья, серебряная и бронзовая посуда).

Своеобразной иллюстрацией дальнейшего развития процесса обогащения синдской элиты является СК 6 (конец V в. до н. э.), где в гробницу был помещён деревянный резной саркофаг с крышкой, обитой покрывалом из тонкой шерстяной ткани с трёхцветной росписью. Изменения в составе предметов погребального инвентаря, проявляются в том, что из их числа выпадают рога для питья вина, тогда как оружие, серебряные сосуды греческой работы и художественная бронза по-прежнему сохраняют свой статус. Безусловным новшеством является ношение золотых перстней.

Что касается роли керамики в быту синдской знати, то она была довольно незначительной. Похоже, что художественные достоинства расписной посуды не имели для неё никакого значения. Единственная интересная в этом отношении краснофигурная пелика с дионисийскими персонажами происходит из СК 1 (ок. 375 г. до н. э.). Прочие многочисленные краснофигурные сосуды вполне рядовой работы.

¹ В некрополе Гермонассы они, например, отсутствуют (Паромов. 2002. С. 192–203).

Помимо пелик, набор форм чернолаковой и расписной керамики ограничен небольшими чашками (7 экз. только в курганах V в. до н. э.), лекифами, алабастрами и аском. Красноглиняная хозяйственная посуда представлена только двумя образцами — это лутерий из СК 4 и кастрюля с ситечком на сливе из СК 6, где было найдено наибольшее количество образцов керамики (6 экз.). В целом подобного рода находки из погребальных комплексов Семибратних курганов (18 экз.) распределяются следующим образом:

- красноглиняная керамика — 11,1% (2 экз.);
- простая чернолаковая керамика — 55,6% (10 экз.);
- краснофигурная керамика — 33,3% (6 экз.).

О сохранении прежних тенденций в культуре элиты местного общества даже в начале IV в. до н. э., когда охваченная затяжными военными действиями Синдика переживает далеко не лучшие времена, в какой-то мере можно судить по основательно ограбленному СК 3. На дне впущенной в материк каменной гробницы там сохранились отделанная золотом и серебром рукоять махайры греческой работы в виде головы грифона и наконечник копья. Среди находок присутствовали также обломки нижней части серебряного сосуда, оправленный в золото вращающийся халцедоновый скарабеоид с изображением медведя и отдельные золотые нашивные бляшки в виде треугольников, пальметок, льва и лежащего козла.

Литература

- А. Ю. Алексеев. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003.
- Е. М. Алексеева. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., Наука, 1991.
- К.К. Гёри. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII ст. до 1859 г. СПб., Императорская Академия наук, 1898.
- С. Ю. Гуцалов. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2.
- М. И. Итина. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., Наука, 1992.
- Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н. э. и местные их особенности // МИА. 1959. № 69.
- А. М. Лесков. «Майкопские сокровища» в музеях Германии и США // Античное наследие Кубани. М., Наука. 2010. Т. 3.
- Б. М. Мозолевский. Товста Могила. Киев, Наукова думка, 1979.
- В. Н. Мышкин, В. А. Скарбовенко. Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // Краеведческие записки. Самара, ООО «Офорт», 2010. Вып. XV.
- А. М. Новичихин. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. Анапа, РИО СГУТ и КД, 2006.

- А. М. Новичихин. Об этногенезе синдов // Древняя и средневековая культура адыгов. Нальчик, Изд. Отдел КБИГИ РАН, 2014.
- В. С. Ольховский. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII– III вв. до н. э.). М., Наука, 1991.
- Я. М. Паромов. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1998. Т. 1.
- Е. Я. Рогов. Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // КСИА. 1985. Вып. 182.
- Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.
- Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепях в 1962 г. // КСИА. 1965. Вып. 103.
- Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., 1957.

Е. Г. Застрожнова

Погребения боспорской элиты из раскопок К. Р. Бегичевым курганного некрополя Фанагории (1853–1855 гг.)

В отечественном боспороведении существует целая серия работ современных исследователей, посвящённых высшему слою боспорского общества, так называемой элите (Виноградов. 2001, 2005, 2015; Горнчаровский. 2013; Паромов. 2000). Крайне актуальными являются вопросы, касающиеся условий и факторов формирования боспорской знати и её социально-политической роли, как в обществе, так и в контексте истории Боспорского царства. Исследователи пытаются выделить из ряда археологических памятников погребальные комплексы, которые в большей или меньшей степени сочетают в себе местные, варварские черты в обряде и сопровождающем инвентаре (Виноградов. 2015. С. 46). Необходимо отметить, что основная часть погребений боспорской элиты была открыта исследователями в XIX столетии. Несомненно, что методический уровень археологов позапрошлого столетия не выдерживает научной критики. Потому современные учёные располагают далеко не всей необходимой, для научного анализа и интерпретации, информацией. Ввиду этого, особой ценностью обладают архивные материалы, благодаря которым можно восстановить все имеющиеся подробности, касающиеся открытия и содержания этих комплексов.

В данной связи особую значимость приобретает не так давно обнаруженная в научно-ведомственном архиве ГИМа машинописная копия фрагмента полевого дневника К. Р. Бегичева, сделанная Л. П. Харко в 1927–1928 гг. (Застрожнова. 2014). Этот фрагмент дневника содержит в себе достаточно подробные сведения о раскопках керченского археолога на Таманском полуострове (в частности — на территории Фанагории) в 1852–1855 гг.

Дневник начинается с описания открытия известной находки — мраморного полихромного саркофага, в одном из больших курганов на берегу Таманского залива (саркофаг не сохранился, т. к. его разбили местные жители. — *Е. З.*). Затем, К. Р. Бегичев пишет, что в июне 1852 г. им были начаты раскопки кургана, располагавшегося неподалеку от того, в котором обнаружили мраморный полихромный саркофаг. Археолог описывал его как самый большой курган из всех видимых на берегах Таманского залива. У подошвы кургана исследователь заложил раскоп по направлению к его центру. На расстоянии 9,6 м от подошвы кургана и на глубине 4,2 м от его поверхности обнаружена постройка из сырцового кирпича длиной 3,5 м и шириной 3,2 м, высота составляла — 1,7 м. Перекрытием сырцовой гробницы служили деревянные брусья, которые истлели и обрушились вниз. В правом углу погребальной камеры найдены две амфоры, раздавленные землёй. Внутри каждой из них находилось по золотой подвеске в виде продолговатых остроконечных шариков. Возле амфор располагалось несколько медных наконечников стрел и наконечник железного копья, сильно окислившегося. Во время расчистки дна этой погребальной камеры зафиксированы два деревянных гроба с плохо сохранившимися костяками мужчины и женщины внутри. К. Р. Бегичев описывал их внешний вид следующим образом: «железные латы покрывали верхнюю часть корпуса мужчины, множество стрел, медных и железных, обломки меча и копий были найдены возле левого бока покойника» (НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 2 об.) Гроб мужчины, украшенный медными скобами, стоял на медных ножках. В дневнике указано, что у женского костяка «было отыскано несколько золотых бляшек с выпуклыми изображениями, несколько продолговатого вида подвесок с золотыми шариками и пара массивных золотых серег, выполненных в виде змеек с пирамидальными оконечностями» (НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 3). У входа в гробницу располагались два больших остроконечных глиняных сосуда «в виде амфор», раздавленных землёй, внутри которых найдено ещё по одной золотой продолговатой подвеске. Третий сосуд, меньшего размера и раздавленный землёй, зафиксирован дальше от входа. По предположению К. Р. Бегичева, эта гробница уцелела от расхищения потому, что впадину в центре кургана от обрушившегося деревянного перекрытия приняли за грабительскую яму.

Руководствуясь подобным соображением, К. Р. Бегичев решил начать раскопки соседнего кургана с такой же впадиной посередине. На глубине 5,3 м были расчищены ряды сырцового кирпича, перекрытые деревянными брусьями, которые провалились от давления земли в погребальную камеру. Дно камеры покрывал толстый слой гнилого дерева. На некоторых его частях сохранились следы розовой, голубой и се-

рой красок. Под слоем дерева, на полу из сырцового кирпича, располагался истлевший костяк, «одетый в стальной панцирь чешуйчатобразного устройства» (НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 2). Слева от него рабочие нашли около 160 наконечников стрел, сильно окислившихся и слипшихся вместе, а также фрагменты железных наконечников копий и фрагментированный меч. Рядом с оружием находилась золотая бляшка с оттиснутым изображением звездочки и большое количество слипшихся стрел, лежащих, по-видимому, у другого, совершенно истлевшего костяка, одетого так же в чешуйчатый панцирь. Возле второго комка стрел оказались ещё две золотые бляшки, одна с изображением мухи, другая — мужской комической маски.

Левее, на дне камеры, зафиксирован ещё один костяк, «одетый в такой же панцирь», у его ног стояла большая глиняная чашка простой работы и «маленькая чашечка с ручками, покрытая чёрным лаком» (килик. — *Е. З.*). В изголовье костяков была обнаружена перегородка из сырцового кирпича, за которой располагалось пять костяков лошадей. На черепах лошадей сохранились «сильно окислившиеся бронзовые узды» (НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 3 об.).

С правой стороны гробницы находилась ещё одна перегородка из сырцового кирпича, за которой были найдены шесть костяков лошадей, на черепах которых сохранились аналогичные первым «узды». Весь погребальный комплекс занимал 25,6 м². Следует добавить, что с западной стороны подошвы этого же кургана была открыта каменная расхищенная гробница. На стенах гробницы сохранилась штукатурка, сверху покрытая бледно-красной краской.

К. Р. Бегичев продолжил раскопки во «втором кургане по левую руку от кургана № 1». Он заложил раскоп с северо-восточной стороны кургана, где находилась большая впадина. На глубине 6,7 м начались слои камня, идущие к центру кургана. У центра кургана археолог обнаружил следы грабительской мины, которые уходили к гробнице. Гробница была покрыта несколькими слоями камки и впущена в материк. В гробнице найдены фрагменты «алабастрид» и бронзовые крючки от украшений гроба. С северной стороны этого же кургана, на глубине 1,4 м от поверхности К. Р. Бегичев раскопал гробницу, боковые стенки которой обложены сырцовым кирпичом. Длина гробницы составляла 2,1 м, ширина — 1 м. В гробнице, с правой стороны от костяка, обращённого головой на восток, лежал железный меч без украшений, возле левого плеча — килик, возле левой руки — бронзовый киаф. В ногах выявлены следы серебряной чашечки с рельефными украшениями, почти совершенно истлевшей, на дне гробницы в беспорядке находилось несколько медных наконечников стрел. Ближе к центру кургана на материке К.Р. Бегичевым была открыта ещё одна гробница, занимавшая не более квадратного метра, с костяком в скорченном положении, без вещей.

В третьем раскопе, с южной стороны того же кургана, исследователь зафиксировал сырцовую гробницу, занимавшую порядка 2 кв. м. В ней обнаружили четыре лошадиных костяка, лежащих головами в одну сторону, на юго-восток. У голов лошадей располагалось несколько медных конских узд. В центре этого кургана К. Р. Бегичевым выявлена ещё одна, впущенная в материк земляная гробница. Погребенный в ней лежал головой на север, вокруг сохранились следы от досок гроба.

Согласно М. И. Ростовцеву, подобные погребения военной знати носят чётко выраженный скифский характер (Ростовцев. 1925. С. 350). Ближайшие аналогии ему он усматривал в погребениях из Семибратних курганов. В. А. Горончаровский относит этот погребальный комплекс ко второй хронологической группе погребений синдской знати и датирует его 430–400 гг. до н. э. (Горончаровский. 2013. С. 120).

Курганы с погребениями воензированной аристократии открыты К. Р. Бегичевым и в 1855 г. В одной из курганных насыпей, к югу от городища, на глубине 0,8 м от поверхности была зафиксирована земляная гробница, в которой находился умерший, ориентированный головой на восток. У правой его руки найден глиняный кувшин, у пояса — бронзовое пряжечное кольцо (НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 17). В этом же кургане на глубине 1 м от поверхности насыпи исследователь открыл земляную гробницу. В ней, рядом с погребённым, находились следующие вещи: у головы — 30 астрагалов, у левого бока — колчан с медными и железными наконечниками стрел, от правого бедра к левой руке, наискось — широкий меч в ножнах, у правого бока — три железных наконечника копий, прикрепленные к истлевшим древкам медными кольцами. У правой руки лежал бронзовый истлевший стригиль. У ног погребённого обнаружены: фрагментированная амфора, чернолаковые килик и киаф (НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 18). К. Р. Бегичев определил данное захоронение, как «могилу воина».

По мнению Ю. А. Виноградова, данные захоронения принадлежат «среднему классу» варварской аристократии (Паромов. 2000. С. 42; Виноградов. 2001. С. 81). Сооружение курганов с богатыми погребениями боспорской элиты, на рубеже V–IV вв. до н. э. характерно для таких городов Боспорского царства, как Пантикапей, Нимфей, Фанагория и Кепы. Основными отличительными чертами этих погребений является наличие варварских черт в погребальном обряде таких как, оружие, нашивные бляшки и погребения коней (Виноградов. 2001. С. 86; Шепко. 2014. С. 536). Примечательно, что практически для всех захоронений одинаков тип погребального сооружения в виде земляной гробницы, обложенной по краям сырцовым кирпичом и перекрытой сверху деревянными брусками (Виноградов. 2015. С. 50).

Литература

- Ю. А. Виноградов. Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского (опыт интерпретации) // ВДИ. 2001. № 4.
- Ю. А. Виноградов. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Ю. А. Виноградов. Погребения элиты Боспора Киммерийского: к выделению центров концентрации и периферии // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, материалы конф. М., 2015.
- В. А. Горончаровский. Малые Семибратние и другие курганы синдской знати // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013.
- Е. Г. Застрожнова. Археологические раскопки Фанагории в 1852–1853 гг. (по материалам полевого журнала К. Р. Бегичева) // БИ. Вып. XXX. Симферополь — Керчь, 2014.
- Я. М. Паромов. Скифские погребения на Таманском полуострове // ТС. Вып. 3. СПб., 2000.
- М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. РАИМК, 1925.
- Л. Г. Шепко. Захоронения коней на Боспоре в историческом контексте // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013.

А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова, М. О. Жуковский, В. Д. Кузнецов

Курган Боюр-Гора (Буерова могила) — усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора

В 2011 году Фанагорийская экспедиция Института археологии РАН провела масштабные раскопки одного из самых больших курганов Таманского полуострова — Боюр-Гора или, как её называли в XIX веке, Буерова могила. Этот курган, безусловно, имеет очень большое значение для изучения истории и культуры Боспора (Виноградов. 2009. С. 284; Виноградов. 2012. С. 101).

Курган Боюр-Гора (рис. 1) находился в 6 км к югу от городища Фанагории, на одной из возвышенностей узкой гряды вулканического по своему происхождению водораздела, протянувшегося с запада на восток от ст. Тамань до ст. Старотитаровская между Таманским заливом и Чёрным морем с его лиманами. Высота кургана составляла около 9 м. Диаметр кургана — около 95 м.

Значительные размеры кургана и его расположение на одной из самых значительных возвышенностей Таманского полуострова позво-

1

2

Рис. 1. Вид на курган Боюр-Гора с воздуха: 1 — вид на курган с вертолета (на заднем плане Васюринская гора). Апрель 2011 г.; 2 — вид на раскопки южной половины кургана

ляют отнести Боюр-Гору к погребальным памятникам «царского» ранга, которые возводились в Северном Причерноморье, как правило, в классическую эпоху. Не вызывает сомнений, что его сооружение, так или иначе, связано с жизнью важнейшего города Азиатского Боспора — Фанагории (Кузнецов. 2007).

Как и подавляющее большинство наиболее крупных курганов Таманского полуострова, памятник подвергался археологическим исследованиям в XIX в. По данным Отчёта Археологической Комиссии за 1870 и 1871 годы курган, именованный тогда «Буерова могила», был исследован на тот момент старшим членом Комиссии — Иваном Егоровичем Забелиным. Представленные им к публикации сведения о двухгодичных раскопках этого памятника крайне скудны и представляют собой насколько возможно краткий формальный обзор проводившихся им изысканий (ОАК. 1870–1871. С. IX–XII, XXXI–XXXIII; Забелин. 1870).

В результате раскопок, предпринятых И. Е. Забелиным, на периферии кургана был обнаружен нетронутый грабителями богатый погребальный комплекс: каменная гробница, содержащая воинское захоронение с большим набором разнообразного инвентаря, и сопровождающее её погребение коня с богатым уздечным набором. Центральное погребение кургана оказалось полностью ограбленным.

Уже будучи частично раскопанной, Буерова могила не переставала привлекать внимание многих исследователей, олицетворявших собой боспорскую археологию того времени. В частности, вышедший на пенсию директор Керченского музея древностей А. Е. Люценко в 1879 г., среди прочего планировал и проведение археологических работ на Буеровой могиле. В 1880 г. исследователь даже получил «Открытый лист» на право проведения раскопок (Виноградов. 2009. С. 306–307). «Записку» А. Е. Люценко о планах археологических работ на 1879 г., где упомянут и интересующий нас курган, можно по праву рассматривать как завещание керченского археолога своим преемникам (Зуев. 2007. С. 10).

Раскопки Буеровой могилы, известной исследователям благодаря «богатым находкам», сделанным в её боковой гробнице в 1870 г., были продолжены только в 1885 г., уже под руководством другого члена Комиссии профессора Н. П. Кондакова. Целью этих исследований стала «окончательная разведка» и поиски других боковых гробниц в сохранившихся к тому времени северо-восточной и юго-восточной частях кургана. Ожидания ученого не оправдались. Опубликованная в 1891 г. информация об этих исследованиях Кондакова крайне скудна (ОАК. 1882–1888. С. LXXXII). М. И. Ростовцев довольно категорично охарактеризовал эти работы на Буеровой могиле: «дополнительные раскопки Кондакова не дали никаких результатов» (Ростовцев. 1925. С. 550).

Несмотря на раскопки XIX в., насыпь Боюр-Горы выделялась среди других крупных курганов в окрестностях Фанагории своей от-

носителем хорошей сохранностью. Следы старых раскопов, представляющие собой радиально сходящиеся к центру кургана западины с оплывшими пологими склонами, оставшиеся от глухих траншей, равномерно окружали насыпь по всему периметру. Судя по современному рельефу, траншеи, прорезавшие насыпь, имели разную длину, при этом ни одна из них не достигла центра кургана, сохранившего правильную полусферическую форму с чуть уплощенной вершиной. Вокруг насыпи довольно чётко были видны всхолмления высотой до 2,5–3 м, образованные отвалами из этих раскопов. Их объём создавал видимость «террасы» у подножия насыпи кургана, визуально увеличивая его размеры. Размеры площадки, занятой курганом и окружающими его отвалами, составляла около 120–130 м в диаметре. Полю кургана к западу и востоку от насыпи переходили в ровную поверхность водораздельного гребня, вытянутого на этом участке с запада-юго-запада на восток-северо-восток. С севера и юга склоны насыпи и окружающих её отвалов раскопок непосредственно переходили в северный и южный склоны водораздела, тем самым ещё больше усиливая визуальный эффект высоты сооружения за счёт естественного рельефа местности. Вершина кургана имела явное уплощение. В целом, западный, северный и восточный склоны кургана визуально производили впечатление наиболее пострадавших от траншей старых раскопов участков насыпи. Южная полая сохранила более пологие очертания.

Для выяснения стратиграфии кургана было сделано в общей сложности 16 стратиграфических разрезов. Разрезы были ориентированы и размечены таким образом, чтобы дать по возможности полную картину формы и структуры кургана. Поверхность погребённой почвы под курганной насыпью ровная, превышение в центральной части профилей над периферией — минимальное — не более 0,1–0,15 см. Исключением стало выявленное превышение уровня древней дневной поверхности в центральной части разрезов до 0,8 м, что позволило предположить наличие под курганной насыпью античного времени более раннего кургана. Предположение полностью подтвердилось благодаря обнаружению погребений 2 и 3, относящихся к кургану I (как он был обозначен), возведённому в эпоху бронзы (рис. 3, 1). Построенный над ним курган античного времени получил номер II. Курган I имел диаметр около 30 м и высоту около 0,8 м на момент сооружения в нём основного захоронения второго по времени кургана (погребение 1). Сразу стоит отметить тот факт, что при выкапывании котлована для строительства основной античной гробницы было частично уничтожено центральное основное захоронение кургана I.

Обобщённые данные стратиграфических разрезов показывают единство структуры насыпи кургана II, созданного по единому замыслу. Основную часть насыпи, её ядро, составляют рыхлые, не плотные су-

глинки. Цветовая дифференциация слоёв ядра кургана связана с взятием грунта из разных уровней естественного почвенного профиля. Диаметр ядра составляет около 35 м. По периметру ядра, отсыпанного в первую очередь и, видимо, на полную высоту кургана, были размещены горизонтальные пласты более тяжелой глины. Пласты глины имеют стандартную толщину около 0,6–0,8 м в нижней части насыпи и около 0,35–0,5 м — в верхней. Пласты грунта были переложены слоями камки, имеющей в разрезах розовый, белёсый или коричневый оттенок. Горизонты водорослей очень выражены, их толщина достигает 2 см, в среднем составляя около 1 см.

Внешний слой насыпи был сформирован из жёлтой материковой глины, слои которой сохранились повсеместно на периферии кургана и частично — на его вершине, там, где не были уничтожены перекопами и раскопочными траншеями.

Приведём краткое описание античных погребальных комплексов Боюр-Горы.

Неограбленное впускное погребение, обнаруженное в Буеровой могиле в 1870 г., М. И. Ростовцев справедливо назвал «монументальным» и «в высокой степени интересным» (Ростовцев. 1925. С. 550). Исследователь сетовал на то, что вещи из него «до сих пор нигде не были опубликованы и даже не описаны» (Ростовцев. 1925. С. 550). Он частично исправил эту ситуацию в своих публикациях (Ростовцев. 1918. Табл. II. 5, 7, 8; III. 4; Ростовцев. 1925. С. 550). Но, к большому сожалению, мы и сейчас можем констатировать тот факт, что выдающийся комплекс Буеровой могилы, хранящийся в Государственном Эрмитаже, за исключением отдельных вещей, полностью не введён в научный оборот и остаётся неизвестным широкому кругу исследователей. Поиски, обработка и подготовка к публикации вещей из этой гробницы, а также архивных материалов, связанных с ними являются важным и трудоёмким направлением деятельности, которое пока находится за границами задач, стоявших перед авторами. Но проект этот ждёт своей реализации в рамках полной публикации материалов исследований Боюр-Горы.

Основным источником, содержащим описание интересующей нас гробницы, помимо дневника И. Е. Забелина являются четыре неполных страницы Отчёта ИАК за 1870 и 1871 годы (ОАК. 1870–1871. С. IX–XII). Первые признаки обнаружения усыпальницы появились, когда был найден скелет взызданного коня, уложенного головой на северо-запад. Уздечный набор состоял из бронзовых, покрытых серебром и позолотой, блях, наносника и других элементов из бронзы и железа. Кроме того, узду украшали три большие стеклянные бусины (ОАК. 1870–1871. С. IX–X). Рядом с конём, в полутора метрах на северо-запад от его костей, была открыта не ограбленная каменная гробница, содержащая богатый погребальный инвентарь.

В своё время, рассматривая материалы из Буеровой могилы, М. И. Ростовцев отнёс неограбленное погребение из неё к группе захоронений эпохи раннего эллинизма и датировал его временем не ранее III–II вв. до н.э. (Ростовцев. 1918. С. 45. Табл. II. 4, 7, 8; Ростовцев. 1925. С. 549–550). С тех пор в археологической науке многое изменилось. Однако, как справедливо отметил Ю. А. Виноградов, «более точная его хронологическая атрибуция в настоящее время почти невозможна, поскольку богатейший инвентарь этой гробницы, за исключением отдельных предметов, ещё не опубликован» (Виноградов. 2009. С. 284; Виноградов. 2012. С. 101). Тем не менее, не погружаясь глубоко в детальный анализ возможных хронологических позиций комплекса, найденного в 1870 г., постараемся привести краткий обзор современных представлений о его хронологии. Отдельные вещи из этого погребения фигурируют в работах, посвящённых тем или иным проблемам археологии Северного Причерноморья.

Особый интерес исследователей ещё в начале XX века вызывало клинковое оружие и декор его ножен (Ростовцев. 1918. Табл. II. 5, 7, 8; III. 4; Ростовцев. 1925. С. 550). Этот интерес не угасает и в настоящие дни. Частично сохранившийся короткий меч с навершием в виде лебединых головок исследователи относят к группе клинкового оружия последних веков до н. э. с антенновидным навершием. В качестве ближайшей аналогии золотого декора его ножен признаётся обкладка ножен II–I вв. до н. э. из кургана 1 южной группы Прохоровского могильника (Зуев. 2000. С. 304–330; Зуев. 2013. С. 512–522; Симоненко. 2015. С. 40).

Довольно давно интересует учёных и обнаруженный в гробнице шлем (Рабинович. 1941. С. 163–164; Рис. 28; Waurick. 1988. С. 14). Фрагменты этого наголовья большинство исследователей склонны соотносить со шлемами типа конос (Рабинович. 1941. С. 163; Алексинский. 2008. С. 19; Дедюлькин. 2014. С. 60, 62; Симоненко. 2015. С. 197), хотя нельзя полностью исключить и возможную его принадлежность к псевдоаттическим шлемам (Рабинович. 1941. С. 163–164; Дедюлькин. 2014. С. 62–63). Датировка шлема из Буеровой могилы у исследователей не одинакова. Д. П. Алексинский считает, что шлемы типа конос бытовали во второй половине III–II вв. до н. э. (Алексинский. 2008. С. 26). А. В. Дедюлькин в своей публикации отнёс интересующий нас экземпляр к поздней хронологической группе шлемов второй половины II — первой половины I вв. до н. э. (Дедюлькин. 2014. С. 64), однако в устной беседе сообщил, что сейчас склоняется к датировке этого шлема в границах II в. до н. э.¹ Концом II в. до н. э., возможно, началом I в. до н. э. датирует находку из Буеровой могилы А. В. Симоненко (Симоненко. 2015. С. 197).

¹ Авторы выражают свою признательность А. В. Дедюлькину за информацию о шлеме из Буеровой могилы.

Привлекал внимание исследователей и уздечный набор коня, сопровождавшего погребение. Пара прекрасно сохранившихся псалиев приводилась как ближайшая территориально и хронологически аналогия фрагментированного псалия из Ахтанизовского клада (Максимова. 1969. С. 58), датируемого автором публикации концом II в. до н. э. В границах III–II вв. до н. э. датируется Гордашевский «клад» с аналогичной парой псалиев (Полин, Карнаух. 2012. С. 134–144).

Особый интерес для датировки погребения, конечно же, имеют найденные в нём произведения торевтики и ювелирного искусства. Подробный разбор хронологии этих немногих опубликованных вещей выходит за рамки задач настоящей статьи. Поэтому приведём лишь краткую характеристику этих материалов, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Находки, так или иначе фигурировавшие в научных изданиях, представлены следующими вещами: многовитковая золотая гривна из полых трубок с головками животных на концах; золотой венчик в виде полой трубки с лавровыми листьями и круглым медальоном с изображением Гелиоса на квадриге; серебряная чаша конической формы, серебряный канфар. Перечисленные вещи рассматриваются или упоминаются в различных исследованиях (Ростовцев. 1918; Ростовцев. 1925; Rostowzew. 1931; Рабинович. 1941; Коровина. 1964; Максимова. 1969; Waurick. 1988; Мордвинцева, Трейстер. 2007; Алексинский. 2008; Власова. 2009; Дедюлькин. 2014; Абрамзон, Трейстер. 2015; Трейстер. 2015; Симоненко. 2015 и др.). Мнения авторов этих работ относительно датировки комплекса несколько разнятся. Так, хранитель этих вещей — Е. В. Власова — предлагает датировать погребение концом II — первой половиной I в. до н. э. (Власова. 2009. С. 78). В. И. Мордвинцева и М. Ю. Трейстер датируют все перечисленные предметы II в. до н. э., однако в своих более поздних публикациях М. Ю. Трейстер пересматривает дату золотого венка в сторону удревления, определяя его хронологическую позицию временем не позднее конца III в. до н. э. (Трейстер. 2015. С. 79; Абрамзон, Трейстер. 2015. С. 194).

Итак, определение точной хронологической позиции исследованной в 1870 г. гробницы невозможно без полной публикации её богатейшего инвентаря. Однако на основании представленного краткого обзора материалов, в той или иной степени доступных исследователям, позволим себе предварительно ограничить хронологическую позицию комплекса II в. до н. э.

Косвенным подтверждением такой датировки усыпальницы из Бююр-Горы могут служить недавние находки подобных ей усыпальниц на Восточном некрополе Фанагории. Они представляют собой менее монументальные «каменные ящики», сложенные из тёсаных известняковых плит. Те из них, что дошли до нас не ограбленными, содержат многочисленный инвентарь, позволяющий уверенно датировать их II в. до н. э.

Основное погребение античного кургана (погребение 1) обнаружено ещё в 1871 г. И. Е. Забелиным при помощи раскопчного тоннеля «мины» (рис. 2, 2), но полностью тогда исследовано не было. Расположено практически в центре сохранившейся насыпи кургана.

Центральная гробница, ради которой и соорудалась монументальная насыпь кургана, была профессионально ограблена ещё в древности (рис. 3–4). Первое свидетельство тому — грабительская воронкообразная яма гигантских размеров, вырытая в самом центре насыпи непосредственно над гробницей. Дно ямы очень точно «село» на всю площадь гробницы. Вероятно, это свидетельствует о высоком профессионализме и обширном опыте расхитителей гробниц, покусившихся на сокровища этого кургана. Столь высокая точность попадания грабительской ямы на основное погребение может свидетельствовать и о довольно ранней дате ограбления. Другими словами, грабители знали точное местоположение гробницы в теле огромной насыпи или ориентировались по просевшему после обрушения перекрытия грунту. Последнее гораздо менее вероятно в связи с огромными размерами насыпи по сравнению с крайне небольшим внутренним объёмом пространства гробницы, скорее всего, при обрушении перекрытия явного провала на поверхности появиться не могло. Нельзя исключать и того обстоятельства, что грабители могли присутствовать на погребальной церемонии или участвовать в сооружении насыпи, а может быть и самой гробницы. В таком случае, они имели конкретную информацию о расположении погребения и его конструкции.

Об относительно скором разграблении усыпальницы после похорон косвенно свидетельствуют и находки, происходящие из погребения. Они обнаружены на дне грабительской ямы рядом с гробницей, на полу самой усыпальницы и в её заполнении. В основном это мелкие детали пышной внешней отделки деревянного саркофага — аппликации из резной слоновой кости, стекла. Кроме того, здесь были найдены комочки смятой тончайшей золотой фольги, а также небольшие бронзовые и железные элементы конструкции саркофага. Обнаруженные в погребении вещи по составу и морфологическим признакам совпадают с находками 1870 г., описанными И. Е. Забелиным, проникшим в усыпальницу через «мину». Тот факт, что следы саркофага представлены исключительно мелкими деталями и никаких крупных частей не обнаружено, косвенно свидетельствует о том, что на момент ограбления деревянный саркофаг имел сохранность, позволяющую вытащить его на вершину кургана целиком, вместе с содержимым.

Некоторую информацию для реконструкции хотя бы примерного времени ограбления основного захоронения античного кургана могут дать результаты антропологических исследований¹, в частности сохран-

¹ Все антропологические определения материалов из раскопок Боюр-Горы в 2011 г. выполнены д.и.н. М. В. Добровольской.

ность и полнота антропологических материалов. Они представлены мелкими костями скелетов двух человек — мужчины в возрасте старше 40 лет и младенца, обнаруженными среди прочих находок на дне грабительской ямы и в заполнении погребения. Возможно, это говорит о том, что ограбление произошло уже после того, как мягкие ткани полностью освободили скелеты погребённых, иначе обнаруженные мелкие кости не смогли выпасть из саркофага во время его извлечения.

Здесь же стоит обсудить предположение, связанное с историей кургана после ограбления и, в частности, с сохранностью его насыпи. Речь пойдет о преднамеренной засыпке грабительского колодца. Этот факт подтверждается отсутствием в месте проникновения грабительской ямы каких-либо явных признаков на поверхности насыпи, за исключением, пожалуй, того обстоятельства, что вершина кургана стала плоской. Если бы яма не была довольно аккуратно и основательно засыпана грунтом, её местоположение хорошо маркировалось бы на поверхности воронкой заметных размеров или хотя бы плавным понижением на поверхности насыпи. Маловероятно, что значительные отвалы, оставленные грабителями на крутых склонах насыпи вокруг широкого устья ямы могли так аккуратно её затянуть впоследствии. С большим успехом они бы сползли вниз по склону насыпи, а не внутрь ямы. Естественное обрушение бортов оставленной ямы в результате выветривания, скорее всего, уничтожило бы сохранившуюся вершину насыпи, оставив в ней глубокую западину. Кроме того, грунт заполнения грабительской ямы однороден и соответствует окружающему его слою насыпи кургана. Кроме того, никаких следов почвообразования, которое могло появиться при постепенном «затягивании» ямы внутри заполнения не выявлено. Приведённые аргументы позволяют нам с большой долей вероятности предполагать, что яма, вырытая при разграблении кургана, сразу или через какое-то непродолжительное время была засыпана. Причины этого остаются неясными. Возможно, это было сделано для сокрытия преступления самими копателями могил, а возможно и горожанами, могилау знатного соотечественника которых осквернили грабители. Дать однозначный ответ на этот вопрос мы уже не сможем.

Как уже говорилось выше, после грабителей в центральном погребении кургана побывали археологи XIX века. Они проникли туда посредством системы тоннелей-мин, «прочёсывая» тело кургана в его центральной части. Один из подземных коридоров Забелина (обнаружен в 2011 г. не обрушившимся) прошёл в метре от южной стены гробницы (рис. 2, 2), «подрезав» край сырцового завала над котлованом гробницы на уровне поверхности кургана эпохи бронзы. Разрез нескольких сырцовых кирпичей из завала был замечен нами на северной стене подземного хода. И только следующим коридором, параллельным этому, раскопщикам удалось выйти на северо-западный угол погребения 1.

К тому времени оно было плотно забутовано заполнением с включениями известняковых обломков конструкции самого погребения. Для того чтобы понять ситуацию в узком тоннеле исследователям пришлось проломить стену гробницы и пройти узким раскопом вдоль внутренних стен (западной и, частично, южной). При этом И. Е. Забелину удалось выяснить ширину внутреннего пространства помещения (по размерам полностью расчищенной западной стены). Для того чтобы узнать длину помещения, не раскапывая при этом его полностью и сокращая, таким образом, время опасной и трудоёмкой работы под землёй, археологи пробурили оставшуюся толщу заполнения гробницы вдоль её южной стены. На этом исследования 1871 г. были свёрнуты, так как разрушенные грабителями стены усыпальницы и её заполнение, содержащее мелкие элементы украшений саркофага, не двусмысленно говорили о том, что археологи побывали здесь не первыми. Таким образом, в XIX веке центральная гробница не была исследована полностью, работы были остановлены, как только стало понятно, что элитная гробница полностью ограблена в древности.

На момент обнаружения погребения в 2011 г. его перекрытие отсутствовало, а всё внутреннее пространство было заполнено грунтом. Тоннель XIX в. пробил верхнюю часть северо-западного угла сооружения, после чего часть заполнения погребения вдоль западной торцевой стены была выбрана до пола. Затем, непосредственно у пола, вдоль продольной южной стены гробницы был начат невысокий горизонтальный ход, не дошедший до противоположной восточной стены сооружения. Именно в стене этого хода сохранились следы горизонтального бурения проведённого И. Е. Забелиным, вероятно, для определения длины погребального сооружения.

Работы 2011 г. позволили полностью исследовать основное погребение античной насыпи. Оно представляло собой сырцово-каменную гробницу без дромоса, которая в плане имела прямоугольную форму и была ориентирована длинными сторонами по линии запад-восток (рис. 3–4).

Специального рассмотрения заслуживает конструкция погребального сооружения, возведённого следующим образом. В центре уже существовавшего на этой возвышенности невысокого кургана бронзового века был выкопан котлован. На уровне поверхности он имел форму близкую к овалу размером 3×4 м. Борта котлована были скошены внутрь. Это хорошо видно на его разрезах. Следует отметить, что при сооружении котлована частично было разрушено одно из погребений бронзового века, находившееся в центральной части ранней насыпи. Грунт из котлована был уложен преимущественно к северу от него и в плане представляет собой полукольцо неправильной формы.

Внутри котлована была построена каменно-сырцовая конструкция. Сначала на дно котлована уложили и плотно подогнали друг к другу из-

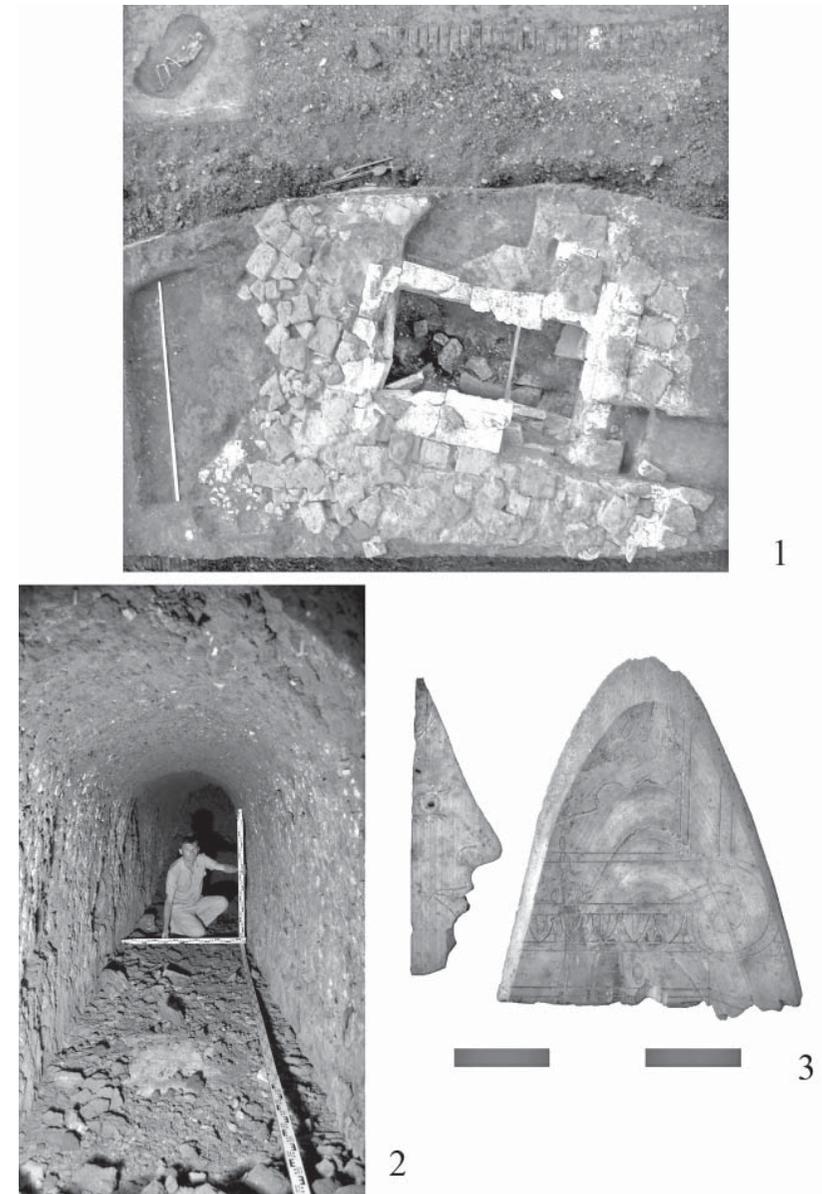

Рис. 2. Курган Божур-Гора: 1 — погребения 1 и 2. Север внизу; 2 — Раскопный тоннель И. Е. Забелина. Вид на участок мины с сохранившимся сводом; 3 — Фрагменты резного костяного убранства саркофага из погребения 1. Сохранились следы красной и белой краски

вестняковые плиты пола. Затем вертикально был установлен нижний ряд каменных плит стен. С длинных сторон установлено по три плиты, с коротких — по две. Пространство между внешней поверхностью плит и внутренней поверхностью котлована закладывалось сырцовыми кирпичами, ряды которых довольно хорошо читались в разрезе. Следующий ряд каменных плит уже укладывался горизонтально таким образом, что внутренняя поверхность стены гробницы была идеально ровной. При этом лежащие блоки частично опирались на нижний ряд каменных плит, частично на сырцовую кладку. Описанная процедура при сооружении стен усыпальницы повторялась три раза. В результате этой работы внутренняя поверхность стен гробницы стала производить впечатление исключительно качественной каменной кладки из чередующихся (по три ряда) мощных блоков и горизонтальных плит. При этом верхний ряд замыкали плиты, уложенные горизонтально, а общая высота стен от каменного пола гробницы до верхней точки каменной «облицовки» стен составляла около 2,2 м. Внутренние размеры сооружения следующие — 3,7 × 1,9 × 2,2 м.

Таким образом, всё пространство котлована, за исключением погребального помещения, было заложено сырцовыми кирпичами. А каменные плиты оказались, как бы вмонтированы в эту сырцовую кладку. В итоге получалось прочное и надёжное архитектурное сооружение, конструкция которого позволяла древним строителям, не навредив внешнему виду гробницы, существенно сэкономить дефицитный для Таманского полуострова камень. При этом находясь внутри усыпальницы, невозможно было понять, что она состоит не только из каменных блоков. Оставшиеся невостребованными при строительстве сырцовые кирпичи были бессистемно уложены вокруг устья погребального сооружения, преимущественно на площадь, занятую котлованом.

Следует отметить то обстоятельство, что подтёска каменных заготовок-блоков, из которых был построена гробница, осуществлялась прямо на месте строительства. То есть на поверхности кургана эпохи бронзы, преимущественно южнее вырытого котлована. На это указывает пласт мелкой известняковой крошки и некрупных камней-сколов, чётко маркирующий уровень поверхности первичной насыпи на момент строительства античной гробницы. Здесь необходимо упомянуть обнаруженные при раскопках кургана крупные блоки известняка с не совсем правильной геометрией сторон (объекты 4 и 5). Вероятно, они являлись сырьём для строительства погребальной конструкции и остались не востребованными, а позже были использованы в ритуальных целях (эсхары, жертвенники?).

Каким было перекрытие гробницы доподлинно неизвестно. И. Е. Забелин предполагал, что гробница имела «призматический свод, который уже обвалился» (ОАК. 1870–1871. С. XXXII). М. И. Ростовцев считал, что этот «склеп» имел уступчатое перекрытие (Ростовцев. 1925. С. 550). Однако проведённые нами исследования не подтвердили эти

гипотезы. Описанная выше конструкция стен не могла стать надёжной опорой для предполагаемых обоими исследователями вариантов свода, да и для любого другого тяжёлого каменного перекрытия. Можно было бы предположить, что центральное захоронение огромного кургана было перекрыто массивными плоскими плитами, но и это предположение не выдержало проверки. В результате археологических исследований на продольных бортах усыпальницы, прямо на плитах верхнего ряда стен и на сырцовой кладке за ними удалось проследить плохо сохранившийся древесный тлен. Вероятно, он был оставлен бревенчатым накатом, перекрывавшим сверху всю гробницу. Судя по дошедшим до нас отпечаткам, брёвна имели толщину около 20 см (рис. 3). Сверху накат был засыпан мощным слоем водорослей (камка), местами на брёвнах лежали сырцовые кирпичи. Если условно допустить, что гробница все-таки имела какое-либо каменное перекрытие (прямое, уступчатое и т. д.), то оно было бы вынуждено опираться не на каменные плиты верхнего ряда стен, а на брёвна, лежавшие на них. Подобная неустойчивая и громоздкая конструкция теряет всякий смысл, а, следовательно, и право на существование в реальной действительности. По той же причине (обнаружение древесного тлена бревен в плоскости верхнего края стен гробницы) бревенчатый накат не мог быть перекрытием разгрузочной камеры, подобным тому, что обнаружено над склепом исследованного в 2003 г. кургана Южного некрополя Фанагории (Кузнецов. 2004. С. 112). Эти бревенчатые конструкции, известные во многих боспорских курганах, призваны ослаблять давление грунта над каменным сводом склепа и поэтому располагаются гораздо выше уровня окончания стен камеры — над сводом, который защищают. Однако отсутствие остатков каменного перекрытия в заполнении грабительского колодца лишь подтверждает, что его и не было в «архитектурном проекте» главного погребального сооружения Бююр-Горы.

К этому можно добавить, что высокое выпуклое каменное перекрытие (любой конструкции) имеет значение для погребального помещения, которое предназначено для неоднократных захоронений и посещений с целью выполнения ритуальных действий. Конструкция же основного захоронения Бююр-Горы по своим формальным признакам (отсутствие входа и дромоса, узкая прямоугольная погребальная камера, небольшая площадь внутреннего помещения, плоское перекрытие) немногим похожа на склеп. По форме (пропорциям), особенностям использования (однократное захоронение) и конструктивным решениям гробница более напоминает так называемые погребальные «ящики», сложенные из каменных блоков или плит и перекрытые такими же плитами (Ворошилов, Ворошилова. 2016. С. 23–28). Однако она принципиально отличается от них грандиозностью сооружения и сложностью сырцово-каменной конструкции.

Рис. 3. Курган Бююр-Гора. Погребение 1. План на уровне деревянного перекрытия гробницы

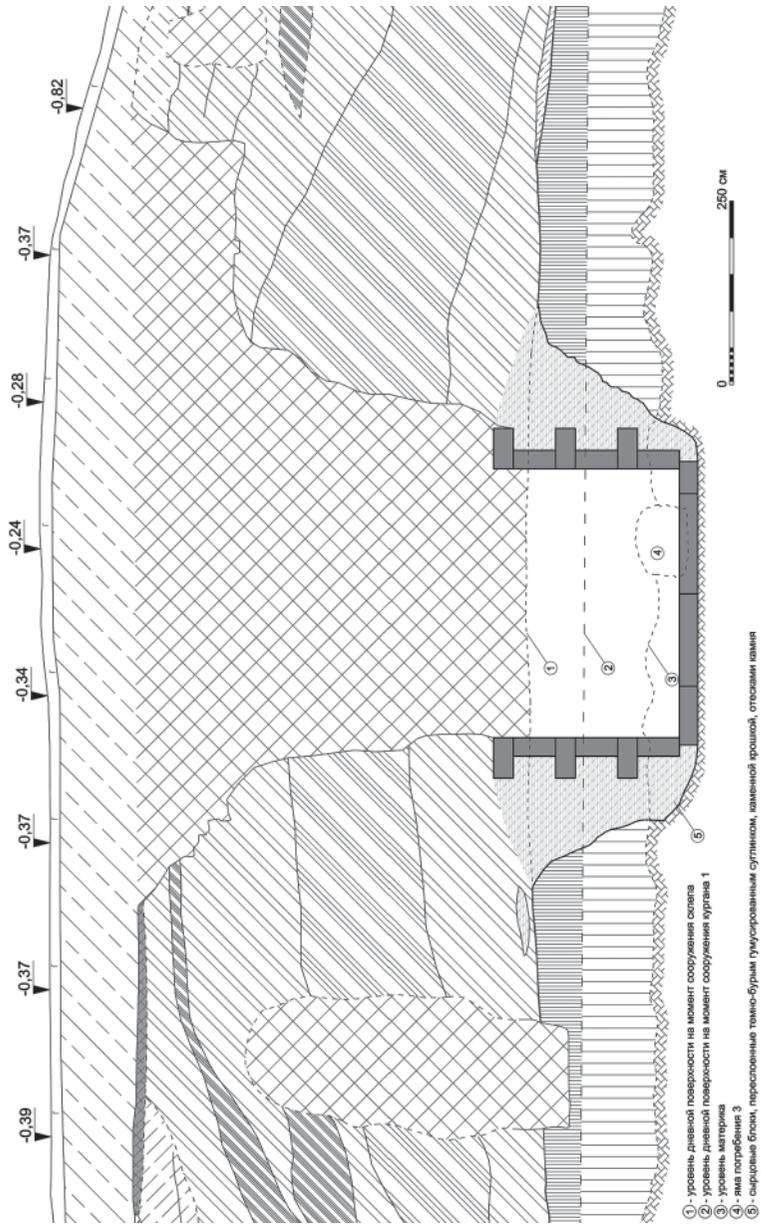
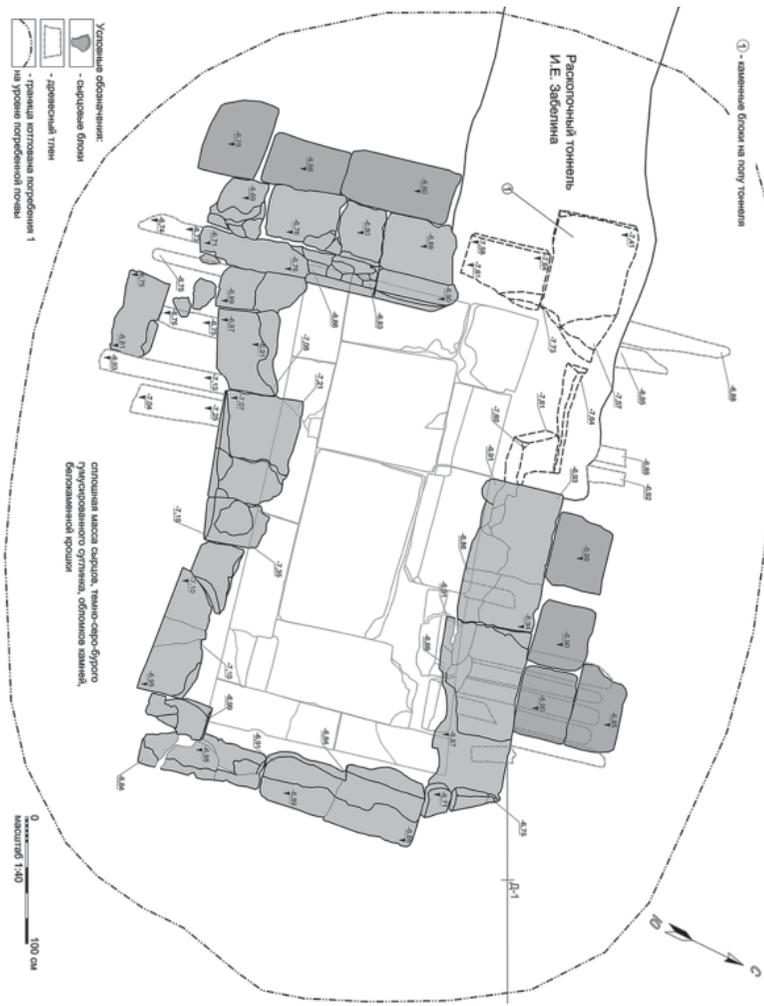

Рис. 4. Курган Бююр-Гора. Погребение 1. Реконструкция разреза сооружения в профиле Д

Завершая общее описание основного погребения античного кургана Боюр-Горы, ещё раз подчеркнём, что его конструкция свидетельствует о предназначении гробницы для единовременного захоронения. Отсутствие дромоса не позволяло проникать в неё после возведения над ней насыпи кургана. Что касается состояния погребального сооружения на момент исследований в 2011 г., то оно принципиально не отличалось от той картины, что наблюдали исследователи в конце XIX столетия (за исключением разрушенного их «миной» северо-западного угла). Уже тогда было ясно, что стены сильно потревожены грабителями, разыскивавшими тайники. В поисках сокровищ они оставили многочисленные вертикальные сколы на каменной облицовке стен, частично вывернули из них некоторые блоки. Вероятно, с той же целью были приподняты и плиты пола.

Обнаруженные в погребении фрагменты декора деревянного саркофага (рис. 2, 3) позволяют говорить о сооружении гробницы в IV в. до н. э., скорее всего во второй половине этого столетия.

Подводя итоги результатам исследований одного из интереснейших курганов в окрестностях Фанагории, отметим, что предположения первого его исследователя, И. Е. Забелина, о многочисленных досыпках курганной насыпи Буеровой могилы не подтвердились. Насыпь имевшая сложную конструкцию была возведена единовременно. Наличие у насыпи кургана мощного панциря из чередующихся наклонных слоев глины (суглинка) и водорослей (камки), может быть объяснено желанием оградить центральное захоронение от воздействия влаги, проникающей в насыпь во время осадков. По слоям камки просачивающаяся сквозь толщу рукотворного холма влага отводилась от центра насыпи к её полам и уже там уходила глубже в грунт.

Наиболее ранние погребальные комплексы и первая небольшая курганная насыпь появились на этой возвышенности ещё в бронзовом веке. Временем сооружения основного античного захоронения и возведения огромной насыпи кургана можно считать конец классической эпохи, а именно вторую половину IV в. до н. э. Комплексы со следами горения были обнаружены как в XIX, так и в XXI столетии. Все они датируются эпохой поздней классики. Трактовка их назначения неоднозначна. Совершенно очевидно, что эти объекты являлись местом проведения церемоний, связанных с погребальным обрядом (об этом недвусмысленно говорит наличие эсхар). Возможно, эти «жжёные точки» являются остатками тризн. По некоторым признакам их можно связать с местами кремаций, однако прямого подтверждения этому нет, так как достоверных антропологических материалов в этих комплексах не найдено. Самым поздним погребением, совершённым в кургане, была эллинистическая гробница, обнаруженная первой в 1870 году.

Не вызывает сомнений, что Боюр-Гора является частью некрополя столицы Азиатского Боспора. Расположение кургана IV в. до н. э. на значительном удалении от Фанагории в полной мере соответствует тенденциям, характерным для эпохи поздней классики и раннего эллинизма. В это время монументальные подкурганные гробницы Азиатского Боспора, как правило, удалены от городов и расположены на значительном расстоянии друг от друга (Савостина. 2014. С. 21). Вероятно, такое расположение кургана могло быть связано с маркированием границ территории города-государства.

Литература

- М. Г. Абрамзон, М. Ю. Трейстер. Золотые имитации античных монет из Фанагории // Золото Фанагории (Фанагория 2). Москва, 2015.
- Д. П. Алексинский. Античные сфероконические шлемы в собрании Эрмитажа // СГЭ. 2008. LXVI.
- Е. В. Власова. Ахтанизовский клад // ВДИ. 2009. № 3.
- Ю. А. Виноградов. Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Санкт-Петербург, 2009.
- Ю. А. Виноградов. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской Археологической комиссии. — (БИ. 2012. Вып. XXVII).
- А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова. О новых находках эллинистических каменных «ящиков» в Фанагории // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Москва, 2016. 23–28.
- А. В. Дедюлькин. Шлемы-коносы на северо-западном Кавказе и в эллинистической ойкумене // Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье. Краснодар, 2014. — («Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. IV).
- И. Е. Забелин. Раскопки городища Фанагория, курганов в его окрестностях, кургана Буерова могила на Таманском п-ове. Рапорты с описанием раскопок, описи находок, копия надписи. О снятии М. П. Клодтом плана городища Фанагория // Архив ИИМК РАН. 1870. Д. 19.
- В. Ю. Зуев. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // Συστήματα. Памяти Юрия Викторовича Андреева. Сборник научных статей. СПб., Алетейя, 2000.
- В. Ю. Зуев. К юбилею Александра Ефимовича Люценко // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Санкт-Петербург, 2007. Ч. I.
- В. Ю. Зуев. О появлении сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., Нестор-История, 2013.
- А. К. Коровина. Некрополи Синдики VI–II вв. до н. э. как источник изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора (Альбом). Дисс. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН, Р-2, 1964. № 1914а.
- В. Д. Кузнецов. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. 2004. XIV.

- В. Д. Кузнецов. Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2007. № 2.
- М. И. Максимова. Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. 116.
- В. И. Мордвинова, М. Ю. Трейстер. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. — II в. н. э. Симферополь, Бонн. 2007. — (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. 2).
- С. В. Полин, Е. Г. Карнаух. Гордашевский «клад» // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь, 2012.
- Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1941. Т. I.
- М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма Петроград. 1918. — (Материалы по археологии России. Вып. 37).
- М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. РАИМК, 1925.
- Е. А. Савостина. О боспорской традиции возведения монументальных гробниц: развитие идей // Погребальная культура Боспорского царства. Санкт-Петербург, 2014.
- А. В. Симоненко. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев, 2015.
- М. Ю. Трейстер. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Золото Фанагории (Фанагория 2). Москва, 2015.
- G. Waurick. Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin, Mainz, 1988. Bd. 14.
- M. Rostowzew. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931.

Я. М. Паромов

Сырцовые гробницы V–IV вв. до н. э. в курганах Азиатского Боспора

Погребения в сырцовых гробницах, совершённые в конце V–IV вв. до н. э., составляют особую категорию в курганах Азиатского Боспора. По многим признакам их можно отнести к элитарной боспорской культуре. Ещё К. К. Гёрц писал, что в курганах близ станции Сенной особенно часты были находки «земляных гробниц», стены которых были сложены из необожжённого кирпича, а перекрытия состояли из толстых деревянных брусев. При этом он особо отмечал, что погребения в сырцовых гробницах «особенно часто встречаются на Таманском полуострове и составляют здесь признак богатого класса умерших» (Гёрц. 1898. С. 77). К этому заключению его привели результаты раскопок курганов в окрестностях Сенной, у мыса Тузла и на западном берегу лимана Цокур.

Курган Сенной 71. Исследовался К. Р. Бегичевым в 1852 г. как «самый большой на возвышенности между Боспорским заливом и Ахтанизовским (Солёным) лиманом». Находится в Аллее курганов, в 0,5 км к В от плоской вершины Шапурской (Майской) горы. В западной

части кургана был выявлен склеп из сырцового кирпича размерами 3,6 × 3,2 м, высотой 1,8 м, перекрытый толстыми деревянными брусьями, ориентированный с З на В, со входом с западной стороны. В склепе, в двух деревянных плохо сохранившихся гробах были найдены скелеты мужчины и женщины, лежавшие в вытянутой позе, на спине, черепами к В. Украшенный бронзовыми скобами гроб мужчины стоял на бронзовых «изящно отделанных ножках». На погребённом был одет железный чешуйчатый панцирь «с медными связями». Слева лежали более 100 бронзовых и около 40 железных наконечников стрел, фрагменты железного меча и наконечника копья. В погребении женщины были найдены 12 золотых бляшек со стилизованными изображениями цветка или звёздочки (2), птицы (2), сфинкса (2), лежащего оленя (3) и цикады (3), опубликованных в ДБК (Табл. XXII. 12, 13, 17, 18, 20, 21). По мнению М. И. Ростовцева (Ростовцев. 1925. С. 350), они были нашиты на головную повязку, суживающуюся у лба и расширяющуюся сзади для большего охвата и поддержания причёски. Эти бляшки датируются третьей четвертью V в. до н. э. Там же найдены две массивные золотые спиралевидные подвески с наконечниками в виде пирамидок из зерни, относящиеся, по П. Ф. Силантьевой (Силантьева. 1976. С. 126. Рис. 3а), к варианту II а и датирующиеся второй половиной V в. до н. э., а также часть золотого ожерелья — восемь «продолговатых, в виде шариков с ушками» пронизей, близких ожерелью из II Семибратнего кургана, датирующихся третьей четвертью V в. до н. э. В юго-восточном — «правом» углу склепа и «у входа в гробницу» стояли «по две остроконечных амфоры» внутри каждой из которых найдено «по одной золотой подвеске в виде продолговатых, остроконечных шариков, с вытиснутыми на них украшениями, изображавшими: подвеску, звёздочку, змейку и большую муху» (цикаду). Около амфор в углу находились несколько бронзовых наконечников стрел и фрагменты железного наконечника копья, у входа — фрагменты небольшого глиняного сосуда. Рядом со склепом была устроена образующая с ним единый погребальный комплекс сырцовая гробница площадью около 13,5 м² с захоронением четырёх коней, уложенных головами к ЮВ. М. И. Ростовцевым (Ростовцев. 1925. С. 349, 350) это погребение отнесено к «скифским» (хотя им же отмечен «чисто греческий характер женского убора») и широко датировано V в. до н. э. На наш взгляд, эта дата может быть сужена до третьей или последней четверти указанного столетия.

В северной части кургана, в насыпи была выявлена ещё одна сырцовая гробница значительно меньших размеров, также сложенная из сырцового кирпича, со стенками высотой до 0,4 м, ориентированная по направлению с З на В. В ней в вытянутой позе, на спине, черепом к В лежал скелет мужчины. Справа от него найдены фрагменты железного меча и серебряная, украшенная гравированным орнаментом чашечка,

у левого плеча — чернолаковый килик (или скифос) и простая глиняная чашечка, возле левой руки — бронзовый киаф. В гробнице найдено также несколько бронзовых наконечников стрел. Погребение может быть датировано тем же или несколько более поздним временем, что и большой сырцовый склеп. В насыпи у южной подошвы кургана были найдены фрагменты двух чернолаковых сосудов — скифоса (или килика) и кольцевидного аска (?), а также простая глиняная чашечка — возможно, остатки тризны; в восточной части насыпи найден глиняный кувшинчик. Необходимо отметить, что значительная часть кургана осталась не исследованной и может содержать захоронения различных эпох (Гёрц. 1898. С. 72, 73, 79, 80–83; Паромов. 1992. С. 791. № 126; Архив ИА РАН: Р-1, № 8603. Л. 70).

Курган Сенной 72. Исследовался К. Р. Бегичевым одновременно с предыдущим, обозначен как курган, «лежавший по близости от первого». Находится в 80 м к В от кургана Сенной 71. Судя по описаниям исследований, данным аэрофотосъемки (1958 г.) и натурным обследованиям (1982 г.), в центральной части кургана К. Р. Бегичевым был обнаружен склеп из сырцового кирпича, перекрытый деревянными брусками, конструктивно близкий склепу, открытому в кургане Сенной 71. К склепу примыкали две камеры с захоронениями коней. «Вся постройка с двумя отделениями для лошадей занимала до 12 кв. сажен» (54,5 м²). В склепе были выявлены плохо сохранившиеся скелеты трёх воинов, облачённых в железные чешуйчатые панцири. При первом воине найдены: более 160 лежавших вместе бронзовых наконечников стрел (остатки колчана) и рядом, слева от погребённого, золотая круглая бляшка с изображением звёздочки; справа, рядом с панцирем — фрагменты железного меча и нескольких копий. Возле второго воина найдены бронзовые наконечники стрел (в ещё большем количестве, чем у первого) и две золотые бляшки «с изображением мухи (цикады) и мужской комической маски». У ног третьего воина найдены чернолаковый килик или скифос и небольшая глиняная чашечка. Конские захоронения содержали 11 лошадей с бронзовыми уздечными наборами: пять коней в первой камере и шесть — во второй. В первой камере лошади были уложены чередуясь, т. е. одна — головой к хвосту другой, во второй — попарно, одна к другой хребтами. В западной части кургана, ближе к подошве, были выявлены остатки каменной гробницы, «совершенно расхищенной и разломанной до основания, по величине своей вмещавшей некогда несколько скелетов». По предположениям К. К. Гёрца (Гёрц. 1898. С. 84) и М. И. Ростовцева (Ростовцев. 1925. С. 351), она содержала «женское погребение, отделённое от мужского». Как и предыдущий, данный курган рассматривался М. И. Ростовцевым (Ростовцев. 1925. С. 349) как «скифский курган в некрополе Фанагории» и обобщённо был отнесен к V в. до н. э. с той оговоркой, что «дата его

с точностью определена быть не может». Следует отметить, что основные черты погребального обряда — сырцовые склепы, «аскетизм» и оружие мужских погребений, сопутствующие захоронения лошадей говорят в пользу близости времени погребений обоих курганов. Как и предыдущий, курган Сенной 72 исследован лишь частично и может содержать захоронения различных эпох (Гёрц. 1898. С. 79, 83, 84; Ростовцев. 1925. С. 349–351; Паромов. 1992. С. 791. № 126; Архив ИА РАН: Р-1, № 8603. Л. 70).

В 1852 г. К. Р. Бегичевым в одном из курганов у мыса Тузла (предположительно, в кургане *Тамань 2*) на глубине около 3,3 м была обнаружена «земляная гробница с двумя скелетами лошадей», перекрытая деревом и камкой. Могила «их хозяина оказалась уже расхищенной». Вместе со скелетами лошадей были найдены бронзовые уздечные наборы, среди деталей которых присутствовали ажурные фигурки грифонов, псалии, оканчивающиеся щитками в виде рогов оленя, бляшки в форме головок баранов, барсов, лап хищников, стилизованных изображений задних частей зверей и других зооморфных сюжетов (Гёрц. 1898. С. 62). Некоторые из них были опубликованы в ДБК (Табл. XXIX. 8–13). Касаясь этих наборов, М. И. Ростовцев (Ростовцев. 1925. С. 351) отмечал их сходство с некоторыми частями уздечных наборов Семибратних курганов. Наиболее полно эти вещи были рассмотрены в диссертации А. К. Коровиной (Коровина. 1964. С. 128–130. Табл. 12–15), выявившей наличие среди них разновременных деталей, относящихся к V и IV вв. до н. э., а также в работе С. В. Кашаева (Кашаев. 2013. С. 370–374. Рис. 4–6), подробнейшим образом, с привлечением архивных данных проанализировавшего материалы этого погребения и датировавшего его началом или первой половиной IV в. до н. э. Эта хронологическая атрибуция ближе к истине, чем предложенная ранее — V в. до н. э. (Паромов. 2000. С. 74; 1992. С. 938. № 341).

В 1868 г. В. Г. Тизенгаузен исследовал четыре кургана *на западном берегу лимана Цокур*. «В трёх из них были найдены нетронутые гробницы, заключавшие в себе одни только истлевшие человеческие остовы, завернутые в морскую траву, без всяких вещей. Могила эти вероятно относятся к глубокой древности, потому что в верхних слоях курганной насыпи, лежавшей над одной из таких могил (предположительно, в кургане Прогресс 2. — Я. П.), найдены следы позднейшей гробницы, в которой оказались поломанные сосуды греческого изделия и некоторые бронзовые вещи, сходные по стилю и отделке с вещами, находимыми в скифских могилах на Днепре» (ОАК за 1868 г. С. XIII). К. К. Гёрц (Гёрц. 1870. С. 60), опираясь на письменное сообщение В. Г. Тизенгаузена, уточняет, что «разорённая гробница <была сложена> из сырцового кирпича», а «между немногими, уцелевшими вещами этой впущенной гробницы, оказалась разбитая патера, греческой работы, и части конского

украшения стиля, характеризующего вещи в скифских гробницах на Днепре». Свободно интерпретируя эти сообщения, М. И. Ростовцев (Ростовцев. 1925. С. 344) говорил, что «в строении гробницы уже сказывается греческое влияние. Как большинство греческих гробниц Тамани, она построена была из сырцового кирпича». Ошибочность этого утверждения отмечала ещё Е. Г. Кастанаян, исследуя местные особенности в некрополях боспорских городов VI–IV вв. до н. э. Она, в частности, писала: «В этой связи нельзя согласиться с данной М. И. Ростовцевым характеристики сырцовых гробниц как только греческих... наличие такого рода устройства могильной ямы среди погребений местного населения Таманского полуострова не подлежит сомнению» (Кастанаян. 1959. С. 283). По скромным данным о рассматриваемом погребении, оно обобщённо может быть отнесено к V–IV вв. до н. э. Необходимо отметить, что большая часть кургана не исследована и может содержать погребения различных эпох (Паромов. 1992. С. 838. № 194; Архив ИА РАН: Р-1. № 10327. Л. 112).

Наиболее значительными среди рассматриваемых нами памятников являются, несомненно, *Большие Семибратние курганы*, расположенные в низовьях Кубани, в 3 км к З от Лабриса (Семибратнего городища). Раскопки их дали не только многочисленный и разнообразный материал, среди которого расписные сосуды, чернолаковая и простая керамика, золотая, серебряная и бронзовая посуда, украшения, оружие, уздечные наборы из бронзовых и железных орнаментированных деталей, но и ценнейшие сведения по устройству могильных сооружений и погребальному обряду. Вопросам датировки Семибратних курганов с конца XIX до середины XX в. было посвящено около десятка исследований, однако, первая хронология всей курганной группы была разработана лишь через 80 лет после раскопок А. К. Коровиной (Коровина. 1957. С. 174–187). Последней работой по хронологии Семибратних курганов, основанной на ревизии архивных и опубликованных материалов, является статья В. А. Горончаровского (Горончаровский. 2013. С. 161–173), в которой представлены три этапа эволюции погребального обряда за восемь десятилетий развития могильника. К первой хронологической группе (450–430 гг. до н. э.) автором отнесены курганы 2 и 4, где захоронения совершались в возведённых на материке сырцовых склепах, перекрытых деревянными брусьями, имевших отгороженные сырцовыми кирпичами или досками камеры для покойников, уложенных головой к В. Число лошадей в конских отделениях гробниц составляло 13 (курган 2) и 4 (курган 4). Ко второй хронологической группе (430–400 гг. до н. э.) отнесены курганы 5 и 6, где встроенные в сырцовые склепы камеры для погребённых были целиком выложены из камня (в кургане 6 погребальная камера была впущена в материк). Ориентировка покойников оставалась прежней.

Число лошадей составляло 12 (курган 5) и 7 (курган 6). К третьей хронологической группе (400–370 гг. до н. э.) отнесены курганы 7, 3, 1, где погребённые были помещены в отдельные каменные гробницы, устроенные в материке. Покойники в них были уложены головами к В и СВ. Вблизи располагались сырцовые склепы с захоронениями лошадей: 4 (курган 7), 5 (курган 3) и 2 (курган 1).

Наряду с хронологией Семибратних курганов, принципиальную важность имеет вопрос их культурной и этнической принадлежности. В этой связи следует отметить, что ещё в середине прошлого века было высказано вполне обоснованное мнение, согласно которому сырцовые гробницы, подобные Семибратним и найденным в других местах Азиатского Боспора «характерны для погребального обряда синдов — коренных жителей Таманского полуострова (Коровина. 1957. С. 187). В настоящее время практически все исследователи, занимающиеся изучением Семибратних курганов, считают их местом захоронения синдских царей — «нескольких поколений одного рода, представители которого правили Синдикой на протяжении почти ста лет и, видимо, имели периодически посещаемую резиденцию в соседнем городе Лабрисе (Семибратнее городище)» (Горончаровский. 2013. С. 161, 171).

Курган Сенной 12 (Волчачий). Исследовался Н. П. Кондаковым как «самый большой к В от хутора Артюхова», разрушен песчаным карьером в 1963–1964 гг. Центральную часть кургана окружал кольцевой ров, «выложенный беспорядочно камнями и плитами; близ этой канавы найден череп лошади — остаток конской могилы. Большая грабительская мина» привела исследователя «к разорённой сырцовой гробнице». Судя по описанию, к С от центральной части кургана «найдена была ещё одна сырцовая гробница, также разорённая» (ОАК за 1878–1879 гг. С. XII; Коровина. 1964. С. 158; Паромов. 2003. С. 252). Характер остатков погребений (конской могилы и сырцовых гробниц) позволяют нам, вслед за А. К. Коровиной, включить этот памятник в число интересующих нас объектов.

Курган Сенной 25. Исследовался С. И. Веребрюсовым в 1880 г. как «крайний от почтовой дороги, близ усадьбы Пивнева», разрушен песчаным карьером в 1963–1964 гг. В кургане найдена «гробница, обложенная сырцовым кирпичом и покрытая рядом брусьев и камкой». В ногах и слева от погребённого «удалось отыскать большую остродонную амфору со следами краски на шее, бронзовую черпальную ложку, ручка которой оканчивается лебединой головкой, бронзовое ситечко с такой же ручкой и множество наконечников стрел разной величины. Остальная часть гробницы была расчищена с изголовья покойника, где кирпичная стена гробницы была пробита... в расстоянии одного аршина (0,71 м) от главной гробницы, открыта другая могила, обложенная также сырцом и наполненная лошадиными костями» (ОАК за 1880. С. XII). М. И. Рос-

товцевым весь комплекс определён как «скифское погребение» и отнесён к V в. до н. э., А. К. Коровиной он рассматривается как синдское захоронение второй половины V в. до н. э. (Ростовцев. 1925. С. 272; Коровина. 1964. С. 158, 159; Паромов. 2003. С. 253).

В 1976 г. Анапской экспедицией в районе пос. Уташи, в 15 км к ЮЗ от Семибратних курганов была раскопана большая сырцовая гробница (Алексеева. 1991. С. 30–34), устроенная в материковой яме размерами 5,6 × 7 м и 2,1 м глубиной. Длинной осью яма была ориентирована в широтном направлении (с небольшим отклонением восточной части к С). В древности она, вероятно, была перекрыта курганом, в настоящее время совершенно распаханным. Стены гробницы сложены из сырцовых кирпичей средними размерами 0,5 × 0,5 м, толщиной от 6 до 11 см. Толщина стен достигала 1,1 м, что соответствует кладке «в два кирпича», в высоту они сохранились до 1 м (10 рядов). Внутренняя площадь гробницы составляла 15,6 м². Это пространство было поделено продольной перегородкой толщиной в один кирпич на северную и южную половины. Входа гробница не имела и была перекрыта накатом из брёвен. До устройства перегородки весь пол (плотный материковый песок) был обмазан известью и выстлан камкой. Кирпичи перегородки лежали на этом слое. В придонном заполнении зафиксировано присутствие угля. В южном отсеке гробницы стоял саркофаг (сохранились отдельные доски из тополя и клёна, окрашенные и орнаментированные розовыми пальметтами, а также конструктивные детали, выточенные из самшита и клёна). Саркофаг был инкрустирован слоновой костью (найжены пластины, на которых тонкой гравировкой изображены мифологические сцены, фигуры льва и пантеры, фигурки сфинксов и крылатых зверей, полосы различного орнамента). Среди находок имеется несколько золотых бляшек (в том числе с изображением петуха — аналогичной найденной в одном из Семибратних курганов), звено золотого ожерелья, фрагменты чернолаковых и бронзовых сосудов. «В засыпи гробницы установлены лошадиные кости. Надо думать, что в северном отсеке располагалось конское погребение». Е. М. Алексеева отмечала, что «сырцовые конструкции погребального сооружения, мощное бревенчатое покрытие гробницы, конское захоронение внутри неё или рядом с ней, присутствие на полу извести, камки и углей, сочетание в погребальном инвентаре предметов, выполненных в зверином стиле с высокохудожественными изделиями эллинского мира... позволяет ставить вопрос о принадлежности склепа на Уташе и ему подобных эллинизированной верхушке синдо-меотской знати» (Алексеева. 1991. С. 32, 33).

В 1984 г. Ю. М. Десятчиковым были исследованы два наиболее заметных кургана (*Кучугуры 15, 16*), находившиеся в центральной части грунтового и курганного могильника эпохи бронзы — античного времени, в 1,5 км к Ю от окраины посёлка. В центральной части кургана

Кучугуры 15, под материковым выкидом и слоем камки был выявлен ограбленный в древности сырцовый склеп с внутренними размерами 4,5 × 3,4 м, перекрытый деревянными плахами. К склепу с южной стороны примыкала грунтовая камера с конским захоронением, в котором скелет лошади лежал на правом боку, черепом к В. В склепе и конской могиле найдены фрагменты железного чешуйчатого панциря, железный наконечник копья, бронзовые трёхгранные и трёхлопастные наконечники стрел с шипами, железные С-видные псалии, удила, две бронзовые рамочные подпружные пряжки с боковыми крючками-выступами в виде головы утки, целые и фрагментированные чернолаковые сосуды (преимущественно аттического производства) — шесть арибаллических лекифов, килик, кольцевидный аск, кружка в форме виноградной грозди, фрагменты хиосских амфор конца V в. до н. э., красноглиняные кувшины и миски. Погребение предварительно датировано автором серединой IV в. до н. э. и отнесено, со ссылкой на М. И. Ростовцева, к «эллинизированным скифам». По комплексу представленных в отчёте материалов, оно может быть датировано концом V в. до н. э. или рубежом V–IV вв. (Архив ИА РАН: Р-1, № 14070. Л. 2–11; Паромов. 2000. С. 72).

Курган *Кучугуры 16*. Данный курган, как и предшествующий, исследован Ю. М. Десятчиковым в 1984 г. В его центральной части под слоем камки был выявлен ограбленный в древности сырцовый склеп с внутренними размерами 5,1 × 4,3 м. С юго-западной стороны к нему примыкала грунтовая камера размерами 5 × 3 м с захоронением двух взнузданных и осёдланных лошадей, лежавших с подогнутыми ногами, черепами к В. В погребении найдены два бронзовых С-видных псалия, верхние концы которых оформлены в виде щитков в зверином стиле (ажурное изображение трёх голов хищников друг за другом), а нижние — в виде лошадиной ноги и копыта, железные петлеvidные удила, железные С-видные псалии (два) с удилами, бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы, бронзовая подпружная пряжка с боковым крючком-выступом в виде головки водоплавающей птицы, фрагменты бронзового сосуда, двух чернолаковых аттических лекифов, обломки хиосских, фасосских, менийских и других амфор конца V и рубежа V–IV вв. до н. э., фрагменты лутерия, миски, трёх лепных сосудов. Подобно предыдущему, данное погребение предварительно датировано автором серединой IV в. до н. э. и отнесено (по М. И. Ростовцеву) к «эллинизированным скифам». По комплексу представленных в отчёте материалов, оно может быть датировано концом V в. или рубежом V–IV вв. (Архив ИА РАН: Р-1, № 14070. Л. 12–23; Паромов. 2000. С. 73).

Рассмотренные погребения V–IV вв. до н. э. с точки зрения пышности погребального обряда, а также с точки зрения состава и богатства сопровождающего инвентаря, являются, безусловно, наиболее представительными, элитарными погребениями всего Азиатского Боспора, ох-

ватывая его территорию от мыса Тузла (на западе) до низовьев Кубани (на востоке). Следует отметить, что главные признаки, ставящие эти погребения в одну группу, связаны с явлениями, чуждыми греческой культуре того времени. К этим признакам относятся: 1) возведение курганных насыпей над могилами; 2) строительство сырцовых склепов и гробниц; 3) захоронение лошадей рядом с хозяином; 4) оружие при погребённых; 5) драгоценные украшения и дорогая посуда; 6) так называемый звериный стиль конского уздечного набора. Если вспомнить знаменитую скифскую триаду (вооружение, конская сбруя и звериный стиль), то следует признать, что она полностью присутствует в рассмотренных погребениях. Ещё М. И. Ростовцев (Ростовцев. 1925. С. 327) в самом общем виде охарактеризовал некоторые особенности скифского звериного стиля вещей, найденных в рассматриваемом нами регионе, однако, А. К. Коровина (Коровина. 1957. С. 184, 185) не только заметила, но и оценила особенности конских украшений из Семибратних и Елизаветинских курганов, выделив особый вариант звериного стиля, определённый позже как скифский звериный стиль Прикубанья (Переводчикова. 1987. С. 44, 45). К нему относятся вещи, найденные в рассмотренных выше погребениях. Таким образом, некоторые корни боспорской элитарной культуры уходят, на наш взгляд, в синдо-меотский мир.

Литература

- Е. М. Алексеева. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.
 К. К. Гёриц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.
 К. К. Гёриц. Исторический обзор археологических исследований и открытый на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // Собрание сочинений. СПб., 1898. Вып. 2.
 В. А. Горончаровский. О хронологии Семибратних курганов // Причерноморье в античное и средневековое время. Ростов-на-Дону, 2013.
 Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н. э. и местные их особенности // МИА. 1959. № 69.
 С. В. Кашаев. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов) // Российский археологический ежегодник. СПб., 2013. № 3.
 А. К. Коровина. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2.
 А. К. Коровина. Некрополь Синдики VI–II вв. до н. э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора. Канд. дис. // Архив ИА РАН: Р-2, № 1914. М., 1964.
 Я. М. Паромов. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992 (Рукопись деп. в ИНИОН РАН, № 47103 от 1.10.1992).
 Я. М. Паромов. Скифские погребения на Таманском полуострове // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3.
 Я. М. Паромов. Курганный некрополь Кеп // ДБ. 2003. Т. 6.
 Е. В. Переводчикова. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. 1987. № 4.
 М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. РАИМК, 1925.
 П. Ф. Силантьева. Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. 1976. Т. XVII.

Архив ИА РАН. Р-1:

- № 8603. Я. М. Паромов, А. А. Воронов, Т. Д. Николаенко, О. Н. Усачева. Отчёт о работе по теме «Разработка проектов охранных зон памятников археологии Таманского полуострова» в 1982 г.
 № 10327. Я. М. Паромов, Т. Д. Николаенко. Отчёт о работе по теме «Обследование и рекомендации по охранным зонам памятников археологии Таманского полуострова» в 1984 г.
 № 14070. Ю. М. Десятчиков. Отчёт об исследовании курганов у пос. Кучугуры в 1984 г.

С. В. Кашаев

Парные погребения в некрополе Артющенко-2

Грунтовый некрополь Артющенко-2 расположен в южной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края). Памятник находится на крутом, обрывистом берегу Чёрного моря и разрушается мощной абразией. Некрополь был обнаружен после значительного обвала берега, который произошёл зимой–весной 2002 г. С 2003 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН приступил к раскопкам некрополя (Кашаев. 2009. С. 188–267; Кашаев. 2010. С. 88–96).

В 2009 г. на некрополе Артющенко-2 впервые были зафиксированы следы крупномасштабных грабительских работ. За 2009–2013 гг. на площади некрополя было обнаружено более 60 грабительских шурфов. На поверхности большинства из них находились фрагменты человеческих костей, керамики, железных предметов и другие находки из разорённых захоронений. Все грабительские шурфы нанесены на план некрополя. Полученная картина позволяет оценить примерные места расположения погребений, степень разрушения некрополя и масштабы нанесенного ущерба.

В 2003–2015 гг. на некрополе была исследована площадь около 4400 м², обнаружено 170 погребений, из которых 12 доследовано за грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

Проведённые работы и сделанные находки, позволили определить хронологию некрополя и получить представление о его размерах. Стало понятно, что северная граница некрополя расположена более чем в 100 м от современного берегового обрыва, а его протяжённость с запада на восток составляет, не менее 200 м. Таким образом, можно прийти к заключению, что площадь некрополя по самым примерным оценкам была не менее 20 000 м². При средней плотности захоронений — одно погребение на 20 м², — можно предположить, что некрополь содержал около 1000 погребений.

Наиболее ранние обнаруженные захоронения датируются рубежом VI–V вв. до н. э., а самые поздние — IV в. н. э. Таким образом, захоронения на исследованном участке продолжались на протяжении около 900 лет с разной интенсивностью. Большинство датированных погребений укладывается в промежуток примерно в сто лет, между началом V и началом IV вв. до н. э.

На самых северных и самых восточных исследованных участках, помимо захоронений V–IV в. до н. э., фиксируется возрастающее количество могил III в. до н. э. — IV в. н. э.

Это позволяет предположить, что топографически некрополь развивался с юго-запада на северо-восток. Таким образом, на южных и западных участках могильника преобладают погребения конца VI — начала IV вв. до н. э., а на северных и восточных участках — могилы периода эллинизма и римского времени. Характерные особенности погребального обряда на некрополе проявляются в ориентации погребённых, наборе сопроводительного инвентаря и конструкции погребальных сооружений. В большинстве случаев погребённые были ориентированы головой на восток или на восток с отклонением к северу, особенно это характерно для ранних комплексов. Инвентарь в таких захоронениях, как правило, располагался вдоль южной или западной стенок могилы. В поздних захоронениях в некоторых случаях сохраняется восточная ориентация погребённых, но встречается и меридианальная — как северная, так и южная.

Среди обнаруженных погребений представляют большой интерес и заслуживают особого внимания парные захоронения. Я. М. Паромов собрал информацию о парных погребениях Таманского полуострова в античный период и провел их анализ (Паромов. 2013а; 2013б).

В некрополе Артющенко-2 к парным можно отнести 20 погребений (№ 10, 21, 24, 25, 27, 28, 32, 37, 42, 43, 44, 52, 61, 68, 82, 83, 103, 124, 136, Г5). Это составляет 11,8% от общего числа исследованных погребений.

Чаще всего парные захоронения содержат останки взрослых: мужчины и женщины погребённых одновременно (№ 10, 27, 52, 61, 82, 83, 124, 136, Г5). Иногда в таких могилах имеется ещё и костяк ребёнка (№ 24, 25, 28). Встречались и другие варианты парных захоронений — два взрослых мужчины (№ 32, 43(?)), взрослые мужчина и женщина, но один из них подзахоронен немного позднее (№ 21, 37, 68), женщина (мать) и ребенок (№ 42, 103), два ребенка (№№ 44).

Из всех вариантов сделаем выборку, наиболее типичных парных погребений: взрослые мужчина и женщина (иногда ещё ребенок) или мужчина и мужчина. Таких погребений остается 13 (Табл. 1). Что составляет 7,6% от общего количества исследованных погребений. Эту цифру и можно считать средним количеством парных захоронений.

Таблица 1

Некрополь Артющенко-2, парные погребения

№ пп.	№ погребен.	Пол	Мужчина	У мужчины	У женщины	Дата
1	10	М + Ж	Ю	оружие	украшения	2/4 V в. до н. э.
2	21	М + Ж подз.	С	оружие	–	1/2 V в. до н. э.
3	24	М + Ж + р	С	оружие	украшения	кон. V – нач. IV вв. до н. э.
4	25	М + Ж + р	С	оружие	украшения	кон. V – нач. I V вв. до н. э.
5	27	М + Ж	Ю(?)	оружие	украшения	2/2 V в. до н. э.
6	28	М + Ж + р	Ю(?)	оружие	–	2/2 V в. до н. э.
7	32	М + М	С, Ю	оружие	–	1/2 V в. до н. э.
8	43	М + М(?)	С, Ю	оружие	–	1/2 V в. до н. э.
9	52	М + Ж	Ю	оружие	украшения	нач. V в. до н. э.
10	82	М + Ж	Ю	–	–	2/2 V в. до н. э.
11	83	М + Ж	Ю	–	украшения	2/2 V в. до н. э.
12	124	М + Ж	Ю	оружие	украшения	1/2 V в. до н. э.
13	136	М + Ж	С	–	–	нач. V в. до н. э.

При некотором разнообразии погребального обряда парных захоронений интересно выделить его типичные черты.

Все погребённые ориентированы головой на восток или с небольшим отклонением к северу. В парных захоронениях мужчины и женщины, чаще всего, мужчина по возрасту немного старше женщины. Какой-то закономерности в расположении — мужчина с юга или с севера — не наблюдается, варианты распределяются примерно поровну.

У каждого погребённого присутствует свой «основной» набор инвентаря, к которому относятся сосуд для еды (миска, чаша на ножке, чернолаковый одноручник), сосуд для вина (ойнохоя, амфора, кувшин) и сосуд для питья (килик, скифос, кубок). Иногда все или некоторые сосуды женского набора могут быть лепные (миска, кувшин или кубок). Наличие лепной керамики у женщины может косвенно указывать на их происхождение из местных племён.

Часто, в дополнение к «основному» набору у мужчины может присутствовать оружие (железный меч, наконечники копий и стрел). У женщины может находиться зеркало и различные украшения (серьги, подвески, бусины, колечки, перстни). Как в мужских, так и в женских погребениях встречаются туалетные сосуды (лекиф, аск, амфориск).

Некоторые парные погребения (№ 10, 21, 24, 25) уже были опубликованы ранее (Кашаев. 2006. С. 180–186). Теперь рассмотрим подробнее два наиболее типичных, как кажется, варианта парных захоронений (погребения 32 и 83).

Погребение 32 совершено в сырцовом склепе (ящике). Прямоугольная погребальная камера склепа вытянута по линии запад-восток. Внешние размеры сооружения 305 × 230 см, размеры внутренней камеры 205 × 130 см. Стены склепа сложены из сырцовых кирпичей размером примерно 50 × 50 × 10 см. На всех стенках склепа было прослежено пять рядов кирпичей. Ряды отделялись друг от друга тонкими горизонтальными прослойками скрепляющей глины. Количество кирпичей в каждом ряду не читалось. В заполнении могилы были обнаружены фрагменты древесного тлена — остатки деревянного перекрытия. В восточной стенке имеется проем — отсутствует часть кирпичей, возможно «вход» в склеп.

Погребение 32 — парное, в нём обнаружены останки двух мужчин — пожилого и молодого, предположительно отца и сына. Первым был захоронен взрослый мужчина 45–50 лет. По прошествии времени его кости были собраны и компактно сложены у северной стенки могилы. Рядом с этим костяком обнаружен железный меч акинак и наконечник копья. Затем было произведено подзахоронение второго человека — мужчины 25–30 лет. Его костяк располагался по центру склепа и был ориентирован головой на восток. На поясе у него находился железный меч акинак и железный кинжал. На рукояти меча имеется орнаментированное бронзовое навершие, на обеих сторонах рукояти имеются накладки из бронзовой проволоки. Оружие из этого погребения, особенно уникальный акинак с бронзовым навершием, было рассмотрено в специальной работе (Ворошилов, Кашаев. 2010. С. 66–87).

Инвентарь включает 18 различных предметов, большинство из которых было расположено вдоль южной стенки склепа:

1. Амфора протофасосская.
2. Меч акинак железный № 2.
3. Фрагмент наконечника копья железный.
4. Наконечника копья железный.
5. Ойнохоя красноглиняная.
6. Килик чернолаковый № 1.
7. Миска красноглиняная № 1.
8. Килик чернолаковый № 2, на ножке.
9. Миска красноглиняная № 2.
10. Меч железный № 1, с бронзовым навершием.
11. Наконечник стрелы железный.
12. Гвозди железные, 2 шт.
13. Шило (?) железное или наконечник.
14. Наконечник стрелы бронзовый.
15. Кинжал железный.
16. Солонка чернолаковая.
17. Солонка из дна красноглиняного кувшина.
18. Кость животного — коровы.

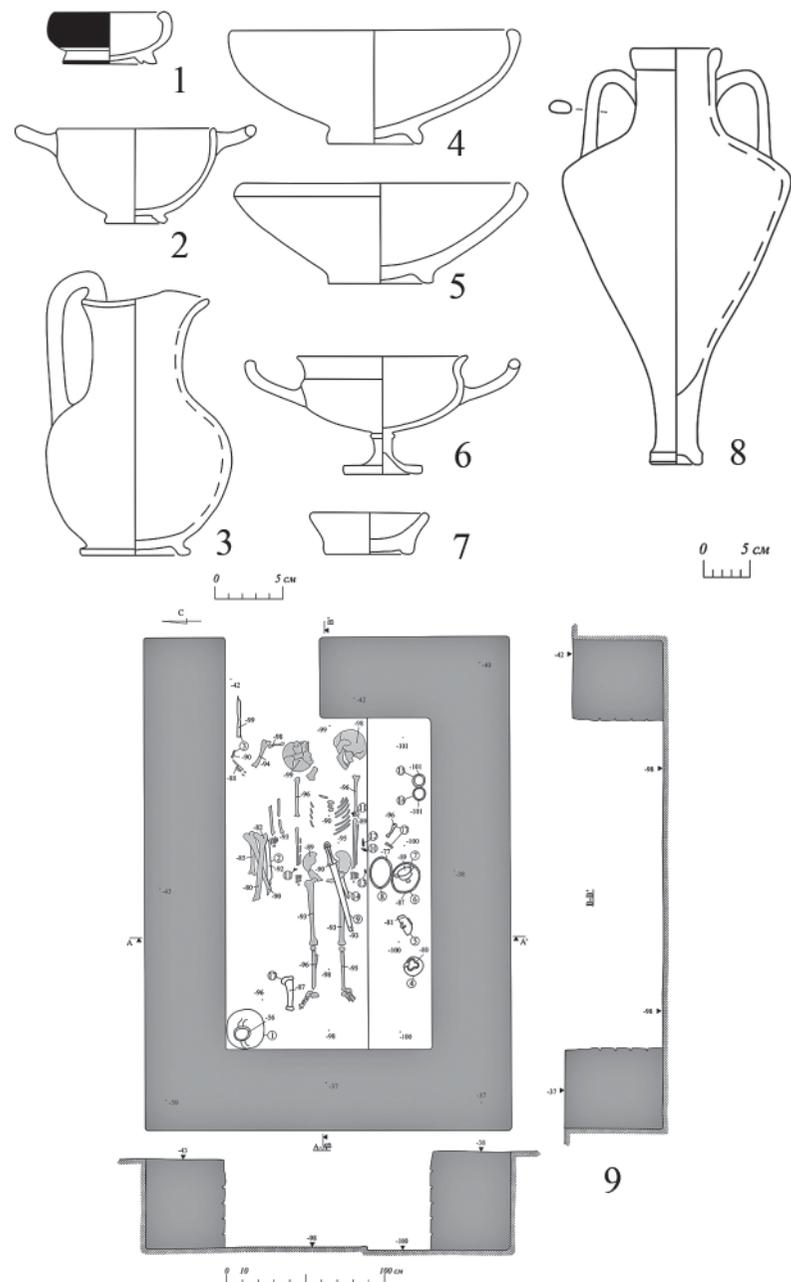

Рис. 1. Некрополь Артющенко-2. Погребение 32, план и находки

К югу от погребения № 32 был обнаружен череп лошади и несколько бронзовых пряжек от упряжи, выполненных в скифском зверином стиле. По-видимому, череп с упряжью символизирует захоронение лошади, сопутствующее могиле воина.

По имеющемуся инвентарю погребение может быть датировано второй четвертью — первой половиной V в. до н. э.

Погребение 83 — совершено в грунтовой могиле, которая, скорее всего, имела деревянное перекрытие. Размеры могильной ямы 2,00 × 1,10 м. Захоронение парное, мужчина 35–45 лет и женщина 25–30 лет. Сохранность костяков плохая, сохранились в основном длинные кости рук и ног, отдельные фрагменты ребер и таза, оба черепа раздавлены. Костяки лежали вытянуто на спине, головой на восток с небольшим отклонением к северу, мужчина вдоль южной стенки могилы, женщина вдоль северной.

При расчистке могилы проявились хорошо заметные в грунте отверстия ромбического сечения, оставшиеся от грабительских щупов. С их помощью грабители проводят поиск захоронений с поверхности. Особенно пострадал череп женщины, в нем и вокруг него зафиксировано множество проколов щупом. Предположительно, благодаря тому, что инвентарь в погребении был расположен очень компактно у южной стенки могилы, грабители не попали на него щупом и не стали вскрывать данное захоронение.

Инвентарь включает 17 различных предметов, большинство из которых было расположено вдоль южной стенки могилы:

1. Кувшин сероглиняный.
2. Ойнохоя красноглиняная.
3. Кувшинчик миниатюрный.
4. Миска красноглиняная. В ней находились несколько сосудов — чернолаковая миска, чернолаковый килик, чернолаковые солонки, кувшинчик миниатюрный.
5. Килик чернолаковый.
6. Миска одноручник чернолаковая. На внутренней поверхности штампанный орнамент — в центре кружок и 8 пальметок, круг из ов и 12 пальметок по окружности.
7. Солонка чернолаковая миниатюрная.
8. Солонка чернолаковая.
9. Лекиф краснофигурный. Полностью сохранившийся лекиф находился под мужским костяком, на уровне пояса, недалеко от южной стенки могилы. Лак на лекифе густой, блестящий, местами отслаивается, рисунок частично поврежден. На тулове лекифа изображена женская голова в профиль, лицом влево. На голове саккос, декорированный параллельными линиями, расположенными попарно, и рядами мелких точек. Из-под саккоса сбоку выбиваются пряди вьющихся волос. Глаз

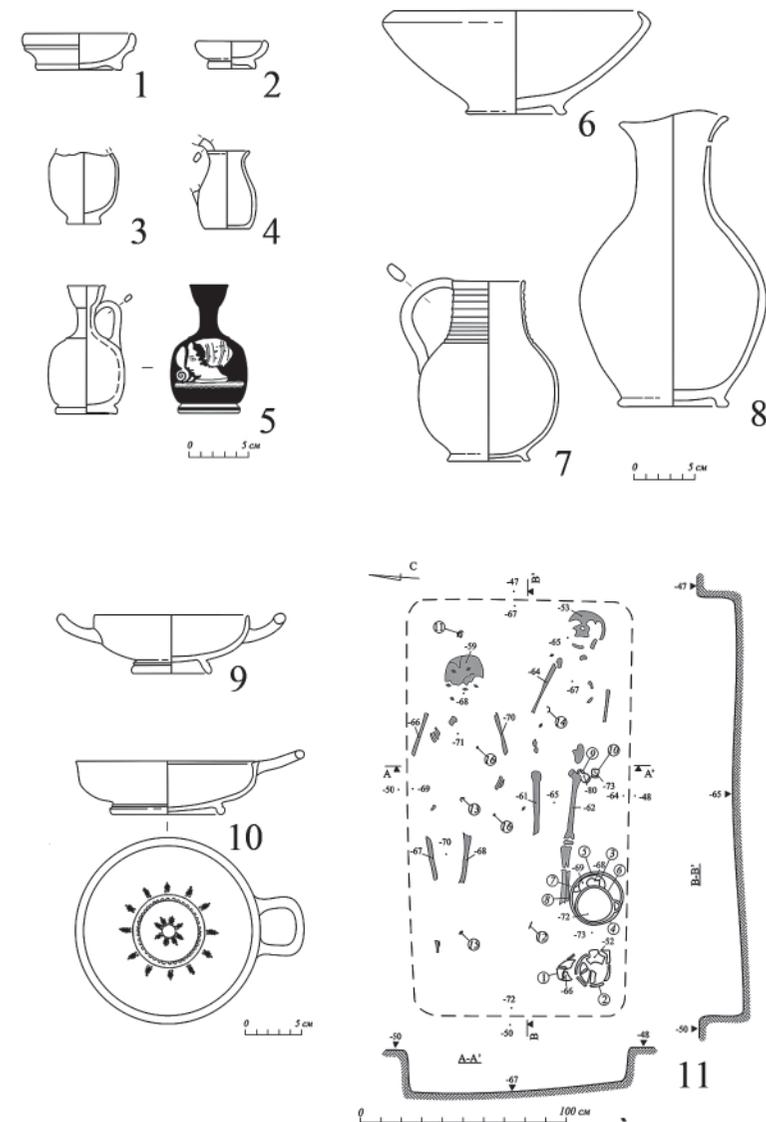

Рис. 2. Некрополь Артющенко-2. Погребение 83, план и находки

передан двумя линиями и точкой, бровь — дугой. Прямой нос сливается в одну линию со лбом. Рот приоткрыт, уголок обозначен чёрной точкой. На шее тонкая линия лака, обозначающая край одежды. Перед лицом — волюта с одним отстоящим лепестком («процветший посох»). Снизу рисунок ограничен двумя полосками в цвете глины, прямой и волнистой.

10. Горшочек лепной, из серой глины.
11. Подвеска спиральная серебряная.
12. Игла бронзовая.
13. Бронзовое колечко у женского костяка.
14. Серебряное колечко у мужского костяка.
15. Бусина золотая.
16. Раковины каури, 2 шт.
17. Фрагменты железного предмета, возможно ножа.

По инвентарю погребение можно датировать третьей четвертью V в. до н. э.

Скорее всего, в парных могилах захоронены семейные пары. Эта версия получает дополнительное подтверждение, если помимо останков двух разнополых взрослых, присутствует скелет ребёнка. Причины, по которым одновременно умирали взрослые, но ещё не пожилые супруги, а иногда и вместе с ребёнком, могли быть различны. Это могло произойти в результате болезни (эпидемии), несчастного случая, войны. Для захоронения супругов, умерших в разное время погребальные сооружения — могли строиться и подготавливаться заранее, ещё при их жизни (Паромов. 2013а. С. 157).

Как отметил Я. М. Паромов — одной из особенностей парных погребений Таманского полуострова является «богатство» их инвентаря (Паромов. 2013а. С. 157). Это вполне верно и для большинства парных захоронений некрополя Артющенко-2. При этом, практически все обнаруженные в погребениях предметы (за исключением оружия), греческие по своему происхождению, и находят аналогии во всем эллинском мире (Паромов. 2013а. С. 159).

Литература

- А. Н. Ворошилов, С. В. Кашаев. Клиновое оружие из некрополя Артющенко-2 // ДБ. 2010. Т. 14.
- С. В. Кашаев. Коллективные погребения (№№ 10, 21, 24, 25) из некрополя Артющенко-2 // Материалы Первой Абхазской археологической конференции, памяти Ю. Н. Воронова. Сухум, 2006.
- С. В. Кашаев. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. БИ. 2009. Т. XXII.
- С. В. Кашаев. Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М., Киев, 2010. Вып. 1.

Я. М. Паромов. Парные погребения античного времени в могильниках Таманского полуострова // Причерноморье в античное и средневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013а.

Я. М. Паромов. Характерные особенности обряда парных погребений античного времени Таманского полуострова // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013б.

С. И. Безуглов, С. М. Ильяшенко

Социальная элита Танаиса во II–III вв. н. э. (культурно-исторический облик)

Древний Танаис, руины которого залегают ныне на правом берегу дельты Дона, в географическом и культурно-историческом отношении занимал совершенно особое место среди городов Северного Причерноморья античной эпохи. Уже по своему местоположению он был в значительной степени изолирован от основных центров северопонтийской античной цивилизации. Это обстоятельство обусловило многие своеобразные черты его истории, в том числе и совершенно особую динамику развития. В отличие от крупнейших городов Боспора, наивысший расцвет Танаиса как экономического, культурного и военно-административного центра в Нижнем Подонье и Северо-Восточном Приазовье пришелся на достаточно поздний отрезок времени — II — 1 пол. III вв. н. э. Этот вывод основан на огромном материале, полученном при более чем 60-летних непрерывных исследованиях на Недвиговском городище, а также поселениях и обширных курганных и грунтовых некрополях округа Танаиса, составляющих археологический ансамбль нижнедонского очага северопонтийской античности.

На протяжении нескольких десятилетий погребальные памятники Танаиса II — 1 пол. III вв. н. э. практически не использовались для характеристики культурно-исторического облика города. Основная причина — длительное отсутствие в раскопках достаточно выразительных комплексов этого времени. Такое положение дел позволило Д. Б. Шелову специально отметить, что материалы раскопок некрополя Танаиса, относящиеся ко II — 1 пол. III вв. н. э., весьма скромны, и не соответствуют той картине культурно-экономического подъема, которая была очевидной при анализе источников иного рода — городских строительных комплексов и памятников местной эпиграфики.

Раскопками четырёх последних десятилетий в Танаисе получены данные принципиальной значимости. Они позволили осветить ранее неизвестные эпизоды истории города. Современное состояние фонда

археологических источников Танаиса, на наш взгляд, открывает новые возможности характеристики социальной элиты города в обозначенных нами хронологических рамках — II — сер. III вв. н. э.

Непосредственным поводом к обращению к теме, вынесенной в заглавие настоящей работы, стало открытие в 2005–2014 гг. нескольких погребальных комплексов, принадлежавших жителям Танаиса достаточно высокого социального ранга. Возникла мысль об опыте археологической характеристики знати Танаиса во II–III вв. н. э. по данным погребальных памятников. Всего таких комплексов, считая с начала 70-х гг. XX в. открыто немногим более 20; мы остановимся лишь на некоторых из них (курган 12, погребения 1–2, раскопки 1972 г.; раскоп XXIX, погребения 11 и 12, раскопки 2007 г.; раскоп XVIII/4, погребение 186, раскопки 2008 г.).

Ведущим отличительным признаком этой группы погребений является форма погребального сооружения — сложная камерная конструкция, состоящая из входной ямы и вырезанной в её торцевой (узкой) стороне погребальной камеры. Для рассматриваемой группы погребальных сооружений впредь нам кажется более уместным использование термина «склепы». Все перечисленные выше погребения некрополя Танаиса устроены в грунте, но именовать танаисские склепы грунтовыми сложно, так как существует смысловая линия противопоставления «грунтовые (лишённые насыпи) — подкурганые (перекрытые насыпью)». Скорее можно назвать склепы Танаиса земляными, хотя и в этом обозначении нет полной смысловой точности — их камеры вырыты в материковой глине. Склепы выявлены на различных участках исследованной части некрополя Танаиса. Они располагаются к западу, северу и востоку от основного четырехугольника Недвиговского городища, на различном удалении от него, чересполосно с другими типами более ранних и синхронных погребений. Ярко выраженных компактных скоплений склеповых сооружений пока не выявлено. Входные ямы склепов прямоугольной или удлиненно-трапециевидной формы (в этом случае они слегка расширены в сторону входа в камеру). Камеры, как правило, сооружены в северной, северо-восточной или восточной стенке входной ямы. Известны длинные узкие камеры, предназначенные для помещения одного погребённого, но, несомненно, преобладают обширные, предназначенные для многократных погребений или для нескольких умерших. Несомненный интерес представляют конструктивные особенности двух склепов — в кургане 12 (1972 г.) и погр. 11/2007 г. В этих погребениях помимо основной камеры, вырытой в короткой стенке входной ямы, в длинной её стенке были сооружены дополнительные подбои. В обоих случаях дополнительные камеры располагались выше дна входной ямы, в обеих камерах в гробах были погребены персонажи, по социально-имущественному статусу явно

отличающиеся от умерших, погребённых в основных камерах. В обоих случаях погребённых в подбоях сопровождали погребальные бутафории из золотой фольги в позиции «обола Харона» — гладкий кружок (12/1972) и оттиск-индикация (11/2007).

По имеющимся на настоящий момент данным, мы можем предполагать, что склеповые сооружения появились в некрополе Танаиса в пределах второй половины II в. н. э. Традиция их сооружения с характерным набором культурно-этнографических черт существовала вплоть до разгрома города в середине III столетия.

Важной обрядовой чертой характеризующей группы является использование специальной похоронной атрибутики — погребальных венков и имитаций металлической гарнитуры, вырезанных и тиснёных из золотой фольги. Обычай украшать при похоронах труп бутафориями из тонкого листового металла, имитирующими украшения, принадлежности костюма и экипировки очень широко известен в римское время.

При мужском скелете в погр. 12/1972 был найден длинный двулезвийный меч с каменной бусиной — деталью застежки портупейного ремня. Длинные мечи с эффектными портупейными комплектами найдены в погр. 11/2007 г., комплект портупейной застежки — в погр. 12/2007 г., каменная портупейная бусина — в погр. 186/2008 г.

Рядом с погребённым в кургане 12/1972 г. обнаружена уздечка, украшенная металлическими деталями; роскошный уздечный набор, маркирующий высокий социальный ранг владельца — в погр. 186/2008. Мечи и уздечки этого типа — важнейший компонент инвентаря группы воинских кочевнических погребений позднесарматской культуры, относящихся к последней трети II — 1 пол. III вв. н. э. Позднесарматские воины обладали совершенной системой наступательного вооружения, хорошо адаптированной к степным условиям, и высоким силовым потенциалом. Эти обстоятельства заставляли воинский слой оседлых народов, включая и жителей Боспора, перенимать наиболее эффективный и престижный в то время и в тех условиях основной комплект оружия и снаряжения боевого коня.

В рассматриваемых комплексах отмечены сочетания из одночленных лучковых подвязных фибул и литых бронзовых зеркал с рельефным орнаментом и центральной петелькой на тыльной стороне. Эти наборы также характерны для могил позднесарматских дам — спутниц и единоплеменниц упомянутых выше воинов конца II — 1 пол. III вв.

Рассматриваемая нами группа погребений не представляет собой изолированного культурно-исторического явления. На хронологическом отрезке, соответствующем сооружению склепов в танаисском некрополе, город был неразрывно связан с основной территорией Боспорского государства в экономическом, политическом и военно-административном отношениях. Помимо археологических данных, этот факт надёжно

зафиксирован выразительными памятниками городской эпиграфики. Именно поэтому при характеристике важнейших особенностей погребальной культуры Танаиса в римскую эпоху мы в первую очередь направляем взор в сторону Боспора.

Обычай погребения в склепах, устроенных в грунте, был известен по обе стороны Боспора Киммерийского на протяжении многих столетий. Они стабильно присутствуют в некрополях большей части боспорских городов и многих сельских поселений Боспора. Как и в Танаисе, слабым местом в изучении боспорских склепов является проблема их датировки. Абсолютное большинство склепов ограблено в разные эпохи — от момента захоронения до нового времени. Ограбленные склепы посещались многократно; эти посещения оставляли свои следы. В итоге в заполнении склепов часто находят сильно фрагментированный смешанный материал с присутствием случайных вещей, не имеющих никакого отношения ко времени их сооружения и функционирования. Тем не менее, существует достаточно выразительная группа земляных склепов, содержащих вещи II–III вв. н. э. (самые выразительные — в некрополях Пантикапея, Китея, Фанагории, Кеп).

Северопонтийская склеповая традиция существовала непрерывно около тысячелетия (от эллинистической эпохи вплоть до VII в. н. э.). Она, несомненно, является одним из показательных критериев культурно-исторической преемственности, существовавшей в регионе. На протяжении многих веков способ погребения в земляных камерных гробницах сохранялся. Сохранялись и многие важные его атрибуты — многократность, использование гробов, отделка погребального убора тонкими золотыми декорациями, структура инвентарных наборов.

Строительство склеповых погребальных конструкций в Танаисе представляет собой сравнительно кратковременный эпизод северопонтийской (точнее — боспорской) традиции сооружения склепов. Все ныне известные склепы Танаиса, содержащие датирующие вещи, укладываются в примерно столетний отрезок — от сер. II до сер. III вв. Боспорская склеповая традиция, безусловно, была полнее танаисской.

По некоторым признакам (отсутствие ниш и лежанок, каких бы то ни было элементов расписного декора, форма входных ям — с вертикальными стенками, без пологого или ступенчатого спуска) танаисские склепы ближе всего к аналогичным сооружениям, выявленным около городов азиатского Боспора — в первую очередь, Фанагории и Кеп. По затратам труда на их сооружение, глубине, размерам и тщательности отделки они значительно различаются. О богатстве инвентаря этих могил судить сложно из-за степени ограбленности, но даже среди целых погребений есть достаточно скромные (154/1961 г.), хотя нет совсем бедных. Видимо, люди, сооружавшие склепы, принадлежали к различным социально-имущественным группам населения Танаиса. В самых выразительных комплек-

сах элементы боспорской и провинциально-римской культуры органически сочетаются с мощной, ярко выраженной варварской — в первую очередь, позднесарматской культурной традицией.

Тем не менее, наиболее монументальные погребения в земляных склепах второй половины II — первой половины III вв., без сомнения, принадлежали социальной элите Танаиса периода его наивысшего расцвета как торгового и военно-административного боспорского форпоста в нижнедонском регионе. За полтора столетия эпизодических и регулярных исследований некрополя Танаиса более престижных погребений этой эпохи обнаружено не было. Большие и глубокие склепы оставлены, по меткому выражению Т. Н. Книпович, «кругом вершащих дела Танаиса лиц». Имена части людей, погребённых в этих могилах, могут значиться на каменных плитах, обнаруженных среди руин Недвиговского городища. Происхождение и связи социальной верхушки города, бесспорно, способствовали накоплению общепроvincиальных и боспорских черт в её жизненном укладе, частью которого были способы обращения с мертвыми. Достаточно узкий круг танаисской социальной элиты по роли в повседневной жизни должен был хотя бы в основных чертах придерживаться нормативов, принятых в соответствующей им столичной социальной среде. По всей видимости, знати Танаиса удавалось выдерживать стиль лишь отчасти. Социальная атрибутика, посвящённая усопшим боспорским аристократам или высшим чиновникам, была более впечатляющей. Яркое свидетельство тому — синхронные танаисским склепы Горгиппии. В них представлен несколько иной набор знаков социального престижа — каменные погребальные сооружения, полихромная роспись интерьеров, каменные саркофаги, наличие значительного количества драгоценных металлов и редких вещей высокой материальной ценности. Людей, погребённых в таком антураже, легко представить в самой непосредственной близости к персоне монарха. В Танаисе такой набор индикаторов социального ранга до сих пор не обнаружен. Последние почести, отданные родственниками и жителями Танаиса своим управителям, хозяевам и благодетелям, были значительно скромнее, нежели в крупных центрах сердцевины Боспорского царства. Но каждому — своё. Для нас представляется важной лишь общеисторическая оценка склеповых сооружений Танаиса. На уровне явления погребальная практика социальной верхушки Танаиса в значительной степени представляла собой имитацию северопонтийской склеповой традиции.

Суммируя наблюдения, мы можем предположить, что социальная элита Танаиса после очень важных для истории города силовых воздействий середины II в. н. э. в основе своей была варварской, неразрывно связанной своим происхождением со степной позднесарматской средой. Высокий социальный статус накладывал на представителей городской знати определённые обязательства: престиж Боспора даже

в столь отдалённом уголке северопонтийской цивилизации, был высок, а город (судя по эпиграфическим данным) был подвластен его царям. В этой ситуации кажется вполне естественным принятие танаисской знатью степного происхождения многих культурных элементов и обрядовых норм, восходящих к античной северопонтийской цивилизации. Но наряду со склеповыми погребениями, ярко сочетающими степную позднесарматскую и северопонтийскую культурные традиции, в это время (2 пол. II — 1 пол. III вв н. э.) в некрополе Танаиса появляются меридионально ориентированные подбойные погребения, в значительной степени соответствующие степным позднесарматским. Восточная граница некрополя Танаиса в значительной степени размыта; там трудно разделить погребения городских жителей и кочевников. К Танаису тяготеют и погребения кочевой знати; не исключено, что при жизни они имели право свободного доступа в город.

Археологический контекст танаисских находок — концентрация и расположение позднесарматских кочевнических погребений вблизи нижнедонского очага оседлости, наличие мощного степного влияния на население нижнедонских городищ — всё отчетливее очерчивают выдающуюся роль кочевых позднесарматских племен в истории региона. Важнейшим её показателем является непосредственное присутствие персонажей степного происхождения в кругу социальной элиты Танаиса.

А. Г. Фурасьев

Концешты: погребение представителя боспорской элиты конца IV века в верховьях реки Прут

Богатое «княжеское» погребение, случайно обнаруженное в 1812 г. у бессарабского местечка Концешты, до сих пор остается эталонным памятником эпохи Великого переселения народов и являет собой квинтэссенцию процессов межкультурного взаимодействия, протекавших в конце IV–V вв. в Центральной Европе, на границе варварского и римского миров. Отметим основные публикации памятника (Mazulevitch. 1929; Засецкая. 1994; Harhoiu. 1998; Казанский. 2014). В настоящий момент ожидает выхода в свет полное монографическое издание всей коллекции (Фурасьев, Шаблавина (в печати)).

Весь инвентарь погребения отчетливо подразделяется на две или три группы вещей различного происхождения, каждая из которых имеет свое значение для этнокультурной интерпретации памятника и его датировки. Первоначально исследователи выделяли только две группы

находок — варварскую и греко-римскую (Mazulevitch. 1929. S. 123–124). Позже «варварский» блок вещей был разбит на две части, одна из которых связана с гуннскими кочевническими традициями (Засецкая. 1994. С. 174–176), другая предположительно восточно-германская, или, во всяком случае, связанная с оседлым населением Восточной Европы. Наиболее аргументировано этот подход изложен в работах М. М. Казанского. Вместе с тем исследователь акцентирует внимание на условности такого деления и на тесном взаимодействии отмеченных традиций в рамках единой культуры варварской элиты рассматриваемой эпохи (Казанский. 2014. С. 313–329).

Первая группа — находки позднеримского производства. Сюда входят все серебряные вещи: воинский шлем с облицовкой, складной стул и парадная посуда — ситула, амфора, блюдо и фрагмент кувшина (Засецкая. 1994. Табл. 20, 21). Возможно, с ними следует объединить и золотые украшения в технике клуазоне (Засецкая. 1994. Табл. 19, 1, 2). Датировка предметов этой группы укладывается в период IV — нач. V вв. Химический анализ состава металла отличается строгим единообразием. Процентное содержание серебра составляет 93–98 %, что является важной количественной и качественной характеристикой позднеримских изделий, в первую очередь, посуды (Mundell Mango, Bennett. 1994. P. 34–35. Tabl. 1; Painter. 1993. P. 109).

Вторая группа — предметы кочевнического населения европейских степей. Украшения уздечных ремней с полихромным декором, а также обкладки с чешуйчатым штампованным декором, выполненные из золотой фольги, функционально связаны с конским снаряжением (Засецкая. 1994. С. 174–175. Табл. 19, 3–6, 11–13, 15, 16). Датировка полихромных уздечных накладок определяется в рамках ранней стадии гуннских древностей Восточной Европы конца IV (после 375 г.) — первой половины V вв. (Засецкая. 1994. С. 129–130). Вещи именно второй группы дают основание сузить хронологические рамки всего комплекса и узко датировать его последней четвертью IV — рубежом IV–V вв. (Банк, Бессонова. 1977. С. 56; Bloşiu. 1974. S. 77, 80; Effenberger. 1978. S. 33, 136–137; Guggisberg. 2003. S. 151). Чуть более ранним отрезком времени датирует погребение М. Казанский — только последней четвертью IV в. или финалом периода D1 (Казанский. 2014. С. 328). Мы присоединяемся к этой точке зрения.

Третья группа находок, о которой пойдёт речь, не играет важной роли для датировки памятника, однако, обладает первостепенным значением с точки зрения его этнокультурной атрибуции. Необходимо подчеркнуть, что в третью группу входят практически все сохранившиеся в коллекции типологически и морфологически определимые предметы, не относящиеся к первым двум. Данный блок находок своим происхождением тесно связан с традициями смешанного греко-варвар-

ского населения Боспора, точнее его элиты второй половины IV в. Перечислим эти предметы.

1. Золотая витая гривна из трёх частично рифлёных дровот, с застёжкой в виде петли и крючка из проволоки, отдельно припаянных к ее концам (рис. 1, 3). Аналогичная конструкция замка из напаянных на концы петли и крючка встречена на двух золотых гривнах, происходящих из керченских склепов «24 июня 1904 г.» (Засецкая. 1993. С. 52. № 78), а также на гривне из Обоянского клада, имеющей, скорее всего, также боспорское происхождение, как отметил Л. А. Мацулевич (Мацулевич. 1934. С. 82–84. Рис. 15–17). Несмотря на очень широкое распространение подобных витых гривен в рассматриваемую эпоху (см. Казанский. 2014. С. 301–302), данная конструкция замка имеет близкие аналоги только на Боспоре.

2. Уздечная прямоугольная накладка из медной пластины, обтянутой золотым листком с двумя вставками альмандинов на концах (рис. 1, 4). Рельефный декор накладки в виде рубчатых линий нанесен методом тиснения при помощи металлического штампа-пуансона, уже после того, как пластина была обтянута золотом. Этот способ характеризует римское и ранневизантийское ювелирное дело (Минасян, Шаблаваина. 2009. С. 82–85), а о его широком распространении на Боспоре свидетельствуют многочисленные уздечные наборы конца III — сер. IV вв. из Крыма и Нижнего Подонья с полихромным и тиснёным декором серебряной облицовки. Большая часть таких наборов, по мнению исследователей, была изготовлена именно на Боспоре и именно описанным выше способом (Минасян, Шаблаваина. 2009. С. 82–85; Симоненко 2013. С. 228).

Чрезвычайно важно обратить внимание, что детали узды совершенно определены данного типа (то есть боспорского первой половины IV в.) фигурируют на серебряной вазе-амфоре из погребения в Концештах (рис. 1, 1), на что указал В. Ю. Малашев (Малашев. 2000. Рис. 13Д). На сбруйном ремне одной из лошадей амазонок чётко изображены бляхи со вставками камней овальной и прямоугольной форм (рис. 1, 2), соответствующие по типу некоторым накладкам боспорских уздечных наборов из Аджимушкай и Комарова (Симоненко. 2013. Рис. 1–9). Вряд ли мастер-ювелир был столь осведомлён о типах уздечных гарнитур Северного Причерноморья, скорее в этом можно усмотреть пожелание заказчика, хорошо знавшего подобные вещи. Рассматриваемая же накладка из Концешт, хотя морфологически отличается от них, изготовлена в аналогичной технике и, вероятно, отражает финал развития традиции уздечных наборов данного типа в Причерноморье уже в конце IV в., то есть в гуннское время.

3. Точно так же, способом тиснения металлическим фигурным пуансоном уже обтянутой золотым листком медной основы, выполнены ещё несколько прямоугольных накладок, обрывки которых и одна целая

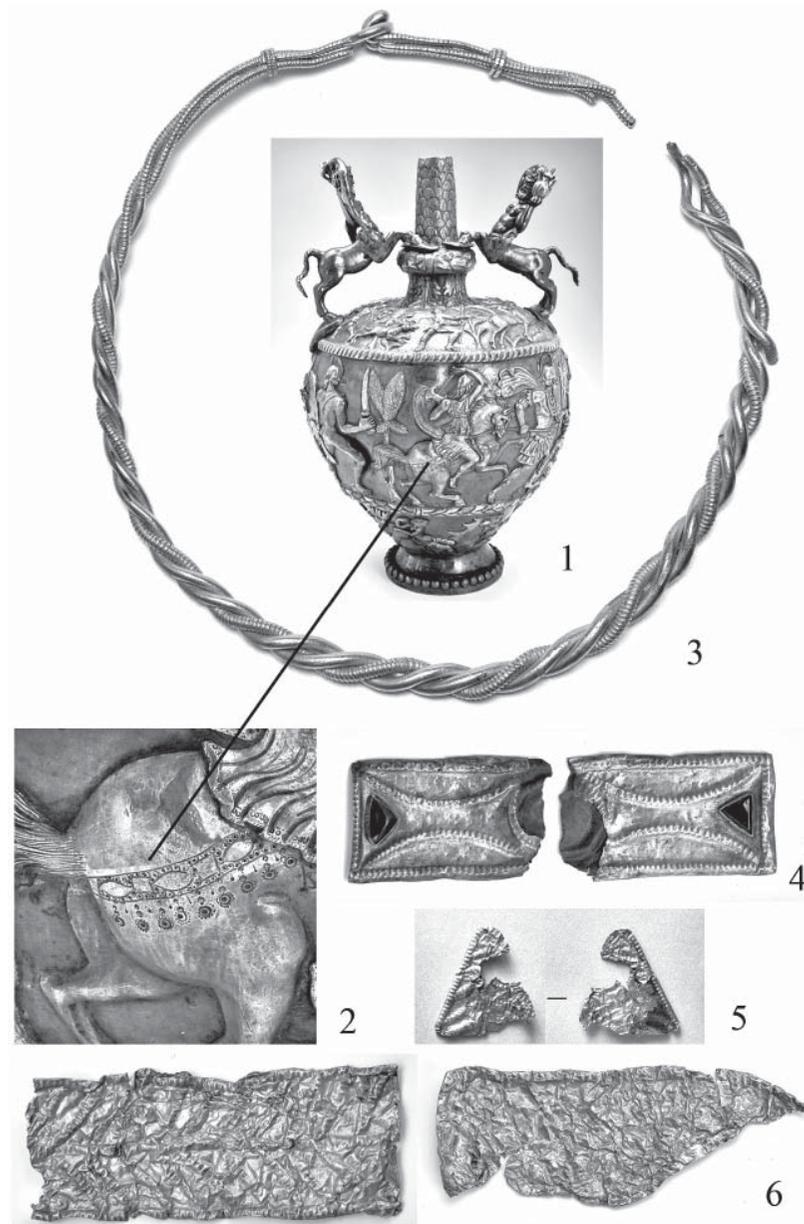

Рис. 1. Погребение в Концештах. Серебряная ваза-амфора с изображением деталей узды северо-понтийского типа (1, 2) и золотые украшения предположительно боспорского происхождения (3–6)

происходят из Концешт (рис. 1, 6). Сюда же следует включить и фрагмент треугольной бляшки (рис. 1, 5), не только изготовленный в данной технике, но и имеющий совершенно идентичный орнамент, как и упомянутые наклейки. Орнамент на всех в виде «ёлочки» — из рубчатых косых черточек, расходящихся от продольной центральной линии. Вероятно, и треугольная, и прямоугольные наклейки были выполнены с помощью одного пуансона (Фурасьев, Шаблавина. (в печати)). Технические особенности дают основание включить эти вещи именно в третью группу.

4. Мелкие нашивные бляшки (аппликации) с отверстиями, предположительно, украшавшие погребальные покровы: одна треугольная бляшка, с круглыми штампованными выпуклостями-«пупырышками» (рис. 1, 1), бляшки неправильной подпрямоугольной формы (10 штук — рис. 1, 2), фигурные бляшки (3 штуки — рис. 1, 3).

В культурно-историческом контексте эпохи Великого переселения народов золотые бляшки-нашивки — один из наиболее характерных элементов «аристократического» костюма горизонта Унтерзибенбрунн первой половины V в. (Мастыкова, Казанский. 2005. С. 259–261; Nothnagel. 2008. S. 197–198). Памятники этого культурно-хронологического горизонта отражают интернациональную культуру варварской «княжеской» элиты, сложившуюся на границе Римской империи и Барбарикума от Северного Причерноморья до Северной Африки и Испании.

Некоторые исследователи связывают распространение богатого убора с золотыми аппликациями с аланским влиянием и даже напрямую с расселением алан в Европе в эпоху переселения народов (Кишш. 1995. С. 79–80). Однако, сегодня преобладает иная точка зрения, о важной роли полиэтничной греко-сарматской культуры, сложившейся в эллинистическое время на территории юга России (Nothnagel. 2008. S. 77). Золотые нашивные украшения попадают в аристократический убор варваров гуннского времени под влиянием моды оседлого населения позднеантичных центров Северного Причерноморья, в первую очередь, Боспора и Танаиса, где обычай их использования в костюме сохраняется непрерывно не только в первые века н. э. (как у алано-сармат), но и в позднеримское время, и в эпоху Переселения народов (Kazanski, Mastykova. 2006. P. 292–293).

5. Три фрагмента овальных или миндалевидных пластин, вырезанных из гладкой фольги (рис. 2, 1, 2). Форма и размеры этих предметов позволяют предположить, что это так называемые лицевые погребальные пластины — наглазники. Один из них реконструируется почти полностью из двух фрагментов (рис. 2, 1). Второй чуть отличается своим контуром.

Данная традиция, как часть погребального ритуала, тоже связана с позднеантичным миром Понтийской зоны. Погребения с золотыми лицевыми пластинами часто встречаются в первые века нашей эры на некрополях городских центров Причерноморья и на позднескифских

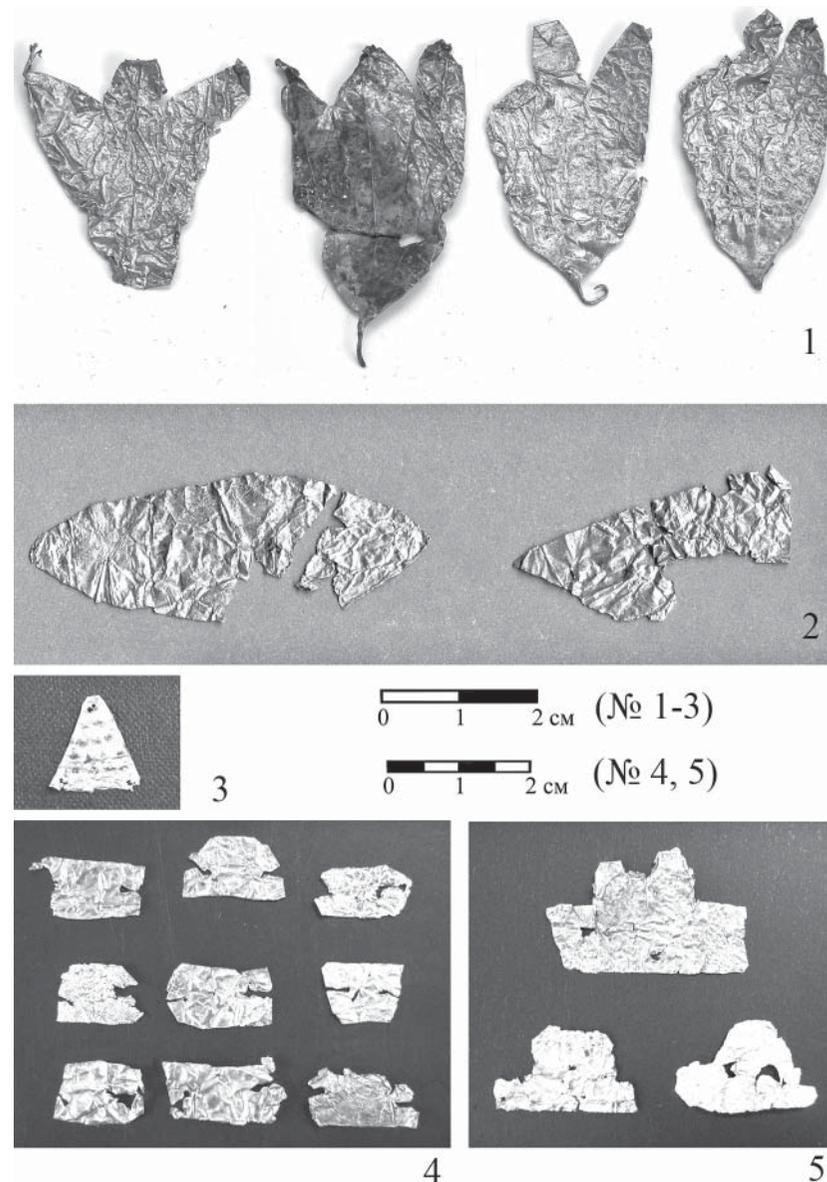

Рис. 2. Погребение в Концештах. Детали погребального убранства из золотой фольги: 1 — листики от венка, 2 — фрагменты лицевых пластин, 3–5 — нашивные бляшки

могильниках Крыма (Дашевская. 1991. С. 39; Погребова. 1957). Особенно часто золотые наглазники встречаются в погребениях Херсонеса первых веков нашей эры и именно херсонесские пластины, несмотря на хронологический разрыв, наиболее близки по размерам и пропорциям концештинским (Погребова. 1957. С. 148–149. Табл. II, 2–8). В урочище Кубей (Одесская обл.) известна находка двух золотых наглазников близких по размерам и форме в засыпке гуннского погребения конца IV — 1 пол. V в. (Засецкая. 1994. С. 193. Табл. 46, 1).

6. Золотые листики от венка, четыре экземпляра (рис. 2, 2). На трёх из них прослеживается продавленный орнамент в виде продольных «волокон» и крючочек-петелька в основании. Один листок (А) имеет форму, близкую к треугольной, с прямыми краями и широко расходящимися боковыми зубцами. Орнамент на нем не прослеживается, как нет и крючка на конце.

Погребальные венки хорошо известны в греко-римской погребальной традиции и широко представлены в позднеантичных боспорских склепах. В позднеантичное время наиболее часто встречаются листочки подтреугольной формы, как наш экземпляр А (Засецкая. 1993. Табл. 12, 21, 21; 54.2 88). Форма, более приближенная к овальной, как у экземпляров Б, В и Г, в эпоху переселения народов встречается реже, она в большей степени характерна для первых веков нашей эры. Такую форму имеют листики с крючочком на конце из погребений позднескифских некрополей в Крыму (Пуздровский. 2007. Рис. 109, 1; 119, 1; Дашевская. 1991. Табл. 66, 20). Более поздних аналогий, твердо датированных именно второй половиной IV–V вв., для таких листиков от погребального венка найти пока не удалось.

Завершим обзор находок третьей этнокультурной группы из Концешт констатацией того факта, что представленные здесь элементы престижной погребальной субкультуры (наглазники, венки, бляшки-аппликации) ярко характеризуют в римское время традиции населения многих городских центров средиземноморско-пантийской зоны. Однако важно подчеркнуть, что наиболее поздние проявления этой традиции, заимствованные уже смешанным греко-варварским населением Северного Причерноморья, в особенности Боспора, сохранялись там непрерывно вплоть до первой половины V в., то есть в тот период, когда во всех прочих областях позднеантичного мира они уже ушли в прошлое. Это говорит о весьма важном значении, которое им придавалось представителями варварской аристократии, включенной в сферу боспорской позднеантичной культуры.

Как раз в последней трети или четверти IV в. в археологическом материале боспорского некрополя фиксируется появление восточно-германских престижных вещей в захоронениях местной греко-сарматской знати. За этим фактом вполне обоснованно некоторые исследователи

видят не только включение германцев в правящую элиту Боспора, но и возможный переход власти в Боспорском царстве в руки германского правителя — «готского короля» (Казанский. 1999. С. 282). Не исключено, что этим королем был сам Германарих (Шаров. 2009. С. 14, 33).

Присутствие золотых бляшек, венка и наглазников в концештинской могиле — чрезвычайно важный этнокультурный показатель. И без того высокая исследовательская оценка (Казанский. 2014. С. 328) роли крымско-боспорского культурного импульса в формировании такого интереснейшего памятника, как Концешты, должна значительно возрасти (Фурасев. 2015. С. 173). Эти элементы обряда в нашем случае маркируют начальный этап трансляции того комплекса традиций, который привел к образованию горизонта Унтерзибенбрунн первой половины V в. Погребение в Концештах по всем своим характеристикам занимает промежуточное положение между греко-варварским миром северо-пантийского региона и смешанным германо-аланским миром Подунавья первой половины V в.

Мы склоняемся к предположению, что правитель одного из варварских, скорее все восточногерманских племенных образований, захороненный в Концештах, своим происхождением непосредственно связан с полиэтничной варваризированной аристократией одного из позднеантичных центров Северного Причерноморья, скорее всего Боспора.

Литература

- Т. М. Арсеньева, С. И. Безуглов, И. В. Толочко. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001. 274 с.
- А. В. Банк, М. А. Бессонова. Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М., 1977. Т. 1.
- О. Д. Дашевская. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1–7. М., 1991.
- И. П. Засецкая. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
- И. П. Засецкая. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. 224 с.
- М. М. Казанский. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
- М. М. Казанский. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // Tractus Aevorum. Белгород, 2014. Т. 1. № 1.
- А. Кишиш. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура. Alanica III / Ред. С. П. Таболов. Владикавказ, 1995.
- В. Ю. Малашев. Периодизация ремесленных изделий позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. 1.
- А. В. Мاستыкова. Костюм с золотыми аппликациями в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов // КСИА. 2014. № 232.
- А. В. Мастыкова, М. М. Казанский. О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения. Материалы конференции, посвященной 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 145.

- Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи // ИГАИМК. 1934. Вып. 112. 132 с.
- Р. С. Минасян, Е. А. Шаблавина. Техника изготовления вещей из погребения Рескупорида // Тайна золотой маски. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 2009.
- Н. Н. Погребова. Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П. Н. Шульц. Киев, 1957.
- А. Е. Пуздровский. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007. 480 с.
- А. В. Симоненко. Полихромные сбруйные наборы позднееримского времени из Сарматии и Пантикапея // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Киев, 2013.
- А. Г. Фурасьев. Концешты: новые данные к характеристике «княжеского» комплекса рубежа IV–V вв. // Археологические вести. СПб., 2015. № 21.
- А. Г. Фурасьев, Е. А. Шаблавина. Концешты. Княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб. В печати.
- О. В. Шаров. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднееримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н. э.). Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2009.
- C. Bloşiu. Noi observații și ipoteze cu privire la mormintul de la Concești // Cercetări Istorice. 1974. № 5.
- A. Effenberger, B. Maršak, V. Zaleskaja, I. Zaseckaja. Spätantike und frühbyzantinische Silbergefäße aus der Staatlichen Ermitage Leningrad, Berlin, 1978.
- M. A. Guggisberg (Hrs.). Der spatromische Silberschatz von Kaiseraugst. Die neuen Funde. Augst, 2003.
- R. Harhoiu. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest, 1998. 268 s.
- M. Kazanski, A. Mastykova. A propos des alains en Occident à l'époque de Grandes migrations: le costume à appliqués en or // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germanica' (ss. V–VII). Balance y Perspectivas. BAR 2006. IS — 1534.
- L. A. Matzulevich. Byzantinische Antike. Berlin — Leipzig, 1929. 150 s.
- M. Mundell Mango, A. Bennett. The Sevso Treasure. Part one (Journal of Roman Archaeology. SS № 12). Ann Arbor, 1994.
- M. Nothnagel. Die völkerwanderungszeitlichen Bestattungen von Untersiebenbrunn, Niederösterreich. Wien, 2008. 290 s.
- K. Painter. Late-Roman silver plate: a reply to Alan Cameron // Journal of Roman Archaeology. 1993. Vol. 6.

Н. Н. Болгов

Элиты позднего Боспора и Ранневизантийской империи (V–VI вв.): общее и особенное

Боспор много столетий являлся единственной альтернативой универсальной имперской государственности внутри античной цивилизации. Вплоть до эпохи Юстиниана Боспор развивался в известной мере независимо. Поэтому вызывает большой интерес сопоставление основного и периферийно-альтернативного варианта организации и состава элит в империи и на Боспоре.

Традиционная землевладельческо-военная элита. Представители собственно позднебоспорской (наследственной, землевладельческой) аристократии, обладая экономической мощью (М. И. Ростовцев для первых веков н. э. называл их «сарматизированными феодалами»), не смогли создать особого политического органа при царе по типу парфянского совета знати. Причина в том, что все государственные служащие обладали суммой прав и обязанностей, определяемых царём. На Боспоре отчасти продолжали сохраняться античные традиции выборности и не наследственности магистратур, что значительно ограничивало претензии традиционной землевладельческой аристократии и направляло ее устремления в рамки военной службы. Руководил войском лично царь. Далее следовали хилиархи (тысяченачальники), лохаги, стратеги, а также навархи. Среди военных должностей Боспора известны: принкипс, тагматарх, «начальник отряда». Даже в V в. боспорское войско сохраняло элементы правильной организации. Весьма вероятно, что высшая боспорская (военная) знать участвовала в походах племен гуннского союза в первой половине V в. Важная роль этой группы элиты хорошо прослеживается по богатым погребениям знатных родов в семейных склепах столицы.

Чиновно-бюрократическая элита. Боспорский государственный аппарат был окончательно оформлен в первые века н. э. В позднеантичное время его составляла особая группа людей — чиновников, назначаемых царём. Показателем социальной значимости высших боспорских чиновников могут служить их римские личные имена. Наделение боспорской знати римским гражданством должно было способствовать ее политической ориентации в сложной борьбе группировок при дворе.

Очевидно, что за влияние при дворе должны были бороться как минимум две группировки — традиционная землевладельческая (она же и военная) знать и незнатная по происхождению бюрократия. Чтобы не допустить формирования аристократической оппозиции, главные места на царской службе были отданы царским отпущенникам. Таким образом, при дворе большей частью доминировала группировка из бюрократии, обязанной своим возвышением лично царю.

Вертикальная социальная мобильность, разумеется, была выше в группе «второй элиты». Через этот канал более способные, но менее знатные могли подняться наверх. Война же постоянно держала «в форме» и традиционную знать. Так что в целом можно говорить о достаточной активности боспорских элит, которые не коснели вдали от двора и не замыкались в своих поместьях, как западноримские аристократы V в.

Количество лиц, так или иначе причастных к дворцовой службе в столице, было весьма значительно: двор и магистраты с их семьями и слугами составляли в IV в. до 1/10 части населения Пантикапея (по подсчетам В. Д. Блаватского).

Одной из важнейших должностей была должность «наместника царства» или «наместника царской области». Это был, скорее всего, внешний имперский представитель — «наблюдатель» и «опекун» (в силу сохранения клиентского статуса Боспора). В надписи царя Дуптуна (V в.) упоминаются новые должности — эпарх, комит, возможно, — протевон («первенствующий»). Трудно судить, военные ли это должности, или гражданские, и какая из двух элит их занимала. Возможно, здесь мы наблюдаем определённое смешение функций, в то время как в империи разделение военного и гражданского управления в рассматриваемый период ещё сохранялось. Из других общепоспорских должностей важны «начальник отчётной части», служащие приходных канцелярий, исполнители судебных решений, аланский переводчик и др. В государственной канцелярии состоял целый ряд секретарей. Известно до пяти наименований этих должностей.

Итак, центральный правительственный аппарат позднего Боспора в основных своих чертах оставался позднеэллинистическим с учётом имперского протектората. Античные традиции выборности и сменяемости магистратур воспрепятствовали окончательной ориентализации боспорской государственности.

Провинциальная (местная) элита. Помимо групп элит, прямо причастных к общегосударственному управлению и общегосударственным делам, можно выделить местную элиту. В империи таковая делилась на провинциальную (элита провинции при дворе её правителя) и муниципальную (в городах).

Роль провинций на Боспоре выполняли отдельные административные округа. В начале позднеантичного периода продолжали существовать некоторые элементы местного административного управления. К догуннскому времени относится сохранение должностей «начальника Острова» и «начальника аспургиан». Административно-территориальное деление имело две основные функции — военно-стратегическую и налогово-фискальную.

Городская элита. Жизнь и быт городской верхушки позднего Боспора недостаточно известны. Очевидно, что никакого самоуправления в городах в V–VI вв. уже не было, разве что кроме восстановленного «постантичного» Танаиса, но это местное самоуправление было не столько полисным античным, сколько варваризованным общинным. Однако, городская (торгово-ремесленная) знать должна была существовать, и с ней должны были сотрудничать назначаемые государством региональные правители и чиновники. На смену муниципальной организации в городе должен был прийти широкий спектр неофициальных микрообществ. Одна из надписей VI в., где можно восстановить должность архонта, по нашему мнению, вряд ли связана с самоуправлением, так как архонт — один из титулов ранневизантийской знати.

Церковь. С успехами христианизации возвышалась церковная организация. На Боспоре с 325 г. известна епархия. Верхушка клира должна была составить особый слой элиты.

Варваризованная и варварская элита. Поздний Боспор разительно отличается от империи тем, что на его территории почти изначально проживали варвары, так или иначе сосуществовавшие с боспорянами внутри страны («внутренние варвары»). Их знать составляла особый слой боспорских элит, близкий военно-земледельческой традиционной по своему характеру, но несколько автономной в силу своего местами обособленного проживания и самостоятельной роли в военной организации.

Близ Боспора постоянно жили и «внешние» варвары, которые часто ему служили как энспонды-федераты со своими командирами, а иногда и враждовали.

Империя. Что касается империи, то среди её элит на первом месте, безусловно, находились придворные чины, разделённые на ранги (Гийан. 1964). Принципиальной разницы между военной и чиновной службой для карьерного успеха не было. В силу вертикальной социальной мобильности постоянно поддерживалась активность элит. Никто не был гарантирован от стремительного падения. В то же время, было возможно и быстрое возвышение.

В отдельные устойчивые группы можно выделить военную знать (Глушанин. 1991; Беда. 2015) и сенаторскую знать Константинополя, наиболее влиятельную при дворе (Чекалова. 2010).

Провинциальная элита формировалась вокруг наместника при его дворе в столице провинции и во многом повторяла (на меньшем уровне) столичную знать. Гражданская и военная администрации провинций до конца VI в. были ещё разделены, что накладывало отпечаток на специфику элит. Крупные провинциальные землевладельцы в ранневизантийский период ещё не играли заметной политической роли.

Муниципальная знать оставались наиболее влиятельным слоем в городах в силу сохранения городского самоуправления до конца позднеантичного периода (Laniado. 2002; 2014).

Верхушка клира составляла особый род элиты, чья роль проявлялась в столице (патриарх), крупных региональных (провинциальных) центрах, а также на уровне города (епископ).

При сравнении элит империи и Боспора можно сделать ряд наблюдений:

- двор и придворные составляли высший слой элиты и там, и там, но в империи разделение между военной и чиновной знатью носило менее твёрдый характер;
- придворная знать империи формировалась уже не из удачливых вольноотпущенников и авантюристов (ряд которых начинается

ещё с Сеяна, Нарцисса и Паланта), а из оформившейся константинопольской наследственной сенаторской знати;

- военная знать империи носила более мобильный характер, не так сильно, как на Боспоре, была связана с землевладением и в целом уступала ведущие позиции «гражданской» сенаторской придворной знати, лишь иногда вмешиваясь в политическую жизнь;
- слой провинциальной элиты на Боспоре отсутствовал в силу небольших размеров страны и четкого единого административного деления; в империи же эти группы имелись, однако, провинциальные землевладельцы не играли особой роли, поскольку не находясь на непосредственной службе государству;
- муниципальной элиты на Боспоре не было в силу отсутствия городского самоуправления;
- варвары в империи стремились войти в существующую военную (и отчасти гражданскую) элиту без сохранения себя как особого слоя в ней; на Боспоре же они (даже «внутренние» варвары) всегда были автономны;
- о роли церковной элиты на Боспоре и её взаимоотношениях с государством мы не можем судить в силу недостатка источников, но очевидно, что роль церкви была здесь меньше, чем в империи в силу хотя бы того обстоятельства, что её руководство находилось в империи;
- в империи была важна роль интеллектуалов и образования; через высшую школу в значительной мере столичная и муниципальная знать получала подготовку для государственной службы; о школе и интеллектуалах на позднем Боспоре нам (пока) ничего не известно;
- в целом элита на Боспоре была достаточно подвижной, её представители, имея опору в том или ином локусе (микроне) (Болгов, Болгова, Рябцева. 2011), могли сделать карьеру в столице, занимать должности в различных регионах (Виноградов. 1998), а высшие должности на Боспоре подражали имперским (Храпунов. 2011).

С 530-х гг. Боспор непосредственно вошёл в состав империи, и местные элиты лишились политической роли, уступив место военному провинциальному византийскому управлению.

Литература

- Р. А. Беда. Военная знать Ранней Византии в послеюстиниановскую эпоху (565–641 гг.). Автореф. канд. дисс. Белгород, 2015.
- Н. Н. Болгов, А. М. Болгова, М. А. Рябцева. Ещё раз о Саваге — магнате из Китея (V в.) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011.

- Ю. Г. Виноградов. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1.
- Р. Гийан. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.) // Византийский временник. 1964. Т. 24.
- А. П. Глушанин. Военная знать Ранней Византии. Барнаул, 1991.
- Н. И. Храпунов. Администрация Боспора в V в. н. э. // ДБ. 2011. Т. 15.
- А. А. Чекалова. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV — первая половина VII века. М., 2010.
- А. Laniado. Recherches sur les notables municipaux Dans l'empire protobyzantin. Paris, 2002.
- А. Laniado. From municipal councilors to «municipal landowners»: Some Remarks on the Evolution of the Provincial Elites in Early Byzantium // Chlodwigs Welt. Schtuttgart, 2014.

Е. А. Зинько

К вопросу о христианских иерархах Боспорского царства¹

Исследователям, занимающимся вопросами проникновения и распространения христианства в Боспорском государстве, очевиден факт существования очень малого количества нарративных источников по этой теме. Собственно, боспорские свидетельства подобного рода не известны, имеются лишь очень краткие и зачастую противоречивые сообщения византийских и иных авторов, дающих скудные сведения о христианских иерархах Боспора.

К 325 г. на Боспоре образовалась христианская епархия и боспорский епископ Кадам участвовал в I Вселенском соборе в Никее (Бенешевич. 1908. С. 295). Причём в греческой версии этого списка он значится как Кадам (Cadmos, Cathmus, Cathirius, Cadamnus, Cadmus), а в так называемой сирийской и арабской — как Домн (Бенешевич. 1908. С. 281–306). Все версии этого списка были составлены только в VII–VIII вв., что оставляет открытым вопрос об их достоверности (Диатроптов, Емец. 1995. С. 8). Попутно следует обратить внимание на замечание Н. Н. Болгова о том, что в IV в. в Таврике существовали Херсонская, Боспорская и Готская епархии (Болгов. 1996. С. 105). Если существование первых двух исследователи безусловно связывают с Крымом, то относительно Готской епархии уже давно убедительно доказано, что епископ Феофил, подпись которого есть среди участников Никейского собора, представлял на нем одну из областей, расположенных на Дунае (Васильев. 1921. С. 277–297; Popescu. 1988. С. 237–249).

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

На протяжении длительного времени Боспорская епархия оставалась малочисленной и слабой христианской организацией на далёкой окраине греко-римского мира. Христианизация Боспорского царства происходила довольно медленно. Об этом свидетельствует ограниченное количество христианских надписей и лишь небольшая группа христианских погребальных сооружений. На Боспоре до сих пор археологически не засвидетельствовано ни одной христианской мошелейни IV–V вв., в то время как продолжают функционировать святилища других (дохристианских) божеств.

По сообщениям автора V в. Гермия Созомена, другой боспорский епископ, имя которого не сохранилось, погиб во время землетрясения в 344 г. в Никомедии, которое произошло до начала собора (Созомен. 1948. С. 302–312). После этого, на протяжении более ста лет какие-либо сведения о боспорских епископах отсутствуют. Известно лишь, что в Константинопольском соборе 448 г. и 459 г., а также в Эфесском в 449 г. участвовал боспорский епископ Евдоксий (Le Quien. 1740. P. 1328). В качестве доказательства функционирования боспорской епископии в V в. иногда ссылаются на сообщения автора этого же времени Феодорита, — епископа сирийского города Кирры. Он сообщает, что «...по кончине великого вселенского учителя (Иоанна Златоуста) западные епископы не вступали в общение с епископами Египта, Востока, Боспора и Фракии, пока последние не включили имя этого божественного мужа в число почивших епископов...» (Феодорит. 1993; 1948. С. 293–301). Однако здесь Боспор упомянут в одном географическом контексте с Фракией, из чего можно заключить, что в данном случае скорей всего имеется в виду не Боспор Киммерийский, а Боспор Фракийский (Диатроптов, Емец. 1995. С. 8).

Примеры из приведённых источников, свидетельствуют о том, что боспорские христиане не вызвали особого интереса у византийских авторов. Подобное отсутствие внимания, по-видимому, объясняется как удаленностью Боспора и малочисленностью его христианской общины, так, в немалой степени, и вообще слабому освещению в письменных источниках вопросов раннего христианства.

Разнообразны и сравнительно многочисленны различные надписи, оставленные христианами на стенах склепов, надгробиях, керамических и стеклянных сосудах, ритуальных предметах. Подавляющее большинство из них составляют надгробные эпитафии, но имеются и образцы молитв, заклятий, обращений к святым, религиозных формул и просто символов веры. В наиболее полной сводке составленной более десяти лет назад насчитывается 65 надписей (Диатроптов, Емец. 1995). Среди них три строительные надписи: две из которых найдены в Керчи и могут быть отнесены к V в., а одна, повествующая о сооружении какой-то постройки при Юстиниане I, — на Тамани (Диатроптов, Емец. 1995. № 1–3).

Особый интерес представляет найденная в 1888 г. в Керчи надпись о строительстве башни при боспорском царе Тиберии Юлии Дуптуне (Latusev. № 49). Присутствие в начале и конце надписи крестов и формула титулатуры говорит о том, что Дуптун был христианином. Эту надпись В. В. Латышев первоначально отнес ко времени Юстиниана I (КБН. С. 74–75. № 67). Однако, как справедливо отметил Ю. А. Кулаковский, Юстиниан I вряд ли позволил реставрировать на Боспоре власть местной царской династии, и датировал эту надпись концом V в. (Кулаковский. 1891. С. 25–27). Позднее В. В. Латышев привёл новые аргументы в пользу пересмотра датировки надписи, и поскольку Дуптун был христианин, то надпись с большей вероятностью можно датировать V в. (Латышев. 1895. С. 660–662). А. И. Болтунова предложила свое чтение даты надписи — 402 г. (КБН. С. 75), которое позднее поддержал В. Д. Блаватский (Блаватский. 1985. С. 255). К иному выводу пришел Ю. Г. Виноградов. Он считал, что уцелевшее в последней строчке слово АΠ указывает на использование в этом документе двойной системы летоисчисления по македонскому календарю: индиктионам и локальной эре. С учётом упомянутого в надписи месяца октября, воссоздаётся дата 779 г. б. э. — 483 г. (Виноградов. 1998. С. 238, 242). Очевидно, Дуптун укреплял оборону города, опасаясь гуннов, обитавших в соседних степях (Айбабин. 1999. С. 79).

Во второй половине V в. на Боспоре усиливается влияние Византии и как один из инструментов этого влияния — возрастание роли христианства. В этой связи интересна биография одного из царедворцев-христиан по имени Саваг. С ним и членами его семьи Ю. Г. Виноградов связывает несколько эпиграфических христианских памятников Боспора этого периода. Проведя подробный анализ этих документов, исследователь устанавливает послужной список Савага, охватывающий достаточно узкий промежуток времени в 13–14 лет с 478/9 по 491/2 гг. (Виноградов. 1998. С. 241). Судя по датируемой 478/9 г. надписи на межеевом столбе, Саваг происходил из знатной семьи одного из городов азиатского Боспора и ему принадлежали рыбопромысловые угодья на Тамани. Его родным городом была, скорее всего, Гермонасса–Таматарха. Не позже 478/9 г., он получает высокий пост комита в центральной администрации Боспора, а в последнюю декаду своей жизни и карьеры переселяется в столицу, где и был погребён со своей супругой Фаиспартой в 491/2 году или вскоре после него в склепе, на стенах которого были нанесены изображения крестов и молитв. Имя Фаиспарты также упомянуто на филактериях нательного христианского амулета, найденного неподалеку от боспорского города Акра (Виноградов. 1998. С. 239–242).

В 1890 г. на Госпитальной улице Ю. А. Кулаковский раскопал христианскую гробницу 491 г., в которой сохранились выполненные красной краской строки из 26, 90, 101 и 120 псалмов (Кулаковский. 1891). В этом же склепе на противоположной от входа стене красной краской

нанесена молитва о спасении души Савага и Фаиспарты: «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, спаси раба своего Савага и Фаиспарту» (Кулаковский. 1891. Табл. II, 1). Исследователи отмечают, что надпись выполнена в единственном числе, с точки зрения древнегреческой грамматики. Очевидно, эту надпись следует понимать так, что первоначально там был похоронен один Саваг, а затем, спустя какое-то время и его жена (?) Фаиспарта (Диатроптов. 1995. С. 18).

Надписи, проанализированные Ю. Г. Виноградовым, свидетельствуют, что приближенные царя Дуптуна, в частности Саваг и его жена Фаиспарта, возводили себе усыпальницы на городском некрополе столицы, на северном склоне горы Митридат, украшенные не только изображениями крестов, но и христианскими погребальными псалмами. Всё это говорит о том, что на Боспоре уже в последней четверти V в. христианами стали представители правящей верхушки боспорского общества, которые в своей политике ориентировались на Византию.

До начала VI в. Боспорская епархия, вероятно, объединяла в церковном отношении территории всего Боспорского царства. В организационном плане она входила в Понтийский округ Кесаре–Каппадокийской патриаршей кафедры (Лебедев. 2003. С. 210). В середине V в. 12 митрополитов Понтийского диоцеза было подчинено константинопольскому патриарху. Несмотря на очень ограниченный материал можно представить общую картину устройства боспорской епархии по византийским аналогиям. Возглавлял епархию епископ — третья, высшая ступень церковной иерархии, совмещающая в себе всю полноту апостольской власти. Поименно известно лишь два боспорских епископа этого периода: Кадм и Евдоксий. Второй ступенью церковной иерархии в епархии был диакон, наблюдавший за церковным благочинием. На практике они были посредниками между епископами и паствой. В Керчи найдено надгробие 438 г. диакона Евсевия (Латышев. 1895. № 86). Младшими служащими клира были чтецы, эксорцисты, иподиаконы и др. В 2012 г. в Тиритаке была обнаружена надгробная эпитафия церковного чтеца Феодора, которая датируется VI в. (Зинько Е., Зинько В. 2015. С. 386).

Признание боспорской епархии боспорскими царями, принявшими христианство, и подчинение константинопольскому патриарху открыло новый этап в развитии христианства на Боспоре — функционирования как государственной религии. Церковные иерархи заняли высокое положение в правящей элите Боспора.

Литература

- А. И. Айбабин. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
А. А. Васильев. Готы в Крыму // Известия Российской академии истории материальной культуры. М., 1921. — Ч. 1. Т. I.

- В. Н. Бенешевич. Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора // Известия Академии наук. СПб., 1908. Сер. IV. № 3.
В. Д. Блаватский. Боспор в позднеантичное время // Античная археология и история. М., 1985.
Н. Н. Болгов. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород, 1996.
П. Д. Диатроптов, И. А. Емец. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. М., 1995. Вып. 2.
Ю. Г. Виноградов. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1.
Е. А. Зинько, В. Н. Зинько. Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака // Византия в контексте мировой культуры: ТГЭ. 2015. Т. LXXIV.
Ю. А. Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 1891. № 6.
В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 гг. // МАР. 1895. № 17.
А. П. Лебедев. Духовенство древней вселенской церкви. СПб., 2003.
Созомен. Церковная история // ВДИ. 1948. № 3.
Феодорит епископ Кирский. Церковная история. М., 1993.
Феодорит // ВДИ. 1948. № 3.
Феофан Исповедник. Летопись. Пер. В. Оболенского, Ф. Терновского. М., 1890.
В. Latyshev. IOSPE. Vol. II. Petropoli.: Acad. Scient. 1890.
M. Le Quien. Oriens Christianus. Vol. I. Paris, 1740.
John Malalos. The chronicle. Melbourne, 1986.
E. Popescu. Theophilus Gothiae. Bischof in der Krim oder an der unteren Donau? // Byzantina. 1988.

Ю. К. Рогова

Христианские склепы с текстом 90 псалма из Керчи

В 1890 и 1895 году в Керчи на Госпитальной улице были открыты два склепа с христианскими надписями. Оба склепа детально описаны Ю. Кулаковским (МАР 6, МАР 19 = IOSPE. V, 305; V, 306). Первый склеп, представляет собой небольшое помещение с тремя нишами-лежанками. Внутри ниш, на карнизах над нишами, на входной стене располагаются надписи, а также изображения крестов, выполненные красной краской. Большая часть надписей представляют собой цитаты из псалмов: на входной стене — из 120, на карнизах — из 26, в центральной и правой нишах — из 90. На центральной стене левой от входа ниши, рядом с изображением креста, располагается надпись, датирующая склеп по боспорской эре: «В 788 год» (т. е. 491 г. н. э.). На правой стене левой ниши вокруг креста помещена неизвестная из других источников молитва («Радость великая есть дому этому...»). На правой стене центральной ниши помещена трехсвятная молитва, разделяющая на две части 90 псалом (в правой нише продолжается с 13 стиха), завершающаяся словами

«помилуй раба твоего Савага и Фаиспарту». Имя Савага встречается в боспорских надписях еще три раза (IOSPE. 265, 331, 342), согласно этим надписям известно, что он был комитом при царе Тиберии Юлии Дуптуне. Датировка надписей с упоминанием Савага опирается на датировку склепа, то есть относятся к концу V в. н. э.

Второй склеп с христианскими надписями, найденный неподалеку от первого, не имеет датирующей надписи (или же она не сохранилась). Он также представляет собой небольшое помещение с тремя нишами-лежанками. В этом склепе на стену нанесен текст 90 псалма, а на потолке центральной ниши — трехсвятная молитва. По аналогии с предыдущим, склеп датируется второй половиной V в.

Библейские цитаты в христианских надписях встречаются достаточно редко (см.: Felle. 2006). Среди самых популярных библейских цитат в эпиграфике — 90 псалом. Известно более 80 памятников эпиграфики, содержащих цитаты из этого псалма. Большая часть таких памятников — ручные браслеты-амулеты с разного рода изображениями и текстами этого псалма. Кроме того псалом 90 встречается на папирусах-амулетах, кольцах, на архитектурных деталях. Несколько раз фиксируется его использование в погребальной эпиграфике (SEG 53, 1948 — некрополь Габбари в Александрии Египетской, Felle 2006, № 215 — в Иерусалиме (V в.), Felle 2006, № 275 — Финикия (не датирован), SEG 56, 1851 — в Сирии, Steskal, Taeuber, Zimmerman 2011, № 335/10 — портовый некрополь Эфеса). Большая часть открытых памятников подобного рода относится к сиро-палестинскому региону и Египту. В западной части христианского мира практически отсутствуют памятники с цитатами из 90 псалма, а те, что есть (амулеты), скорее всего, являются привозными изделиями.

В 2011 году был открыт склеп в т. н. «портовом» некрополе Эфеса (склеп 335/10), на стене которого, наряду с нарисованными красной краской крестами, сохранилось 6 строчек псалма 90. Склеп представляет собой небольшое помещение, прямоугольное в плане, с арочным потолком. Центральная стена, расположенная напротив входа имеет три небольшие ниши. Над нишами помещено изображение латинского креста, нанесённого красной краской, лопасти которого украшены апексами, по обе стороны от креста изображены голуби и растения. Между первой и второй нишами красной краской написано начало 90 псалма. Во 2-й и 3-й нишах также находились надписи, от которых сохранились только незначительные следы.

Характерно, что расположение надписей практически исключает вероятность того, что псалом использовался для чтения при богослужении, связанном с поминовением покойного. Сведений о ранневизантийском погребальном ритуале до наших дней сохранилось не так много. Известно, что при погребении, а также в 3-й, 9-й, 40-й день было принято

пение псалмов и молитв (Апостольские постановления 8:43), но точный порядок не известен. Самые ранние евхологии относятся к рубежу 1-го и 2-го тысячелетий. Так, в евхологии из Гроттаферраты упомянута последовательность чтений при отпевании покойного. Последовательность эта практически не имеет вариантов для разной категории усопших. Интересно, что единственное различие заключается в том, что при отпевании мирянина в эту последовательность входило Шестопсалмие, тогда как при отпевании монаха — псалом 90 (Velkovska. 2001. P. 31). В обоих керченских склепах 90 псалом написан внутри лежанок, таким образом, что помещённые туда гробы (Ю. Кулаковский упоминает найденные во втором склепе фрагменты досок от гробов) практически полностью перекрывали надписи. Таким образом, надписи имели апотропеические функции и должны были обезопасить погребенных.

Разница в текстах двух керченских склепов, а именно добавленное в первом случае сочетание «Бог — спасение моё», а также орфографическая разница в написании трехсвятной молитвы, пока не нашли надлежащего объяснения. Текст, сохранившийся во втором склепе, написан с меньшим количеством расхождений. Надо отметить, что добавление в текст 90 псалма в склепе 491 года встречается часто, равно как и орфографические особенности написания ряда слов. Так, это же добавление фиксируется в склепе портового некрополя Эфеса № 335/10. По мнению ряда специалистов, подобные добавления были связаны с особенностью «внутренней диктовки», т. е. писавший воспроизводил текст по памяти.

Интересно отметить также, что первые буквы трех начальных слов неизвестной молитвы из склепа 491 года совпадают с часто встречающейся в эпиграфических памятниках Египта аббревиатурой ХМГ, которую исследователи, как правило, считают сокращением фразы «Христос, рождённый Марией».

Боспор в конце V в. ещё не был христианским государством в полном смысле слова. Вместе с тем, мы можем заключить, что боспорская элита не только была включена в общехристианский контекст того времени, но и бесспорно имела контакты как с малоазийским регионом Византии, так и с сиро-палестинским регионом и Египтом.

Литература

- M. Steskal, H. Taeuber, N. Zimmerman, N. Psalmenzitat, Paradieskreuze und Bluetenmotive. Zu zwei neu entdeckten Grabhaeusern mit spaetantiker Malerei in der Hafennekropole von Ephesos // Jahreshefte des Oesterreichischen Archaologischen Institutes in Wien. 2011. Band. 80.
- A. E. Felle. Biblia epigraphica. La sacra scrittura nella documentazione epigrafica dell'orbis christianus antiquus (III–VIII secolo). Bari, 2006.
- E. Velkovska. Funeral Rites according to the Byzantine Liturgical Sources // Dumbarton Oaks Papers. 2001. Vol. 55.

II. ВАРВАРСКАЯ ЭЛИТА НА БОСПОРЕ И ЕГО ПЕРИФЕРИИ

А. Ю. Алексеев

Раннее погребение Куль-Обы и скифские гробницы

Курган Куль-Оба является, безусловно, хрестоматийным и знаковым памятником для российской скифологии и антиковедения, оставаясь тем не менее до сих пор комплексом не только недостаточно известным, но и весьма противоречивым с точки зрения его исторической оценки.

Благодаря недавней публикации трудов Поля Дюбрюкса, основного автора раскопок этого кургана, в настоящее время стали хорошо известны содержание и история доступной документальной части исследований Куль-Обы в 1830 г., что, безусловно, предоставило новые возможности для понимания этого памятника (Дюбрюкс. 2010). Но сам археологический комплекс находок, хранящихся как в Эрмитаже, так и в других музеях, не только всё ещё не введён полностью в научный оборот, но и не систематизирован в полной мере, хотя и в этом плане благодаря публикациям Н. А. Грач, А. В. Копейкиной, Е. В. Власовой и др. за последние десятилетия и годы произошли несомненные изменения к лучшему (Грач. 1984; 1986; 1994; Копейкина. 1968; Власова. 2011; 2014). Здесь уместно указать и на недавнюю публикацию материалов Куль-Обы из собрания Государственного исторического музея (Журавлёв, Новикова, Шемаханская. 2014). Тем не менее совершенно естественным и ожидаемым является существование различных, подчас весьма гипотетических и конкурирующих между собой попыток интерпретации этой гробницы.

Комплексная и полная характеристика памятника до публикации всех материалов этой скифской¹ гробницы всё ещё затруднительна.

¹ Вопрос об этнической идентификации погребённых в Куль-Обе до сих пор также окончательно не может быть решён и сохраняет свою актуальность. Преобладающая в науке точка зрения о скифском характере этих погребений, с XIX века время от времени подвергается сомнению за счёт попыток обоснования греческого (боспорского) облика памятника (из последних работ см.: Федосеев. 2011; Яйленко. 2013. С. 291 и сл.). Так, Н. Ф. Федосеев, аргументируя «греческую» версию принадлежности памятника, причём вплоть до идентификации погребённых в кургане лиц с конкретными историческими правителями Боспора, опирался на следующие основания: тип и топографию кургана Куль-Оба, архитектуру каменного склепа, характер инвентаря, включающего саркофаг и клину, сосуды и украшения, по большей части имеющие греческое

Именно поэтому многое здесь поневоле относится к разряду реконструкций, как и тот частный и загадочный сюжет, о котором пойдёт речь, — о существовании и хронологии ранней могилы в кургане (историю вопроса см.: Власова. 2006. С. 47–52; Виноградов. 2010. С. 422–423).

Как хорошо известно, через несколько дней после открытия склепа Куль-Обы грабителями в северо-западном углу этой гробницы под плитами пола была обнаружена могила (рис. 1, 2), существование которой до сих пор время от времени отрицалось (Артамонов. 1966. С. 66). Сведения о ней чрезвычайно скупы и не всегда достоверны, но всё же предоставляют определённую возможность для реконструкции погребальной ситуации.

происхождение. Но следует отметить, что вся эта аргументация не указывает на исключительные и специфические черты памятника. Ведь даже подобная куль-обской архитектура склепа не может рассматриваться для этого времени как непременно греческий признак в характеристике могилы. Достаточно указать на огромный каменный склеп с уступчатым перекрытием (Ср.: рис. 1–3), выстроенный по боспорским образцам с использованием греческих технологических приёмов строительства, в скифском степном «царском» кургане Огуз (Блаватский. 1955. С. 53; Болтрик, Фиалко. 1989). В этом же кургане, кстати, был обнаружен и греческий по типу и декору саркофаг (Болтрик, Фиалко. 1989; Фиалко. 1993). Попутно следует заметить, что античные саркофаги известны не только в скифских памятниках IV в. до н. э., впервые появились они у скифов ещё в V в. до н. э. (см., например, курган Блинец 2: Ромашко, Скорый. 2009. С. 54). И это, не говоря об идентичности огромного числа куль-обских золотых нашивных украшений и бронзовых наконечников стрел с соответствующими находками в таких скифских курганах, как Чертомлыкский, Краснокутский, Деев и др. Немаловажно и бывшее наличие в склепе нескольких (возможно, четырёх, как указано на многих ранних чертежах до публикации в ДБК: Дюбрюкс. 2010. Рис. 199–202, 205, 207, 209, 212, 213) бронзовых скифских котлов (в коллекции Эрмитажа в настоящее время хранится лишь два котла — «большой» и «малый»), неизвестных в греческих боспорских могилах. Подарками боспорскому правителю (Федосеев. 2011. С. 379) такие находки, да ещё не единичные, признать без должных оснований совершенно невозможно. Из всех доводов, заслуживающих, на мой взгляд, внимания, главным, если не единственным, является расположение гробницы фактически в некрополе Пантикапея, в непосредственной близости от города. Но и при этом следует отметить, что на том же холме, где был расположен курган Куль-Оба, приблизительно в его центральной части П. Дюбрюксом были обнаружены два безусловно варварских коллективных захоронения с чертами, присущими восточнокрымским скифским могилам: «...раскрыли две могилы из тёсаного камня, имевшие два с половиной аршина в длину при ширине в аршин и такой же глубине. В каждой были кости нескольких покойников и довольно большое количество обломков горшков из грубой глины и обычной формы» (Дюбрюкс. 2010. С. 179). Всё это указывает на то, что и место сооружения кургана не является в данном случае для него этноопределяющим признаком. Именно поэтому альтернативы скифской принадлежности погребённых в Куль-Обе в настоящее время всё же нет.

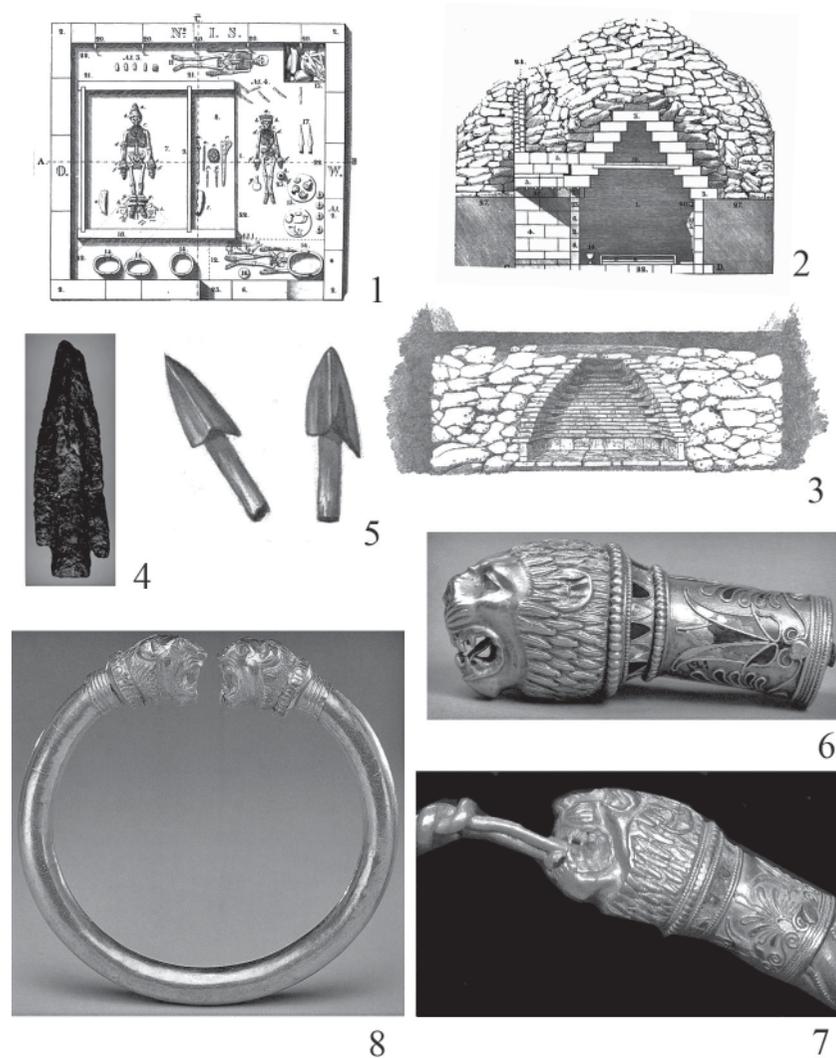

Рис. 1, 2 — план и разрез каменной гробницы Куль-Обы (Дюбрюкс. 2010. Рис. 213); 3 — Разрез и конструктивные детали гробницы Огуза (ОАК за 1894 г.); 4 — двухлопастный наконечник стрелы из Куль-Обы (фото Е. В. Власовой); 5 — наконечники стрел из Куль-Обы (Дюбрюкс. 2010. Рис. 233); 6 — золотой наконечник гривны из Куль-Обы V–IV в. до н. э. (Piotrovsky, Galanina, Grach. 1986. № 212); 7 — золотой наконечник гривны из Солохи, ок. 400 г. до н. э. (Piotrovsky, Galanina, Grach. 1986. № 122); 8 — золотой браслет с львиными головами 450–400 гг. до н. э. (Уильямс, Огден. 1995. Кат. 189)

Первоначальные надмогильные каменные конструкции или курганная насыпь, если они существовали, скорее всего, могли быть разрушены при строительстве каменного склепа Куль-Обы. Не исключено, что остатки таких конструкций можно считать довольно мощный слой небольших камней, сохранившийся в противоположном от отдельной могилы, северо-восточном углу склепа, на который обратил внимание и специально описал П. Дюбрюкс (Дюбрюкс. 2010. С. 189).

Могилы была вырыта в жёлтой материковой глине на глубину ок. 0,7 м и ориентирована широтно, её длина ок. 2 м (по разным данным от 2,5 до 3 аршин), ширина — ок. 0,7 м, какие-либо каменные детали погребальной конструкции отсутствовали (Дюбрюкс. 2010. С. 188, 214). Скелет¹ сохранился плохо, тело погребённого было вытянуто вдоль оси могилы и ориентировано головой, скорее всего, на запад, как указано на рисунке начала 1840-х гг. из архива Н. П. Кондакова и в тексте ДБК². Следует отметить, что форма и размеры могилы, также как и ориентировка погребённого, вполне укладываются в параметры скифских грунтовых погребений Восточного Крыма, среди которых известны как рядовые, так и богатые гробницы (Яковенко. 1970. С. 116).

Что касается погребального инвентаря, то по имеющимся документальным сведениям и известным находкам его можно реконструировать следующим образом: золотая пластина в виде лежащего оленя, золотая гривна с бронзовой основой, несомкнутыми концами и головками львов на них (в настоящее время сохранились в коллекции Эрмитажа лишь львиные головки), золотые браслеты с головами львов, часть золотой пластинчатой обивки горита (?) или другого предмета, бронзовые наконечники стрел и наконечники копий. Предположительно сюда же можно приписать и золотые нашивные бляшки, которые в коллекции находок из Куль-Обы до сих пор из общего набора нашивных украшений не выделены.

Бляха в виде лежащего оленя с дополнительными фигурками реальных и фантастических животных, видимо, происходящая из этой могилы, традиционно чаще всего датировалась так же, как и могилы в каменном склепе Куль-Обы — IV в. до н. э., что и было продемонстри-

¹ В письме И. А. Стемпковского от 6 февраля 1831 г. указано, что «...обнаружили другую могилу и костяки...» (Дюбрюкс. 2010. С. 213). Множественное число употреблено только в этом документе и, видимо, ошибочно, хотя присутствие в могиле нескольких костяков только укрепило бы «скифскую» версию.

² Но фактически имеющаяся информация допускает и предположение о восточной ориентировке погребённого («...голова располагалась близ восточной стенки» или «напротив восточной стенки»), хотя это является, возможно, следствием не очень удачных авторских формулировок (Дюбрюкс. 2010. С. 188. Прим. 7, 8).

ровано в своё время М. И. Артамоновым в специальной работе, посвящённой этому оленю (Артамонов. 1968). При этом М. И. Артамонов всё же специально отметил стремление мастера оленя архаизировать изображение. И действительно, анализ композиционных и стилистических особенностей, а также ближайшие аналогии этой бляхе наглядно указывают на её иную в действительности хронологическую приуроченность — не к концу IV в., а к концу VI–V в. до н. э., скорее, к первой половине этого столетия (Королькова, Алексеев. 1994. С. 104–106). Традиционно эту бляху чаще всего относили к декоративному элементу (украшению или эмблеме) центральной части щита, хотя в действительности она помещалась на лицевую поверхность скифского горита так, как это и представлено на двух каменных скифских изваяниях с изображениями горитов, украшенных соразмерными куль-обской фигурами пантеры и оленя (Ольховский, Евдокимов. 1994; Ольховский. 2005. Илл. 65, 80; Алексеев. 1996. С. 130–134. Рис.; Алексеев. 2014).

Ближайшую аналогию золотым львиным головкам гривны можно указать на золотой гривне из кургана Солоха (Ср.: Артамонов. 1966. Табл. 263; Петренко. 1978. Табл. 31; Манцевич. 1987. С. 55–57). Но в целом эти гривны имеют и различия (рис. 6, 7). Если в Солохе она полностью золотая и имеет золотой проволочный Гераклов узел в пастях львов, то в Куль-Обе имела бронзовую основу¹. Головки же львов настолько близки между собой стилистически, что это может указывать и на их возможную хронологическую близость. В описании П. Дюбрюкса указано: «...самыми примечательными вещами были: большое разомкнутое кольцо, которое должно было размещаться у шеи, — оно походило на два первых, края были украшены [красивыми] львиными головками и голубой и красной эмалью; оно было на треть толще других и витым...» (Дюбрюкс. 2010. С. 188). Остаётся до конца не ясным, с чем именно в данном случае сравнивает П. Дюбрюкс эту гривну. Если с гривнами из мужского и женского захоронения, то следует обратить внимание на то, что концы этих гривен были украшены вовсе не львиными головками, а фигурками львов и всадников. А вот более значительная толщина и «витой» облик куль-обского «кольца» опять-таки позволяет сопоставить его с довольно массивной гривной (диаметром ок. 1,5 см) из Солохи. Совершение бокового погребения кургана Солоха, откуда и происходит гривна со львиными головками, в настоящее время датируется рубежом V–IV вв. до н. э. — самым началом IV в. до н. э. (Манцевич. 1987. С. 121; Алексеев. 2003. С. 260–261; Бидзиля, Полин. 2010. С. 515). При этом некоторая часть вещей погребального комплекса Солохи может быть отнесена ещё

¹ Гривны с подобной конструкцией вообще-то большая редкость. Во всяком случае, для конца VI–V вв. до н. э. В. Г. Петренко упоминает лишь одну железную гривну, обтянутую золотом (Петренко. 1978. С. 41).

к V в. до н. э. (Манцевич. 1987. Кат. 60, 76, 77 и др.). К этому следует добавить лишь то, что другие известные памятники с золотыми гривнами со львиными головками в виде наконечников (из Талаевского кургана, кургана 5 у Архангельской Слободы, кургана Патиниоти) преимущественно датируются интервалом от рубежа V–IV и до середины IV в. до н. э. Ну, и с некоторой долей неуверенности к этим аналогиям можно присоединить близкие по хронологии и элементам декора, но несколько отличающиеся конфигурацией втулки, золотые наконечники питьевых рогов из памятников того же времени (из Братолюбовского кургана и Толстой Могилы).

Что касается золотых браслетов со львиными головами, то о них становится известно только из письма И. А. Стемпковского к Е. Е. Кёлеру: «...переворотив пол захоронения, там обнаружили другую могилу и костяки, имевшие изрядно золотых украшений, каковы браслеты с львиными головами, большое бронзовое кольцо, крытое золотым листом и украшенное по краям сходными головами...» (Дюбрюкс. 2010. С. 213). Количество браслетов не указано, хотя ясно, что их не могло быть меньше двух. Важно, что окончания гривны («большого бронзового кольца») в этом письме описываются как имеющие сходные головы с браслетами, что и позволяет хотя бы приблизительно судить о характере и возможном облике браслетов (рис. 8)¹. Куль-обские браслеты до наших дней не сохранились, но античные находки, сходные, видимо, по форме и облику львиных головок, происходящие из разных мест греческого мира, датируются преимущественно в интервале от V до начала IV в. до н. э. (Уильямс, Огден. 1995. Рис. 39. Кат. 96, 189)², а иногда и более ранним временем. Во всяком случае, аналогичная, видимо, по форме пара серебряных браслетов с золотыми львиными головками VI в. до н. э. была найдена в кургане у с. Емчиха вместе с золотыми серьгами и хиосской амфорой приблизительно рубежа VI–V — начала V в. до н. э. (Фармаковский. 1914. С. 32. Табл. XII, 7, 8)³.

¹ Следует также отметить, что былое наличие в могиле этих браслетов, возможно, вносит ясность в несколько туманное место в отчёте П. Дюбрюкса, который этих браслетов прямо не упоминал, но, описывая гривну, заметил: «... оно (кольцо. — А. А.) походило на два первых...» (Дюбрюкс. 2010. С. 188). Из предшествующего текста отчёта прямо не следует, какие два «первых» кольца здесь имел в виду Дюбрюкс и с какими находками он сравнивал толщину гривны. Поскольку никаких «других колец» со львиными головками ни в склепе Куль-Обы, ни в других местах найдено не было, можно допустить, правда, с большой долей гипотетичности, что помимо гривен из мужского и женского захоронений, он мог сопоставлять гривну именно с утраченными браслетами.

² Эти браслеты могли быть выполнены как целиком из золота, так и из серебряного прута с золотыми наконечниками.

³ В своде В. Г. Петренко браслеты описаны как бронзовые с серебряными головками и датированы второй половиной VI в. до н. э. (Петренко. 1978. С. 56. Табл. 46, 3).

Следующая находка — золотая фрагментированная пластина со Сциллой, являвшаяся частью украшения то ли щита, то ли горита, опубликована в составе куль-обской коллекции Государственного исторического музея (Журавлёв, Новикова, Шемаханская. 2014. Кат. № 1). Исследователи датировали её концом V — первой четвертью IV в. до н. э., т. е. приблизительно временем кургана Солоха.

Бронзовые наконечники стрел, имевшиеся в склепе, дошли до нас лишь частично. В могиле, открытой грабителями, было также обнаружено «много наконечников стрел» (Дюбрюкс. 2010. С. 189), но отделить в настоящее время одни от других затруднительно. Подавляющая часть наконечников из Куль-Обы трёхгранные и трёхлопастные экземпляры IV в. до н. э.¹ Но среди опубликованных Е. В. Власовой наконечников есть один фрагментированный экземпляр (Власова. 2011. № 1), отличающийся от других как по составу металла², так и по формальным признакам (рис. 4). Он втульчатый, двухлопастный, с башневидным пером и слегка опущенными концами (одним, по крайней мере) перьев, что в целом составляет необычный вариант скифских наконечников. Данных для его уверенной «узкой» датировки мало, но в целом его можно отнести к первой хронологической группе А. И. Мелюковой, т. е. к эпохе архаики. Ещё один наконечник представлен на рисунке, опубликованном И. В. Тункиной (рис. 5), и тоже несколько выбивается из общего ряда (Дюбрюкс. 2010. Рис. 233, в середине). Он базисный, трехлопастный, головка в плане слегка сводчатая, конец одной лопасти свисает, образуя подобие шипа. Подобные наконечники могут быть отнесены ко второй хронологической группе и 6-му типу, по А. И. Мелюковой (Мелюкова. 1964. С. 21), и датированы второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. И, если такие наконечники действительно принадлежат комплексу Куль-Обы, появляется основание отнести их именно к раннему комплексу стрелкового набора.

Помимо этого часть имеющихся наконечников типологически близка экземплярам из бокового погребения Солохи (Ср.: Власова. 2011. К-О 108, 5, 7, 15, 22; Манцевич. 1987. Кат. 54/3, 4, 5, 11). Впрочем, в данном случае это не обязательно указывает на их более раннюю хронологию.

Железные наконечники копий или дротиков («навершия копий») в коллекции отсутствуют, но их бывшее нахождение в могиле вполне вероятно и документируется словами П. Дюбрюкса.

¹ Попутно отмечу, что одна их разновидность, с рельефной меткой в виде двойного угла на одной грани (Власова. 2011. Рис. К-О 108, 2), абсолютно тождественна (т. е. наконечники отлиты из близкого по составу сплава и по одной модели или в одной форме) наконечникам стрел из скифских приднепровских Краснокутского и Деева кургана и из крымского кургана мизры Кекуватского.

² Сердечно благодарю Е. В. Власову (Отдел античного мира Эрмитажа) за предоставленную фотографию и С. В. Хаврина (Отдел научно-технологической экспертизы Эрмитажа) за информацию.

Кроме описанных выше вещей, о каких-либо других находках в этой первоначальной могиле уверенно сообщить невозможно. Вполне возможно, впрочем, что там присутствовали и золотые нашивные бляшки («...в смеси с чёрной землёй были различные предметы из золота и электрума», «костики, имевшие изрядно золотых украшений»: Дюбрюкс. 2010. С. 188, 213). Опубликованные к настоящему времени нашивные бляшки-аппликации Куль-Обы не привязаны к определённому месту находки и совокупно датируются исследователями в интервале конца V — первых трёх четвертей IV в. до н. э. (Копейкина. 1986; Журавлёв, Новикова, Шемаханская. 2014), что вызывает определённое недоумение. Впрочем, А. В. Копейкина объясняла значительное расхождение во времени отдельных типов этих украшений «или существованием более раннего захоронения или тем, что бляшки были сделаны не к моменту погребения, но часть из них использовалась и при жизни погребённого» (Копейкина. 1986. С. 35). А. В. Копейкиной были выделены и типы, тесно связанные с искусством V в., которые она датировала концом V или рубежом V–IV в. до н. э. (Копейкина. 1986. Кат. 1–5, 8, 17, 19). Некоторые экземпляры, датированные IV в., не находят тем не менее аналогий в памятниках этого времени, восходя к прототипам V в. до н. э. (Копейкина. 1986. Кат. 28). Асинхронность набора нашивных украшений позволяет если не установить, то допустить существование среди нашивных бляшек Куль-Обы и экземпляров из более раннего, чем в каменном склепе, комплекса.

Ещё более гипотетичным можно рассматривать сюжет с греческими глиняными амфорами из могил Куль-Обы. Уже приходилось писать, что в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа в коллекции находок, не имеющих сведений о происхождении, хранятся три фасосские амфоры, о которых в инвентарной книге записано, что они могли происходить из скифского кургана Бабы V в. до н. э.¹, где на самом деле при раскопках амфор найдено не было. Одна из этих амфор, с клеймом Аретона, была отождествлена И. Б. Брашинским с упомянутой П. Дюбрюксом амфорой из Куль-Обы (Брашинский. 1975), а две другие относятся к фасосским пифоидного типа и датируются второй половиной V в. до н. э.² Н. Ф. Федосеев уверенно пишет, что и амфоры с «соседними номерами» по отношению к амфоре с клеймом Аретона (т. е. экземпляры, датирующиеся V в. до н. э.), могли быть найдены в Куль-Обе

¹ В инвентарной книге к двум из этих амфор, включая и клейменную, имеется ещё и карандашная приписка «Синельниково, Эварницкий», сделанная рукой А. П. Манцевич.

² Хронологические определения принадлежат С. Ю. Монахову. Замечу, что амфоры в настоящее время фрагментированы и склеены, хотя П. Дюбрюкс не отмечал их сохранность при находке, кроме того, что они были «полузарыты и полны земли» (Дюбрюкс. 2010. С. 180).

(Федосеев. 2011. С. 379), где глиняных амфор было обнаружено четыре. Впрочем, обосновать или подтвердить эту догадку совершенно невозможно. Во всяком случае, принадлежать комплексу находок из каменного склепа эти ранние амфоры определённы не могли по явному хронологическому несоответствию. Теоретически амфоры V в. до н. э., наверное, могли быть случайно найдены при строительстве каменного склепа и в нём по каким-либо причинам оставлены, но подобное предположение представляется всё же совершенно фантастическим.

Таким образом, все имеющиеся скудные сведения о древнейшем погребении в Куль-Обе свидетельствуют, во-первых, о реальности его существования, а во-вторых, о датировке не позднее рубежа V–IV в. до н. э.¹ При этом, учитывая допустимые хронологические рамки для ряда вещей — бляхи-оленя, некоторых наконечников стрел и нашивных аппликаций, а также предполагаемых браслетов со львиными головками, нельзя исключить и более раннее время в пределах V в. до н. э.

Литература

- А. Ю. Алексеев. О так называемых «нащитных эмблемах» скифской эпохи // Между Европой и Азией. Кавказ в III–I тыс. до н. э. Материалы к конференции, посвященной столетию со дня рождения А. А. Иессена. СПб., 1996.
- А. Ю. Алексеев. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.
- А. Ю. Алексеев. Большие бляхи в виде животных — украшения скифских горитов // История оружия. Киев, 2014. Альманах № 10.
- М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, Ленинград, 1966.
- М. И. Артамонов. Куль-Обский олень // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- В. И. Бидзиля, С. В. Полин. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012.
- В. Д. Блаватский. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА. 1955. Т. XXIV.
- Ю. В. Болтрик, Е. Е. Фиалко. Курган Огуз и склепы боспорских курганов IV в. до н. э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти акад. М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
- И. Б. Брашинский. Фасосская амфора с клеймом из кургана Куль-Оба // СГЭ. 1975. Вып. 40.
- Ю. А. Виноградов. Курган Куль-Оба // Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2010.
- Е. В. Власова. Куль-Оба // БИ. Вып. XIII. 2006.
- Е. В. Власова. Стрелы и ножи из кургана Куль-Оба // Древнее Причерноморье. Вып. IX. Одесса, 2011.
- Е. В. Власова. О предметах вооружения из Куль-Обы // Таврические студии. Исторические науки. № 6. Симферополь, 2014.

¹ Именно поэтому невозможно согласиться с версией В. П. Яйленко, согласно которой это «дополнительное» погребение было сооружено не до, а после постройки каменного склепа (Яйленко. 2013. С. 297. Прим. 504).

- Н. А. Грач. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // ТГЭ. 1984. Вып. 24.
- Н. А. Грач. Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Л., 1986.
- Н. А. Грач. Пластинчатые браслеты из кургана Куль-Оба // ВДИ. 1994. № 1.
- П. Дюбрюкс. Собрание сочинений: в 2 т. Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2010.
- Д. В. Журавлёв, Е. Ю. Новикова, М. С. Шемаханская. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Государственного исторического музея: Историко-технологическое исследование. М., 2014 (Труды ГИМ. Вып. 200).
- Е. Ф. Королькова, А. Ю. Алексеев. Олень из кургана Куль-Оба // Проблемы археологии. СПб., 1994. Вып. 3.
- Л. В. Копейкина. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Л., 1986.
- А. П. Манцевич. Курган Солоха. СПб., 1987.
- А. И. Мелюкова. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Д 1–4.
- В. С. Ольховский, Г. А. Евдокимов. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М., 1994.
- В. С. Ольховский. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.
- В. Г. Петренко. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // САИ. М., 1978. Д 4–5.
- В. А. Ромашко, С. А. Скорый. Близнец 2 — скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. Дніпропетровськ, 2009.
- Д. Уильямс, Д. Огден. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н. э. Каталог выставки. СПб., 1995.
- Б. В. Фармаковский. Архаический период в России // Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. Пг., 1914 (МАР № 34).
- Н. Ф. Федосеев. Эллинское и варварское в погребении кургана Куль-оба // Боспорские чтения XII: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.
- О. Е. Фиалко. Скифский царский курган Огуз. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 1993.
- В. П. Яйленко. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М., 2013.
- Э. В. Яковенко. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). Киев, 1970.
- В. Piotrovsky, L. Galanina, N. Grach. Scythian Art. Leningrad, 1986.

Н. Ф. Федосеев

Куль-Оба: погребальный комплекс боспорских царей. Скифское или фракийское влияние?

Склеп кургана Куль-Оба как никакой другой окутан глубоким киммерийским туманом. Во-первых, а Куль-Обу ли раскопал французский эмигрант Поль Дюбрюкс? Нет! Ещё чиновник Керченского музея А. С. Линевич отмечал, что данный курган татары называют «Битль-Оба». Затем А. Е. Люценко вполне определённо указывал: «По точным

сведениям, полученным от местных татар, гора эта известна у них под именем не Куль-Оба (Гора пепла), а Бить-Оба (Вшивая гора)» (НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1875. Д. 10. Л. 94, прим.). Действительно, на картах вы не найдёте название «Куль-Оба». На некоторых картах она помечена как высота с отметкой 140,2 м и иногда называется «Ссыпанная». К западу от неё находится вершина с отметкой 120,0 м. называемая в народе «Патрон-Гора» На ней находится поселение «Октябрьское-3», где В. В. Веселов отмечал: «на вершине и склонах крутой возвышенности виден мощный светло-серый, *пепельный* культурный слой» (Веселов. 2005. С. 36). Именно её татары называли Куль-Оба, а склоны горы «Ссыпанная» не имеют культурного слоя, лишь мелкие камни покрывают её. Немудрено, что П. Дюбрюкс ошибся в названии, либо татары перепутали соседние вершины и дезинформировали с трудом говорящего по-русски эмигранта. Следовательно, приходится признать, что П. Дюбрюкс раскопал курган Бить-Оба, но в научной литературе прочно прижилось название «Куль-Оба».

В 2011 году я попытался доказать, что в склепе, раскопанном в 1830 году находится не скифский, а боспорский царь Спарток II, его брат Аполлоний, царская жена, которая и была погребена последней (Федосеев. 2011). Рядом находилось ещё одно захоронение царя Перисада. Это предположение не встретило возражений.

Путаница существует и со вторым погребением. В литературе сложилось ошибочное мнение, что оно располагалось внутри склепа, хотя в дневнике П. Дюбрюкса нигде прямо об этом не говорится. О нём стало известно лишь в феврале 1831 года, в то время как основные работы проводились в сентябре 1830 г. 6 февраля 1831 года И. А. Стемпковский сообщил в частном письме Е. Е. Кёлеру подробности открытия богатого погребения под полом склепа. Грабители открыли ещё одно погребение — на костях мёртвых находилось множество золотых украшений, «браслетов» с головами львов, «толстое бронзовое кольцо, облицованное золотыми листьями и украшенное по концам головками львов», «толстые золотые листья с фигурами». И. А. Стемпковский предположил, что последние являлись верхними частями обкладки горита, аналогичного уже отправленному в Санкт-Петербург (Тункина. 2010. С. 63).

По словам П. Сабатье: «Грабёж простёрли до того, что начальству досталось только 15 фунтов [6,15 г] золотых вещей, тогда как гробница Куль-Обы заключала более трёх пудов [49,141 кг] золота!» (Сабатье. 1851. С. 105). Сейчас, по прошествии лет, эти цифры звучат фантастически, но И. В. Тункина несколько страниц посвятила описанию шлейфа находок Куль-Обы. Возможно, П. Сабатье и прав, описывая такое количество золота? Число разошедшихся «на сувениры» дублетных золотых бляшек и похищенных из Куль-Обы золотых вещей было таким

значительным, что ещё долгие годы в Керчи ими подпольно торговали. П. Сабатье пишет, что часть находок попало в руки татар.

Ф. Дюбуа де Монпере пишет, что вторая могила была «гораздо богаче обставлена», чем первая, и именно оттуда происходит та масса золота, которая обращалась в Керчи во время его поездки в Крым. В 1832 и 1834 гг. в Керчи практически не было ни одной гречанки, которая бы не носила какого-нибудь украшения из Куль-Обы, особенно серёг (Montrépeux. 1843. P. 217–218). О большом количестве золота, ходившем среди населения Керчи, пишет и А. Ашик.

Как свидетельствует Н. Угаров: «катакомба после разысканий была <...> разобрана Кулисичем для католической церкви; следовательно, разрушая подобное здание, которое, как говорят, имело более четырёх саженей высоты, археолог Кулисич был последним разыскателем, но, конечно, не признался никому, чем эти разыскания увенчались» (Тункина. 2010. С. 220). Тут надо вспомнить, что сама насыпь имела две вершины, что само по себе предусматривает наличие двух захоронений. Скорее всего, Кулисич открыл эту вторую гробницу уже в 1831 году и отсюда такое количество золота, а не из тайника под полом склепа, открытого П. Дюбрюксом. В оригинальном сочинении П. Дюбрюкса никакого упоминания о тайнике нет, как нет его и в кратком отчёте, составленном П. Дюбрюксом.

Кому принадлежало второе погребение — ответ очевиден: Перисаду. Именно это имя нацарапано на золотом олене. А что же с находками сделанными здесь? Неужто всё попало в плавильный горн ювелиров?

Я думаю, что нет. В 1859 году Керченский музей приобрёл у золотых дел мастера Арона Обершмуклера 18 золотых бляшек весом в 3,75 золотника из гробницы, открытой в 1831 году в Куль-Обе. Бляшки были украшены изображением головы Медузы в фас и Минервы в шлеме. Среди бронзовых вещей в Керчи остались плакированные золотом круглые, яйцеобразные, подковообразные бляхи и бляхи в виде скобы, украшавшие саркофаг из той же гробницы, а также киаф и кнемиды (Архив КГИКЗ. Оп. 2, ед. хр. 99, л. 352 (об); Быковская. 2004. С. 505). Часть находок приписали к основному погребению и они попали в ГИМ (Журавлёв, Новикова, Шемаханская. 2014).

Ещё один аспект: из сообщения Ариана известно, что послы европейских скифов прибыли к Александру для заключения почетного мира. Ответное посольство было отправлено в Скифию (*Arr. Anab.*, IV.1). «Александр же, вновь покорив согдийцев, возвратился в Мараканды. Туда пришёл [к нему] Дерда, которого он посылал к скифам, обитающим выше Боспора (*ad Scythas super Bosporum colentes*) с послами [этого] народа (*gentis*)» (*Curt.*, VIII, 1, 7–10; *Just.*, XII, 6, 17). У Ариана есть ещё одно упоминание о послах европейских скифов уже в Вавилоне в 323 г. до н. э. (*Arr. Anab.*, VII.15.4). Послы преподнесли Александру дары. Скорее

всего, они получили ответные дары от Александра, подходящего объёма и приличной ценности. По мнению М. Б. Шукина это был набор золотого оружия со сценами из троянского цикла, четыре комплекта которого найдены на территории Скифии (Шукин. 1994. С. 84). На территории Скифии были найдены золотые наборы: горит и меч, так называемой троянской серии. Сейчас существуют пять комплексов парадного оружия: Чертомлыкский, 8-й Пятибратний (горит + меч), Чаян (меч), Мелитопольский, Ильинецкий (горит) курганы. Принадлежность этих комплексов к скифским не вызывает сомнений. Ещё один аналогичный горит был обнаружен в Македонии, в Вергине. Золотая обивка горита оказалась совершенно идентичной фрагментированной серебряной обивке горита из кургана Карагодеуашх.

Предполагается, что меч, хранящийся в американском Метрополитан Музее, происходит из кургана Чаян в северо-западном Крыму (Shcheglov, Katz. 1991). Авторы локализуют этот курган лишь на основании существования деревни Чаян под Евпаторией. Более того, Т. Н. Смекалова обнаружила курганный могильник на вершине главного водораздела между озерами Сиваш и Сасык-Сиваш, куда, по её мнению, входил «курган Чаян» (Смекалова. 2011. С. 38–41, 76–79, 186–197). Однако А. Н. Щеглов и В. И. Кац упоминают ещё одну локализацию этого кургана: «По словам Абдуллы, его отец знал точное место и время находки. Но сам не помнит и предполагает, что это могли быть окрестности Мелитополя или Керчи» (Щеглов, Кац. 2013. С. 10). Главное в этой фразе то, что место находки находится далеко от деревни Чаян, и то, что в качестве предполагаемого места находки значится Керчь. вполне возможно, что этот комплекс также происходит из захоронения «Куль-Оба-2». О близости этих комплексов свидетельствует изображение сидящей богини на золотой чаше из комплекса «кургана Чаян» (рис. 1.1). (Shcheglov, Katz. 1991. Fig. 6), которое идентично изображению на головном уборе царицы из склепа Куль-Оба (рис. 1.2).

Возможно, что переправка скифских послов происходила не без участия Боспора, фраза «скифы, обитающие выше Боспора» вполне соответствует расположению даров в курганах. Скорее всего, боспоряне обеспечивали морскую часть пути посольства и сами послали послов к Александру. Таким образом, парадное оружие попало не только в скифские курганы, но и к боспорскому царю — Перисаду. Один горит Александр отправил на родину — в Македонию, который был найден в гробнице Филиппа III Аридея.

Горит обнаружен и в вергинском кургане, приписываемом отцу Александра Македонского Филиппу II. Считается, что на горите изображены сцены из жизни Ахилла. Я же полагаю, что на горите изображен Александр Македонский в виде Ахилла. Общеизвестно, что Александр считал Ахилла своим предком и, совершив жертвоприношения

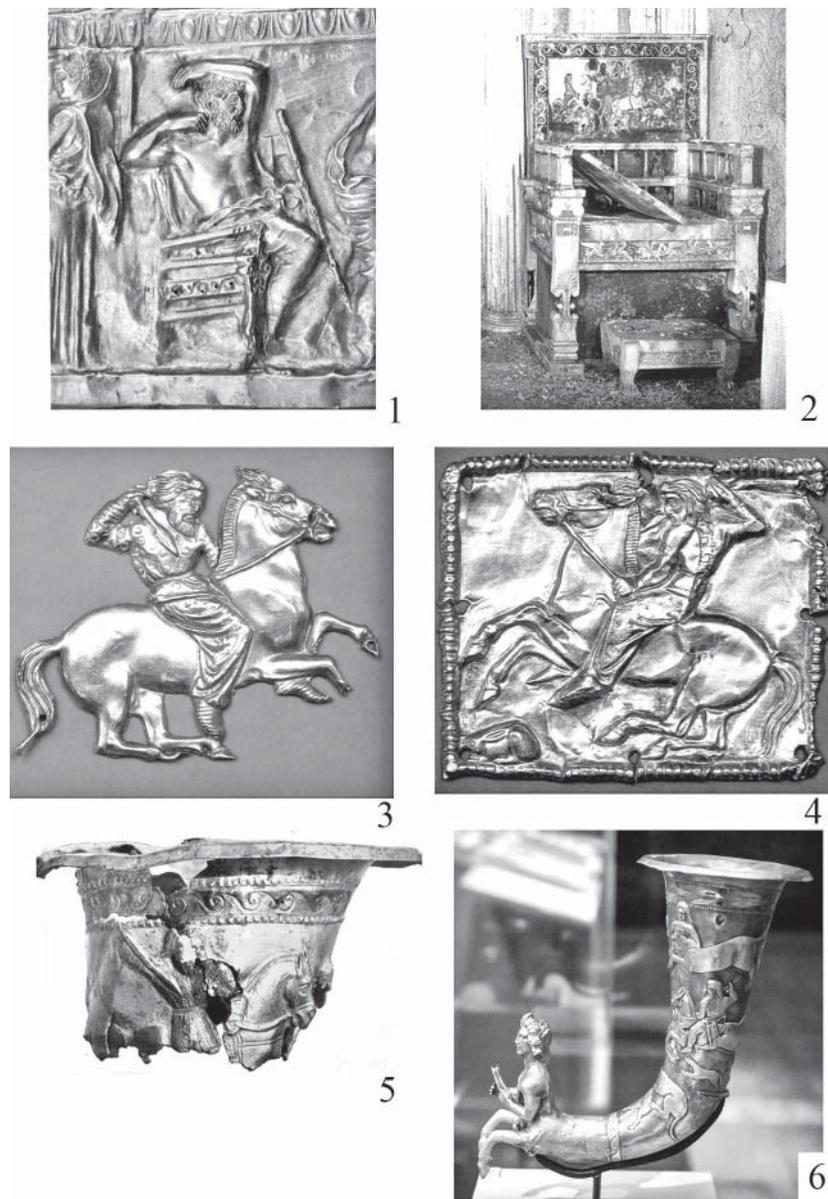

Рис. 1. 1 — Фрагмент золотого горита. Чертомлык; 2 — Трон из кургана в Вергине. 3, 4 — Всадник на золотых бляшках из кургана Куль-Оба. 5 — Всадник на ритоне из Керчи. Государственный Эрмитаж. 6 — Всадник на ритоне с протомой кентавра из собрания Фонда «Фракия»

на могиле Ахилла, он решил устроить грандиозные торжества в самой Трое в честь Ахилла. На мой взгляд, мифологические сцены из мифа Ахилла переплетены со сценами из жизни самого Александра. Так, например, на нижнем фризе сидящий на троне мужчина, с поднятой рукой, предположительно является Филиппом, отцом Александра (рис. 2.1). Такой же трон обнаружен в «гробнице Евридики» кургана в Вергине (рис. 2.2). Характерно, что помещать трон в могилу было естественно царским погребениям Македонии.

Александр изображён и на ножнах меча, сопровождающих находку горита (Нефёдкин. 1998). Соответственно, что их изготовление не могло произойти ранее захвата административного центра Ахеменидской империи — Суз, где Александру досталась сокровищница персидских царей (более 1310 тонн серебра и золота в слитках), т. е. не ранее декабря 331 г. до н. э. Это не противоречит датировкам скифских курганов (см. напр.: Федосеев. 2015), но противоречит данным кургана Вергина, где, как полагают, захоронен Филипп II, отец Александра. Однако существует и другая точка зрения, снимающая это противоречие, по которой царь Филипп II похоронен не во второй, а в первой могиле Большого Кургана в Вергине. Что касается личности захороненных во второй гробнице, то там покоится Филипп III Арридей и его жена Эвридика (Bartsiakasa, Arsuagab, Santosb, Algabab, Gómez-Olivenciad. 2015). Надо отметить, что эта точка зрения не нова и высказывалась ещё ранее (см. напр.: Неверов. 1990).

Возможно, что именно эти гориты послужили прообразом изображениям на монетах и на амфорных клеймах. Они появляются в это время на монетах Александра (рис. 1.9) и на боспорских монетах (рис. 1. 10). Интересно, что горит и звезда фигурируют в качестве надчеканки на боспорских монетах (рис. 1.8), которые традиционно связывают с удвоением номинала. На мой взгляд, это мнение ошибочно: надчеканки связаны не с экономическими, а политическими причинами. В данном случае — македонская звезда и горит, как символ влияния Александра. Надчеканка — это не повод для изменения номинала. В противном случае мы должны были предположить удвоение номинала и на ольвийских монетах, и даже парфянских драхмах...

Но это не единственное проявление македонского влияния на Боспоре. Царская династия имеет македонские корни. Помимо имён, это прослеживается в погребальной архитектуре — уступчатые склепы имеют прямую аналогию во Фракии. Аналогично Одрисскому государству, на Боспоре был развит институт парадиастов. Известно, что Спарток II правил совместно с Перисадом. На мой взгляд, памятники Куль-Обы иллюстрируют соправительство Спартока и Перисада: это и два всадника на гривне (рис. 1.4), два персонажа на

золотой вазе (рис. 1.3), два воина, стреляющих из лука (рис. 1.5), и два персонажа, пьющие из рога (рис. 1.7). Во Фракии существовали даже специальные сосуды с двумя сливами для исполнения обряда побратимства.

Весьма интересен головной убор одного из персонажей на золотом кубке из Куль-Обы. Обычно он интерпретируется как скифский башлык (Яценко. 2006. С. 75. Рис. 27.4) и его изображение является уникальным. Нигде более, ни на каких других изображениях «скифов» он не встречен. Зато модификация его под названием «фригийский колпак» хорошо известна на фракийских памятниках. Характерно, что на немногочисленных изображениях скифов башлык более острый и имеет наклон не вперёд, а назад.

Рассматривая сквозь фракийскую призму памятники Куль-Обы нельзя не отметить изображения всадников (рис. 2.3–4), которые имеют прямую аналогию с фракийским всадником. Культ фракийского всадника существует с IV в. до н. э., который известен как «герой». Культ героя известен в Китее, который по мнению Е. А. Молева «может рассматриваться как несомненное свидетельство основания города вполне самостоятельной группой колонистов и автономное его положение ... до вхождения в состав боспорского объединения» (Молев. 2010. С. 96). Оставляю пока без комментариев данное заявление, и замечу, что прямая аналогия всаднику из Куль-Обы присутствует на ритоне с протомой кентавра из собрания Фонда «Фракия» (Фракийское золото. 2013. С. 244) (рис. 2.6). Ещё один всадник присутствует на фракийском ритоне с протомой коня из Керчи, хранящийся в Эрмитаже (Маразов. 1975) (рис. 2.5).

Против скифской интерпретации золотого кубка свидетельствует цифровая метка на донце сосуда: это вес (?), переданный греческим буквами ΔΔΠ (рис. 1.6) (Алексеев. 2012. С. 191). Трудно представить себе скифа, который взвешивает золотой кубок (по какой системе?), затем маркирует его греческими (!) буквами. А вот металлические сосуды с подобными цифровыми метками во Фракии не редкость.

Таким образом, два захоронения в кургане Битль-Оба следует рассматривать как погребение боспорского царя Спартока и его брата Аполлония, а соседнее захоронение под одной насыпью принадлежало Перисаду. Комплекс, хранящийся в Метрополитан Музее, приписываемый кургану Чаян, в действительности происходит из захоронения Перисада. Особенности костюма изображённых персонажей на золотом кубке, а также на ряде бляшек, следует относить не к скифскому, а фракийскому влиянию.

Туман вокруг кургана Куль-Оба не рассеялся, но его определённо стало меньше.

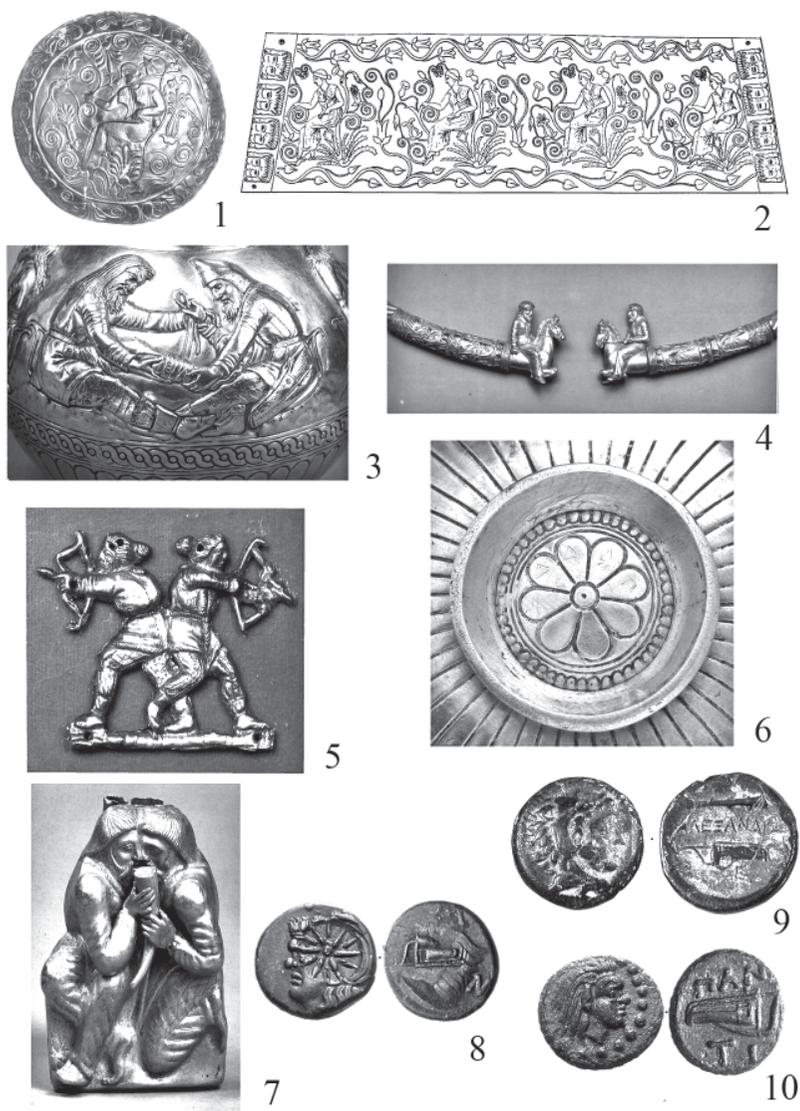

Рис. 2. 1 — Сидящая богиня на золотой чаше из комплекса кургана Чайя; 2 — Сидящая богиня на стенглице из кургана Куль-Оба. 3 — Два персонажа на золотом кубке из кургана Куль-Оба. 4 — Два всадника на гривне из кургана Куль-Оба. 5 — Два лучника из кургана Куль-Оба. 6 — Донце золотого кубка с надписью ΔΔΔΠ. 7 — Два персонажа, пьющих из рога. Курган Куль-Оба. 8 — Боспорские монеты с надчеканками «звезда» и «горит». 9 — Монеты Александра с изображением горита. 10 — Боспорские монеты с изображением горита

Литература

- А. Ю. Алексеев. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.
- Н. В. Быковская. Коллекция предметов из драгоценных металлов Керченского музея древностей // БИ. 2004. Вып. V.
- Д. В. Журавлёв, Е. Ю. Новикова, М. С. Шемаханская. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. М., Исторический музей, 2014.
- И. Маразов. Керченский ритон с протомой коня из Эрмитажа // *Studia Thracica*. София, 1975. Вып. 1.
- Е. А. Молев. Боспорский город Китей // БИ. Suppl. 6. 2010.
- О. Я. Неверов. Находки в Большом кургане в Вергине и проблемы торевтики эпохи раннего эллинизма // ВДИ. 1990. № 1.
- А. К. Нефёдкин. Сцена боя на золотой обкладке ножен акинака из Чертомлыка и военная реформа Дария III (к вопросу об интерпретации изображения) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы науч. конф. СПб., 1998.
- П. Сабатье. Керчь и Воспор: Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского, изданный ижждением Имп. Археологического общества. Санкт-Петербург, 1851.
- Т. Н. Смекалова. Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в северо-западном Крыму. МАКК. 2011.
- И. В. Тункина. «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс, Поль (1770–1835). Собрание сочинений: в 2 т. Санкт-Петербург, 2010. Т. I. Тексты.
- Н. Ф. Федосеев. К вопросу о датировке восьмого кургана из группы «Пять братьев» на Елизаветовском могильнике // БИ. Вып. XXXI. 2015.
- Н. Ф. Федосеев. Эллинское и варварское в погребении кургана Куль-оба // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.
- Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды // Каталог выставки в ГИМ. М., 2013.
- А. Н. Щеглов, В. И. Кац. Царский курган IV в. до н. э. // Щеглов А. Н., Кац В. И., Смекалова Т. Н., Беван Б. Курганы скифской знати в западном Крыму. МАКК. Симферополь, 2013. Вып. XI.
- М. Б. Шукин. На рубеже Эр. Спб., 1994.
- С. А. Яценко. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.
- A. Bartsiakasa, J-L. Arsuaqab, E. Santosb, M. Algabab, A. Gómez-Olivenciad. The lameness of King Philip II and Royal Tomb I at Vergina, Macedonia // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. August 11, 2015. Vol. 112. № 32 — www.pnas.org/lookup/suppl/doi:10.1073/pnas.1510906112/-/DCSupplemental.
- Dubois de Fr. Montpéroux. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, Géorgie, Arménie et en Crimée i avec un atlas géographique, pittoresque, acheologique, geologique etc. Paris. 1843. Т. 5.
- A. N. Shcheglov, V. I. Katz. A Fourth-Century B. C. Royal Kurgan in the Crimea // *Metropolitan Museum Journal*. 1991. № 26.

А. В. Вертиченко

К значению надписей в декоре ножен мечей из Северного Причерноморья IV в. до н. э.

Композиционное решение и схожесть надписей на ножнах мечей из курганов Великая Белозёрка (общая длина 65,5 см, МИДУ. Инв. № АЗС–3261, 3262) (Золото степу. 1991. С. 304) и Куль-Оба (общая длина 80 см, ГЭ. Инв. № КО.32, 33) (Алексеев. 2012. С. 178) способствовали возникновению мнения о серийности их производства и существовании мастерских на Боспоре (Онайко. 1966. С. 173–174; Отрощенко. 1984. С. 126; Тохтасьев. 2015. С. 893) или при резиденциях скифских царей (Черненко. 1980. С. 69).

Вместе с тем, различия в оформлении лопасти и рукояти этих ножен (Отрощенко. 1984. С. 126) и разное месторасположение этих вещей в погребении, даёт повод к пересмотру их семантической нагрузки. Так, кульобский меч был найден отдельно от ножен в составе инвентаря погребённого (Дюбрюкс. 2010. С. 184), тогда как белозёрский меч — в тайнике и в *ножнах* (Отрощенко. 1984. С. 122). К тому же, расположение белозёрского тайника именно в северо-западном углу погребальной камеры (Отрощенко. 1984. С. 122) не выглядит случайным.

Кроме того, следует обратить внимание на место нанесения надписей на изделиях и технических особенностях их исполнения. Кульобская накладка демонстрирует надпись, которая была сделана «лезвийным инструментом на оконечности золотой обкладки ножен» (Тохтасьев. 2015. С. 892), тогда как надпись на памятнике из Великой Белозёрки процарапана на боковой лопасти, которая представляет собой профильное стилизованное изображение морды дикого кабана (Отрощенко. 1984. С. 124)¹. На наш взгляд, размещение надписи именно на лбу кабана, который считается сакральной частью тела у многих кочевых народов (Терлецкий. 2009. С. 141), указывает и на особое значение этой надписи.

Белозёрская надпись ППОРІ (рис. 1) (Topal, Ţerna, Popovici. 2014. S. 49, Fig. 14; Золото степу. 1991. С. 358 (№ 89), 359), где «первая и третья буквы искажены случайными насечками» (Отрощенко. 1984. С. 124), не представляет собой тщательно вырезанное написание букв. Такая надпись, по нашему мнению, могла появиться на лопасти только после

¹ Не исключено, что схожую лопасть имеют ножны у одного из воинов на солохском гребне (Манцевич. 1987. С. 59; Алексеев. 2012. С. 138; Полидович. 2015. С. 159), но отсутствие клыка на этом изображении, который является характерным определителем животного, вносит в эту интерпретацию долю сомнения.

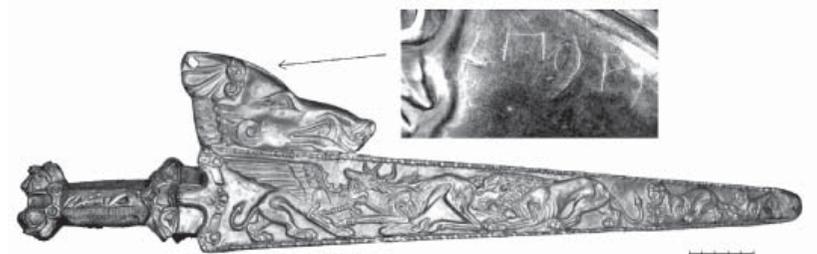

Рис. 1 — Меч из кургана Великая Белозёрка (МИДУ. Инв. № АЗС–3261, 3262)

завершения изготовления предмета или вообще изначально не планировалась и была добавлена позднее (к тому же не обязательно мастером). Совершенно иного характера кульобская надпись ПОРІНАХО (рис. 2) (Алексеев. 2012. С. 181), которая более глубокая и, вероятно, планировалась мастером, т. е. была включена в композицию непосредственно во время изготовления ножен.

Рис. 2 — Меч из кургана Куль-Оба (ГЭ. Инв. № КО.32, 33)

Необходимо также отметить существование неточностей в публикациях этих надписей. Так, корректно надпись на кульобских ножнах была передана во французском сообщении, отправленном П. Дюбрюксом в 1830 г. в Париж¹, а также на гравюре в ДБК (Древности. 1854. Табл. XXVI, 2). Получивший же распространение способ передачи надписи ПОРІНАХО без *иоты* (SIG. II. 1843. S. 153 (2109e); Ростовцев. 1925. С. 378. Прим. 5; С. 383; Артамонов. 1966. С. 63) прекращается лишь в 2015 г. в публикации С. Р. Тохтасьева (Тохтасьев. 2015. С. 891). Что же касается белозёрской надписи, то она публиковалась корректно

¹ AIF, JS, cote 3, H 100 (Schiltz et al. 2000. P. 361; Дюбрюкс. 2010. I. С. 172. Прим. 17).

(Отрощенко. 1984. С. 126; Золото степу. 1991. С. 304 (№ 89), 359; Тохтасьев. 2015. С. 892). Вместе с тем, французский каталог эту надпись передал как «IPORI» (Reeder. 2001. P. 251 (121)), что может привести к путанице.

Определённую сложность при сравнении этих надписей представляет первая *iota* в слове IPOPI, однако если проанализировать её не очень ровное написание, то можно согласиться с мыслью С. Р. Тохтасьева, что в белозёрской надписи начальная *iota* является лишь «фальшстартом» *ni*. То есть, первая вертикаль Π, вследствие соскока иглы мастера, вышла весьма длинной и кривой, что побудило ко второй попытке (Тохтасьев. 2015. С. 892). Если это предположение верно, то это слово следует читать как IPOPI, без первой *iota*¹.

После уточнения написания этих слов, обратимся следует рассмотреть их значение. И. Франц и М. И. Ростовцев интерпретировали кульобскую надпись как *сигнатуру мастера* (Franzius. 1840. S. 344; Ростовцев. 1925. С. 383). С. Рейнак и М. И. Артамонов понимали её как имя владельца или мастера (Reinach. 1892. S. 73; Артамонов. 1966. С. 63). Е. В. Черненко и А. Ю. Алексеев склонны усматривать в ней лишь имя мастера (Черненко. 1980. С. 69; Алексеев. 2012. С. 178)². Эту мысль продолжает и С. Р. Тохтасьев, предполагая скифское происхождение торевтов, оставивших обе надписи (Тохтасьев. 2015. С. 892).

Вопрос об этимологии ПОΡΙΝΑΧΟ уже поднимался Ф. Йюсти ещё в 1895 г., который базировался на форме этого слова без *iota* по изданию «Корпуса греческих надписей» А. Бёка (SIG. II. 1843. S. 153 (2109e)). Предложенная им иранская этимология и трактовка ПОΡΙΝΑΧΟ («тот, кто имеет много ковров» — 'viel Teppiche besitzend') (Justi. 1895. S. 254) была пересмотрена в работе С. Р. Тохтасьева (Тохтасьев. 2015. С. 892). Сближение первой части слова с ав. *pouru-* («много» — 'viel') не вызвало у этого исследователя возражений. Он также указал на работу К. Хофмана и Б. Форсмана, где рассмотрен переход др.-иран. в мл.-ав. а > о в слове **paṇu-* > *rouṇu* — «viel» (Hoffmann, Forssman. 1996. S. 65, § 33fc), и обратил внимание на осетинское слово *fur / fur* — «очень, много», которое является производным от иран. **paṇu-* — «много» (Тохтасьев. 2015. С. 893)³. Кр. Бартоломэ приводит только значения

¹ Вероятно, подмеченные В. В. Отрощенко возле этой буквы насечки (Отрощенко. 1984. С. 126) свидетельствуют, что мастер старался как-то затусовать или зачеркнуть её.

² В качестве примера такой сигнатуры можно привести фракийскую серебряную накладку на ножны меча из Старой Загоры, на которой помещена надпись с именем мастера — Севта из Пайгары (Манцевич. 1976. С. 189. Рис. 23,2; Мордвинцева, Трейстер. 2007, I, С. 193).

³ Уже В. И. Абаев указал, что *fur / fur* имеет общеиндоевропейские истоки (ср.: др.-инд. *ṛiṇu-*, литов. *riūlis*, сак. *ṛhaṇu-*, др.-греч. *πόλι* и т. д.) и привел ряд имён, где Фор- является первым компонентом: *Φορυάβακος* (= осет. *fur-ḡawæg* —

основы первой части: *parav-*: *paṇu*, *paouṇu*, *rouṇu* (j.,g.) (fem. j. *paouiri*) — «viel, zahlreich, reichlich» («много, многочисленный, густой»), которая выступает прилагательным или наречием в текстах и является либо самостоятельным словом, либо компонентом компаунда (AirWb, 854–855, 899–903).

Трактовка второй части, которую Ф. Йюсти выводит через н.-перс. *paḥ* и даже интерполирует его на аналогичную форму в скифском языке с тем же значением «ковёр» (Justi. 1895. S. 504), показала С. Р. Тохтасьеву странной, поскольку неясна причина, почему она была переведена как «ковёр», в то время как «словари не дают альтернативы обычному значению н.-перс. *نخ* — 'нить, 'верёвка'» (Тохтасьев. 2015. С. 893, прим. 12)¹. Кроме того, С. Р. Тохтасьев указал на необходимость датировать кульобскую надпись 1-й пол. — сер. IV в. до н. э., аргументируя это тем, что слово ПОΡΙΝΑΧΟ имеет форму генетива на -ο, т. е. сохраняет древнюю ионийскую орфографию, которая изменяется на аттическую -ου уже в пределах 370–360-х гг. до н. э. (Тохтасьев. 2015. С. 891. Ср. 2011. С. 676 и сл.). Таким образом, датировать артефакт, на котором помещена надпись, следует не позднее, чем серединой IV в. до н. э. (Тохтасьев. 2015. С. 891). На наш взгляд, более поздняя датировка имеет право на существование в случае архаизации, т. е. надпись намеренно была сделана с архаическим окончанием, или её могли нанести в момент изменения орфографии, а в дальнейшем эта вещь попала в погребение не сразу².

В контексте установления этимологии второго компонента кульобской надписи мы бы хотели обратить внимание на осет. основу *nux / nix* — «лоб, лицевая часть / коготь» (Абаев. 1973. С. 217–219; Расторгуева, Эдельман. 2000. С. 171–172), которая, по мнению И. Гершевича, восходит к др.-иран. **paḥaḡ-* (а > i; ср. санскр. *nakhá-*) (Gershevitch. 1959. P. 277–278). Кроме того, М. Майрхофер к основе *NAH*, приводится

«много потребляющий»), *Φορίαλος* (= осет. *fur-iæw* — «имеющий много проса») (Абаев. 1958. С. 499–500). Ср. также осет. *furænk* — «барс, леопард» (Абаев. 1973. С. 450). Отметим, что на кульобских ножнах надпись размещена возле изображения кошачьего хищника (леопарда) (Алексеев. 2012. С. 178).

¹ Вместе с тем, слово *NAH* в индоиранском словаре М. Майрхофера имеет перевод «плести, вязать» ('knüpfen, binden') (Mayrhofer. 1996. S. 31), а плести можно сети, ковры и т.п., что, возможно, объясняет появление «ковров» в интерпретации Ф. Йюсти.

² Одна из причин наличия вещевых анахронизмов в погребении может заключаться в том, что драгоценные предметы накапливались на протяжении жизни их владельца (Алексеев. 2003. С. 231). Иными словами, происходил процесс «запаздывания вещи», и в могилу попадал экземпляр такого типа, который уже не производился (Топал. 2015. С. 205). В этом случае необходимо отказаться от мысли, что золотые накладки на оружие изготовляли непосредственно перед погребением и исключительно для нужд погребального обряда (Черников. 1965. С. 124; Гуляев. 2009. С. 151; Топал. 2015. С. 198).

санскр. *parinah-* — «оправа, обивка» ('Umfassung, Umhüllung') (Mayrhofer. 1996. S. 31). Если предположить подобное значение для ПОΡΙΝΑΧΟ, то оно называется ту вещь, на которой прочерчено. В этом случае, возможно, выписан идентификатор предмета, своего рода маркер его стоимости и ценности¹, что было важно и для «подтверждения статуса» умершего в загробном мире. В этом контексте заслуживает внимание описание убранства клинкового оружия иранского воинского божества Веретрагны («злато-убранного» / *zaraniīō.saogēt* — Яшт 14, 27) (Вертиченко. 2012. С. 137–138) и воинов-героев, которые попали в Иной мир, в пехлевийском сочинении Арда Вираз-Намаг (Пехлевийская. 2001. С. 104, 105). Исходя из местоположения меча из Великой Белозёрки в погребении, С. С. Бессонова, указала, что он мог быть жертвоприношением богу войны, что, на её взгляд, подтверждается и изображением на ножнах кабана — базовой ипостаси Веретрагны (Бессонова. 1984. С. 9–10). Не противоречит этому и размер клинка, который типологически соотносим с оружием Веретрагны — кинжалом-кагэга (Яшт 14, 27). Жертвенный характер надписи отображён в расположении на лбу кабана², а её значение «много», как нельзя лучше выражает суть жертвенной формулы.

Литература

- В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958. Т. I.
 В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1973. Т. II.
 А. Ю. Алексеев. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003.
 А. Ю. Алексеев. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.
 М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л.; Прага, 1966.
 С. С. Бессонова. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
 Г. В. Вертиченко. До значення терміну *zaraniyō-saora-* в *Yashti* 14, 27 // XVI Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції, м. Київ, 11 жовтня 2012 р. К., 2012.
 В. И. Гуляев. «Парадные» мечи V–IV вв. до н. э. из курганов Скифии // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. В. В. Килейников. Воронеж, 2009.
 П. Дюбрюкс. Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I–II.

¹ Можно указать на примеры сигнатур греческих торевтов, работавших на северных границах Римской империи. Эти сигнатуры на предметах, изготовлявшихся для нужд германских племен, должны были подчеркивать их высокое «греческое» качество (Thomas. 2002. S. 242; Мордвинцева, Трейстер. 2007. I. С. 193).

² Та часть тела (мл.-ав. *ainika-*), над которой концентрируется сила-ата в Яште 14, 9. Отметим, что в Яште 14, 2 первое воплощение Веретрагны Ветер приносит, кроме хварна и исцеления, великую силу/мощь (*amətša*).

- Золото степу. Археологія України. Киев: Шлезвіг, 1991.
 А. П. Манцевич. Находка в запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
 А. П. Манцевич. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л., 1987.
 В. Мордвинцева, М. Трейстер. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н. э. — 2 в. н. э. Симферополь — Бонн, 2007. Т. 1–3.
 В. В. Отрощенко. Парадный меч из кургана в с. Великая Белозёрка // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
 Н. А. Онайко. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье // Культура Античного мира. М., 1966.
 Пехлевийская божественная комедия. Книга о праведном Виразе (*Арда Вираз намаг*) и другие тексты / пер. О. М. Чунаковой. М., 2001.
 Ю. Б. Полидович. Структура и символика декора ножен мечей раннескифского времени // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону, 2015.
 В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. Т. 1.
 М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. РАИМК, 1925.
 Н. С. Терлецкий. Некоторые атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения (к вопросу о функциях и символизме *туга*) // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. Вып. II. СПб., 2009.
 Д. А. Топал. Акинаки классической Скифии: тип Солоха // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону, 2015.
 С. Р. Тохтасьев. Греческий язык на Боспоре: общее и особенное // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011.
 С. Р. Тохтасьев. Из ономастики Северного Причерноморья. XXII: Несколько скифских и сарматских имен // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2015.
 Е. В. Черненко. О серийном производстве парадного оружия скифского времени в античных центрах Северного Причерноморья // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии», 6–8 февраля 1980 г. Харьков, 1980.
 С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965.
 К. Hoffmann, B. Forssman. Avestische Laut- und Flexionslehre. Innsbruck, 1996.
 I. Franzius. Elementa epigraphica Graecae. Berolini, 1840.
 I. Gershevitch. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959.
 F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
 M. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1996. Bd. II.
 E. D. Reeder. L'Or des Rois Scythes. Paris, 2001.
 S. Reinach. Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854). P., 1892.
 V. Schiltz et al. Paul Du Brux, Koul-Oba et les Scythes: présence de Paul Du Brux dans les archives françaises // Journal des savants. 2000. № 2/1.
 E. Thomas. Signaturen metallverarbeitender Künstler und Kunsthandwerker in der römischen Kaiserzeit // From the Parts to the Whole. Acta of the 13th

International Bronze Congress, Cambridge, Massachusetts, May 28 — June 1, 1996. Vol. 2. Portsmouth, 2002.

D. Topal, S. Țerna, S. Popovici. Akinakai de tip Soloha în contextul unei noi descoperiri de la Nistrul de Jos // Peuce. Studii și Cercetări de Istorie și Arheologie. Serie Nouă. Tulcea, 2014. T. XII.

Н. В. Быковская

Материалы некоторых элитарных курганных погребений IV–III вв. до н. э. в фондах Восточно-Крымского заповедника

Одной из главных задач применительно к изучению комплексов предметов, происходящих из подкурганных захоронений, открытых в XIX в. на территории Керченского и Таманского полуостровов является их полная публикация с использованием современных технологических методик. Между тем, выявление этих предметов в музейных собраниях уже само по себе представляет серьёзную проблему. Не является исключением в этом отношении и собрание Восточно-Крымского музея-заповедника, преемника Керченского музея древностей. Известно, что предметы, найденные в результате раскопок XIX в. в элитных погребениях IV–III вв. до н. э. в Куль-Обе, Большой Близнице, курганах Юз-Обы, Васюринском кургане и других всемирно известных памятниках, поступили в различные музейные собрания. К началу XX в. в Керченском музее древностей из раскопок подкурганных склепов были собраны многочисленные находки, не отправленные по тем или иным причинам в Эрмитаж или в распоряжение Императорской Археологической комиссии. Сведения о вещах из этих комплексов, а в некоторых случаях и сами вещи, несмотря на утраты периода Великой Отечественной войны, можно отыскать в архиве и коллекциях Восточно-Крымского заповедника. Нескольким комплексам IV–III вв. до н. э. из курганов Куль-Оба, Большой Близницы, Васюринского кургана, находившихся в коллекциях Керченского музея древностей и посвящена статья.

Большая часть информации о находках из Куль-Обы, которую можно извлечь из сохранившихся в архиве документов, касается предметов из драгоценных металлов. После отправки в Эрмитаж основной части вещей в Керченском музее остался ряд ювелирных украшений из мужского захоронения: два браслета в виде обруча из электра, найденные *in situ* выше локтя; «статуэтка» в виде скифского воина, две подвески, две пуговицы, украшенные эмалью. Кроме того, здесь находились несколько десятков нашивных бляшек и пронизей, которые достаточно

точно по сохранившимся описаниям идентифицируются с известными по публикациям типами (см., например: Журавлёв, Новикова, Шемаханская. 2014). Приводим их перечень по каталогу музея: «одна бляха с изображением скифа на лошади; 7 блях с изображением сидящей женщины с зеркалом в руке, перед которой находился мальчик, пьющий из сосуда; квадратная бляха с изображением двух женских фигур; 5 блях с изображением Минервы; 6 маленьких круглых бляшек с изображением Геркулеса в младенческом возрасте с яблоком в руках и Геркулеса взрослого, сражающегося со львом; 4 четырёхугольные бляхи с фантастическими животными; 4 четырёхугольные бляхи с такими же фантастическими животными, пожирающими рыбу; 6 маленьких бляшек с изображениями бегущего зайца; 2 маленькие бляшки с изображениями лежащего льва; одна квадратная бляшка с изображением лабиринта; 7 вытиснутых изображений: 2 — грифона, 1 — дракона(?), 1 — скифа на лошади, 1 — четырёхугольная арабеска, 2 — женские фигуры, окружённые змеями и держащие в левой руке отсечённую голову; 3 маленькие маски» (НА ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 99, лл. 280–280 об.).

В ранних каталогах Керченского музея XIX века, кроме золотых вещей из Куль-Обы, упоминаются фрагменты расписного саркофага из мужского захоронения, «с живописью греческого стиля». На досках саркофага были видны две колесницы, мужские и женские фигуры «в движении». Кроме того, различались изображения лебедя и гуся, а также грифонов и тигров (возможно, именно эти фрагменты в 1851 г. перевезены из Керчи в Эрмитаж). В коллекции изделий из металлов отмечены как происходящие из Куль-Обы железные фрагменты копий, бронзовые ручки и бронзовые ножки от саркофага, а также три больших сосуда с ручками, в которых, как следует из записи в каталоге, найдены овечьи кости.

В 1859 г. Керченским музеем были приобретены у золотых дел мастера Арона Обершмуклера 18 золотых бляшек весом в $3\frac{3}{4}$ золотника из гробницы, открытой с восточной стороны Куль-Обы в 1831 году. Неизвестно, хранились ли они впоследствии в Керченском музее или переданы в Эрмитаж, но достоверно известно, что среди бронзовых вещей к концу XIX века в Керчи оставались плакетированные золотом круглые, яйцеобразные, подковообразные бляхи и бляхи в виде скобы, украшавшие саркофаг, из той же гробницы, а также киаф и кнемиды (НА ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 99, л. 352 об.).

В коллекциях Керченского музея древностей, кроме вещей из Куль-Обы, находились также дублетные вещи из различных погребений кургана Большая Близница: из мужского захоронения, открытого в 1866 году, и женского, открытого в 1867. Из первого захоронения в Керченский музей древностей поступили 5 круглых бляшек с оттиском головы Медузы Горгоны, 8 бляшек в виде женской крылатой фигуры

в калафе, 2 круглые бляшки с оттиском головы Афины, 3 — с головой Пана, 2 — в виде бутона. Из второго — золотая голова грифона, весом в $1\frac{3}{4}$ золотника, украшение от саркофага в виде бордюра, а также многочисленные нашивные бляшки, бусы от ожерелья, розетки и пуговицы (НА ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 99, лл. 323). Среди вещей, найденных в погребениях Большой Близницы и хранившихся в Керчи вплоть до середины XX века, отметим бронзовый шлем со следами позолоты из захоронения воина, открытого в июне 1865 года с юго-западной стороны кургана.

Комплект ювелирных украшений из женского захоронения № 4, открытого в 1868 г., был в полном составе сразу же отправлен в Эрмитаж, в Керченском музее, по крайней мере, на время А. Е. Люценко оставил всего лишь несколько вещей: пелику, на лицевой стороне которой был изображён «скиф, скачущий вправо на белом грифоне», а на оборотной — две мужские фигуры; а также пять терракот «карикатурного» вида, изображавших «стариков и старух». Эти предметы были доставлены в музей в обломках и требовали реставрации. Кроме того, оставленные в Керченском музее терракоты имели полные аналогии среди терракот, отправленных в Эрмитаж (НА ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 98, л. 68). В инвентарной книге середины 1920-х годов под № 518 упоминается одна из этих терракот, выполненная «в виде старика в остроконечной шапке, держащего в левой руке лиру, а правой ведущего мальчика» — возможно, педагога с воспитанником (аналогия из этого же комплекса: Терракотовые статуэтки. Ч. IV. 1974. Табл. 43, 1). Вторая терракота из этого комплекса, оставшаяся в Керченском музее, — фрагмент (верхняя часть) группы из двух борцов — известна по имеющейся фотографии (аналогия: Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Табл. 42, 7–8). В современной коллекции заповедника удалось выявить ещё одну терракоту, которая с некоторой долей уверенности может быть отнесена к одному из захоронений Большой Близницы — фрагмент аттической терракотовой куклы V в. до н. э. (Фонды ВКИКМЗ. КТ–1558; аналогия: Силантьева. 1974. Табл. 1,1) (рис. 1). Кроме терракот, изделий из металла и керамики, из склепа Большой Близницы в Керченском музее находилась замковая плита с фреской, изображающей богиню Деметру (Ростовцев. 1914. С. 16. Табл. VII–VIII).

Ювелирные украшения как из Куль-Обы, так и из других элитных комплексов IV–III вв. до н. э., были похищены из Керченского музея в ходе вооружённого нападения в начале 1922 г. А то, что оставалось после кражи 1922 г., в годы Великой Отечественной войны утрачено полностью (подробнее см.: Быковская. 2004). Среди предметов из металла, полученных в ходе раскопок курганов в XIX в. и погибших в годы войны, наиболее известен бронзовый шлем из мужского захоронения Большой Близницы и кнемиды из Куль-Обы, составлявшие

предмет особой гордости Керченского музея. В 1941 году в числе прочих музейных ценностей они были отправлены в Армавир, где следы их затерялись. По окончании войны они, как и другие вещи, официально признаны утраченными.

Значительный интерес представляют собой материалы, относящиеся к другому не менее известному памятнику — Васюринскому кургану. В разные годы в фонды Керченского музея поступили вещи из комплексов III в. до н. э. Так, в 1871 г. в каменной гробнице было найдено мужское захоронение с большим количеством нашивных украшений и пронизей. Общее число найденных бляшек и трубочек превышало четыреста единиц. Большая часть этого комплекса была отправлена в распоряжение Императорской Археологической комиссии и теперь хранится в Эрмитаже (Власова. 2004. С. 169–171), а часть дублетных бляшек осталась в Керченском музее. В их числе — восемь блях с изображением орла с распростёртыми крыльями и головой, обращённой вправо (в Комиссию отправлено 40 таких бляшек), шесть блях с головой грифона в фас с «рогами на лбу, длинными стоячими ушами и львиною мордою, к пасти которой привешен на проволочных петельках гладкий золотой кружок» (36 — в Комиссию), три такие же бляшки, но без круглых подвесок (12 — в Комиссию), семь блях с оттиском восьмилучевой звезды (58 — в Комиссию), три бляшки с изображением головы юноши в фас (10 — в Комиссию), круглые и продолговатые бляшки с узорами „в виде арабесок“, а также одиннадцать гладких пронизей — всего более шестидесяти экземпляров» (НА ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 98, лл. 83).

Эти золотые украшения из мужского захоронения Васюринского кургана, открытого в 1871 г., хранились в золотой коллекции Керченского музея, во всяком случае, часть этого комплекса прослеживается в каталогах музея конца 70-х годов XIX в. (НА ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 99, лл. 324, 349). Судьба их неизвестна, вероятнее всего, они также были утрачены в первые годы Советской власти.

Раскопками 1871 года в насыпи первого среднего кургана Васюринской горы открыто нетронутое конское захоронение с юго-восточной стороны влево от лестницы, ведшей в склеп. В конском захоронении найдена колесница и детали конской упряжи. Эти вещи, отправленные в ведение Императорской Археологической комиссии, находятся в Эрмитаже (Власова. 2004. С. 166–167. Рис. 16–20). Однако, в Эрмитаже хранился не весь комплекс, более двадцати предметов были оставлены в Керченском музее. Среди них шесть «малых» гладких бронзовых колец, два «больших» железных кольца с крючками, пять железных блях с изображением женского бюста (одна была отправлена в Комиссию, остальные из-за состояния сохранности оставлены в Керчи (Ср. Власова. 2004. С. 168. Рис. 21)), один из пяти колокольчиков. Кроме того, в Керченском музее остались четыре пластины с накладками из

листового золота: две — с изображением «красивой звезды о 6 лучах и 6 листьев» со вставками из гранатов продолговатой формы (Ср. Власова. 2004. С. 168. Рис. 23) и две — с остатками «твёрдого смолистого вещества» на оборотной стороне (НА ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 98, лл. 84–85).

Среди выявленных в современных коллекциях Восточно-Крымского музея-заповедника находок 60-х годов XIX века из Васюринского кургана — два мраморных культовых стола, датирующихся III в. до н. э. Один стол — полной сохранности (рис. 2), а от второго сохранились ножки в виде стилизованных лап. Столешница, которая на момент её доставки в музей, была расколота, считается утраченной. В лапидарной коллекции выявлены также фрагменты мраморных статуй, найденных в насыпи Второго кургана Васюринской горы. Несомненный интерес представляют собой обломки, отнесённые А. Е. Люценко к одной «колоссальной статуе». Все они, кроме кисти руки, отправленной в XIX в. в Эрмитаж, находятся в фондах Восточно-Крымского заповедника.

Не вызывает сомнений принадлежность к комплексу из Васюринского кургана фрагмента мраморной скульптуры, представляющего собой правую голеню мужской ноги, на которой видны либо складки облегающего ногу одеяния, либо обвивающие ногу широкие полосы ткани (Матковская, Зинько, Иллариошкина. 2004. С. 206, кат. 139). Другим обломком с большой долей вероятности можно, по нашему мнению, считать часть левой ступни, обутой в закрытую обувь, на постаменте (Матковская, Зинько, Иллариошкина. 2004. С. 213, кат. 146). Оба фрагмента не только соразмерны друг другу и выполнены из одной разновидности мрамора, но и стилистически близки. Благодаря фотографии, опубликованной М. И. Ростовцевым (Ростовцев. 1914. С. 44. Табл. XXII) удалось идентифицировать в современной лапидарной коллекции из того же комплекса фрагмент головы одной из скульптур. Нельзя не согласиться с предположением А. Е. Люценко о том, что обломки представляют собой части одной мужской скульптуры. Учитывая размеры фрагментов, можно представить себе, сколь велика была скульптура или скульптурная композиция, украшавшая либо вход в склеп, либо вершину кургана.

В целом можно говорить о том, что в Керченском музее древностей к началу XX в. был собран уникальный материал, связанный с археологическими исследованиями подкурганых захоронений, открытых в XIX в. на территории Керченского и Таманского полуостровов. Значительная часть этого материала утрачена в годы Великой Отечественной войны, а её оставшаяся часть практически полностью депаспортизирована. Несмотря на это, сохранившиеся материалы могут способствовать более полному прочтению известных комплексов из элитных боспорских погребений IV–III вв. до н. э. Их выявление, изучение и публикации должны быть продолжены.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 1 — фрагмент аттической терракотовой фигуры V в. до н. э. из одного из погребений кургана Большая Близица

Рис. 2 — Мраморный жертвенный стол из Васюринского кургана

Литература

- Н. В. Быковская.* Коллекция предметов из драгоценных металлов Керченского музея древностей // БИ. 2004. Т. V.
- Е. В. Власова.* Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. Сборник статей. СПб., 2004.
- Д. В. Журавлёв, Е. Ю. Новикова, М. С. Шемаханская.* Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. М., 2014.
- Ю. Ю. Марти.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
- Т. А. Матковская, Е. А. Зинько, Е. В. Иллариошкина и др.* Античная скульптура. Киев, 2004. Т. 1.
- М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский п-ов. М., 1974. — (САИ. Г 1–11. Ч. IV).
- П. Ф. Силантьева.* Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Пантикапей. М., 1974. — (САИ. Г 1–11. Ч. III).

А. В. Иванов

О некоторых параллелях в погребальном обряде элитарных комплексов Азиатского Боспора, Синдики и Кубани

Когда мы говорим о знати, то нужно понимать, что речь идёт не просто о привилегированной социальной прослойке, а о целой культуре которая, как правило, не зависит от границ и «этничности». Эти особые формы культуры имели иной раз столь специфический облик, что в некоторых случаях есть все основания говорить об особой «культуре знати» (Шнирельман. 1985. С. 64–122; 2013. С. 63). Если обратиться к материалам археологии интересующего нас региона, то «культура знати» зачастую выделяется из окружающего массива памятников роскошными погребальными комплексами, которые принято соотносить с местными элитами. В этой связи мне показалось интересным ещё раз обратиться к одной хорошо известной серии погребений Таманского полуострова.

В 1984 г. экспедицией под руководством Ю. М. Десятчикова (Десятчиков. 1985) были исследованы два кургана из крупной, насчитывающей девятнадцать насыпей группы, расположенной близ пос. Кучугуры на Фонталовском полуострове. Под невысокими, чуть более метра, индивидуальными курганными насыпями, находились крупные сырцовые конструкции. Как и большинство подобных памятников Тамани, оба кургана были ограблены ещё в древности, но, несмотря на это, автору раскопок всё же удалось реконструировать процесс возведения каждого из них.

Первый курган был насыпан над специально подготовленной и предварительно обожжённой площадкой. Затем на этой площадке вырыли котлован, в который поместили сооружение размерами 5,6 × 4,5 м,

состоящее из двух камер — северной, в виде сырцового склепа для погребения человека, и южной — для лошади. С юго-запада к склепу примыкал дромос, заполненный сырцовыми кирпичами¹. Сверху, склеп перекрывали деревянные плахи в один ряд, затем всё сооружение было засыпано толстым слоем камки. На следующем этапе материковый выкид из котлована уложили на камку, и лишь затем уже возвели насыпь.

Во втором кургане котлован копался с уровня древнего горизонта. Его дно было обмазано тонким слоем зелёной глины. В котловане была сооружена погребальная конструкция, размерами 8,1 × 5,1 м. Она состояла из подквадратного в плане сырцового склепа и отделения для коней. С запада к склепу примыкал «дромос» в виде сырцового пилона. Сверху всё сооружение было перекрыто камкой².

Погребальный инвентарь, даже после ограбления, демонстрировал разнообразие: это расписная и простая чернолаковая посуда, остатки вооружения, в частности, отметим наличие фрагментированного чешуйчатого панциря, наконечники стрел скифских типов, конское снаряжение, различные утилитарные вещи, множество битых амфор производства Хиоса, Фасоса, Менды, Гераклеи.

По мнению Ю. М. Десятчикова, исследованные им комплексы датируются серединой IV в. до н. э. и относятся к эллинизированным скифам. Тезис об этнической атрибуции подан автором в форме утверждения. Ю. М. Десятчиков его никак не аргументировал, но из текста отчёта становится понятным особое внимание исследователя к некоторым деталям, а именно к захоронению лошадей, панцирю, наконечникам стрел и бронзовым ажурным псалям. Все это, видимо, и дало ему повод считать комплексы скифскими.

Идея скифской принадлежности погребений была поддержана Я. М. Паромовым сразу в двух последовательно вышедших работах (Паромов. 1999; 2000). Помимо курганов у пос. Кучугуры, автор привёл довольно внушительный перечень исследованных в основном до революции подкурганых погребений, в той или иной мере схожих между собой. Их объединяют обширные, как правило, сырцовые гробницы, наличие в погребении защитного вооружения, конские могилы, размещённые отдельно или примыкавшие к основному погребению с юга. Погребения датируются V–IV вв. до н. э. Опираясь на эту подборку, Я. М. Паромов пришёл к выводу, что в погребениях были захоронены выходцы из скифской среды, интегрированные в античное общество и занимавшие в нём положение крупной и средней воинской прослойки (Паромов. 1999. С. 109).

¹ Ю. М. Десятчиков ставил под сомнения функциональность дромоса, подчеркивая его рудиментарный характер.

² Автор раскопок допускал что дерево, которым, возможно, было перекрыто погребение (видимо по аналогии с первым комплексом) было уничтожено грабителями.

Эта идея, безусловно, заслуживает пристального внимания. Но, как мне кажется, данная группа комплексов, может иметь более широкие аналоги и параллели. В частности, сразу обращает на себя внимание наличие захоронений взнузданных лошадей, размещённых в отдельных гробницах к югу от основного погребения. Ближайшая им аналогия — это Семибратние курганы. В них все конские гробницы располагались к югу от основного погребения; в двух курганах отделения для коней были частью общей погребальной конструкции, ещё в трёх располагались отдельно (Коровина. 1957. С. 175–180). Хронология Семибратних курганов установлена довольно надёжно — это середина V в. до н. э. — первая четверть IV в. до н. э. (Горончаровский, Иванчик. 2010. С. 229; Горончаровский. 2011. С. 271).

В этом отношении следует напомнить о роли лошади в погребальном обряде племён Прикубанья. Пожалуй, нет ни одного крупного погребального комплекса, который бы не сопровождали кони, и их наличие, несомненно, подчёркивало особый статус погребённого. Вспомним гекатомбы коней совершенные в Елизаветинских курганах, кстати, так же расположенные в южной части гробниц и в их дромосах. Если же брать памятники меотов, расположенные у границ Азиатского Боспора, то стоит обратить внимание на главное погребение могильника Лебеди III (Каменецкий. 2009. С. 161–162), где семь взнузданных лошадей лежали отдельно к юго-западу от основного погребения. Лошади сопровождали также ограбленное погребение, исследованное в кургане Прикубанского могильника (Марченко, Лимберис, Бочковой. 2001). Совсем недавно, в кургане, раскопанном автором этих строк у с. Кеслерово (немного восточнее Краснобатареиного городища), на специальной площадке, отделённой от крупной двухкамерной гробницы специально сооружённой для этой цели сырцово-глиняной стеной, находились шесть взнузданных, но при этом изрубленных коней. Эта площадка также примыкала к гробнице с юга.

Перечисленные кубанские комплексы относятся к IV в. до н. э. Если рассматривать этот элемент погребального обряда как традицию, то можно вспомнить и о необычном объекте, вскрытом на меотском могильнике поселения «Виноградный-1» (Шевченко. 2013). Там, после сооружения выжженной площадки, в центре её была вырыта узкая яма со ступеньками (видимо, кенотаф), в которую сброшен лишь один предмет — золотой статер Лисимаха. Затем¹, с юга, в отдельной яме были уложены части трёх лошадей и части других животных.

¹ Н. Ф. Шевченко предполагает, что животные были положены несколько позже времени сооружения кенотафа (Шевченко. 2013. С. 462). Это не особо важно, так как из общего плана могильника становится очевидным прямая связь между этими объектами.

Очень интересно, что все перечисленные погребения Тамани, Синдики и Прикубанья объединены тем, что обнаруженные в них кони были взнузданы уздой, в состав которой входили бронзовые псалии с ажурными лопастями, так называемого «елизаветинского» круга. Это довольно редкие экземпляры, ими маркированы только комплексы знати, в рядовые погребения такие псалии не попадали. Может быть, одни из самых «скромных» из известных комплексов, которые сопровождался конями с ажурными псалиями, был исследован на Прикубанском могильнике (Марченко, Лимберис, Бочковой. 2001. Рис. 1; Лимберис, Марченко. 2010. Рис. 20). Но даже они выделяются из массы погребений могильника более богатым и разнообразным инвентарём¹. Локальная обособленность этих комплексов, как следует из планиграфии могильника, не исключает того, что их перекрывали небольшие курганные насыпи², и это обстоятельство так же демонстрирует высокое социальное положение погребённых (Марченко, Лимберис, Бочковой. 2001. С. 94).

Таким образом, можно заключить, что на довольно обширной территории среди определённой социальной группы существовали очень близкие формы погребального ритуала, при котором особое место уделялось лошади, а так же её снаряжению. Насколько этнически окрашен этот ритуал, судить сложно, если вообще возможно. Скорее его следует рассматривать как проявление синкретизма, слияния нескольких погребальных традиций, призванных подчеркнуть особый социальный статус погребённых. Несомненно, перед нами результат долгих и продуктивных взаимоотношений между представителями греческой аристократии и варварской знати. Посредством брачных союзов, один из которых, в частности, описан в новелле Полиэна, происходило не только взаимопроникновение культур, но и формирование нового явления, которое можно охарактеризовать термином «культура знати». К ней и стоит причислять погребения, которым посвящена эта работа.

Литература

- В. А. Горончаровский. Синдика в период возведения Семибратних курганов // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011.
В. А. Горончаровский, А. И. Иванчик. Синды // Античное наследие Кубани. Т. 1. М., 2010.

¹ Стоит упомянуть, что в одном из погребений была похоронена женщина (Лимберис, Марченко. 2010. С. 202).

² И. И. Марченко, Н. Ю. Лимберис, и В. В. Бочковой отмечают, что на поле, где расположен Прикубанский могильник, до интенсивной его распушки, были различимы небольшие насыпи (Марченко, Лимберис, Бочковой. 2001. С. 92).

- И. С. Каменецкий.* Главное погребение могильника Лебеди III // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.
- А. К. Коровина.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Меоты // Античное наследие Кубани. Т. 1. М., 2010.
- И. И. Марченко, Н. Ю. Лимберис, В. В. Бочковой.* Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар, Анапа. 2001.
- Я. М. Паромов.* Скифские погребения на Таманском полуострове // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. М., 1999.
- Я. М. Паромов.* Скифские погребения на Таманском полуострове // Таманская старина. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.). СПб., 2000. Вып. 3.
- Н. Ф. Шевченко.* Могильник поселения «Виноградный–1» в свете его необычных обрядов // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2013.
- В. А. Шницерльман.* Классообразование и дифференциация культуры (по океанским этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
- В. А. Шницерльман.* Этничность в археологии — реальность или фантом? // Этничность в археологии или археология этничности?: материалы круглого стола. Челябинск, 2013.

Архивные материалы

- Ю. М. Десятчиков.* Отчёт об исследовании курганов у пос. Кучугуры в 1984 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 14070. 1985.

В. П. Копылов

Черты элитарной боспорской культуры в курганах Елизаветовского некрополя

Проблемы, связанные с историей возникновения элитарной культуры в Боспорском царстве, являются предметом дискуссий, возникших при определении Боспорского феномена.

Материалы Елизаветовского городища и его курганного некрополя, являющихся единым историко-культурным комплексом, позволяют проследить проникновение отдельных признаков боспорской элитарной культуры в культуру населения Восточной региональной области Скифии (Копылов, Коваленко. 2015. С. 159). Столицей этой области являлось Елизаветовское городище на Дону.

В V — первой четверти IV в. до н. э. в материалах Елизаветовского культурно-исторического комплекса не фиксируются признаки элитар-

ной боспорской культуры. В курганных группах некрополя выделяются отдельные элитные курганы, но вся совокупность признаков, включая характер курганных насыпей, особенностей погребальных сооружений, обряда захоронений и сопровождающего инвентаря, отчётливо свидетельствуют о том, что ближайшие аналогии мы находим в скифских курганах.

В материалах варварского по своему характеру Елизаветовского городища о начале проникновения отдельных черт элитарной боспорской культуры может свидетельствовать возведение в первой трети IV в. до н. э. на самой высокой части «акрополя» скифской поселенческой структуры эллинского общественного сакрального комплекса (Копылов. 2015а. С. 121, сл.).

Работами последних лет было чётко установлено, что в 40-х гг. IV в. до н. э. в столице Восточной региональной области Скифии происходят события, которые свидетельствуют о кардинальных изменениях военно-политической и экономической ситуации в этом регионе. На городище прекращают функционировать «дом вино торговца», «лавка торговца украшениями», «дом металлурга» и другие строительные комплексы, которые погибают явно в ходе военной акции. Разрушается эллинский общественный культовый комплекс и связанный с ним каменный колодец, появляются строительные комплексы с иной, чем прежде планировкой.

На западном валу внутренней линии обороны «акрополя» возникает греческий квартал, а на восточной оконечности курганного некрополя появляется обособленная группа курганов «Пять Братьев», некоторые из которых имели внушительные размеры. В погребениях остальных групп курганов Елизаветовского некрополя резко сокращается количество захоронений с оружием. Археологические материалы позволяют связать все эти негативные проявления с военными действиями Боспорского государства против донских скифов, в результате которых устьевая область реки Танаис была поставлена под контроль боспорских правителей.

Наиболее отчётливо появление черт боспорской элитарной культуры фиксируется в погребальных комплексах группы курганов «Пять Братьев». Именно в них появляется новый для Елизаветовского курганного некрополя вид погребальных сооружений — каменные склепы, которые представлены двумя типами: с дромосом и без такового (Копылов. 2000. С. 88). В ходе многолетних исследований курганного некрополя нами было установлено, что каменные склепы присутствовали исключительно в группе курганов «Пять Братьев». Из восьми исследованных в разные годы каменных склепов, за исключением гробницы в кургане № 8 с пристроенным к её стене дромосом, остальные по существу ничем не отличаются. На это обратил внимание ещё

В. П. Шилов, раскопавший подавляющее большинство курганов в группе «Пять Братьев» (Шилов. 1961. С. 167). Стены склепов были сложены из дикарного ракушечника; в тех случаях, когда это удалось проследить, перекрытия были деревянными и камышовыми.

Конструктивные особенности склепа с пристроенным к нему дромосом в кургане № 8 были детально описаны В. П. Шиловым в научном отчёте об исследовании этого кургана. Он указал, что «склеп состоял из квадратной камеры размером 6,05 × 6,40 м и сложенного впритык дромоса длиной 16,7 м». (Шилов. 1959. Л. 6). Отметим, что автором раскопок в полевом дневнике был подробно описан порядок расположения амфор, находившихся в дромосе, его характерные архитектурные детали, а также положение погребённых и сопровождавшего их инвентаря в самом склепе (Архив ИИМК. Ф. 35, 1, 1959). Эта гробница близка склепу, который был открыт А. Е. Люценко в 1853–1854 гг. в Золотом кургане под Керчью (Виноградов. 2014. С. 504). Как и склеп в кургане № 8, он представлял собой четырёхугольное сооружение размером 6,40 × 4,25 м с ведущим к нему дромосом, который был пристроен к стене склепа (Виноградов. 2014. С. 504). И склеп, и дромос, открытые А. Е. Люценко, имели уступчивое перекрытие. Характер перекрытия елизаветовских склепов реконструировать не удалось, однако есть основания полагать, что в отдельных случаях деревянные перекрытия имели довольно сложные конструкции, которые крепились с помощью крупных железных гвоздей. Примечательно, что В. П. Шиловым было специально указано на «заимствование техники сооружения данного склепа у зодчих греческих колоний Северного Причерноморья» (Шилов. 1962. С. 67).

Являясь прекрасным полевым археологом, В. П. Шилов зафиксировал, что в склепе было совершено одновременное погребение двух человек. Следует особо отметить, что среди более 400 погребений, открытых в разные годы в курганах Елизаветовского некрополя, ни разу не было выявлено повторных захоронений в одном погребальном сооружении. Парные одновременные погребения были открыты во всех его курганных группах, но всего в десяти случаях. К примеру, одновременное захоронение двух человек было открыто в 1980 году в ходе исследования кургана № 96 в группе «Пять Братьев» (Брашинский, Копылов. 1980. Л. 17). Столь незначительное количество парных погребений объясняется довольно редкими случаями одновременной смерти людей, связанных при жизни узами родства (Копылов. 2000. С. 75).

Другие склепы, открытые в группе курганов «Пять Братьев», по конструктивным особенностям также находят наиболее близкие аналогии среди боспорских гробниц, в которых погребались высокопоставленные лица Боспорского государства. Не останавливаясь подробно на детальном анализе обнаруженного в них погребального

инвентаря (Копылов. 2004. С. 41, сл.), мы довольно уверенно можем судить о проникновении отдельных черт элитарной боспорской культуры в культуру населения столицы Восточной региональной области Скифии. Об этом, как нам кажется, могут также свидетельствовать и обнаруженные на территории Елизаветовского городища боспорские каменные надгробия, относящиеся к IV в. до н. э. (Копылов. 2015б. С. 316–319. Рис. 1–2).

Наибольшие трудности связаны с узкой датировкой погребений, совершённых в склепах Елизаветовского курганного некрополя. Детальный анализ всех амфор из дромоса кургана № 8 группы «Пять Братьев» впервые осуществил И. Б. Брашинский, который подчеркнул, что именно амфоры «могут дать наиболее достоверные основания для датировки захоронения в кургане» (Брашинский. 1961. С. 178–186). Позже этому вопросу уделяли внимание и другие специалисты (Монахов. 1999. С. 358–362; Алексеев. 2003. С. 265; Бидзиля, Полин. 2012. С. 530–533). Поэтому нас удивила недавняя попытка Н. Ф. Федосеева решить дискуссионный вопрос о хронологии амфор из кургана № 8, опираясь, в основном, на предложенную им датировку синопского магистратского клейма Хабрия (Федосеев. 2015. С. 249–252). Не мудрствуя лукаво, этот автор предложил разделить единый комплекс амфор, обнаруженных в дромосе, на две группы с разницей в 20–25 лет. Для решения этого спорного вопроса Н. Ф. Федосееву пришлось бездоказательно заявить о повторном захоронении в склепе, к которому, якобы, и принадлежали все более поздние амфоры. Однако этой «новаторской» идее противоречат почему-то не воспринятые Н. Ф. Федосеевым выводы профессиональных полевых археологов. Особо отметим, что все амфоры в дромосе (и ранние, и поздние) стояли в общей группе, что было бы невозможно сделать через четверть столетия. Кроме того, отмеченный автором раскопок характер закрытия склепа и дромоса, однозначно свидетельствует о одновременности проведения этих работ (Шилов. 1959. Л. 60–62).

Мы полностью поддерживаем мнение, согласно которому проблема интерпретации накопленного материала должна решаться единственным возможным способом — от анализа факта к теоретическому построению, поскольку другой способ предполагает интерпретацию факта уже на основе авторитетных концепций (Тульпе. 2008. С. 106). Особо отметим, что в отдельных погребениях Елизаветовского курганного некрополя уже встречались случаи, когда в одной могиле находились клеймённые амфоры с временной разницей около четверти столетия (Монахов. 1999. С. 338–340). Следовательно, определять датировку погребения, основываясь исключительно на хронологии амфорных клейм, мы считаем не всегда правильным. По крайней мере, мы не можем рассматривать их без разумного сомнения, как единственный хронологический критерий,

устанавливающий время совершения погребения. Несомненно, что только комплексный анализ всей совокупности источников позволяет получить реальные данные о времени совершения погребений. Исходя из вышесказанного, мы считаем, что парное погребение в кургане № 8 следует датировать временем не ранее 40-х гг. IV в. до н. э.

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что в склепе кургана № 8 группы «Пять Братьев» могли быть одновременно похоронены два сына Левкона — старший брат Перисада I Спарток II со своим младшим братом Аполлоном. Имеющиеся у нас данные о возрасте этих боспорских правителей не противоречат высказанной гипотезе¹, а проведённый антропологический анализ позволяет говорить, что разрушенный грабителем костяк мужчины пожилого возраста мог принадлежать Спартоку II, а костяк молодого человека — Аполлонию. Остальные склепы могли принадлежать другим высокопоставленным особам боспорской элиты, которые под руководством двух представителей царского дома Спартока II и его младшего брата Аполлония принимали участие в 40-х гг. IV в. до н. э. в военной акции по подчинению Боспорскому государству Елизаветовского городища — столицы Восточной региональной области Скифии.

Литература

- А. Ю. Алексеев. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. Санкт-Петербург, 2003.
- В. И. Бидзиля, С. В. Полин. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012.
- И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 3.
- Ю. А. Виноградов. Цари Боспора и боспорские курганы // БИ. 2014. Вып. XXX.
- В. П. Копылов. Население Северо-Восточного Приазовья в конце VII–IV вв. до н. э. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2000.
- В. П. Копылов. Скифский царский курган Елизаветовского могильника // Сокровища донских степей. Из собрания Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 2004.
- В. П. Копылов. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону // БИ. 2015а. Вып. XXXI.
- В. П. Копылов. Надгробия из Елизаветовского историко-культурного комплекса // Археология і давня історія України. Київ, 2015б. Випуск 1 (14).
- В. П. Копылов, А. Н. Коваленко. Образ устья Танаиса, как территориального центра Скифии в представлении античных авторов // Скифия: образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции 26–28 октября 2015 года. Под редакцией Г. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М., 2015.

¹ Искренне признательны Ф. В. Шелову-Коведяеву за подробные консультации.

- С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов, 1999.
- И. А. Тульпе. Некрополь и проблемы реконструкции верований боспорян // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвящённого 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 2008.
- В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1.
- В. П. Шилов. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962.
- Н. Ф. Федосеев. К вопросу о датировке восьмого кургана из группы «Пять Братьев» на Елизаветовском могильнике // БИ. 2015. Вып. XXXI.

Архивные материалы

- Архив ИИМК. Ф. 35, 1, 1959.
- И. Б. Брашинский, В. П. Копылов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1980 году. Архив ИА РАН. Р. 1. № 8132.
- В. П. Шилов. Отчёт о раскопках Южно-Донской экспедиции в 1959 году. Архив РОМК. Ф. 2, оп. 6. Д–22.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Меотские всадники на восточной границе Боспора

В данной работе мы не будем рассматривать «царские» погребения меотов типа Елизаветинских курганов, а остановимся на одном рядовом памятнике этих племён, расположенном у границы Боспорского царства (могильник находится в Красноармейском районе у хут. Прикубанский и был исследован нами в 1998–2001 гг.).

В IV в. до н. э. на меотских некрополях правобережья Кубани резко возрастает число погребений с предметами вооружения. Об этом особенно наглядно свидетельствует Прикубанский могильник. Общий процент воинских погребений из этого могильника составляет 35 %, из которых 73 % — пехотинцы, 27 % — всадники. Численность всадников увеличивается особенно заметно по сравнению с раннемеотским периодом. Если в VI–V вв. до н. э. на более чем 140 погребений из памятников правобережья Кубани приходилось лишь 4 погребения всадников (Лимберис, Марченко. 2012. С. 62), то в IV в. до н. э. только в Прикубанском могильнике среди 330 комплексов этого времени (исключая ограбленные) было исследовано 31 погребение, сопровождавшееся захоронениями взнузданных лошадей, а также конской уздой без лошади.

Погребённые всадники — в основном мужчины в возрасте от 20 до 50 лет (преобладает средний возраст 35–45 лет). Из-за плохой сохранности костей скелета не удалось определить пол и возраст 6 погребённых. Кроме этого, три скелета М. А. Балабанова определила с большой долей вероятности как женские (?).

Погребальные сооружения, судя по расположению инвентаря, представляли собой широкие прямоугольные или квадратные ямы. Положение взнузданной лошади — справа или слева от скелета, независимо от возраста погребённых. Нужно отметить, что почти во все захоронения всадников было положено жертвенное мяса одного или нескольких животных разных видов (корова, овца или свинья). Особый интерес для изучения всадничества у меотов представляют погребения со скелетами собак. Вместе со всадниками встречено 9 сопровождавших их собак. Собаки могли использоваться как охотничьи или боевые.

Конская упряжь представлена железными двусоставными удилами, снабженными железными и бронзовыми псалиями. Большинство железных псалиев представляют собой строгие насадки двух типов. Две пары — с толстыми квадратными пластинчатыми насадками, загнутые концы которых заострены (Рис. 1, 3), остальные изготовлены из крестовин с массивными раскованными шипами (Рис. 1, 1). Центром производства удил с подобными насадками считается Прикубанье (Мелюкова. 1981. С. 57. Рис. 15, 2; 18, 9; Галанина. 2005. С. 100. Рис. 2, 2; Могилов. 2008. Рис. 21, 9; 31, 3; 36, 2; 37, 12–14). На правобережье Кубани самые ранние комплексы с такими насадками происходят из могильника Старокорсунского городища № 2 и датируются первой половиной V в. до н. э. (Лимберис, Марченко. 2012. С. 62–63. Рис. 36, 1; 32, 8), но наибольшее их распространение приходится на следующее столетие.

Бронзовые и железные двудырчатые псалии с 8-образным расширением вокруг отверстий различаются по форме стержня и оформлению окончаний: прямые стержневидные с окончаниями в виде плоских «шляпок» или овальных шишечек; S-овидные с шишечками или расширениями на концах; S-овидные с плоскими расширенными концами; Г-образные. Единственный биметаллический псалий слабоизогнутой S-овидной формы с окончаниями в виде конических шишечек имеет железную середину и бронзовые концы (Рис. 1, 2). Наиболее распространены Г-образные бронзовые псалии: один с изображением копыта на отогнутом конце (Рис. 1, 7), остальные — с ажурными зооморфными пластинами с головами волков и оленьими рогами (Рис. 2, 1, 3, 5, 6, 8, 9). Подобные псалии известны в Елизаветинском кургане 4 1913 г. (Галанина. 2005. С. 102. Табл. 2, 7; 3, 1–7). В этом же стиле изготовлены литые бронзовые налобники: ажурные, со стилизованными оленьими рогами, головы оленя с рогами, в виде волка

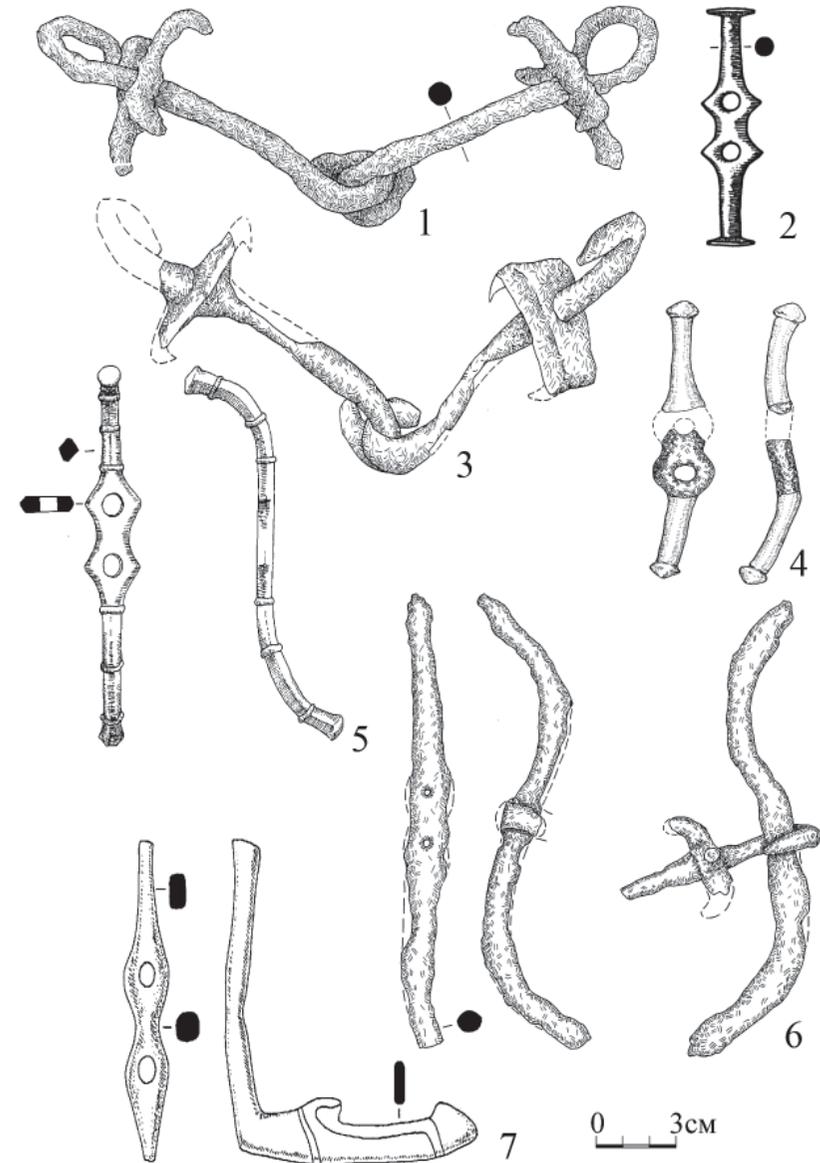

Рис. 1. Удила и псалии из Прикубанского могильника: 1 — удила с кресто-видными насадками, железо (п. 33); 2 — стержневидный псалий, бронза (п. 88); 3 — удила со строгими квадратными насадками, железо (п. 296); 4 — биметаллический S-видный псалий, железо, бронза (п. 167); 5 — S-видный псалий, бронза (п. 224); 6 — S-видный псалий, железо (п. 6); 7 — Г-образный псалий, бронза (п. 7)

(Рис. 2, 2, 4, 7, 10). Среди элементов украшений конской узда, выполненных в зверином стиле, следует отметить и бронзовые литые наносники. Ярким примером является конская узда из погребений 33, 39, 236, 402, 427 (Рис. 2). Эти изделия относятся к прикубанскому варианту скифского звериного стиля (Переводчикова. 1994. С. 166–170. Рис. 25; Канторович, Эрлих. 2006. С. 45–47). В 1998 г. в самом начале исследования Прикубанского могильника в пахотном слое был найден кованый налобник с симметричными веерообразно расширенными концами и прогнутыми сторонами. Мы считаем, что этот тип налобников является меотским изобретением (Лимберис, Марченко. 2005. С. 162, 166. Рис. 2).

Всадники были вооружены в основном длинными мечами (от 52 до 88 см) с узким или широким клинком. Мечи встречены в 20 погребениях, причем в 4 комплексах воинов сопровождали по 2 меча, однако размеры их отличались: один — длинный, другой — более короткий. Обычно мечи располагались слева от погребённого, в двух случаях — справа, в одном — между ног и в одном погребении на левой голени. Все мечи синдо-меотского облика, лишь один меч из погребения 224 имеет узкое серповидное перекрестие, развёрнутое концами вниз и не выступающее за края клинка. Среди наверший можно выделить два основных типа: встречаются как обычные брусковидные, так и плоские «грибовидные». Опять же выделяется меч из погребения 224, который имеет тонкую бронзовую обкладку железного брусковидного навершия, насаженного на штырь рукоятки.

Наряду с мечами, в погребениях всадников нередко встречаются длинные (от 22 до 40 см) боевые ножи, иногда с сохранившимися костяными накладками на рукоять. Длинные ножи обычно лежат рядом с мечами — возможно в ножнах был сделан специальный отсек для хранения 2–4-х ножей.

В комплект вооружения в обязательном порядке входили копьё. Железные наконечники копий из погребений IV в. до н. э. представлены большим разнообразием типов и вариантов (Лимберис, Марченко. 2006. Рис. 2, 3). Причём в каждом погребении всадников встречено от 3-х до 10–12 наконечников, как легких, так и тяжёлых. Как правило, наконечники копий размещались в погребениях справа от черепа, т. е. копьё укладывались вдоль туловища, остриём в сторону головы. Кроме копий, нередко встречаются и дротики, которые найдены в трёх погребениях всадников.

В колчаные наборы входили, в основном, железные втульчатые наконечники стрел, изредка — бронзовые и костяные. Количество наконечников, встреченных с погребёнными, колеблется от 4 до 59.

К боевой экипировке всадников вероятно следует отнести и два железных крюка со втулкой для рукоятки. Если наконечники копий в погребениях находились у черепа, то крюки располагались в ногах,

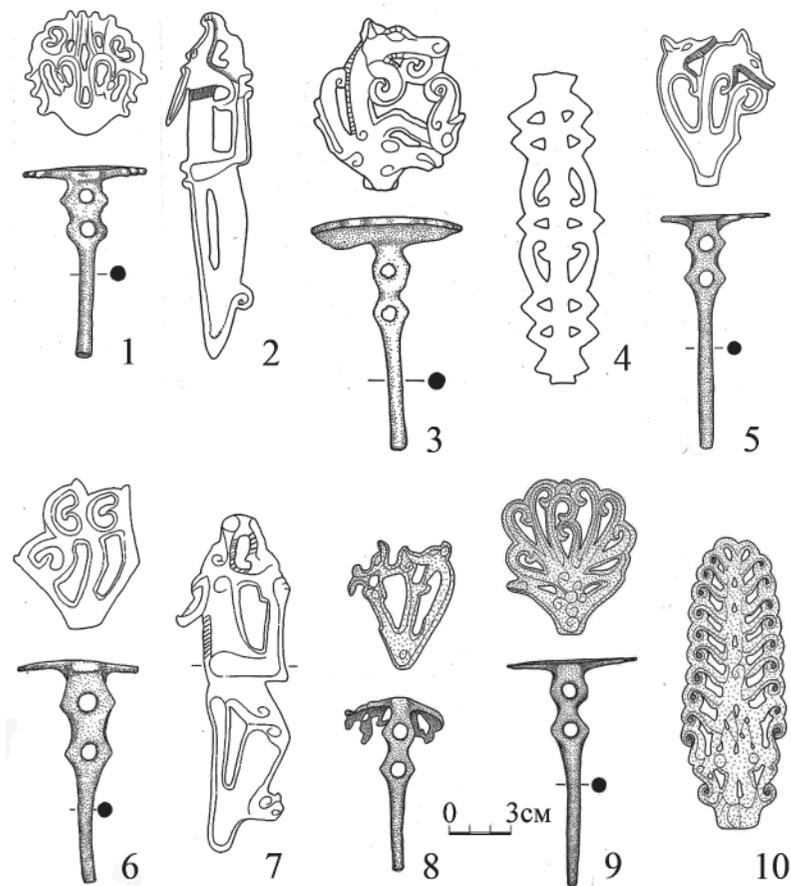

Рис. 2. Бронзовые палии и налобники из Прикубанского могильника: 1, 2 — п. 33; 3, 4 — п. 39; 5 — п. 159; 6, 7 — п. 224; 8 — п. 394; 9, 10 — п. 402

рукояткой в сторону черепа. В одном из погребений железный крюк лежал рядом со втулкой наконечника копья. Рубящее оружие представлено железной секирой, плоским железным топориком и массивным проушным топором.

Особый интерес представляет погребение 8, в котором находилось три костяка лошадей, ориентированных мордой на ЮВ. Инвентарь погребения был разграблен в древности, отсутствовали и кости скелета человека, что свидетельствует о том, что ограбление было совершено в ближайшее время после совершения захоронения. Из погребения происходят фрагменты железных и бронзовых пластин панциря,

скреплённых тонкой железной проволокой. Пластинчатые доспехи являются очень редкой находкой для меотских памятников. Уздечку одной из лошадей украшали керамические горгонейоны и пронизи с розетками. Сохранились и фрагменты железных удилищ со строгими насадками, а также фрагменты железного наконечника копья с подтоком.

О высоком статусе всадников из Прикубанского могильника свидетельствуют совместные находки амфор и чернолаковой керамики. Чаще всего захоронения сопровождалось двумя амфорами, которые помещались в ноги. В погребении 224 было найдено три амфоры. Хронологический анализ амфорной тары позволил датировать погребения как началом, так и концом IV в. до н. э., однако большая часть приходится на первую половину этого столетия.

Население, оставившее Прикубанский могильник, ранее мы связали с племенем фатеев, которые к середине IV в. до н. э. были подчинены Боспору (Марченко, Лимберис. 2001. С. 87–91). Памятниками, сходными по погребальному обряду, типам импортной и местной керамики, конской сбруи и вооружения являются захоронения в кургане у пос. Водный и могильника Лебеди III. Возможно, к этой же группе относится Чернолесский могильник, расположенный выше по течению Кубани от Прикубанского, на левом берегу реки. Городища, относящиеся к этим могильникам, пока не выявлены.

Литература

- А. К. Галанина. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. 2005. Вып. 37.
- А. Р. Канторович, В. Р. Эрлих. Бронзолитнейное искусство из курганов Адыгеи. VIII–III вв. до н. э. Из фондов Государственного Музея Востока и Национального Музея Республики Адыгея. М., 2006.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко. Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко. Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар, 2012.
- И. И. Марченко, Н. Ю. Лимберис. О локализации меотского племени фатеев // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар, Анапа, 2001.
- А. И. Мелюкова. Краснокутский курган. М., 1981.
- О. Д. Могилов. Сподряження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ, Кам'янець-Подільський, 2008.
- Е. В. Переводчикова. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.

В. И. Мордвинцева

Погребальные комплексы элиты как источник по выявлению политической идентичности на археологическом материале¹

При написании трудов по истории Северного Причерноморья античного времени с самого начала использовали две основные формы обобщения письменных источников: политическая история и этнические построения, которые в той или иной степени переплетались и дополняли друг друга. Расширение источниковедческой базы за счёт данных археологии, палеогеографии, антропологии, нумизматики и других дисциплин привело к освещению отдельных вопросов истории хозяйственно-культурного и социального развития этой территории. Однако политическая и, особенно, этническая история до сих пор остаются главными трендами исторического дискурса в отечественной науке. При этом для работ, ориентированных на этническую историю, характерна высокая степень доверия ко всей легендарной и исторической информации, которая воспринимается как целостная, непротиворечивая, полная и достоверная. Объективная критика источников обычно либо не предпринимается, либо подменяется тенденциозным сопоставлением и толкованием различных сведений. Учитывая неоднозначность и расплывчатость термина «этнос», написание этнической истории Северного Причерноморья, видимо, на данном этапе исчерпало себя. Более перспективным представляется изучение культурно-исторических и, в частности, политических процессов.

Политическая идентичность, как и социальная, имеет групповую природу и является порождением политической субъектности. Под политическими субъектами понимают активных агентов политического процесса. Индивиды, группы людей и социумы становятся политическими субъектами, если обладают возможностями, способностями и ресурсами определять стратегию и тактику в вопросах внешней и внутренней политики, принимать политические решения, влиять на них и нести ответственность за свои политические действия. Как правило, такими качествами обладает политическая элита.

Элита, в широком понимании этого термина, — это консолидирующая часть любой социальной, этнической или профессиональной группы. В более узком смысле — это индивиды и группы, занимающие ведущее положение в различных сферах человеческой деятельности —

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения прикладной плановой темы «Скифская и позднескифская культуры Крыма в системе кросс-культурных взаимодействий с античной цивилизацией и варварским миром Северного Причерноморья и Средиземноморья» (1005-2015-0002).

политической, идеологической, хозяйственной, культурной и т. п. (Куббель. 1986. С. 224). Элита разного происхождения играла наиболее активную роль в политической жизни любого общества. Представители знати, военачальники, «бигмены», вожди и цари племён заключали и расторгали военные союзы, в их функции входило получение и перераспределение прибавочного продукта, контроль над внешним обменом и торговлей, ремесленным производством и значимыми для хозяйства технологиями. Они представляли свой народ при проведении внутренней и внешней политики и осуществляли властные функции (Крадин. 2001. С. 68–69, 90–108).

В истории Северного Причерноморья в качестве основных групп участников исторического процесса выступали, с одной стороны, центры греческой, а затем греко-римской цивилизации, с другой, варварские социумы — скифы, сарматы, меоты и пр., которые хотя и номинированы в литературе в форме этнонимов, но под которыми чаще всего подразумевались политические субъекты (Мордвинцева. 2015а. С. 111). Историческая информация об этих политических субъектах весьма ограничена и избирательна, поскольку её базу составляют сведения, полученные из внешних по отношению к ним нарративных источников. Поэтому актуальной задачей при реконструкции культурно-исторических процессов в Северном Причерноморье является анализ археологического материала с использованием методических разработок, позволяющих делать исторические выводы вне зависимости от устоявшихся парадигм, которые во многом основаны на топосах, унаследованных от античной нарративной традиции. Вопросы, которые при этом могут быть поставлены, касаются, прежде всего, выявления политически субъектных варварских социумов Северного Причерноморья и систем их политических связей.

Возможности выявления конкретных политических субъектов. Выявление конкретных социумов, обладающих политической субъектностью и являющихся авторами культурно-исторических процессов — наиболее сложная задача, которую невозможно решить исключительно на базе археологических источников. Социумы — это развивающиеся во времени и пространстве, часто весьма мобильные организмы. Они не всегда чётко локализованы в пределах определённой территории, ограничиваясь пределами функционирования социально-потестарных отношений, как, например, в случае подвижных хозяйственно-культурных типов или при пространственном перемещении в ходе миграции, колонизации и пр. Между социумами могут одновременно существовать временные, пространственные и качественные границы, что существенно затрудняет их конкретную географическую локализацию.

В отличие от отдельных территориальных общин, которые в материальной культуре с достаточной долей достоверности представлены

некрополями (один некрополь = одна община), политические субъекты на археологическом материале выделить довольно сложно, поскольку в их состав могли входить несколько социумов, взаимоотношения которых строились по иерархическому и/или гетерархическому принципу. На основании анализа большинства этнографически изученных обществ выделяют три основных типа социумов, отличающихся степенью сложности политической интеграции: 1) автономная локальная община; 2) 1–2 уровня над общиной; 3) 3 и более уровня над общиной (Крадин. 2012. С. 164). Чем больше таких уровней, тем меньшей субъектностью обладают низшие уровни (прежде всего, локальные общины), которые делегируют часть её высшим уровням. При выпадении одного уровня политической интеграции усиливается субъектность (т. е. доля участия в принятии политических решений) политической элиты более низкого уровня. При появлении, в дополнение к уже существующим, нового уровня политической интеграции уменьшается субъектность низших по отношению к нему уровней. Таким образом происходит укрупнение / сегментация, концентрация / рассредоточение политической субъектности.

Для выявления отдельных варварских социумов Северного Причерноморья определённую помощь может оказать целенаправленное определение узловых, фокусных мест на исследуемой территории в различные периоды времени, на основе анализа погребальных и поселенческих памятников, связанных с элитой.

Погребальные памятники элиты отличаются от погребений основной массы населения по одному или нескольким следующим признакам: 1) необычное размещение, размер и обустройство погребального сооружения; 2) необычные манипуляции с телом погребённого (например, бальзамирование, кремация вместо обычной ингумации; расчленение тела); 3) необычный погребальный инвентарь: а) особые категории предметов («инсигнии власти»; предметы из драгоценных металлов; художественные предметы; экстраутилитарные вещи; импорты; редкости); б) большое количество вещей в погребальном комплексе, в том числе относящихся к одной категории (*Überausstattung*); 4) необычная дополнительная структура (памятник, алтарь и пр.).

Выявление погребальных комплексов элиты может происходить несколькими способами. Наиболее полноценным (и трудоёмким) является анализ социальной структуры каждого известного некрополя, в ходе которого изучаются качественные и количественные признаки погребального обряда и особенности их пространственного размещения (см. например, Мордвинцева. 2015б). В результате появляются основания для выделения групп погребений могильника с особыми наборами погребального инвентаря и вариантами погребального ритуала, некоторые из которых могут быть интерпретированы как элитные.

Проведение такого анализа позволяет не только выявить погребения элиты, но и сделать выводы о структуре социальных связей в исследуемом обществе, что в дальнейшем может использоваться при сравнительном анализе некрополей между собой, а также с поселенческими структурами и другими памятниками материальной культуры. В рамках исследования такого обширного региона как Северное Причерноморье (его площадь составляет около миллиона кв.км и включает в себя несколько субрегионов) проведение такого анализа затруднено тем, что большинство расположенных здесь могильников раскопано частично, но даже те из них, которые изучены в достаточной степени, не опубликованы в полном объёме. При этом погребальные комплексы, которые могут рассматриваться как «элитные», чаще всего публиковались отдельно, поскольку содержали предметы, вызывающие повышенный интерес среди учёных (например, художественные изделия из драгоценных металлов). В связи с этим при выявлении погребальных комплексов элиты целесообразно использовать другой способ — поиск погребений с *инсигниями* (лат. *insignia*) — внешними знаками власти, достоинства, звания, могущества и другими знаками социального статуса.

При этом надо учитывать то обстоятельство, что инсигнии, использовавшиеся как институализированные знаки статуса, могли не депонироваться в погребальный комплекс, а передавались преемнику. Очевидно, что погребение представителя элиты часто сопровождали не сами инсигнии, а заменяющие их предметы, в том числе специально для этого изготовленные. Помимо собственно «инсигний» погребальный комплекс сопровождали также вещи, дополнительно подчеркивающие высокий статус умершего, но непосредственно его не выражающие и не институализированные в живой культуре (например, редкости, элементы погребального пира и т.п.). Информацию об ассортименте «инсигний» можно почерпнуть из античной нарративной традиции и изобразительных (иконических) источников, обнаруженных, прежде всего, в археологических комплексах на изучаемой территории. На этой основе составляется список инсигний, согласно которому готовится каталог погребальных комплексов элиты. При последующем анализе этих контекстов могут быть выявлены другие маркеры высокого социального статуса, которые устойчиво сочетаются в погребальном контексте с инсигниями, известными по письменным и изобразительным источникам.

Картографирование могил с инсигниями позволяет выявить паттерны расположения центров власти. Так, при картографировании инсигний выявляются районы с одинаковым их набором. Погребения элиты могут быть сконцентрированы в определённом месте этого района или рассредоточены в разных местах.

Если погребения отличаются друг от друга по количеству труда, затраченного на их сооружение, и/или по составу погребального инвент-

даря, то можно говорить об иерархии элит и, видимо, о существовании нескольких уровней политической интеграции. Дополнительную информацию об уровнях политической интеграции может дать картографирование видов локализации погребальных комплексов элиты: 1) отдельные погребения элиты, расположенные среди стандартных захоронений; 2) элитный участок/участки на общем некрополе; 3) элитный некрополь; 4) одиночный погребальный комплекс элиты, вне некрополя. Первый и второй виды локализации элитных погребений очевидно свидетельствуют о локальном характере политических элит. При этом их статус, вероятно, связан со статусом поселенческой структуры, с которой они соотносятся (при наличии таковой), и в зависимости от него может иметь надлокальный характер. Представляется также допустимым, что третий и четвёртый виды локализации погребений элиты свидетельствуют о том, что властные полномочия захороненных здесь представителей элиты распространялись на несколько социумов, хоронивших своих членов в отдельных некрополях. Более точно интерпретировать результаты такого анализа можно только при наличии данных других источников.

Помимо погребений элит важным источником информации при поиске политических центров являются фокусные места в паттернах расселения. У социумов с *племенной* организацией (*segmentary societies*) типичными являются хутора или деревни, при этом ни одно поселение не доминирует. Археологически это выглядит либо как отдельные изолированные усадьбы (дисперсная модель), или поселки (ядерная модель) с постоянно проживающим населением. Такой тип расселения формируется, как правило, у оседлых земледельцев или скотоводов с мобильной экономикой, основанной на интенсивном использовании скота. Эти социумы состояли из нескольких общин, объединённых в более крупное общество через родственные связи. Одной из характерных особенностей *вождества* (*chiefdom*) является наличие центра власти, часто с храмами, резиденцией вождя, местом проживания его слуг и ремесленников, который при этом не является постоянным городским центром с институализированной бюрократией, характерной для государства. Для вождеств типично также ранжирование поселений, при котором некоторые из них являются более значимыми, чем другие (иерархия мест).

Ранние государства (*early states*) в целом демонстрируют такие паттерны расселения, где ключевую роль играют города — населённые пункты с крупными общественными постройками, в том числе храмами и зданиями для административной бюрократии. Иерархия поселений при этом ярко выражена: со столицей, региональными центрами, а также локальными поселками (Renfrew, Bahn. 1991. S. 156). Таким образом, фокусные места у социумов, организованных по типу вождеств и ранних государств можно обнаружить при сравнительном анализе размеров

поселений, их структуры и наличия построек общественного характера. Такой сравнительный анализ, однако, возможен только при относительно высокой степени исследованности региона, что далеко не всегда имеет место. Поэтому этот вид информации целесообразно использовать как дополнительный к анализу погребальных комплексов элиты.

Возможности выявления систем политических связей. Для выявления систем политических связей целесообразно использовать методы, разработанные в рамках теории мир-систем, изучающей формы коммуникации различных обществ между собой. Мир-системный подход фокусируется на кругах (сетях) человеческого взаимодействия, которые позволяют рассматривать системные комбинации самых разных видов обществ (Chase-Dunn, Hall, Turchin. 2007. P. 133). Это даёт возможность изучать многокультурные системы и динамику социальной эволюции. Особенно плодотворным с методической точки зрения представляется объяснение причин появления одинаковых или сходных артефактов в различных культурах не в результате одностороннего влияния одной культуры на другую, а как результат существования системы связей.

Применяя такой подход, можно попытаться выявить различные политические идентичности, изучая знаки социального престижа в погребениях варварской элиты. Инсигнии, помещённые в конкретный погребальный контекст, очевидно, отражают не только представления о материальном выражении функции власти конкретного социума. Обнаруженные в разных некрополях одинаковым образом изготовленные предметы, обозначающие высокий социальный статус, сходство изображённых на них сюжетов и символов свидетельствуют о непосредственных или опосредованных связях оставивших их социумов друг с другом. Такие предметы можно разделить на изготовленные в культуре, в рамках которой функционировало общество, и импортные, попавшие извне и перекодированные в культуре как знаки социального престижа. При этом одинаковые, изготовленные внутри культуры знаки в разных социумах свидетельствуют, видимо, о единой культурной и, возможно, политической идентичности социумов. Одинаковые знаки престижа внешнего происхождения указывают на внешнеполитические связи социумов.

Если картографировать различные предметы высокого социального статуса, выполненные согласно канонам определённой производственной традиции, а также сходные изображения и символы, можно выявить круги их распространения и, таким образом, очертить зоны взаимодействия элит различных социумов между собой и с внешним миром.

В качестве примера можно привести анализ погребений с парадными мечами (Мордвинцева 2015в).

Подавляющее большинство комплексов с парадными мечами «сарматской эпохи» расположено в азиатской части северочерноморского

региона (Нижнее Поволжье, Нижнее Подонье, Прикубанье), примыкая к восточной окраине Боспорского царства. При этом в других районах Северного Причерноморья (Крым и Нижнее Поднепровье) также имеются погребальные комплексы варварской элиты. Однако они, как правило, не содержат парадных мечей. Видимо, культурные традиции западного и восточного ареалов Северного Причерноморья фундаментально отличались друг от друга. Наличие в погребениях элиты Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и Прикубанья коротких парадных мечей ориентирует поиск аналогий этим знакам высокого социального статуса в иранской культурной традиции.

Короткий меч (акинак) в золотых ножнах упоминается как инсигния и царская регалия в описании правителей древнего Ирана. Особую роль парадных мечей в иранской культуре подтверждают многочисленные изображения, из которых наиболее известны скальные рельефы, где передаются особенности их формы и декора. Обряд захоронения парадного меча вместе со знатным покойником в античное время был, видимо, так же характерен, прежде всего, для иранской культурной традиции.

Анализ комплексов с парадными мечами показал существенные хронологические различия в их составе и локализации. Комплексы с парадными мечами II–I вв. до н. э. располагаются в ареалах Нижнего Поволжья и Прикубанья, в основном на территории степи, где обитали кочевые племена, и где наличие оружия относилось к «стандартному» мужскому погребальному обряду. Тот факт, что погребения элиты совершались на тех же кладбищах, и даже в тех же курганах, что и «стандартные» погребения, а также многочисленность и сетевой характер локализации элитных комплексов, свидетельствует, видимо, о родоплеменном характере власти в этих обществах.

В период конца I в. до н. э. — I в. н. э. погребения с парадными мечами расположены вблизи Боспорского царства и Херсонеса, в частности в среднем течении Кубани, на Нижнем Дону и в Юго-Западном Крыму. Только один — наиболее ранний — комплекс (Косика) маркирует регион Нижнего Поволжья. Количество погребальных комплексов элиты с парадными мечами в это время существенно уменьшилось. На степной территории они зафиксированы в погребениях с особо пышными погребальными приношениями, которые располагались не на общих кладбищах с рядовым населением, а отдельно. Это могло являться следствием усложнения политической структуры и политической консолидации населения Поволжья, Подонья и Прикубанья. К концу второго хронологического периода варварские политические центры очевидно сосредотачиваются у границ греческих государств северочерноморского региона.

Во II–III вв. н. э. комплексы с парадными мечами зафиксированы уже на территории самого Боспорского царства, в том числе в погребении

высокопоставленного магистрата (Горгиппия). Практически все парадные мечи происходят из комплексов, локализованных отдельно от кладбищ основной части населения региона.

Появление и распространение обычая использования в погребальном обряде элиты Нижнего Поволжья и Прикубанья однотипных коротких мечей с серповидными/дуговидными навершиями в золотых ножнах совпадает по времени с деятельностью Митридата VI Евпатора, который в ходе своих планов экспансии на запад привлекал разнообразными способами скифских вождей. Районы, отмеченные находками парадных мечей, видимо, являются по существу «центрами сосредоточения власти».

Ситуация, обусловленная деятельностью Митридата VI Евпатора в начале I в. до н. э., очевидно, привела к увеличению социальной сложности и централизации народов, населяющих Прикубанье, Нижний Дон и Нижнее Поволжье. В это время, видимо, оживляются культурные связи между боспорскими и иранскими элитами, поскольку размещение царской резиденции Митридата VI в Пантикапее должно было иметь следствием перемещение сюда его двора — знати, обслуживающего персонала и ремесленников. С конца I в. до н. э. парадные мечи парфянского типа (с четырьмя боковыми лопастями) периодически появлялись на похоронах представителей варварских и даже боспорских элит. С течением времени погребальные комплексы варварской элиты сосредотачивались все ближе к границам Боспорского царства, которое ко II в. н. э., видимо, становится сложным социальным организмом, включавшим в себя соседние варварские политии с разной степенью субъектности, по своему устройству напоминающим кочевую империю.

Рассмотрение подобным образом других инсигний из погребальных контекстов, а также различных типичных сюжетов и изображений, видимо, поможет уточнить паттерны концентрации различных политических идентичностей и векторы направления внешнеполитических связей варварских элит Северного Причерноморья.

Литература

- Н. Н. Крадин. Политическая антропология. М., 2001.
 Н. Н. Крадин. Археологические критерии цивилизации: кросс-культурный анализ // В. А. Попов (ред.). Ранние формы политических систем. СПб., 2012.
 А. Е. Куббель. Элита // Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986.
 В. И. Мордвинцева. Сарматы, Сарматия и Северное Причерноморье // ВДИ. 2015а. № 1.
 В. И. Мордвинцева. Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка // Sratum plus. 2015б. № 4.
 В. И. Мордвинцева. Парадные мечи в погребальном контексте (на материале погребений элиты Северного Причерноморья III в. до н. э. — середины III в. н. э.) // Ранний железный век от архаики до рубежа эр. Центры, пе-

риферии и модели культурных взаимодействий. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2015в.

- Ch. Chase-Dunn, Th. D. Hall, P. Turchin. World-Systems in the Biogeosphere: Urbanization, State Formation and Climate Change Since the Iron Age // A. Hornborg, C. L. Crumley (Eds.). The World System and the Earth System. Global Socioenvironmental Change and Sustainability Since the Neolithic. Walnut Creek, 2007.
 C. Renfrew, P. Bahn. Archaeology. Theories, Methods and Practice. London, 1991.

В. Ю. Зуев

К проблеме выделения погребений раннесарматской элиты по археологическим материалам

Выделение памятников сарматов в археологическом материале кочевников Евразии во многом оказывается возможным благодаря кругу ярких, насыщенных находками комплексов, которые обычно называют элитарными, наиболее полно характеризующими устойчивые традиции погребального обряда и специфики сарматской культуры в целом.

В любом обществе элита — это социальная группа, которая формирует традиции данного общества и строго следит за их исполнением. Особенно ярко это выражается в соблюдении традиций социальной стратификации, выделении людей, принадлежащих к определённым группам верхов общества, трактуемых обобщённо как элиты. Эта особенность очень ярко проявляется в погребальном обряде, выражающем социальные аспекты представлений о посмертии людей, где элитарные амбиции, принадлежность к высшим слоям общества закрепляются в ритуалах. Проводя с пышными церемониями представителей элиты в загробный мир, проводившие ритуал соплеменники «навечно» закрепляли этим социальный статус своих вождей, которые переходили в мир вечности и определённого порядка, закреплённого в космогонических представлениях о мироустройстве данного общества.

Вот почему археологическое изучение погребального обряда древних обществ это, прежде всего, исследование культуры и погребальной практики групп древнего общества, отражающих весь спектр интересов своей элиты. Устойчивость традиций, их стабильность во времени свидетельствуют о стабильности и «силе» общества, его институтов, создаваемых элитой для проявления своей власти.

Но эти традиции не были чем-то закостеневшим. Жизнь кочевых элит быстро развивалась и смена традиций погребального обряда является хорошим индикатором динамики исторического процесса. Однако при этом чаще всего фиксируются не эволюционные и прием-

ственные процессы, в которых элиты сменяли друг друга, а свидетельства распада и формирования новых этно-социальных общностей кочевых народов, динамично меняющих не только линию политического развития номадов всей Евразии, но и резко трансформирующих культурные уклады и традиции жизни, в том числе отношения к посмертию, новых элит кочевого общества.

Долгое время считалось, что история сарматских народов берёт своё начало на заре эпохи раннего эллинизма, поскольку ведущие сарматологи нашей страны, вышедшие из школы профессора Б. Н. Гракова, детально разрабатывали концепцию единой эволюционной линии развития культуры, характеризующей «савромато-сарматскую» этно-историческую общность, в рамках развития которой сарматская культура формировалась и «вызревала» в IV в. до н. э. в недрах более ранней культуры «исторических савроматов». При этом, тождество савроматов и сарматов декларировалось Б. Н. Граковым как абсолютно доказанный наукой факт (Граков. 1947. С. 101–121. Диаметрально противоположные оценки этих выводов см.: Скрипкин. 2000; Скрипкин. 2008. С. 11–35; Зуев. 2003. С. 588–593; Зуев. 2013. С. 51–63).

Ныне стройность и историческая достоверность эволюционной концепции развития единой «савромато-сарматской» культуры является лишь историографическим преданием, в которое некоторые его сторонники больше верят, нежели пытаются его развивать на строго научных основаниях. Примером тому может служить последняя работа А. С. Скрипкина, в которой он пытается сохранить неизблемым тезис об эволюционном развитии сарматского общества от эпохи архаики, когда, по его нынешним представлениям, в Приуралье жили не исторические савроматы, а только носители «археологически понимаемой савроматской культуры», наследниками и преемниками политической истории которых он всё же признаёт исторических сарматов последних веков до н. э. (Скрипкин. 2016. С. 17–32). Канва этно-культурных метаморфоз, рисуемых А. С. Скрипкиным, не может не впечатлить любого, кто хоть однажды пытался проследить истоки сарматской истории. В резюме этой работы сказано следующее: «В статье обосновывается идея о причастности к началу дестабилизации политической ситуации в Северном Причерноморье (первая половина IV в. до н. э.) кочевого объединения, возглавляемого даями (дахами), центр которого находился в Южном Приуралье. С рубежа IV–III вв. до н. э. походы в Скифию совершаются кочевниками с территории Сарматии, сформировавшейся к востоку от Танаиса (Дона) после распада дахского племенного объединения. Политическим центром Сарматии являлся Нижневолжский регион. Территорию Скифии сарматы в это время не занимают, ограничиваясь политическим контролем над ней. Ситуация меняется во II в. до н. э., когда на территорию Сарматии с востока приходят новые кочевнические группировки, усложняя демографическую ситуацию в этом

районе. С этого времени сарматы непосредственно занимают степную территорию вплоть до Днепра, дестабилизируя ситуацию к западу от него» (Скрипкин. 2016. С. 17). Итак, по мнению этого исследователя, в VI–IV в. до н. э. в Приуралье и Поволжье живут две разные этно-политические группировки кочевников, оставившие разные по культуре памятники. Волго-Донская группировка по мнению А. С. Скрипкина принадлежала историческим савроматам, а Приуральская группа памятников атрибутируется им лишь как «археологически понимаемая савроматская культура». С рубежа V–IV в. до н. э., вслед за А. С. Балахванцевым (Балахванцев. 2005. С. 64–67), Скрипкин видит в кочевниках Южного Приуралья очень мощную группировку племён дахов (даев), которых он локализует здесь всего лишь на основании предположения К. Ф. Смирнова, «что древнее название реки Урала — Яик (Даик) происходит от названия народа даи (дахи)» (Смирнов. 1977. С. 136). Замечу, что в той же работе К. Ф. Смирнов согласился с мнением Д. А. Мачинского о том, что Южное Приуралье — зона обитания исторических исседонов. Но этот вывод Смирнова А. С. Скрипкин предпочитает замалчивать, как не вписывающийся в воссоздаваемую им картину. По его мнению, союз племён дахов из Приуралья уже в IV в. до н. э. начинает оказывать политическое давление на скифов Северного Причерноморья, действуя рейдерскими вторжениями без закрепления на территории Скифии (в духе знаменитой сарматской царицы конца III до н. э. — Амаги). А. С. Скрипкин объясняет эту способность дахов (даев) к дальним походам и контролю над гигантской территорией от глубин Средней Азии до Скифии большой военной мощью и бесчисленными богатствами, которые сосредоточила в своих руках вместе с властью элита дахов (даев). Такая характеристика данного племенного союза должна коррелировать с грандиозными погребальными сооружениями царских курганов на некрополях типа Филипповского курганного могильника (рис. 1, 2, 3). В III в. до н. э. политика дахов (даев) на западе приводит к крушению Скифии. Но и на просторах «державы» дахов происходят крупные демографические и этнические процессы, вызванные «вызреванием» и формированием раннесарматской культуры в недрах более раннего союза кочевников. Регион Поволжья и Подонья становится политическим и культурным центром, возможно в чём-то оппозиционным южноуральской прародине дахов. Новые обитатели земель к востоку от Танаиса становятся известны причерноморским грекам как жители страны Сарматии — ранними сарматами (вероятно, через контаминацию разных этнонимов — от савроматов до саев (даев), о политике которых хорошо известно по тексту декрета в честь Протогена)¹.

¹ Относительно идей связи исторических сарматов с саями и герр. — с даями (дахами) предшественником А. С. Скрипкина на этом пути можно назвать Р. Б. Исмагилова (Исмагилов. 1993. С. 87–89).

В середине II в. до н. э. с востока в бывшую «державу» дахов (даев, саев) вливаются племена, продвинувшиеся от строящихся стен Китая и на этом завершается длительный период формирования новой исторической общности кочевников — исторических сарматов.

Картина, воссозданная А. С. Скрипкиным, столь же и «ажурна» в обосновании её основных моментов археологическими и письменными источниками. Главная «точка опоры» её — объяснение богатств и разнообразия сокровищ, найденных в погребениях элиты V–IV в. до н. э. номадов Южного Приуралья. Я не буду входить здесь в вопросы чрезмерной гипотетичности построений, в основу которых положены сомнительные этнонимические сближения: савроматы исторические и «археологические» как прямые предки дахов (даев) — и их наследники саи (?), сарматы. Остановлюсь подробнее лишь на вопросе подкреплённости этой гипотезы археологическими материалами. Стоя на позициях культурно-исторического единства населения Приуралья и Поволжья V–I вв. до н. э. В. П. Глебов и И. А. Гордин рассмотрели погребальную традицию «ранних сарматов», в аспекте проблем изучения элитных захоронений у кочевников данного региона (Глебов, Гордин. 2016). Занимаясь богатыми инвентарём сарматскими погребениями последних двух веков до н. э., эти исследователи трактуют их как захоронения племенной знати, полагая, что «ни одно раннесарматское погребение II–I вв. до н. э. из исследованных на сегодняшний день, на наш взгляд, не может претендовать на статус „царского“». Но тут же отмечают, что «на раннем этапе раннесарматской культуры погребения „царского“ ранга известны — это комплексы из Филипповских курганов в Зауралье (Пшеничнюк. 2012; Яблонский. 2013). По грандиозности и богатству филипповский некрополь вполне может соперничать со скифскими „царскими“ курганами. Дата его устанавливается в рамках рубежа V — третьей четверти IV в. до н. э. (Яблонский. 2013. С. 53–54). Однако позже традиция сооружения „царских“ курганов у сарматов пресекается, вероятно, в результате каких-то военно-политических событий или изменений в социальной структуре общества (Глебов. 1998. С. 93–95; Мещеряков. 2000. С. 53–58). После IV в. до н. э. захоронения „царского“ ранга исчезают в Зауралье и не известны в других регионах, куда раннесарматская культура распространилась в результате миграционных импульсов IV–II вв. до н. э.» (Глебов, Гордин. 2016. С. 290).

Получается интересное распределение материала на единой хронологической шкале. Для периода V–IV в. до н. э. на территориях, позже занятых сарматами как в Приуралье, так и в Заволжье, имеются многочисленные погребальные комплексы, которые по масштабности курганов, трудозатратам на их возведение и богатству погребального инвентаря, имеют явно царский статус захоронений (рис. 1). В конце IV в. до н. э. эта традиция пресекается. Навсегда. С середины II в. до н. э.,

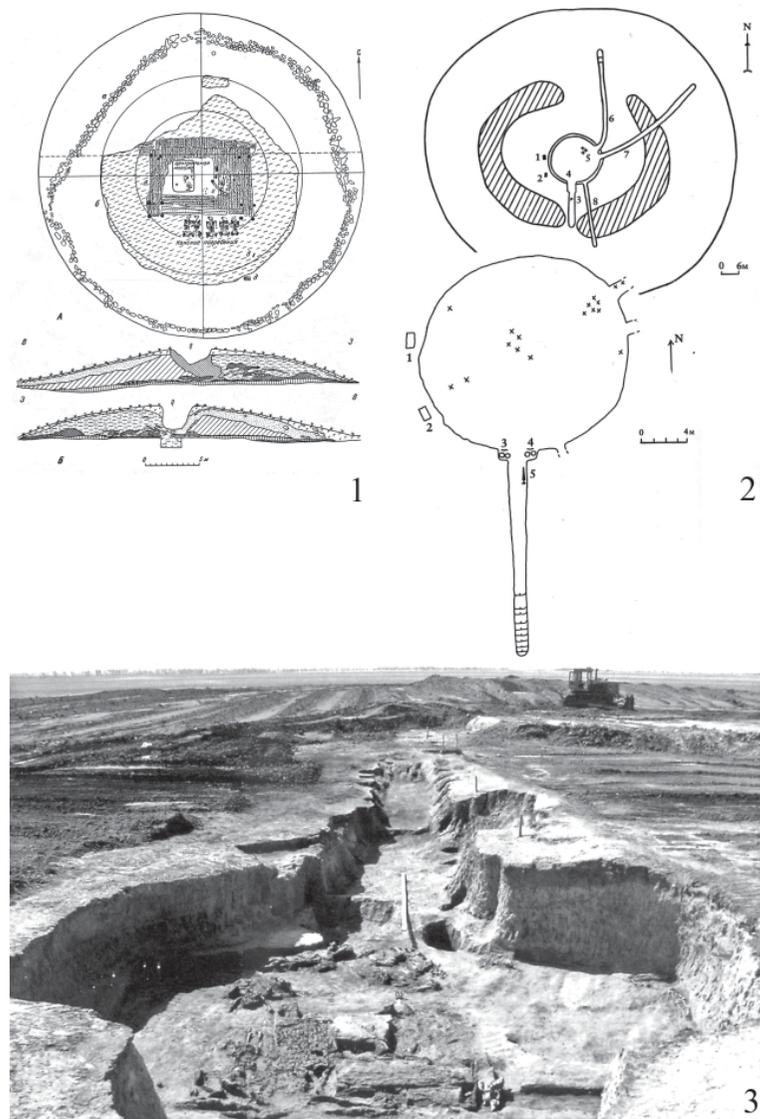

Рис. 1. Курганы элиты кочевников Южного Приуралья V–IV в. до н. э., приписываемые царским захоронениям «ранних сарматов» сторонниками эволюционной «савромато-сарматской» культурно-исторической общности. 1 — Пятимары I. Курган 8 (по К. Ф. Смирнову. 1964); 2 — план кургана № 1 и основного погребения в нём Филипповского курганного могильника (по А. Х. Пшеничнюку. 2000); 3 — Центральное погребение № 5 в кургане 4 Филипповского курганного могильника (по Яблонскому. 2008)

то есть, сто пятьдесят лет спустя, в Приуралье и Поволжье появляются захоронения сарматской же знати (по мнению сторонников единой линии эволюции раннесарматской культуры V–I в. до н. э.), которые очень редко совершаются в небольших, одновременных погребениях курганах — пример, курган 1 южной группы Прохоровского 1 курганного могильника (рис. 2, 1). В этот же курган впущены несколько почти одновременных погребений воинов и насильственно умерщвлённых лиц, располагающихся вокруг основного погребения. Подавляющая масса богатых сарматских погребений II–I в. до н. э. совершаются в подобно-катакомбных могилах, впущенных в более ранние курганы. Или же такие погребения совершаются на высоких песчаных дюнах без курганных насыпей вовсе. Все эти археологические комплексы не производят впечатления погребений царственных особ и трактуются как захоронения «скептухов» (Клепиков. 2016. С. 107–108). В. П. Глебов и И. А. Гордин отмечают при этом полное отсутствие для этого времени погребений, соответствующих по сложности и пышности царскому уровню. Эту странность «единой» погребальной традиции элиты «ранних сарматов» V–I в. до н. э. сторонники эволюционной гипотезы стараются объяснить неизвестными нам военно-политическими событиями и неясными современным исследователям трансформациями социальной жизни «ранних» сарматов. Если вспомнить парадоксальную картину, нарисованную В. И. Мордвинцевой, когда в Поволжье (объявленном А. С. Скрипкиным политическим центром Сарматии III–II в. до н. э.) нет вообще мужских захоронений с драгоценностями в могилах, а для женщин зафиксировано не более пяти захоронений с простыми золотыми проволочными серьгами или с кольцами несложных скифских типов на все захоронения 150-летнего периода «ранней» сарматской гегемонии (Зуев. 2013 б. С. 56–57, где указана литература), становится понятно, что ранняя Сарматия конца IV — первой половины II в. до н. э. (откуда, якобы, потомки дахов контролировали процессы политической дестабилизации причерноморской Скифии) — это не более, чем смелое допущение А. С. Скрипкина, а не что-то исторически реальное. Чем же объясняется такая сложная ситуация с вопросами о ранней истории сарматов и о судьбах элиты этого кочевого народа?

У меня есть только один вариант ответа: причина — в верности сарматологов, сторонников и последователей концепции Б. Н. Гракова, идее о стадиальной, эволюционной природе развития «савромато-сарматского» общества кочевников Поволжья и Приуралья в рамках единого культурно-исторического процесса. Между тем, со времён работ М. И. Ростовцева в науке существует более реалистичная концепция хронологического напластования памятников разных кочевых культур, сменявших друг друга на просторах Приуралья и Поволжья, однако никак не связанных между собой общей линией этно- и культурогенеза.

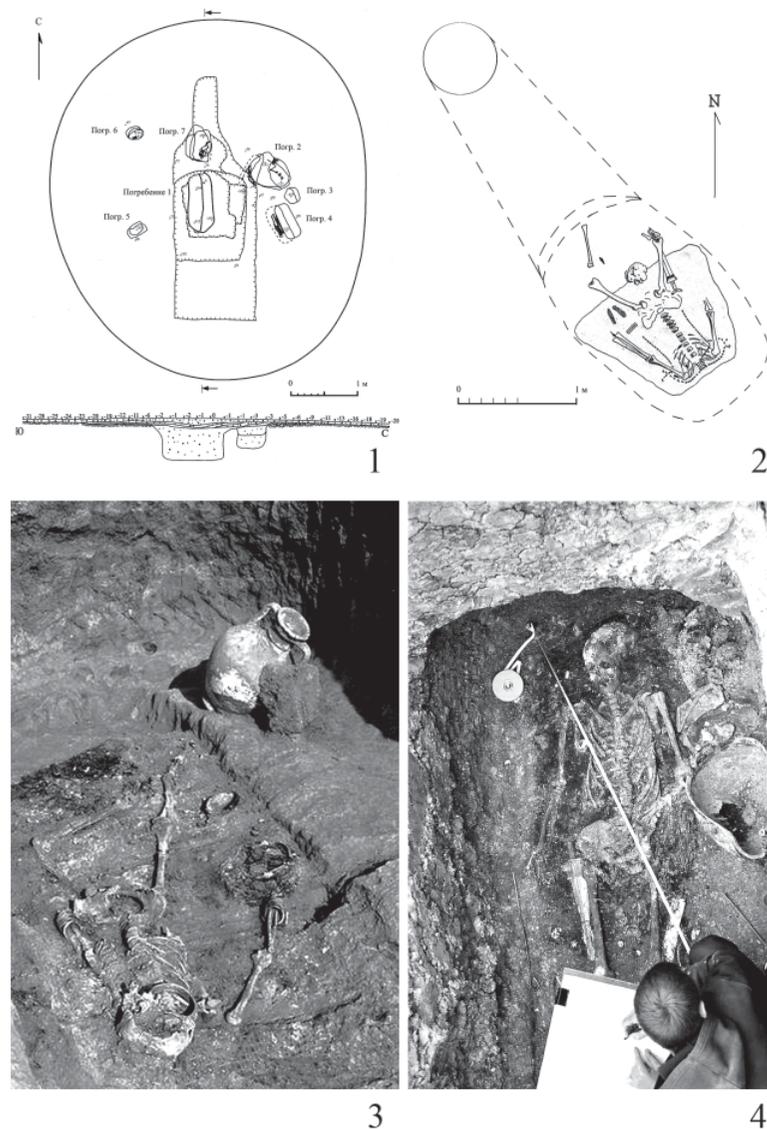

Рис. 2. Курган и погребения элиты ранних сарматов II–I в. до н. э. 1 — Прохоровка 1. Южная группа. Курган 1. Основное погребение № 1 и впускные погребения этого же периода (по Л. Т. Яблонскому. 2010); 2 — План впускной катакомбы (погребение № 2) в Красногорском кургане (по Макаренко. 1903); 3 — Ипатово-3. Курган 2. Впускное погребение № 14 (по <http://www.vipatovo.ru/history.html>); 4 — Впускное погребение в кургане у пос. Тоннельный. 2012 г. (по <http://www.gazprom.ru/news/2012/october/article145410/>)

Исходя из этого положения, становится ясным, что в V–IV в. до н. э. в Приуралье и Заволжье существовала самобытная культура кочевников скифского типа, сформировавшаяся в начале V в. до н. э. и прекратившая своё существование к концу IV в. до н. э. При таком «миграционном» варианте культурогенеза гораздо легче понять и причину угасания традиции возведения больших курганов царского ранга, и не ломать голову в поисках моделей трансформации социальной жизни «ранних сарматов», у которых цари перестают уходить в загробный мир, но сам народ продолжает жить почти бесследно в археологическом смысле ещё сто пятьдесят лет, пока сарматы не начинают подхоранивать своих вождей в сравнительно скромных камерных могилах-подбоях или катакомбах в разные курганы более раннего времени (рис. 2).

При этом вовсе не значит, как пыталась обвинить меня в этом М. Г. Мошкова, что я предлагаю считать степи Приуралья и Поволжья абсолютно пустыми в течение III в. до н. э., назвав меня творцом концепции «хиатуса III в. до н. э.» (Мошкова. 2001. С. 244–249). Природа и история пустоты не терпит, как известно. Но III в. до н. э. — действительно столетие, когда по всему миру происходит ощутимый слом старых традиций и зарождение новых культур. От Китая, с его становлением империй, династий и цивилизаций Хань и Цинь до формирования парфянского мира на Востоке. От крушения Скифской державы в Причерноморье до сумбурной жизни государств, управляемых диадохами Александра Македонского, когда происходит во всём Средиземноморье сбой традиций культурной жизни всей Греции и древнего Рима и на смену им приходит культура и новые традиции эллинизма, как глобального мирового нового уклада жизни.

Сравнивая погребальные комплексы и материальную культуру двух групп элит (рис. 1 и рис. 2), якобы единого «раннесарматского» общества, погребения, разделённые 150-летним временным отрезком, для которого характерно полное отсутствие связующих линий эволюции единых погребальных традиций, со всей очевидностью убеждаешься, что перед нами две разные археологические культуры. Два разных социума кочевников с контрастно различными традициями оформления погребальных памятников для их элит. И становится ясно, что попытка увязать в единый культурный страт «раннесарматской» элиты и погребения в курганах «царей» V–IV в. до н. э., и погребения «скептухов» II–I в. до н. э. с церемониальным оружием новых, по сравнению с эпохой «царей», типов — базируется на старой парадигме о единой «савромато-сарматской» культуре, которая никогда не существовала в реальности, а является лишь историографическим мифом «граковской» школы сарматологии. Её последователи не имеют никаких исторических оснований называть создателей «царских» курганов и захороненных в них представителей элиты историческими сарматами и тогда, для

объяснения этого парадокса, появляются версии о том, что это захоронения элиты воинственных дахов (даев), соседствующих на западе с историческими савроматами, столкновения с которыми трансформируют одних в сарматов, других, возможно, в саев... Я не вижу сейчас каких-либо оснований для этнонимического маркирования памятников V–IV в. до н. э. в Южном Приуралье и в Заволжье. Эту яркую, богатую находками, группу памятников можно пока лишь осторожно назвать скифоидной по культурному облику. Эти памятники сопоставимы с современными древностями как Причерноморской Скифии, так и с древностями Алтая этого же периода. И принципиально важно, с исторической точки зрения, то, что у нас нет никаких оснований говорить о единой линии развития кочевой культуры Приуралья, Поволжья и Подонья с V по II–I в. до н. э. как археологической реальности. Все утверждения М. Г. Мошковой, А. С. Скрипкина и их последователей о якобы существующих «непрерывных колонках» эволюции категорий археологического инвентаря почти что пятисотлетней истории кочевой культуры указанных регионов на самом деле носят декларативный характер, о чём мне уже приходилось подробно писать (Зуев. 2013 а. С. 515–517).

Для самого раннего периода собственно сарматской (или прохоровской) археологической культуры, эталоном которой являются комплексы только южной группы курганов могильника Прохоровка 1¹, характерны погребения с церемониальными мечами и кинжалами прохоровского типа, рукоять и ножны которых плакетированы золотой фольгой. Я настаиваю на таком названии этих клинков, использовавшихся сарматами именно в разнообразных церемониях, конкретизировать которые мы не можем. В. И. Мордвинцева, неудачно, на мой взгляд, называет эти клинки парадными (Мордвинцева. 2016. С. 256–258), поскольку ни о каких «парадах» сарматской кавалерии и её предводителей мы ничего не знаем. А потому более осторожно и точнее называть оружие, плакетированное золотой фольгой церемониальным, которое использовалось в торжественных случаях, сопровождало своих хозяев в загробный мир и даже в ряде случаев было votivным (Зуев. 1999. С. 111–115)².

В сводке погребений с церемониальными клинками три года назад мною было учтено 20 археологических комплексов с территории Северного Казахстана, Приуралья, Поволжья, Подонья, Ставрополя

¹ Курганы северной группы этого могильника относятся к IV в. до н. э. По сути дела это два одновременных могильника, разделённых расстоянием в полкилометра. Объединение этих курганных групп в один могильник Прохоровка 1 есть лишь дань традиции, связанной с раскопками курганов в обеих группах С. И. Руденко в 1916 г.

² На этот терминологический нюанс обратил моё внимание А. В. Симоненко.

и Прикубанья до Таманского полуострова (рис. 3)¹. Десятки рельефных изображений подобных мечей и кинжалов изображены на сарматских стелах в ритуальных комплексах плато Устюрт (Зуев. 2013 б. Рис. 2). Эти памятники датируются от середины II в. до н. э. до начала I в. до н. э. и связаны с первой реально улавливаемой волной сарматского продвижения из Закаспия на Южный Урал, в Поволжье, Подонье и далее к Таманскому полуострову и к восточным границам Боспорского царства. Самым западным пунктом находки церемониальных клинков в золотом окладе является впускное погребение 1870 г. Буеровой могилы — кургана Бюер-Гора (Ворошилов, Ворошилова, Жуковский, Кузнецов. 2016. С. 147–164). Следует отметить, что серия этих мечей и кинжалов, ювелирная отделка золотой плакетировки, говорят о том, что это оружие, вероятнее всего, вышло из какого-то единого оружейного и ювелирного центра и принадлежало, вполне вероятно, членам одного или нескольких близких родов, занимавших господствующее положение в сарматском обществе времён «штурма и натиска» — фиксируемого археологически распространения носителей этой культуры по степям центральной части Евразии. Такое оружие, учитывая специфичность его декора, вряд ли служило более чем двум поколениям всаднической элиты, охватывая 50–60 лет истории максимум. Учитывая устойчивый стандарт оформления прохоровского типа мечей и кинжалов, сейчас уже можно смело утверждать, что это самое раннее появление данного типа вооружения на всём пространстве степей, относящееся именно к середине II в. до н. э. Бытование клинков подобного типа в более раннее время археологически никем не доказано. Следовательно, речь идёт о памятниках, маркирующих самый ранний горизонт появления и распространения культуры, с которой несомненно связаны исторические сарматы. Приход этой волны кочевников под руководством вождей с церемониальными мечами и кинжалами в золотых окладах именно в середине — второй половине II в. до н. э. не отрицается даже А. С. Скрипкиным и сторонниками его реконструкции раннесарматской истории. В. И. Мордвинцева склонна видеть в распространении подобного оружия маркировку основных центров власти и управления исторической Сарматии, которые, по мнению этой исследовательницы, тяготеют к границам Боспорского царства (Мордвинцева. 2016. С. 257). Однако, вряд ли это так, учитывая количество археологических комплексов с этим видом церемониального оружия далеко от границ Боспора — в Заволжье, Приуралье и на Устюрте. Немаловажно также и то обстоятельство, что почти каждый

¹ В. И. Мордвинцева тенденциозно и ошибочно пытается приписать традицию погребений с церемониальными клинками только восточным областям Северного Причерноморья. Эта традиция зарождается в глубинах Азии и принесена к восточным границам Боспора сарматами во второй половине II в. до н. э. И вовсе не как традиция абстрактно понимаемого Мордвинцевой «Ирана».

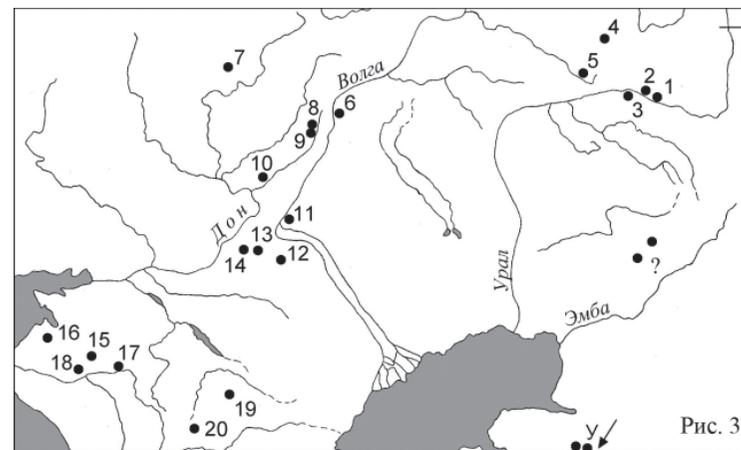

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 3. Локализация комплексов II–I вв. до н. э. с церемониальными клинками прохоровского типа: 1 — Красногорский кург.; 2 — Горбатый мост. Кург. 4. Погр. 1; 3 — Бердянка V. Кург. 4. Погр. 4; 4 — Прохоровка. Южная группа. Кург. 1. Погр. 1; 5 — Покровка 2. Кург. 17. Погр. 2; 6 — Белокаменка-II. Кург. 7. Погр. 3; 7 — Короли. Кург. 4. Погр. 1; 8 — Барановка-I. Кург. 10. Погр. 9; 9 — с. Саламатино. Погребение 1902 г.; 10 — Писаревка-II. Кург. 6. Погр. 2; 11 — Верхнее Погромное. Кург. 7. Погр. 6; 12 — Ханата. Кург. 8. Погр. 2; 13 — Жутово. Кург. 27. Погр. 4; 14 — Октябрьский-V. Кург. 1. Погр. 1; 15 — Раздольная. Кург. 7. Погр. 13; 16 — Буерова могила; 17 — Тифлисская. Кург. 18; 18 — ОПХ «Рассвет». Кург. 1. Погр. 19; 19 — Ипатово-3. Кург. 2. Погр. 14; 20 — пос. Тоннельный. Впускная катакомба в курган эпохи бронзы; ? — Уральская область. Два погребения с церемониальными кинжалами; Б — Байкара. Сарматское погр.; У — плато Устюрт. Ритуальные комплексы с каменными изваяниями в урочищах Улыгыз и Байте

Рис. 4. Уральская область. Два церемониальных кинжала и золотая пуговица от портупей из погребений в дюнах

год приносит известия о нахождении новых погребений с такими клинками от Устюрта до восточных границ Боспорского царства.

К сожалению, история открытия новых комплексов с церемониальным сарматским оружием прохоровского типа освещена в литературе и информационном научном пространстве крайне неравномерно. Так, к примеру, на территории Казахстана в последнее десятилетие было сделано провинциальными археологами несколько находок таких клинков в комплексах. Известно, что два захоронения, вероятнее всего, совершённых в песчаных дюнах, были открыты в пределах Уральской области Республики Казахстан. Однако, авторы раскопок удерживают в секрете всю информацию о раскопанных погребениях, решая вопрос о том, где и с кем из известных археологов страны наиболее перспективно опубликовать результаты своих работ. Из этих погребений известны только фотографии двух кинжалов и золотой портупейной пуговицы-украшения, воспроизводимой здесь (рис. 4). Будем надеяться, что для науки эти комплексы не пропадут.

Сложная ситуация в информационном плане вот уже 18 лет сохраняется вокруг материалов из погребения, раскопанного на Ставрополье у г. Ипатово. В курганном могильнике Ипатово-3, в кургане 2 было в 1998 г. экспедицией под руководством А. Б. Белинского исследовано впускное погребение № 14 (Александров, 2003). Материалы этого комплекса ждут публикации по сей день¹. Общую информацию о погребении можно найти на сайте Ипатовской школы № 6, составленной по газетным публикациям и материалам статьи С. Н. Корневского из книги 2007 г. Приведу выдержку из этого источника с сокращениями, относящимися к популяризационным отступлениям. Авторы раскопок считали в то время это погребение захоронением скифской принцессы.

«Ипатовский курган высотой 8 метров. Захоронение датируется IV–III в. до н. э.² Специалисты выдвинули версию, поясняющую секретность захоронения принцессы: это был не пышный, специально созданный для неё курган, а курган ранний, где погребали со времён бронзового века. Это обстоятельство и сохранило могилу скифской принцессы нетронутой. В газете так писали об уникальном открытии: «Золотой могильник древней принцессы обнаружен в Ипатовском кургане Ставрополья. Мавзолей «спящей красавицы» увидел свет спустя 2300 лет после погребения. В ногах у скифской женщины лежал меч с хорошо сохранившейся золотой обкладкой истлевшей деревянной рукояти, а также боспорская амфора (рис. 2, 3). В ней, скорее всего, когда-то было

¹ Показательно, что о кургане 2 из могильника Ипатово-3, созданном ещё в эпоху бронзы, уже вышло в свет капитальное исследование и публикация разновременных материалов. Но из кургана в этом издании пропущено и не упоминается (Корневский, Белинский, Калмыков, 2007).

² На самом деле: серединой–концом II в. до н. э. — Примеч. В. З.

вино. Комплект снаряжения в «вечную» жизнь дополняется чёрной керамической плошкой, позеленевшим от времени бронзовым зеркалом, кожаными сумочками, расшитыми бисером и украшенными костяными пластинами, частично сохранившимся чернолаковым греческим сосудом необычайно тонкой и изящной работы (рис. 5, 4). На зеркале — следы удара. Похороненная — «принцесса крови». Именно на это указывают многочисленные золотые украшения. Женщина была похоронена в пышном наряде, что говорит о её высоком социальном положении. На шее покойной была массивная гривна, которая представляла собой плотно уложенные золотые обручи, окаймлённые инкрустированными фигурками хищников из семейства кошачьих. Это кольцо имело специальный замок, который, закрывался золотой иглой на тончайшей цепочке. Запястья рук скифской женщины охватывали золотые спиралевидные браслеты, заканчивающиеся также фигурками зверей. На левой руке у неё был золотой перстень из монеты с греческой надписью на обороте и фигурой сидящей на троне. На лицевой стороне перстня — женский профиль. Это редкая, уникальная вещь. Левая ладонь сжимала чашу из дерева. Сосуд был оббит листовым золотом. По золотому полю этого листа галопом несётся олень, закинув на спину ветвистые рога, а за ним шествует сказочный зверь — грифон (хищник с крыльями). Золото было прибито к деревянной основе столь маленькими золотыми гвоздиками, что даже взять их в руки невозможно (рис. 5, 2). В ногах покойной был положен короткий меч-акинак в ножнах, оббитый золотом (рис. 5, 2). Ещё были найдены типичные женские украшения: две маленькие подвески-колючки из золотой проволоки; бляшки, бусины, накладки — поясные украшения. В кожаных сумочках находилось женские принадлежности. В одной был амулет из расколотого пополам белемита, в другой — целый косметический набор: коробочка с румянами из красной краски — охра, белила из мела, куски зелёных и жёлтых минералов. И, конечно, нитка бус. В могиле был найден даже тлен ткани фиолетового цвета, расшитый золотыми нитями. А покой женщины сплошь закапаны сосновой смолой, аромат которой сохранился через тысячелетия. На сегодня уже можно сказать, что умерла девушка, не дожив до двадцати лет. Рост её был примерно 150–160 сантиметров. Облик с течением времени будет восстановлен. А слава Ипатовского кургана зазвучит на весь белый свет» (Золото скифов... 1998)¹.

К этому описанию можно добавить, что погребённая в могиле принадлежала к монголоидной расе (рис. 5, 1). Интересны античная керамика и золотой перстень, сделанный, вероятнее всего из боспорского статера. При том, что церемониальный кинжал и бронзовое зер-

¹ Об «Ипатовской принцессе» см. также с иллюстрациями газетную статью (Кржижановский, 2015).

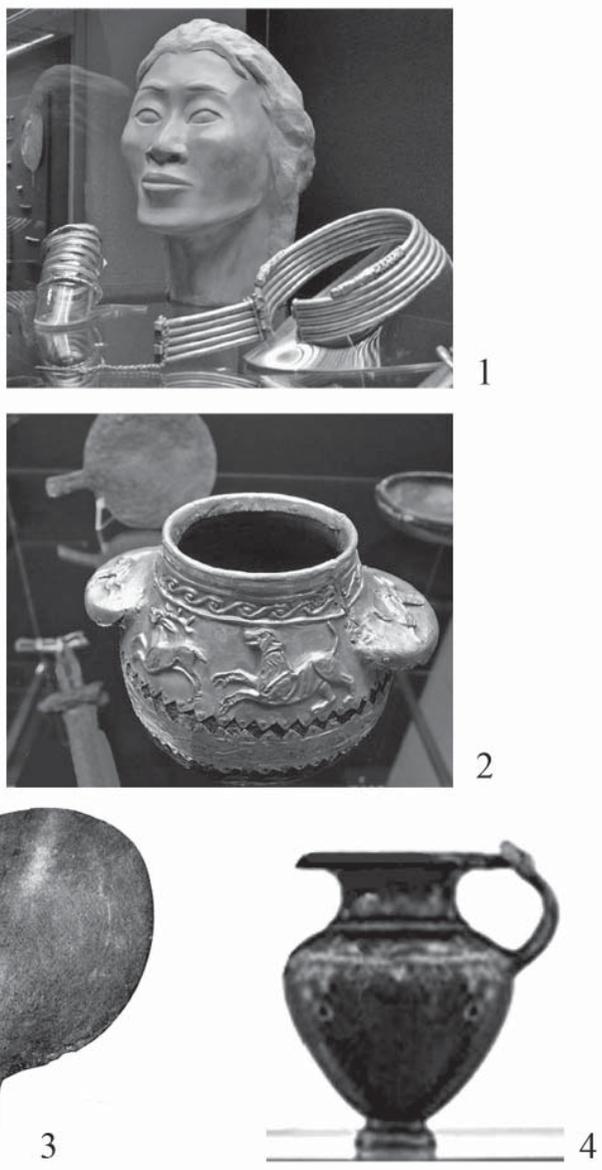

Рис. 5. Ипатово-3. Курган 2. Погр. 14. 1 — Пластическая реконструкция лица погребённой, золотая шарнирная гривна и золотой браслет; 2 — деревянный сосудик с золотой обкладкой, слева железный кинжал. На заднем плане бронзовое зеркало; 3 — бронзовое зеркало; 4 — кувшинчик, рукоять которого в верхнем прилепе оформлена в виде гераклового узла

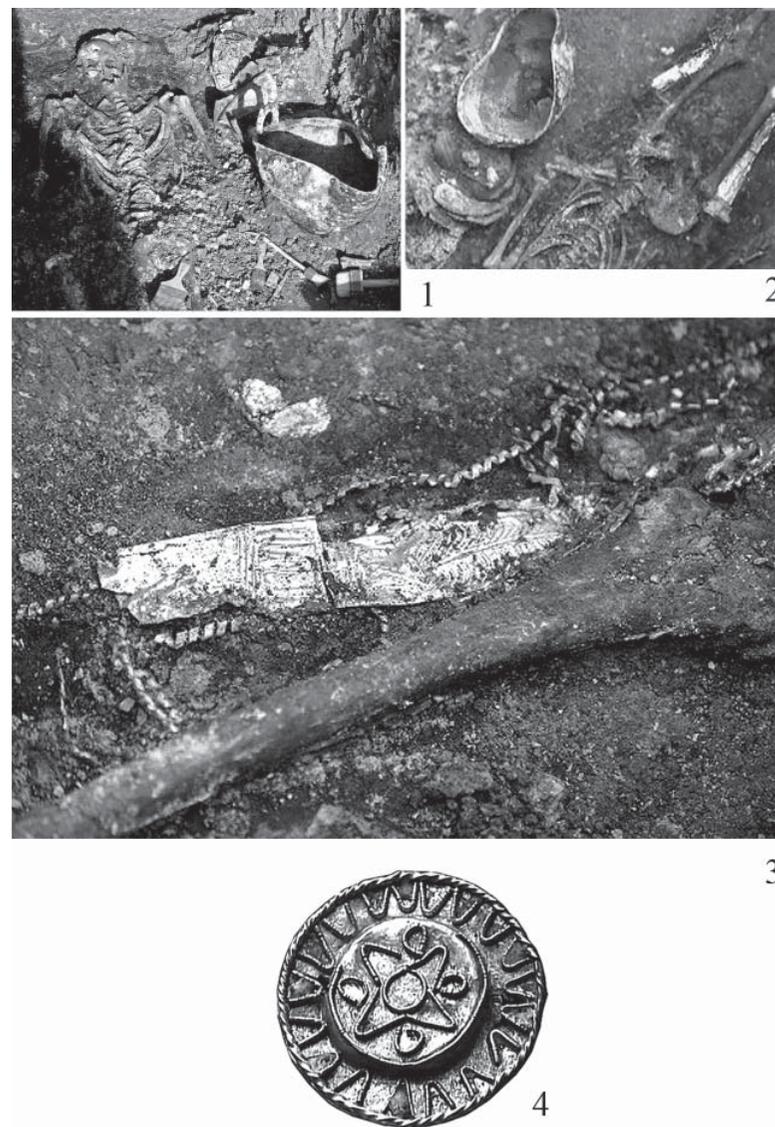

Рис. 6. пос. Тоннельный. Впускная катакомба в курган эпохи бронзы. 1 — Погребение в процессе расчистки. У западной стенки бронзовый котёл и пластины ламиллярного доспеха; 2 — церемониальный кинжал на правом бедре погребённого, у левого бока: остатки колчана и железный меч, ножны которого украшены золотой обкладкой; 3 — золотая орнаментированная пластина на ножнах меча; 4 — золотая портупейная пуговица, украшенная в технике перегородчатой эмали

кало (рис. 5, 3) имеют точные аналогии в погребениях южной группы курганного могильника Прохоровка 1¹. Шарнирная гривна и браслеты (рис. 5, 1) хорошо известны по аналогиям II–I в. до н. э., что делает этот комплекс очень интересным, свидетельствующим о том, что эта «принцесса» напоминает своим образом знаменитую сарматскую царицу Амагу. Ведь молодая женщина была явно родом из глубин Азии, совершила за свою короткую жизнь рейд на Боспор, получила там местные греческие ювелирные украшения, возможно — драгоценные ткани и ценную посуду. Затем она откочевала в глубины степей современного Ставрополя и нашла там своё вечное упокоение.

В 2012 г. к юго-западу от Ставрополя в кургане у пос. Тоннельный Кочубеевского района Ставропольской области новостроечной экспедицией ГУП «Наследие» под руководством С. В. Ляхова было исследовано впускное погребение в катакомбе (рис. 2, 4). Погребённый мужчина лежал вытянуто, головой на юг. Слева у плеча находился, ламеллярный доспех (по определению А. В. Дедюлькина) и бронзовый котёл на ножке с вертикально прикреплёнными ручками (рис. 6, 1). На правом бедре погребённого был прикреплён к ноге кинжал, ножны которого были украшены золотой обкладкой из фольги (рис. 2, 4; рис. 6, 2), а у левой ноги находился меч длиной около одного метра, ножны которого тоже были украшены орнаментированной золотой пластиной, а также здесь лежал колчан с луком и стрелами с железными наконечниками (рис. 6, 3). На груди находилась круглая золотая бляха (рис. 6, 4) с инкрустационным орнаментом (Уникальные... 2012).

Систематизация этих материалов, и рассмотрение их в контексте одновременных комплексов прохоровской археологической культуры, введение неопубликованных памятников в научный оборот и открытие новых комплексов сарматской элиты первой волны расселения по степям Евразии второй половины II–I в. до н. э. поможет формированию более конкретных представлений об истории ранних сарматов на основе изучения археологических данных из их элитарных погребений.

Литература

- А. Александров. Ипатовская принцесса и варвары XXI века (интервью с А. Б. Белинским) // Ставропольская правда. 2003. 11 декабря.
 А. С. Балаханцев. Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н. э.: происхождение, хронология и локализация // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы МНК, по-

¹ Эта находка дезавуирует утверждения А. В. Симоненко о том, что зеркало из погребения в кургане 2 южной группы могильника Прохоровка 1 не может датироваться по своей форме II–I в. до н. э. (Симоненко. 2010. С. 16). Знай А. В. Симоненко материалы из ипатовского погребения, он бы был осторожнее в своём категоричном суждении.

- свящённой 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого. СПб., ИИМК РАН, 2005.
 А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова, М. О. Жуковский, В. Д. Кузнецов. Курган Бююр-Гора (Буерова могила) — усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб., ПАЛАЦЦО, 2016.
 В. П. Глебов. К вопросу о генезисе раннесарматской культуры // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998.
 В. П. Глебов, И. А. Гордин. Богатое сарматское погребение из могильника Дядьковский 45 в Краснодарском крае // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб., ПАЛАЦЦО, 2016.
 Б. Н. Граков. Гvвакратoυβειοι (пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3.
 ? Золото скифов для спящей красавицы // Российская газета. 1998. 14 августа.
 В. Ю. Зуев. Сарматский вотивный кинжал из первого кургана у дер. Прохоровка // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы международной конференции в Санкт-Петербурге 23–25 ноября 1999 г. СПб., Европейский дом, 1999.
 В. Ю. Зуев. Сарматская концепция М. И. Ростовцева и Прохоровские курганы // Парфянский выстрел. М., РОССПЭН, 2003.
 В. Ю. Зуев. О появлении сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013 а.
 В. Ю. Зуев. О времени активного выступления сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: історія, політологія. Маріуполь, 2013 б. Вип. 7–8.
 Р. Б. Исмаилов. Саи, скифы и Боспор (научный этюд на тему «классической» Скифии) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Сборник археологических статей в честь 56-летия Д. А. Мачинского. СПб., 1993. — (ПАВ № 6).
 В. М. Клепиков. Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе) // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург, 2016.
 С. Н. Корневский, А. Б. Белинский, А. А. Калмыков. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М., 2007.
 Аф. Кржижановский. Принцесса из Ипатово ждать не будет // Открытая для всех и каждого. Ставрополь. 2015. 2–9 декабря. № 47(690).
 Д. В. Мецераков. К вопросу об этнокультурной ситуации в Южном Приуралье в IV–III вв. до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 1.
 В. И. Мордвинцева. Погребальные комплексы элиты как источник по выявлению политической идентичности на археологическом материале // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб., ПАЛАЦЦО, 2016.
 М. Г. Мошкова. О новейших проблемах сарматской археологии // На акад. Дмитрия Сергеевича Раевского. Αποθέσις. София, 2001. — (МИФ. Вып. 7).
 А. Х. Пишеничнюк. Фиаипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа, 2012.

- А. В. Симоненко. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- А. С. Скрипкин. Значение научного наследия Б. Н. Гракова в разработке проблем сарматской археологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеодемография, антропология и археология. М., 2000.
- А. С. Скрипкин. К шестидесятилетию выхода в свет статьи Б. Н. Гракова «ГΥ-ΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата и сарматов)» // НАВ. 2008. Вып. 9.
- А. С. Скрипкин. Гибель Скифии. Сарматский фактор // Третий до... Потерянное столетие. СПб., Кишинёв, Одесса, 2016. — (Stratum plus. 2016. № 3).
- К. Ф. Смирнов. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., Наука, 1977.
- ? Уникальные археологические находки в Кочубеевском районе // Информационный сайт Министерства культуры Ставропольского края. 2012. 7 октября. (<http://www.mincultsk.ru/2010-03-05-05-07-55/658--5->).
- Л. Т. Яблонский. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М., ТАУС, 2010.
- Л. Т. Яблонский. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. М., 2013. Книга 1.

С. А. Яценко

Сарматская элита у границ Боспора I–III вв. н. э.

Речь пойдёт о некрополях сарматской знати у устья Дона, размещённых в близком соседстве с г. Танаисом и левобережными меотскими городищами.

В непосредственной близости от города (в 3–7 км на том же правом берегу) мы наблюдаем очень интересное, уникальное для сарматов явление: наличие *небольших, чисто элитных некрополей* аристократии, без включения курганов бедных (хотя, возможно, и знатного происхождения) родственников. Рассмотрим два очень небольших и при том — полностью изученных некрополя такого рода (речь пойдёт только о курганах, относящихся к одной из сарматских культур), расположенных к северу — северо-востоку от Танаиса, по разные стороны крупной Каменной Балки. Видимо, такие курганные кладбища принадлежали людям определённого клана и функционировали короткое время. В подобных некрополях, несомненно, хоронили лишь часть членов родового коллектива. Количество погребальных курганов на каждом из кладбищ, видимо, подбиралось в соответствии со священными числами (12 и 5). В обоих случаях мы, к счастью, знаем и эмблемы-тамги этих двух кланов, изображённые на деталях парадной мужской конской упряжи. Материал этих некрополей в разной мере изучался антропологом Е. Ф. Батиевой, но высокая доля разрушения могил в ряде случаев затрудняла определение пола и возраста; в таких ситуациях важен состав

сохранившегося инвентаря. Оба могильника полностью оказались в зоне интенсивной распашки, но относительная высота курганов также может иметь значение.

Прежде всего, это могильник Царский среднесарматского времени (Ильюков. 2004; Власкин. 1990), расположенный близко к городу и состоявший из 13 насыпей этой культуры, образующих северную и южную цепочки — семейные группы (рис. 1, 2). О характере инвентаря умерших (из трёх типов из могильных ям) здесь говорят как его остатки, так и тот факт, что все курганы взрослых были разграблены в древности. Клан, оставивший некрополь, имел тамгу, наиболее близкую знаку «великого царя» Инисмея из более западной Аорсии. Грабители не тронули только два сооружения, которые их заведомо не интересовали: святилище в «кургане» (ниже — «к.») 62 и специальный к. 33 с линией из трёх могил особо значимых детей (центральному положен меч). Композиция могильника с ЮЗ на СВ выглядела так: в южной цепочке крайний к реке и городу — детский курган, далее — 7 курганов взрослых (священное число): два уникальных по форме (овальный на основе досыпанного скифского и квадратная конструкция из камня 10 × 10 м) и самых высоких к. 41 и 38 мужчины и женщины 30–40 лет (супругов?), помещённых в особых деревянных ящиках и окруженных с двух сторон женскими к. 34 и 46; севернее — линия из трёх курганов мужчин 25–35 лет (в них суеверные грабители оставили из оружия по одному наконечнику стрелы). Северная цепочка (по два женских и мужских кургана) включала и подкурганное святилище — площадку с фрагментами тризн (керамика 7 типов), окружённую двумя к. 61 и 64 молодых мужчин чуть старше 20 лет (последний здесь самый высокий). Замыкали некрополь на СВ два женских к. 66, 67.

К сожалению, грабители оставили очень мало золота (нашивные бляшки у женщин в к. 66 и 38; в последнем случае бляшки, в т. ч. с эмалью, украшали лежавшую вне гроба одежду: ср. Ильюков. 1987. С. 35. Рис. 174), часть серебряной и бронзовой римской посуды (к. 34, 38, 48, 64), комплект упряжи с золотой плакетировкой и тамгами (к. 64), остатки парадных ларцов у лиц обоих полов (к. 41, 46), нишу в стенке с импортной посудой (к. 34). Умершему обязательно помещалось по светлоглиняной амфоре (у женщин из к. 34 и 46 — по две) и несколько типов другой гончарной посуды (серолощёная, красноглиняная и др.), левая нога овцы и др. Особое место занимал, видимо, мужчина около 40 лет, похороненный в самом высоком к. 41, с тризной, включавшей 10 амфор и др. После грабителей в его могиле остались, среди прочего, фрагменты лука с костяными накладками и копья.

К ранней позднесарматской культуре относится цепочка из 5 курганов в Валовом I (Безуглов, Глебов, Парусимов. 2009) (рис. 1, 1). Планировка этого элитарного некрополя имеет выраженную гендерную

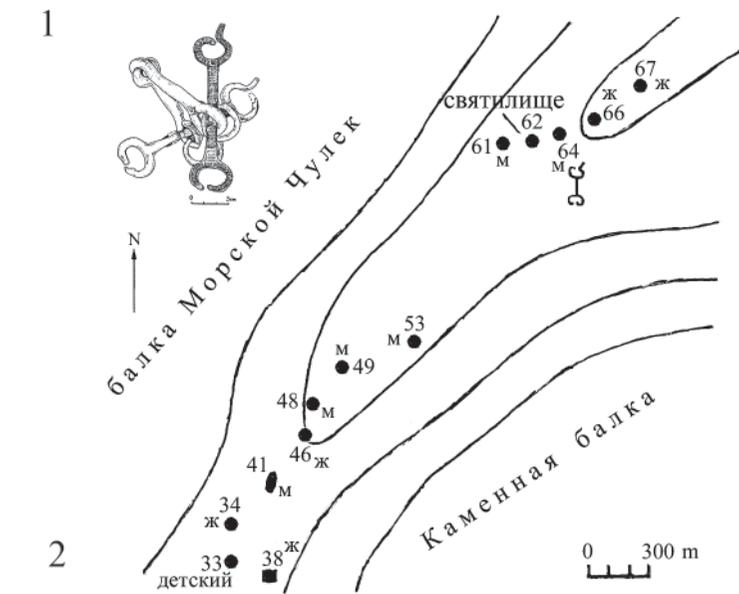
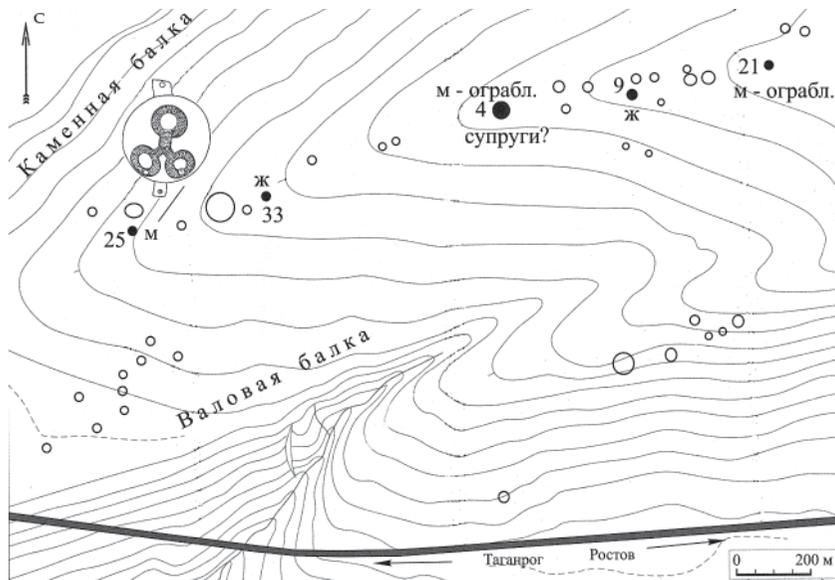

Рис. 1. Элитные некрополи на северных окраинах Танаиса: 1 — Валовый I (сер. II — сер. III вв. н. э.); 2 — Царский (сер. I — сер. II вв. н. э.).

симметрию. Пять из шести умерших (3 мужчин и 3 женщин) здесь были с деформированными черепами и похоронены в подбоях (отличия от остальных были у двух мужчин). Грабители действовали со знанием дела: все женские могилы (с золотыми вещами) остались целы; напротив, из трёх мужчин два были ограблены (воров более всего интересовали парадные оружие и узда). Три из четырёх не ограбленных курганов включали бронзовую римскую посуду, которую считают важнейшим показателем знатности в это время (Кривошеев. 2014. С. 105). Для всех женщин характерно обилие амулетов и редких (явно преимущественно культовых) атрибутов. В центре находился самый высокий к. 4, досыпанный на базе раннесарматского и окружённый ровиком диаметром 38 м с тризной. Вначале здесь в мог. 1 был похоронен самый значимый персонаж — мужчина, от которого сохранились остатки одежда, расшитых золотыми нитями и бляшками, золочёной упряжи, меча и пучка стрел и др. Затем на периферии кургана была похоронена женщина (супруга?) со связкой перевязанных лыком прутьев (для гаданий?), парой больших колокольцев, расшитым золотыми бляшками мешочком (?) у таза и т. п.

Курган основной пары окружали два кургана женщин возраста 25–35 лет с золотыми колье, украшенными гранатами, бронзовыми котлами с зооморфными ручками и крупными римскими бронзовыми предметами с изображением обнажённых мужских персонажей. В к. 9 статусными атрибутами дамы были также топор¹, 4 перстня из золота и серебра с геммами и золотой флакончик, комплект из четырех предметов римской бронзовой посуды, платье с обильным декором золотыми бляшками (в т. ч. с эмалью), шкатулка с наклеенными костяными фигурками копытных в «сарматском зверином стиле». В более скромном к. 33 женщина единственная носила серьги (серебро), сопровождалась амулетами, выломанными из римских и прибалтийских художественных бронз, чашей (?) из панциря черепахи, игральным набором из 26 овечьих астрагалов (ср. комплекты из 28 астрагалов в этот же период: Яценко 2016а. Прим. 8) и др. Края некрополя образовывали два мужских кургана. Уцелевший от грабителей пожилой мужчина в к. 25, кроме меча с золотым полихромным навершием, был вооружен и двумя кинжалами. Конская упряжь из серебра и бронзы с 8 скульптурками рыбок имела золотую плакетировку и родовую тамгу. Уникален ритуальный набор из трёх деревянных зооморфных кубков, к которым прилагалась деревянная же ложечка.

Размещение специальных элитных некрополей сарматов у самого Танаиса не зависело напрямую от проживания представителей сармат-

¹ Ср. более ранние Кобыково, к. 10; Усть-Лабинская, к. 43; Перегузное I, к. 38; Новый, к. 96; Усть-Каменка, к. 69 и синхронное: Чугнуно-Крепинка, к. 2. (Яценко. 2016в).

ских общин в городе. Мы наблюдаем это и в среднесарматское время, когда выходцы из номадов в Танаисе антропологически сколько-нибудь явно не прослеживаются (Батиева. 2007. С. 98–99). Ещё более важно, что вокруг города нет кочевых курганов царского ранга (единственное погребение такого уровня, I в. н. э., обнаружено восточнее Валового, между балками Мокрый и Сухой Чалтырь, но оно было, что необычно, впущено в высокий курган эпохи бронзы: Гордин. 1988. С. 23–24). «Царские» курганы I в. н. э. с одиночными захоронениями находятся гораздо дальше от Танаиса двумя скоплениями: на другом берегу Дона (к востоку от г. Азов) или выше по течению, у г. Новочеркасск. Получается, что, с одной стороны, царские роды хоронили на безопасном удалении от боспорского города, а с другой — менее знатные кланы уже в I в. н. э. присутствуют у стен Танаиса, привлечённые, вероятно, выгодами торговли и получившие гарантию безопасности благодаря ряду мирных соглашений и личным связям с городской верхушкой (последние отразились в самом большом среди северопонтийских городов количестве плит со скоплениями сарматских тамг, найденных, в основном, в районе главных ворот и бывших следами конкретных договоренностей. Большинство знаков на них датируется до сер. II в. н. э.) (Яценко. 2001. С. 61–62, 73–74).

Иная картина наблюдается на Левобережье донского устья (Яценко. 2016б. Рис. 3; ср.: Беспалый, Лукьяшко. 2008). Здесь между г. Азовом и с. Высочино в цепочке могильников на водоразделе Дона и Кагальника Е. И. Беспалым в 1982–1986 гг. исследованы четыре «среднесарматских» кургана царского ранга (их насыпи также интенсивно распахивались), которые были ограблены современниками, но не сразу, а спустя несколько лет после похорон грабительскими лазами трёх типов (Яценко. 2015. Табл. I. № 5–8) (рис. 2). Они расположены в цепочку примерно через равные промежутки в 2–3 км. В центре этой цепочки находятся к. 53 и Новоалександровка и к. 1 в Высочино V, где в обоих случаях, судя по сохранившемуся инвентарю, хоронили супружеские пары. Первый из них — самый высокий у сарматов данного микрорайона, но представляет собой впускную могилу в досыпанном скифском кургане (возможно — в начальный период сооружения «средними сарматами» курганов такого ранга). Второй уникален для сарматского мира тем, что к нему вплотную с запада компактно примыкали 4 синхронных поминальных «кургана-котлована» (Беспалый, Головкова, Ларенок. 1989) (вероятные своеобразные кенотафы уважаемых жертв некой военной акции) и круглое святилище диаметром 90 м. С ЮВ края эту «царскую» цепочку замыкает женский по инвентарю курган, с СЗ (в 2 км от меотского Крепостного городища, вероятного Паниардуса у Птолемея) — мужской.

Существует высокая вероятность того, что сарматская группировка, представленная обширным некрополем к востоку от Азова,

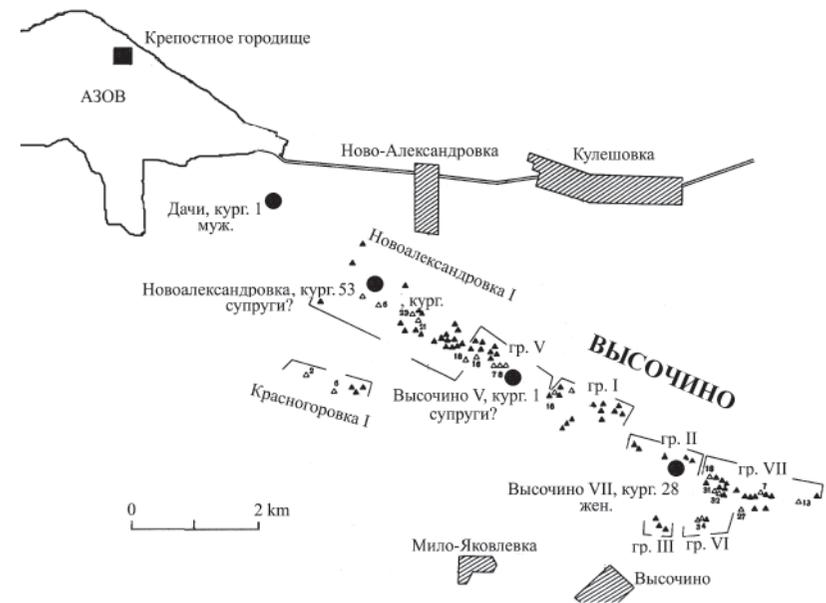

Рис. 2. Царские курганы среднесарматского времени вблизи Крепостного городища (г. Азов).

контролировала два изолированных меотских поселения Левобережья (Крепостное и Подазовское, особенно первое — ближайшее). Судя по большому и хорошо изученному могильнику Крепостного городища (относящемуся почти исключительно ко времени распространения среднесарматской культуры), жители его не отличались богатством по сравнению с городищами правого берега (ср. ограбления в Кобяково: Ларенок. 2013. С. 260–261), возможно — из-за особых даннических обязательств по отношению к соседним номадам. Местная элита крайне аскетична: по одному мужчине с длинным мечом или пластинчатым доспехом, единственная дама со скромными золотыми деталями ожерелья и т. п. (Горбенко, Косяненко. 2011. С. 474, 276, 421). Здесь эксплуатация была дистанционной (присутствие сарматов-воинов на поселении не фиксируется).

Литература

- Е. Ф. Батиева. Население Танаиса по антропологическим данным // Вестник Танаиса. 2007. Вып. 2. Недвиговка.
С. И. Безуглов, В. П. Глебов, И. Н. Парусимов. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону, 2009.

- Е. И. Беспалый, Н. Н. Головова, П. А. Ларенок. Поминальные памятники IV в. до н. э. — III в. н. э. Доно-Кагальницкого водораздела // СА. 1989. № 3.
- Е. И. Беспалый, С. И. Лукьяшко. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону, 2008. Т. 1.
- М. В. Власкин. Уздечный набор с тамгообразными псалями из могильника «Царского» // ИАИАИАНД в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9.
- А. А. Горбенко, В. М. Косяненко. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). Азов, 2011.
- И. А. Гордин. Отчёт об археологических раскопках курганов у с. Чалтырь Ростовской области в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 12939.
- А. С. Ильюков. Отчёт об исследовании курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11889.
- А. С. Ильюков. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский») // Вестник Танаиса. Ростов-на-Дону. 2004. Вып. 1.
- М. В. Кривошеев. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени // Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14.
- В. А. Ларенок. Меотские древности. Ростов-на-Дону, 2013. Ч. 1.
- С. А. Яценко. Приёмы ограбления современниками курганов кочевой знати различных категорий (на примере сарматов рубежа I–II вв. н. э.) // Казахское ханство в потоке истории. Алматы, 2015.
- С. А. Яценко. К изучению планиграфии курганных могильников позднесарматского времени // Stratum plus. 2016a. № 4 (В печати).
- С. А. Яценко. К изучению планиграфии крупных сарматских некрополей // Проблемы сарматской археологии и истории: Материалы IX международной конференции. Оренбург, 2016b (В печати).
- С. А. Яценко. Сарматский могильник 2-й половины I — начала II вв. н. э. у с. Усть-Каменка: особенности планиграфии // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запорож'є. 2016в. Т. XIX. (В печати).

В. П. Глебов, И. А. Гордин

Богатое сарматское погребение из могильника Дядьковский 45 в Краснодарском крае

В 2015 г. экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством И. А. Гордина были раскопаны три кургана могильника Дядьковский 45 в Кореновском районе Краснодарского края. В кургане 2 было исследовано богатое сарматское женское захоронение, являющееся предметом данной публикации. Помимо этого захоронения в курганах были открыты ещё несколько сарматских комплексов.

Погребение 11 (рис. 1, 1) было впущено в центральную часть кургана 2 эпохи бронзы (высота около 5 м, диаметр около 80–90 м). Погребальное сооружение было катакомбной конструкции. Входной колодец находился с юго-восточной стороны от камеры, был прослежен

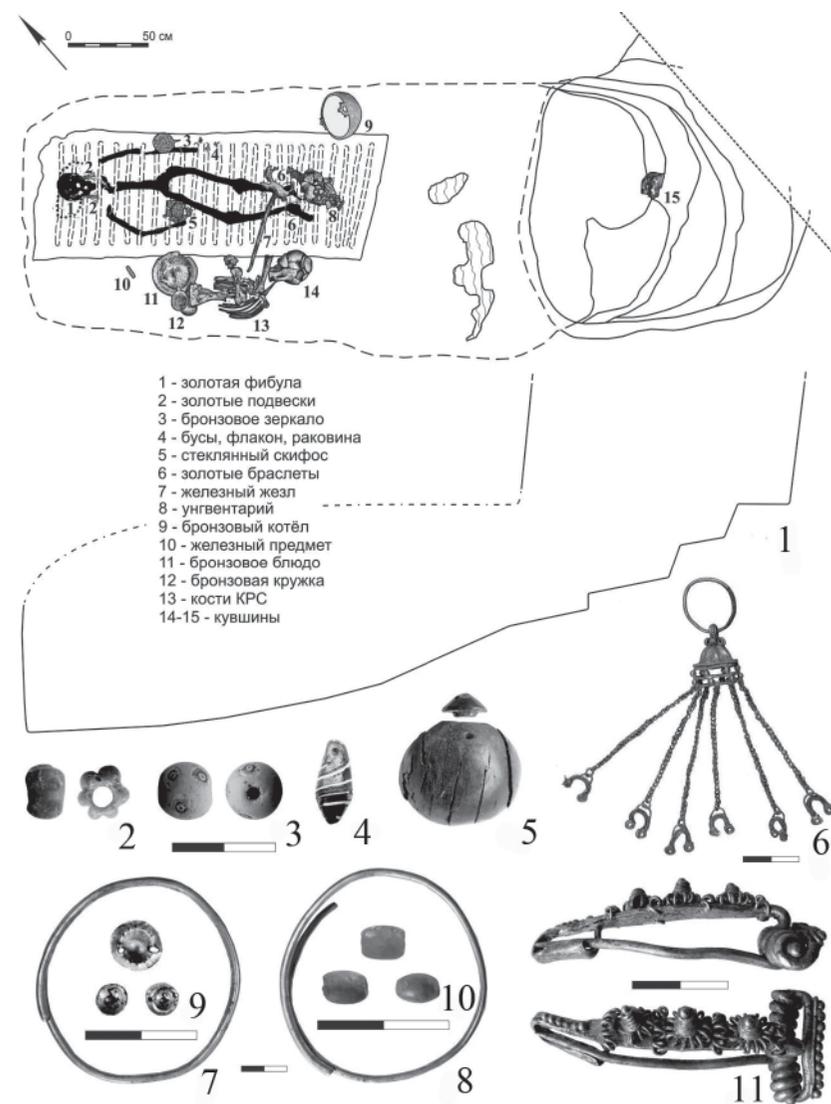

Рис. 1. Дядьковский 45 курган 2; погребение 11. 1 — план и разрез погребения; 2–4 — стеклянные бусы; 5 — гагатовый флакончик; 6 — золотая подвеска; 7–8 — золотые браслеты; 9 — золотые бляшки; 10 — сердоликовые бусы; 11 — золотая фибула

лишь частично, вероятно имел подпрямоугольную или поквадратную форму. Дно в прослеженной части колодца уступами понижалось к входу в камеру. В заполнении колодца у входа в камеру, приблизительно в 1,25 м от дна, был найден сероглиняный кружальный кувшинчик-кружка с петельчатой ручкой (рис. 2, 3), располагавшийся вверх дном. Погребальная камера подпрямоугольной в плане формы была ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ, размеры её составляли 3,15 × 1,40–1,70 м, глубина — 5,76 м от R₀. Дно камеры полого понижалось к задней стенке, перепад глубин составлял около 0,7 м. В районе входа в камеру были зафиксированы фрагменты массивных деревянных плах от заклада.

На дне камеры, ближе к северной стенке, был расчищен костяк взрослой женщины(?), располагавшийся на деревянном настиле (2,2 × 0,8 м) из длинных продольных и коротких поперечных плах. Погребённая лежала вытянута на спине с полуразворотом вправо, ногами к входу в камеру, черепом к СЗ. Ноги были слегка согнуты коленями вправо, правая рука несколько отведена от туловища. Под костяком был прослежен тлен. Под черепом был зафиксирован слой насыщенно-жёлто-коричневого органического тлена — остатки подушки(?).

Справа от костяка, между предплечьем и тазобедренным суставом находился стеклянный скифос (рис. 2, 1). В ногах погребённой лежал устьем к СЗ сероглиняный унгентарий (рис. 2, 4), под ним сохранился небольшой кусок грубой ткани. Поперёк голени был положен железный ритуальный жезл с навершием в виде протом оленей, верхней частью к СВ (рис. 3, 4). На костях левого предплечья, ближе к локтевому суставу располагалось бронзовое зеркало (рис. 3, 1), на голених ног — золотые браслеты с заходящими концами (рис. 1, 7–8), на левой бедренной кости — фрагментированное керамическое пряслице.

На черепе в области правой височной кости была найдена золотая фибула (рис. 1, 11). У височных костей располагались золотые подвески в виде колпачков с лунницами, подвешенными на цепочках (рис. 1, 6). В районе черепа, а также на голених и запястьях погребённой находились золотые нашивные бляшки нескольких типов (рис. 1, 9). У левой височной кости были зафиксированы золотые нити и полоски золотой фольги в форме «пружинок» (вероятно, остатки расшитого золотом головного убора). В районе шеи и запястий были найдены многочисленные сердоликовые бусы (рис. 1, 10).

У левого запястья погребённой располагались компактной группой (находились в мешочке?) три разнотипных стеклянных бусины (рис. 1, 2–4), гагатовый флакончик с крышкой (рис. 1, 5), раковина гарапа, кусочки ярко-розовой краски, фрагмент железного стержня (шило?).

Слева от погребённой на уровне стоп, между деревянным настилом и СВ стенкой погребальной камеры, стоял бронзовый котёл (рис. 2, 5).

Рис. 2. Дядьковский 45 курган 2; погребение 11. 1 — стеклянный скифос; 2 — оранжевоглиняный кувшин; 3 — сероглиняный кувшин; 4 — сероглиняный унгентарий; 5 — бронзовый котёл

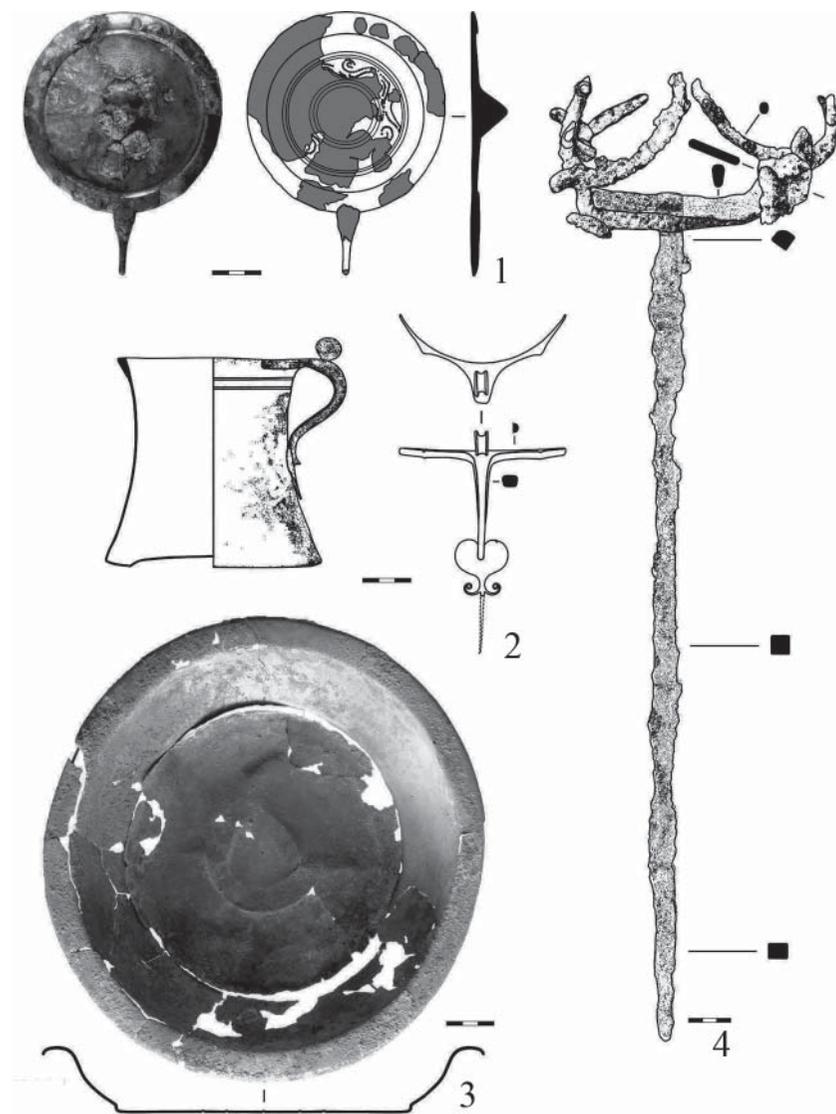

Рис. 3. Дядьковский 45 курган 2; погребение 11. 1 — бронзовое зеркало; 2 — бронзовая кружка; 3 — бронзовое блюдо; 4 — железный жезл

Справа от погребённой на уровне таза и ног между деревянным настилом и ЮЗ стенкой погребальной камеры находились напутственная пища — бок крупного рогатого скота с передней ногой и лопаткой, бронзовое блюдо (рис. 3, 3), бронзовая кружка (рис. 3, 2), кружальный оранжевоглиняный кувшин с высокой вертикальной ручкой (рис. 2, 2). С СЗ стороны от этого скопления посуды и костей животного был найден небольшой продолговатый железный предмет с бронзовой заклёпкой.

Многие вещи из данного захоронения могут быть продатированы достаточно узко.

Стеклянный скифос из матового полупрозрачного стекла (высота 7,7 см, диаметр устья 11,3 см) близок типу II а по классификации И. П. Засецкой и И. И. Марченко — с туловом полусферической формы и плавным переходом стенок в придонную часть. Дата скифосов этого типа устанавливается в рамках конца II–I вв. до н. э. (Засецкая, Марченко. 1995. С. 100; Лимберис, Марченко. 2003. С. 108).

Котёл с туловом усечённо-сферической формы, обломанным воронковидным(?) поддоном и арочными вертикальными ручками с тремя выступами-«кнопками» (общая высота котла с остатком поддона и ручками 23,5 см, диаметр тулова 21,5 × 27,5 см) может быть отнесён к типу VI варианту 2–Б по классификации С. В. Демиденко. От большинства котлов сарматской эпохи наш экземпляр отличается отсутствием рельефной «верёвочки» на тулове. Немногочисленные образцы данного подварианта тяготеют к времени около рубежа эр — первой половине I в. н. э.: котёл из впускного погребения кургана «Острый» у ст. Ярославской в Закубанье. котёл из п. 2 к. 8 Арбузовского могильника на Маныче (Демиденко. 2008. С. 18).

Бронзовая кружка с вогнутыми стенками и припаянной фигурной ручкой (концы верхнего атташа, охватывающие устье, оформлены в виде лебединых голов, нижний атташ сердцевидной формы) относится к известному типу «Идрия». Эта находка пополняет небольшую серию таких кружек из сарматских погребений на Нижнем Дону и в Прикубанье (Раев. 1993. С. 163; Марченко. 1996. С. 36). Кружка из Дядьковского довольно крупная: высота 14,3 см с учётом декоративного диска, припаянного сверху к ручке, диаметр устья 11,8 × 12 см — как правило, подобные сосуды имеют несколько меньшие размеры. Находки кружек типа «Идрия» концентрируются в северной и южной Италии, известны также в рейнских провинциях, производство их, по мнению большинства исследователей, относится к первой половине I в. до н. э.

Бронзовое блюдо со скруглёнными стенками и горизонтально отогнутым широким краем (размеры 27,2 × 28,3, высота 4,2 см) похоже на блюдо (таз?) близкой формы, но больших размеров, происходящее из погребения II–I вв. до н. э. кургана 55 могильника Псенафа в г. Майкопе (Древности. 2014. С. 115–116). Близка по форме блюду из Дядьковского

небольшая патера с приклёпанной ручкой из погребения II в. до н. э. Тенгинского могильника в Закубанье (Беглова. 2010. С. 153. Рис. 4, 6).

Орнаментированное бронзовое зеркало (диаметр 12,3 см) с валиком по краю диска, клиновидной ручкой и конической выпуклостью на тыльной стороне относится к так называемому «бактрийскому» типу. По мнению исследователей, мода на такие зеркала приходит с востока, скорее всего, из Центральной или Средней Азии, где они получают распространение уже в последних веках до н. э. (Литвинский. 1971. С. 43–47; Заднепровский. 1993. С. 88–92; Горбунова. 1998. С. 283–290). А. М. Хазанов определял время бытования у сарматов таких зеркал как I–II вв. н. э. (Хазанов. 1963. С. 64). А. С. Скрипкин первоначально также считал, что зеркала «бактрийского» типа появляются у сарматов в основном не ранее рубежа н. э. и имеют наибольшее распространение в I в. н. э. (Скрипкин. 1990. С. 152), но позднее, в совместной с О. И. Минеевой работе, он откорректировал свою точку зрения в сторону более раннего их появления — по крайней мере, в I в. до н. э. (Минеева, Скрипкин. 2005. С. 52–53). Согласно исследованиям И. И. Марченко самые ранние экземпляры таких зеркал встречены в контексте II в. до н. э., но наибольшее распространение зеркала «бактрийского» типа получают с рубежа II–I вв. до н. э. по середину I в. н. э. (Марченко. 1996. С. 23). Железный «жезл»-вток с навершиями в виде протом оленей (высота 67,5 см) может быть датирован I в. до н. э. Н. Ф. Шевченко выделяет два типа подобных культовых предметов с навершиями в виде мирового древа или протом животных, различающихся оформлением нижней части — жезлы-втоки (тип 1, дата I в. до н. э.) и треножники (тип 2, дата I в. до н. э. — III в. н. э.) (Шевченко. 2006. С. 141–146). Наблюдается тяготение и жезлов, и треножников преимущественно к кубанскому региону (Шевченко. 2006. С. 141; Зайцев. 2009. С. 542).

Золотая фибула (длина 6,2 см) относится к редкой разновидности — проволоочная, лучковая, с длиной 9-витковой пружинной, ножка подогнута и припаяна к спинке снизу, спинка раскована в пластину вытянуто-овальной формы и декорирована коническими выступами и валиками из проволоочных спиралей. Ножка, тетива и конические выступы на спинке украшены шариками зерни. Подобные декоративные элементы иногда встречаются на фибулах различных типов II–I в. до н. э., однако близкая аналогия застёжке из Дядьковского известна только одна — это фибула из «ритуального клада» в кургане у г. Дебальцево. Застёжка из Дебальцево несколько крупнее и имеет 12-витковую пружину, в целом же конструкция обеих фибул идентична, декор отличается мелкими деталями — на дебальцевской фибуле, помимо украшений из проволоочных спиралей и зерни, присутствует ещё ободок из рубчатой проволоки, окаймляющий раскованную часть спинки, а также напаянные

на ножку и спинку «восьмёрки» из тонкой проволоки. К. М. Скалон, посвятившая фибуле из Дебальцево специальную публикацию, сопоставляла её с декорированными сходным образом ювелирными изделиями, происходящими из карпо-дакийских памятников в Подунавье (Скалон. 1971. С. 56–60).

А. К. Амброз отнёс фибулу из Дебальцево к ранним образцам выделенной им «лебяженской» серии — группы лучковых фибул с овально расширенной спинкой и узкой ножкой, которые он считал переходными от надвязных среднелатенских фибул к подвязным лучковым и датировал преимущественно I в. до н. э. (Амброз. 1966. С. 55–56). Е. Г. Карнаух, В. С. Синика и М. И. Сердюк, опубликовавшие комплекс из Дебальцево полностью, датировали фибулу серединой III в. до н. э. (Карнаух и др. 2016. С. 230–232). Такая датировка для застёжки лучковой схемы вряд ли может быть принята. Находка аналога дебальцевской фибулы в комплексе из Дядьковского с надёжными хроноиндикаторами I в. до н. э. (кружка «Идрия», стеклянный скифос типа IIa) подтверждает справедливость датировки А. К. Амброза.

Золотые височные подвески в виде колпачков с ажурной нижней частью и крепящимися снизу на цепочках миниатюрными лунницами относятся к большой группе подобных украшений II–I вв. до н. э., большая часть их найдена в сарматских погребениях, главным образом, в Прикубанье (Мордвинцева, Трейстер. 2007. С. 108–109).

Сероглиняный кружальный унгентарий отличается очень крупными размерами — высота 41,3 см, диаметр тулова 15,5 см, тогда как высота большинства унгентариев, происходящих из античных центров Северного Причерноморья, обычно не превышает 20 см. Тем не менее, унгентарий из Дядьковского не уникален — И. И. Марченко приводит несколько случаев находок в меотских и сарматских погребениях Прикубанья унгентариев крупных размеров, по форме близких нашему. И. И. Марченко предполагает изменение основной функции этих сосудов — он считает, что крупные унгентарии использовались как тара для транспортировки благовоний в варварские районы (Марченко. 1996. С. 44). Исходя из формы и пропорций, унгентарий из Дядьковского должен быть датирован второй половиной III — началом или первой половиной II вв. до н. э. (тип V по М. Парович-Пешикан (1974. С. 110. Рис. 95, 1–4), тип 3 по И. И. Марченко (1996. С. 42. Рис. 6). Однако случаи запаздывания керамической посуды, в том числе унгентариев, не являются такой уж редкостью (Скрипкин. 1984. С. 223. Рис. 3, IX; Ильюков, Власкин. 1992. С. 197. Рис. 12, 25; и др.).

Таким образом, дата погребения 11 могильника Дядьковский 45 может быть определена в рамках I в. до н. э. на основании бронзовой кружки типа «Идрия», стеклянного скифоса типа IIa, лучковой фибулы «лебяженской» серии, ритуального жезла-втока типа 1.

Рассмотренный комплекс, несомненно, должен быть поставлен в ряд с такими известными элитными погребениями раннесарматской культуры II–I вв. до н. э., как Песчаный к. 1 п. 10, Комарово к. 1 п. 24, «Ипатовская царица», Алитуб к. 3 п. 20, Косика пп. 2, 45, Жutowo к. 27 п. 4, Майеровский к. 4 п. 3-АБ, Питерка к. 1, п. 9 и др.

Мужские захоронения, считающиеся погребениями воинской знати, обычно имеют подчеркнуто военизированный характер: они, как правило, содержат «расширенный» набор вооружения — комплект из длинного меча и кинжала (зачастую с золотыми обкладками ножен или рукоятей), колчаный набор, часто наконечники копий, иногда панцири, почти всегда сопровождаются котлами, но предметы роскоши в них встречаются очень редко (Клепиков. 2016. С. 104–108). Женские погребения гораздо богаче: они почти всегда содержат импортную (металлическую, стеклянную, керамическую) посуду, золотые ювелирные украшения (гривны, браслеты, ожерелья, серьги, височные подвески и др.), иногда котлы, изредка предметы вооружения. Культурные атрибуты встречаются как в женских, так и в мужских погребениях (Шевченко. 2006. С. 152). В Косике оба элитных погребения — и мужское (п. 45), и женское (п. 2) — сопровождалось разобранными повозками.

Показательно, что погребения знати во многих случаях включены в семейно-родовые могильники — компактные скопления могил, иногда с кольцевым или рядным расположением захоронений. Следует предположить, что это родовая знать: военные вожди («скептухи») (Клепиков. 2016. С. 107–108), родовые жрецы и жрицы (Шевченко. 2006. С. 150–152). Отличия их от погребений «среднего уровня» по трудозатратам, обряду, составу и богатству инвентаря не столь велики. Вместе с тем, в письменных источниках упоминаются сарматские цари и царицы рассматриваемой эпохи — Гатал, Тасий, Амага и др. Вероятно, знать более высокого ранга у сарматов всё же была, хотя ни одно раннесарматское погребение II–I вв. до н. э. из исследованных на сегодняшний день, на наш взгляд, не может претендовать на статус «царского».

Между тем, на раннем этапе раннесарматской культуры погребения «царского» ранга известны — это комплексы из Филипповских курганов в Зауралье (Пшеничнюк. 2012; Яблонский. 2013). По грандиозности и богатству филипповский некрополь вполне может соперничать со скифскими «царскими» курганами, дата его устанавливается в рамках рубежа V — третьей четверти IV в. до н. э. (Яблонский. 2013. С. 53–54). Однако позже традиция сооружения «царских» курганов у сарматов пресекается, вероятно, в результате каких-то военно-политических событий или изменений в социальной структуре общества (Глебов. 1998. С. 93–95; Мещеряков. 2000. С. 53–58). После IV в. до н. э. захоронения «царского» ранга исчезают в Зауралье и не известны в других регионах, куда раннесарматская культура распространилась в результате миграционных импульсов IV–II вв. до н. э.

Литература

- А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. САИ. Вып. Д1-30. 1966.
- Е. А. Беглова. Воинские погребения Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. М., 2010. Вып. 5.
- В. П. Глебов. К вопросу о генезисе раннесарматской культуры // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998.
- Н. Г. Горбунова. Об одном типе бронзовых зеркал («бактрийские»? «сарматские»?) // Археологические вести. СПб., 1998. № 5.
- С. В. Демиденко. Бронзовые котлы древних племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. — III в. н. э.). М., 2008.
- Древности «Долины яблок». Каталог выставки. М., 2014.
- Ю. А. Заднепровский. Находки кочевнических зеркал на территории Индостана и в Южном Вьетнаме // ПАВ. 1993. Вып. 7.
- Ю. П. Зайцев. Художественные изделия из железа III–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира: Материалы международной научной конференции. СПб., 2009.
- И. П. Засецкая, И. И. Марченко. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. 1995. Вып. 32.
- А. С. Ильюков, М. В. Власкин. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992.
- Е. Г. Карнаух, В. С. Сеника, М. И. Сердюк. Скифский клад из Дебальцево // Stratum plus. 2016. № 3.
- В. М. Клепиков. Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе) // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург, 2016.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко. Стеклянные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // МИАК. 2003. Вып. 3.
- Б. А. Литвинский. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1971.
- И. И. Марченко. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Д. В. Мещеряков. К вопросу об этнокультурной ситуации в Южном Приуралье в IV–III вв. до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 1.
- О. И. Минеева, А. С. Скрипкин. О происхождении и времени появления одного из типов бронзовых зеркал у сарматов // НАВ. 2005. Вып. 7.
- В. Мордвинцева, М. Трейстер. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н. э. — 2 в. н. э. Т. 1. Симферополь — Бонн, 2007.
- М. Парович-Пешикан. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.
- А. Х. Пшеничнюк. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа, 2012.
- Б. А. Раев. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии // Античный мир и археология. Саратов, 1993. Вып. 9.
- К. М. Скалон. Золотая фибула из Дебальцево. АСГЭ. 1971. Вып. 13.
- А. С. Скрипкин. Два погребения раннего железного века из Прикубанья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

- А. С. Скрипкин. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990.
- А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4.
- Н. Ф. Шевченко. «Сарматские жрицы», или ещё раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. 2006. № 1.
- Л. Т. Яблонский. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. М., 2013. Книга 1.

Ю. П. Зайцев

Элита Крымской Скифии и Боспора в эпоху эллинизма: контакты и конфликты¹

Несмотря на богатую и разнообразную историографию, взаимоотношения Боспора и крымских варваров (скифов) в эллинистический период продолжают оставаться противоречивой и малоизвестной темой (Масленников. 2013. С. 5–6). Особенность данной проблематики — параллельное существование разнопланового анализа письменной традиции (Диодор Сицилийский, Страбон, лапидарные памятники) и весьма скудных археологических источников, в большинстве своем не поддающихся однозначной интерпретации. Между тем определенный прогресс в этом направлении всё же очевиден, во многом благодаря новым раскопкам и повторному анализу уже известных материалов.

При этом в силу своей специфики, основными источниками информации оказываются комплексы (архитектурные объекты, погребения), так или иначе связанные с военной и политической элитой Крымской Скифии.

Для периода правления Перисада I и его сыновей (около 349–304 гг. до н. э.) практически вся информация по обозначенной теме формируется вокруг пересказа и интерпретации соответствующих отрывков из сочинения Диодора Сицилийского о междоусобной войне за престол (*Diod. XX, 22–23*).

Хронологически этому событию соответствует пока только один археологический пункт в Крымской Скифии — крепость Ак-Кая к северу от современного города Белогорска. Прямых данных об аристократической верхушке крепости Ак-Кая пока нет, однако исследования этого памятника со всей определенностью позволили заключить, что это был неор-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-10125 «Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований».

динарный населённый пункт, вероятно обладавший столичным статусом. Более того, эта крепость, построенная по хорошо продуманному плану и по эллинским стандартам фортификации (Зайцев. 2013. С. 501; 2015. С. 171–172), является единственной поселенческой структурой на обширной варварской территории Крыма на протяжении всего III в. до н. э. При этом жилые комплексы крепости — глиняно-камышовые постройки — инородны для крымской строительной традиции. Все эти данные, после некоторых колебаний, позволяют отдать предпочтение «первому сценарию» А. А. Масленникова, согласно которому это был «варварский» форпост Боспора у западных его границ, а его строительство стало целенаправленной акцией боспорской политики (Масленников. 2013. С. 8–9).

В числе других версий — центр «варварской силы» у западных границ Боспора («второй сценарий» А. А. Масленникова), который поддерживал Херсонес (Зайцев. 2013. С. 502), вероятная ставка царя Агара, упоминание которого в известном контексте свидетельствует о наличии власти у скифов (Молев. 1994. С. 30).

Несмотря на четыре пожара-катастрофы, крепость активно и успешно существовала весь III и первую половину II вв. до н. э. Между вторым и третьим пожарами произошло масштабное укрепление оборонительных стен и строительство башен. Также на этот период приходится активное функционирование элитного комплекса в центре крепости, наличие которого установлено раскопками 2009 г. и подтверждено магнитометрической разведкой в 2015 г.

Парадоксально, но факт, — для обозначенного отрезка времени пока известно только одно элитное воинское погребение в варварском Крыму. Это всаднический комплекс из кургана у с. Чистенькое, к западу от Симферополя. Оно включает в себя представительный набор вооружения и своеобразное конское снаряжение: пластинчатый налбоник, удила со строгими крестовидными насадками и бронзовые нащёчники с чеканными изображениями (Зайцев, Колтухов. 2004). Наряду с захоронениями курганных некрополей «Тираспольской группы» в Приднестровье, этот комплекс является своеобразной квинтэссенцией горизонта ритуальных (вотивных) кладов, а в контексте данной работы показательна его связь с территориями к востоку от Керченского полуострова (Зайцев. 2012. С. 69–70). Схожие по составу комплексы Ак-Буруна, Буеровой могилы, Зеленского кургана, Васюриной Горы и некоторые другие позиционируют Боспор в качестве «проходной» или «сквозной» территории для элитной варварской всаднической культуры по обе стороны Керченского пролива. Вне зависимости от этнических интерпретаций конкретных комплексов (скифы, меоты, сарматы), такая картина может свидетельствовать скорее о союзнических контактах, чем о конфликтах между крымскими и боспорскими элитами в отмеченный период.

В период, синхронный концу правления Спартока V — началу правления Перисада III (ок. 185 г. до н. э.), возникает Неаполь Скифский, однако полноценной «царской» крепостью он становится четверть века спустя, когда царем Боспора был Перисад IV Филометор.

В это время практически «слепая» картинка боспоро-скифских отношений внезапно проясняется благодаря появлению на исторической арене Северного Причерноморья такого персонажа, как Аргот. Впервые он стал известен в качестве мужа царицы Камасарии, вдовы Перисада III и матери Перисада IV, с привязкой к Пантикапею (IOSPE, II, 19 = КБН 75), а много позже — как повелитель Скифии, с почестями погребённый на крепостной территории Неаполя Скифского (Виноградов, Зайцев. 2003. С. 51). На сегодняшний день имеются два варианта восстановления и перевода неапольской надгробной эпитафии Аргота, каждый из них вызывает вопросы и наталкивает на определённые сомнения. Наиболее слабое место варианта, предложенного Ю. Г. Виноградовым (Виноградов, Зайцев. 2003. С. 47): текст восстановлен таким образом, что перечисленные в нем деяния и заслуги отнесены не к покойному Арготу, а к анонимному посвятителю — «повелителю Скифии», в котором видится царь Скилура. Необычность и высокая степень спорности такой конструкции очевидны.

Вторая версия перевода и восстановления текста предложена В. А. Сидоренко (Сидоренко. 2005. С. 62–66). Для первой части надписи (стк. 1–3) его интерпретация выглядит вполне правдоподобной и логичной. Однако, произвольное и ничем не обоснованное восстановление в стк. 4 слова «воинственность» вместо первоначально предложенного «дружелюбие» (Сидоренко. 2005. С. 66) оказывается определяющим и в корне меняет смысл текста. Для строк 5–7 автор статьи вообще допускает прямую дезинформацию читателя: «В лакуне издатели передают как читаемый текст, восстанавливаемый ими по остаткам верхних частей букв, что не находит подтверждения в камне». И далее, «...отмеченная читаемой на камне *каппа* в действительности отсутствует, вместо неё по краю скола видна вертикальная гаста без аппексов...» (Сидоренко. 2005. С. 67). Со всей ответственностью могу заверить читателя, что В. А. Сидоренко вплоть до момента написания этих строк с камнем *de visu* незнакомился, а приведённые выше наблюдения являются плодом его воображения.

Учитывая все данные, считаю возможным предложить «гибридный», пока наиболее адекватный вариант восстановления и перевода надгробной эпитафии Аргота:

1. Каменную эту гробницу могущественного ты видишь
2. Аргота: Скифии властитель, богатой конскими пастбищами,
3. Здравствующим оставил здесь томление по отсутствующему,
4. В отношении эллинов предпочитал дружелюбие.
5. Многими силами выступая на защиту Отчизны,

6. Фракийцев и меотов с благоволения [богов] покорил.
7. Сыновей шестьдесят и дочерей равное количество усыновил,
8. Вскормив их подобно собственному ребенку.

Таким образом, оба упомянутых эпитафических источника (КБН. 75 и неапольская эпитафия) позволили реконструировать тесные и дружественные отношения царских домов Скифии и Боспора в середине — третьей четверти II в. до н. э. (Виноградов. 1987. С. 60–61, 84–85; Виноградов, Зайцев. 2003. С. 51–52).

Согласно археологическим данным, деятельность Аргота на Неаполе Скифском была направлена на создание полноценных оборонительных сооружений и строительство Южного дворца. Уже на начальном этапе этот архитектурный комплекс был оформлен в соответствии с эллинскими вкусами и технологиями (черепичная кровля, фресковая роспись, терракотовые алтари и статуэтки, мраморные элементы интерьера, использование греческой кухонной и столовой посуды и т. п.).

Смерть Аргота (исходя из стратиграфических позиций его мавзолея-героона) совпадает с первой пожарной катастрофой (ок. 130–128 г. до н. э.) на Неаполе Скифском (Зайцев. 2003. С. 17), после которой, очевидно, начинается период правления знаменитого царя Скилура, продолжавшийся до начала первой кампании Диофанта (ок. 114/113 г. до н. э.), и, в целом, совпадающий с годами царствования Перисада V (125 г. до н. э.—109 г. до н. э.).

Нельзя обойти вниманием и очевидное сходство последовательности упомянутых событий (правление Аргота — пожар во дворце — возведение мавзолея-героона Аргота — правление Скилура) с обстоятельствами, описанными Полиеном в легенде о сарматской царице Амаге (набег сарматской конницы — внезапный захват дворца — убийство царя и передача власти его сыну) (*Polyaen.* VIII, 56). Вслед за М. И. Ростовцевым (Ростовцев. 1915) это событие принято датировать более ранним временем (Карышковский. 1971), на основании чего А. Е. Пуздровский даже предложил датировать неапольский дворцовый пожар 180 г. до н. э. (Пуздровский. 2001. С. 90–91). Очевидно, что такой комбинации противоречит хронологическая колонка Неаполя Скифского, хотя само сопоставление легендарного сведения с конкретной археологической ситуацией вполне логично. В таком случае набег Амаги может быть омоложен до конца третьей четверти II в. до н. э., убитым царём тогда становится Аргот, а его сыном — Скилура.

Здесь нет необходимости перечислять деяния и заслуги этого известного исторического лица — все они хорошо известны благодаря древним источникам и работам отечественных и зарубежных исследователей. В контексте данной работы показателен весь антураж восстановленного после пожара Южного дворца — ещё более эллинофильский,

чем прежде. Помимо традиционных уже черепичных крыш, фресковой росписи, терракотовых алтарей и статуэток, соответствующей посуды теперь здесь появились ещё и сооружения из хорошо обработанного камня, в том числе ордерные, мраморные и известняковые статуи с посвящениями греческим богам, предметы мебели и интерьера.

Особое место в этом списке занимает сам героон-мавзолей Аргота, которому новый правитель и новый устроитель дворца отвёл самое почётное место в крепости — сразу за парадными центральными воротами. Дальнейшие исследования и поиск возможных аналогий позволяют несколько скорректировать первоначальный вариант его реконструкции (Зайцев. 2003. Рис. 48, 2). Двухъярусная антовая постройка дорического ордера представляется теперь увенчанной не двускатной черепичной крышей, а ступенчатой каменной пирамидой, на вершине которой была закреплена бронзовая статуя всадника или колесницы.

Иными словами эллинская составляющая «дворцового» варианта позднескифской культуры Крыма в последней четверти II в. до н. э. достигает своего апогея и фактически становится определяющей.

В свою очередь, всё это полностью согласуется с посвячительной надписью на мраморной трапедзе из пантикапейского святилища, установленной от имени Сенамотис (независимо от правильности восстановления её имени), дочери царя Скилура и жены Гераклида, и адресованной некоей негреческой богине Дитагойе (имя которой сохранилось полностью). Всесторонний анализ этой надписи и других источников позволил сформулировать вывод о теснейшем союзе Пантикапейского и Неапольского царствующих домов, скреплённым династическими браками и практикой вскармливания (Виноградов. 1987; Молев. 1994. С. 43).

В этой связи нельзя обойти вниманием находку в мегароне Южного дворца фрагментов женской известняковой задрапированной гермы — гипотетической Дитагойи (Зайцев. 1996. С. 21–22; 2002. С. 71). Новый штрих к интерпретации этой находки — недавно выявленная во время расчистки поверхности крупная «дельта», нарисованная красной краской у основания фигуры.

Вместе с тем, предложенная картина не согласуется с известным свидетельством Страбона об уплате Боспором дани варварам и возрастании её размера накануне событий Диофантовых войн (*Strabo*. VII, 4, 4, 6). Объяснений может быть предложено два: либо варваров-данников следует искать за пределами Крыма (Виноградов. 1987. С. 68–69), либо филэллинизм Аргота и Скилура вкупе с династическими скифо-боспорскими браками вполне уживались с институтом данничества (Молев. 1994. С. 36–37, 117–118), хотя представить такое довольно сложно.

Второй элитный погребальный комплекс Неаполя — «мавзолей Скилура» — заслуживает отдельного упоминания. Несмотря на более

чем полувековую известность и солидную историографию (Шульц. 1953; Погребова. 1961; Зайцев. 2001), этот уникальный объект продолжает оставаться в фокусе научных интересов. Главное его захоронение — предполагаемый царь Скилур — демонстрирует своеобразное сочетание греческих, варварских (скифских) и европейских (латенских) элементов, помимо прочего имеющих выразительные аналогии к востоку от Боспора, на территории Прикубанья и Северного Кавказа. Наиболее яркий пример — близкое сходство (если не идентичность) золотых аппликаций из каменной гробницы мавзолея и погребения 2 в кургане 1 могильника Карстовый (Калининский р-н, Краснодарский край) (Марченко. 1996. Рис. 73, 12). Во втором случае эти украшения определены в качестве декора колчана или горита, однако их расположение в погребении не исключает и другие варианты. В развитие альтернативной версии (исходя из неапольской находки) можно предложить некий штандарт, инсигнию власти, украшенную теми же элементами и в такой же технике, что и экземпляр из мавзолея.

Как и в конце III — первой половине II вв. до н. э., в последующий период элитные варварские комплексы Крыма и Северного Кавказа также оказываются весьма схожи по элементному составу костюмных наборов (фибулы, портупейные крюки, пряжки, наконечники ножен) (Зайцев. 2011). При этом для эллинской знати Боспора такой костюм оказывается нехарактерен; во всяком случае, упомянутые предметы здесь либо отсутствуют, либо крайне редки. Всё это говорит о «прозрачности» территории Боспора для восточных и западных соседей и после середины II в. до н. э.

Тесные и разноплановые контакты аристократической верхушки Крымской Скифии и Боспора не пережили Диофантовых войн в конце II в. до н. э. Поражение сына Скилура Палака в столкновениях с понтийскими войсками, следовавшая затем дипломатическая миссия Диофанта на Боспоре, восстание Савмака и убийство им Перисада V с целью захвата власти — все эти события хорошо известны и многократно проанализированы специалистами. С позиций археологии здесь пока добавить нечего и можно только присоединиться к версии о принадлежности Савмака к скифской аристократии и о смене вектора боспоро-скифских отношений в период правления Митридата VI Евпатора (Виноградов. 1987. С. 85–86; Молев. 1994. С. 126–128; Сапрыкин. 1996. С. 147; Молев. 2013. С. 11).

В контексте новых исторических реалий необходимо упомянуть хорошо известное сообщение Аппиана о выдаче Митридатом VI Евпатором своих дочерей замуж за «наиболее могущественных» скифских царей в 65 г. до н. э. (*App. Mithr.*, 102), для закрепления военно-политического союза против Рима. Одной из этих дочерей — судя по беспрецедентному по изысканности и богатству набору личных

украшений — могла быть погребённая в Ногайчинском кургане (Зайцев, Мордвинцева. 2004). Радиоуглеродное датирование образцов из этого захоронения подтвердило ранее предложенные хронологические позиции этого комплекса (в рамках I в. до н. э., вероятно около середины столетия) (Зайцев, Мордвинцева, Хелльштрем. 2013. С. 51, 56) и позволило окончательно исключить более поздние даты.

Таким образом, завершая данный обзор можно сформулировать вывод о том, что новые и старые археологические источники красноречиво подтверждают союзнические, дружественные отношения Скифии и Боспора в середине — второй половине II в. до н. э., вплоть до войн Диофанта. Более ранний период — конец IV — первая половина II вв. до н. э. — представлен гораздо меньшим количеством достоверных археологических данных. Однако, то немногое, что нам уже известно, также позволяет склониться в сторону «мирного» сценария развития скифо-боспорских отношений в это время.

Литература

- Ю. Г. Виноградов. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1.
- Ю. Г. Виноградов, Ю. П. Зайцев. Новый эпиграфический памятник из Неаполя скифского // Археология. 2003. № 1.
- Ю. П. Зайцев. Памятники скульптуры из мегарона Южного дворца Неаполя скифского // Крымский музей. 1996. № 2.
- Ю. П. Зайцев. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы в Крыму. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
- Ю. П. Зайцев. Неаполь Скифский. Симферополь, 2003.
- Ю. П. Зайцев. Скульптура и рельефы Южного дворца Неаполя Скифского // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. СПб., 2002.
- Ю. П. Зайцев. «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры 3–1 вв. до н. э.) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011.
- Ю. П. Зайцев. Северное Причерноморье в III–II вв. до н. э. ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь, 2012.
- Ю. П. Зайцев. Неаполь Скифский — Ак-Кая — Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III–I вв. до н. э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013.
- Ю. П. Зайцев. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в центральном Крыму (эпоха эллинизма и римский период) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М., 2015.
- Ю. П. Зайцев, С. Г. Колтухов. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в предгорном Крыму // Би. 2004. Вып. VII.
- Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. II.

- Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева, К. Хелльштрем. Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно-историческом контексте // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Симферополь — Бахчисарай, 2013.
- П. О. Карышковский. Истрия и её соседи на рубеже III–II вв. до н. э. // ВДИ. 1971. № 2.
- Е. А. Молев. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Е. А. Молев. Савмак — кто же все таки он? // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Симферополь — Бахчисарай, 2013.
- А. А. Масленников. Тёмные века боспорской истории // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013.
- Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96.
- А. Е. Пузровский. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 2001. № 3.
- М. И. Ростовцев. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. Вып. XXXII.
- С. Ю. Сапрыкин. Понтийское царство. М., 1996.
- В. А. Сидоренко. Эпитафия скифского царя Аргота // МАИЭТ. 2005. Вып. IX.
- П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.

В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев

К вопросу о связях боспорской элиты с сарматскими кланами (по материалам раскопок городища «Белинское»¹ в Восточном Крыму)

Известно, что в последние два года своего пребывания у власти (227/228–228/229 гг.), боспорский царь Рескупорид II правил совместно со своим сыном Котисом III (Анохин. 1986. С. 120). По мнению В. М. Зубаря это было вызвано какими-то неизвестными причинами, ослабившими царскую власть, появлением нескольких претендентов на престол и необходимостью ещё более не дестабилизировать обстановку (Зубарь. 1998. С. 133–134)².

Отчётливей кризисные явления на Боспоре стали проявляться в конце правления Котиса III (227/228–233/234 гг.), когда на короткое время (229/230–231/232 гг.) его соправителем стал Савромат III (КБН. 1230). Однако этому претенденту на высшую власть так и не

¹ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

² Иногда чекан золотых монет Рескупорида II 228/229 г. года (211–226 гг.) относят к специальному выпуску с целью обожествления уже умершего царя (Зограф. 1951. С. 226; Фролова. 1997. С. 7–8, 20). Однако вероятнее, что в указанные годы (КБН. 56), всё же имело место соправительство отца и сына (Яйленко. 2010. С. 509).

удалось стать самостоятельным правителем. Вскоре Котису III пришлось разделить высшую власть как с Рескупоридом III (233/234–234/235 гг.) (Зубарь. 1998. С. 134)¹, так, по-видимому, и с Инифимеем (233/234–238/239 гг.) (Безуглов. 2015. С. 22–25). В этой связи можно согласиться с С. И. Безугловым, что неожиданное появление сразу трёх правителей в течение одного года, действительно предполагает резкую политическую нестабильность в государстве (Безуглов. 2015. С. 24). При этом тамга правившего после Рескупорида II царя, ещё продолжала сохранять традиционный тип царских знаков боспорских царей².

Речь идёт об особых царских составных знаках, нижняя часть которых напоминает перевёрнутые и сильно стилизованные трезубцы, из-за чего они и были неудачно названы В. С. Драчуком «триденсами»³. Аналоги подобным тамгам известны исключительно на западе и юге Монголии (где они встречаются, как составные знаки, так и в виде отдельных «триденсов»), в других регионах Евразии они полностью отсутствуют (Яценко. 2001. С. 50–51). На Боспоре данные царские тамги появились в ходе смены генеалогической линии и были непосредственно связаны с изменениями в римской стратегии в Северном Причерноморье во второй половине II в. н. э.⁴ В основном указанные изменения касались более широкого и организованного использования наёмников и установления достаточно прочных союзных отношений с новым массивом кочевников — представителями позднесарматской культуры (Яценко. 1993. С. 84–85, 87; Пузровский. 2001. С. 110). Это подтверждает и анализ тамги Тиберия Евпатора, верхняя часть которой имела отношение к клану, родственному царице Динамии, а нижняя изображала упомянутый нами выше позднесарматский «триденс» (Яценко. 2001. С. 52).

Появление таких знаков обычно связывают с процессом слияния тамг двух разных кланов в ходе заключения династических браков (Яценко. 2001. С. 20) (в нашем случае — родственной между собой боспорской и среднесарматской знати и представителей позднесарматской культуры). Отчасти это объясняет и хорошую известность данных знаков в регионе. Хотя, на примере тех же германцев, сарматские тамги могли получить распространение и по причине установления союзных отношений (Яценко. 2001. С. 22). Поэтому Евпатору, Савромату II,

¹ Считается, что в эти годы Рескупорид III являлся соправителем Котиса III (Сапрыкин. 2010. С. 126).

² Данная тамга отличалась от знака Рескупорида II только ромбиком, появившимся вместо центрального кружка (Яценко. 2001. С. 55).

³ Боковые отроги «триденса» невозможно свести к простому искажению настоящего трезубца, тем более что последних на изображениях никогда не опускали вниз (Яценко. 2001. С. 50).

⁴ О создании во II в. н. э. эшелонированной буферной зоны империи в Северном Причерноморье смотри подробнее (Ярцев. 2014).

Рескупориду II не было необходимости брать в жёны только принцесс из сарматских племён (Завойкина. 2004. С. 172. Прим. 5) — достаточно было заключить договор с могущественным сарматским кланом, ведь через некоторых своих общих предков боспорская и сарматская знать и так уже являлись родственниками. Двухсоставные тамги боспорских царей второй половины II — начала III в. н. э., по-видимому, как раз и отражают данный союз. Более того, делая вывод по поводу значения данных тамг, С. Ю. Сапрыкин совершенно верно заметил, что в качестве царских знаков они необходимы были для того, чтобы варварские вожди или царьки воспринимали своих боспорских суверенов как своих владык, а не просто как союзников (Сапрыкин. 2006. С. 242). Главной же задачей кочевников, учитывая внешнеполитические интересы Римской империи в данном регионе, по-видимому, являлось перекрытие аланам, которых Антонин Пий «не раз обуздывал... когда они приходили в движение» (SHA. Pii. III, 5, 5), всех путей, ведущих в степи Северного Причерноморья.

Таким образом, отсутствие «триденса» в тамге указанного царя, свидетельствует о разрыве союзных отношений Боспора с могущественными сарматскими кланами. Это могло произойти, например, в связи с усилением аланского союза и переориентацией сармат на алан. Такой вывод хорошо соотносится с фактическим материалом, и в первую очередь с исчезновением на Боспоре (начиная с царя Инифимея) сложносоставных тамг. Однако впервые отдельный знак боспорского царя без «триденса», появился ещё у Рескупорида II. Он был выявлен в ходе раскопок на городище «Белинское» и вероятно должен датироваться самым концом правления этого царя. Тамга была аккуратно вырезана на широкой плоской грани белоизвестнякового подпрямоугольного камня (12 × 20 × 25 см) и была соотнесена исследователями с неизвестным царским родственником (Сапрыкин, Масленников. 2007. С. 73) (Рис. 1). Однако, если допустить, что данная тамга всё же представляет собой царский знак Рескупорида II периода кризисных отношений с сарматами, то удивляет, что знак следующего царя Котиса III или Рескупорида III, с ромбиком вместо круга, вновь появляется в своей традиционной составной форме. По нашему мнению объяснить этот феномен возможно только тем, что последний знак принадлежал сыну Рескупорида II — Котису III. Более того, единственная находка такой тамги означает, что её необходимо относить к самому началу соправительства этого царя, после чего и наступил разрыв отношений с сарматами. Таким образом, факт наличия знака Рескупорида II без «триденса», который мог появиться только после тамги Котиса III с «триденсом», явно указывает на наступление кризиса именно в период соправительства отца и сына в 227–229 гг. Всё это, похоже, свидетельствует о том, что Рескупорид II в последние годы своего правления, действительно

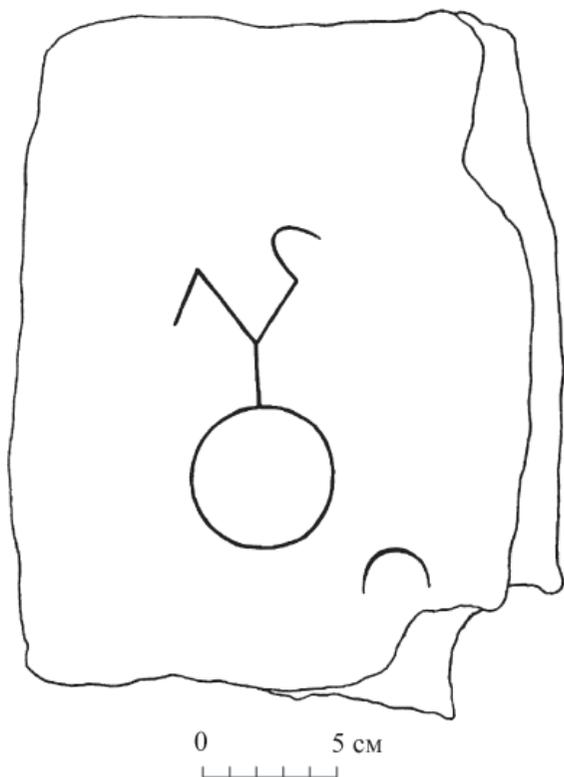

Рис. 1 — Камень с тамгообразными знаками из раскопок городища «Белинское»

правил совместно со своим сыном, что противоречит утверждениям О. Н. Мельникова, направленным против традиционного мнения о сложившемся в данное время на Боспоре «институте соправительства» (Мельников. 2014. С. 59–60).

Царский знак Рескупорида II без «триденса» на камне с городища «Белинское», несмотря на обломанный край, сохранил ещё одну сарматскую тамгу в виде полукруга (рис. 1), которая была характерна в основном для «варварских» районов Крыма и бытовала там достаточно длительное время (Яценко. 2001. С. 34. Прим. 10). Такое парное изображение тамг, причём по принципу одна над другой (варварская тамга меньше и расположена ниже), может традиционно указывать (Яценко. 2001. С. 81–83) на заключение на Белинском городище клятвенного договора между боспорской элитой в лице Рескупорида II и местным варварским сарматским кланом. Камень, по-видимому, в ходе

этого мероприятия был торжественно вставлен в недошедшее до нас общественное здание. Судя по всему, за некоторые территориальные уступки сарматы обязались защищать западные владения Боспора от возможной угрозы со стороны Перекопа и Приазовских степей.

Не исключено, что данные варвары находились в подобных отношениях с римской администрацией и уже защищали окрестности Херсонеса. Возможно, указанный клан имел также давние союзнические связи и с боспорскими царями. Напомним, что в бурных событиях середины II в. н. э. на полуострове и на ближайших территориях действовало несколько групп сармат. Одна из них принимала участие в нападении варваров на Ольвию, а позднее с санкции римлян осела в Юго-Западном Крыму. Вторая являлась главной воинской силой боспорского царя Евпатора, армия которого взяла штурмом Неаполь Скифский¹. В этой связи отметим, что два указанных знака в виде полукруга, происходят именно из Неаполя Скифского, где они были обнаружены вырезанными на каменных плитах (Яценко. 2001. С. 140–142, 155–156). Более того, обращает внимание, что загнутые концы одного из знаков в виде дуги, нанесённого сарматами в помещении скифской столицы в период уже после её взятия, почти совсем не загибаются вниз (Дашевская. 1962. Рис. 17, 13). Возможно тамга в виде полукруга, образовалась посредством изменений пропорций этого изначального знака, в ходе разделения клана на родственные группы. Может быть то, что данное событие произошло уже на полуострове и объясняет причины ограничения зоны влияния указанного сарматского клана исключительно Крымом и близлежащими территориями, где варварская тамга фигурирует, начиная от столицы союзного Боспорского царства до Инкермана (Яценко. 2001. С. 143, 157, 159) и Ольвии².

Литература

- В. А. Анохин. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
 С. И. Безуглов. К династической истории Боспора в III в. н. э. // Боспорские чтения. 2015. Вып. XVI.
 О. Д. Дашевская. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА. 1962. № 1.
 Н. В. Завойкина. Ταυαείται в истории Боспорского царства // ДБ. 2004. Вып. 7.
 А. Н. Зограф. Античные монеты. М.; Л., 1951. — (МИА. № 16).
 В. М. Зубарь. Северный Понт и Римская империя (середины I в. до н. э. — первая половина VI в.). Киев, 1998.
 О. Н. Мельников. Коммеморативность и соправительство в нумизматике Боспора этапа поздней империи (210–341/342 гг.) // Записки отдела нумизматики и тореветики Одесского археологического музея. Одесса, 2014. Ч. II.

¹ Подробнее см. Ярцев. 2014.

² Данная тамга известна также и на мраморных львах из Ольвии (Сапрыкин, Масленников. 2007. С. 73).

- А. Е. Пуздровский. Политическая история Крымской Скифии (II в. до н. э. — III в. н. э.) // ВДИ. 2001. № 3.
- С. Ю. Сапрыкин. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Тр. ГИМ. 2006. Вып. 159.
- С. Ю. Сапрыкин. Политическая история азиатского Боспора. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н. э. — середина III в. н. э.) // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. II.
- С. Ю. Сапрыкин, А. А. Масленников. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь; Керчь, 2007.
- Н. А. Фролова. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). Ч. 2. Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. М., 1997.
- В. П. Яйленко. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М., 2010.
- С. В. Ярцев. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула, 2014.
- С. А. Яценко. Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV в. н. э.: Локализация и политическая история // ПАВ. 1993. Вып. 6.
- С. А. Яценко. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

И. В. Толочко, О. В. Шаров

Танаис. Курган № 2 римской эпохи

«Во все стороны от городища тянулись группы курганов, больших и малых, и над ними возвышались два огромные кургана»

(Леонтьев. 1854. С. 409).

В 1964 г. один из двух огромных курганов¹, возвышавшихся над донской дельтой в окрестностях Танаиса, был раскопан Нижне-Донской экспедицией под руководством Д. Б. Шелова². Курган располагался в 500 м к северу от восточного рва городища Танаиса и представлял собой неправильную коническую насыпь, вершина которой была смещена к северу от центра (рис. 1, 1). Диаметр кургана составлял около 50 м, высота — 3,75 м (Шелов. 1972. С. 63–66). Курганная насыпь состояла из многочисленных прослоек суглинка и тленного камыша. Под курганной насыпью обнаружена могильная яма, смещённая к С–З от центра кургана, в неё сверху вёл грабительский лаз, довольно точно врезавшийся в могилу, почти не повредив её стенок. Верхние края ямы

¹ Курган № 2 некрополя Танаиса согласно нумерации Д. Б. Шелова.

² Раскопки кургана вёл заведующий археологическим заповедником «Танаис» С. Н. Братченко по Открытому листу Д. Б. Шелова. Описание кургана приведено по краткому научному отчёту Д. Б. Шелова (Шелов. 1965. С. 84–92).

на уровне древнего горизонта были повреждены, поэтому никаких остатков перекрытия могилы обнаружено не было. Могильная яма имела форму правильного прямоугольника (З–В) длиной 5,40 м, шириной 3,60 м (глубина от уровня древней дневной поверхности 4 м). С уровня 2,60 м могильная яма сужалась вдоль длинных стенок, образуя заплечики шириной около 1 м. Стенки могилы были обшиты связками камыша, прикрепленными вертикально при помощи железных гвоздей.

Погребение было сильно разрушено, расположение инвентаря в погребении удалось зафиксировать частично:

1) на заплечиках, в северо-западном углу, находились выброшенные из могилы обломки костей рук, рёбер и черепа погребённого, обрывки золотых тонких ниток, которые образовывали нечто вроде ткани, облегающей кости рук (рис. 1, 10) (Шелов. 1965. С. 88). На черепе лежал трилистник из золотой фольги: деталь золотого венка (рис. 1, 8). Рядом находились: золотая фибула (рис. 1, 3), нашивные бляшки золотой фольги (рис. 1, 5, 7, 17), четыре костяных кружка, обломки стеклянных сосудов, раздавленные пастовые бусины;

2) на заплечиках, в северо-восточном углу, лежала разбитая узкогорлая светлоглиняная амфора типа D по Д. Б. Шелову¹ (рис. 1, 20);

3) в могильной яме, в западной части был обнаружен ряд важных находок. Здесь находилась большая часть фрагментов круглого деревянного щита, окантованного по краю медными обоймами; местами на дереве, вправленном в обоймы, сохранились кусочки тонкой золотой фольги (рис. 1, 11–16). Мелкие кусочки золотой фольги встречались также в заполнении могилы (Шелов. 1965. С. 89). В засыпи могилы были также найдены 48 обломков железного умбона с длинным шипом (рис. 1, 2), фрагменты железного кинжала, фрагменты стеклянного сосуда. У западной стенки могилы были зафиксированы тонкие золотые нити, аналогичные тем, которые были найдены на ступеньке с костями человека;

4) в заполнении могилы на разных уровнях были найдены следующие предметы: бляшка из тонкой золотой фольги в форме буквы «П» с дырочками (рис. 1, 6), крупные железные трёхлопастные наконечники стрел с черешковым насадом на древко (7 целых, 4 фрагмента, несколько спекшихся вместе стрел) (рис. 1, 9), фрагменты тетивы двучленной бронзовой фибулы (рис. 1, 4), многочисленные обломки стеклянных сосудов, ручка светлоглиняной амфоры типа С по Д. Б. Шелову.

Материковый выкид из могилы образовывал земляной вал в форме полукольца с перемышкой в южной части.

Ров. С севера, запада и востока вокруг кургана прослеживался кольцевидный ров (его глубина в северной части достигала 4 м, ширина — около 12 м). Ров был впущен с уровня древней дневной поверхности,

¹ Определение всех фрагментов амфор — С. А. Науменко.

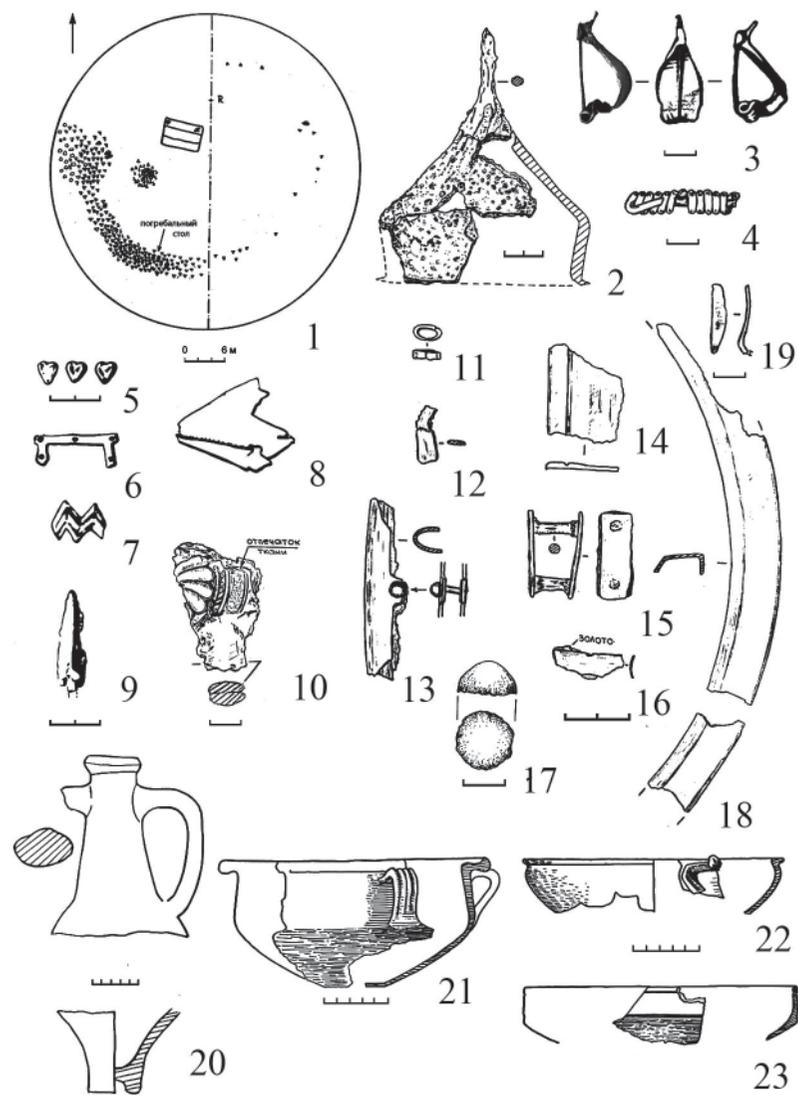

Рис. 1 План (1) и инвентарь погребения 1 (2–20) и комплекса тризны (21–23) кургана 2

грунт из него выбрасывался на подкурганную площадку и укладывался слоями на связки камыша, чередуясь с ними (Шелов. 1965. С. 86).

Следы заупокойной тризны в виде скопления керамики (около 36 000 фрагментов амфор, в основном, светлоглиняных узкогорлых типа В, в значительно меньшем количестве обломков амфор типа А (Шелов. 1972. С. 64, 73), а также амфор с воронковидным горлом (Зеест. 1960. Табл. XXXVII, 90. С. 117), оранжевоглиняных амфор типа Зеест 69 (Зеест. 1960. Табл. XXIX, 69. С. 111) были открыты на древнем горизонте, в радиусе 10–16 м вокруг погребения. Мощность скопления амфорных обломков достигала толщины 0,2–0,4 м. Особенно большое число фрагментов амфор было найдено к ЮЗ от могилы. Крупные фрагменты амфор были уложены горлами по направлению к погребению. Среди амфорных обломков встречались кости животных, деревянные уголки и зола, в юго-западной поле кургана амфорные обломки залегали в мощном слое золы и древесных углей. Здесь были собраны осколки стеклянных сосудов, большая часть которых сохранилась в виде голубоватого шлака, оплавленного и спёкшегося (Шелов, 1965. С. 90). Вероятно, тризна совершалась не только на древней дневной поверхности: в ряде случаев амфорные обломки залегали как на древней дневной поверхности, так и в слое суглинка, перекрывавшего этот горизонт, но, в основном, встречены ещё выше, в гумированном слое самой насыпи. Наличие на погребённой почве суглинка, перекрытого остатками тризны, замечено и на других участках. Этот суглинок представляет собою, по мнению Д. Б. Шелова, край насыпи кургана. Наличие над слоем суглинка амфорных обломков свидетельствует о том, что тризна справлялась в то время, когда над могилой уже высился курган (Шелов, 1965. С. 90–91)¹.

Кострище. К юго-западу от могильной ямы на расстоянии 4 м от неё находилось тёмное пятно диаметром 3,50 м, перекрытое в центре грудой камней. Камни были бессистемно набросаны, но образовывали плотную кучу, овальную в плане. Нижние камни носили следы огня. Под грудой камней и рядом находились зола и угли — остатки сгоревшего камыша и хвороста, в центре пятна земля была сильно прокалена от большого костра и имела красный цвет. В кострище найдено несколько фрагментов керамики: амфор, красноглиняной кастрюли с ручкой и крышкой (рис. 1, 21), двух краснолаковых мисок (рис. 1, 22–23) а также фрагменты стеклянных сосудов, большая часть которых превратилась от сильного огня в шлак. В кострище встречались также мелкие прокалённые, вероятно, «птичьи кости»² (Шелов, 1965. С. 91).

¹ Но в этом случае диаметр насыпи кургана должен быть значительно меньше и не закрывать места совершения тризны.

² Анализ костного материала не делался, поэтому, последнее визуальное утверждение повисает в воздухе.

Погребальный стол. К югу от могилы, среди остатков тризны, на древнем горизонте стоял погребальный стол, окружённый огромным числом амфорных обломков (Шелов. 1965. С. 90). Погребённая почва, на которой стоял стол, была также покрыта вокруг тонким слоем суглинка толщиной 0,05–0,15 м. Стол был составлен из трёх тёсаных плит известняка. Однако сохранились только его ножки, верхняя плита-крышка стола отсутствовала. Ножки представляли собою прямоугольные тёсанные плиты с выемками в боковых гранях, обращённых в поле кургана и стояли параллельно на расстоянии 0,80 м друг от друга. Высота ножек 0,85 м, ширина 0,7–0,8 м, толщина плит 0,2 м (Шелов. 1965. С. 91).

Обобщив все материалы полевого отчета, авторы пришли к выводу, что приведённые выше данные не позволяют, вопреки мнению Д. Б. Шелова (Шелов, 1965. С. 86), полностью реконструировать процесс сооружения кургана, так как он был раскопан лишь с одной центральной бровкой и все возможные нарушения курганной насыпи 1) в месте установки погребального стола; 2) в месте сооружения погребального/ритуального кострища; 3) в местах возможной досыпки курганной насыпи; 4) в месте совершения центрального погребения не были должным образом зафиксированы.

Можно реконструировать достаточно уверенно, исходя из имеющихся данных, лишь начальные этапы погребальной обрядности кургана № 2:

1 этап — с уровня древней дневной поверхности была вырыта могильная яма с заплечиками, грунт из которой выбрасывался к северу, западу и востоку, с южной стороны был оставлен проход к могиле; *2 этап* — в 14–16 м к югу от могилы, на древней дневной поверхности был установлен погребальный каменный стол, и проведены культово-обрядовые действия с покойником; *3 этап* — совершён ритуал захоронения покойника в могилу с богатым погребальным инвентарем; *4 этап* — на уровне древней дневной поверхности была совершена тризна вокруг погребения, на расстоянии 10–16 м от могильной ямы. В ней участвовало множество человек, в ходе её были использованы сотни амфор (36 000 амфорных фрагментов) и стеклянные кубки (оплавленные до состояния шлака). Там же были принесены в жертву животные (угли, прокаленная земля, кости животных); *5 этап* — вокруг погребального пространства, включающего в себя и место погребения и места совершения тризны¹, был выкопан первичный ров, грунт из которого выкладывался лишь на центральную часть, ограниченную со всех сторон открытыми местами совершения тризны; *6 этап* — в течение длительного времени, на слое суглинка и выше его, вокруг первой насыпи, совершался обряд тризны.

¹ Диаметр до 50 м, судя по чертежу.

На следующих этапах могли быть совершены абсолютно различные действия, последовательность которых мы не можем точно установить ввиду отсутствия стратиграфических данных, помочь может лишь анализ хронологии типов погребального инвентаря¹.

Золотая фибула (рис. 1–3), длиной 2,8 см, выпуклая спинка — шириной около 2 см, имеет сплошной приемник с узким шипом на конце. Фибула уникальна и делалась под индивидуальный заказ, как многие изделия из золота. Она занимает промежуточное положение между миниатюрными фибулами с выпуклой спинкой, сплошным приемником, короткой пружиной и верхней или нижней тетивой 6 группы по В. В. Кропотову, которые в своде А. К. Амброза отражения не нашли (Кропотов. 2010. С. 166–168. Рис. 51–52) и маленькими фибулами 8 группы, 1 причерноморской серии с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника по нему же (Кропотов. 2010. С. 182. Рис. 55–3) или 13 группы пружинных фибул с гладкой дужкой и завитком на конце пластинчатого приёмника по А. К. Амброзу (Амброз. 1966. С. 46–47. Таб. V–20–22). Фибулы 6 группы датируются автором второй половиной I — началом II вв. н. э.), а фибулы 8 группы, 1 серии — второй половиной I–II вв. н. э. (Кропотов. 2010. С. 168, 183). Таким образом, предварительно можно датировать золотую фибулу из Танаиса, учитывая её уникальность, на границе этих датировок, в рамках *второй половины I — первой половины II в. н. э.* (50–150 гг. н. э.).

Золотой венок, от которого сохранился лишь один трилистник подтреугольной формы с прямыми краями и тремя выступами. М. Ю. Трейстер для первых веков н. э. выделяет два основных типа трилистников: с выпуклыми и прямыми сторонами, танаисский трилистник относится к второму типу. Дата комплексов с такого рода погребальными венками I — первая половина II вв. н. э., с преобладанием комплексов *конца I — первой половины II вв. н. э.* (Трейстер. 2014. С. 59–60. Рис. 2, 1, 2, 5).

Железный умбон с длинным шипом, найден в основном погребении кургана, в западной части могилы. Там лежала большая часть фрагментов деревянного щита, окантованного медными обоями (рис. 1, 11–16) и обломки железного умбона с длинным шипом (рис. 1, 2).

Комплексы с умбонами этого типа — с высоким шипом и биконической калоттой, нижняя часть которой сужается к основанию умбона, широко известны в Центральной Европе и Скандинавии. По Й. Иллькеру танаисский умбон относится к типу 3с и датируется фазой C1a (170/180–210/220 гг. н. э.). К. Годловский относил такие умбоны к горизонту 2

¹ Золотые бляшки костюма, тетива двучленной бронзовой фибулы имеют очень широкие даты, поэтому не будут специально разбираться в данной работе.

погребений с оружием пшеворской культуры и датировал их также фазой C1a (Godlowski. 1992. S. 44. Abb. 18).

Железные трехлопастные наконечники стрел лежали в заполнении могилы на разных уровнях (рис. 1, 9). Это крупные наконечники стрел: 3–3,5 см в длину, у которых лопасти срезаны под острым углом к черешку. Отличительная особенность танаисского наконечника в том, что у него жальца специально выделены и сильно опущены вниз к черешку. Аналогии этому типу очень немногочисленны и близкие параллели дает нам, прежде всего, набор стрел из погребения 120 Битакского могильника. А. Е. Пуздровский относит эти наконечники к типу 3, варианту Б и датирует комплекс *первой четвертью II в. н. э.* Также к близким аналогиям можно отнести наконечники стрел с опущенными и выделенными жальцами из склепа № 715 могильника Усть-Альма, которые также относятся к этому типу. Комплекс датируется *рубежом I–II вв. н. э.* (Пуздровский. 2007. Рис. 94, 29, 36, 62).

Ручка светлоглиняной узкогорлой амфоры типа С по Д. Б. Шелову или типа CIVC по С. Ю. Внукову была найдена в заполнении могилы. Д. Б. Шелов датировал этот тип амфор всем II в. н. э. (Шелов. 1978. С. 19). С. Ю. Внуков определил для типа CIVC более узкую дату: вторая четверть — конец II в. н. э. (Внуков. 2006. С. 166). С. А. Науменко считает, что амфоры типа С появляются в Танаисе уже в последней четверти I в. н. э. (Науменко. 2012. С. 65). Таким образом, амфоры типа CIVC можно датировать, вероятно, начиная с *последней четверти I в. н. э. по конец II в. н. э.*

Светлоглиняная узкогорлая амфора типа D по Д. Б. Шелову. Разбитая амфора была найдена на заплечиках, в северо-восточном углу погребальной ямы (рис. 1, 20). Д. Б. Шелов писал, что этот тип появляется в Танаисе в первой половине III в. н. э. (Шелов. 1978. С. 18. Рис. 7). По С. Ю. Внукову амфоры типа CIVD датируются *последней четвертью II в. н. э. — серединой/второй половиной III в. н. э.* (Внуков. 2003. С. 202; 2006. С. 167). Основная масса целых форм амфор типа D — это находки из подвалов Танаиса, погибших в самом начале 50-х годов III в. н. э., поэтому верхнюю дату для амфоры, найденной в кургане № 2, можно сузить до середины III в. н. э.

Кострище. В 4 м к юго-западу от могильной ямы находилось пятно кострища диаметром 3,50 м, перекрытое в центре грудой камней. В кострище найдены фрагменты красноглиняной кастрюли с ручкой и крышкой (рис. 1, 21), фрагменты от двух краснолаковых мисок (рис. 1, 22–23).

Красноглиняная кастрюля с Г-образным венчиком (рис. 1, 21) и выемкой под крышку, с желобчатыми широкими ручками под венчиком имеет близкие аналогии среди материала усадьбы «Близнецы» хоры Херсонеса. Это кастрюли типа I по Е. Ю. Кленовой, которые датируются *второй половиной II — первой половиной III вв. н. э.* (Кленина. 2004. С. 75–77. Рис. 28–29; Шаров. 2007. С. 88. Рис. 34).

Краснолаковая миска с Г-образным венчиком (рис. 1, 22), с закраиной под крышку, с цилиндрической верхней частью и конической нижней, со сглаженным ребром соответствует типу 4 краснолаковых мисок по Е. Ю. Кленовой. Исключением является рельефная ручка под венчиком, которая на данном типе мисок обычно не встречается. Датируются такие миски без ручек, по многочисленным аналогиям, *второй половиной II–III вв. н. э.* (Шаров. 2007. С. 87–89. Рис. 32).

Краснолаковая цилиндрикоконическая тарелка с двумя прорезными желобками под венчиком и над ребром (рис. 1, 23) относится к типу ШЕ-2 краснолаковых тарелок по А. А. Труфанову. Такого рода тарелки датируются концом II — первой половиной III вв. н. э. (Труфанов. 1997. С. 189, 191).

Таким образом, на основании датировок трех сосудов, можно датировать кострище концом II — первой половиной III вв. н. э.

Тризна. Следы заупокойной тризны в виде скопления керамики вокруг погребальной ямы, состояли: 1) *в основном*, из светлоглиняных узкогорлых амфор типа «В»; 2) *из незначительного количества* фрагментов амфор типа «А»; 3) амфор с воронковидным горлом типа Зеест 90; 4) оранжевоглиняных амфор типа Зеест 69.

1. *Светлоглиняные узкогорлые амфоры типа А* по Д. Б. Шелову или CIVA по С. Ю. Внукову. Д. Б. Шелов предложил для светлоглиняных узкогорлых амфор типа А широкую дату: весь I век н. э. с возможным заходом в I в. до н. э. и даже в начало II в. н. э. (Шелов. 1978. С. 17–18). С. Ю. Внуков выделил для варианта CIVA два подварианта, которые отличаются формой венчика и местом крепления ручек (Внуков. 2003. С. 127). Подварианты имеют и различную хронологию: подвариант CIVA₁ — вторая четверть — начало последней четверти I в. н. э.; подвариант CIVA₂ — третья четверть — конец I в. н. э.¹ Следует принять общую дату для амфор типа CIVA по С. Ю. Внукову, как *вторую четверть — конец I в. н. э.*

2. *Светлоглиняные узкогорлые амфоры типа В* по Д. Б. Шелову или типа CIVB по С. Ю. Внукову. Производство амфор типа В по Д. Б. Шелову началось со второй трети I и продолжалось вплоть до середины II в. н. э. (Шелов. 1978. С. 18). С. Ю. Внуков относит их бытование к 80-м гг. I в. н. э. — 40-м гг. II в. н. э. (Внуков. 2006. С. 167). По мнению С. А. Науменко, производство амфор типа «В» началось в последней трети I в. н. э. и продолжалось вплоть до начала II в. (Науменко. 2012. С. 64–65).

Для определения времени совершения тризны можно использовать лишь даты бытования амфор типов CIVA и CIVB по С. Ю. Внукову².

¹ К сожалению, при определении светлоглиняных узкогорлых амфор типа А было невозможно деление на подварианты из-за сильной фрагментарности амфорного материала.

² Для светлоглиняных амфор с воронковидным горлом типа Зеест 90, как и для красноглиняных амфор типа Зеест 69, мы имеем слишком широкие даты их бытования (Зеест. 1960. С. 111, 117; Внуков. 2003. С. 128–129).

Тризна могла быть совершена в то время, когда ещё использовали амфоры типа CIVA, но уже в быту были амфоры типа CIVB, т. е. начало тризны можно отнести к *последней четверти — концу I в. н. э.*, т. е. именно в это время было совершено основное погребение в кургане. По наличию значительного количества амфор типа CIVB, можно говорить, что заупокойная тризна могла совершаться вплоть до 140/150 гг. н. э., т. е. до момента разгрома города сарматами.

Итак, в погребальном инвентаре основного погребения, в материалах заупокойной тризны и кострища выделяется две группы вещей, имеющих различную датировку:

1) предметы второй половины/конца I — начала/середины II в. н. э. (золотая фибула, золотой венчик, золотые бляшки костюма (?), трехлопастные черешковые стрелы, ручка амфоры типа CIVC из погребения; фрагменты амфор типов CIVA, CIVB из заупокойной тризны);

2) предметы конца II — первой половины III в. н. э. (щит с умбоном, амфора типа CIVD из погребения, посуда из кострища).

Сочетание вещей столь удалённых хронологически в одной могиле вряд ли возможно и вероятно, появление вещей более поздних связано с нарушением могилы, но не с целью ограбления, а с целью разрушения/осквернения (выкидывание тела, не взятые золотые вещи) и символического положения новых вещей нового хозяина в могилу. Одновременно с ритуальным нарушением могилы было сложено кострище, возможно, сожжение реального покойника (так называемые «птичьи кости»?) или символическое сожжение покойника, погибшего на чужбине с положением вещей и заупокойной пищи, закрытое сверху камнями, образующими круг.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что элитное центральное погребение в кургане было совершено в последней четверти/конце I века н. э., о чём можно судить по самым ранним амфорам из заупокойной тризны. Вещи из погребения не противоречат этому. Тризна совершалась на кургане вплоть до 140/150 гг. н. э.

Затем, на рубеже II–III вв. н. э. или в начале III в. н. э. были совершены следующие действия: 1) сделан лаз в старую могилу, где совершено ритуальное разрушение (?) могилы с положением в могилу новых вещей; 2) в 4 м к югу от могилы была вскрыта насыпь и сложено кострище диаметром 3,5 м с последующим (возможно, символическим) сожжением нового покойника (?); 3) выкопан глубокий ров шириной 12 м и глубиной 4 м; 4) из этой земли создана насыпь кургана диаметром 50 м, высотой около 4 м, закрывшая тризну, погребальный стол и впущенные поздние ямы.

Можно предположить, что данный ритуал совершили германцы, появившиеся на рубеже II–III в. в Танаисе, о чём могут свидетельствовать не только германский умбон щита из кургана № 2, но и многочисленные

находки умбонов первой половины III в. н. э. в материалах усадеб Танаиса (Bezuglov. 2003).

Грандиозность в масштабах Танаиса, престижность места сооружения вблизи городища, на высокой береговой террасе Мёртвого Донца, а также размеры и сложность сооружения погребально-поминального ансамбля позволяет отнести курган № 2 к исключительному объекту, равного которого по размаху до сих пор не было открыто в некрополе Танаиса.

Литература

- А. К. Амброс. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ, вып. Д 1–0. М., 1966.
- С. Ю. Внуков. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. (морфология). М., 2003.
- С. Ю. Внуков. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. Ч. II. СПб., 2006.
- И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. М., 1960.
- Е. Ю. Клемина. Керамические сосуды II–III в. н. э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). Roznau, 2004.
- В. В. Кропотков. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.
- П. М. Леонтьев. Разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // ПроPILEI. Сборник статей по классической древности. Книга IV. М., 1854.
- С. А. Науменко. Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I — середины III вв. н. э. // Вестник Танаиса. Вып. 3. Х. Недвиговка, 2012.
- А. Е. Пуздровский. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники». Симферополь, 2007.
- М. Ю. Трейстер. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н. э. — V в. н. э. (генезис и хронология основных типов) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). СПб., 2014.
- А. А. Труфанов. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма). БИАС I, Бахчисарай, 1997.
- О. В. Шаров. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007.
- Д. Б. Шелов. Отчёт о работах танаисского отряда Нижне-Донской археологической экспедиции в 1965 г. // ИА РАН, р-1, № 3228.
- Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
- Д. Б. Шелов. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА, 156, М., 1978.
- S. Bezuglov. Alanen-Tanaiten und Germanen der Maiotis — Fragen der Kontakte in spätrömischer Zeit (3.–4. Jahrhundert) // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Marburg, 2003.
- K. Goddowski. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten. // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992.
- J. Ilkjær. Illerup Adal. Die Lanzen und Speere. Aarhus, 1990.

III. НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. А. Щеглов

Понт Эвксинский на карте Птолемея: новое в топологии пространства¹

Задача данной работы состоит в том, чтобы представить самые предварительные результаты сопоставления данных Птолемея о конфигурации Понта Эвксинского со сведениями других античных источников о протяжённости его береговой линии.

Карта Птолемея — первая в истории «цифровая карта», т. е. передающая всю информацию о местоположении исключительно в форме координат широты и долготы. При этом очевидно, что координаты Птолемея опирались на данные его предшественников о расстояниях. По этой причине исследование карты Птолемея через сопоставление с другими источниками представляется весьма перспективной задачей. Наиболее простой и естественный способ определять расстояния на карте Птолемея — по современной формуле $\cos S_{AB} = \cos \Delta\lambda_{AB} * \sin(90^\circ - \varphi_A) * \sin(90^\circ - \varphi_B) + \cos(90^\circ - \varphi_A) * \cos(90^\circ - \varphi_B)$, где S_{AB} — это искомое расстояние между точками А и В, выраженное в градусах (1° большого круга у Птолемея равен 500 стадиям), $\Delta\lambda_{AB}$ — долготный интервал между ними, φ_A и φ_B — широты пунктов.

«География» Птолемея дошла до нас в двух редакциях, которые принято обозначать сиглами Ξ и Ω (Burri. 2013). Обе они восходят к античности. Редакция Ξ считается ранней и, вероятно, более аутентичной, однако представлена она почти исключительно одной единственной рукописью Vaticanus Graecus 191. Редакция Ω , судя по многим признакам, вторична по отношению к Ξ , но представлена целым рядом рукописей значительно лучшего качества. Ввиду этих обстоятельств при сопоставлении с данными других источников следует использовать обе редакции, но предпочтение отдавать Ξ . Координаты карты Птолемея, используемые в данной работе, основаны на новейшем издании «Географии» (Stückelberger, Graßhoff. 2006). Построенные на этой основе ГИС-карты находятся в открытом доступе на странице проекта «Внутренние структуры карты Птолемея»: <http://ihst.nw.ru/institute/item/832-ptolemys-map>.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 15-01-00005, проект «Внутренние структуры карты Птолемея».

Первое, что необходимо прокомментировать, это различия между Ξ и Ω . Ниже приводятся уточнённые данные по сравнению с теми, что использовались мною в ранней работе (Щеглов. 2016). Окружность Понта вместе с проливами составляет 23 450 стадиев в версии Ξ и 24 144 в Ω . Аналогичное завышение протяжённости побережья в Ω относительно Ξ наблюдается у Птолемея повсеместно (Щеглов. 2016) и обусловлено, очевидно, более детальной проработкой береговой линии в Ω (в частности, в Ξ периметр Понта насчитывает 138 пунктов, а в Ω 142). Разница в 700 стадиев довольно велика, однако складывается она из 61 расхождения с медианным значением 56,9 стадиев. Поскольку Птолемей округляет координаты в большинстве случаев до 1/6° или даже до 1/4°, диапазон этого округления составляет в среднем 41,6–62,5 стадия по широте и 27,6–45,7 по долготе (в полосе широт 43°–48,5°). Это означает, что почти в половине случаев расхождения между Ξ и Ω не превышают степень погрешности, допускаемой Птолемеем при пересчёте расстояний в координаты, а в остальных случаях превышают её лишь ненамного. Иными словами, обе версии могут рассматриваться как разные варианты передачи в общем одних и тех же первоначальных данных.

Понту Эвксинскому повезло с источниками. Именно ему посвящены три из четырёх дошедших до нас от античности «подробных» перипла — т. е. таких, которые по объёму информации и её детализации могут быть сопоставлены с картой Птолемея — а именно: перипл Псевдо-Арриана, скомпилированный из двух других — за авторством самого Арриана и Мениппа Пергамского (четвёртым подробным периплом является анонимный «Стадиасм Великого моря»). Кроме того, много сведений о расстояниях вдоль берегов Понта приводят Страбон и Плиний.

При сопоставлении этих источников с картой Птолемея ряд сложностей связан с определением начальной и конечной точек отсчёта. Часто источники указывают расстояния от «устья Понта» до «устья Меотиды», не уточняя конкретных пунктов. Страбон и Пс.-Арриан измеряют азиатское побережье от святилища Зевса Урия, а европейское побережье Страбон начинает с Кианеев и заканчивает Парфением, Пс.-Арриан начинает с Византия и заканчивает Портмием, а Варрон и, возможно, Эратосфен заканчивают Пантикапеем. У Птолемея же святилище Зевса и Портмий отсутствуют, Кианеи смещены далеко в сторону от пролива Босфор, а Парфений находится уже на берегу Меотиды. По этим причинам, за точку отсчёта расстояний на карте Птолемея я условно принял Византий, а европейское побережье Понта измерял до Пантикапея. Так или иначе, вызванные этими неясностями неточности при подсчётах не могут превышать 100–200 стадиев.

Первое, что бросается в глаза, — это удивительное согласие между оценками общего периметра Понта у Птолемея (Ξ) и других авторов

(таблица 1): во всех случаях расхождение между ними составляет менее 1%. Такое совпадение служит веским аргументом в пользу того, что они опирались на близкие источники.

Примечания к таблице: [1] Ср. похожие подсчёты (Columba. 1893. 59–63; Грацианская. 1982. 42–43). Сам Страбон (2.5.22 С125) указывает суммарное значение 25 000 стадиев. [2] Не ясно, корректно ли включать в оценку периметра Понта отрезок в 120 стадиев от святилища Зевса Урия (начало отсчёта у Пс.-Арриана) до Византия. Поэтому оценка указывается в двух вариантах. Сам Пс.-Арриан (120–121[91–92]) учитывает этот отрезок, но получает суммарное значение 23 587 без проливов; объяснение некоторых его арифметических ошибок даёт (Diller. 1986. 104–105). Сведения Пс.-Арриана об отрезках Ахиллей–Мирмекий и Мирмекий–Пантикапей допускают разные интерпретации, влияющие на итоговые подсчёты. В одном месте (70[28В], 79[50]) он указывает, что от Мирмекия до Пантикапея 25 стадиев, оттуда 60 до Портмия, который расположен у устья Меотиды, и далее через пролив 20 стадиев до Ахиллея. В другом месте (85[56]) расстояние от Пантикапея до Портмия оценивается в 60 стадиев. Ситуация осложняется тем, что у Птолемея Портмий не упоминается, так что в своих расчётах отрезок Мирмекий–Портмий в 60 стадиев я приписал к ширине пролива. [3] Такое близкое совпадение является отчасти случайным, поскольку при подсчёте периметра Понта у Птолемея мною не был учтён ряд пунктов, которые фигурируют у Пс.-Арриана, но у Птолемея лежат слишком далеко от линии побережья (см. ниже). [4] Возможно, именно к Эратосфену восходят данные Варрона о протяжённости побережья от устья Понта до Пантикапея, которые дают в сумме 10 700 (Plin. 4.78). [5] Сам Пс.-Арриан указывает суммарное значение 11 100. [6] Сам Плиний (6.3) указывает суммарное значение 11 508. [7] Сам Пс.-Арриан (69[27В], 121[92]) указывает суммарное значение 12 487.

Однако сопоставление данных об отдельных отрезках побережья выявляет между Птолемеем и другими источниками значительные расхождения, и чем короче рассматриваемые отрезки, тем более запутанной становится картина. Так, источником, который более всего сопоставим с картой Птолемея по объёму информации, является перипл Пс.-Арриана (Diller. 1952; Podossinov. 2011). Он перечисляет расстояния между 190 пунктами побережья (56 в Европе и 134 в Азии). Птолемей упоминает на побережье Понта 138 пунктов в Ξ (55 в Европе и 83 в Азии) или 142 в Ω (57 в Европе и 85 в Азии). 83 (Ξ) или 84 (Ω) пункта побережья фигурируют в обоих источниках (32 в Европе и 51 или 52 в Азии), однако за вычетом пунктов, расположение которых у Птолемея перепутано, из этого числа останется только 73 (27 в Европе и 46 в Азии). К ним можно было бы добавить Кианейские скалы и остров Ахилла, а также Никониум в Мёзии и Кордиле в Каппадокии, однако все они лежат у Птолемея

слишком далеко от побережья и поэтому не могут учитываться при измерении его длины. Кроме того, в обеих версиях карты пришлось добавить по одной условной точке, не упоминаемой Птолемеем, для того, чтобы избежать прохождения береговой линии через саму себя (рис. 1).

Рис. 1. Понт Эвксинский на карте Птолемея (Ξ)

У Пс.-Арриана среднеарифметическое расстояние между двумя пунктами составляет 125, а медианное 90 стадиев. У Птолемея — 168,7 и 151,2 (Ξ) или 168,8 и 160,5 (Ω), соответственно. Медианное значение по расстояниям между 74 пунктами, фигурирующими в обоих источниках, составляет 210 стадиев у Пс.-Арриана, и 226,6 (Ξ) или 225,8 (Ω) у Птолемея. При этом среднеарифметическое расхождение между данными Пс.-Арриана и Птолемея (Ξ) составляет по модулю 138 (Ξ) или 135,5 (Ω), а медианное — 91,3 (Ξ) или 98,2 (Ω) стадия. Распределение этих расхождений в зависимости от длины сравниваемых отрезков даёт картину удручающего хаоса. Грубо говоря, это означает, что отдельные расстояния у Пс.-Арриана и Птолемея не согласуются друг с другом почти никогда.

Намного более осмысленный результат даёт сопоставление больших отрезков побережья между ключевыми пунктами (рис. 1): Боспором Фракийским (точнее Византием), Боспором Киммерийским (точнее, Пантикапеем), устьем Борисфена (маркирующим северную границу Понта) и устьем Фасиса (восточная оконечность Понта).

Прежде всего, обращает на себя внимание, что побережье Европы от Византия до Пантикапея у Птолемея заметно короче, чем в других источниках, а побережье Азии от Византия до Ахиллея пропорционально длиннее (табл. 1). Объяснение такого сокращения побережья Европы лежит на поверхности. Карта Птолемея строилась с опорой в первую

Таблица 1

Сравнение данных Птолемея и других античных авторов о протяжённости берегов Понта Эвксинского (все расстояния указаны в стадиях)

Расстояния			Завышение/занижение данных Птолемея относительно других источников			
Автор	Источник	Расстояние	стадий	%	стадий	%
Периметр Понта без проливов (23 018,6 стадия в Ξ или 23 853,4 в Ω)						
Эратосфен	F 116 Roller = Plin. 5.47; F 115 Roller = Plin. 6.3	23 068	-49,4	-0,21	785,4	3,4
Периметр Понта с проливами (23 450,6 стадия в Ξ или 24 144 в Ω)						
Страбон	сумма отрезков	23 290 [1]	160	0,69	854	3,67
Артемидор	Plin. 4.77	23 352	98,6	0,42	792	3,39
Пс.-Арриан	сумма отрезков	23 337,5 (23 457,5)[2]	113,1 (-6,9)	0,48 (-0,03)[3]	806,5 (686,5)	3,46 (2,93)
Побережье Европы от Византия до Пантикапея (9507,4 стадия в Ξ или 10 245,4 стадия в Ω)						
Эратосфен	F 116 Roller = Plin. 5.47	10 708 [4]	-1200,6	-11,21	-462,6	-4,32
Пс.-Арриан	сумма отрезков	10 800 [5]	-1292,6	-11,97	-554,5	-5,13
Страбон (Артемидор)	сумма отрезков	11 180 [1]	-1672,6	-14,96	-934,6	-8,36
Плиний	4.77	11 832	-2324,6	-19,65	-1294,9	-10,94
Побережье Азии от Византия до святилища Ахилла (13 582,8 стадия в Ξ или 13 441,3 стадия в Ω)						
Плиний	сумма отрезков	11 576 [6]	2006,8	17,34	1865,3	16,11
Страбон	сумма отрезков	12 110 [1]	1472,8	12,16	1331,3	10,99
Эратосфен	F 115 Roller = Plin. 6.3	12 360	1222,8	9,89	1081,3	8,75
Пс.-Арриан	сумма отрезков	12 552,5 [7]	1030,3	8,21	888,8	7,08

очередь на астрономические измерения широты. Поскольку при этом Птолемей принял за основу заниженное примерно на 17% значение окружности Земли (180 000 стадиев = 33 300 км), участки побережья, ориентированные с севера на юг и содержащие пункты с измеренными широтами, неизбежно оказывались пропорционально сжаты, вступая в противоречие с данными периплов о расстояниях. Именно такому сжатию подверглось западное побережье Понта.

Северная и южная границы Понта на карте Птолемея отчётливо привязаны к широтам устья Борисфена ($48^{\circ} 30'$) и Византия ($43^{\circ} 5'$). Интервал между этими широтами ($5,416^{\circ}$) очень точно совпадает с реальной разницей между ними: $46,5^{\circ} - 41,01^{\circ} = 5,49^{\circ}$ (вынесем за скобки тот прискорбный факт, что Гиппарх и вслед за ним Птолемей поместили Византий на 2° севернее его реальной широты). Неудивительно поэтому, что длина побережья между Византием и Борисфеном оказывается у Птолемея сильно занижена относительно данных Пс.-Арриана (5600 стадиев): на 23,2% в Ξ (4301) или на 17,7% в Ω (4840). Зато протяжённость побережья от Борисфена до Пантикапея у Птолемея (5206 в Ξ или 5405 в Ω) совпадает с данными Пс.-Арриана (5200) на удивление точно. Здесь вновь приходится вынести за скобки тот печальный факт, что расположение многих пунктов Крымского полуострова у Птолемея перепутано невообразимым образом, что делает крайне затруднительным сопоставление его данных как с современной картой, так и с другими античными источниками (рис. 2).

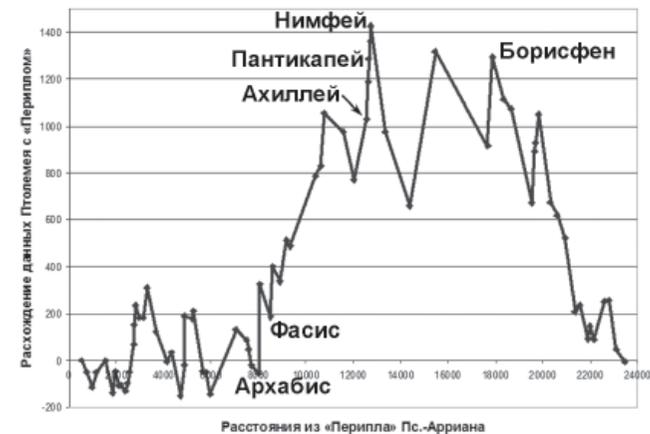

Рис. 2. Расхождение между данными Птолемея и Пс.-Арриана о протяжённости отдельных отрезков побережья Понта (начало координат на карте Птолемея соответствует Византию, у Пс.-Арриана — святилищу Зевса Урия)

Возможно ещё одно объяснение параллельного сжатия/растяжения побережий Европы и Азии у Птолемея. С одной стороны, если представить расхождение между данными Птолемея и Пс.-Арриана о протяжённости отдельных отрезков побережья в виде графика (рис. 2), становится видно, что южная и северо-восточная части азиатского побережья у Птолемея различаются принципиально. На южном побережье (от Византия примерно до устья Архабиса, после которого побережье поворачивает на север) расхождение между двумя источниками осциллирует около нуля, так что в итоге общая протяжённость побережья до Фасиса у Птолемея (8696 стадиев в Ξ и 8569 в Ω) близко совпадает с данными Пс.-Арриана (8512): растяжение составляет всего 2% в Ξ или даже 0,65% в Ω . Совершенно иная картина наблюдается на северо-восточном побережье: от Фасиса до Ахиллея растяжение у Птолемея относительно данных Пс.-Арриана (4040 стадиев) составляет 21% в Ξ (4887) или 17% в Ω (4872) и продолжает нарастать далее, достигая максимума на Нимфее. С другой стороны, любопытно, что параметры карты Птолемея почти идеально соответствуют сообщениям Полибия (*Plin.* 4.77) о том, что расстояние между двумя Боспорами по прямой через открытое море составляет 4000 стадиев. Соблазнительно связать между собой эти два наблюдения и предположить, что растяжение северо-восточного побережья вызвано именно тем, что Боспор Киммерийский был сдвинут на запад для того, чтобы расстояние от него до Византия совпало со значением, указанным Полибием.

Литература

- Л. И. Грацианская. «География» Страбона: проблема источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1986 г. М.: Наука, 1988.
- Д. А. Щеглов. Карта Птолемея и античные периплы // ΣΧΟΛΗ (Schole). Фило-софское антиковедение и классическая традиция. Т. 10. Вып. 2. 2016.
- R. Burri. Die Geographie des Ptolemaios im Spiegel der griechischen Handschriften. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013.
- G.M. Columba. Gli studi geografici nel I secolo dell' impero romano. Ricerche su Strabone, Mela e Plinio. Parte I. Le dimensioni della terra abilitata. Torino, Palermo, 1893.
- A. Diller. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster Press, 1952.
- A. Podossinov. Anonymi Periplus Ponti Euxini (2037) // Die Fragmente der Griechischen Historiker. Part V. Editor in Chief: H.-J. Gehrke. Brill, 2011 (consulted online on 31 August 2016) <http://dx.doi.org/10.1163/1873-5363_jcv_a2037>.
- A. Stückelberger, G. Graßhoff. Klaudios Ptolemaios: Handbuch der Geographie. Griechisch — Deutsch. Einleitung, Text und Übersetzung. T. 1–2. CD-Rom. Basel: Schwabe, 2006.

И. В. Тункина

Картографические и изобразительные документы конца XVIII–XIX в. о Херсонесе Таврическом и памятниках Гераклейского полуострова в Крыму. Новые архивные открытия¹

Мне уже приходилось неоднократно подчёркивать, что огромный массив картографической и визуальной информации XVIII–XIX вв. об археологических памятниках Юго-Западного Крыма, хранящихся в отечественных и зарубежных архивах, лишь в минимальных объёмах используется археологами для изучения древнего культурного ландшафта и реконструкции истории археологического изучения региона.

В ноябре 1786 г. по распоряжению князя Г. А. Потёмкина-Таврического и под личным наблюдением члена-корреспондента Петербургской Академии наук, естествоиспытателя К. И. Габлица (1752–1821) была выполнена широко известная топографическая съёмка Гераклейского полуострова с нанесением на неё видимой на дневной поверхности сети древних дорог («улиц») и развалин построек. «План развалинам древнего Херсона. С показанием бывших прямых улиц земляною и кварталов красною краскою означенных. Сочинён 1786 года» является важнейшим картографическим источником для изучения земледелия античного Херсонеса, так как на нём впервые зафиксированы следы межевой системы (кадастра) древнего города. В документе не только видна рука очень квалифицированного топографа, но и отражён комплексный, экосистемный подход инициатора съёмки К. И. Габлица — пространственные объекты природы и старины картографически зафиксированы как единое целое (Тункина. 2002. С. 487).

В 1808 г. план развалин Гераклейского полуострова, приложенный к неопубликованной рукописи К. И. Габлица с историческим описанием Тавриды, попал в руки митрополиту Евгению (Болховитинову), который опубликовал его уменьшенную гравированную копию в «Отечественных записках» П. П. Свиньина (Е. 1822), затем переиздал в трудах Общества истории и древностей российских при Московском университете (Е. 1828) вместе с уменьшенной копией плана 1786 г. в виде гравюры и комментариями К. И. Габлица к нему, но без указания непосредственного исполнителя съёмки. В 1893 г. А. Л. Бертъе-Делагард, пользовавшийся планом 1786 г. из архива Одесского общества истории и древностей, посчитал, что автором топосъёмки был Стрелов или Строков, при этом пометив, что его «имя написано неразборчиво» (Бертъе-Делагард. 1893.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00010.

С. 5–6. Примеч. 3). До 1941 г. этот план хранился в Одесском археологическом музее, а в годы Великой Отечественной войны, по мнению А. Н. Щеглова, был утрачен (Щеглов. 1993. С. 51–53). Именно «план Строкова» А. Л. Бертье-Делагард считал оригиналом для уменьшенной копии, дважды опубликованной Е. Болховитиновым. Копия плана Одесского общества истории, снятая на кальку в 1930-х гг., хранилась в архиве заповедника «Херсонес Таврический» и была опубликована С. Ф. Стржелецким (Стржелецкий. 1961. С. 169. Рис. 1). В свою очередь В. Д. Блаватский опубликовал уменьшенную копию гравюры с плана 1786 г. по изданию митрополита Евгения (Блаватский. 1953. С. 38), благодаря чему в мировую археологическую литературу он вошёл под названием плана Строкова (Струкова). Однако как мне удалось выяснить, Ананий Герасимович Струков был назначен Таврическим областным землемером лишь 5 февраля 1788 г., спустя два года после составления интересующего нас плана, а 19 сентября 1788 г. был переведён на должность провиантмейстера Перекопской провиантской комиссии (Тункина. 2002. С. 487), поэтому автором топографического плана 1786 г. он быть не мог.

В ходе долгих архивных поисков в Российском государственном военно-историческом архиве мне удалось обнаружить и издать подлинный план 1786 г. с указанием автора съёмки: «Чертил топограф 2 класса Пепелев» и заверительной подписью К. И. Габлица (Щеглов, Тункина. 1996. С. 27–29; Тункина. 2002. С. 485–487. Рис. 126). Наконец, недавно мне удалось найти два плана, известные как планы землемера Аняния Струкова, которые считались утраченными в годы Великой Отечественной войны. Они происходят из архива Одесского общества истории и древностей, и именно их изучал А. Л. Бертье-Делагард. В ходе оккупации Одессы румынскими войсками эти планы, наряду с другими документами Одесского общества истории и древностей, были вывезены в Бухарест. В послевоенные годы часть архива ООИД была возвращена не в Одессу, а в Киев, и ныне хранится в фондах Института рукописи и Сектора картографии Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАНУ. План 1786 г. представлен в двух вариантах — чистовой (СК НБУВ. № 10982) размером 63 × 93 см, масштаб 250 саж. в дюйме, т. е. М 1 : 21 000, и черновой (СК НБУВ. № 17482) размером 64 × 68 см, в том же масштабе (рис. 1), причём последний ошибочно описан как план Аняния Струлова, а не Струкова. Чистовой план полностью повторяет оригинал с подписью Габлица-Пепелева, хранящийся в РГВИА, а черновой план включает только съёмку Гераклейского полуострова Крыма, без вставок — карты Таврической губ. и ведомости расстояний между пунктами. Ещё одна копия в том же масштабе хранится в Российском государственном архиве древних актов в Москве (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5547) — «План развалин древнего Херсонеса

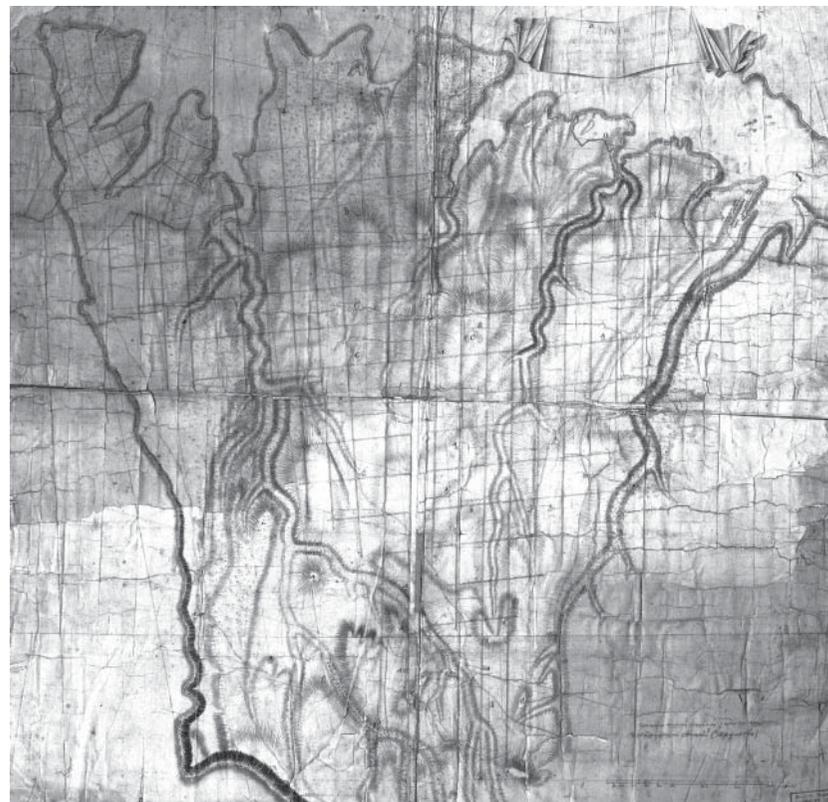

Рис. 1. «План развалин древнего Херсона с обозначением бывших прямых улиц. Снимал Ананий Строков. 1786 г.» (М. 1:21 000). СК НБУВ. Публикуется впервые

с показанием прежних улиц. Копия с плана землемера подпоручика Аняния Струкова» (Тункина. 2016).

Три неопубликованных плана 1825 г. обнаружены мною в фонде Канцелярии Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова в Государственном архиве Одесской области. 10 апреля 1825 г. граф М. С. Воронцов поручил «свиты Его Имп. Величества по Квартирмейстерской части» подполковнику графу Луиджи Серристории (1793–1857) отправиться в Севастополь и «удостовериться, можно ли там устроить водопровод для снабжения казарм водою, в каковом направлении и во что сие устройство могло бы обойтись», а также снять планы археологических памятников Гераклейского полуострова. 18 июля 1825 г. Л. Серристории рапортом доложил графу об исполнении при-

каза. В архивном деле (ГАОО. Ф. 1. Оп. 190 — 1825 г. Д. 68. Л. 26, 29, 30) сохранились: «Топографический план окрестностей древнего Херсониса. Масштаб в английском дюйме 50 саж. Глазомерно снимал квартирмейстерской части подполковник граф Серристри. 1825 год» (Гераклейский полуостров; М 1 : 42 000), «План развалин г. Херсона. Масштаб в английском дюйме 50 саж. Остаток наружной стены. Масштаб в 1 дюйме 3 саж. Инструментально снимал квартирмейстерской части подполковник граф Серристри» (М 1 : 4200), «План развалин г. Херсона на мысе, называемом Caput. Parthenium 1825 года. Масштаб в английском дюйме 500 саж. Инструментально снимал квартирмейстерской части подполковник граф Серристри. 1825» (Маячный полуостров; М 1 : 42 000) (Рис. 2). Эти планы дают представление о степени сохранности археологических памятников Гераклейского полуострова, Херсонеса и Старого Херсонеса Страбона до начала раскопок плантера Карла Крузе на городище Херсонеса в 1827 г. Одна из карт представляет первую специальную тематическую археологическую карту памятников Маячного полуострова, снятую инструментально. На планах показаны впоследствии уничтоженные в результате антропогенного воздействия остатки античного культурного ландшафта на территории Гераклейского полуострова. К сожалению, эти картографические документы остались неизвестны археологам и не учтены Г. М. Николаенко при реконструкции античного кадастра Херсонеса Таврического (Николаенко. 1999; 2001).

В Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского Национальной академии наук Украины обнаружены документы о разведках и раскопках членов Одесского общества истории и древностей на городище Херсонеса и в Юго-Западном Крыму, но разной степени информативности. Среди них оригинальные цветные планы и акварельные рисунки под названием «Планы и виды развалин древнего Херсонеса и инкерманских пещер. 1876» (V, 4853, на 11 листах). Они были изготовлены к статье капитана 1-го ранга, действительного члена Одесского общества истории и древностей (с 1846 г.) З. А. Аркаса «Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса» и изданы в виде литографий (Аркас. 1848; 1879). В том же собрании хранятся: «План участка земли, предполагаемого к уступке Черноморским ведомством Епархиальному для возобновления святых мест и обителей на развалинах древнего Херсонеса. Снимал с натуры и чертил инженерный прапорщик Диммерт», видимо, ноябрь 1851 г., масштаб в 1 англ. дюйме 30 саж. (V, 7564); записка игумена Херсонесского монастыря Василия (Юдина) архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию (Борисову) 1852 г., со схематическим глазомерным наброском городища Херсонеса, который позволяет точно локализовать «три разрытых места на глубину до 5 сажений, на насыпи херсонесской»,

Рис. 2. «План развалин г. Херсона на мысе, называемом Caput. Parthenium 1825 года. Масштаб в английском дюйме 500 саж. Инструментально снимал квартирмейстерской части подполковник граф Серристри. 1825» (М. 1:42000). ГАОО. Публикуется впервые

т. е. показывает место раскопок Д. В. Карейши в августе 1842 г. в «продолговатой огромной насыпи» и открытую древнюю цистерну (Тункина. 2002. С. 517), а также локализацию на городище «новой церкви временной, строящейся теперь во имя Св. Великой княгини Ольги» (V, 769. Л. 4); «План раскопок на месте древнего Херсониса с показанием работ, произведённых в 1876 году», снятый военным инженером полковником К. Ф. Геммельманом (V, 4852); «План раскопок на месте древнего Херсонеса, с показанием работ, произведенных в 1876–1877 гг. Херсонесско-монастырский мыс, снятый в 1876 г.» (V, 16781); рисунки двадцати трёх византийских капителей (№ 1–23) «По древнему Херсонесу. Рисунки капителей, открытых при раскопках, произведённых в 1876, 1877 и 1878 годах. Снимал с натуры и чертил кондуктор Прудентов», заверенный подписью инженер-полковника К. Ф. Геммельмана (V, 17741); «План раскопок на месте древнего Херсониса, произведённых в 1878, 1879 и 1880 годах, до 1 января 1881 года. Город Севастополь, июня 10 дня 1881 года. Чертил и снимал с натуры инженерный кондуктор Прудентов» (V, 15846); «План раскопок на месте древнего города Херсонисса, с показанием работ, произведённых в 1885 году» (V, 17440).

Часть рисунков и планов, иллюстрирующих раскопки монахов монастыря и Одесского общества истории и древностей в Херсонесе в середине — второй половине XIX в., сохранилась в Научном архиве Одесского археологического музея НАНУ. Это рисунок 1830-х или 1840-х гг. колонны «из древнего Херсона, из камня неизвестного белого мрамора»; «План фундамента древней церкви, с зильём, в городе Херсонесе, что возле Севастополя. Составлен в 1852 году» (№ 59852. Л. 1), «План стен фундамента древней церкви, предполагаемой к возобновлению, на развалинах Херсонеса Таврического» (№ 59852. Л. 2), которые фиксируют результаты раскопок иеромонаха Василия 1852 г. (планы были сняты З. А. Аркасом и Н. Н. Мурзакевичем в том же году); «План местности, расчищенной под площадь сооружаемого храма Св. Владимира в Херсонесе, с показанием старых частей прежде существовавших зданий», заверенные монастырской печатью, подписью настоятеля Херсонесского ставропигиального Св. Равноапостольного кн. Владимира монастыря игумена Евгения и «строителя храма поручика Вяткина», вероятно, 1860 или 1861 г. (№ 59851); рисунки византийских капителей (№ 24–33): «По древнему Херсонису. Рисунки капителей, открытых при раскопках, произведённых в 1876, 1877 и 1878 годах. Снимал с натуры и чертил кондуктор Прудентов», заверенные подписью инженер-полковника К. Ф. Геммельмана (№ 59863); фрагментированный «План древнего водопровода в Херсонесе» на миллиметровке, снятый «посредством буссоли» членом-сотрудником ООИД А. Г. Недзельским 2 марта 1881 г. (№ 59833); планы раскопок, произведённых в древнем

Херсонесе в 1883–1884 гг., снятые с натуры штабс-капитаном Д. С. Григорьевым (№ 59834).

Таким образом, киевские и одесские картографические и изобразительные документы о раскопках членов Одесского общества истории и древностей в Херсонесе дополняют друг друга, а их анализ в сочетании с изучением официальной документации о раскопках и перепиской его членов с Н. Н. Мурзакевичем, хранящейся в архивах Одессы, Киева и Санкт-Петербурга, позволят реконструировать ход и результаты малоизученных раскопок членов ООИД в Херсонесе в середине — третьей четверти XIX в., до начала систематических раскопок Императорской Археологической комиссии.

Литература

3. А. Аркас. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. Отд. изд.: Николаев, 1879 (с портретом автора и 9 табл. чертежей).
- А. Л. Бертье-Делагард. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической комиссией. № 12. СПб., 1893.
- В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Е. [Е. А. Болховитинов]. О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Отечественные записки. 1822. Ч. 9. Кн. 22.
- Е. [Е. А. Болховитинов]. О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете. 1828. Ч. 4. Кн. 1.
- Г. М. Николаенко. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. В 2-х ч. Севастополь, 1999. Ч. 1.
- Г. М. Николаенко. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Севастополь, 2001. Ч. 2.
- С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму / Херсонесский сборник. Вып. 6. Ред. А. С. Башкиров. Севастополь, 1961.
- И. В. Тункина. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
- И. В. Тункина. Археологические памятники Гераклеийского полуострова Крыма в русских картографических документах XVIII–XIX вв. // Парадигмы истории и общественного развития. Севастополь, 2016. Вып. 2. (В печати).
- А. Н. Щеглов. Первые археологические карты Гераклеийского полуострова (к истории археологической топографии) // Проблемы истории отечественной археологии: тез. докл. конф. (11–13 декабря 1990 г.). СПб., 1993.
- А. Н. Щеглов, И. В. Тункина. Из истории изучения античного культурного ландшафта в Крыму (конец XVIII — первая половина XX в.) // Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара Института истории материальной культуры РАН. СПб., 1996. — (Археологические изыскания. Вып. 33).

А. А. Супренков

Боспорские ворота — новейшее открытие при раскопках на Узунларском валу

Узунларский (Киммерийский, Аккосов) вал в Восточном Крыму является одним из древнейших и наиболее впечатляющим земляным погранично-оборонительным сооружением на юге России. Это самый крупный и протяжённый среди валов Керченского полуострова. Его длина составляет чуть менее 35 км, и он фактически простирается от Азовского моря до Чёрного, отгораживая восточную часть полуострова от остального Крыма. Часть исследователей полуострова полагала, что в известной легенде, изложенной Геродотом о рве, выкопанном потомками слепых рабов (Herod., IV, 3), речь и идёт об Узунларском вале, несмотря на определённое несоответствие текста существующим географическим реалиям. Что касается известного текста Страбона в котором упоминается боспорский царь Асандр (Strabo, IV, 6), то в начале 2000-х гг., благодаря работам Восточно-Крымской археологической экспедиции под руководством А. А. Масленникова, где автору посчастливилось принимать личное участие, удалось убедительно доказать, что упомянутые в тексте «башни» действительно расположены именно на нём. В монографии, изданной по результатам работ, А. А. Масленников подробно излагает историю изучения вала (Масленников, 2003), что даёт нам возможность не описывать её. Отметим только, историки и путешественники интересовались этим объектом ещё с конца XVIII вв., а первые археологические исследования здесь относятся к началу XX в. Затем Узунларский вал обследовался Г. Ф. Гайдукевичем (Гайдукевич, 1949. С. 71) и В. Д. Блаватским (Блаватский, 1954. С. 102–103). Археологические работы конца XX вв. были, как правило, связаны с хозяйственным освоением территории и осуществлялись Крымским филиалом Института археологии. По их результатам сделан ряд интересных предположений и вышло несколько статей (Мосейчук, 1983. С. 74–77; Ланцов, Голенко, 1999. С. 177–181; Колтухов, Труфанов Уженцев, 2003. С. 180). Наконец, как говорилось выше, масштабные исследования проводились здесь Восточно-Крымской археологической экспедицией в начале 2000-х гг. В частности был сделан ряд стратиграфических разрезов вала с использованием современных естественнонаучных методов, а также локализованы и раскопаны «башни Асандра». По результатам этих работ А. А. Масленников предположил, что вероятнее всего Узунларский вал был сооружён в начале III в. до н. э. (Масленников, 2003. С. 208–210).

Коснёмся одного из моментов соответствующих работ ВКАЭ. Обследуя участок к югу от городища Савроматий, А. А. Масленников

описал один из участков вала, где за проездом в его линии располагался большой курган высотой до пяти метров. Исследователь предположил, что в этом месте расположен какой-то важный «узел» линии обороны.

Много лет спустя, осенью 2015 г. автор этой заметки посетил указанный участок уже в качестве начальника отряда охранной археологической экспедиции ИА РАН. Нами проводилось обследование памятников археологии, попадающих в зону строительства газопровода Краснодарский край — Крым. При осмотре вышеописанного кургана на его вершукке нами была обнаружена глубокая грабительская яма. В её стенках были видны золистые слои и камни, а в отвалах находились фрагменты античной керамики, что дало нам возможность предположить, что на вершукке кургана, вероятно эпохи бронзы, могла находиться каменная постройка античного времени, связанная с проездом в линии вала. На данном участке были организованы масштабные охранные археологические раскопки, которые были начаты в мае сего года и проводятся по сей день¹.

В первый же месяц работ на вершине кургана была выявлена античная каменная «башня» неплохой в целом сохранности, хотя часть стен были разобраны. Она была прямоугольной в плане, вытянутой по линии СЗ–ЮВ, размеры по внешним кладкам составляли примерно 10 × 6 м. Толщина большей части стен в среднем была 1,1 м. Исключение составляла стена посередине, ориентированная СВ–ЮЗ и разделявшая её как бы на два помещения, ширина которой достигала 2,5 м. Такой же толстой была и внешняя СЗ стена. Помещения были прямоугольными, слегка вытянутыми по линии СВ–ЮЗ. СЗ помещение размерами 4 × 3 м было немного больше ЮВ, размеры которого составляли 3 × 2,5 м. Высота всех стен нигде не превышала 0,5 м — 2–3 ряда кладки. К ЮЗ от «башни» параллельно её ЮЗ стене находилась ещё одна невыразительная стена длиной около 7 м. Она была расположена ниже и не состыковывалась со стенами «башни». На пространстве к СВ от этой стены прослеживались следы горения. Такие же следы были и на предполагаемых «полах» помещения. Ниже их находился слой насыпи кургана. Отметим, что постройка может интерпретироваться как башня весьма условно, особенность же кладок и некоторые находки (лепной светильник, курильница), могут указывать и на её сакральное назначение.

К востоку от «башни», где-то в 15 м от её центра за восточной полой кургана начинался «двор» с множеством хозяйственных ям в материке. На настоящий момент исследовано более двух десятков.

¹ На момент написания текста работы были завершены наполовину. В связи с этим мы не даём пока никаких окончательных интерпретаций выявленных построек и точных датировок.

Они довольно однотипны, имели около 1 м в диаметре и достигали глубины также до метра. Хотя среди них встречались и более крупные. В заполнении попадались предметы, характерные для античных сельских поселений Боспора. Об этом чуть позже.

В 20 м к 3 от центра башни также было выявлено несколько хозяйственных ям, и здесь же начиналась водоотводная система, представленная двумя неглубокими, но протяжёнными (до 60 м) параллельными рвами. На СВ они соединялись перемычкой длиной около 7 м. Рвы упирались в Узунларский вал, стратиграфический разрез которого показал, что он вроде бы их перекрыл, однако исследования здесь ещё не завершены.

Разрез самого вала показал интересные особенности его формирования, в частности было установлено, что он, по крайней мере, не один раз досыпался с восточной стороны. Ширина вала в основании составила 18 м при высоте до 3,5 м.

Тем временем каменная конструкция на вершущке кургана была разобрана и была исследована его центральная часть. Она содержала погребение, оформленное кольцевой каменной конструкцией диаметром 6,5 м при высоте до 2,5 м. Камни были пристроены к ещё одной, внутренней земляной насыпи. Внутри неё было ещё одно каменное кольцо диаметром 2,5 м где и находилась могильная яма. Погребение, увы, оказалось ограбленным и содержало только разрозненные кости и несколько лепных черепков.

Далее к западу от вала раскоп достиг горловины рва. Её ширина достигала 13 м. При выборке заполнения, толщина которого составила 6 м, непосредственно к СЗ от упомянутой водоотводной системы нами было выявлено грандиозное архитектурно-археологическое сооружение — «Боспорские ворота» (рис. 1), аналогов которому ранее не было известно на территории Северного Причерноморья. Дадим их краткое описание. Собственно говоря, это был проезд через ров, ориентированный СВ–ЮЗ шириной около 5 м, оформленный двумя каменными опорами. Это две параллельных стены от ЮЗ краёв которых в стороны, на СЗ и на ЮВ соответственно отходили две более короткие перпендикулярные. Длина длинной стены СЗ створки составляла 12,5 м, при средней ширине 3,5 и высоте до 4 м. Короткая перпендикулярная стена была длиной 3 м при ширине 2,5 и высоте 3 м. Длина длинной стены ЮВ створки составила 10 м при ширине 3,2 и высоте до 4 м; длина короткой стены была 3 м, при ширине до 2 и высоте до 3,7 м. Конструктивной особенностью обеих створок ворот было то, что их ЮЗ часть было сконструирована из крупных ($1 \times 0,5 \times 0,5$ м) обработанных рустованных блоков, а СВ из необработанных (разные строительные периоды или конструктивная особенность(?)). Со всеми особенностями этой постройки нам предстоит разобраться после завершения работ.

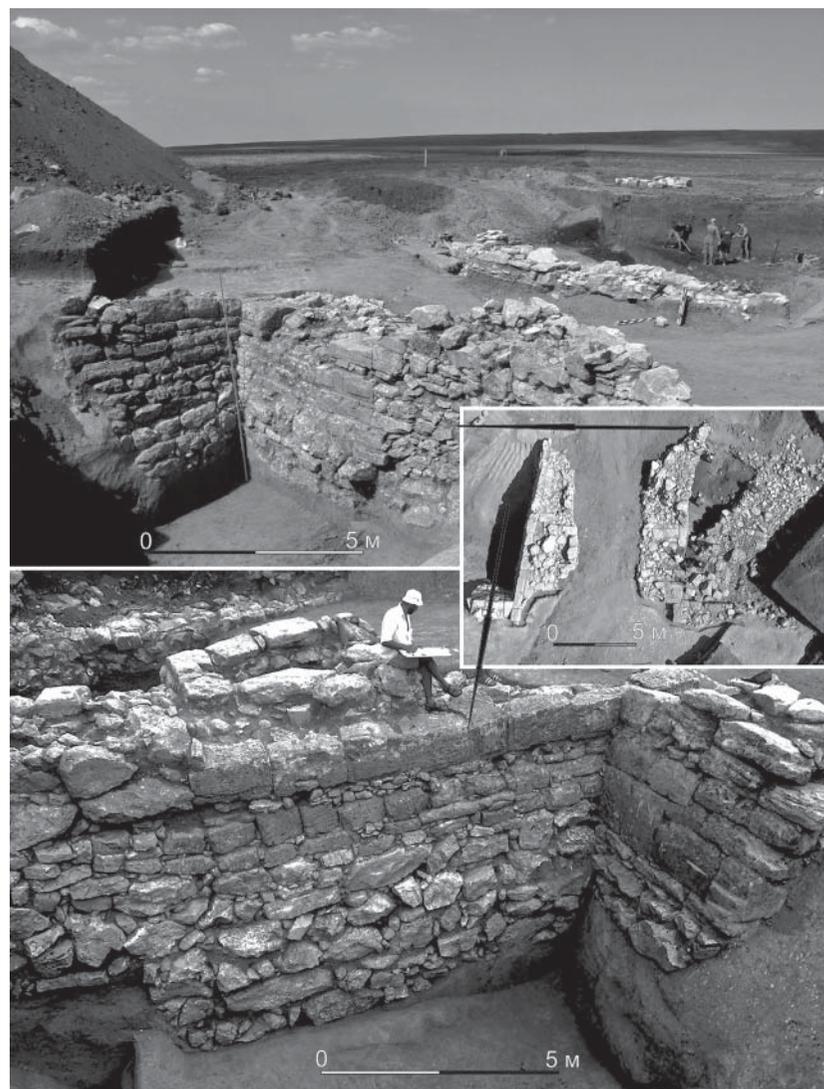

Рис. 1 — «Боспорские ворота»: вид с В на ЮВ створку; снимок с коптера вид с ЮЗ; вид с Ю на СЗ створку. Авторы снимков А. А. Супренков, К. М. Морозов, Н. Ю. Требухина

Любопытная находка ждала нас, в процессе выборки насыпи самого проезда. В СВ стенке рва было вскрыто женское погребение (рис. 2) с сохранившимся инвентарём — целым кувшином, тарелкой, бронзовым зеркалом и серьгами, железным ножом. Сероглиняный кувшин с витой ручкой, по мнению С.Ю. Внукова, может датироваться рубежом эр. Но не будем спешить с датировками построек.

Рис. 2 — погребение в СВ стенке рва, вид с ЮЗ

Вообще говоря, в ходе раскопок, уже собрана внушительная коллекция артефактов. Среди коллекционных вещей встречались бронзовые и железные наконечники стрел, граффити на амфорных стенках, бронзовые браслеты и фибулы, монеты, бусины, целые керамические светильники и посуда. Массовый материал был представлен большим разнообразием фрагментов амфор, представленных такими центрами как Хиос, Фасос, Синопа, Гераклея, Менда, Кос, Родос, Икос, Колхида, а также множеством фрагментов глиняной посуды. Предметы имеют широкую датировку. На сегодняшний день самая ранняя из вещей — ножка хиосской амфоры второй четверти V в. до н. э. (!) (Монахов. 2003. Табл. 6), поздние же предметы относятся ко II в. н. э. (Амброз. 1966. С. 49–50).

Распределение этого датирующего материала неоднородно. Пока лишь отметим большое число предметов IV в. до н. э. в слоях связанных с «башней», при преобладании всё-таки вещей I в. до н. э. — I в. н. э. Надеемся, что продолжение работ и анализ результатов, позволят решить интереснейшую научную задачу — уточнить время сооружения Узунларского вала.

Литература

Геродот. История в 9-и книгах. Л., Изд-во наука. 1972. Перевод и примечание Г. А. Стратановского под общей редакцией проф. С. А. Утченко. Редактор перевода Н. А. Мецгерский.

- Страбон.* География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста 1964 г. М., «Ладомир», 1994. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского под общей редакцией проф. С. А. Утченко. Редактор перевода О. О. Крюгер.
- А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. М., Изд-во Академии наук СССР, 1966. — (САИ. Вып. Д 1–30).
- В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., Изд-во Акадеии наук СССР, 1954.
- В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- С. Г. Колтухов, А. А. Труфанов, В. Б. Ужинцев. Новые материалы к строительной истории Узунларского рва и вала. // ДБ. 2003. Вып. 6.
- А. А. Масленников. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, Гриф и К, 2003.
- С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М., Саратов, Из-во «Киммерид», Изд-во Саратов. ун-та, 2003.
- В. С. Мосейчук. Аккосов вал // КСИА. 1983. № 174.
- С. Б. Ланцов, В. К. Голенко. О западной границе Боспора в IV в. н. э. (по материалам археологических исследований 1999 г.) // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 1999.

Н. И. Сударев

Погребения некрополя «Виноградный 7» (раскопки 2015–2016 гг.)

Поселение и некрополь «Виноградный 7» расположено в 4,8 км к северо-западу от ст-цы Вышестеблиевской, в 3,8 км к северо-востоку от пос. Виноградный и в 3,5 км к югу от посёлка Приморский. Поселение находилось у древней дороги, которая соединяла Фанагорию с пос. Виноградный 1 и северо-западной оконечностью Кизилташского Лимана¹ — крупнейшего лимана дельты Кубани, имеющего выход в Чёрное море². По мнению Я. М. Паромова эта дорога была одной из трёх основных дорог Таманского полуострова и проходила от Голубицкого острова, через Фанагорию до м. Панагия (Паромов. 1998. С. 219–220. Рис. 2). В районе поселения Виноградный 7 от основной дороги, в юго-западном направлении, в сторону поселения, отходит ещё одна, меньших размеров, которая далее продолжается в западном направлении и маркируется цепочкой курганов и поселений. Вероятно, ещё существовали ответвления в восточном направлении, в сторону поселений Вышестеблиевская 16 и 10, а так же в юго-восточном в сторону поселе-

¹ В настоящее время эта часть называется Цукур Лиман.

² До начала XX века именно в этот лиман вливалась большая часть вод Кубани.

ния Вышестеблиевская 9. Судя по наличию в курганах, маркирующих эти дороги погребений эпохи бронзы и раннежелезного века, можно предположить, что они сформировались ещё в догреческий период¹, вероятно в эпоху ранней бронзы и действовали к моменту греческой колонизации региона. Из примечательных особенностей следует отметить, что поселение расположено в долине между естественными возвышенностями, на которых находятся с восточной стороны курганы Большая и Малая Близницы², а с западной — Васюринский курган.

Впервые поселение Виноградный 7 было отмечено, как «следы античной культуры», на карте древностей Таманского полуострова, составленной в 1925–27 гг. С. Ф. Войцеховским. Позднее А. А. Миллер уточнил эту относительную датировку, охарактеризовав интересующий нас объект, как поселение, относящееся к «классическому эллинистическому и римскому периоду», и поместив его под № 32 на своей карте археологических памятников Тамани, составленной в 1930–31 гг. В 1984 г. памятник был обследован разведочным отрядом Института археологии АН СССР под руководством Я. М. Паромова, который и дал ему современное название, отметив на составленной им археологической карте Таманского полуострова под номером 166 (Паромов. 1992. С. 535). Яков Максимович определил это поселение как сельское, с чем, однако, трудно согласиться. Против этого говорит как наличие перекрестка нескольких дорог, что делает его стратегическим пунктом, так и наличие обширного и насыщенного некрополя, находки архитектурных деталей от разнообразных каменных строений, в том числе фрагменты антаблемента эллинистического храма дорического ордера, архитрава с овами и двустрочной надписью и т. д.

Предварительно поселение было датировано VI в. до н. э. — I в. н. э. Впоследствии данная датировка была уточнена. Отдельные ямы и комплексы на данном памятнике датируются IX–VII вв. до н. э., однако преемственность между ними и возникшим на этом месте греческим поселением не прослеживается. Наиболее ранние из встреченных при раскопках фрагментов керамики датируются в пределах первой половины V в. до н. э.³, а наиболее поздний массовый материал в пределах X–XI в. н. э.

Раскопки на данном поселении и его некрополе велись с 1993 года в течении шести⁴ полевых сезонов экспедицией КубГУ под руководством

¹ На этих дорогах расположены также поселения от IX–VII вв. до н. э. до средневековья.

² А чуть восточнее — один из самых значительных на Тамани курганов — Бююр-Гора (Буерова Могила).

³ Что на наш взгляд не исключает возможность появления поселения уже в конце VI в. до н. э.

⁴ В 1993 (Н. Ю. Лимберис), 2001 (Н. Ю. Лимберис), 2002 (В. В. Бочковой), 2004 и 2005 (В. Ю. Кононов) и в 2006 (В. В. Бочковой).

И. И. Марченко. В этот период исследовалась в основном его северо-западная часть, где помимо курганов был выявлен и частично исследован участок поселения раннесредневекового и средневекового времени, а также синхронный ему грунтовый некрополь¹.

Всего экспедицией И. И. Марченко было исследовано 20 курганов. В процессе исследований было выявлено, что часть «курганов» являлось естественными всхолмлениями, впрочем, используемыми под захоронения в античное и средневековое время. Всего было исследовано 197 погребений из которых 2 относятся к эпохе бронзы, 80 — средневековые, 104 — античного времени, остальные не атрибутируются.

Из античных погребений к IV в. до н. э. относятся два, к III–II — 85.

Основной тип погребальных сооружений — простые могильные ямы. Однако также встречены 26 склепов, преимущественно III–II вв. до н. э., пять подбойных могил, три кремации и одна разрушенная черепичная могила. Кроме того, выявлено 44 детских погребения в эллинистических амфорах.

Во время исследований 2015–2016 гг. работы велись в северо-восточной и восточной части памятника. На этой территории было открыто 358 погребений². Из них к эпохе бронзы и раннежелезному веку относятся три погребения, девяносто погребений относятся к эпохе средневековья, 265 — к античному времени.

Общая датировка обнаруженных погребений античного времени укладывается в IV–I вв. до н. э., при этом доля погребений IV в. до н. э. в восточной части возрастает по сравнению с северо-восточным участком. Погребения III в. до н. э. расположены равномерно по обоим участкам, а погребений II–I вв. до н. э. в восточной части значительно меньше, чем в северо-восточной.

Большинство погребений совершены в простых грунтовых ямах и ямах с заплечиками. Выделяются как ямы с заплечиками по периметру, так и ямы с заплечиками по длинным сторонам. В ямах встречены как индивидуальные захоронения, так и парные и последовательные.

Следующим по распространённости типом погребальных сооружений на данном некрополе являются подбойные могилы. Их выявлено 31. Они довольно однотипны, подбой расположен по длинной стороне (как справа, так и слева). Обычно ширина подбоя равна ширине входной ямы. Они, как правило, имеют заклад из сырцовых кирпичей. Обычно индивидуальные, хотя зафиксированы и повторные захоронения

¹ В дальнейшем этот участок был выделен в отдельное поселение и ему присвоено имя «Гора „Чиркова“ 1». Под этим наименованием оно исследовалось в 2015 и 2016 гг.

² Данные на начало сентября 2016 г.

в подбой. Появляются в IV в. до н. э. и продолжают существовать в течении всего времени существования некрополя.

Ещё одним типом погребальных сооружений, выявленных на некрополе, является «грунтовый склеп». Их зафиксировано 12. Они довольно однотипны. Входная яма, как правило, прямоугольная или трапециевидная, часто со ступеньками. От погребальной камеры она отделена небольшим коридорчиком-дромосом. В большинстве случаев дромос запечатан закладом из сырцового кирпича. Дромос всегда расположен выше пола погребальной камеры. Сама камера имеет овальную или прямоугольную форму. Использовались они для многократных, видимо семейных, захоронений. Наиболее ранние появляются в конце IV– начале III в. до н. э. и существуют до I в. до н. э.

На территории некрополя встречено также 10 сырцовых ящиков. Все они датируются IV в. до н. э., и после этого периода не встречаются. Все они имеют прямоугольную форму, во многих совершены парные или последовательные захоронения. Типологически к ним примыкает сырцовый склеп. Он также имеет прямоугольную форму, однако от сырцовых ящиков его отличает наличие входа со ступенями и пола мощенного так же сырцовым кирпичом. Такая форма довольно редка и в грунтовых некрополях почти не встречается. Однако, на расстоянии 2 км к югу от некрополя Виноградный 7, на той же древней дороге был исследован ещё один некрополь «Виноградный Северо-Восточный», в котором встречено аналогичное сооружение.

В единичных случаях встречены: каменный ящик, выполненный из хорошо обработанных каменных блоков и с каменным перекрытием; черепичная гробница и кремация в урне.

Перекрытия, в тех случаях, когда их удалось проследить были из досок. Кроме того, зафиксированы случаи перекрытия погребений досками с камкой и досками и сырцовыми кирпичами.

Отдельная категория погребений — это детские погребения в сосудах. Как правило, использовались крупные части амфор, положенных на бок и закрытых либо фрагментом керамики, либо другой крупной частью амфоры. В ряде случаев под вместилище использовались крупные фрагменты стенок амфор. Таких погребений известно около сотни. Они известны как на северо-восточной, так и на восточной частях некрополя, однако основная их часть расположена компактно на восточной части некрополя, образуя выделенный участок детского некрополя. Следует отметить, что на этом же участке расположены тризны и верхние части амфор вкопанные горлом вниз и выполняющие функцию простейших жертвенников-эсхар. Аналогичную картину мы видим и в северо-восточной части некрополя. Несмотря на то, что там детских погребений в амфорах значительно меньше (6), они группируются вблизи тризны, на которой так же выявлены каменные алтари-

ки — эсхары. Датируются детские погребения в сосудах в пределах IV–I вв. до н. э.

Преобладающая ориентировка погребённых, за исключением «амфорных» — восточная и северо-восточная. Ориентировка погребённых в склепах — ногами ко входу в склеп. Часть погребённых ориентирована ногами к древней дороге. Следует отметить, что вокруг сырцового склепа со входом сгруппировано несколько детских погребений в простых могильных ямах, ориентированных на склеп.

Основным типом обращения с трупом является ингумация, однако встречены и 2 кремации — «в урне» и «на месте». Последнее погребение было перекрыто черепицами поставленными в виде двускатной крыши. Преобладающее положение погребённых — вытянуто на спине, однако встречены и слабо скорченные погребения на боку, а так же погребения в позе «всадника». Такие погребения более характерны для IV в. до н. э. Следует отметить одно парное погребение в положении «слабоскорченно на боку» с детским амфорным погребением. Полная аналогия подобному погребению нам известна в некрополе Абдер (Scarlatidou. 1986. Fig. 8; 1987. P. 427).

Инвентарь в погребениях довольно стандартный и небогатый. Для IV в. до н. э. характерно наличие одного или нескольких лекифов, простого кувшина или амфоры, мисочки или солонки, сосуда для питья, железного ножа, бронзовой иглы. Для более позднего времени — наличие керамического унгентария, кувшина или пелики, леканы, миски или солонки, железного ножа. Из украшений встречаются бусы, перстни, реже — серьги и браслеты. Оружие в погребениях встречается редко, практически исключительно в погребениях IV в. до н. э. Из типов оружия найдены стрелы и копья. Следует отметить находку в нескольких погребениях IV в. до н. э. преднамеренно отбитых нижних частей сосудов. Так же, для IV в. до н. э. характерно наличие в погребениях преднамеренно разбитых лекифов или лекифов с отбитым горлом.

Встреченные при раскопках данного некрополя погребальные сооружения широко представлены в различных некрополях Боспора VI–I вв. до н. э. Так, ящики из сырцового кирпича распространены на всей территории Боспора начиная с VI в. до н. э., но особенно они распространены на территории Азиатского Боспора. В частности в некрополе Кеп нам известно не менее 10 таких сооружений, в некрополе Фанагории — около 30. Наиболее распространены в этих некрополях и захоронения в подбойных могилах — 17 в Кехах и 10 в Фанагории¹, при том, что в других некрополях Азиатского Боспора их число невелико. Грунтовые склепы также широко распространены на территории как Азиатского, так и Европейского Боспора, отличаясь конструктивными

¹ В данной выборке не учтены результаты ещё неопубликованных исследований.

особенностями. Следует отметить и наличие в некрополе у пос. Виноградный 7 детских погребений в амфорах, которые на Азиатском Боспоре представлены неравномерно. Наибольшее их количество известно в некрополях Кеп и Фанагории.

Всё это, а так же расположение некрополя у древнего пути, ведущего от Фанагории к Кизилташскому лиману видимо говорит о связи населения его оставившего с хорой Фанагории.

В конце хотелось бы остановиться на вопросе, непосредственно связанном с темой конференции — выделение погребений «элитарных» или, что более правильно для нашего случая — «статусных». В конце V–IV вв. до н. э. на Боспоре начинают выделяться погребения «элиты». Это и курганы Юз-Обы, и курганы знати Азиатского Боспора — Большая и Малая Близицы, Буерова могила, Зеленский и Васюринский курганы и т. д. Однако городские некрополи в это время продолжают оставаться относительно однородными. Именно это мы и наблюдаем на примере исследуемого некрополя. Вероятно для подобных некрополей этого времени основными критериями для выделения «статусных» погребений должны служить не только отличия в наборе инвентаря, а также местоположение в некрополе и количество усилий потраченных на возведение того или иного погребального сооружения. Изучение погребений некрополя Виноградный 7 показывает следующую взаимосвязь:

1) наиболее сложное погребальное сооружение — сырцовый склеп с выложенным сырцовым кирпичом полом, оформленным входом с выложенными сырцом ступеньками и сырцовым сводом (погр. 33/2016). Это погребение было ограблено в древности. Однако, это погребение расположено на естественной возвышенности, у древней дороги, рядом с участком тризн и детских погребений и именно на него ориентирован ряд простых детских погребений.

2) Сырцовые ящики 20 и 32/2015 расположены у древней дороги. Рядом с ними расположен участок тризн IV–III вв. до н. э. Оба погребения помимо расположения и сравнительно сложной конструкции отличаются и большим разнообразием и качеством инвентаря.

3) Сырцовые ящики 1 и 2 кургана 7. Этот «курган» являлся естественной возвышенностью на перекрёстке трёх древних дорог. В качестве места захоронения его использовали ещё в эпоху бронзы. В обоих случаях погребения были парные, в обоих случаях отличались разнообразием инвентаря. В погребении 1 ограбленном в древности из инвентаря сохранилось: фасосская амфора, простая пелика, краснофигурная аттическая пелика, набор чернолаковых арибаллических лекифов, бронзовые стрелы, монеты, оселок в бронзовой обкладке, два наконечника копья положенные крест-накрест и т. д. В погребении 2 — чернолаковый канфар, набор арибаллических лекифов, перстни, кольца, серьги, бусы, кувшины, миска, золотые нашивные бляшки в виде головы богини.

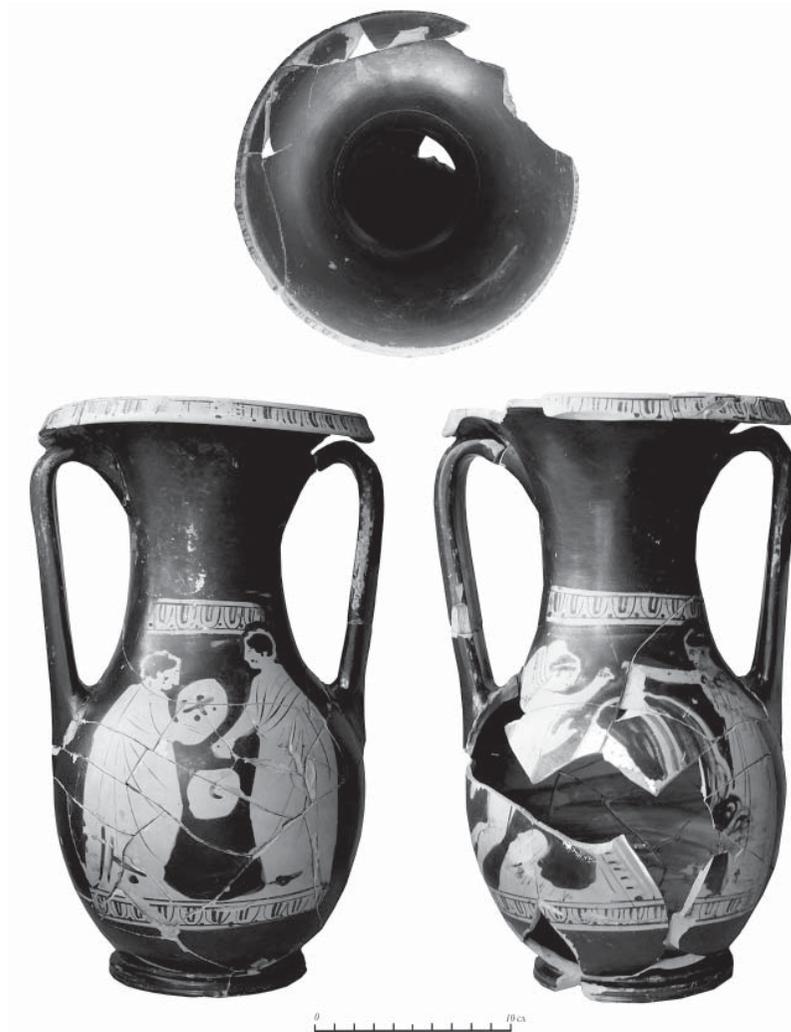

Рис. 1. — Пелика из погребения 1 кург. 7/2016

Таким образом, при изучении рядовых некрополей поселений Азиатского Боспора, для выделения «статусных» для этих некрополей погребений помимо отличий в наборе и качестве инвентаря следует обращать внимание на местоположение погребения, его взаимосвязь с соседними погребениями и тризнами, а так же количество труда затраченного на возведение погребального сооружения.

Рис. 2. — Нашивные бляшки из погребения 2 кург. 7/2016

Литература

- Я. М. Паромов. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. 1998. Т. 1.
 Я. М. Паромов. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992 (Депонирована ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992).
 E. Skarlatidou. The archaic cemetery of Abdera // Thracia Pontica III. Sozopol, 1986.
 E. Skarlatidou. Excavations research in the archaic cemetery of Abdera// АЕМО. 1987. Т. 1.

А. К. Каспаров, А. А. Масленников

Поселение Генеральское — хозяйственный уклад в усадьбе знатного пантикапейца¹

Выделение элиты античного общества и близких к ним по времени и укладу полуварварских социумов всякого рода (политическая, военная, имущественная, интеллектуальная, торговая и т. п.), вернее, уровня на материалах столь же разного характера и хронологии некрополей и могильников — дело благодатное, интересное, а главное, по своим выводам в немалом числе случаев понятное и почти бесспорное. Совсем иное дело — поселенческие структуры, тоже разного типа и времени. В больших или лучше сказать, настоящих античных городских центрах, осо-

¹ Выступление и заметка подготовлена в рамках работ по проекту гранта РГНФ №15-31-10125.

бенно столичного ранга начиная с эллинистического времени (микено-минойскую эпоху мы, естественно, не рассматриваем) это задача относительно нетрудная, хотя и касается самого «верхнего» «эшелона». Для того же, что несколько «ниже» — нашей информированности (письменная традиция и археология) уже недостаточно. Иное дело, римское, точнее, императорское время. Здесь всё предельно ясно: вот «Золотой дом» Нерона и дворец Диоклетиана, вот виллы Плиния Младшего, вот, наконец, «жилище» Тримальхиона, а вот кварталы домовладений «рядовых» и не очень жителей Помпеи и многих, многих других городков и городов Империи, постоянные дворы, харчевни, лупанары или опять-таки столичные «многоэтажки» — инсулы — прибежище всякого рода бедноты. Правда и тут не всё так «прямолинейно». Август жил достаточно скромно. Марциал — порой просто «ниже плинтуса»... Да и на «хоре» есть, что и с чем сравнивать. Пиши — не хочю! Ну, это там, вокруг «римского озера»... В нашем северопричерноморском захолустье — всё куда проще, убожее и ... неопределеннее. Действительно: даже рядовой дом где-нибудь в городке имперской провинции (что уж говорить об общем «антураже» с его улицами, площадями, общественными постройками и даже сортирами) для большинства современных им обитателей боспорских «городов и весей» — почти дворец! Ну, и выводы — соответствующие. А главное — наши письменные источники обо всем этом молчат, а археологические — в силу ряда причин, ещё недостаточны. Насколько нам известно, никто до сих пор и не пробовал привлечь их при разного рода социально-стратиграфических изысканиях. Обращаясь же к «милым сердцу» сельским материалам европейского Боспора, должно констатировать, что некоторые успехи здесь всё же налицо: нам, хотя и не так полно, как хочется, известны типы жилищ и характер планировки целого ряда поселений (усадеб, городищ, крепостей, сторожевых башен, деревень типа селищ) от архаики до поздней античности. И при всём их кажущемся почти повсеместном и неизменном в рамках довольно протяжённых хронологических периодов однообразии (но, не единообразии!) некоторые соответствующие выводы сделать уже можно. В этой связи весьма обещающими могут стать как синхронные сравнения поселений разного типа и местоположения (хора ближняя и дальняя, приморье и «глубинка», Азия и Европа) так и, т. с., на «эпохальном» уровне. А если к этому ещё добавить интерьер и отчасти экстерьер домов и помещений, то «картинка» может быть, разумеется, при благоприятных для археолога обстоятельствах ещё более «выступающей из небытия». Правда, в основном она будет характеризовать бытовую и отчасти социальную стратификацию на самом или почти самом низшем её уровне. Иными словами, вовсе не элитарную. Впрочем, как не раз уже нам приходилось писать и говорить, есть и счастливые исключения: усадебные комплексы Крымского Приазовья позд-

неклассического и раннеэллинистического времени (Масленников. 2010, 2012).

Не останавливаясь на всех, в том числе самых на наш взгляд ярких и выигранных в плане данной темы наблюдениях и находках, выскажемся вот по какому поводу, вернее косвенному свидетельству. А что даёт нам и даёт ли вообще палеоостеология, особенно, в контексте со всем прочим археологическим материалом этих памятников. Костные остатки животных (в том числе рыбы и птички), как известно, не только при определённых условиях свидетельствуют о составе стада, промыслово-охотничьих «возможностях и предпочтениях», общей характеристике «близ (и не очень) лежавшей» фауны, но и пищевых предпочтениях и возможностях населения. Следовательно — об уровне его благополучия (в том числе, сытости в широком значении этого слова) и даже, отчасти, — достатка выше необходимого уровня. Последнее, тоже отчасти, — станет, надеемся, нам ясным из последующего изложения.

Итак, наши источники в данном случае весьма неравнозначны в плане статистики. Это следствие как субъективных (собственная глупость, вернее легкомыслие «по молодости» одного из авторов, долгое время не уделявшего должного внимания этой категории массового археологического материала), так и объективных (костей животных было мало вследствие того, что исследовались те участки поселений, где их «по определению» много быть не должно, а иные «сопутствующие» объекты, например, зольно-мусорные свалки, не раскапывались, или же — наоборот) причин. Но были и «счастливые» исключения, то есть комплексные работы. Так или иначе, но соответствующие находки редки или немногочисленны на таких объектах Приазовья, как Пустынный берег I и II, Салачик, Чокракский мыс. Но их много на памятнике Генеральское–Западное (юго-западный склон), Пустынный берег III, и вне площади основной застройки — Бакланья скала, Генеральское–Западное. Эти различия вполне объяснялись самим назначением (что явствует из их планировки и общего «фона» находок) и размерами памятников. Гораздо примечательнее и интереснее видовая характеристика этих коллекций, отражающая, хотя и не вполне объективно, рацион питания местного населения. Принято считать, что в античную эпоху таковой у городского и сельского населения Боспора предполагал доминирование мелкого рогатого скота. Говядина и телятина, естественно, ценились выше. После них шла свинина, конина и мясо других диких и одомашненных животных и птиц.

Фауна же поселения Генеральское–Западное (юго-западный склон) обладает определённым своеобразием, на что уже нами прежде обращалось внимание (Каспаров. 2010, 2014; Масленников. 2010). Всего обработано 4133 происходящих отсюда костных фрагментов, из которых половина оказалась определена до вида.

Вообще фаунистический состав приазовских сельских поселений эллинистического времени заметно отличается от такового на поселениях (в том числе и вероятных городов) на берегу Керченского пролива. В таблице 1 представлено процентное соотношение основных видов и групп животных на памятниках Приазовья. Прежде всего, бросается в глаза, что здесь довольно велика доля костей коровы, что необычно для данного периода. Как это отмечалось ещё В. И. Цалкиным (1960), в стаде домашних животных на поселениях эллинистического времени всегда доминировал мелкий рогатый скот. Козы и овцы составляли примерно от 30% до 40% всех определяемых костей. На Нимфее эта величина приближается к 50%. Это объясняется обычно тем, что в эллинистическое время была распространена однопольная система земледелия, образ жизни и уровень достатка основной массы населения были нестабильными, а овцы и козы более просты и неприхотливы в содержании, чем крупный рогатый скот. Последний — на причерноморских (зона пролива) поселениях начинает доминировать среди костных остатков, превышая долю мелкого рогатого скота примерно в полтора раза начиная с рубежа нашей эры, то есть с римского времени. В Приазовье это не так. На поселении Генеральское–Западное (юго-западный склон) и, кстати, на несколько более позднем поселении Полянка она превышает 40% (табл. 1).

Таблица 1

Процентное соотношение между основными видами животных на памятниках Азовского побережья Керченского полуострова

Виды	Генеральское	Полянка	Крутой Берег	Золотое Восточное
Лошадь	13,7	15,6	7,5	12,4
Корова	40,6	40,8	34,0	37,4
МРС	34,5	32,4	48,3	36,7
Свинья	3,5	7,0	2,3	9,5
Собака	6,5	1,8	3,3	1
Птицы	0,2	0,7	0,9	0,2
Рыбы	0,4	0,5	2,7	0,5
Прочие	0,7	1,2	1	2,1

Весьма велик на этом «Генеральском» и процент костей лошади. Её конституционный тип мы можем представить по единственной найденной за время раскопок передней метаподии. По её величине устанавливается высота животного в холке (по таблице В. О. Витта, 1952). Она оказывается равной примерно 139 см. Иными словами, жи-

вотное было среднего размера. О быстроте его аллюра можно отчасти судить по относительной толщине метаподии: индексу, использованному ещё А. А. Браунером (1916). А именно: отношению ширины диафиза к общей длине кости. У нашей находки он составляет 15,3%. То есть, лошадь являлась так называемой полутонконогой. Сочетание этих двух признаков (высоты в холке и степени тонконогости) дают нам возможность установить её общий конституционный тип. Л. Л. Гайдученко (2002) животных с таким набором признаков относит к категории верховых лошадей, хотя и не самого высокого класса. Это практически единственная находка на Боспоре лошадей столь быстрого аллюра. Обычно «реконструируемые» лошади относятся к скифскому типу: не очень крупные и относительно массивные, которые по классификации того же автора, принадлежат к категории «рабочих» или даже так называемых «примитивных мясных». Стало быть, лошадь из «Генеральского» была довольно дорогой. Определение пола животного по методике И. Е. Кузьминой (1997) позволило установить, что это была самка. Среди других остатков лошадиных костей присутствуют обломки нижних челюстей с практически полностью стертymi резцами и коренными зубами. Так что лошади на поселении зачастую доживали до весьма преклонных лет. Найдено два первых нижних премоляра, передняя доля которых заметно стерта, что говорит о наличии металлических удиц. Вероятно, лошади использовались здесь не только для сельскохозяйственных работ, но и для выездов, охоты и, возможно, для каких-то военных целей типа дозорных объездов или конного сопровождения, поскольку металлические удила были довольно дороги и использовались, в основном, состоятельными людьми именно для верховой езды.

Второе любопытное наблюдение касается крупного рогатого скота. Анатомический состав костных остатков показывает, что из коровьих — преобладали кости передней части туши, то есть менее деликатесного «уровня». У лошадей же это распределение выглядит как бы равномерно: остатки передних и задних конечностей представлены в одинаковых пропорциях. Создаётся впечатление, что самые «лакомые» части, самого качественного мяса уходили куда-то на сторону. Иными словами, на этом поселении выполнялись помимо прочих хозяйственных ещё и разделочные функции. То есть тут лишь забивали скот, отбирая лучшее мясо для тех, кто не жил в усадьбе постоянно, а скорее всего, время от времени, наезжал сюда, постоянно проживая с максимальным удобством не здесь, а по соседству. А именно: примерно в 300–350 м к северу, северо-востоку, в «господской» части (Генеральское–Западное), этого самого большого из известных нам на Боспоре усадебных комплексов. Туда же, надо думать, поступала и большая часть охотничьей добычи и качественной рыбы (осетровых) — см. ниже (Почему «надо думать»? Да по неразумию

руководителя раскопок там в 80-х годах прошлого века, не сохранившего палеоостеологические материалы в полном объёме. Впрочем, то, что было получено относительно недавними исследованиями, вроде бы подтверждает только что высказанное предположение.).

Ещё одно отличие фаунистической коллекции этого «Генеральского» (юго-западный склон) состоит в том, что она содержит наибольшее количество (более 6%) костей собак, тогда, как на прочих приазовских поселениях разного времени их чуть более трех процентов. О многочисленности собак говорит и то, что минимальное количество особей здесь очень велико. В сборах оказались фрагменты скелета как минимум от десяти взрослых и одной молодой особи. Кроме того, процент прочих костей, погрызенных собакой, составляет 10,5%. Это примерно столько же, как и в городских поселениях: Нимфее, Мирмекии или Пантикапее, где, как и во всяком доиндустриальном городе, было довольно большое количество бездомных животных. (Кстати, собаки в этом случае заполняли определённую экологическую нишу: противовес куда более многочисленным и вредным во всех отношениях грызунам.) Содержались собаки на «Генеральском», вероятно, для охраны, но могли использоваться и в пастушеском деле. Так или иначе, но только что отмеченная «собачья» специфика только подчёркивает особенные хозяйственно-распределительные функции данного поселения.

Обнаруженные в сборах одна единственная кость зайца и одна — благородного оленя свидетельствуют, что охота, точнее её «итоги», тут почти не имели места. Практически не обнаружено в материалах и сколько-нибудь заметного количества костей птиц. По-видимому, обитатели усадьбы не разводили и кур (много собак?).

Рыболовство или использование в пищу, что менее вероятно, учитывая прибрежное расположение, купленной рыбы также, на первый взгляд, не особенно ими практиковалось. Кроме того, что количество костей рыб в сборах ничтожное, об этом говорит ещё и то, что костей дельфина в материалах почти нет. Дельфины зачастую погибали в рыболовных сетях и доставлялись на поселение для получения жира. Как правило, при интенсивном рыболовстве, количество остатков дельфина на приморских поселениях бывает не ниже 2–3%. Здесь же оно — всего 0,1%. Что же до остатков моллюсков (раковин устриц и мидий), то, как об этом нам уже приходилось писать, в целом для данного времени они по каким-то причинам не составляли столь же значительной доли в рационе питания, как это имело место несколько столетий спустя. Попутно отметим, что в подтверждение выше сказанного о разном «ранге» этих двух соседних поселений и, следовательно, социальном положении их обитателей свидетельствует в рассматриваемом плане (структура питания) следующее обстоятельство. Доля чернолаковой столовой посуды на рассматриваемом памятнике заметно ниже, не-

жели на соседней «господской половине». И что особенно примечательно: среди неё почти не встречаются рыбные блюда, которых весьма много там. Зато рыболовные (ткацкие?) грузила одинаково многочисленны повсеместно. То же можно сказать и о крючках.

Итак, данное поселение являлось, скорее всего, частью (хозяйственно-распределительной) большой загородной усадьбой с развитой сельскохозяйственной инфраструктурой. При этом основой стада являлся крупный рогатый скот, что тоже — признак хозяйств высоко-го «ранга», рассчитанных на потребительский спрос и материальные возможности весьма состоятельного «хозяина» и его окружение с очень качественным и обильным рационом питания. Впрочем, и «обслуга», проживавшая, вероятно, в основном, в рассматриваемом поселении (Генеральское—Западное, юго-западный склон) в этом отношении находилась далеко не в худшем положении. В его распоряжении или под его присмотром находилось значительное количество лошадей, некоторые из которых были по местным меркам довольно дороги и использовались для верховой езды. (Это также свидетельствует о некоем престижном статусе хозяев усадьбы и, отчасти, их «слуг».) Лошадь, несомненно, тоже употреблялась в пищу, но, видимо, от случая к случаю и далеко не всеми обитатели поселения, даже принадлежавшими к низшему «сословию». Потому набор её костных остатков показывает более равномерное распределение между разными частями скелета.

Сказать что-либо о типе скотоводства не представляется возможным ввиду малого количества материала. Однако многочисленных стад тут, видимо, не держали, и выпас мелких полорогих был придомным или почти придомным. О птицеводстве, рыболовстве и охоте только что писалось выше. А о виноделии, (а тут есть что сказать!), как это и водится, уже написал Н. И. Винокуров.

Литература

- А. А. Браунер. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки общества Сельского Хозяйства Южной России. 1916. Т. 86.
- В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. № 16.
- Л. А. Гайдученко. Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекарганского могильника // Аркаим: некрополь. Челябинск, 2002. Т. 1.
- А. К. Каспаров. Костные остатки млекопитающих из поселения Генеральское (западное), юго-западный склон и некоторые хозяйственные реконструкции хоры Боспора раннеэллинистического времени // ДБ. 2010. № 14.
- А. К. Каспаров. Фаунистические остатки с некоторых античных сельских поселений Азовского побережья Восточного Крыма // ДБ. 2014. Т. 18.
- И. Е. Кузьмина. Лошади Северной Евразии от палеоцена до современности / Алимов А. Ф., ред. // Труды ЗИН РАН. СПб., 1997. Т. 273.

- А. А. Масленников. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М., 2010. Т. 1.
- А. А. Масленников. Исследования Восточно-Крымской археологической экспедиции Института археологии РАН на Керченском полуострове в последние годы // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 3 (68).
- В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 53.

С. А. Смекалов, В. Г. Зубарев

Элитные склепы Боспора и Западного Крыма. Особенности обнаружения при помощи магниторазведки¹

Сам факт изначального захоронения в склепе, уже свидетельствует о высоком социальном статусе погребённого или погребённых, и их принадлежности к элитарным слоям населения. Это делает исследование склепов чрезвычайно важным для археологов. Но, одновременно, они являются и лакомой приманкой для грабителей. Грунтовые и вырубные склепы, в отличие от подкурганых, могут быть почти не видны на современной поверхности. Это до некоторой степени защищает их от грабителей. Но, по тем же причинам, их сложно обнаружить и археологам. Курган виден на поверхности. Наличие или отсутствие подкурганного склепа (или других конструкций внутри кургана), во многих случаях может быть выявлено при помощи геофизических методов. Однако такие исследования не имеют с нашей точки зрения большого значения. Решение о том, раскапывать тот или иной курган связано, как правило, не с данными геофизики о возможных внутрикурганых конструкциях, а с какими-то другими общеархеологическими соображениями.

Невидимые на поверхности античные склепы в Крыму можно разделить на три группы. Склепы, вырубленные в скале, грунтовые склепы, вырытые в плотном грунте, и склепы из каменных блоков, заглублённые в грунте. Общим для первых двух групп является то, что конструкция самого захоронения не является привнесённой. Стены таких конструкций образованы непо потревоженным природным материалом. Третья же группа, с точки зрения геофизики, сходна с остатками строительных конструкций от зданий. Однако, если стены городских построек представляют собой лишь строительные остатки, «вросшие» в культурный

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ № 14-06-90403 «Исследование грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма при помощи магниторазведки».

слой, то стены изначально «погребённых» склепов сохраняются гораздо лучше, иногда полностью.

В нашей работе для обнаружения подземных склепов использовалась магниторазведка. Суть метода состоит в том, что подземные области, содержащие артефакты, либо подземные области, к которым применялось антропогенное воздействие, могут обладать магнитными свойствами отличающимися от свойств областей, не подвергавшихся такому воздействию, и эти объекты, либо области, создают вблизи поверхности земли аномалии магнитного поля, которые могут быть зафиксированы приборами-магнитометрами. Опыт применения магниторазведки в археологии составляет уже несколько десятилетий. В том числе не является новым в мировой археологической практике и использование магниторазведки для исследования некрополей, как древних, так и более поздних. В качестве примеров можно назвать исследование при помощи магниторазведки некрополя Dedemezarı, ок. 2000 г. до н. э., возле Афыона на западе Турции, некрополя Harmanoren, ок. 2500 г. до н. э., в юго-западной Анатолии (Vuuyksarac et al. 2008. P. 267–283), исследования Среднего кладбища древнего Абидоса в Египте (Herbich. 2005. P. 141–149).

Рассмотрим особенности указанных групп склепов, с точки зрения возможности их обнаружения при помощи магниторазведки.

Склепы, вырубленные в скале, и вырытые в плотном грунте могут иметь незаполненные воздушные полости. Магнитная восприимчивость воздуха близка к нулю, однако и магнитная восприимчивость скалы невелика, и контраст не будет заметен. Для грунтовых склепов, расположенные выше полости слои, обладающие большей магнитной восприимчивостью (а их толщина, как правило, не менее 1–2-х метров) будут маскировать эту полость. В грунтовых склепах возможна просадка свода, которая будет давать аномалию из-за заполнения камеры поверхностным грунтом, имеющем, как правило, более высокую магнитную восприимчивость, чем подстилающие породы. Однако, и для того, и для другого вида склепов могут возникать аномалии от открытых в древности дромосов, также связанные с их заполнением поверхностным грунтом. Таким образом, в качестве приближённой модели аномалий, создаваемой первыми двумя группами склепов, можно предложить аномалию от ямы вытянутой формы, заполненной грунтом с повышенной по сравнению с окружающей средой магнитной восприимчивостью. Теоретические расчеты подобных аномалий от хозяйственных ям, (см. например, Кошелев. 2005. С. 67–70) показывают, что аномалии имеют положительную и отрицательную части. Положительная часть расположена к югу и по форме соответствует форме ямы, а по размерам на уровне 0,5 амплитудного значения примерно соответствует размерам ямы. Амплитуда положительной части аномалии для типовых значений магнитной восприимчивости (при ориентации и величине Земного маг-

нитного поля, таких как в Крыму) может достигать нескольких десятков нТл¹ и в несколько раз превышает амплитуду отрицательной части, составляющей единицы нТл и расположенной к северу. Таким образом, на результирующей карте магнитного поля, где отражаются так же различные случайные ошибки измерений, мелкие неровности рельефа, будет заметна, главным образом, положительная часть аномалии, а отрицательная может быть мало различима на фоне случайных факторов.

Для третьей группы склепов — склепов из каменных блоков, магнитные аномалии будут носить такой же характер, как аномалии от любых строительных остатков. Их аналитическое моделирование малоперспективно из-за многообразия вариантов конструкций, и здесь выводы о наличии и характере погребальных комплексов можно делать, главным образом, на основании геометрических форм аномалий.

Работы по магниторазведке на территории предполагаемых или известных некрополей Западного и Восточного Крыма осуществлялись авторами в 2009–2015 гг.

Измерения проводились квантовыми магнитометрами ПКМ-1, производства ФГУ НПП «Геологоразведка» (Санкт-Петербург, Россия).

На рис. 1 приведена карта расположения некрополей, на которых в результате раскопок в местах магнитных аномалий выявлены «элитные» склепы.

Один из склепов был выявлен на некрополе поселения Джан Баба (близ с. Марьино, Черноморский р-н). О существовании этого некрополя впервые упомянул в 1933 г. П. Н. Шульц (Шульц. 1941. С. 265–277), но памятник не был точно локализован и никогда не исследовался до 2014 г. Приблизительная площадь некрополя оценивается в 0,7 га. В результате магниторазведки было выявлено несколько областей геомагнитных аномалий, которые, вероятно, имеют антропогенный характер. Наиболее интересной представлялась зона, где происходил переход от отрицательной, к положительной аномалии (от –7 до +12 нТл), возможно связанная с границей между развалом (постройкой) из известняка и грунтовым заполнением примыкающего участка.

В области данной аномалии в 2014–2015 г. экспедицией Института археологии Крыма РАН (руководитель С. Б. Ланцов) были проведены раскопки. На рис. 2 показан фрагмент карты изолиний магнитного поля с наложенным планом раскопок. В 2014–2015 гг. были обнаружены три детских могилы (могила 1, 2, 3, рис. 2) (Ланцов и др. 2015. С. 155–178) и каменный склеп (4, рис. 2). Склеп имеет Т-образную форму конструкции. На карте аномалий магнитного поля стенам склепа соответствует подобная им по форме отрицательная аномалия величиной до –5 нТл. Внутренней

¹ нТл — нано Тесла. Тесла — единица измерения индукции магнитного поля в Международной системе единиц (СИ).

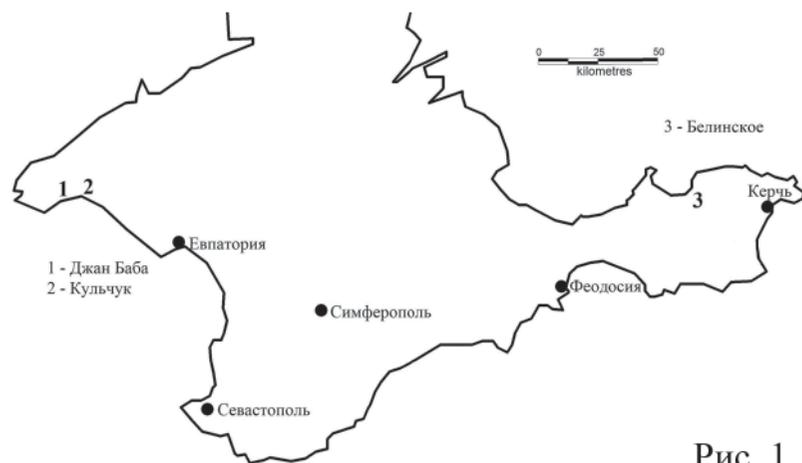

Рис. 1

Рис. 1. Карта расположения некрополей Крыма, на которых проводилась магниторазведка, и были обнаружены элитные склепы

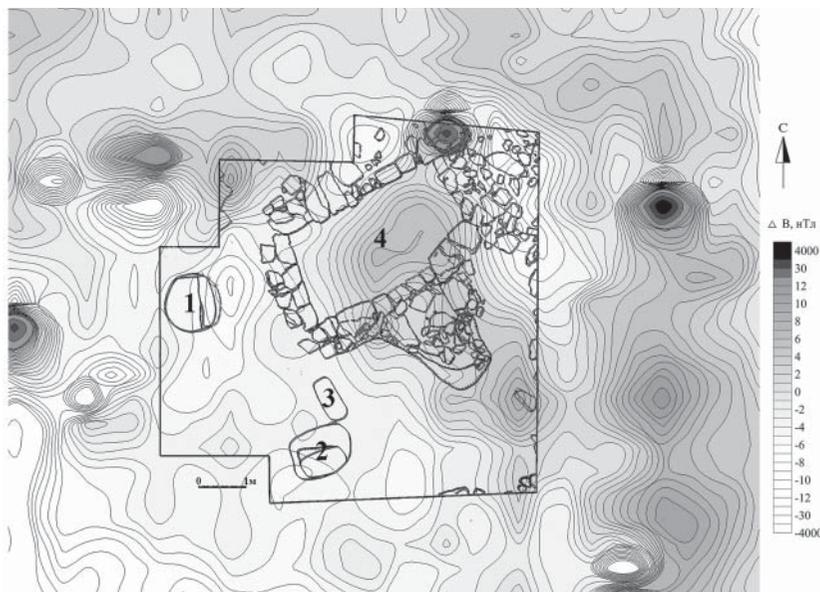

Рис. 2

Рис. 2. План раскопа некрополя поселения Джан Баба, наложенный на карту аномалий индукции магнитного поля. Шаг изолиний 1 нТл

части склепа и дромосу соответствует положительная аномалия величиной до +10 нТл. Судя по количеству костных останков, в склепе было похоронено не менее 33 человек. Кроме предметов погребального инвентаря, здесь найдены сто одиннадцать целых мелких предметов декора женского платья из золота, а также фрагменты золотой фольги, около 3 тысяч разнотипных бус середины — второй половины I в. н. э. Вероятно, этим же временем следует датировать и строительство данного склепа.

Второй из обнаруженных при помощи магнитной разведки склепов расположен на некрополе городища Кульчук (2 км к югу от с. Громово, Черноморский р-н). Городище Кульчук датируется второй половиной IV в. до н. э. — I в. н. э. Сначала Кульчук входил в состав Херсонесского государства, а затем Крымской Скифии. Могильник находится к северу от поселения, занимая площадь, предположительно, около 12 га. Он открыт П. Н. Шульцем в 1933 году (Шульц. 1941). Некрополь эпизодически исследовался с конца 1960-х гг. под руководством О. Д. Дашевской и А. С. Голенцова. Магнитная разведка на некрополе была начата в 2009 и продолжалась в 2014 и 2015 гг. Наиболее интересный результат принесли раскопки в месте положительной аномалии (максимум +12 нТл), расположенной в наиболее удаленной к северу от городища части территории, обследованной при помощи магнитной разведки. Здесь в 2015 г. был раскопан первый для данного некрополя неграбленный земляной склеп. Входная яма представляла вырубленный в материковой глине лестничный марш с 6-ю ступеньками. Размеры камеры, находившейся на глубине 3,2 м от современной дневной поверхности, — 2,54 × 2,43 м. В камере склепа зафиксировано 8 погребений взрослых людей, расположенных в два яруса друг над другом. Исследованный склеп имеет Т-образную конструкцию. Судя по сделанным в нём находкам, он, по всей вероятности, использовался в течение второй половины I в. до н. э. — первой половины I в. н. э. и относится к позднескифской археологической культуре. Магнитная аномалия вызвана, по-видимому, заполнением поверхностным грунтом просадки, образовавшейся после обрушения свода погребальной камеры.

Третий из склепов, о которых мы хотим упомянуть, находится на некрополе городища «Белинское». Некрополь расположен в 1,5 км к югу от с. Белинское Ленинского района Республики Крым, в 600 м к востоку от городища «Белинское». Его площадь составляет не менее 10,4 га. Памятник открыт в 2003 г. В. Г. Зубаревым по ямам грабителей (Зубарев, Ланцов. 2006. С. 316–339).

Работы по магниторазведке на некрополе «Белинское» были начаты в 2009 г. и продолжались в 2012–2015 гг. На данный момент площадью раскопов охвачена лишь небольшая часть выявленных аномалий. Сопоставления результатов магнитной съёмки участков некрополя, расположенных в пределах скального основания, и проведённых рас-

копок, показали, что имеющиеся зоны незначительных отрицательных магнитных аномалий, которые могли бы быть связаны с остатками построек из известняка, в действительности обусловлены или естественными выходами скал, отдельными или современными антропогенным воздействием (грунтовые дороги). Единственным видом аномалий, которые могут быть связаны с погребальными структурами, являются положительные аномалии, вызванные засыпанными дромосами склепов, либо могильными ямами.

В 2015 г. было завершены раскопки склепа, выявленного по результатам магнитной съемки 2009 г. (склеп № 23). Аномалия максимальной величиной +12 нТл была вызвана, вероятно, дромосом. Склеп состоит из могильной (придромосной) ямы, короткого дромоса и погребальной камеры. Погребальная камера склепа полуовальной формы. Свод полуциркулярный. Площадь камеры — 10,62 м. Высота камеры в северной части со стороны дромоса — 1,75 м. Анализ материала из погребальной камеры склепа говорит о его функционировании в IV в. н. э. и использовании в более позднее время.

Подводя итоги проделанной работы можно отметить, что полученные результаты, в целом подтверждают заключения, сделанные на основании обобщения исследований других авторов. В случае, когда могильные сооружения создавались путём выборки естественных пород их обнаружение возможно по положительным магнитным аномалиям в местах заполнения просадок поверхностного грунта в камеры погребальных сооружений. В случае строительства склепов из привнесённых материалов их исследование аналогично исследованию остатков древних построек иного назначения (зданий, культовых объектов и др.). Предполагается, что в ближайшие годы будут продолжены раскопки на некоторых из обследованных некрополей в местах выявленных аномалий.

Литература

- В. Г. Зубарев, С. Б. Ланцов. Некрополь городища «Белинское» (предварительные результаты первых раскопок) // ДБ. 2006. Вып. 10.
- И. Н. Кошелев. Магнитная разведка археологических памятников. Киев, 2005. 313 с.
- С. Б. Ланцов, В. П. Власов, С. А. Смекалов, М. С. Шанцев. Первые исследования могильника «Марьинское» (Джан-баба) в Северо-Западном Крыму // История и археология Крыма. Симферополь, 2015. Т. 2.
- П. Н. Шульц. Евпаторийский район: 1933–1934 // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941.
- A. Buyuksarac, M. O. Arisoy, O. Bektas, O. Kocak, T. Cay. Determination of Grave Locations in Dedemezari Necropolis (Western Turkey) using Magnetic Field Derivatives // Archaeological Prospection. 2008. Vol. 15. Issue 4.
- T. Herbich. The loss and rediscovery of the Vizier Iuu at Abydos: magnetic survey in the Middle Cemetery // Festschrift Manfred Bietak. E. Czerny (Ed.). Vienna, 2005.

Т. Н. Смекалова

Могильник скифской знати Чаян — Апан Сарча — Кош-Оба в северо-западном Крыму¹

По мнению ведущих исследователей-скифологов, величина кургана может служить ранжирующим признаком при воссоздании социальной стратификации Скифии (Мозолевский. 1990; Мозолевский. Полин. 2005. С. 197; Болтрик. 2004. С. 85; Болтрик, Фиалко. 1995). Ключом для понимания этой многоуровневой структуры является новелла Лукиана о Токсарисе (Лукиан. Скиф, или гость. 1), где скифское общество подразделяется на царский род, «колпаконосцев» и простых скифов («восьминогих», т. е. владельцев только пары быков и одной повозки). По классификации Ю. В. Болтрика, курганы объёмом более 11 тыс. м³ (что, в среднем, соответствует насыпям высотой более 9 м), принадлежат родственникам царя (Болтрик. 2004. С. 87). По мнению других исследователей, крупнейшие курганы могут принадлежать правителям (басилевсам, номархам) отдельных областей Скифии (Хазанов. 1975. С. 198–199).

Среди более 16 тысяч курганов, насчитывающихся в Крыму, только считанные единицы превышают восьми-девятиметровую отметку высоты. Среди них боспорские курганы-гиганты в окрестностях Пантикапея, а также несколько насыпей из обширного могильника Ак-Кая и Беш-Оба под Белогорском. В северо-западном Крыму единственный курган, перешагнувший через этот высотный порог — Кош-Оба, входящий в могильник скифских правителей неподалеку от Евпатории. Эту курганную цепочку, получившую название Чаян — Апан Сарча — Кош-Оба, удалось локализовать, картировать и описать в 2010 г. (Смекалова. 2011. С. 38–41, 76–79, 186–197). Именно здесь более ста лет назад были сделаны знаменитые находки высокохудожественных предметов торевтики, из которых больше всего прославились золотые обкладки ножен со сценами из Троянского цикла, ныне украшающие экспозицию музея Метрополитен в Нью-Йорке (Scheglov, Katz. 1991; Щеглов, Кац, Смекалова, Беван. 2013).

Недавно на этой курганной группе были проведены комплексные неразрушающие естественнонаучные исследования. Группа находится на вершине главного водораздела между озерами Сасык и Донузлав и является северной границей обширного курганного поля, окружающего античную Керкинитиду (рис. 1). Здесь находятся самые крупные в северо-западном Крыму курганы, более 40 из которых превышают высоту 2–3 м,

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

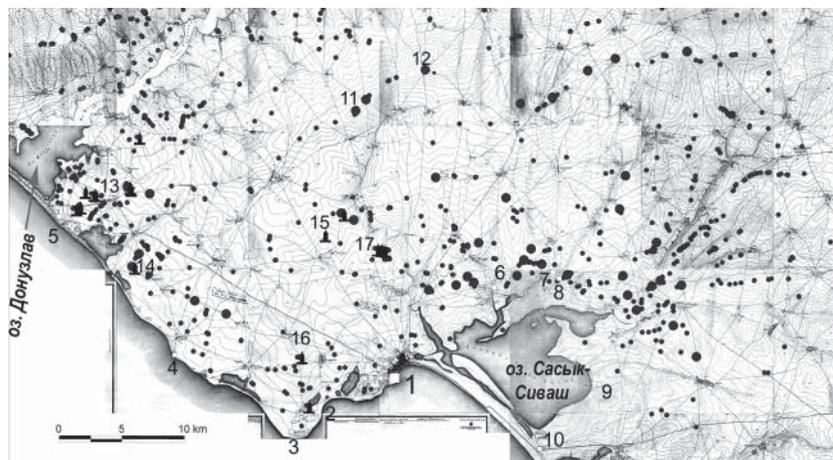

Рис. 1

Рис. 1. Карта распространения курганов в северо-западном Крыму, построенная на основе полуверстовой карты конца XIX в. Озеро Донузлав находится в средней части карты, озеро Сасык — у её юго-восточного угла. 1 — Керкинитиды, 2 — Чайка, 3 — Маяк, 4 — Аирчи, 5 — Поповка, 6 — Ортли, 7 — Тюмень 1, 8 — Тюмень 2, 9 — Гаршино, 10 — Кара-Тобе. Красными точками выделены курганы. Курганные группы обозначены следующими цифрами: 11 — Чаян — Апан Сарча, 12 — Кош-Оба, 13 — Крыловка, 14 — Штормовое, 15 — Колоски, 17 — Суворовское

и около 10 — 5–6 м. По классификации Ю. В. Болтрика курганы с объёмом насыпей от 2,4 тыс. до 4,2 тыс. м³ (высота 5–6 м) содержат захоронения «колпаконосцев» (Болтрик. 2004. С. 87, 88–89). Подтверждением высокого статуса захороненных в могильниках этого района служит тот факт, что именно здесь зафиксированы почти все находки скифских изваяний (Ольховский. 1990).

Космические снимки и детальные карты вытянутой многокилометровой курганной цепочки Чаян — Апан Сарча — Кош-Оба, дают представление о расположении, размерах, степени сохранности более чем двух десятков насыпей. В самую северную группу входят, помимо крупнейшего кургана Кош-Оба, ещё шесть насыпей (рис. 2а). Доминирующей насыпью в северной группе является курган Кош-Оба 1 высотой 9 м, диаметром 90 м. Вершина скрыта под платформу триангуляционного пункта 122,8 м. Курган имеет множественные повреждения и неровности, особенно заметные с северной стороны. С восточной стороны в насыпь врежется широкая грабительская траншея.

С северо-западной стороны к главному кургану примыкает курган Кош-Оба 2, высотой 2,80 м, диаметром 33 м, причём их насыпи смыкаются. Насыпь кургана 2 в верхней части изрыта глубокими ямами.

Курган Кош-Оба 3 в данной группе интересен формой своей продолговатой насыпи. Его высота около 2 м, длина 52 м, ширина 28 м. На основании одних только пропорций, его можно с большой долей вероятности отнести к длинным курганам срубной культуры позднего бронзового века (см. далее).

Курган Кош-Оба 4 небольшой, высотой 1,3 м, диаметром 20 м. Следующий за ним к западу курган Кош-Оба 5 имеет несколько асимметричную и сильно повреждённую насыпь высотой 2,5 м, диаметром 33 м. В свежей грабительской яме прослеживаются каменные плиты. Курганы Кош-Оба 6 и 7 высотой не более полуметра, диаметром порядка 20 м.

Для того, чтобы получить представление о внутренней структуре насыпей, на всех курганах, за исключением двух наименьших, была проведена магнитная съёмка. По отрицательной магнитной аномалии удалось выявить в кургане Кош-Оба 1 опоясывающую каменную стену — крепи-

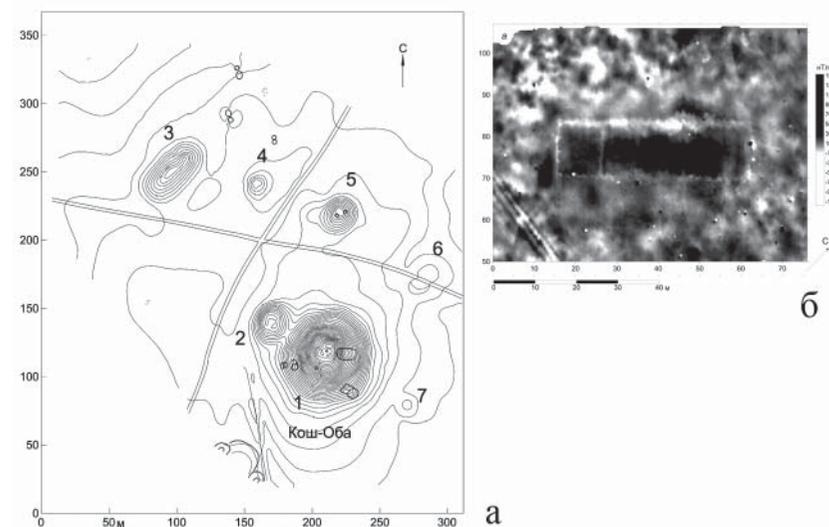

Рис. 2

Рис. 2. а — Топографическая съёмка курганной группы Кош-Оба, выполненная В. Семёновым и Е. Чикалкиным. Сечение изолиний высот — 0,25 м и оцифрованная Б. Беваном. б — Магнитная карта теневых изображений кургана Кош-Оба 3. Тёмными областями показаны положительные, а светлыми — отрицательные аномалии

ду, скрывающуюся под насыпью и сдерживающую её. Такие же кольцевые крепиды были нами обнаружены по магнитным картам в крупнейших курганах урочища Ак-Кая и Беш-Оба (Smekalova et al. 2005). Грабительская траншея на кургане Кош-Оба 1, вероятно, внедрилась именно в район дромоса, расположенного с восточной стороны насыпи, аналогично расположению дромосов в Беш-Обинских курганах. Выявленные особенности внутреннего строения кургана Кош-Оба 1 позволяют отнести этот курган к тому же типу, что и Беш-Обинские курганы, и считать его захоронением представителя скифской элиты IV в. до н. э.

Курган Кош-Оба 2, по данным магнитометрии имеет земляную насыпь, в верхней части повреждённую грабительской траншеей. Следов каменной крепиды на магнитной карте не фиксируется.

В кургане Кош-Оба 3 с помощью магнитной съёмки зафиксировано каменное строение или ограда строгой прямоугольной формы, размерами 46,3 × 23,3 м с подразделением на три отсека (рис. 2 б). С юго-восточной стороны имеется каменная оградка, а у юго-западного угла кургана зафиксированы две локальные положительные аномалии (следы тризны?). Эти данные свидетельствуют о том, что курган Кош-Оба 3 относится к числу длинных курганов с внутренней прямоугольной каменной структурой. Такие сооружения характерны для южной степной подзоны Украины и Крыма. Большинство специалистов-археологов интерпретируют такие курганы как святилища сабатиновского периода срубной культуры позднего бронзового века (XIV–XIII вв. до н. э.) (Ольховский, Отрощенко. 1991. С. 121). Наиболее близкую аналогию кургану Кош-Оба 3 мы находим среди длинных курганов срубного времени у с. Луговое, расположенных всего в 24 км к востоку от нашей группы (Колтухов, Кислый, Тощев. 1994. Рис. 34, 8; 35, 3; 40, 3). Еще один длинный курган размерами 65 × 35 м, высотой 1,35 м с двумя каменными параллельными стенами был раскопан в 4 км к юго-западу от с. Сусанино на стыке Первомайского, Раздольненского и Сакского районов (Ольховский, Отрощенко. 1991. С. 115). Похожие прямоугольные структуры зафиксированы также в курганах группы «Рясные могилы» у г. Шахтёрска Донецкой области (Санжаров и др. 2003; Кириллов. 2011. Рис. 35). В 2012 г. нами была проведена магнитная съёмка длинного кургана Кунан 1 в срединной части Тарханкутского п-ва, в 2 км от Красносельского. Выяснилось, что под насыпью длиной около 70 м, шириной порядка 30 м, скрывается «гантелевидная» структура, состоящая из двух параллельных стен и двух круглых каменных оградок (Щеглов, Кац, Смекалова, Беван. 2013. С. 25, 81).

Итак, с помощью магниторазведки удалось открыть ещё одно святилище срубной культуры — длинный курган Кош-Оба 3. По мнению ученых-скифологов, эти святилища продолжали оставаться объектами поклонения и для скифов, о чём свидетельствуют частые находки

в длинных курганах следов тризн скифского времени. Скифы, вероятно, сознательно воздвигали курганы своих правителей рядом с длинными курганами и использовали последние для погребальных церемоний (Отрощенко. 1982. С. 16; Отрощенко, Рассемакин. 1991. С. 324). Об этом говорит расположение царских скифских курганов IV в. до н. э. по соседству с длинными курганами (Мозолевский, Полин. 2005. С. 206). Так, рядом с курганом Чертомлык находился длинный курган Долгая Могила высотой 7,4 м (Древности Геродотовой Скифии II. 1872. С. 75). У подножья Александпольского кургана располагался небольшой длинный курган (Древности Геродотовой Скифии. 1866. I. С. 7). В группу Гермесова кургана входила и длинная насыпь (Древности Геродотовой Скифии. 1872. II. С. 75). Рядом с курганом Башмачка находились два длинных кургана (Спицын. 1901. С. 69), а неподалеку от Нечаевой Могилы — длинный курган высотой 4 м. В группе у Толстой могилы у г. Орджоникидзе находятся два длинных кургана, один из которых, Свиная Могила, достигает высоты 6 м. Возле Казённой, Гаймановой и Чмыревой могил, в урочище Носаки, среди курганов у с. Днепровка, на Рогачинском курганном поле — повсюду в состав курганных групп входили 1, 2 и даже 3 длинных кургана (Отрощенко, Болтрик. 1982. С. 43–44). Рогачинский курган высотой 11 м соседствовал с тремя длинными курганами (Евдокимов, Куприй. 1991. С. 20–21).

Таким образом, в данный список добавлен ещё один могильник — Кош-Оба, сочетающий в себе как курган высшей скифской знати, так и длинный курган-святилище срубной культуры бронзового века. Эта курганная группа входит в могильник скифской знати Чаян — Апан Сарча — Коша-Оба, доминирующей на всей территории западного Крыма в IV в. до н. э. контролируемой Херсонесом.

Литература

- Ю. В. Болтрик. Социальная структура Скифии в IV в. до Р.Х., отражённая в погребальных памятниках // *Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskego*. Krakow, 2004.
- Ю. В. Болтрик, О. Э. Филалко. Могилы скифских царей второй половины IV ст. до н. э. // *Археологія*. 1995. № 2.
- Древности Геродотовой Скифии*. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб. 1866. Вып. I.
- Древности Геродотовой Скифии*. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб. 1872. Вып. II.
- Г. А. Евдокимов, Н. М. Куприй. Работы Краснознаменной экспедиции // *Археологічні дослідження на Україні у 1990 р.* Киев, 1991.
- А. К. Кириллов. Курганы Донецкой области как объекты исследований археoaстрономии // *Археологический альманах*. 2011. № 28.
- С. Г. Колтухов, А. Е. Кислый, Г. Н. Тощев. Курганные древности Крыма. Запорожье, 1994. Вып. 1.

- Б. Н. Мозолевський.* Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скії // Археологія. 1990. № 1.
- Б. Н. Мозолевський, С. В. Полин.* Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев, 2005.
- В. С. Ольховский.* Скифские изваяния Крыма. Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.
- В. С. Ольховский, В. В. Отрощенко.* Курганное святилище эпохи бронзы в Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1991. Вып. II. С. 111–125.
- В. В. Отрощенко.* О каменных изваяниях у племен срубной культуры // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982.
- В. В. Отрощенко, Ю. Я. Рассамкин.* Половецкий хан з Чугульського кургану // Золото Степу. Киев, 1991.
- С. Н. Санжаров, Р. А. Литвиненко, Е. А. Черных, А. В. Прынь.* Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск, 2003. № 1.
- Т. Н. Смекалова.* Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в северо-западном Крыму // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь, 2011. Т. 5.
- А. Н. Щеглов, В. И. Кац, Т. Н. Смекалова, В. В. Беван.* Курганы скифской знати в западном Крыму // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь, 2013. Т. XI. Ч. 1.
- A. N. Shcheglov, V. A. Katz.* A Fourth-Century B. C. Royal Kurgan in the Crimea // Metropolitan Museum Journal. 1991. Vol. 26.
- T. Smekalova, O. Voss, S. Smekalov, V. Myts, S. Koltukhov.* Magnetometric Investigations of Stone Constructions within Large Ancient Barrows of Denmark and Crimea // Geoarchaeology. 2005. Vol. 20, № 5.

С. Б. Ланцов, И. И. Неневоля

Открытие некрополя поселения Джан-Баба конца эры до Р. X. и начала эры от Р. X. в Северо-Западном Крыму и боспорские параллели в нём¹

Некрополь греко-скифского городища «Марьинское» (Джан-Баба), расположен на черноморском побережье Северо-Западного Крыма рядом с селом Марьино (бывшее Джан-Баба) в Черноморском районе Республики Крым (Ланцов, Власов, Смекалов, Шапцев. 2015. С. 157–180). О его существовании впервые упомянул в 1933 г. П. Н. Шульц, решив, что он состоит из курганов. Однако, позже оказалось, что увиденные

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 14-06-90403 «Исследование грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма при помощи магнитометрии».

им насыпи являются зольниками античного времени, а не курганами, а грунтовый могильник находится в другом месте, хотя и поблизости. Вместе с тем, этому некрополю принадлежит случайная находка уникального известнякового рельефного позднескифского надгробия с греческими надписями рубежа эр (Соломоник. 1963. С. 10–15; Шульц. 1963. С. 3–10), о котором стало известно ещё в 1958 г.

В 2012–2014 гг. могильник впервые точно локализован в результате визуальных и геомагнитных разведок Донузлавской экспедиции Крымского филиала Института археологии НАН Украины. В отличие от большинства синхронных погребальных памятников Крыма могильник «Марьинское» (Джан-Баба) не подвергся активным грабёжам XX–XXI вв., поскольку его точное место не было известно. Он расположен на равнинном поле, примерно, в 125 м к северо-востоку от городища и в 120–150 м к западу от с. Марьино и отделён от села глубокой балкой, впадающей в море. Границы и размеры некрополя и сейчас точно не установлены. Предположительно, он имеет форму прямоугольника со сторонами 120 м с севера на юг и 90 м с запада на восток, примерной площадью 0,7 га.

За два года раскопок в 2014–2015 гг. на небольшой площади, чуть более 30 м² изучены три грунтовые детские неграбленные могилы (№ 1–3) с разнообразным инвентарем и семейный каменный склеп (могила № 4) с многочисленными захоронениями, вероятно, второй половины I в. н. э.

В 2014 г. здесь на месте одной из магнитных аномалий на глубине 1 м от современной дневной поверхности было впервые обнаружено погребальное сооружение — детская подбойная могила № 1. Входная яма, забутованная необработанными известняковыми камнями, ориентирована с севера на юг. Её размеры — 1,25 × 0,75–1,05 м, глубина — 0,25–0,4 м. Подбой, размером 1,06 × 0,42 м, вырублен в восточной стенке входной ямы. Ориентирован он по линии северо-запад — юго-восток. Пол подбоя располагался на 0,15 м ниже дна входной ямы, а переход между ними оформлен в виде ступеньки. В камере обнаружены 3 погребения (младенец и подростки), расположенные одно над другим и обращенные черепами на юго-восток. Инвентарь погребенных — фибулы, браслеты, витая гривна и проволочные серьги из бронзы, а также бусы, пронизи и подвески. Время совершения захоронений определяется рубежом эр или I в. н. э.

В 2015 г. рядом с могилой № 1 исследованы еще две детские могилы (№ 2, 3) и каменный склеп (могила № 4).

Могила № 2 округлая в плане, подбойная, размерами 1,3 × 0,25–0,5 м и глубиной 0,27 м от уровня фиксации, ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Подбой вырублен в СЗ продольной стенке и был закрыт обломками известняковых природных плит, поставленными на ребро в два ряда. Погребальная камера подпрямоугольной формы размерами 0,97 × 0,52 м

ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Пол подбоя ниже дна входной ямы на 0,33 м, переход от входной ямы к подбою оформлен в виде ступени.

В камере совершено захоронение ребенка в вытянутом положении на спине головой на СВ. Сохранность отдельных костей плохая — кости рук и левой ноги частично истлели, череп раздавлен. Под погребенным зафиксирован слой глинистой подсыпки мощностью 0,03–0,05 м и отдельные кости ещё от двух предыдущих погребений грудных младенцев.

Инвентарь: бронзовая лучковая подвязная фибула, так называемой, «лебяжьинской» серии, подвеска из египетского фаянса в виде миниатюрной каннелированной амфоры, бисер из египетского фаянса, бронзовый колокольчик, стеклянные шаровидные поперечно сжатые проны из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой, объединённые в нерасчленённые столбики по 2–5 экземпляров, миниатюрное бронзовое колечко с выступом, бронзовая обойма с вставленной в неё обработанной галькой, бронзовая ведерковидная подвеска, бронзовое кольцо с заклепанными концами и бронзовая витая пронызь. Датировано погребение по аналогиям фибул второй половиной I в. н. э.

Могила № 3 детская грунтовая (или кенотаф). Вероятно, здесь похоронен грудной младенец, кости которого не сохранились. Могила прямоугольная с округленными торцовыми стенками, размерами 0,96 × 0,5 м и глубиной 0,21 м от уровня фиксации, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Заполнение могильной ямы состояло из жёлто-коричневого золистого суглинка, в котором была вертикально установлена 1 известняковая плита, возвышающаяся над могилой типа надгробия. Инвентарь: бронзовое кольцо с пальца взрослого человека. Несмотря на отсутствие хроноиндикаторов, судя по расположению данной могилы в непосредственной близости от могилы № 2, время ее сооружения можно отнести к I в. н. э.

Могила № 4. Каменный склеп Т-образной конструкции, очевидно подкурганной, с несохранившейся насыпью. Открытый дромос склепа трапециевидной в плане формы, длиной 2,3 м, шириной у входа в камеру — 1,14 м, и наибольшей глубиной от уровня фиксации 1,0 м выкопан в материковом суглинке, ориентирован по линии СЗ–ЮВ. Его ЮЗ и СВ стены облицованы кладками в три-четыре ряда из разновеликих известняковых блоков вторичного использования. Спуск в дромос оформлен в виде двух пологих ступеней, частично разрушенных поздним перекопом. Пол имеет небольшой уклон в сторону камеры близ входа, где сохранились остатки вымостки из плоских плит. Заполнение дромоса состояло из суглинка с камнями. Оно перекрыто золистым слоем с костями животных и фрагментами керамики салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. н. э. На этом слое находилась крупная плита, некогда перекрывавшая вход в склеп.

Входной проём шириной 0,6 м, очевидно, закрывался закладом из нескольких плит (*in situ* сохранилась лишь одна). По бокам входного проёма, на каменном пороге, стояли подквадратные в сечении косяки, высотой 0,8 м каждый, изготовленные из строительных блоков (с перронами) эллинистического времени.

Камера подпрямоугольной в плане формы, размерами 4,2 × 2,34 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Её стены сложены в регулярной технике без перевязки углов, из отёсанных блоков вторичного использования и обколотых с внутренней стороны разновеликих камней.

Стены сохранились на высоту от 4 до 7 рядов кладки, что соответствует от 1,0 до 1,6 м. Камни трёх стен, начиная с первого-второго ряд кладки уложены с напуском, а их торцы наклонно стёсаны в сторону камеры, что должно было придать плавность перехода к своду. Только в одной северо-восточной стене укладка камней с напуском фиксируется с пятого ряда. Пол камеры вымощен необработанными известняковыми плитами и нивелирован мелкой и крупной галькой с примесью мела. Этим же материалом заполнены и швы между плитами пола. Под ними выявлен тонкий до 0,03 м слой подмазки, состоящий из глины, мела и очень мелкой гальки.

Реконструкция свода затруднительна, однако, учитывая большое количество разложившихся сырцовых кирпичей, не исключено, что верх перекрытия был сырцовым, усечённо-ложной конструкции.

Заполнение камеры можно условно разделить на три горизонта, что связано с его ограблением в античное — новейшее время, а также хозяйственной деятельностью в раннем средневековье. Склеп ограблен как минимум трижды. Судя по костям, в нём похоронено не менее 33 человек. Антропологическая экспертиза выполнена Д. Ю. Пономарёвым и А. В. Никитаевым в Керченском отделении Крымского Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы. Определённая онтогенетическая аномалия, устойчиво прослеживающаяся в популяции, свидетельствует о скрещивании близкородственных индивидов.

Первое ограбление совершено через дромос вскоре (10–15 лет?) после последнего захоронения. Об этом свидетельствуют отдельные человеческие кости в сочленениях, выявленные под слоем сырцового завала, две лепные плошки, найденные *in situ* и часть краснолаковой чашки, вторая половина которой найдена на полу дромоса. Следующее ограбление, вероятно, можно датировать ранним средневековьем, когда значительная часть свода обрушилась. И, наконец, третья, возможно, последняя попытка ограбления произошла в новейшее время через золистое заполнение камеры.

Несмотря на неоднократные одновременные ограбления в склепе обнаружен многочисленный погребальный инвентарь, среди которого стеклянные, гончарные краснолаковые и лепные сосуды, свыше 2 тысяч

бус (около 50 типов) и множество их фрагментов из различных материалов. Железные изделия представлены фрагментами различных накладок на несохранившиеся деревянные шкатулки, с замками и ключами от них; ножами, один из которых с костяной рукояткой; браслетом, перстнем, гвоздями и непонятными деталями вещей. Среди находок из бронзы отметим монету города Клазомены (два бюста на аверсе и Асклепий на реверсе) и различные украшения, в числе которых разнотипные фибулы, некоторые из которых редки для Крымской Скифии. Обнаружены также бронзовые браслеты, кольца, перстни, колокольчики, топоровидные подвески, рыболовный крючок, гвозди и др. Здесь же найдены сто одиннадцать целых мелких предметов декора женского платья из жёлтого металла (семи типов), а также фрагменты фольги из него.

Какое-то погребение, возможно, принадлежало женщине знатного рода — жрице (ведьме?). К нему, вероятно, относятся специфические культовые сосуды — разнообразные лепные курильницы; крупная нечерноморская раковина, используемая в качестве подвески; многочисленные предметы золотой расшивки платья; подвески; кольца; перстни, в том числе, и с инталией и т. д.

Датировка погребального инвентаря, судя по фибулам, укладывается в рамки середины — второй половины I в. н. э. Вероятно этим же временем следует датировать и строительство данного склепа.

Античные каменные склепы, кроме некрополя Джан-бабы, открыты также в могильниках, расположенных поблизости от позднескифских поселений Беляус и Кульчук. До недавнего времени их исследователи О. Д. Дашевская и А. С. Голенцов считали, что они первоначально принадлежали херсонесскому некрополю IV–II вв. до н. э., а потом были ограблены скифами, которые в свою очередь использовали их уже для погребений своих умерших. Однако, относительно недавно авторы пришли к мнению о том, что в архитектуре, особенностях строительной техники погребальных сооружений и обряде захоронения прослеживаются исключительно боспорские традиции, что связано не только с заимствованием строительных навыков у соседей, но и с переселением в Северо-Западный Крым жителей Боспора в I в. н. э. (Дашевская, Голенцов. 2006. С. 32–38).

Позднескифский этап заселения Северо-Западного Крыма представлен наиболее ярко, наряду с поселениями, могильниками Беляус, Кульчук, Кара-Тобе и новым некрополем Джан-Баба. Подобные могильники по типу погребальных сооружений, обряду захоронений и погребальному инвентарю типичны для позднескифского царства в Крыму, что вполне естественно, но это же, в целом, и «роднит» регион с Боспором, во многом населённом варварами, у которых была такая же погребальная практика в синхронный период. Кроме того, следует

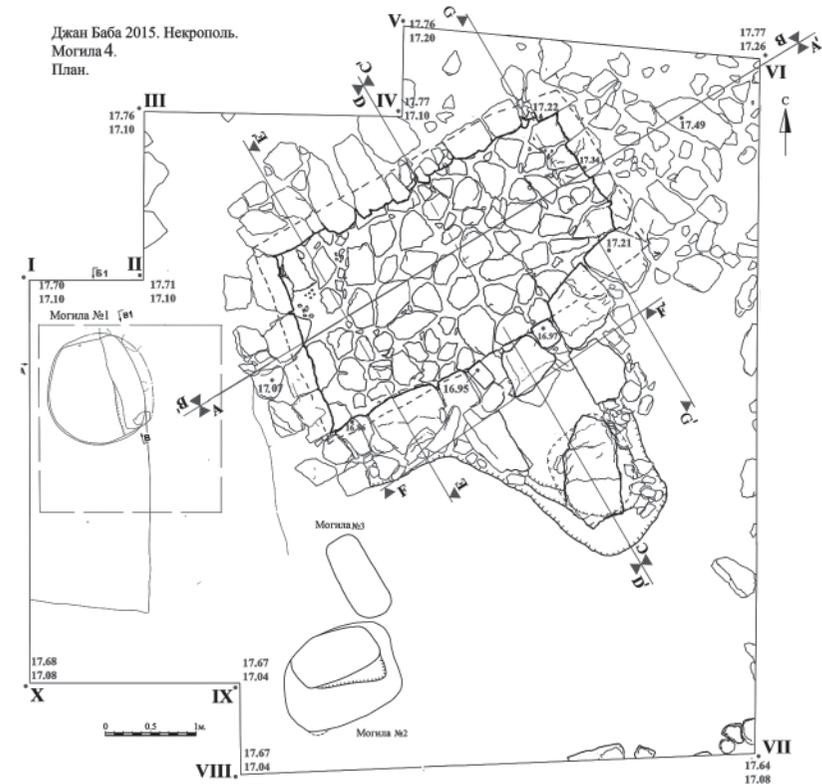

Рис. 1. Джан-Баба — 2015. Некрополь. Могилы 4. План

вспомнить о постоянных добрососедских отношениях Боспора и крымских скифов, а также о совместных браках, даже на уровне царских династических уз, что зафиксировано нарративными и археологически источниками. В заключительный период функционирования поселений Крымских скифов, расположенных на месте прежних херсонесских, в Северо-Западном Крыму, во второй половине I в. н. э., боспорские традиции в некрополях (Беляус, Кульчук, Джан Баба) фиксируются по появлению в них ранее не встречавшегося нового типа погребальных сооружений — каменных склепов, характерных для Боспора этого времени.

Боспорское влияние в Северо-Западном Крыму или даже присутствии здесь боспорян прослеживается и по погребальным типично боспорским рельефным надгробиям. Одно такое, целиком сохранившееся, происходит с Джан-бабы (Соломоник. 1963. С. 10–15; Шульц. 1963. С. 3–10). Изображения расположены по двум ярусам. На верхнем

Рис. 2. Джан-Баба — 2015. Некрополь. Могила 4. Вид с юго-востока

поясе — всадник с копьём и женщина; на нижнем — олень, преследуемый собакой. На главном рельефе воспроизведена знакомая по надгробиям Боспора и Фракии сцена: умерший, в виде героизированного конного воина, предстает перед женщиной. На нижнем, сцена травли оленя подчёркивает, что покойник был не только воином, но и охотником. Кроме характерной для Боспора сцены с изображением умершего героизированным всадником перед женщиной, сохранилась также эпиграфия на греческом языке, но с возможно иранскими именами и греческим патронимиком, что «очень по-боспорски».

Фрагменты боспорских рельефных надгробий с изображением псовой охоты, виночерпия, лошади (всадника?) найдены, соответственно на Беляусе и Кара-Тобе. На городищах Северо-Западного Крыма боспорское влияние во II в. до н. э. — I в. н. э. прослеживается, возможно, в строительных особенностях, в наличии боспорских монет, появлении граффити с царскими тамгами в Калос Лимене и др. Это, конечно, связано с включением в конце II в. до н. э. как Херсонеса, так скифов и Боспора в Понтийскую империю Митридата VI Евпатора. После его смерти боспорские цари осуществляли власть над Херсонесом. В первой четверти I в. н. э. скифы терпят поражение от боспорского царя Аспурга

и попадают в зависимость от него. Очевидно, в этот период появилось в Северо-Западном Крыму новое население, которое хоронили в каменных склепах или сюда переселились боспорские строители.

Литература

- О. Д. Дашевская, А. С. Голенцов. О принадлежности каменных склепов Северо-Западного Крыма // Вестник Евпаторийского краеведческого музея. Евпатория, 2006. Вып. 4.
- С. Б. Ланцов, В. П. Власов, С. А. Смекалов, М. С. Шапцев. Первые исследования могильника «Марьинское» (Джан-Баба) в Северо-Западном Крыму // История и археология Крыма. Симферополь, 2015. Т. II.
- Э. И. Соломоник. Надписи на стеле из с. Марьино // Сообщения Херсонесского музея. 1963. Вып. III.
- П. Н. Шульц. Надгробный рельеф из с. Марьино // Сообщения Херсонесского музея. 1963. Вып. III.

Д. В. Бейлин

Некрополь на горе Хрони

Ярким и интереснейшим археологическим объектом северо-востока Керченского полуострова является некрополь близ села Глазовка, расположенный на вершине и склонах горы Хрони — одной из самых высоких точек Керченского полуострова (174,6 м над уровнем моря)¹. Отдельные участки некрополя могут по праву считаться элитными, а некоторые погребения, без всякого сомнения, принадлежат греко-варварской элите Боспорского царства.

Начало исследования этого некрополя связано с изысканиями профессора Новороссийского университета (г. Одесса), члена Императорской археологической комиссии Н. П. Кондакова. В районе села Баксы (совр. Глазовка) в 1882 году им был исследован «большой курган, уединённо возвышающийся на хребте, идущем вдоль берега Азовского моря и Керченского пролива, по направлению к Еникале. Этот каменистый хребет, окаймляющий отрогами своими всю долину селения Баксы, покрыт скалистыми возвышенностями, на которых мало курганов; но в верхних слоях его, по-видимому, на большом протяжении, рассеяны гробницы, имеющие форму катакомб, высеченных в камне».

¹ В хорошую погоду с вершины горы Хрони видна гора Опук и практически все вершины восточной части Керченского полуострова и Таманского полуострова, которые имеют высотную отметку 140 м над уровнем моря и выше. Так же хорошо просматриваются и отдельные равнинные участки местности.

Он «...лежит на середине возвышенной восточной части хребта, против маяка, и господствует над всею окрестностью» (ОАК. 1882–1888. С. IV). Курган был расположен на вершине горы Хрони и имел до 135 саженей в окружности и около 5 саженей в высоту¹. В конце 1980-х годов курганная насыпь была основательно разрушена при строительстве военных объектов, а в настоящее время от неё остался лишь небольшой навал камня, на вершине которого установлен триангуляционный знак. Ещё одним ориентиром для нас служит упоминание обширного некрополя, гробницы которого высечены в скале.

Раскопки кургана привели Н. П. Кондакова к открытию каменного склепа с дромосом и уступчатым перекрытием, в котором был обнаружен истлевший деревянный саркофаг, украшенный резьбой, костяными и янтарными инкрустациями. Шляпки деревянных и бронзовых гвоздей были обтянуты золотом или позолочены (Сокольский. 1969. С. 40). Там же были найдены бронзовый стригиль с фигурной ручкой, большой железный меч с эфесом, обтянутым золотым листом, два посоха, один из которых был с ручкой в виде конской головы (ОАК. 1882–1888. С. VI) или в виде собаки с прижатыми ушами (Сокольский. 1971. С. 232. Табл. XXXIV, 4; Виноградов. 2011. С. 186). Вокруг саркофага были найдены неполные скелеты коней и три железных удила, обломки амфоры и фрагментированная двуручная чернолаковая пелика². На основании сделанных в гробнице находок Н. П. Кондаковым было высказано предположение о двух одновременных погребениях, хотя автор раскопок и сомневался в этом (ОАК. 1882–1888. С. VII; Виноградов. 2011. С. 187–191). Вопрос датировки кургана не раз поднимался в научной литературе (Ростовцев. 1925. С. 395; Пругло. 1963. С. 72–73; Передольская. 1971. С. 54; Сокольский. 1971. С. 232; Gajdukevič. 1971. S. 278; Shefton. 1982. P. 149, 154; Braund. 2009. P. 117). Не так давно Ю. А. Виноградовым опубликован ряд статей, посвящённых кургану у села Баксы, где дан наиболее полный анализ этого археологического комплекса (Виноградов. 2011. С. 185–191; Виноградов. 2014. С. 510–528; Виноградов. 2011. С. 529–534). По мнению Ю. А. Виноградова погребение в кургане у села Баксы (на вершине горы Хрони) может принадлежать боспорскому правителю Сатиру I.

К сожалению, мы не располагаем информацией о дальнейших археологических исследованиях курганов и некрополя на вершине и склонах горы Хрони ни членами Императорской Археологической

¹ Согласно указанию Николая I «О системе российских мер и весов» от 11 октября 1835 года, длина сажени была следующей: 1 казённая сажень приравнена к длине 7 английских футов, то есть к 2,1336 метра.

² «Прекрасная ваза с двумя ручками..., она украшена по лицевой стороне замечательно изящным рисунком, изображающим многолюдную сцену жертвоприношения, совершаемого пред идолом богини, в присутствии многих божеств» (ОАК. 1882–1888. С. VII; Shefton. 1982. P. 149).

комиссии, ни сотрудниками Керченского музея древностей, хотя исключать подобные раскопки в более раннее время и после 1882 года нельзя. Не вызывает сомнений, что некрополь неоднократно посещался археологами в конце XIX — начале XX столетий.

Так, в 1920-х годах археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова провёл К. Э. Гриневиц. Им была осмотрена территория в районе сёл Осовины, Баксы, деревни Глейки, и практически вся прибрежная территория от Еникальского маяка до городища Мирмекий. Посетив гору Хрони, К. Э. Гриневиц отмечает, что «...на большой возвышенности, известной под названием „Хроновой горы“ и главенствующей над котловиной деревни Баксы (с востока), было обнаружено ограбленное „счастливыми“ большое древнее кладбище, могилы которого высечены в скале, преимущественно на северной покатоности и на вершине горы. По словам Л. Демиденко, тайно раскапывавшего этот могильник, в 90-х годах в гробницах находимы были краснофигурные вазы, стекло и финикийские амфориски. Словом, перед нами некрополь V–III вв. до Р. Хр. В восточной части Хроновой горы, как известно, был курган, раскопанный на средства Археологической Комиссии Н. П. Кондаковым и в котором были обнаружены обломки великолепного краснофигурного кратера „керченского стиля“...» Исследователь отметил, что курган, раскопанный Н. П. Кондаковым, представляет собой «... совершенно разорённую насыпь с глубокой ямой в центре» (Гриневиц. 1927. С. 49). Более подробной информации о топографии некрополя и о погребальных сооружениях исследователь не оставил.

В 1950–1956 гг. некрополь на горе Хрони осматривается краеведом В. В. Веселовым, который довольно точно описал места обнаружения могил на северном и западном склонах, а также на вершине горы. Он описал несколько типов могил и места их сосредоточения. В своих заметках он отмечает могилы, сложенные из хорошо обработанных известняковых плит и могилы, вырубленные в скале, среди которых некоторые имеют в разрезе форму усечённой пирамиды.

В. В. Веселовым в начале 50-х годов прошлого столетия в 3-х км к западу от села Баксы также был осмотрен курганный могильник, расположенный на гребне скалистой возвышенности, протянувшейся в широтном направлении от села Глазовка к селу Аджимушкай. Здесь, у одного из разрытых курганов с остатками склепа с уступчатым перекрытием им было обнаружено несколько золотых бляшек (Веселов. 1959. С. 233–234), которые по непонятным причинам рассматривают вместе с комплексом вещей из Баксинского кургана¹.

¹ Следует отметить, что на гребне этой скалистой гряды расположено около десятка склепов с уступчатым перекрытием и два крупных кургана (гора Иванова, высотой 129,9 м, и высота 115,6). К северу от них расположен курган Марьяна Могила.

Несмотря на известность, широкомасштабных исследований некрополя горы Хрони не проводилось, хотя, вне всяких сомнений, он известен каждому исследователю, работающему на Боспоре.

Следующий этап исследования некрополя на горе Хрони связан с масштабными и земляными работами 1988 года по созданию позиций противовоздушной обороны на плато горы Хрони, при которых большое количество могил было уничтожено или основательно повреждено. Местами грунт был полностью удалён, обнажив плиты перекрытий могил, могильные ямы и уже ограбленные каменные ящики и склепы. В 1988–89 гг. спасательные работы на некрополе были проведены О. Д. Чевелёвым (Чевелёв. 1988. С. 3–10; Чевелёв. 1989. С. 4–7). В 1994 г. раскопки были продолжены. С 1988 по 1994 гг. на территории некрополя было раскопано и доследовано 52 погребения, которые были датированы исследователем V–I вв. до н. э. (Чевелёв. 1994. С. 274). С конца 1980-х — начала 1990-х годов невообразимый размах приняли грабительские раскопки некрополя.

Наиболее интересной находкой является расчищенная грабителями в 1989 году могила на вершине юго-западной части горы. Она представляет собой вырубленный в скале склеп, погребальная камера которого имеет прямоугольные в плане очертания. Ориентирована она в направлении север-юг. В камеру склепа ведёт вертикальный колодезидный дромос глубиной 3 м, который немного сужается книзу. В наиболее узкой (нижней) части шахты дромоса оставлен небольшой выступ на котором крепилась закладная плита. Внизу дромоса устроена ступень — упор для ещё одной закладной плиты. При расчистке камеры склепа О. Д. Чевелёвым были обнаружены фрагменты краснофигурного кратера, обломки лепного горшка, фрагмент полихромного рельефного сосуда и крышки краснофигурной леканы, около ста мелких фрагментов чернолаковых и расписных сосудов, фрагменты гераклеийской амфоры, одиннадцать золотых бляшек с петельками диаметром 4–5 мм и 12 мм, две бусины белого металла и небольшой оплавленный слиток золота.

В 3 м к СВ от склепа на выходе скалы под слоем дерна и мелкого щебня расчищен слой золы. Выявленный археологический объект был не без оснований интерпретирован О. Д. Чевелёвым как «место кремации». (Чевелёв. 1989. С. 4–5).

При расчистке жжённого точка было найдено 12 наконечников копий, 4 наконечника дротиков, 3 подтока копий и 19 бронзовых наконечников стрел. Здесь же найдено большое количество обломков практически сгнивших бронзовых пластин, которые могли относиться к остаткам защитного вооружения. Многие наконечники копий, дротиков и подтоки носили следы позолоты. Там же обнаружены железные и бронзовые гвозди, оплавленные кусочки золота (4 — фрагменты

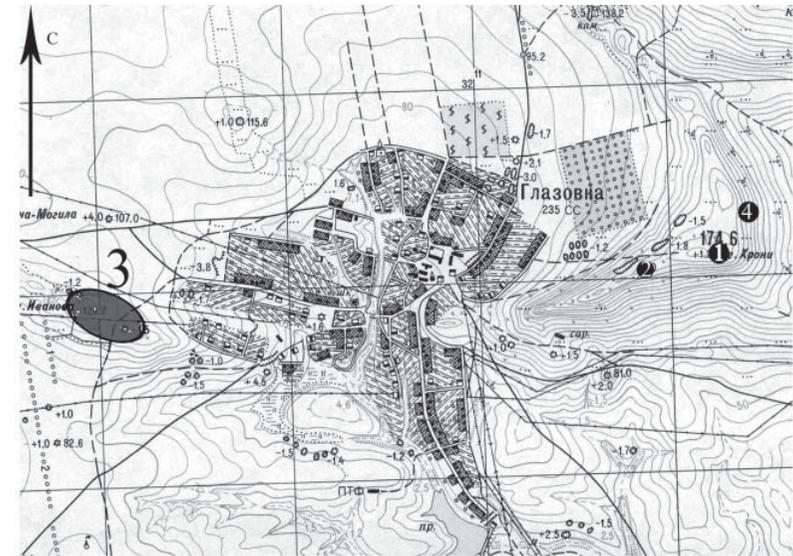

Рис. 1

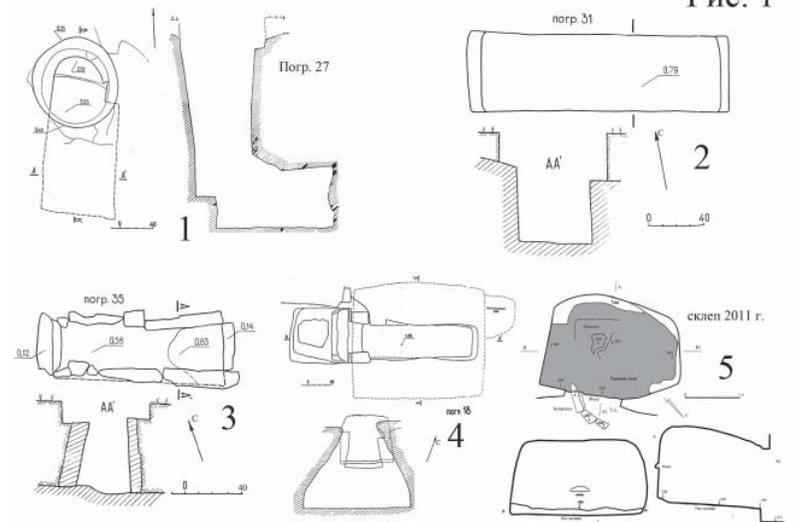

Рис. 2

Рис. 1. Фрагмент топографической карты района села Баксы (Глазовка). 1 — местоположение Баксинского кургана; 2 — склеп 1989 г. с колодезидным дромосом; 3 — место обнаружения золотых бляшек В. В. Веселовым; 4 — местоположение склепов первых веков н. э.

Рис. 2. Основные типы погребальных сооружений некрополя горы Хрони, исследованных О. Д. Чевелёвым и Д. В. Бейлиным

ювелирных изделий). О. Д. Чевелёв датировал кремацию и погребение в склепе рубежом V–IV вв. до н. э. Вполне возможно, что над склепом и жжёным точком был сооружён небольшой курган, насыпь которого по разному рода причинам не сохранилась. Неординарность погребения не вызывает сомнений, а о весьма знатном происхождении или приобретённом высоком социальном статусе погребённого, свидетельствует наличие в кремации и склепе изделий из золота, а также покрытых позолотой предметов вооружения.

В 2009–2011 году разведки на горе Хрони проводились автором совместно с П. Г. Столяренко. Был исследован участок некрополя первых веков н. э. на северном склоне горы. В торцах скальных террас выявлены подтески в виде арок и следы заплывших грабительских ям. Здесь в 2010 году был обнаружен склеп, вырубленный в торце одной из скальных террас. Дромос склепа имел полуциркульный (арочный) свод. В плане камера имела неровные трапециевидные очертания. Сохранились закладные плиты и камни. Археологический материал, обнаруженный в пределах скальных выходов и в районе исследуемого склепа, в основной своей массе относится к первым векам н. э.

В целом, на основании имеющегося археологического материала и сделанных наблюдений, датировать некрополь можно в пределах конца V в. до н. э. — II–III вв. н. э. Не исключено, что здесь могут находиться погребения и более раннего времени. Разновременные участки некрополя расположены в разных частях горы. Прослеживается порядка десяти различных конструкций погребальных сооружений — от простых ящиков прямоугольной формы, вырубленных в скале (западный склон горы), до сложных конструкций прямоугольной в плане и трапециевидной в разрезе формы с вырубленным или сложенным из обработанных камней одно или двухкамерным дромосом. Вероятней всего, над некоторыми склепами сооружались курганные насыпи и устанавливались надгробия.

Представляется вполне естественным, что центральная часть некрополя, находящаяся на вершине горы носила особый статус, а погребения, расположенные здесь принадлежали местной греко-варварской элите.

Точные границы некрополя пока не выявлены. Можно лишь отметить, что в настоящее время следы грабительских ям и участки вскрытых могил фиксируются на площади порядка 30–40 га. Конструкция большинства склепов и могил находит прямые аналогии преимущественно в районе северо-восточной оконечности Керченского полуострова.

Немаловажным будет отметить, что вблизи горы Хрони нам известно несколько разновременных более или менее крупных поселений, археологические раскопки которых не проводились. Однако, в целом, отнести этот некрополь к этим поселениям мы пока не можем. Вопрос

о принадлежности, а главное статусе некрополя приобретает ещё большую актуальность, если учитывать неординарность конструкций погребальных сооружений, зачастую, инвентаря и его географического положения.

Литература

- В. В. Веселов.* Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. 1959. Т. XXIX–XXX.
- В. В. Веселов.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. Supplementum. М., 2005. Т. II.
- Ю. А. Виноградов.* Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы международной научной конференции. СПб., 2011.
- Ю. А. Виноградов.* Курган у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014. Т. XXX.
- Ю. А. Виноградов.* Ещё раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014. Т. XXX.
- К. Э. Гриневиц.* Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. I (58-й). Симферополь, 1927.
- А. А. Передольская.* Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.
- В. И. Пругло.* Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского археологического музея. Одесса, 1963.
- М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. РАИМК, 1925.
- Н. И. Сокольский.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья Археология СССР. САИ. 1969. Вып. Г1-17.
- М. Ю. Трейстер.* Золотые бляшки ахеменидского стиля из кургана Баксы в Восточном Крыму // ДБ. 2013. Вып. 16.
- О. Д. Чевелёв.* Раскопки некрополя на г. Хрони // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь. 1997.
- D. C. Braund.* The Baksy krater, Teutaros and Heraklion: Heracles and the Scythian bow in Graeco-Scythian art and culture(s) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы международной научной конференции. СПб., 2009.
- V. F. Gajdukevič.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- B. Shefton.* The krater from Baksy // The Eye of Greece: Studies in the Art of Athens. Cambridge, 1982.

Архивные материалы

- О. Д. Чевелёв.* Отчёт об охранных раскопках Керченской археологической экспедиции в 1988 году // Архив ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». Оп. 2. Ед. хр. 981.
- О. Д. Чевелёв.* Отчёт Керченской археологической экспедиции за 1989 год // Архив ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». Оп. 2. Ед. хр. 1039.

А. М. Корженков, А. С. Ларьков, А. В. Мараханов, Е. А. Молев,
А. Н. Овсяченко, Е. А. Рогожин, В. А. Хрищановский

Следы сильных землетрясений в крепостных стенах античного города Китей, Керченский полуостров¹

Введение. Археологическая изученность. Античный город Китей расположен на южном побережье Керченского п-ова. По археологическим данным он был основан в конце VI — начале V в. до н. э., и просуществовал до второй четверти VI в. н. э., выполняя в последний период своей истории, роль византийской крепости (Молев. 2010. С. 41). Китей был достаточно хорошо укрепленным по античным понятиям городом. Крепостные стены несут следы многочисленных разрушений. При этом, следов целенаправленного военного разрушения стен в древности на открытых участках не обнаружено (Молев. 2010. С. 32–41).

Сооружение восточной крепостной стены произошло не позднее конца IV в. до н. э. (Молев. 2010. С. 32). Позже, для предохранения стены от разрушения при землетрясениях, стена была усилена панцирем, который датирован серединой — второй половиной I в. до н. э. Во время пристройки дополнительного панциря стены разрушена башня, стоящая на уступе над линией обрыва. В дальнейшем оборонительные сооружения на этом участке выполняли свои функции без существенных перестроек до конца истории города.

Находки в забутовке фундамента северной стены дают основание предполагать, что строительство первых городских укреплений началось в начале IV в. до н. э. Позже стена была усилена дополнительным панцирем с внутренней стороны. Первое дополнительное укрепление северной линии обороны происходило, судя по находкам в кладке стены (керамика IV–III вв. до н. э.), а также по наличию в кладке стены в воротном проходе блоков с трёх- и четырёхсторонней рустовкой, в конце IV в. до н. э. Следующая перестройка и дополнительное укрепление этого участка обороны города происходили в середине — второй половине I в. до н. э. Стена опять была усилена дополнительным панцирем с внутренней стороны. В кладке её использованы и фрагменты надгробий IV–III вв. до н. э.

Следующий этап усиления оборонительной системы приходится на II в. н. э. О нём свидетельствуют фундаменты грубых кладок из больших необработанных блоков мшанкового известняка. Эти кладки с востока и севера как бы окаймляют соответствующие стены западной башни у северных ворот города на расстоянии от них около 1 м. Можно

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 15-05-06197).

предположить, что эти кладки выполняли роль противотаранного пояса, что связано с появлением более опасного противника, знакомого с античной осадной техникой.

Таким образом, северная линия обороны города совершенствовалась на протяжении более длительного периода истории города, чем восточная — приморская.

Кладка западной стены состоит из двух панцирей крупных рваных камней, подвергшихся незначительной обработке при подгонке друг к другу, и забутовки между ними. Судя по находкам в цоколе, стена могла быть построена в первой половине II в. до н. э. Тогда же сооружена башня (башня «И»). В первой половине I в. н. э. стена была разрушена. Часть её обвалилась к востоку. Впоследствии завал частично разобрали, а частично засыпали слоем строительного мусора и грунта мощностью около 1 м. Отсутствие в грунте находок позднее I в. н. э. говорит о том, что работы по восстановлению стены начались именно в то время. Позднее, в конце III в. н. э., стены башни также усилены дополнительным панцирем.

Структурно-тектонические особенности района расположения Китея. Высокая современная тектоническая активность Керченского п-ова проявлена в деформациях молодых геологических образований, грязевом вулканизме и движениях земной поверхности зафиксированных по геодезическим данным. Тем не менее, современный уровень сейсмической активности здесь низкий, хотя имеются многочисленные свидетельства о разрушительных землетрясениях древности (Геология... 1992; Борисенко и др. 1999; Никонов. 2000 и др.). В южной части Керченского п-ова ранее были изучены колоссальные расселины, рвы и уступы, пересекающие гору Опук (Борисенко и др. 1999; Овсяченко и др. 2015). Разрыв на горе Опук, скорее всего, является сеймотектоническим, т. е. представляет собой выход очага сильного землетрясения на поверхность. В то же время, длина разрыва не превышает 3,5 км, что вызывает сомнения в его роли крупной сеймогенерирующей структуры. Можно полагать, что разрыв представляет собой небольшой фрагмент — окраину крупной системы молодых тектонических нарушений, которые прослеживаются вдоль южного берега всего Крыма по геофизическим данным (Юдин. 2011). Схожие разрывы можно наблюдать и в неоген-четвертичных отложениях, вскрытых абразией на берегу Черного моря, вплоть до города Китей. По всей видимости, этот памятник расположен в непосредственной близости от крупной сеймогенерирующей структуры.

Расположение Китея на самом краю отвесного абразионного уступа высотой до 25 м, без признаков удобных подходов к морю и следов прибрежных сооружений, свидетельствует о полном уничтожении значительной части города в результате абразионной деятельности Чёрного

моря. Абразия весьма активна и в настоящее время — здесь идёт постоянная подрезка основания обрыва морем, а в привершинной части уступа наблюдаются многочисленные зарождающиеся трещины отпора — очаги грядущих обвалов и оползней. Вполне возможно, что формирование абразионного уступа сопровождалось крупными обвалами и блоковыми оползнями и испытывало резкие активизации в результате землетрясений, о чём вполне определённо свидетельствуют следы разрушений и деформаций городских стен и хозяйственно-жилых построек.

Руины древних зданий как окаменевшие сейсмокопы. Сейсмические повреждения и разрушения — постоянная угроза, которую следует иметь в виду при строительстве и планировании населённых пунктов. Период инструментальных сейсмологических наблюдений составляет немногим более сотни лет. Однако, для достоверной оценки сейсмической опасности территории и при строительстве крупных инженерных сооружений (например, атомных электростанций) необходима информация о сильных землетрясениях региона за последние 10 тыс. лет.

В отдельных случаях очаги сильных землетрясений достигают поверхности. При этом разрываются и смещаются строительные конструкции. Такие деформации маркируют эпицентральные зоны на поверхности. По величине и направлению смещения строительных элементов (например, городских стен или акведуков) можно определить кинематические характеристики сейсмического события и рассчитать их численные параметры (Klinger et al. 2000; Rukieh et al. 2005; Korjenkov et al. 2006). Время события определяется по возрасту археологических артефактов и по данным определения абсолютного возраста. Таким образом, сравнительно легко находят ответы на три главных вопроса сейсмологической науки: где, когда и какой силы.

Но подобные случаи выхода сейсмических очагов в пределах древних городов крайне редки. Чаще всего археологи имеют дело с многочисленными деформациями и разрушениями в строительных конструкциях, которые они традиционно приписывают нашествию иноземных армий или добровольному оставлению населённых пунктов местными жителями (например, при изменении местного гидрологического режима). Археологи не всегда могут отличить деформации и обрушения зданий, возникшие вследствие военных действий или при статической «мёртвой» нагрузке с течением времени, от тех, что возникли под воздействием колебаний сейсмических волн от очагов, расположенных неподалеку.

Имеющиеся инструментальные данные и материалы наших полевых эпицентральных обследований современных землетрясений, которые случились в Киргизии в последние годы, обеспечили базу для идентификации особенностей типов сейсмогенных повреждений в со-

временных конструкциях и поиска их аналогов в древних городах и поселениях Ближнего Востока и Средней Азии, Крыма и Кавказа. (Korjenkov and Mazor. 1999, 2003, 2005; Korzhenkov and Mazor. 1999, 2014; Korjenkov and Erickson-Gini. 2003; Korjenkov et al. 2003, 2006; Korjenkov and Schmidt. 2009; Корженков и др. 2009; 2013–2016; Винокуров и др. 2015).

Типы сейсмогенных повреждений в строительных конструкциях. Здания, стены и другие конструкции, построенные из обработанных каменных, глиняных блоков или кирпичей, образуют сеть геометрических линий, составляющих прямоугольники, и позволяют исследователям идентифицировать тип и величину деформаций с точностью в несколько градусов и сантиметров. Ниже приводится список типов известных сейсмических разрушений строительных конструкций, аналоги которых выявлены при наших работах в городе Китей.

Систематически направленные наклоны и обрушения стен, а также горизонтальное смещение (выдвижение) отдельных частей строительных конструкций представляют собой результат сильных землетрясений. В таких случаях нижняя часть строительной конструкции смещается вместе с грунтом в направлении соответствующих сейсмических подвижек, в то время как верхние части остаются на месте из-за инерции.

Вращения отдельных строительных блоков, кирпичей, камней или постаментов колонн, а также значительных фрагментов стен или всей стены целиком часто наблюдаются в сейсмически пораженной области. Вращение вызывается сдвиговой парой сил, приложенной к плоскому элементу конструкции. Максимальное суммарное сейсмическое воздействие, направленное параллельно к простиранию стен или перпендикулярно к его стенам, приведет к обрушению, смещению или наклону без вращения. Вращение будет иметь место в случаях, где главные напряжения приложены под углом к элементу конструкции и результирующие сдвиговые напряжения высоки. Таким образом, развёрнутые элементы, находящиеся на перпендикулярно ориентированных стенах, должны иметь противоположное направление вращения, если сейсмический толчок прошёл вдоль биссектрисы между двумя стенами.

Трещины, пробивающие насквозь несколько соседних строительных блоков или даже целую стену, свидетельствуют о сильном землетрясении, так как значительная энергия необходима трещине для преодоления пространства между соседними блоками. Конечно, подобные трещины образуются также при взрывах и воздействии таранов, но практически никогда со временем при статической нагрузке. Трещины, распространяющиеся по границам строительных блоков или кирпичей, возникают и при землетрясениях, однако также могут проявиться в стенах и при статических нагрузках, и при просадках грунта.

Следует учитывать, что свидетельства разрушительного землетрясения в археологическом комплексе становятся тем более очевидными, чем больше выделяется типов и случаев сейсмических повреждений, а обнаруженные сейсмические деформации моложе самих строительных конструкций, но старше последующего ремонта или перекрывающих сооружений.

Сейсмические деформации в стенах Китея. Наклоны и выдвигания стен. Наклонившиеся стены — первое, что бросается в глаза в руинах Китея даже неспециалисту. Так, например, в восточной части раскопа I три соседние стены (№ 39, 27, 15 — Молев. 2010. С. 43. Рис. 50) субмеридиональной ориентировки (азимут простирания — около 160°) систематически наклонились к востоку под углом до 71°. Причем стены 27 и 39, ограничивали хозяйственное помещение «Г», возникшее во второй половине I в. до н. э., а стена 15 была сооружена ещё позднее — в IV в. н. э.

В этой же части раскопа в стене той же ориентировки нами был выявлен фрагмент стены, выдвинувшийся целиком к западу на 6–7 см (стена № 1 а). Верхние ряды каменной кладки имеют ещё большее выдвигание — верхний фрагмент стены продвинулся к западу относительно нижнего ряда на 11 см. Дата стены вторая половина III в. до н. э.

Наклон стены ЮЮЗ простирания (азимут — 148°) под углом до 45° и порядное выдвигание каменной кладки на восток до 20 см имеет место к западу от ЮЗ башни городища в *западной части I-го раскопа*.

Повороты фрагментов стен и отдельных строительных блоков. Наиболее яркий пример разворотов строительных элементов был изучен нами в ЮЮВ стене (азимут простирания 60°) ЮЗ башни городища (*западная часть I-го раскопа* (Молев. 2010. С. 41)). Здесь нижний ряд кладки длиной в четыре каменных блока повернулся против часовой стрелки на 14° (рис. 1). При повороте западный угол повернутого ряда выдвинулся на расстояние в 45 см. В этот разворот, хотя и в меньшей степени, был вовлечён и верхний ряд. Здесь величина выдвигания составила 20 см, а угол поворота достиг 5°. Дата сооружения башни вторая половина — конец II в. до н. э. (Молев. 2012. С. 324; Молев, Марков, Матукина. 2012. С. 111). Следовательно, эта деформация башни вполне могла быть результатом землетрясения 63 г. до н. э., о котором упоминают Дион Кассий (XXXVII, 11) и Павел Оросий (VI, 5, 1).

Систематический разворот трёх соседних строительных блоков против часовой стрелки был отмечен нами в восточном фасе восточной городской стены городища (*северная часть раскопа IV*). При общем простирании стены 160°, разворот южного блока достигал 8°. Время сооружения стены — конец IV в. до н. э.

Восточная стена восточной привратной башни (*раскоп III*) сильными сейсмическими колебаниями, направленными перпендикулярно

Рис. 1

Рис. 1. Систематические развороты нижних рядов кладки против часовой стрелки в южной стене юго-западной башни городища Китея. Вид на северозапад

её простиранию, была изломана на две части. Северная часть восточной стены (азимут простирания 150°), соединенная с северной стеной башни, не подверглась значительной деформации. Однако её южная — незакрепленная привходовая часть повернулась по часовой стрелке на 10° и наклонилась в западном направлении под углом в 83°.

Сквозные трещины. Участки значительной концентрации сейсмических напряжений, приведшие к образованию сквозных трещин, были встречены нами в стенах ЮЗ части городища (*раскоп I* (Молев. 2010. С. 41)). В ССЗ стене башни с простиранием 60° имеется сквозная трещина через 2 камня. В смежной к востоку стене с простиранием 148° имеется такая же трещина.

Следы нескольких землетрясений. Логичным, хотя и косвенным признаком неоднократных сейсмических воздействий являются следы ремонтов в стенах, стены-подпорки и вторичное использование изящных и дорогостоящих строительных элементов при заделке стен. Так, например, восточная городская стена несёт в себе следы, по меньшей мере, двух сильных землетрясений. Первое землетрясение повредило западный фас стены, свидетельством чему является отход и наклон под углом до 74° четырёх значительных блоков облицовки фаса в западном

Рис. 2

Рис. 2. Следы двух сильных древних землетрясений в восточной городской стене Китея. Во время первого землетрясения была нарушена облицовка внутреннего фаса. Для предотвращения дальнейшей деформации была пристроена крепыда. Она также отошла и наклонилась во время второго землетрясения

направлении (рис. 2). Время первого сильного землетрясения, скорее всего, первая половина I в. до н. э. Чтобы сохранить стену от последующего разрушения, древние насельники Китея во второй половине I в. до н. э. пристроили контрфорсную стену-крепыду с внутренней стороны городища (раскоп IV (Молев. 2010. С. 35)). Однако и она отошла к западу и наклонилась под углом до 51°, вероятнее всего, во время второго землетрясения, которое, судя по археологическому контексту происходило в середине — второй половине III в. н. э. Следы землетрясений этого периода есть и на других поселениях Боспора (Винокуров. 2002. С. 37–38).

Такая же картина наблюдается для южных стен привратных башен и городской стены к востоку от них (раскоп III). По всей видимости, эти стены с простираем 50° получили значительные повреждения при первом землетрясении (в первой половине I в. до н. э.). По этой причине, древние жители Китея решили укрепить их контрфорсными стенами — крепыдами. Они пристроили их к южным фасадам южных стен. Однако эти дополнительные строительные конструкции не сильно помогли при следующем сильном землетрясении.

Следует лишь отметить наличие хорошо обработанного строительного блока с четырехсторонней рустовкой в отремонтированном после первого землетрясения северном внутреннем фазе южной стены западной привратной башни (раскоп III, азимут простираения стены 50°). Этот камень явно попал туда из развалин важного административного здания. Однако этот строительный блок явился частью повернутого во время второго землетрясения нижнего фрагмента стены, состоящего из четырёх блоков, развернувшегося на 5° против часовой стрелки и наклонившегося к северу под углом до 85°.

Выводы. 1) Деформации в строительных конструкциях древнего города Китея (наклоны, выдвигания и повороты фрагментов стен, а также сквозные трещины) имеют сейсмогенную природу.

2) Характер строительных конструкций и деформаций в них указывает на неоднократное воздействие сильных землетрясений на стены городища.

Свидетельством первого землетрясения (после III в. до н. э.) являются следы дополнительного укрепления северной линии обороны города: судя по находкам в кладке стены керамики IV–III вв. до н. э.

Второе землетрясение произошло до начала реконструкции восточной городской стены, когда стена была усилена панцирем, который датирован серединой — второй половиной I в. до н. э. В кладке были использованы и фрагменты надгробий IV–III вв. до н. э. Возможно это было землетрясение 63 г. н. э.

Возможно, что в стенах городища имеются и следы третьего сильного землетрясения, после которого в конце III в. н. э. стены башен были усилены дополнительным панцирем.

3) Отсутствие систематической картины в распределении типов сейсмических деформаций в стенах Китея свидетельствует, по-видимому, о непосредственной близости древних эпицентральных зон и преобладании вертикальной компоненты в сейсмических колебаниях.

4) Сила древних землетрясений достигала $M \geq 9$ баллов по шкале МСК-64.

Литература

- А. С. Борисенко, Б. Г. Пустовойтенко, В. Н. Дублянский, Б. А. Вахрушев, А. А. Клюкин, А. В. Ена, М. А. Китин. Сейсмодислокации и палеосейсмичность Крыма // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. Симферополь, 1999.
- Н. И. Винокуров. Антропогенные и природные факторы системного кризиса Боспорской государственности во второй половине III в. н. э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002.

- Н. И. Винокуров, А. М. Корженков, М. В. Родкин. К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии // Вопросы инженерной сейсмологии. 2015. Т. 42. № 2.
- Геология и геодинамика района Крымской АЭС. Киев, 1992.
- А. М. Корженков, К. Ш. Табальдиев, Ал. В. Бобровский, Ар. В. Бобровский, Э. М. Мамыров, А. А. Орлова. Макросейсмические исследования Талды-Сайского караван-сарая (долина реки Кара-Бура, Таласская область, Киргизия) // Геология и Геофизика. 2009. Т. 50, № 1.
- А. М. Корженков, С. В. Абдиева, П. С. Вахрамеева, А. Б. Джумбаева, Э. Мамыров, Е. А. Морозова, А. А. Орлова, А. Б. Фортуна. Сильные исторические землетрясения на Северо-Западе Иссык-Кульской впадины (Северный Тянь-Шань) // Геология и геофизика. 2011. Т. 52, № 9.
- А. М. Корженков, В. А. Кольченко, Ф. Г. Ротт, С. В. Абдиева. О сильном средневековом землетрясении в Чуйской впадине, Кыргызстан // Геотектоника. 2012. № 4.
- А. М. Корженков, Э. Мазор. Признаки сейсмических повреждений в руинах древних городов в пустыне Неgev // Геотектоника. 2013. № 1.
- А. М. Корженков, Е. А. Рогожин, Ю. Шен, Е. В. Деев, С. В. Абдиева, А. Б. Фортуна, А. М. Муралиев, Т. А. Чаримов, А. С. Юдахин, Й. Мажейка. Палеосейсмологические и археосейсмологические исследования по международным проектам РФФИ // Вестник РФФИ. 2014. № 1 (81).
- А. М. Корженков, М. А. Аванесян, А. А. Варданян, А. Вирджино. О следах землетрясений IX в. в развалинах Двина — древней столицы Армении // Вопросы инженерной сейсмологии. 2015. Т. 42. № 1.
- А. М. Корженков, В. А. Кольченко, Д. В. Лужанский, Е. А. Рогожин, М. Казмер, Й. В. Мажейка, Е. В. Деев, А. Б. Фортуна, Д. Шен, А. С. Юдахин, С. В. Абдиева, С. Н. Родина. Археосейсмологическое исследование Курментинского средневекового городища (Северо-Восточное Прииссыккулье, Кыргызстан) // Вопросы инженерной сейсмологии. 2015. Т. 42. № 1.
- А. М. Корженков, В. А. Кольченко, Д. В. Лужанский, С. В. Абдиева, Е. В. Деев, Й. В. Мажейка, Е. А. Рогожин, С. Н. Родина, М. В. Родкин, А. Б. Фортуна, Т. А. Чаримов, А. С. Юдахин. Археосейсмологические исследования и структурная позиция средневековых землетрясений на юге Иссык-Кульской впадины (Тянь-Шань) // Физика Земли. 2016. № 2.
- А. А. Никонов. Сейсмический потенциал Крымского региона: Сравнение региональных карт и параметров выявленных событий // Физика Земли. 2000. № 7.
- Е. А. Молев. Боспорский город Китей. // БИ. 2010. Supplementum. № 6.
- Е. А. Молев. Новая башня в системе укреплений Китея // Боспорские чтения. Вып. XIII. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012.
- Е. А. Молев, К. В. Марков, А. Н. Матукина. Юго-западный участок обороны Китея // Культурный слой. Н. Новгород. 2012. Вып. 1.
- А. Н. Овсяченко, С. В. Шварев, А. С. Ларьков, А. В. Мараханов. Следы сильных землетрясений Керченско-Таманского региона по геологическим данным // Вопросы инженерной сейсмологии. 2015. Т. 42. № 3.
- В. В. Юдин. Геодинамика Крыма. Симферополь. 2011.
- Y. Klinger, J. P. Avouac, L. Dorbath, N. Abou Karaki and N. Tisnerat. Seismic behaviour of the Dead Sea fault along Araba valley, Jordan // Geophys. J. Int. 2000. Vol. 142. № 3.
- А. М. Корженков, J. R. Arrowsmith, C. Crosby, E. Mamyrov, L. A. Orlova, I. E. Povolotskaya, K. Tabaldiev. Seismogenic destruction of the Kamenka medieval fortress,

- northern Issyk-Kul region, Tien Shan (Kyrgyzstan) // Journal of Seismology. 2006. № 10.
- А. М. Корженков, К. М. Байпак, С. Chang, Yu. Peshkov, T. Savelieva. Traces of ancient earthquakes in Medieval cities along the Great Silk Route, northern Tien Shan and Dzhungaria // Turkish Journal of Earth Sciences. 2003. Vol. 12.
- А. М. Корженков, T. Ericson-Gini. The seismic origin of the destruction of the Nabataean Forts of Ein Erga and Ein Rahel, Arava Valley, Israel // AAn. 2003. № 2.
- А. М. Корженков, E. Mazor. Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings as fossil seismographs // Science and New Technologies. 1999. № 1.
- А. М. Корженков, E. Mazor. Earthquake characteristics reconstructed from archeological damage patterns: Shivta, the Negev Desert, Israel // Isr. J. Earth Sci. 1999a. Vol. 48.
- А. М. Корженков, E. Mazor. Seismogenic origin of the ancient Avdat ruins, Negev desert, Israel // Natural Hazards. 1999b. Vol. 18, № 3.
- А. М. Корженков, E. Mazor. Archeoseismology in Mamshit (southern Israel): Cracking a millennia code of earthquakes preserved in ancient ruins // AAn. 2003. № 2.
- А. М. Корженков, E. Mazor. Diversity of earthquakes destruction patterns: The Roman-Byzantine ruins of Haluza, Negev desert, Israel // AAn. 2005. № 2.
- А. М. Корженков, E. Mazor. Archeoseismological damage pattern at the ancient ruins of Rehovot-ba-Negev, Israel // AAn. 2014. № 1.
- А. М. Корженков, K. Schmidt. Archeoseismological Study at Hujayrat Al-Ghuzlan, Southern Wadi Araba, Jordan: Seismic Destruction of Chalcolithic — Early Bronze Structures // Prehistoric Aqaba I. (Orient-Archeologie, Verlag Marie Leidorf, Rahden). 2009.
- M. Rukieh, V. G. Trifonov, A. E. Dodonov, H. Minini, O. Ammar, T. P. Ivanova, T. Zaza, A. Yusef, M. Al-Shara, Y. Jobaili. Neotectonic map of Syria and some aspects of Late Cenozoic evolution of the northwestern boundary zone of the Arabian plate // Journal of Geodynamics. 2005. Vol. 40.

А. П. Бехтер, А. М. Бутягин

Новый памятник лапидарной эпиграфики из Мирмекия

В ходе работ Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа на городище Мирмекий в августе 2015 года был открыт фрагмент каменной плиты с надписью. Несмотря на то, что в последние годы количество памятников лапидарной эпиграфики, происходящих из раскопок этого боспорского города, существенно увеличилось, данная находка является самой крупной из обнаруженных за всю историю работ, начиная с XIX века. Плита обнаружена на участке «ТС», расположенном к северу от скалы Карантинного мыса вплотную к её поле. После исследования средневекового слоя были зачищены верхние камни продолжения кладки № 50, южная часть которой раскопана ещё в 2009 году. Судя по всему, она продолжалась на юг, доходя до стены террасы перед скалой, но эта часть кладки не сохранилась. Можно уверенно утверждать, что кладка относится к I–III вв. н. э. Предполагалось,

что она является частью усадьбы I — первой половины II вв. н. э., однако новая находка, вероятно, позволяет несколько скорректировать дату постройки. Первоначально при расчистке верхней части кладки удалось обнаружить небольшой фрагмент известняковой плиты с несколькими буквами. Он находился в центральной части кладки. Появилось предположение, что он был отбит от расположенной рядом большой плиты правильной формы, которая входила в западный фас кладки. После расчистки верхней части плиты удалось выявить новые буквы, после чего плита была извлечена из кладки. В ходе реставрации отбитый фрагмент возвращён на то место, от которого он откололся.

Памятник выглядит следующим образом — массивная известняковая плита, обломанная сверху: частично уцелела левая грань, правая грань и нижний обрез, хотя и сильно оббитые, также хорошо прослеживаются. Высота плиты — 49,0 см, ширина — 25,0 см, толщина — 20,0 см.

На лицевой стороне вырезана надпись, следов предварительной разметки не видно, буквы заметно различаются по размеру и глубине врезки. Буквы украшены апексами в форме ласточкиного хвоста. *Альфа* с ломаной поперечной гаской. *Омикрон* круглой формы, по размеру немного меньше прочих букв. Наклонные *каппы* укорочены. Правая вертикаль *пи* немного укорочена. Вертикаль *фи* заметно удлинена. Две последние строки, судя по всему, добавлены другой рукой: буквы здесь более крупные, врезаны гораздо глубже, меньше апицированы и отличаются по форме. В стк. 1–7 боковые наклонные *альфы*, *лямбды* и *дельты* продолжают после пересечения, в стк. 8–9 *альфа* и *лямбда* оставлены практически без декора. Особенно заметно отличается *омега*: в стк. 3 и 5 буква имеет округлые формы с мягко загибающимися вверх кончиками, в стк. 9 представлен четкий полуовал, опирающийся на короткие черточки. Высота букв: 1,3–2,0 см.

По характеру письма надпись может быть датирована периодом конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. (Болтунова, Книпович. 1962. С. 4 сл.)

Текст представляет собой перечень имён, каждая строка содержит одно личное имя с патронимиком.

[-----]
 Παντα[³⁻⁴---]ς Καλι.[----],
 Ἄδραστος Δημοσθένου,
 Μητρόδωρος Πολυνίκου,
 Παίρισαλος Προμή[θ]ου,
 5. Χοσᾶς Λητοδώρου,
 [Νυ]μφόδωρος Ἡρακλείτου,
 [---⁴⁻⁵---]ίδης Πόθου,
 [---⁶⁻⁷---]νη vac. 1 litt. ς Κολλᾶ,
 [---⁴⁻⁵---]Ποσειδωνίου

7. Перед *йотой* в верхней части строки заметен краешек горизонтальной линии, принадлежащей, скорее всего, *тау*. 8. *Vacat*, судя по всему, обусловлен особо плотной структурой камня в этом месте, что отразилось и на форме следующей далее *сигмы*.

Перевод:

Панта[----], сын Кали[----], Адраст, сын Демосфена, Метродор, сын Полиника, Перисал, сын Проме[ф]а, Хоса, сын Летодора, [Ни]мфодор, сын Гераклита, [----]ид, сын Пофа, [----]н, сын Коллы, [----], сын [Поси]дония.

1. Παντα[³⁻⁴---]ς: Напрашивается восстановление неоднократно засвидетельствованного в Пантикапее в первые века н. э. Παντάγαθος, однако, следы букв, как кажется, не соответствуют такому чтению; в качестве альтернативы можно предложить, к примеру, Παντακλής.

Καλι.[---]: Патронимик, судя по всему, представлен одним из многочисленных имён, начинающихся на Καλλι-, в варианте с упрощением геминаты (e.g., Καλισθένης (КБН. 686)).

2. Ἄδραστος Δημοσθένου: Оба имени: и относительно редкое Адраст (героическое по происхождению, см. Bechtel. 1917. S. 571), и банальное Демосфен — в боспорской лапидарной эпиграфике засвидетельствованы впервые¹.

3. Πολυνίκου: Имя на Боспоре и вообще в Северном Причерноморье засвидетельствовано впервые.

4. Παίρισαλος (Παίρισαλος акцентуация КБН, LGPN IV): Ещё одно свидетельство эксклюзивно боспорского имени Παίρισαλος/ους, этимология которого остается неясной (Подробнее см.: Тохтасьев. 1992. С. 190; Тохтасьев. 2005. С. 294, прим. 40).

5. Χοσᾶς (Χοσᾶς акцентуация КБН, LGPN IV): Имя Χοσᾶς засвидетельствовано только один раз, в происходящей из Мирмекия эпитафии: Ἐρωῶς Χοσᾶ καὶ Κόλλα | θυγάτηρ Ἐρωῶτος (КБН. 880). Надгробная стела на сегодняшний день утрачена, но, судя по фотографии Марти, приведённой в первоиздании (Марти. 1910. С. 14), памятник следует отнести к I в. н. э., причём скорее ко второй его половине². Хронологическая и территориальная близость памятников при уникальном имени позволяет с достаточной степенью уверенности предполагать, что в обоих текстах упомянут один и тот же человек, и надгробие КБН. 880 было поставлено на могиле сына и внучки Хосы из публикуемого текста.

¹ Δημοσθένης засвидетельствовано на амулетнице, найденной на мысу Такиль (Марти. 1913. С. 37 сл.). Датировки Марти не предложил; в настоящее время памятник утрачен, каких-либо изображений не сохранилось. Однако все прочие подобные памятники с Боспора относятся ко II–III вв. н. э., см. Tokhtas'ev. 2005. 30 ff; Тохтасьев. 2015. С. 201–206.

² П.-А. Кройц в своем каталоге боспорских рельефов датирует стелу Эрота и Коллы II–I в. до н. э. (Kreuz/ 2012. S. 794, № 834), чему полностью противоречит палеография.

Χοβας и однокоренные с ним Χοσσους (КБН. 1142₁₂), женские Χοβα (КБН. 543), Χοσιον (?) (КБН. 765, памятник утрачен, чтение сомнительно), вероятно, Χοσουμένη (КБН. 544) засвидетельствованы только на территории Боспора, по всей видимости, представляя собой грецизированные формы местного варварского имени.

Λητοδῶρος: Появление имени Λητόδωρος на Боспоре довольно неожиданно, так как данное ЛИ, как кажется, сугубо региональное. По LGPN чётко выделяются два региона его бытования: Родос (7) и Кария (11), в обоих регионах также по одному разу засвидетельствован женский вариант Λητοδώρα; временные рамки: V в. до н. э. — I в. н. э. По одному разу имя Летодор встречается на Кипре (II в. до н. э.) и в Синопе (V–IV в. до н. э.), а также предположительно восстанавливается в надписи IV в. до н. э. из Аполлонии Понтийской ([Λ]ητόδ[ωρος]?). На Боспоре помимо нашего текста имя Λητόδωρος засвидетельствовано в Фанагории (КБН.976). Фанагорийская надпись датирована 151/2 г. н. э., представляя собой, таким образом, наиболее позднее свидетельство использования имени Летодор. Впрочем, надо учитывать, что текст представляет собой царский рескрипт относительно возвращения храмового участка, посвященного неким Летодором, естественно, задолго до создания документа, так что время жизни этого персонажа и, соответственно, бытования данного ЛИ в Фанагории остается неизвестно. Единичные случаи появления рассматриваемого имени за пределами двух очагов его распространения, выделенных выше, как представляется, могут объясняться только личными контактами и связями.

8. Κολλᾶ: Κολλᾶς засвидетельствовано единожды, в Киренаике в III в. до н. э. (LGPN I)¹, хотя на Боспоре довольно много имён от того же корня: Κόλλις (КБН. 244², 460), Κόλλεις (КБН. 1002, 1019)³, Κολλίων (КБН. 437), Κόλλα (КБН. 880). Повсеместная распространенность имён, имеющих в своем составе корень κολλ- и оформленных различными греческими суффиксами, говорит об их греческом происхождении⁴.

Эпиграфические памятники, подобные нашему, как правило, определяют как «списки имён», однако более внимательное изучение текстов, традиционно относимых к этому жанру, показывает, что

¹ Впрочем, для дорийской Киренаики акцентировать скорее следует Κόλλας, ср. Βάττας Πολυδόξου Χερσονησίτης (КБН.243) / Βατᾶς Ποσειδεωνίω (КБН.172).

² КБН вслед за Стефани дает Κολλάϊος (за поперечную черту альфы ошибочно принят дефект камня). Правильное чтение, предложенное ещё Латышевым, подтверждается коляжцами В. П. Яйленко (Яйленко. 1987. С. 65; Яйленко. 2010. С. 546), С. Р. Тохтасьева (Тохтасьев. 2000. С. 145, прим. 102) и одного из авторов статьи.

³ Следует добавить также [Κο]λλεῖος из эпитафии I–II в. н. э., происходящей из Пантикапея (Яйленко. 1987. С. 5 сл.).

⁴ Подробнее об этимологии этой группы имён см.: Bechtel. 1917. S. 602; Firatli, Robert. 1964. P. 167 suiv.

Рис. 1. Фрагмент каменной плиты с надписью из Мирмекия. 2015 г.

подобная рубрикация не всегда корректна. Если говорить о Боспоре, то к «чистому жанру» с уверенностью можно отнести только два памятника, действительно, представляющие собой простое перечисление личных имен без какой-либо дополнительной информации: КБН. 912 (Нимфей, III в. до н. э.), КБН. 1056 (Гермонасса, IV в. до н. э.). В обоих случаях текст вырезан на больших прямоугольных плитах в несколько столбцов. Возможно, сюда же следует отнести КБН. 110 (Пантикапей, III в. до н. э.), но для однозначного вывода относительно рубрикации данного памятника он слишком фрагментирован. Во всех остальных случаях надписи, определяемые как «списки имён», представляют собой фрагменты, подчас крайне незначительные, из середины или из конца пространного текста, причём большинство из них относится уже к позднеэллинистическому или римскому времени. Учитывая то обстоятельство, что тексты, безоговорочно определяемые как списки имён, относятся к гораздо более раннему времени, есть все основания полагать, что большая часть памятников из рубрики «списки имён» представляет собой фрагменты надписей фиасов/синодов, где перечень имён порой может быть весьма пространным (см., например, посвящение от имени аристопитов (КБН. 36), посвящение Зевсу и Гере Спасителям (КБН. 76, КБН. 77 etc.)). По всей видимости, и наша надпись представляет собой часть списка фиаситов. Эпитафией публикуемый текст быть не может, так как в конце обязательно должна присутствовать поминальная формула, так что наша надпись, скорее всего, представляет фрагмент посвяжительной или почетной надписи фиаса.

Текст интересен тем, что существенно обогащает и расширяет боспорский ономастикон. Наряду с традиционными для Боспора начала нашей эры именами: Перисал, Поф, Метродор, встречаются и ранее здесь не засвидетельствованные: Адраст, Полинник, Колла. Любопытно также отметить сочетание «благородных» теофорных имен с местными варварскими, причем, подчас в пределах одного рода: *Χοσας Λητοδóρου*.

Кроме того, данные, полученные при анализе списка имён позволяют отнести кладку, в которой она находилась, ко времени не ранее второй половины II в. н. э. Такой вывод можно сделать на том основании, что, если упомянутый *Χοσας* проживал в Мирмекии не позднее середины I в. н. э., то весьма маловероятно, что плита с его именем была использована в кладке до разрушения усадеб в первой половине II в. н. э. Дело в том, что в постройках второй половины I — начала II вв. до н. э. почти нет перестроек, а также здесь не используются как строительный материал камни с надписями. Таким образом, кладка № 50 относится ко второму периоду обитания Мирмекии в римское время, который начался не ранее последней четверти II в. н. э. Именно в постройках этого времени мы находим во вторичном использовании фрагменты лапидарных надписей. Видимо, такая практика характерна именно для жителей Мирмекии последнего периода его существования.

Литература

- А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. Т. III.
- Ю. Ю. Марти. Новый эпиграфический материал из Керчи и ее окрестностей. Надписи, списанные с древних вещей, хранящихся в имении Б. А. Бока // ЗООИД. 1913. Т. XXXI. Протоколы. С. 37.
- Ю. Ю. Марти. Новые боспорские надгробия, приобретенные Музеем Мелек-Чесменского кургана в 1907/8 г. // ЗООИД. 1910. Т. XXVIII.
- С. Р. Тохтасьев. Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- С. Р. Тохтасьев. Из ономастики Северного Причерноморья: X–XVII // *Hypoboreus*. Vol. VI, 1. 2000.
- С. Р. Тохтасьев. Надписи на перстнях, содержащие слова ΧΑΡΑ и ΨΥΧΗ // Фанагория. Т. 2. Золото Фанагории. М., 2015.
- С. Р. Тохтасьев. *Sauromatae — Sarmatae — Sarmatae* // Херсонесский сборник. 2005. Вып. 14.
- В. П. Яйленко. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987.
- В. П. Яйленко. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М., 2010.
- Fr. Bechtel. Die historischen Personennamen des Griechischen. Halle a. d. S., 1917.
- N. Firatli, L. Robert. Les stèles funéraires de Byzance gréco-romaine. Paris, 1964.
- P.-A. Kreuz. Die Grabreliefs aus dem Bosporianischen Reich. Leuven, 2012.
- S. R. Tokhtashev. Epigraphical Notes // ACSS. 2005. Vol. 11.

Н. Ю. Новосёлова

Комплекс расписной штукатурки из раскопок XX квартала Херсонесского городища (предварительные замечания)

В сезоне 2016 года экспедиция Государственного Эрмитажа продолжала исследования остатков эллинистической усадьбы, расположенной в границах XX квартала Херсонесского городища. В настоящий момент почти полностью исследованы три вырубленных в скале подвала, относящихся к этому комплексу (рис. 1). Вероятно во II в. до н. э. подвалы, принадлежащие этой усадьбе, были снивелированы и засыпаны грунтом.

Наибольший интерес вызывает комплекс находок из подвала № 3, исследование которого было начато в 2016 году. Размеры исследованной части подвала составили 3,2 × 2,1 м, глубина достигает 1,1–1,3 м. Подвал № 3 был засыпан рыхлым жёлтым суглинком со значительным включением золы, совершенно очевидно, то грунт для засыпки подвала имел перемещенный характер, а не образовался в результате обрушения или разрушения находящихся рядом строительных конструкций.

Рыхлый жёлтый суглинок, которым был заполнен подвал, был насыщен превосходным эллинистическим материалом — фрагментами мегарских чаш, терракот, костяными изделиями, монетами, обломками мраморных плиток. Исключительное значение имеют обнаруженные при исследовании подвала фрагменты расписной штукатурки, которые встречались во всей толще напластований — от самой верхней границы плечиков до скального дна.

Все обломки штукатурки находились в перемещённом состоянии, некоторые были обращены расписной частью вверх, некоторые лежали цветной поверхностью вниз, какие-то зафиксированы упавшими на боковое ребро. Всего было собрано 1027 штукатурных обломков. Средний размер обломков составлял 10 × 7 см, хотя часто встречались и менее крупные фрагменты, размером около 3 × 4 см.

Цветовая гамма обнаруженных фрагментов представлена красным, жёлтым, голубым, чёрным, белым цветом и фрагментами штукатурки с полихромной росписью — «мраморировкой». Отдельно следует отметить наличие фрагментов голубого цвета с вкрапления жёлтых капель и фрагменты чёрного цвета с вкраплениями красных капель-точек. Красные и жёлтые штукатурные фрагменты были хорошо залощены, а голубые, чёрные и белые практически не имели лощения, а, наоборот, имели более пористую поверхность.

На многих фрагментах штукатурки красного, жёлтого, голубого цветов присутствуют следы от разметки стеновых панелей на прямо-

Рис. 1

Рис. 1 — Херсонес Таврический. XX квартал. Комплекс эллинистического времени. Подвалы № 1–3

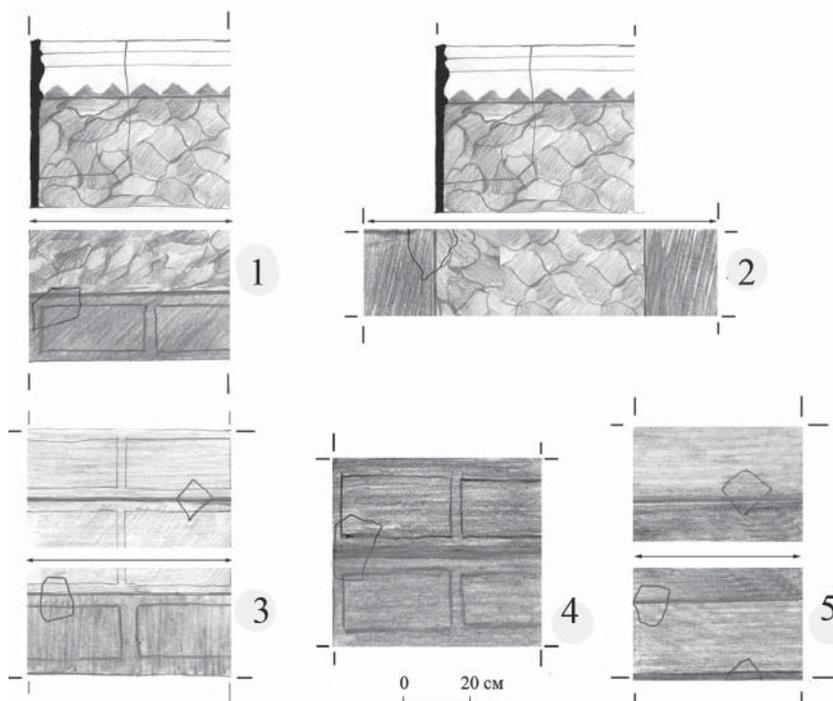

Рис. 2

Рис. 2 — Херсонес Таврический. Реконструкция фрагментов росписи из раскопок XX квартала

угольные квадраты. Значительное количество обломков имеет угол, скошенный под 45° , оформляющий край фрагмента.

Кроме большого количества штукатурных обломков были обнаружены тяги со сложным профилем.

Следует заметить, что штукатурное тесто профилированных карнизов (тяг) отличалось от штукатурной основы цветных полотен в сторону более грубого полама входящих в его состав примесей. Крупные фрагменты ракушек, содержащиеся в тесте тяг, делали сами изделия более пористым и ломкими. Поэтому тяги и роспись на них сохранилась значительно хуже, хотя на некоторых из них на фасадной и торцевой верхней части сохранились единичные следы росписи — голубой и красной краской.

Известно, что настенные росписи эллинистического времени, имитирующие мраморную облицовку, шли горизонтальными рядами, иногда разбиваясь рельефными горизонтальным членением и завершались рельефными карнизами. Хорошо известны подобные фресковые росписи в Амфиполисе, Пелле, на о. Делос (Baldassarre. 2006. С. 67–70). Для городов Северного Причерноморья настенные росписи — редкая, но не единичная находка. Большинство эллинистических росписей было обнаружено на территории Боспора — в Пантикапее (Ростовцев. 1914. С. 114–116; Финогенова. 1986. С. 205–209; Зинько. 2016), Нимфее (Грач. 1982 С. 46–65), а также на сельской хоре (Кастанаян. 1969. С. 45–47).

Находки росписной штукатурки эллинистического времени в Херсонесе крайне редки. Поэтому, особое внимание следует обратить на остатки штукатурки, обнаруженной в 1974 г. Г. Д. Беловым в XXVIII квартале Херсонеса, реставрированной и хранящейся в Государственном Эрмитаже. Здесь при раскопках подвала III–II вв до н. э. были обнаружены фрагменты красной, жёлтой, чёрной и «пёстрой» штукатурки. Также в подвале были обнаружены фрагменты мраморных плиток и гальки, которые, видимо, являлись фрагментами какой-то мозаичной вымостки. По наблюдениям Г. Д. Белова и мозаичная вымостка, и декоративная штукатурка, относились к жилым комнатам дома, расположенным над подвалом (Белов. 1975. С. 2–3), а не являлись строительным и нивелировочным сбросом как в случае находок в XX квартале.

Обнаруженная в XXVIII квартале штукатурная роспись реконструирована следующим образом: всего восстановлено три пояса росписи. Ширина каждого пояса около 0,15 м, реконструированная длина — 1,5 м. Верхняя полоса росписи является составной — между фрагментами чёрного цвета вставлено полотно мраморировки, вторым следует пояс красного цвета, третьим — жёлтый. Верхний (чёрный с мраморировкой) и нижний (жёлтый) пояса имели внутренний скошенный под 45° угол, таким образом, получается, что срединный (красный пояс) был утоплен между первым и третьим красочными ярусами.

Исходя из известных аналогий, собранных при раскопках на Боспоре и описанной штукатурной росписью, найденной при исследовании подвала в XVIII квартала Херсонеса можно предварительно представить, как выглядела штукатурная роспись, обнаруженная при раскопках XX квартала.

В результате проведённого предварительно анализа пока невозможно определить ни высоту помещения в котором были штукатурные росписи, ни его ширину. Также нет данных для реконструкции высоты и ширины горизонтальных цветных полос, имитирующих мраморную облицовку. Скорее всего, обнаруженные фрагменты относятся к разным стенам, а возможно и к разным помещениям.

Для реконструкции были отобраны фрагменты цветной штукатурки имеющие два разных цвета на одном фрагменте, разделённые полосой красной краски, фрагменты имеющие прочерченные линии, имитирующие прямоугольные квадраты кладки и крупные фрагменты без наличия таких линий. Все предполагаемые размеры поясов по высоте взяты из сравнения с имеющимися аналогиями, где средняя высота одного ряда обычно составляет около 20 см.

Все профилированные карнизы с сохранившимися следами краски под карнизным профилем имели роспись имитирующую мраморировку. Роспись на самих карнизах не восстанавливается чётко, но на всех обнаруженных фрагментах сохранились следы красной краски, идущие по дуге, которые возможно очерчивали овы на карнизе.

Следует учитывать, что роспись наносилась сверху вниз, поэтому часто слой нижнего яруса краски заходил на верхний, таким образом можно визуально определить порядок чередования расписных поясов.

Анализируя всё выше сказанное, можно предположить, что верхняя часть помещения была, как часто это и бывает в эллинистических постройках белого цвета, далее, на уровне около 1,70 шел рельефный карниз (тяга), далее ярус мраморировки, далее — мраморировка могла сочетаться с чередованием блоков чёрного цвета (рис. 2, 2) или же с поясом красного цвета, разбитого на квадраты (рис. 2, 1).

Ещё одну систему членения горизонтальных поясов можно получить, сравнивая фрагменты без мраморировки. Здесь можно выделить ярусы жёлтого, голубого, красного цвета с разбивкой на квадраты (рис. 2, 3), ярусы чёрного и красного цвета также с разбивкой на квадраты (рис. 2, 4), ярусы жёлтого, чёрного и красного цвета без разбивки пояса на квадраты (рис. 2, 5).

Помимо реконструкции самой росписи, важным вопросом является вопрос о её датировке. Для датировки засыпи из подвала № 3 важно указать на находку родосской амфоры с магистратским клеймом Ἀνδρόνικοϛ группы Vb. 132–121 г. до н. э, около 132 г. до н. э. по

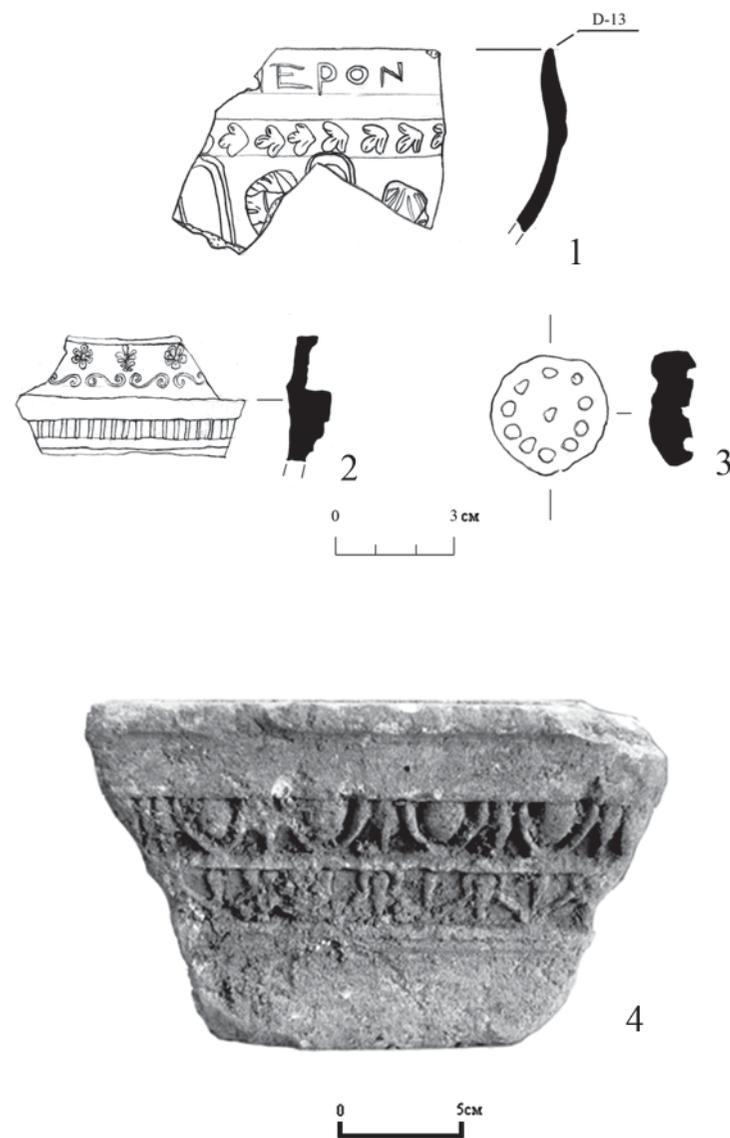

Рис. 3 — 1–3. Херсонес Таврический. Комплекс находок из подвала № 3: 1 — граффито на венчике мегарской чаши; 2 — фрагментированный терракотовый алтарик; 3 — вотивный хлебец; 4 — архитектурная деталь из засыпи подвала № 2

Г. Финкельштейну (Finkielsztein. 1995. P. 159). В целом, весь остальной материал также укладывается в рамки II в. до н. э.

Говоря об интерпретации обнаруженных штукатурных фрагментов следует учесть, что это были, безусловно, перемещённые обломки, находившиеся первоначально в совершенно другом строительном комплексе, который был разрушен, а образовавшимся строительным мусором и был засыпан подвал № 3. Разрушенный строительный комплекс был не только украшен декоративной штукатуркой, но и содержал интересные и богатые находки. В частности, следует указать находку в слое вместе с обломками штукатурки фрагментированной мегарской чаши с графито по венчику «...ΙΕΡΟΝ» (рис. 3, 1).

По ряду соображений лингвистического характера понятно, что это не часть личного имени, а форма именительного или винительного падежа прилагательного или существительного¹. Прилагательное ΙΕΡΟΣ означает «священный, посвящённый», а существительное ΙΕΡΟΝ — «храм». При том и при другом должно было стоять имя бога/героя в родительном падеже, которое, вероятно, и было написано перед ΙΕΡΟΝ (см. аналогии: ΚΛΕΙΤΟΜΑΧΟΥ ΙΕΡΟΝ (из кургана в степном Крыму: Белецкий, Яковенко. 1969. С. 155–157), ΙΕΡΟΝ ΔΗ[ΜΗΤΡΟΣ] (из Пантикапея: Толстой. 1953. № 167).

Данное граффити указывает, что перемещённые обломки могли находиться в некоем священном месте, домашнем святилище, или небольшом храме. Вопрос о количестве эллинистических храмов в Херсонесе в настоящий момент является дискуссионным (Буйских. 2008. С. 171–175). В пользу того, что грунт для нивелировки подвала мог быть взят из разрушенного храма говорит обнаружение в соседнем подвале № 2, также засыпанном во II в. до н. э., архитектурной детали со следами красной и синей краски, поясом ов и лесбосским киматием (рис. 3, 4).

О сакральном характере комплекса, где прежде находились штукатурные росписи, говорят и обнаруженные в слое засыпи подвала № 3 находки: votивный хлебец (рис. 3, 3), обломки терракотового алтарика (рис. 3, 2) и многочисленных терракот.

Дальнейшие исследования возможно позволят более детально реконструировать настенные росписи и дать интерпретацию постройке, которой они принадлежали.

Литература

- А. А. Белецкий, Э. В. Яковенко. Новые эпиграфические находки в скифских курганах Керченского полуострова // ВДИ. 1969. № 3.
Г. Д. Белов. Отчёт о раскопках в Херсонесе в 1974 г. // Архив ОАМ ГЭ. Ленинград, 1975.

¹ Замечания и аналогии подобраны научным сотрудником ФГИКЗ «Херсонес Таврический» А. С. Намойлик.

- А. М. Бутягин. Фрагменты фресок виллы Ариадны в раскопках экспедиции Государственного Эрмитажа: памятники искусства как массовый материал // Актуальные проблемы теории и истории искусства. СПб., 2015.
А. В. Буйских. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008.
Н. Л. Грач. Новый исторический источник из Нимфея // ВДИ. 1984. № 1.
Е. А. Зинько. Эллинистические фрески Пантикапейского храма в антах // Храмы и святилища античного Боспора http://www.bosportemple.ru/content/library/paper_01.htm.
Е. Г. Кастанаян. Стенная роспись сельской усадьбы эллинистического времени близ Пантикапея // КСИА. 1969. Вып. 116.
М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914.
И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.
С. И. Финогенова. Настенные росписи и мозаичные полы пантикапейского пританея // Проблемы античной культуры. М., 1986.
I. Baldassarre, A. Pontrandolfo, A. Rouveret, M. Salvadovi. Pittura romana. Milano, 2006.
G. Finkielsztein. Chronologie basse de timbres amphoriques rhodiens et évaluation des exportations d'amphores. Acta Hyperboreum. Copenhagen, 1995. Vol. 6.

Е. С. Лесная, О. П. Дорошко

Комплекс керамики классического времени из раскопок Р. Х. Лёпера в Херсонесе

В 1908–1914 гг. археологическими работами в Херсонесе заведовал член Императорской Археологической комиссии, бывший учёный секретарь Русского Археологического института в Константинополе Р. Х. Лёпер. В архиве Херсонесского музея сохранились его дневники и полевые описи найденного материала. Благодаря тому, что находки из этих раскопок паспортизированы, в настоящее время, с привлечением записей дневников и описей, становится возможной точная локализация места их обнаружения.

Интересующий нас комплекс был открыт в августе 1909 г. В это время работы в одном из районов городища были поручены некоему Яковлеву, со слов которого, видимо, и были сделаны записи в дневнике. Описание комплекса довольно скудное, приведём основное содержание дневника:

«Раскопки Яковлева возле базилики. На берегу моря, вдоль продольной стены помещения Е (между двумя длинными стенами, в центре помещения). Насыпь выше пояса над скалой. Местами в [...] часовни внизу часть некопаная, часть [...] Здесь in situ были найдены фрагмент чернолаковой тарелки со штампованным орнаментом (3757/09)

и несколько фрагментов многоярусных ламп (3758/09, 3759/09, 3762/09). На скальном берегу к югу от южного угла базилики. Напротив апсиды южной часовни — земля твёрдая, как затрамбованная. Далее к юго-востоку внизу рыхлый грунт — краснофигурные фрагменты. С другого конца у самого берега моря напротив юго-восточного конца длинной стены — древний беловатый щебень с 3809–3822/09. Напротив южного конца длинной стены — 3832–3847/09. У берега моря, к юго-востоку от базилики — высокий холм, сверху насыпана земля. Внизу — 3823–3828/09, 3848–3854/09» (Арх. МЗХТ. Д. 70. Л. 66–76).

В «Описи находок из раскопок Р. Х. Лёпера в 1909 г.» (Арх. МЗХТ. Д. 102) к интересующим нас предметам есть также пометка, что Яковлев проводил работы на месте раскопок 1878–1888 гг. Точное место исследований в дневнике не указано, не сохранились также чертежи Яковлева (в отличие от чертежей самого Р. Х. Лёпера), однако, судя по описанию хода работ, этот комплекс был найден в районе Северной базилики. Именно здесь в 1877 г. были открыты несколько кварталов, а в 1888 г. предположительно в этом районе К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл мастерскую по изготовлению терракот (Мальмберг. 1892; Рыжов. 1995. С. 64).

В фондах Херсонесского музея сохранился почти весь описанный материал из этого комплекса. Он включает фрагменты краснофигурных сосудов, чернолаковой и простой гончарной керамики, а также большого числа светильников.

Расписная керамика. Коллекция расписной керамики из раскопок Р. Х. Лёпера была опубликована И. И. Вдовиченко и Г. И. Жестковой (Вдовиченко. 2003; Вдовиченко, Жесткова. 2011). В этом комплексе были найдены несколько фрагментов краснофигурных сосудов: 1. Фрагмент венца колоколовидного кратера. Под венцом — изображение лаврового венка (опубликован: Вдовиченко. 2003. Кат. 591; Вдовиченко, Жесткова. 2011. Кат. 146). Датируется авторами началом IV в.¹ (рис. 1, 1).

2. Стенка кратера с изображением бегущего сатира. Роспись плохо сохранилась, лак сильно осыпался (опубликован: Вдовиченко. 2003. Кат. 590; Вдовиченко, Жесткова. Кат. 315). Датируется авторами первой четвертью IV в. (рис. 1, 2).

Чернолаковая керамика. 1. Фрагмент донной части килика типа Stemless cups. Сохранилась часть штампованного орнамента из пальметт, соединённых дугами (рис. 1, 3). Фрагмент можно датировать серединой — третьей четвертью V в. (Sparkes, Talcott. 1970. № 484).

2. Фрагмент края крышки леканы (рис. 1, 4).

Простая гончарная керамика, декорированная полосами красной краски (керамика «ионийского типа»). 1. Фрагмент верхней части

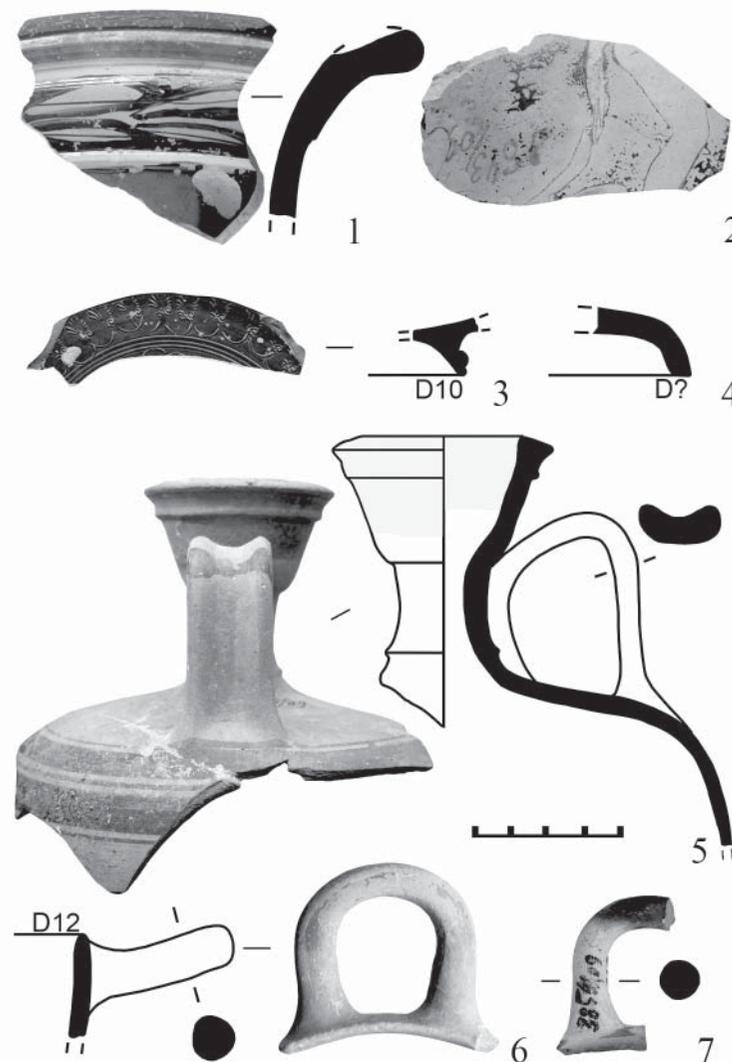

Рис. 1. Керамика из комплекса 1909 г. Раскопки Р. Х. Лёпера

¹ Здесь и далее все даты указаны до н. э.

лекифа. Венец, ручка и плечи под ручкой украшены полосами красной краски; тесто плотное, с включениями мелких и крупных белых частиц (рис. 1, 5). Интересная форма сосуда, близкая лекифам с чернолаковым покрытием, позволяет датировать этот экземпляр последней четвертью V в. (Sparkes, Talcott. 1970. № 1105, 1123, 1124). Можно предположить, что это какая-то местная (?) имитация аттических сосудов¹.

2. Фрагменты одноручных чаш. На внутреннюю часть и ручки сосудов нанесены полосы красной краски (рис. 1, 6–7).

3. Стенки закрытых сосудов, на которых сохранились полосы красной краски.

Вопросы хронологии и происхождения сосудов этого типа из Херсонеса в настоящее время остаются открытыми (Буйских. 2006. С. 268, 270–272). Тем не менее, можно сказать, что они встречаются в комплексах Херсонеса второй — третьей четверти V в. (Ушаков, Лесная, Тюрин. 2013. С. 313–314).

Светильники. Особое место в этом комплексе занимают керамические светильники — их найдено около 50 фрагментов. Среди них можно выделить несколько типов: 1. Открытые чернолаковые светильники. Сохранился фрагмент открытого однорожкового светильника с втулкой; плечи округлые, загнуты внутрь (тип Howland 22C, вторая — третья четверть V в.) (Howland. 1958. P. 54–55). Аналогичные светильники известны на Боспоре (Журавлёв, Быковская, Желтикова. 2007. С. 66).

2. Открытые светильники с выступом в центре дна (тип Howland 19 variants) (Журавлёв, Золотарёв, Кобзева. 2005. С. 130. Табл. 2, 7, 8). Сохранилось также несколько выступов с частью дна, украшенных полосами, нанесенными красной краской. Такие однорожковые светильники с выступом в центре дна датируются концом VI — первой половиной V в. до н. э. (Журавлёв, Быковская. 2007. С. 41). Остроконечный чернолаковый светильник из раскопок Афинской агоры (вариант типа 19) датирован второй — третьей четвертью VI в. до н. э. (Howland. 1958. P. 43, № 148).

3. Открытые многорожковые (?) светильники на высокой ножке с коническим выступом в центре дна. Форма таких светильников окончательно неясна. В рассматриваемой коллекции есть несколько фрагментов конических подставок с втулками и коническим выступом, а также фрагмент многорожкового светильника с утолщением в центре. Многорожковый светильник с остроконечной подставкой под ножкой из раскопок Херсонеса 1888 года был опубликован О. Ф. Вальдгауером (Вальдгауер. 1914. С. 64, № 528). Именно этот светильник значится в описи предметов, которые К. К. Косцюшко-Валюжинич отправил в Императорскую Археологическую комиссию (Арх. МЗХТ. Д. 48. Оп. 5).

¹ Благодарим А. В. Буйских за консультацию при определении этого фрагмента.

Вероятнее всего, он также происходит из раскопок в районе Северной базилики.

4. Многоуровневые светильники. К этому типу относится наибольшее количество рожков и около десятка оснований. Один из светильников в настоящее время хранится в коллекции ГИМ (Chrzanowski, Zhuravlev. 1998. P. 177, № 111). Впервые основания светильников были опубликованы А. Л. Якобсоном, который посчитал их средневековыми (Якобсон. 1959. С. 315. Рис. 169; Якобсон. 1979. С. 83. Рис. 50, 4, 5). Эти экземпляры имеют колоколовидную форму и несколько ярусов рожков (рис. 2, 1–4). Один светильник — с треугольными вырезами в основании (рис. 2, 5). На некоторых фрагментах сохранились следы копоти. Такие светильники известны из раскопок античных святилищ, в основном, связанных с культом элевсинских богинь (Кносс, Кипр, Селинунт, Береговое-4, Нимфей) (см: Zavoïkin, Zhuravlev. 2013). Наиболее близкие по форме многоуровневые светильники найдены в святилище Деметры и Персефоны в Нимфее, датирующемся VI–V вв. (Zavoïkin, Zhuravlev. 2013. Fig. 26, 6). Следует также отметить, что весь набор осветительных приборов из святилища в Нимфее очень близок комплексу из Херсонеса (Аветиков, Журавлёв. 2014. С. 7–8).

Таким образом, весь комплекс керамики, найденный на Северном берегу Херсонеса в 1909 г., можно датировать концом V — началом IV в.

Район Северной базилики был доследован С. Г. Рыжовым¹ в 1980–1982 гг. В ходе этих работ в 1982 г. на VII поперечной улице С. Г. Рыжов открыл несколько ям, предшествовавших регулярной планировке города. В ямах были найдены фрагменты амфор Фасоса и Менды. Также среди материала присутствовали фрагменты краснофигурной керамики: стенки кратеров (третья — четвертая четверть V в.), венец канфара типа St. Valentin (третья четверть V в.), фрагмент глубокого килика (конец V в.) (Вдовиченко, Рыжов, Жесткова. 2012. С. 22. Табл. 7). В яме 6 была обнаружена также терракотовая женская головка. По мнению А. В. Шевченко, это часть статуэтки Персефоны аттического производства (Шевченко. 1998. С. 56. Табл. II, 2). Кроме того, в ямах найдены фрагменты открытых светильников: чернолакового; втульчатого, плечи и внутренняя часть тулова которого покрыты тусклым красным лаком; сероглиняный двухрожковый светильник с втулкой в центре дна; несколько обломков многорожковых экземпляров.

Ямы были перекрыты слоем, насыщенным материалом классического времени: ручка амфоры Менды с английским клеймом (Кац. 2007. С. 172), фрагменты гераклеийских амфор с клеймами конца V — начала IV в. (Кац. 2007. С. 429), ручка амфоры Фасоса с клеймом первой

¹ Выражаем признательность С. Г. Рыжову за возможность ознакомиться с материалами из его раскопок.

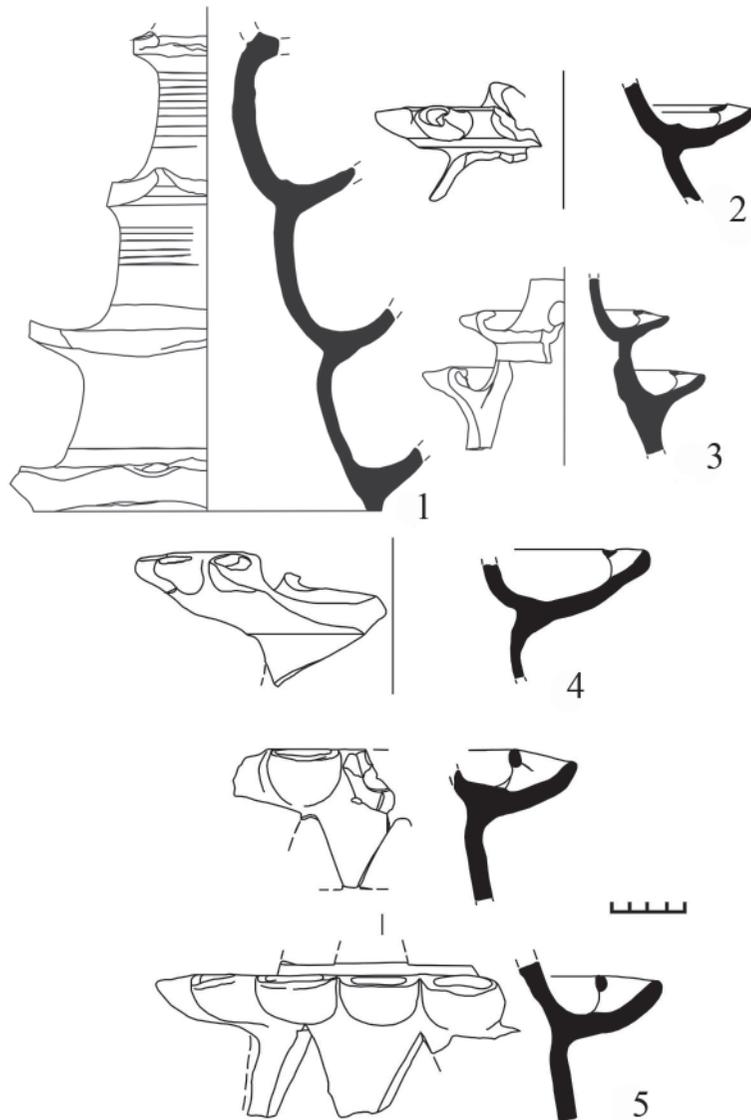

Рис. 2. Светильники из комплекса 1909 г. Раскопки Р. Х. Лёпера

трети IV в., стенки краснофигурных сосудов. Особо отметим найденные в этом слое обломки светильников, в том числе многорожковых с красной краской на плечах.

Как видим, находки С. Г. Рыжова 1982 г. по своему составу и датировке близки рассмотренному материалу из раскопок Р. Х. Лёпера. Открытый в 1909 г. комплекс классического времени уникален по составу для Херсонеса: такой концентрации светильников явно культового характера пока не найдено в других районах городища. Как не предположить, что перед нами остатки святилища элевсинских богинь?¹

Литература

- А. А. Аветиков, Д. В. Журавлёв. Свет, разгоняющий тьму: осветительные приборы из святилища Деметры в Нимфее в Нимфее и античные города Северного Причерноморья. Новые исследования и материалы. Тезисы докладов. СПб., 2014.
- А. В. Буйских. Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 2006. Вып. 12.
- О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники. СПб., 1914.
- И. И. Вдовиченко, Г. И. Жесткова. Расписная керамика Херсонеса Таврического (Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лёпера) // Stratum plus. 2011. № 3.
- И. И. Вдовиченко, С. Г. Рыжов, Г. И. Жесткова. Античная расписная керамика VI–IV вв. до н. э. из северного и северо-восточного районов Херсонеса (раскопки С. Г. Рыжова в 1976–2010 гг.) // ХСб. 2012. Вып. XVII.
- Д. В. Журавлёв, Н. В. Быковская, А. Л. Желтикова. Светильники VI — первой половины III в. до н. э. К., 2007. — (Коллекция светильников. Т. I).
- Д. В. Журавлёв, М. И. Золотарёв, А. А. Кобзева. Светильники из северо-восточного района Херсонеса: позднеархаическое, классическое и эллинистическое время // ХСб. 2005. Вып. XIV.
- В. И. Кац. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. Симферополь, Керчь, 2007. Вып. XVIII.
- В. К. Мальмберг. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах // МАР. 1892. № 7.
- С. Г. Рыжов. Терракотовая мастерская в северном районе Херсонеса // Древности. 1995. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1995.
- С. В. Ушаков, Е. С. Лесная, М. И. Тюрин. Новый керамический комплекс V в. до н. э. из Северо-восточного района Херсонеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013.
- А. В. Шевченко. Культовые терракоты раннего Херсонеса (V — первая половина IV в. до н. э.) // ВДИ. 1998. № 3.
- А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63.
- А. Л. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

¹ Благодарим В. В. Дорошко за выполненные рисунки светильников, представленные в заметке, и М. В. Иващенко за помощь в определении амфорных клейм.

- L. Chrzanovski, D. Zhuravlev. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum. Moscow. Roma, 1998.
 R. H. Howland. Greek Lamps and Their Survivals // The Athenian Agora. Princeton, New Jersey, 1958. Vol. IV.
 B. Sparkes, L. Talcott. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC // The Athenian Agora. Princeton, New Jersey, 1970. Vol. XII.
 A. Zavoikin, D. Zhuravlev. Lamps from a Sanctuary of Eleusinian Goddesses — Beregovoy-4 // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2013. № 19.

М. И. Тюрин

Новые находки аттической рельефной эллинистической керамики из Херсонеса и его хоры

Эллинистическая рельефная керамика является одной из наиболее информативных групп археологического материала. В особенности это касается рельефных сосудов аттического производства, которые изучены значительно лучше продукции прочих центров и зачастую имеют довольно узкую датировку. В Северном Причерноморье рельефные чаши афинских мастерских не получили широкого распространения, по крайней мере, их находки до настоящего времени остаются единичными (Коваленко. 1998. С. 14). Херсонесский материал, за редким исключением (Bouzek. 1990. P. 75), не вводился в научный оборот. Единственная в Северо-Западном Крыму целая форма обнаружена на Беляусском городище (Диатроптов. 2012. С. 97–99). Из раскопок Нижнего города Ольвии происходят три фрагмента таких чаш (Bilde. 2010. P. 275), из собрания Керченского музея опубликовано на настоящий момент всего два фрагмента (Гжегжулка. 2010. С. 25). Несомненно, столь малое количество этой группы сосудов объясняется не только незначительным поступлением аттической рельефной продукции в Причерноморье, но и слабой исследованностью темы. В этой связи каждая новая находка приобретает особое значение. Данная публикация посвящена трём фрагментам рельефных аттических чаш, найденным в последние годы во время раскопок Херсонесского городища и его округи.

Фрагмент верхней части рельефной чаши (колл. № 52/37550), состоящий из двух стыкующихся обломков (рис. 1, 1), происходит из комплекса полуподвальных помещений к западу от базилики «Крузе» в северо-восточном районе Херсонеса (раскопки экспедиции С. В. Ушакова, 2009 г.)¹.

¹ Выражаю благодарность С. В. Ушакову за возможность использовать эти материалы.

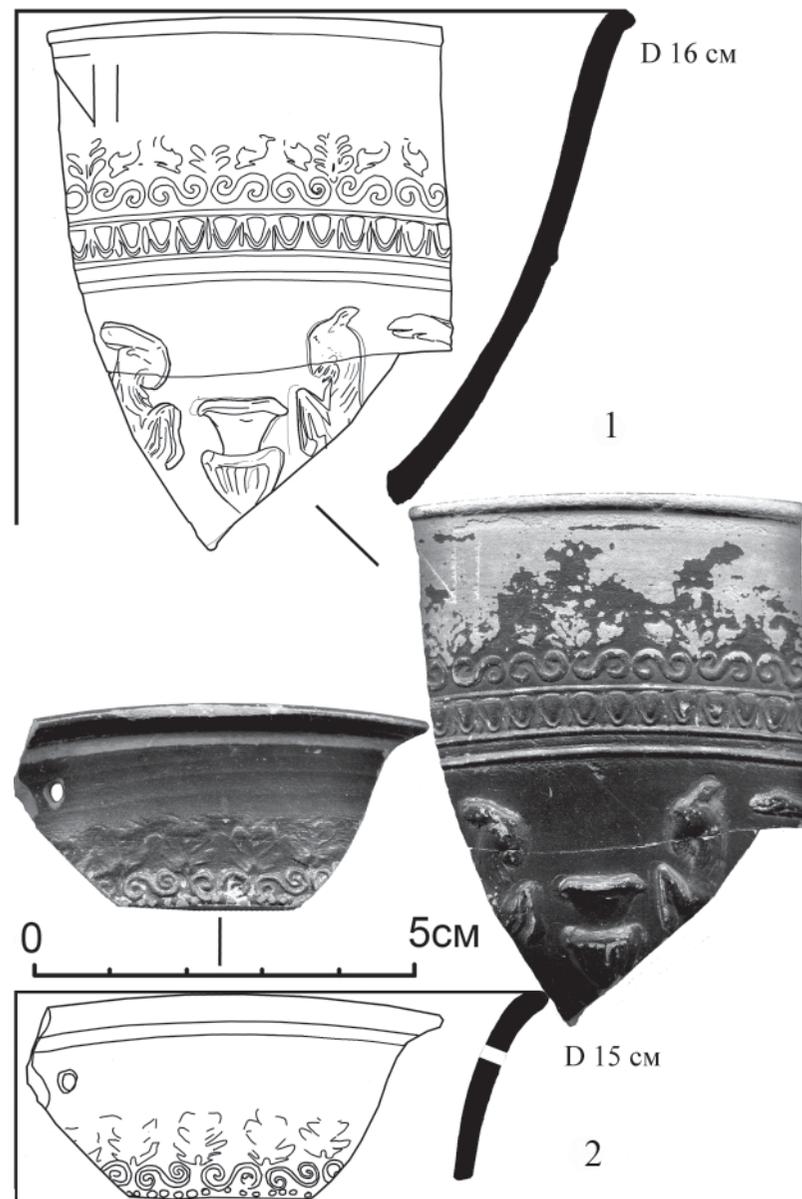

Рис. 1. Фрагменты аттических рельефных чаш из раскопок Херсонесского городища (раскопки С. В. Ушакова): 1 — колл. № 52/37550; 2 — колл. № НВФ 1/1205

Чаша имеет миниатюрный валикообразный отогнутый венец. Непосредственно под ним находится прорезанный желобок, покрытый отслоившейся красной охрой (мильтосом). Ниже полосы мильтоса было нанесено граффито, от которого сохранились лишь две буквы: [...]vi. Верхнюю часть стенки чаши от средней отделяет сложноорнаментированный широкий рельефный пояс, состоящий из окруженных дельфинами пальметт над двойными спиралями. Под ними отделенный двумя горизонтальными валиками сверху и одним снизу ионийский киматий. Орнаментация средней части содержит идилический мотив: пара козлов, стоящих симметрично на задних ногах по разные стороны от кратера. Справа от композиции, судя по всему, был изображен Эрот (на фрагменте сохранилось крыло). Рельеф высокий, четкий. Лак чёрный, глянцевый, отслаивающийся; черепок розовато-оранжевый (2.5YR 6/3; 5YR 7/4), с включениями мелких частиц слюды.

По стилистике орнаментации сосуд принадлежит к т. н. «figured bowls» (Rotroff. 1982. P. 15, 19), на которых мотивы, связанные с культом Диониса занимают одно из ведущих мест. Чаши с композиционно идентичной орнаментацией хорошо известны по афинским материалам и относятся к 225–200 гг. до н. э. (Thompson. 1934. P. 379. Fig. 69; Rotroff. 1982. № 108). Отсутствие прорисовки в работе С. Ротрофф не позволяет утверждать полное соответствие матриц нашего сосуда и чаши (Rotroff. 1982. № 108. P. 1518), однако не остается сомнений, что описываемый сосуд принадлежит к продукции мастерской А, время функционирования которой приходится на последнюю четверть III — первую четверть II вв. до н. э. (Rotroff. 1982. P. 28).

Контекст находки. Заполнение помещений 1 и 2 представляет из себя условно закрытый комплекс (Ушаков. 2010. С. 244–246; Ушаков, Лесная, Тюрин. 2010; Ushakov, Tiurin, Lesnaya. 2016). Среди датирующих материалов выделяются родосские штампы эпонимов *Ainēsidamos* 2 (ок. 179–177 гг. до н. э.) (Finkielsztejn. 2001. P. 192) (колл. № 2/37550) и *Pythogenēs* (ок. 150–147 гг. до н. э.) (Finkielsztejn. 2001. P. 193) (колл. № 3/37529). Следует отметить и находки рельефных полусферических чаш эфесского производства, датирующихся в пределах середины — третьей четверти II в. до н. э. Вместе с тем, часть предметов из слоя относится к III в. до н. э. Таким образом, засыпь помещений произведена во второй половине, вероятно, в третьей четверти II в. до н. э. Наш фрагмент можно интерпретировать как «примесь снизу», хотя нельзя исключать, что срок использования этого сосуда мог быть весьма продолжительным.

Фрагмент верхней части ещё одной чаши (колл. № НВФ 1/1205) (рис. 1, 2) происходит из засыпи колодца под алтарной частью позднейшей базилики «Крузе» (раскопки С. В. Ушакова, 2010–2011 гг.). Валикообразный

венец сосуда, сильно отогнут. Прорезанный желобок под венцом покрыт мильтосом (хорошо сохранился, имеет насыщенный красно-оранжевый оттенок). Как и в первом случае, верхняя часть сосуда была отделена от средней рельефным поясом из вертикальных пальметт, расположенных над горизонтальными двойными спиралями. Под спиралями расположен точечный пояс. В верхней части сосуда, между окрашенным мильтосом желобком и пальметтами имеется сквозное отверстие (диам. 2,5 мм). Черепок светло-оранжевый (5YR 7/6; 5YR 6/6), без видимых примесей. Лак чёрный, глянцевый.

Точную аналогию орнаментации обнаружить не удалось. Ближайшие параллели имеются среди продукции мастерской А (Rotroff. 1982. № 18, 123, 203, 226) и мастерской Биона (Rotroff. 1982. № 134, 167, 170, 171), относящейся к последней четверти III в. до н. э. Вероятно, наш экземпляр также был изготовлен не позднее рубежа столетий. Наличие следов ремонта должно быть учтено при определении времени попадания фрагмента в комплекс. Так, П. Бильде предполагала, что срок использования отремонтированных сосудов был примерно на время жизни одного поколения дольше, по сравнению с обычными (Bilde. 2010. P. 274). Вместе с тем, по крайней мере, часть отверстий на полусферических чашах предназначались для подвешивания сосудов. Как правило, такие отверстия располагались непосредственно под венцами рельефных чаш (Bilde. 2010. P. 274; Laumonier. 1977. Pl. 26, № 3240; Pl. 42, № 5607). Не исключено, что и в нашем случае отверстие служило для подвешивания изделия. Такая трактовка согласуется с археологическим контекстом: наша находка была единственным фрагментом рельефного сосуда и едва ли не позднейшим предметом в комплексе.

Засыпь колодца носила единовременный характер (Ushakov, Tiurin, Lesnaya. 2016). Заполнение содержало обширный керамический комплекс IV–III вв. до н. э., основная часть которого относится к началу III в. до н. э. Среди многочисленных (всего тридцать экземпляров) амфорных клейм позднейшие – синопские штампы магистратов VI хронологической группы (магистраты *Estiaios Artemidōrou* (колл. № 2/37563) и *Delfis Artemidōrou* (колл. № 3/37563), время работы которых, соответственно, относится к 40-м — 30-м и 20-м — 10-м гг. III в. до н. э. (Кац. 2007. С. 435)). Следует отметить светильник типа 30С, широко датирующийся второй половиной III — началом II вв. до н. э. (Howland. 1958. P. 98). Таким образом, фрагмент рельефной чаши является наиболее поздней находкой в комплексе и позволяет отнести засыпь колодца ко времени не ранее рубежа III–II — начала II в. до н. э.

Ещё один сосуд (рис. 2) происходит из античной усадьбы участка 320 хоры Херсонеса на Гераклеийском полуострове. В ходе разведок, проводившихся автором в полевом сезоне 2015 г., на усадьбе выявлены многочисленные шурфы и прочие следы деятельности грабителей. При

сборе подъёмного материала наибольшее количество находок дали отвалы грабительского шурфа 1, примыкающего к северо-восточной стороне северной башни усадьбы. По всей видимости, здесь грабителями были нарушены слои, относящейся к свалке усадьбы эллинистического периода.

Среди прочих предметов, здесь обнаружена фрагментированная (всего шесть фрагментов) нижняя часть рельефной полусферической чаши (колл. № 1/37663) аттического производства с растительной орнаментацией. На дне размещена восьмилучевая розетка с округлым центром. Розетка окружена прорезанной канавкой, заполненной мильтосом (почти полностью отслоился) и валиком. Над ними находится каликс: концентрический орнамент в виде череды вертикальных пальметт. Декорация тулова состоит из четырёх повторяющихся вертикально расположенных композиций: ланцетовидный лист с продольной прожилкой и загнутой вершиной; тонкий извивающийся побег с завитками и цветками; лист с зубчатым краем и центральной прожилкой; снова побег.

На тулове чаши присутствуют следы ремонта: два округлых отверстия диаметром около 1 мм. Черепок красно-оранжевый, без видимых примесей (5YR 8/4; 7/4). Лак насыщенно-чёрный, гляцевый, отслаивается.

Найденный сосуд находит точную аналогию в материалах афинской Агоры, относится к типу «floral bowls» и датируется в пределах 225–200 гг. до н. э. (Rotroff. 1982. № 49), т. е. принадлежит к группе наиболее ранних рельефных аттических чаш. Однако, как нам кажется, эта датировка, может быть уточнена. Считается, что форма для подобных чаш была изготовлена непосредственно с серебряного оригинала, до начала массового производства рельефной продукции (Rotroff. 1982. P. 18. № P. 5813; 2006. P. 368, 389, 372. Fig. 6). Полагают, что эти первые формы, выполненные прямо с металлических чаш, были плохо приспособлены для многократного использования и нуждались в починке для повторного применения (Rotroff. 1982. P. 372). По всей видимости, перед нами образец одной самых ранних форм рельефных полусферических чаш, отличающихся друг от друга, при близком декоре тулова, орнаментацией венцов (Rotroff. 2006. P. 372). Начало изготовления подобных чаш относится ко времени около 224/223 гг. до н. э., которое условно принимается за начальную дату выпуска аттических рельефных сосудов (Rotroff. 1982. P. 13; 2006. P. 373).

Ввиду условий обнаружения, стратиграфический контекст находки остается не выясненным. Возможно, запланированные на следующий полевой сезон раскопки позволят его уточнить. Отметим, однако, что в этом же отвале обнаружены фрагменты ещё не менее восьми различных рельефных сосудов, преимущественно эфесского производства. Как

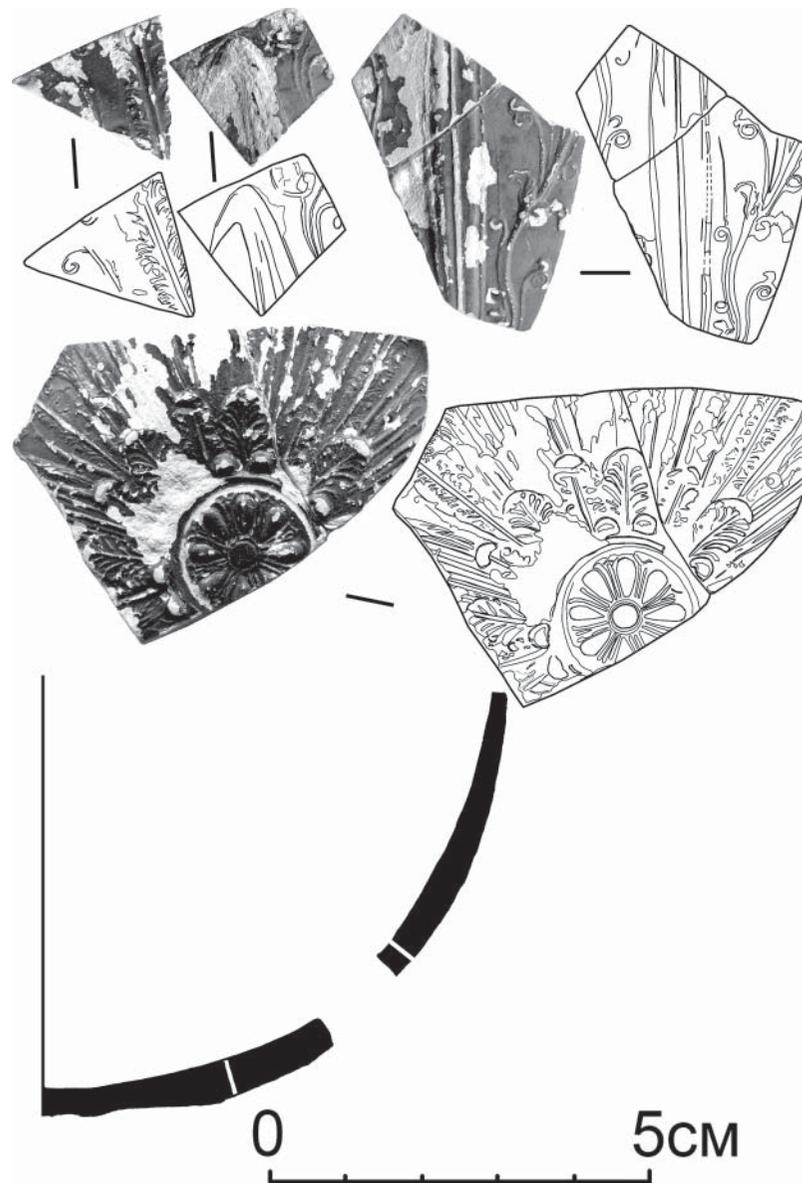

Рис. 2. Фрагменты аттической рельефной чаши из усадьбы № 320 на Гераклейском полуострове (разведки автора): 1 — колл. № 52/37550; 2 — колл. № НВФ 1/1205

правило, находки аттических чаш массово оседают в комплексах со второй четверти II в. до н. э. (Rotroff. 1982. P. 376). Учитывая следы ремонта и, безусловно, значительную стоимость такого сосуда, чаша могла находиться в использовании достаточно продолжительное время и даже оказаться в слоях свалки одновременно с эфесскими сосудами середины — третьей четверти II в. до н. э.

Обращает на себя внимание то, что все представленные чаши относятся к начальному этапу производства рельефной керамики в Афинах и были изготовлены, по-видимому, не позже рубежа III–II вв. до н. э. Небезынтересно и то, что самая ранняя чаша происходит из усадьбы на городской округе, где в большинстве случаев керамические комплексы значительно беднее, нежели на Херсонесском городище.

Литература

- С. Гжегжулка. «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Варшава, 2010. Ч. I.
- П. Д. Диатроптов. Мегарские чаши с сюжетными изображениями из раскопок городища Беляус // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гузиной. Труды ГИМ. 2012. Вып. 191.
- В. И. Кац. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVII.
- С. А. Коваленко. К истории изучения позднеэллинистической штампованной рельефной керамики в России // Труды ГИМ. 1998. Вып. 102.
- С. В. Ушаков. Базилика «Крузе» в Херсонесе: результаты исследований 2005–2008 гг. // СЪМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. 2010. Вып. 1.
- С. В. Ушаков, Е. С. Лесная, М. И. Тюрин. Два новых эллинистических комплекса из Херсонеса: столовая керамика — типология и хронология // Кондаковские чтения III. Человек и эпоха: античность — Византия — Древняя Русь. Белгород, 2010.
- P. G. Bilde. Mouldmade bowls // The Lower City of Olbia. BSS. 13. Aarhus, 2010.
- J. Bouzek. Studies of Greek pottery in the Black Sea area. Prague, 1990.
- A. Laumonier. La céramique hellénistique à reliefs. 1. Ateliers ioniens // Exploration Archéologique de Délos. 31. Paris, 1977.
- G. Finkelsztein. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Oxford, 2001.
- R. H. Howland. Greek Lamps and Their Survivals // The Athenian Agora. Princeton, NJ, 1958. Vol. IV.
- S. I. Rotroff. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Moldmade Bowls // The Athenian Agora. Princeton, NJ, 1982. Vol. XXII.
- S. I. Rotroff. The Introduction of the Moldmade Bowl Revisited: Tracking a Hellenistic Innovation // Hesperia. 2006. Vol. 75.
- H. A. Thompson. Two Centuries of Hellenistic Pottery // Hesperia. 1934. III.
- S. Ushakov, M. Tiurin, E. Lesnaya. The new Hellenistic assemblages from the North-Eastern district of Tauric Chersonesos // В печати.

В. В. Дорошко, Д. В. Журавлёв

Редкая шкатулка из некрополя Херсонеса Таврического¹

Некрополь Херсонеса Таврического по сравнению с боспорскими некрополями небогат на находки ювелирных изделий и прочих предметов роскоши, говорящих о высоком социальном и имущественном статусе их обладателей. Именно поэтому ввод в научный оборот каждого подобного памятника важен и имеет большое значение.

В 1892 г. во время раскопок некрополя Херсонеса Таврического у южной оборонительной стены в могиле 116 К. К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил набор металлических деталей из бронзы и серебра, который когда-то украшал деревянную шкатулку. Этот сезон раскопок отличался большим разнообразием находок, и интересующие нас предметы можно найти только в приложении к отчёту ИАК в перечне древностей, обнаруженных во время раскопок некрополя у южной городской стены. К. К. Косцюшко-Валюжинич пишет: «10 серебр., повреждённых огнём, частей ларчика (наугольников и виноградных листьев), бронз. круглая крышка ажурной работы, с ручкой посередине, 33 граненые бусы из зелёной массы, 2 янтарные бусы и бронз. монета Херсонеса, II-го периода (Бурачков. XVI, 108)» (Косцюшко-Валюжинич. 1894. С. 106; НА МЗХТ. Д. 3, л. 28). Части шкатулки и ажурная бронзовая крышка были отправлены К. К. Косцюшко-Валюжиничем в Императорскую Археологическую комиссию (НА МЗХТ. Д. 48, оп. 17, № 89, 98), откуда они и были переданы в Императорский Российский Исторический музей (Отношение Императорской Археологической комиссии № 1348 от 24 сентября 1893 г., № 89 по описи К. К. Косцюшко-Валюжинича).

На сегодняшний день из комплекса находок могилы 116 в фондах ГИМ уверенно определяются только детали шкатулки (ГИМ 28740, оп. Б-117/18) (рис. 1). Вместе с набором в коробке хранится трёхлопастной бронзовый наконечник стрелы раннеэллинистического времени, который явно попал в могилу вместе с грунтовой засыпью (рис. 1, 31). От основы крышки сохранились лишь немногочисленные фрагменты дерева, прилегающие к металлическим частям. Несмотря на это, можно реконструировать её внешний вид, а вместе с ним и верхнюю часть короба. Основа крышки была сделана из бронзы (95,05%) с небольшой примесью серебра (3,64%), декоративные элементы — из высокопробного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках проекта «Ювелирное искусство Херсонеса Таврического IV в. до н. э. — IV в. н. э.: комплексное исследование (по материалам собрания Государственного исторического музея)» (№ 15-31-10168).

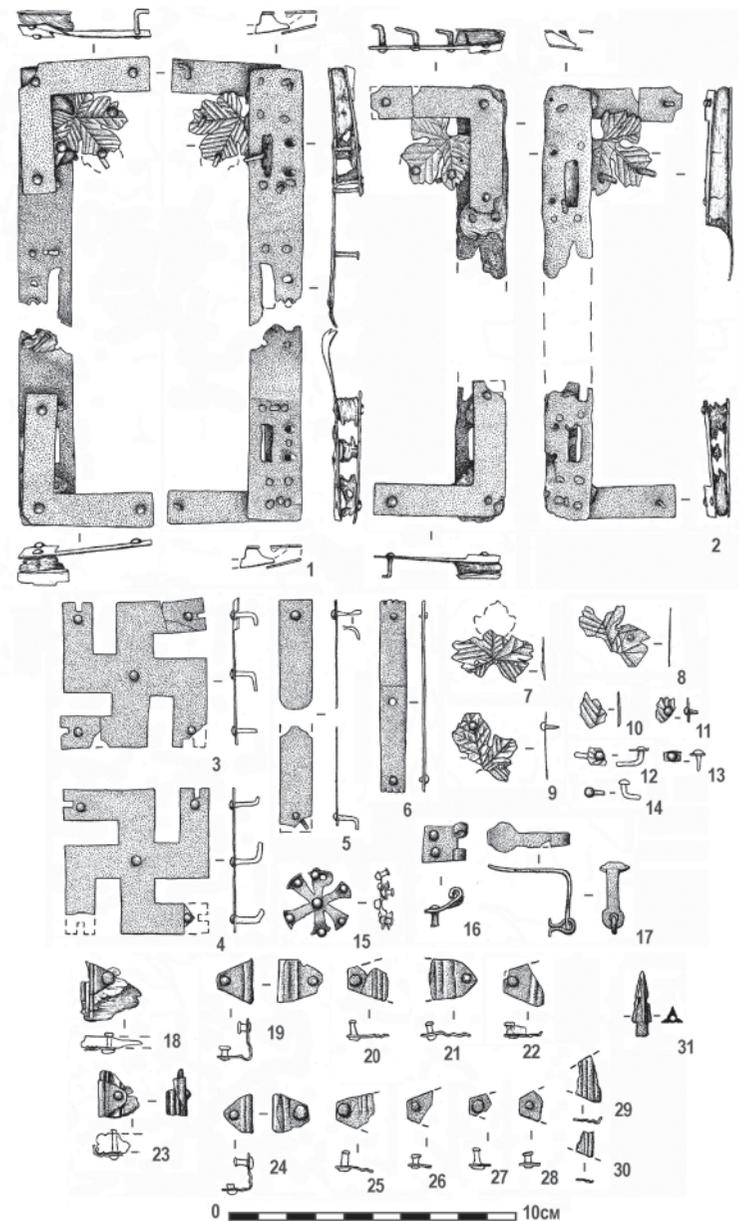

Рис. 1. Детали шкатулки из собрания Государственного Исторического Музея. Бронза, серебро, золото, дерево (рисунок В. В. Дорошко)

серебра (97%), а хризма — из высокопробного золота (90,6%) с примесью серебра (7,7%)¹.

Благодаря нижней бронзовой обивке двух боковых сторон крышки точно определяется длина двух противоположных сторон по 15 см (рис. 1, 1–2). Одна из них крепилась к нижней стороне крышки семнадцатью бронзовыми гвоздями. Вторая сохранилась частично, но можно предположить, что их было столько же. Каждая из бронзовых накладок служила основой для расклёпывания гвоздей, которыми фиксировались внешние элементы декора из листового белого металла. На окончаниях каждой из них остались L-образные наугольники с тремя заклёпками. Во внутренних углах двух из них частично сохранились чеканные накладки в виде серебряных виноградных листьев, фиксированные тремя гвоздями, каждый из которых вбит в деревянную основу и загнут. Остальные сохранились в виде девяти фрагментов и пяти гвоздей (рис. 1, 7–14). Однако с уверенностью можно сказать о том, что всего на поверхности крышки шкатулки было минимум пять накладок в виде виноградных листьев. Между ними и бронзовыми полосами сохранились фрагменты деревянной основы крышки. Хорошо заметно, что поверхность крышки была неровной и имела наклоны ко всем углам (рис. 2, 2), поэтому толщина деревянной основы варьирует от 4–5 мм на углах до 8 мм в средних частях каждой стороны. Судя по высоте клёпок, центральным украшением поля шкатулки служили две прямолинейные свастики из высокопробного серебра (97%), фиксированные пятью клёпками (рис. 1, 3–4). Каждая из накладок в ширину и высоту — по 5 см. Концы каждого из её выступов имеют прямоугольный вырез. Примечательно, что свастики имеют разное вращение. Ещё одним элементом декора крышки могли быть две прямоугольные пластины из белого металла (рис. 1, 5–6). Одна из них сохранилась фрагментарно и была длиной около 7,5 см. Судя по длине двух сохранившихся клёпок, она крепилась к тыльной стороне крышки и располагалась между двух угловых накладок. Вторая пластина толще, около 0,8 мм, и длиной 6,7 см. В ней частично сохранились две боковые заклёпки, центральная же не сохранилась. Торцы пластины имеют по три насечки. Она, вероятнее всего, также располагалась между двух угловых накладок и благодаря большей толщине служила уступом для удобного выдвижения крышки. Сама крышка, вероятнее всего, имела размер 15 × 16,5 см (рис. 2, 1).

Короб шкатулки имел меньше металлических деталей — единственным его украшением была ажурная накладка в виде хризмы из тонкого высокопробного золота диаметром 2,5 см (рис. 1, 15). Она фикс-

¹ Исследование выполнено В. В. Мурашёвой в отделе археологических памятников Исторического музея на РФА-анализаторе M1-MISTRAL фирмы Bruker.

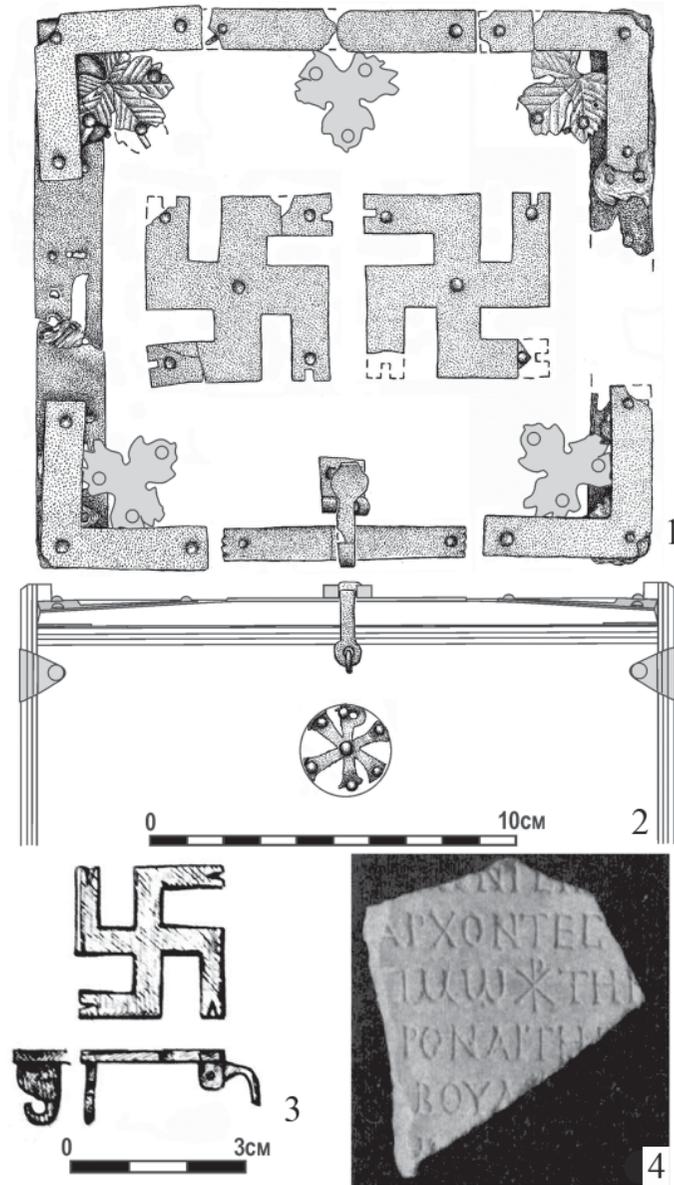

Рис. 2. 1, 2 — Реконструкция верхней части шкатулки (рисунок В. В. Дорошко); 3 — фибула из Кемптен-Камбодунум (по: Schleiermacher. 1993); 4 — фрагмент переписки о проституционной подати IOSPE. I². 404 (по: Соломоник. 1983)

сировалась к основе семью гвоздями белого металла с полусферическими шляпками. Высота ножек гвоздей не превышает 3 мм, а подвёрнутые наружу концы хризмы указывают на то, что накладка фиксировалась в круглой выемке, соответствующей её диаметру. О толщине стенок короба можно судить по угловым скобам и заклёпкам из серебра (рис. 1, 18–30). Две сохранились полностью вместе с двумя заклёпками в каждой, остальные представлены одиннадцатью фрагментами вместе с девятью заклёпками, по которым можно судить, что стенки шкатулки были разной толщины — 3,5, 4,5 и 7 мм. На трёх скобах сохранились фрагменты деревянной основы, дающие представление о том, что края стенок шкатулки были профилированными. Сохранилась также застёжка, которая крепилась к передней стенке короба посредством петли с разомкнутыми концами и фиксировалась на крышке зацепом с прорезью (рис. 1, 16–17).

Важно отметить, что у шкатулки отсутствует замок и петли для крепления крышки. По всей видимости, крышка шкатулки была выдвигной подобно устройству сохранившейся шкатулки из Райнау-Бух (Riha. 2001. Abb. 5).

Изделие примечательно и тем, что описанные выше бронзовые полосы обивки имели по три прямоугольных выреза и при каждом из них по два косых отверстия, направленных из-под крышки. В сохранившихся при них частях деревянной основы видны соединяющиеся продолжения вырезов и каналов, идущих от парных отверстий. Сказать определенно о назначении таких устройств пока трудно, но можно предположить, что в прямоугольный вырез и дальше в каналы вставлялись концы шнура, каждый из которых потом не вынимался и применялся для опечатывания восковых пломб. Надо полагать, в таком случае в стенках короба шкатулки были соответствующие отверстия для вывода шнура наружу и опечатывания пломб на них, максимальное число которых, соответственно, достигало шести.

Впрочем, куда более интересным для нас становится вопрос о датировке уникальной находки, точных аналогий которой найти пока не удалось.

Как уже отмечалось, в могиле была найдена монета периода второй элевтерии. Аналогичной монете из каталога П. О. Бурачкова, на которую в описи находок дает ссылку К. К. Косцюшко-Валюжинич (Бурачков. 1884. Табл. XVI, 108), соответствует монета № 253 каталога В. А. Анохина (Анохин. 1977. С. 152. Табл. XVII, 253), относящаяся к выпуску около 138–161 гг. Эта же датировка для соответствующей группы монет дана Е. Я. Туровским и В. М. Горбатовым (Туровский, Горбатов. 2013. С. 120).

Обратимся к семантике символов, помещённых на крышку и короб шкатулки. Главным символом, несомненно, является золотая хризма. На первый взгляд, её следует рассматривать как христорогмму, что

может указывать на более позднее происхождение находки, однако такая трактовка зайдёт в тупик ввиду наличия двух свастики в центральном поле крышки. В Херсонесской эпиграфике этот символ впервые встречается в знаменитой переписке городской общины с нижнемецким наместником по поводу протестуционной подати (IOSPE. I². 404) (рис. 2, 4). А. Домашевский на примере других надписей и папирусов показал, что знак хризмы здесь обозначает центуриона (CIL, III, Suppl. P. 2243–2245, № 13750). Датируется херсонесская переписка с нижнемецким наместником концом II в. н. э. (Соломоник. 1983. С. 27).

Знак свастики имеет более древнее происхождение и очень широкое распространение, поэтому в поле нашего внимания попадают только наиболее близкие по форме знаки римского времени, а именно щитковые шарнирные фибулы в виде свастики с торцевыми вырезами на конце (Böhme. 1972. Taf. 30, 1179–1184; Schleiermacher. 1993. Taf. 21, 271) (рис. 2, 3). Их датируют в пределах конца II–III в. (Böhme. 1972. S. 46). Нельзя не отметить факт совпадения датировок надписи IOSPE. I². 404 и начала распространения фибул в виде свастики с торцевыми вырезами на концах. Так, в Крыму, в местах дислокации римского гарнизона, в т. н. «цитадели» Херсонеса и крепости Харакс найдены фибулы в виде расходящихся от центра четырёх конских голов (Костромичев. 2012. С. 69, 70, табл. 3, 41; Мяскин, Турова. 2015. С. 285. Рис. 1, 1).

Несколько слов о погребальном обряде могилы 116. В кратких сведениях ОАК за 1892 г. могила 116 не упоминается в перечне тех, где были обнаружены деформированные черепа, урны или пережжённые кости или же они были разграблены (Косцюшко-Валюжинич. 1894. С. 20). Однако К. К. Косцюшко-Валюжинич пишет о следах огня на шкатулке, которые нам обнаружить не удалось — возможно, они исчезли в ходе реставрационных работ. Известно, что кремации были характерны для погребальной практики римских военнослужащих, в том числе и в Херсонесе (Костромичев. 2004. С. 106, 107). Хорошо заметно, что крышка шкатулки имеет деформацию от удара сверху, из-за чего переломилась одна из бронзовых пластин обивки, а у места слома один из гвоздей загнулся и придавлен к ней. Возможно, это было целенаправленное разрушение предмета, что не редкость в погребальном обряде городов Северного Причерноморья первых столетий н. э.

Суммируя сказанное, отметим, что мы имеем дело с уникальной находкой. Этой шкатулкой, вероятно, пользовался римский офицер в ранге центуриона с целью опечатывания документации. Впоследствии она была использована в погребальном обряде, во время которого и была намеренно сломана. Надеемся, что выявление точных аналогий позволит подтвердить или опровергнуть сказанное.

Литература

- В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). К., Наукова думка, 1977.
- П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Чёрного моря. Одесса, 1884. Ч. 1.
- Д. А. Костромичев. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса // МАИЭТ. 2004. Вып. XI.
- Д. А. Костромичев. Римские фибулы Херсонеса // ХСб. 2012. Вып. XVIII.
- К. К. Косцюшко-Валюжинич. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1892 г. СПб., 1894.
- В. В. Мяскин, Н. П. Турова. Забытая коллекция из раскопок Харакса // Terra Alustiana ММХI: сб. науч. тр. По материалам 10-й науч. конф. «Terra Alustiana ММХI». Симферополь, 2015.
- Э. И. Соломоник. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
- Е. Я. Туровский, В. М. Горбатов. Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. Симферополь, 2013.
- А. Böhme. Die Fibeln der Kastele Saalburg und Zugmantel // Saalburg-Jahrbuch 29. 1972.
- Е. Riha. Kästchen, Truhen, Tische — Möbelteile aus Augusta Raurica // Forschungen in Augst. Bd. 31. Augst, 2001.
- М. Schleiermacher. Die römischen Fibeln von Kempten-Cambodunum // Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte. Reihe A. 63. 1993.

IV. MEMORABILIA

Ю. А. Виноградов

В. Ф. Гайдукевич и изучение культуры боспорской элиты¹

В 2016 г. исполняется 50 лет с того дня, как Виктор Францевич Гайдукевич ушёл из жизни. Время прошло немалое, в жизни нашей страны произошли огромные перемены (уже четверть века нет Советского Союза), а это значит, что имеется возможность непредвзято оценить все достижения и недостатки советской археологической науки. Наиболее рельефно они, естественно, проявляются в трудах исследователей, занимавших лидирующие позиции в тех или иных научных направлениях. В отношении античной археологии таким лидером, безусловно, был В. Ф. Гайдукевич.

Хорошо известно, что руководящие органы нацеливали советских археологов на изучение культуры рядового населения, производителей материальных благ, в чём проявлялся чеканный лозунг революционных лет «мир хижинам — война дворцам». Всестороннее изучение культуры правящей элиты в связи с этим отступало на второй, а, может быть, и третий план.

В 1930-х гг. В. Ф. Гайдукевич стал одним из активных участников изучения боспорских городов, которые в годы Императорской Археологической комиссии исследователей почти не интересовали. Во многом благодаря этим работам Тиритака, Мирмекий, Порфмий и Илурат в наши дни стали эталонными памятниками городской культуры Боспора. В. Ф. Гайдукевич сделал также важнейший шаг в деле исследования сельских поселений Восточного Крыма. Усадьба в районе Мирмекия, систематически раскопанная под его руководством, стала одним из главных памятников такого рода. Если хотя бы на минуту представить, что жизнь Виктора Францевича в науке была сосредоточена на изучении только обозначенного круга древностей, то его вклад в отечественную археологию следует признать весьма весомым, но, к счастью, он сделал гораздо больше этого.

Все работы В. Ф. Гайдукевича на раскопках городов, городских некрополей или сельской усадьбы были теснейшим образом связаны

Виктор Францевич Гайдукевич (1904–1966)

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-31-10151а(ц) «Российские археологи XIX — начала XX вв. и курганные древности европейского Боспора».

с постижением основных проблем исторического развития Боспора, начиная с времени греческой колонизации района Керченского пролива и кончая крушением Боспорского царства. Виктор Францевич является единственным учёным, которому удалось подготовить и опубликовать фундаментальный труд «Боспорское царство», охватывающий всю его тысячелетнюю историю (Гайдукевич. 1949; Gajdukevič. 1971). Оба этих издания не потеряли своего научного значения и являются настольными книгами современных исследователей Боспора Киммерийского.

Одной из особенностей истории Боспорского царства в сравнении с другими греческими государствами Северного Причерноморья является то, что здесь сложился многочисленный, богатый и влиятельный слой местной, полиэтничной в своей основе аристократии. Своеобразие аристократической субкультуры Боспора на страницах монографии В. Ф. Гайдукевича и других его публикаций нашло весьма обстоятельное освещение.

По мнению Виктора Францевича, в процессе колонизации берегов Керченского пролива руководящие позиции принадлежали аристократии Милета. Выходцами из этой среды, как ему представлялось, были Археанактиды (Гайдукевич. 1949. С. 43–44; 1959, с. 100–101). Время правления Археанактидов на Боспоре, вне зависимости от нашего понимания характера их власти и размеров контролируемой ими территории, стало важным этапом в истории боспорской элиты.

Важнейшим фактором, стимулировавшим дальнейший процесс формирования многочисленного слоя аристократии, конечно, было возникновение Боспорского монархического государства на рубеже V–IV вв. до н. э. Во главе его встала династия Спартокидов. В. Ф. Гайдукевич никогда не выражал сомнения в том, что эта династия вела своё происхождение из Фракии (Гайдукевич. 1949. С. 57; 1955. С. 102, прим. 2).

Спартокиды в своей политике опирались на греческую земледельческую и торговую знать, а также на быстро эллинизовавшуюся знать местных племён (Гайдукевич. 1955. С. 114–115). Элита Боспора, как представляется, не уделяла особого внимания возведению грандиозных дворцов, отделанных мрамором и украшенных произведениями лучших художников и скульпторов. Роскошные загородные виллы, по всей видимости, тоже не особенно занимали её воображение. Показательно, что только в столице государства, Пантикапее, удалось открыть остатки дворца Спартокидов. Несравнимо более показательными в этом отношении являются погребальные памятники — знаменитые боспорские курганы, в большом количестве раскопанные на обоих берегах пролива.

Отличительной особенностью боспорской аристократической культуры, как хорошо известно, стали монументальные склепы с уступчатым перекрытием. Появление их на Боспоре, по логичному

заключению Виктора Францевича, было связано с проявлением здесь фракийского влияния, вызванного фракийским происхождением династии Спартокидов (Гайдукевич. 1949. С. 265–266; Gajdukevič. 1971. S. 271, 282–283).

В отношении уступчатых склепов следует подчеркнуть, что ни в одном из других греческих государств Северного Причерноморья ничего подобного мы не наблюдаем. Эти конструкции являются своего рода «визитной карточкой» Боспора. Их изучению В. Ф. Гайдукевич до конца своих дней уделял очень большое внимание, постоянно совершенствуя и детализируя их понимание. Показательно, что последней, так и не законченной работой исследователя стала монография «Уступчатые склепы» (Гайдукевич. 1981). В ней Виктор Францевич не просто ещё раз суммировал информацию о хрестоматийно известных боспорских гробницах этого типа (Царский, Золотой, Мелек-Чесменский и др. курганы), но сделал попытку свести воедино все известные к тому времени памятники, активно используя при этом архивные материалы.

В. Ф. Гайдукевич обратил внимание на курган у села Баксы (Глазовка), впервые опубликовав рисунок Ф. И. Гросса, изображающий открытый там склеп (Gajdukevič. 1971. S. 141, 277, Abb. 72). Эта гробница, безусловно, имеет огромное значение для изучения боспорских уступчатых склепов, а обнаруженный в ней комплекс находок принципиально важен для понимания своеобразия культуры боспорской элиты при ранних Спартокидах. Не исключено, что в этом склепе был похоронен один из создателей государства — Сатир I (Виноградов. 2014 в; 2014 г).

Детальное изучение архивных материалов позволило В. Ф. Гайдукевичу убедительно реконструировать историю возведения Золотого кургана. В нём, помимо грандиозного склепа круглой формы, как известно, были открыты ещё два четырёхугольных, меньших по размерам. В. Ф. Гайдукевич продемонстрировал, что сначала были построены четырёхугольные склепы, перекрытые невысокими курганными насыпями, а уже затем возведена круглая гробница. Только после завершения строительства третьего (круглого) склепа весь комплекс гробниц был перекрыт единой, огромной по размерам курганной насыпью (Гайдукевич. 1981. С. 21).

В. Ф. Гайдукевич не делал попытки связать этот, самый большой боспорский курган IV в. до н. э., с погребением царя, имя которого известно по письменным источникам. А вот Царский курган он поначалу отождествлял с погребением Левкона I или Перисада I (Гайдукевич. 1949. С. 250), но потом склонился к мысли, что этот великолепный склеп принадлежал Перисаду I (Gajdukevič. 1971. S. 272). Его вывод, на мой взгляд, вполне логичен, но для более основательной проработки этого вопроса следовало бы назвать курганы, в которых были погребены другие правители Боспора. Понятно, что сделать это нелегко, поскольку

большинство боспорских курганов были ограблены, но по своим параметрам или по размерам погребальных конструкций некоторые из них вполне могут быть признаны царскими (см. Виноградов. 2014 б).

Некоторое недоумение вызывает то, что В. Ф. Гайдукевич, при всём его внимании к архивным материалам, не обратил внимания на информацию о раскопках Острога (Десятого) кургана, входившего в некрополь боспорской знати Юз-Оба. Между тем, его размеры и необычность обнаруженных здесь конструкций заставляют считать его царским, возможно, принадлежавшим знаменитому царю Левкону I (Виноградов. 2014 д).

В. Ф. Гайдукевич решительно выступил против гипотезы В. Д. Блаватского, связывавшего происхождение боспорских уступчатых склепов со строительной традицией местных варварских племён, если говорить более определённо, — с сооружениями типа деревянных срубов или с шатровыми конструкциями (Блаватский. 1955). Он абсолютно обоснованно указывал, что с формально-типологической стороны между каменным склепом с уступчатым перекрытием и деревянным срубом нет ничего общего, поэтому усматривать здесь какую-то взаимосвязь невозможно (Гайдукевич. 1981. С. 50 сл.).

В своих трудах В. Ф. Гайдукевич немалое внимание уделил проблеме полиэтничного состава боспорской элиты. Некоторые из погребальных памятников, расположенных по обеим сторонам Керченского пролива, как известно, демонстрируют весьма показательные черты варварского влияния в обряде погребения и сопровождающем инвентаре. Наиболее известным в их ряду является курган Куль-Оба. Исследователь не сомневался в его скифской принадлежности, полагая, что в этом кургане была открыта усыпальница некоего скифского номарха (Гайдукевич. 1949. С. 275–276). Из рассказа Геродота известно, что земли, подвластные кочевым скифам, делились на ряд округов, во главе каждого из них стоял номарх (Herod., IV. 62, 66). По мысли Виктора Францевича, знатный скиф, погребённый в кургане, был номархом крымских степей, прилегавших к границам Боспорского царства.

В отношении другого боспорского кургана, раскопанного на мысе Ак-Бурун в 1875 г., В. Ф. Гайдукевич первым указал на то, что в нём был погребен один из варварских сподвижников Евмела, вступившего в жестокую борьбу за престол со своими братьями после смерти Перисада I (Gajdukevič. 1971. S. 142). Специальный анализ всех имеющихся материалов об ак-бурунском погребении в полной мере подтверждает это предположение (Бутягин, Виноградов. 2014. С. 74–110).

Ещё одна заслуга В. Ф. Гайдукевича в деле изучения боспорских древностей, в должной мере пока не оценённая, но имеющая немалое значение для понимания истории боспорской аристократии, заключается в том, что он обратил внимание на факт неоднородности в рас-

пределении элитных погребальных памятников в различных частях Боспора. К примеру, исследователь отмечал, что к началу III в. до н. э. монументальные уступчатые склепы под Пантикапеем больше не возводились, а вот в азиатской части государства эта традиция продолжалась. Более того, гробницы этого типа здесь довольно быстро утратили строгость и простоту оформления — вход в них стал обрамляться антами, появились фронтоны и т. д. (Гайдукевич. 1949. С. 258–259). Исследователь отметил также, что в некрополе Пантикапея с рубежа IV–III вв. до н. э. количество богатых погребений уменьшается, и с середины III в. до н. э. они уже становятся здесь редким явлением (Гайдукевич. 1949. С. 278). На Таманском полуострове, однако, погребальный обряд не утрачивает своей роскоши. Эти факты, как представляется, позволяют предполагать, что элита Азиатского Боспора в III–II вв. до н. э. стала играть в жизни государства более важную роль, нежели ранее.

Среди погребальных памятников этого времени В. Ф. Гайдукевич немалое внимание уделил склепам, открытым на Васюринской горе (Гайдукевич. 1949. С. 293–297; Gajdukevič. 1971. S. 300 f.). К сожалению, как и все исследователи того времени, он не придавал значения тому, что эти склепы по своей конструкции принадлежат уже иному типу. Деление погребальной камеры на две неравные части, арочное перекрытие и некоторые другие детали указывают на то, что эти гробницы по своему плану восходят к македонской традиции, возможно, пришедшей на Боспор через Фракию (Виноградов. 2014 а). Конечно, склеп «македонского» типа не был перенесён на берега Керченского пролива в полном виде, со всеми характерными для него конструктивными деталями. По верному замечанию Е. А. Савостиной, «„македонская“ идея, распространившаяся на Боспоре, получила здесь свою интерпретацию» (Савостина. 1984. С. 14).

Второй расцвет культуры Боспорского царства, пришедший на первые века н. э., вызывал у В. Ф. Гайдукевич очень большой научный интерес. Среди элитных погребальных памятников этого времени особое внимание он уделил расписным склепам Пантикапея (Гайдукевич. 1949. С. 400–407, 413–421; Gajdukevič. 1971. S. 432 f), что вполне оправдано. Из других элитных гробниц исследователь подробно остановился на склепе, вырубленном в скале, который был открыт на Карантинном мысу в 1834 г. В этом склепе, как известно, был обнаружен самый большой и самый роскошный мраморный саркофаг Северного Причерноморья. В. Ф. Гайдукевич полагал, что саркофаг был помещён в дромосе гробницы (Гайдукевич, Леви, Прушевская. 1941. С. 142–143; Гайдукевич. 1959. С. 9). Этот вывод, скорее всего, не соответствует действительности, и помещение, которое он признал дромосом, являлось главной погребальной камерой склепа (Виноградов. 2015).

Суммируя сказанное, следует признать, что В. Ф. Гайдукевич внёс весьма значительный вклад в изучение культуры боспорской аристократии. Сделанное им, конечно, не исчерпывает всей сложности и многогранности этого выдающегося культурно-исторического явления. Научное наследие Виктора Францевича должно стимулировать современных исследователей к постоянному и неослабному продолжению работы в заданном им направлении.

Литература

- В. Д. Блаватский.* О происхождении боспорских склепов с уступчатым перекрытием // СА. 1955. Т. 24.
- А. М. Бутягин, Ю. А. Виноградов.* Курганы на мысе Ак-Бурун // Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Симферополь, Керчь, 2014. — (БИ. Suppl. 13).
- Ю. А. Виноградов.* О склепах македонского типа на Боспоре // БИ. 2014 а. Вып. XXX.
- Ю. А. Виноградов.* Цари Боспора и боспорские курганы // БИ. 2014 б. Вып. XXX.
- Ю. А. Виноградов.* Курганы у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014 в. Вып. XXX.
- Ю. А. Виноградов.* Ещё раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014 г. Вып. XXX.
- Ю. А. Виноградов.* Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // БИ. 2014 д. Вып. XXX.
- Ю. А. Виноградов.* О гробнице на Карантинном мысу под Керчью (городище Мирмекий) // ЗИИМК. 2015. № 11.
- В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- В. Ф. Гайдукевич.* История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // АГСП. 1955. Т. I.
- В. Ф. Гайдукевич.* Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. Варшава, 1955.
- В. Ф. Гайдукевич.* Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н. э. с уступчатым перекрытием // Гайдукевич В. Ф. Боспорские города. Л., 1981.
- В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская.* Раскопки северной и западной частей Мирмекия // МИА. 1941. № 4.
- Е. А. Савостина.* Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация). Автореф. ... дисс. канд. историч. наук. М., 1984.
- V. F. Gajdukevič.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.

Памяти Марианны Казимировны Трофимовой (1926–2016)

«Немногие для вечности живут...»

О. Мандельштам

Передо мной две книги с одинаковым названием «М. К. Трофимова. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг-Хаммади, II, сочинения 2, 3, 6, 7)». Год издания первой — 1979, второй — 2015. Между этими датами 35 лет знакомства — и рискну сказать, дружбы — с удивительным человеком — Марианной Казимировной Трофимовой.

Марианна Казимировна (Узунова) Трофимова (1926–2016)

В конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века в нашей стране хорошие книги — как ни трудно это сейчас представить — были в дефиците. Повезло, если случайно оказался в магазине, когда то, что тебя интересовало «выбросили» на прилавок. Если упустил в магазине — оставалась возможность с изрядной переплатой купить у спекулянтов на «чёрном рынке». Но был и ещё один способ. В конце календарного года, в магазине «Академкнига» на Литейном, по тематическим планам научных издательств принимались предварительные заказы на следующий год. Когда книга поступала в магазин, заказчику отправляли заранее заполненную им открытку, по которой её можно было приобрести. Так в начале 1980 года я купил «Историко-философские вопросы гностицизма» М. К. Трофимовой, выпущенные главной редакцией Восточной литературы издательства «Наука».

Автора я не знал. Однако со студенческого времени интересуясь историей античности и раннего христианства, старался следить за всеми новинками. Книга М. К. Трофимовой меня поразила. Прежде всего — неожиданным социально-психологическим созвучием описанного ею духовного феномена эпохи Римской империи II–III вв. н. э. своему собственному мироощущению — человека эпохи глухого советского «застоя»: стремлением уйти в какую-то «другую реальность» от окостеневших и отчуждённых форм и норм общественно-политической жизни. И уже потом, постепенно, пришло осознание кардинального отличия «Историко-философских вопросов гностицизма» от издававшейся тогда (подцензурной!) гуманитарной научной литературы.

Это была первая публикация на русском языке части коптских гностических рукописей середины IV века нашей эры, найденных в Наг-Хаммади (Верхний Египет), ещё в 1945 году. За вводной главой, знакомившей читателя с гностицизмом — необычайно сложным и пёстрым религиозно-философским течением поздней античности, сосуществовавшим и даже соперничавшим в первые века нашей эры с христианством, шли научные комментарии к текстам четырёх гностических сочинений, а в приложении — сами переводы. Классический вариант научного исследования, когда автор выступает одновременно и в качестве переводчика и в качестве комментатора. Но комментатора абсолютно свободного от господствовавшей в обществе (и, теоретически, обязательной для всех) идеологии. В книге не было НИ ОДНОЙ ссылки на классиков марксизма-ленинизма, что, как тогда казалось, было совершенно немислимо. Позже, когда мы познакомились, Марианна Казмировна рассказала мне, что придумала специальную — весьма наивную с точки зрения умудрённых приспособленческим опытом людей — отговорку для цензоров: «Открытие в Наг-Хаммади было сделано в 1945 году. У нас о нём стало известно ещё через несколько лет. И все классики, к сожалению, умерли, не успев ничего сказать по этому

поводу». Тираж книги для того времени — 1979 год — был мизерный — всего 7 000 экземпляров. Для сравнения тираж переиздания 2015 года — целых 300 экземпляров!

Отдушиной в моей служебной деятельности, — а работал я тогда в Музее истории религии и атеизма, — была возможность один-два раза в год публиковать короткие отзывы-рецензии на заинтересовавшие меня литературные новинки в журнале «Звезда». Этим я и решил воспользоваться, предложив редакции короткую заметку о книге М. К. Трофимовой для раздела «Среди книг».

Несмотря на то, что мое обучение в Институте (исторический факультет ЛГПИ им. Герцена) пришлось на вторую половину 60-х годов, когда последние признаки «оттепели» — особенно после августа 1968 — сменились очередными политическими и идеологическими «заморозками», благодаря моим наставникам в изучении античности Владиславу Николаевичу Андрееву и Лие Менделевне Глускиной, я успел получить представление о том, «что такое наука». Впоследствии это часто помогало мне отличать подлинное от мнимого, науку от идеологии и, в конечном счёте, уберечь от роковых ошибок. Моих преставлений о научности хватило для того, чтобы по достоинству оценить — хотя вряд ли в полной мере понять — книгу М. К. Трофимовой.

Уединившись на майские праздники в любимую эстонскую деревню Вызу, где с детства проводил лето, я тщательно, с карандашом в руках, проштудировал «Историко-философские вопросы гностицизма» и изложил своё понимание сути книги с оценкой её значимости для нашей науки на четырёх — тогда ещё машинописных — страничках. Моим научным консультантом и первым критиком был известный специалист в изучении истории раннего христианства Михаил Моисеевич Кубланов, в археологической экспедиции которого в 1972 году я нашёл своё призвание.

Однако при подготовке рецензии у меня были и другие — вовсе не научные опасения. В те времена религия во всех её проявлениях — как это ни странно сейчас — рассматривалась как единственная официально разрешённая в нашем материалистическом обществе идеалистическая идеология. «Разрешённая» под полным государственным контролем и непрерывно подвергаемая атеистической критике. В каждом общесоюзном «толстом» журнале (да и не только) имелся специальный человек из соответствующих органов, который должен был блюсти идеологическую «чистоту» и визировать все печатавшиеся материалы. «Звезда», разумеется, не была исключением. Мне очень хотелось опубликовать рецензию на книгу М. К. Трофимовой. Но книга состояла из религиозных текстов с академическими комментариями. И никакой критики. Почти двухтысячелетняя давность гностических сочинений не служила оправданием — библейским было не меньше. Даже в первобытном

обществе, согласно тогдашним установкам, религия «отвлекала» от познания и преобразования мира, а уж в классовом — была прямым антагонистом классовой борьбы и революции — незаменимого двигателя социального прогресса к «вечной» остановке в коммунизме. Пришлось «поступить» принципами». Для страховки — не без внутренних сомнений и переживаний — я все же приписал в конце фразу о том, что эта книга может быть актуальна для критики экзистенциализма, используя высказанный автором тезис, об известном типологическом сходстве его с гностицизмом. Отнёс рецензию в редакцию и стал ждать.

В ноябрьском номере журнала «Звезда» за 1980 год она была опубликована. А через два месяца я получил из Москвы бандероль с такой же книгой, на титульном листе которого, была надпись: «Владимиру Андреевичу Хршановскому с самыми добрыми пожеланиями и сердечной благодарностью. Трофимова. 9 января 81». В бандероль была вложена записка с приглашением, если буду в Москве, придти в гости на улицу Усиевича, возле станции метро «Аэропорт». Я воспользовался им в первый же свой приезд в Москву, и с тех пор, на протяжении всех прошедших лет, не упускал случая, навестить Марианну Казимировну. Сначала одну — на улице Усиевича, потом вместе с Александром Александровичем Формозовым — на Ленинском проспекте, а в последние годы, после ухода Александра Александровича, опять одну...

При нашем знакомстве выяснилось, что она хорошо знала и высоко ценила обоих моих наставников — Владислава Николаевича Андреева, руководившего в институте всеми моими курсовыми работами и дипломом и Михаила Моисеевича Кубланова, «заразившего» меня античной археологией. Кода я «покаялся» в том, что, для страховки, вставил в отзыв фразу о возможности использовать её книгу «в идеологической борьбе» с экзистенциализмом и современными мистицизмом — она легко отпустила мне этот грех. Оказывается к тому времени из-за выхода книги с гностическими текстами, без атеистической критики и ссылок на классиков марксизма-ленинизма в издательстве уже разразился скандал. И тут подоспела моя рецензия в «толстом», «литературно-художественном и общественно-политическом» журнале, органе Союза писателей СССР. Статус журнала превратил её в «охранную грамоту».

В одну из наших многочисленных встреч Марианна Казимировна достала из шкафа папку с откликами на её первую — и, увы, единственную — монографию. Точно помню восторженное письмо Дмитрия Сергеевича Лихачёва, кажется, ещё были письма Александра Михайловича Панченко и Вячеслава Всеволодовича Иванова. Увидев, среди них и вырезку из журнала «Звезда» с моей рецензией, оказавшейся первым публичным откликом, я понял, что действительно сделал для неё что-то важное.

Перед первой встречей с Марианной Казимировной Михаил Моисеевич Кубланов предупреждал меня: «Только Вы учтите, она немало „замороженная“». Вероятно, так казалось всем, кто не знал её близко или перед кем Марианна Казимировна по какой-то причине не раскрывалась. С Кублановым, насколько я знаю, они встречались только в официальной обстановке — на научных конференциях, и знали друг друга больше по книгам и публикациям. Со мной всё было по-другому: я был приглашён к ней домой. И Марианна Казимировна — при всей разнице в возрасте и «весовой» научной категории, почти сразу стала человеком очень близким и очень нужным: с ней можно было говорить обо всём, и нравственному суждению её можно было абсолютно доверять. При явном расположении ко мне, она резко отозвалась об одной из моих статей по теме диссертации, опубликованной в подаренном ей музейном сборнике. В рамках дозволенного тогда, наверное, эта статья была не самой плохой. Но у неё были другие критерии науки и научности. Напомнив мне об их существовании, она стимулировала поиски дела, которым не стыдно было бы заниматься при любой власти и любой идеологии. Зато позже, на протяжении тридцати лет, Марианна Казимировна, а затем и Александр Александрович Формозов, с неподдельным вниманием и интересом расспрашивали об очередной археологической экспедиции и очередном «Боспорском феномене». Свидетельство тому — их совместное письмо от 9 мая 2001 года, публикуемое ниже.

Главным в её жизни были переводы с коптского языка гностических текстов и апокрифических евангелий. «Гностики — писала она в своей книге — жили в реальности своего воображения, в гармонии, созданной им». Высшая духовная реальность в её противопоставлении материальному миру, открывавшаяся гностикам в их опыте самопознания, и запечатлённая в дошедших до нас текстах стала объектом описания и толкования Марианны Казимировны Трофимовой. Как мне кажется, в чём-то по их образцу она моделировала и свои собственные отношения с современным ей миром. Подобно им, как могла, оберегала гармонию своего внутреннего мира от инородного «материального» вторжения. С большим трудом и неохотой шла (если шла!) на компромиссы. Помню, как даря мне вышедшую только благодаря настойчивости и пробивной силе Ирины Сергеевны Свенцицкой их совместную книгу «Апокрифы древних христиан», Марианна Казимировна стыдливо затирала на обложке название серии «Научно-атеистическая библиотека». Может быть поэтому, при сравнительно большом количестве статей, составляющих её научное наследие (см. публикуемую здесь библиографию работ М. К. Трофимовой), у неё так и осталась только одна своя монография.

Марианна Казимировна была строга не только к себе, и не только к своей науке. Она задавала уровень отношений, не принимая упроще-

ния и вульгарности во всём. Ни разу за все годы наших встреч я не мог прийти к ней без цветов. Привыкнув, представляясь по телефону, называть себя только по имени, без отчества, когда я звонил Марианне Казимировне, в ответ слышал неперемное: «Здравствуйте, дорогой Владимир Андреевич!». Рекомендованное кем-то из друзей радио «Эхо Москвы» она не смогла слушать. Не потому, что она была с чем-то согласна или не согласна: её раздражал стиль ведущих. Даже о популярной книге М. А. Гаспарова «Занимательная Греция» она мимоходом отозвалась как о «слишком занимательной». А когда речь зашла о привлечении для переиздания гностического текста «Пистис София» помощницы — её же ученицы — переводчицы с коптского, она выразила сомнение в том, что правильно переведя буквально, она сможет правильно понять смысл написанного. В один из последних наших разговоров, я спросил, в чём видит она причину ограниченного во времени всего пятью веками — со II века до нашей эры по III век нашей эры — колоссального духовного прорыва на излёте античной цивилизации, запечатлённого в текстах ессеев-кумранитов, христиан, гностиков. Немного подумав, она — крупнейший специалист в своей области, филолог, историк и философ в одном лице — ответила: «Не знаю...».

Жить «в реальности своего воображения» и «созданной им гармонии» в нашем отечестве, в XX веке было, пожалуй, посложнее, чем гностикам в Верхнем Египте, в первые века христианской эры. Непролетарское происхождение, дочь репрессированного (отец был юридическим консультантом у Айвазовского), близкие родственники за границей (сестра или сёстры в Париже) — всё это не способствовало спокойной жизни и успешной карьере, во всяком случае, до середины 50-х годов. Но Марианна Казимировна умела довольствоваться малым — по общественным меркам. Через несколько лет после окончания исторического факультета МГУ она поступила на работу в Институт истории АН СССР (оказавшись после его разделения в Институте всеобщей истории). И с 60-х годов, занялась в основном переводами текстов из Наг-Хаммади живя, насколько это было возможно, в их «реальности и гармонии», тихо и незаметно делая свое дело. Даже присвоение ей докторского звания «по совокупности работ» организовала её близкая подруга и коллега Ирина Сергеевна Свенцицкая.

Но при этом в августовские дни 1991 года, когда, как тогда казалось, решалась судьба страны, они с Александром Александровичем, несмотря на возраст, оказываются среди защитников Белого дома. А после ухода Александра Александровича Формозова на протяжении нескольких лет, делом её жизни становится подготовка к посмертному изданию и переизданию его рукописей и книг. Только завершив этот нелегкий труд, она занялась своими собственными делами — подготовкой к переизданию «Историко-философских вопросов гностицизма».

Предложение это было сделано (и осуществлено в 2015 году) Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, возглавляющим Институт мировой культуры МГУ, где Марианна Казимировна, по его же приглашению, продолжала работать.

Последние слова, которые я слышал от Марианны Казимировны, прощаясь, в её квартире на Ленинском проспекте в декабре 2015 года — «Я очень устала...». Через полгода — 9 июня — ей должно было исполниться 90. А 14 февраля 2016 года я получил от Ирины Тункиной, которая тоже близко знала и Александра Александровича Формозова и Марианну Казимировну, письмо по электронной почте: «Володя, только что получила печальное известие...». 12 февраля Марианна Казимировна Трофимова скончалась.

На похороны в Москву я уже никак не успевал. Но и не проститься с Марианной Казимировной не мог. Вечером того же дня я пришел в Армянскую церковь, которая притаилась в глубине, на Невском проспекте напротив Гостиного двора. На скамьях для прихожан не было ни одного человека. Приглушённый свет. Тихие торжественные песнопения на армянском языке. Исходившие откуда-то сверху, они казались отзвуками высших сфер, той вселенской гармонии, которую, быть может, открывала для себя и Марианна Казимировна, переводя и комментируя гностические тексты. Ведь названия их так напоминают названия музыкальных произведений — Наг-Хаммади II, сочинения 2, 3, 6...

Я купил у смотрительницы свечку, зашёл в специально отведенный для этого придел, зажёл и поставил перед висящими в полумраке иконами.

Через четыре месяца, 9 июня — в день девяностолетия Марианны Казимировны — я оказался в Москве. Узнав, где она похоронена, пришёл на армянский участок Ваганьковского кладбища и, пройдя по дорожке за церковь, почти сразу увидел два одинаковых деревянных креста. На дальнем была прикреплена табличка «Александр Александрович Формозов. 1928–2009». На ближнем — «Марианна Казимировна Трофимова. 1926–2016».

Её свежая могила ещё была покрыта горой увядших цветов, принесённых в день похорон. Две мои чайные розы легли сверху.

*Санкт-Петербург — Вызу
Сентябрь — октябрь 2016*

В. А. Христановский

**Письмо М. К. Трофимовой и А. А. Формозова
В. А. Хршановскому 9 мая 2001 года**

Л. 1

Дорогой Владимир Андреевич!

Благодарю за присланные Вами книги. Радовалась успехам Вашей экспедиции и, разумеется, с особым интересом читала статью о ритуальном комплексе. Есть ли следы подобного обряда в материалах причерноморских? Вопрос мой свидетельствует о моём полном теперь незнании источников, когда-то бывших в кругу моих интересов. Если будете ещё писать об интерпретации Вашей находки, не откажите в возможности познакомиться с этим.

Непрерывно заглядывайте к нам, когда будете в Москве!

Ваша М. К.

С большим опозданием и грустью узнала о кончине Клары Петровны [Полонской — В.Х.]¹ Вашего друга, которого знала и я.

Л. 1 об.

9–V

Дорогой Владимир Андреевич!

Хотел поблагодарить Вас за любезно присланные нам два тома ценного сборника «Боспорский феномен»². Вашими трудами Музей истории религии превратился в один из центров античной археологии в нашей стране. Мой сослуживец Я. М. Паромов рассказывал мне о конференции как об очень удачной, хорошо организованной, насыщенной и много давшей её участникам. Он жалел, что глава античного отдела нашего института игнорировал эту конференцию, но радовался, что Эрмитаж Вас поддержал и ряд сотрудников ИА на конференцию поехал.

Я с интересом прочёл все доклады, касающиеся историографии, а также доклады о скифских курганах с далеко не бесспорными, но увлекательными попытками связать их с конкретными деятелями скифской истории. Марианна Казимировна, разумеется, более интересовалась собственно античными сюжетами.

Мы живём последнее время без каких-либо потрясений. Идёт уже третий месяц с операции глаз у Марианны Казимировны. Скоро ей должны снимать швы. Думаем о том, где провести лето, и замахиваемся даже на поездку в Крым осенью. Но до этого надо дожить. Будете в Москве проездом в Крым, звоните и заходите.

Всего Вам доброго и ещё раз спасибо за книги! Поздравляем Вас с Днём Победы.

Ваш А. Формозов

¹ К. П. Полонская (1913–2000) — доцент кафедры классической филологии МГУ, специалист по римской литературе.

² Речь идёт о двухтомнике «Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 1–2.»

**Материалы к библиографии М. К. Трофимовой
(1926–2016)¹**

1955

1. Значение работ акад. В. В. Латышева для изучения античной истории. (К 100-летию со дня рождения) // ВДИ. 1955. № 4. С. 3–9. (Без подписи).

1956

2. Публикации источников и источниковедческих исследований по истории Греции и Рима // ВДИ. 1956. № 1. С. 112–115.

1959

3. О некоторых источниковедческих проблемах XXXVI (Борисфенитской) речи Диона Хризостома // ВДИ. 1959. № 3. С. 151–162.

1961

4. Из истории эллинистической экономики (К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III веке до н. э.) // ВДИ. 1961. № 2. С. 46–68.

1962

5. Из истории идеологии II века // ВДИ. 1962. № 4. С. 67–90.

1963

6. Из истории эллинистического пиратства // ВДИ. 1963. № 4. С. 53–74.

1964

7. Формы международных экономических связей в раннеэллинистический период. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1964. 33 с.

1967

8. Философия экзистенциализма и проблемы истории раннего христианства // ВДИ. 1967. № 2. С. 283–294.

1969

9. Пиратство в Восточном Средиземноморье в III в. до н. э. (К изучению источников форм зависимости в эллинистический период) // К. К. Зельин, М. К. Трофимова. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., «Наука». 1969. С. 188–240. — (В серии: «Исследования по истории рабства в античном мире»).

1970

10. К методике изучения источников по истории раннего христианства (На примере литературы о «Евангелии от Фомы») // ВДИ. 1970. № 1. С. 142–151.

¹ Составлено с дополнениями и изменениями по электронным версиям В. Ю. Зуевым. ([www.imk.msu.ru / Structure / Anciciency / trofimova.html](http://www.imk.msu.ru/Structure/Anciency/trofimova.html)).

1971

11. Христианство и рабство (по данным новозаветной литературы) // *Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова*. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., «Наука», 1971. С. 250–295. — (В серии: «Исследования по истории рабства в античном мире»).

1972

12. Из рукописей Наг-Хаммади // Античность и современность. К 80-летию Ф. А. Петровского. Сборник статей. М., «Наука», 1972. С. 369–380.

1974

13. Значение рукописей из Наг-Хаммади для изучения истории религий // Атеизм и религия: проблемы истории и современность. Материалы научной конференции «Актуальные проблемы истории религии и атеизма». М., 1974. Вып. I. С. 254–262.

1975

14. Cristianesimo e Schiavitù. // *E. Staerman, M. Trofimova*. La Schiavitù nell'Italia imperiale I–III secolo. Roma, Ed. Riun i ti, 1975. P. 274–324.

1976

15. К переводу рукописей из Наг-Хаммади // XIV Международная конференция античников социалистических стран. Тезисы докладов. Ереван, 18–23 мая 1976 г. Ереван, 1976. С. 432–433.
16. Учение христиан-гностиков // Общественно-политические и философские учения древней Греции и Рима. Практикум для студентов-заочников исторических факультетов педагогических институтов. Составитель И. С. Свенцицкая. М., Московский Государственный заочный педагогический институт, 1976. С. 97–101.

1977

17. Утопия Ямбула в зарубежной историографии // История социалистических учений. Вопросы историографии. Сборник статей. М., 1977. С. 124–141.

1978

18. Гностицизм. Пути и возможности его изучения // Философия и история. М., 1978. С. 107–123. — (Палестинский Сборник. Вып. 26 (89)).

1979

19. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг-Хаммади, II, соч. 2, 3, 6, 7). М., 1979. 216 с.
Рец.: *В. А. Христановский*. М. К. Трофимова. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг-Хаммади, II, соч. 2, 3, 6, 7). М., 1979. 216 с. // Звезда. 1980. Ноябрь. С. 216–217.

1980

20. Гностическая проблема в современной культуре Запада // Культура и искусство античного мира. Материалы научной конференции. 1979 г. М., ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1980. С. 452–461.

1982

21. К пониманию «утопии Ямбула» у Диодора Сицилийского // История социалистических учений. Сборник статей. М., «Наука», 1982. С. 236–251.

1985

22. Пролог к Наг-Хаммади II, 1 // From Late Antiquity to Early Byzantium. Proceedings of Byzantinological symposium in the 16-th International EIRENE Conference. Praha, Academia, 1985. P. 213–217.
23. Эллинистический гимн из собраний Наг-Хаммади. II, соч. 1 // Античная культура и современная наука. М., АН СССР. Научный совет по истории мировой культуры, 1985. С. 213–217.

1986

24. Гносис и эстетическая деятельность // История и культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени. М., 1986. С. 121–127. — (Палестинский Сборник. Вып. 28 (91)).
25. Из истории формирования философской проблемы свободы воли // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986. С. 67–69.
26. «Утопия Евгемера» // История социалистических учений. Сборник статей. М., АН СССР. ИВИ, 1986. С. 266–281.

1988

27. К постановке проблемы сознания в гностицизме (Наг-Хаммади II, 1, 4, 19–5, 5) // Семиотика культуры. Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара по семиотике культуры 8–18 сентября 1988 года. Архангельск, Архангельский государственный педагогический институт, 1988. С. 51–53.
28. К представлениям о единстве мира в позднеантичной культуре (Наг-Хаммади VI, 2) // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., АН СССР. Отдел истории, 1988. С. 41–50.

1989

29. Гностические апокрифы из Наг-Хаммади // Апокрифы древних христиан. Исследования, тексты, комментарии. М., 1989. С. 161–334.
30. Гром. Совершенный Ум (Наг-Хаммади, VI, 2) // Труды по знаковым системам. Вып. 23. Тарту, 1989. С. 49–62. — (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 855).
31. Из истории ключевой темы гностических текстов // Палеобалканистика и античность. Сборник научных трудов. М., АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. Институт языкознания, 1989. С. 169–219.
32. К пониманию Наг-Хаммади, I, соч. 1 // Мероэ. Страны северо-восточной Африки красноморского бассейна в древности и раннем Средневековье. Проблемы истории и культурных связей. М., АН СССР, Институт востоковедения, 1989. Вып. 4. С. 201–207.
33. Тема самопознания в гностической традиции (Наг-Хаммади, II, 1) // Из истории философского наследия древнего Средиземноморья. М., АН СССР. Институт философии, 1989. Ч. I. С. 63–119.

1990

34. К истолкованию гностического текста о восхождении души // Механизмы культуры. М., АН СССР. Научный совет по истории мировой культуры, 1990. С. 56–62.
35. Об эстетическом аспекте коптских гностических текстов // Балканские чтения–1. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. М., АН СССР. Институт славяноведения и балканистики, 1990. С. 69.
36. Первый покаянный гимн Софии: из гностической интерпретации // ВДИ. 1990. № 4. С. 105–117.

1991

37. Гностицизм как историко-культурная проблема в свете коптских текстов из Наг-Хаммади. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук (в форме научного доклада). М. 1991. 38 с.
38. Гносис и эстетическая активность // Ноосфера и художественное творчество. М., АН СССР. Научный совет по истории мировой культуры, 1991. С. 101–103.
39. Два варианта гностического толкования // Балканские древности. Балканские чтения–1. Материалы по итогам симпозиума. Март 1990 года, Москва. М., АН СССР. Институт славяноведения и балканистики, 1991. С. 88–107.
40. Из истории гностических текстов // А. Ф. Лосев и культура XX века. Лосевские чтения. М., АН СССР. Научный совет по истории мировой культуры, 1991. С. 152–157.
41. Из Лондонского кодекса («Пистис София» 42–62) // Aequinox. Сборник памяти о. Александра Меня. М., 1991. С. 77–90.

1992

42. «Пистис София», с. 16–20, гл. 10: построение текста и его мировоззренческая установка // Балканские чтения-2. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. М., РАН Институт славяноведения и балканистики, 1992. С. 8.
43. Эллинистические утопии // Эллинизм. Восток и Запад, М., 1992. С. 248–262.

1993

44. Гностицизм как историко-культурная проблема // Aequinox. МСМХСШ. М., 1993. С. 168–195.
45. К вопросу о гностической тайне // Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1989–1990. М., 1993. С. 169–181.

1994

46. Из коптских текстов («Пистис София», фрагменты) // Знаки Балкан. М., РАН. Институт славяноведения и балканистики, 1994. Часть II. С. 233–270.
47. К теме судьбы в одной гностической рукописи // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., «Наука», 1994. С. 15–18.
48. Коптские гностические тексты: предмет и метод // Методология и методика изучения античного мира. Доклады конференции (31 мая — 2 июня 1993 г.). М., Российская ассоциация антиковедов. ИВИ РФ, 1994. С. 121–125.

49. О единстве текста «Пистис Софии» // Балканские чтения–3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., РАН. Институт славяноведения и балканистики, 1994. С. 46–47.

1995

50. Мария Магдалина коптских гностических текстов // Женщина в античном мире. Сборник статей. М., РАН ИВИ. Российская ассоциация антиковедов, 1995. С. 168–180.
51. Милость и истина встретили друг друга... (Гностическая экзегеза 84-го псалма) // ВДИ. 1995. № 2. С. 186–193.

1996

52. Пистис София. 41–62. Из истории гностической интерпретации // РАН Институт философии. Центр по изучению немецкой философии и социологии. Знание за пределами науки. М., 1996. С. 37–47.
53. Проблема гносиса в свете коптских рукописей первых веков нашей эры // Научные и вненаучные формы мышления. М., РАН. Институт философии. Центр по изучению немецкой философии и социологии, 1996. С. 254–265.
54. Die Gnosisprobleme aus der Sicht der koptischen Schriften der ersten Jahrhunderte unserer Zeitrechnung // Wissenschaftliche und Außerwissenschaftliche Denkformen Symposium (Moskau, 4–9 April 1995). Moskau, Kiel, 1996. S. 248–260.

1997

55. Гностицизм и мораль // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференции 1996 и 1997 гг. М., РАН ИВИ. Российская ассоциация историков, 1997. С. 29–36.
56. Из истории эллинистической экономики // Древняя цивилизация. Греция. Эллинизм. Причерноморье. (Избранные статьи из журнала ВДИ). М., РАН ИВИ. Центр сравнительного изучения древних цивилизаций, 1997. С. 724–746.
57. Первый покаянный гимн Софии: из гностической интерпретации // Древняя цивилизация. Греция. Эллинизм. Причерноморье. (Избранные статьи из журнала ВДИ). М., РАН ИВИ. Центр сравнительного изучения древних цивилизаций, 1997. С. 691–702.

1998

58. О свободе выбора в коптском гностическом тексте («Пистис София», 247.19–253.15) // POLUTROPON. К семидесятилетию В. Н. Топорова. М., РАН. Институт славяноведения и балкаистики, 1998. С. 841–850.
59. Посвящение в знание («Пистис София»): фрагменты // Человек и общество в античном мире. М., РАН. ИВИ, 1998. С. 488–523.

1999

60. Время в «Пистис Софии» // Балканские чтения–5. В поисках «балканского» на Балканах. М., РАН. Институт славяноведения и балканистики, 1999. С. 46–47.
61. «Евангелие от Филиппа», «Евангелие от Фомы», «Евангелие от Марии», «Апокриф Иоанна». Перепечатка пер. с копт. // Апокрифические евангелия. СПб., «Амфора», 2000. С. 232–333.

- По поводу этой публикации см. статью И. С. Свенцицкой и М. К. Трофимовой, 2002.
62. «Евангелие от Фомы». Перепечатка пер. с копт. // *Д. Флюссер. «Иисус»*. Екатеринбург, Изд-во «Урал LTD». 1999. Приложение I. С. 223–239.
По поводу этой публикации см. статью И. С. Свенцицкой и М. К. Трофимовой, 2002.
63. Ритуал как аспект гностической тайны // Лосевские чтения. Образ мира — структура и целое. Материалы Международной конференции 19–23 октября 1998. М., 1999. С. 562–567. — (МГУ. Филологич. фак-т. «Логос». 1999. № 3).
64. Четвёртая книга «Пистис Софии». Вступительная статья, перевод с коптского, примечания и послесловие // ВДИ. 1999. № 4. С. 236–247.

2000

65. Четвёртая книга «Пистис Софии». Вступительная статья, перевод с коптского, примечания и послесловие // ВДИ. 2000. № 1. С. 240–250.

2001

66. Гнозис и ритуал. // Россия и гнозис. Материалы конференции. Москва. ВГБИЛ. 22–23 марта 2000 г. М., 2001. С. 4–12.
67. Событие и его культурная роль (К истории создания коптской письменности) // *Notio balcanicus*. Поведенческие сценарии и культурные роли. Античность. Средневековье. Новое время. Балканские чтения–6. Тезисы и материалы. М., РАН. Институт славяноведения и балканистики, 2001. С. 52–54.
68. *Дж. Мартин Пламли*. Введение в коптскую грамматику. (Саидский диалект). Перевод с английского, предисловие, примечания *М. К. Трофимовой*. М., 2001. 208 с.

2002

69. Гностическая экзегеза псалмов Давида и од Соломона («Пистис София», гл. 29–82) // *Colloquia classica et indogermanica*. III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2002. С. 536–635.
70. Заметки по поводу гностической эсхатологии // *Антропология культуры*. М., МГУ. Институт мировой культуры, 2002. Вып. 1. С. 103–110.
71. Пираты книжного рынка // *Независимая газета — Религии*. М., 2002. 16 октября. С. 6. (в соавторстве с *И. С. Свенцицкой*).

2003

72. Опыт спецсеминара «Чтение коптских гностических текстов» // *Антиковедение в системе современного образования*. Материалы научной конференции. Москва. 26–27 июня 2002 г. М., 2003. С. 58–60.

2004

73. Древние гностические тексты. // *И. С. Свенцицкая. М. К. Трофимова*. Апокрифы древних христиан. Перевод и исследование: М., 2004. С. 143–271, 298–300.

2006

74. Древний гнозис и размышления Марселя Пруста о художественном творчестве // *Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию В. В. Иванова*. М., 2006. С. 368–390.

75. Понятие «варвары» в коптских гностических текстах // *Античная цивилизация и варвары*. М., 2006. С. 336–349.

2010

76. Гностицизм и мораль // *Топоровские чтения. I–IV*. Избранное. М., РАН. Институт славяноведения, 2010. С. 331–338.
77. Из коптских герметических текстов (Nag Hammadi VI, 6) // *Антропология культуры*. М., МГУ. Институт мировой культуры, 2010. Вып. 4. С. 117–128.

2015

78. Историко-философские вопросы гностицизма. (Наг-Хаммади, II, сочинения 2, 3, 6, 7). М., МГУ. Институт мировой культуры. Языки Народов Мира. Тезаурис, 2015. 2-е изд. 283 с.

Memorabilia

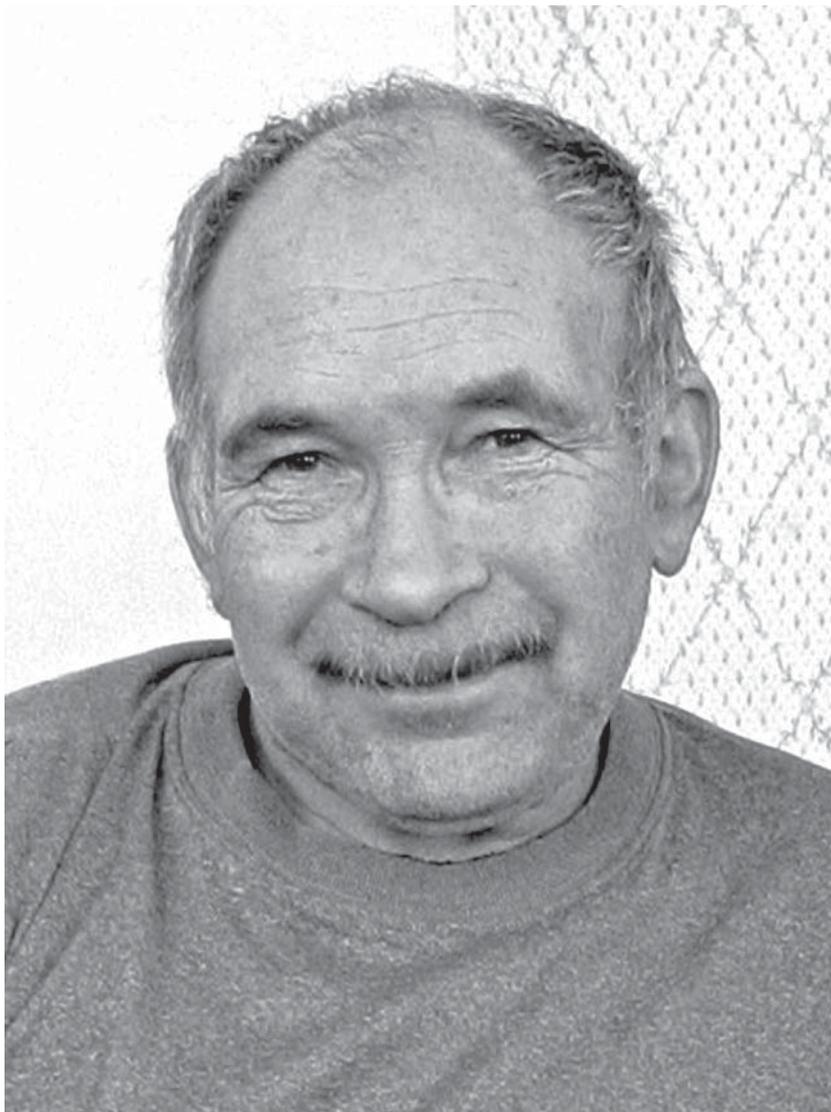
- К юбилею Марианны Казимировны Трофимовой // ВДИ. 2006. № 3. С. 183–184.

В. Ю. Зуев

**Рамиль Бакирович Исмагилов (1949–2014).
Биографический очерк**

Рамиль Бакирович (Рамиль Абубакир Улы) Исмагилов родился 29 июля 1949 года в деревне Старый Челаткан Аургазинского района Башкирии¹. Отец и мать его всю жизнь проработали в селе. Отец Рамиля Бакировича участвовал в Великой Отечественной войне и стал инвалидом. В 1968 г., два года спустя после окончания сельской школы, Р. Б. Исмагилов поступил на Исторический факультет Башкирского Государственного Университета. Причиной выбора исторического образования стал интерес к древности, который проснулся у него в связи со случайной находкой у села сарматского кинжала, который Рамиль Исмагилов ещё школьником отвёз в Уфу и передал его Н. А. Мажитову для хранения в музейной коллекции кафедры истории. Другой страстью будущего учёного был футбол, в который он играл с большим азартом и в зрелом возрасте. А в археологию Рамиль Исмагилов пришёл 19-летним абитуриентом при поступлении в Университет. «Увидел на Историческом факультете на доске объявление о раскопках, тотчас взял

¹ Привожу данные по метрике новорожденного. В паспорте Р. Б. Исмагилова указана другая дата — 29 июня. В семье Исмагиловых существовала также традиция считать днём его рождения 1 августа 1949 года.

Рамиль Бакирович Исмагилов (1949–2014)

в руки лопату и вперёд» — вспоминал он позднее (Хусаинов. 2006. С. 5.). Раскопки в Уфе древнего городища Уфа-3 (на углу улиц Фрунзе, Воровского и Пушкина) вела Махмуда Хисаевна Садыкова (1921–1985 гг.) — первый профессиональный археолог-женщина в Башкирии, о которой Р. Б. Исмагилов много лет спустя написал проникновенную статью (Исмагил. 2001 б. С. 189–190). Общение с Садыковой, которая была первой в Башкирии исследовательницей сарматских древностей, укрепило интерес Р. Б. Исмагилова к истории ранних кочевников Южного Урала. Символично и то, что свои последние полевые сезоны Р. Б. Исмагилов провёл на исследовании городища Уфа-2, став одним из соавторов публикаций материалов многолетних крупномасштабных раскопок в столице Башкортостана (Мажитов, Сунгатов, Султанова, Исмагилов, Бахшиева. 2009. 368 с). Познакомившись с археологией в экспедиции М. Х. Садыковой, своими настоящими учителями Р. Б. Исмагилов считал Нияза Абдулхаковича Мажитова (1933–2015) и Наталью Львовну Членову (1929–2009). Под руководством Н. А. Мажитова Рамиль Бакирович Исмагилов производил не только раскопки и фиксацию открытых памятников, но и ездил с учителем в археологические разведки, перенимая у учителя манеру и навыки общения с людьми, от которых он умел тщательно и деликатно получать информацию о памятниках древности¹.

¹ Хорошо помню, как пример, беседу Р. Б. Исмагилова с муллой дер. Ибрагимово в Оренбуржье в 1980 г. Дело было в том, что прямо в воротах дома муллы находился курган эпохи бронзы, который экспедиция намеревалась раскопать. Попытки В. А. Иванова, с которым мы совместно проводили раскопки, уговорить хозяйку дома дать разрешение на раскопки не увенчались успехом. Ссылаясь на авторитет отца, она запретила раскопки. Тогда на разговор с пожилым муллой пошёл Р. Б. Исмагилов, взяв меня — школьника из Подмосковья — для того, чтобы я посмотрел уклад быта традиционного татарского дома в Оренбуржье. Нас приняли во дворе под навесом за чайным столом. Разговор был долгим — о жизни вообще. Кивая на меня, как следующее поколение, которому жить в будущем, Рамиль Бакирович повёл беседу так, что всё, что делается экспедицией — делается для нас, мальчишек и девчонок, чтобы мы знали прошлое родной земли. Знали не из учебников, где мало конкретного, а реальное... правду. Этим Р. Б. Исмагилов задел какие-то струны в душе старого человека. Мулла предался воспоминаниям и зашёл так далеко, что рассказал, как в молодости воевал под командованием атамана Семёнова с большевиками. Как путешествовал по Сибири и Монголии. Как вернулся в Советскую Россию и долго жил, скрывая своё прошлое, хотя в нём ему решительно нечего было стесняться. Как потом пошёл добровольцем на Великую Отечественную войну. Как был дважды ранен и инвалидом вернулся, наконец, в родные места. Как стал «народным» муллой. Разговор шёл по-татарски и я понимал его суть только по кратким репликам Рамиля Бакировича (потом вечером был долгий пересказ у костра). Постепенно беседа перешла на археологические темы. Мулла рассказал, что те курганы, что мы копаем — это могилы тех сельчан, которых расстреляли большевистские отряды в 1918 г. за то, что молодёжь деревни ушла с казаками

Начиная с 1973 года, когда Р. Б. Исмагилов получил свой первый лист на разведки по рекомендации Н. А. Мажитова, он часто практиковал поездки по Башкирии и Оренбуржью на велосипеде, объезжая деревни и сёла разных районов для фиксации памятников древности и сбора случайных находок клинкового оружия эпохи раннего железного века. Расспрашивая людей, посещая школьные музеи, местные библиотеки, он зарисовывал и тщательно фиксировал многочисленные находки мечей и кинжалов в лесостепных просторах Южного Приуралья. Результаты этой регулярной почти сорокалетней работы он неоднократно публиковал, введя в научный оборот более полутора сотен клинков скифо-сарматской эпохи (Исмагилов. 2001 а. С. 117–147.).

В первые годы занятия археологией Р. Б. Исмагилов под руководством Н. А. Мажитова участвовал в раскопках Кушелевского (1969), Комсомол I, Загребайловского (1971) могильников в Башкирии. В эти же годы он проявил стремление увидеть памятники археологии не только родных мест, но и весьма далёких от дома территорий лесостепной Евразии и познакомиться с методами работ разных коллег.

атамана Семёнова. Исмагилов возразил мулле, что курганы, в том числе и этот, что бугром возвышался в воротах дома — он древний. Мулла не соглашался, но сказал, что сам давно хотел перезахоронить убитого селянина, которого повесили и закопали в воротах старой усадьбы. Он даже строил свой дом так, чтобы сохранить старые ворота над курганом: хоть и неудобно, но могилу жертвы революции он трогать не стал. И после этого мулла сказал Р. Б. Исмагилову: вот Ты по роду занятий своих копаешь могилы. Мог бы Ты раскопать этот курган, дав обещание, если то могила времён гражданской войны — перезахоронить погребённого на старом мусульманском кладбище по соответствующему обряду, за которым мулла сам обещал проследить? Р. Б. Исмагилов согласился, сказав, что если в кургане будет всё же древнее захоронение, то находки из него отдадут в музей. На том и порешили. На следующий день вся мусульманская часть деревни пришла смотреть — чья же могила будет открыта в воротах дома мoulлы? Быстро была удалена насыпь полуметрового кургана и к вечеру в погребении были расчищены остатки скорченного костяка мужского захоронения с горшками эпохи бронзы и бронзовым ножом новокумакского типа. Спор был решён в пользу археологии (что вышло боком мулле: его рассказы сельчане чтили как память о замученных предках, а тот факт, что много лет мулла чтил курган языческой древности, подорвало авторитет старика... Но он вышел из этой неприятности философски мудро — и языческую могилу убрали от его дома, и проезд в воротах выровняли археологи, которые, оказывается, много больше его знали о древней истории их родных мест). Нельзя сказать, что рассказанная история была проявлением какой-то научной хитрости Р. Б. Исмагилова. Нет. Рассказы мoulлы нас всех сильно впечатлили и заставили многое передумать. Напомню, что это был 1980 г. и в экспедиционном радиоприёмнике вечерами мы ловили тревожные сведения из Польши о какой-то «Солидарности». И долгая беседа о рассказах мoulлы была закончена глубокой сентенцией В. А. Иванова, очень похожего на героя «Тихого Дона» Григория Мелихова, который задумчиво сказал в окружении мальчишек и девчонок: «Не знаю, окажись я в 1918 году, на чьей стороне я бы воевал за Родину».

В 1970 году Р. Б. Исмагилов под руководством Г. Б. Здановича принимал участие в раскопках курганного могильника Покровка в Казахстане и могильника Камышенка на Алтае под руководством Н. А. Членовой. В 1975 г. исследовал курганы эпохи бронзы в Обшаровском районе Самарской области в составе археологического отряда под руководством И. Б. Васильева (Добрынина, Васильев, Иванов, Исмагилов, Пеннин. 1976. С. 175–176). Знакомство с Н. А. Членовой привело Р. Б. Исмагилова на Северный Кавказ. Под её руководством в 1976 г. он участвовал в раскопках могильника эпохи раннего железного века Султан-Гора III под Кисловодском в Пятигорье (Исмагилов, Суразаков, Членова. 1977. С. 100–101). Следует отметить, что позднее научные позиции Р. Б. Исмагилова и Н. А. Членовой по вопросам генезиса скифской культуры станут противоположными. Это скажется на личных отношениях учёных. Н. А. Членова первой в своей интерпретации опубликует результаты работ ученика в Гумарово, даже не поставив об этом в известность Р. Б. Исмагилова (Членова. 1988. С. 3–11.). Но он никогда не упрекнул её за это, объясняя, что как полевой археолог и оружейвед считает себя учеником московской коллеги, у которой был нелёгкий характер.

В 1976–1977 гг. Р. Б. Исмагилов принимал участие в работах новостроечной экспедиции в зоне строительства Иштугановской гидроэлектростанции вместе с группой уфимских археологов. В частности, тогда был исследован Акназаровский курганный могильник срубной культуры (Исмагилов, Латыпов, Обыденов. 1977. С. 152. Исмагилов, Латыпов, Обыденов, Рутто. 1978. С. 178. Обыденова, Рутто, Исмагилов. 1985. С. 40–53).

С 1978 г. Р. Б. Исмагилов ведёт самостоятельные раскопки. К этому времени он стал научным сотрудником Стерлитамакского краеведческого музея и возглавил археологическую экспедицию. Он сразу же направил работу экспедиции на попытку решения научной проблемы металлургического производства вооружения скифо-сарматского типа в лесостепной зоне Башкирии. Массовые случайные находки мечей и кинжалов эпохи ранних кочевников, поставили перед наукой вопрос о месте их изготовления, который не решён в археологии до сих пор. Интуиция подсказывала Р. Б. Исмагилову, что решение этой проблемы надо искать путём изучения металлургических производственных центров в контактной зоне кочевников и оседлых племён лесостепного Приуралья. Поэтому первым объектом самостоятельных раскопок было выбрано поселение у оврага Ярук у с. Месели Аургазинского района Башкирии. В результате исследований там был открыт крупный производственный металлургический центр, но, к сожалению, для поставленной задачи экспедиции — эпохи средневековья. Однако для археологии Башкирии это стало интересным открытием: впервые были зафиксированы три металлургических горна-печи отличной сохранности.

Исследованы производственные площадки с формовочными ямами. Металлургический центр был вынесен за пределы поселения и существовал как самостоятельный кузнечный пункт производства (Исмагилов. 1979. С. 176–177). Особенностью экспедиции, организованной Р. Б. Исмагиловым, было то, что её работниками были ученики 8–10 классов школ г. Стерлитамака. Увлечённые реальным делом исследования древностей родной земли, этот отряд девушек и юношей обладал большой и хорошо организованной силой, подпитываемой энтузиазмом, увлечённостью и романтикой экспедиционной жизни. Отряд был мобилен, неплохо экипирован (сказалась забота органов образования о школьном туризме) и поэтому мог решать серьёзные полевые задачи. Поэтому Р. Б. Исмагилов смог, закончив раскопки у с. Месели, оперативно перенести работы на юг Башкирии — в Кугарчинский район, где у с. Санзяпово он раскопал большой курганный могильник эпохи бронзы, давший материалы по истории культуры срубно-алакульского населения Южного Приуралья (Денисов, Исмагилов. 1989. С. 35–40). Неисследованным в этом могильнике на берегу р. Большой Ик остался только самый большой курган, занятый колхозным амбаром. Помимо археологических открытий этого сезона Р. Б. Исмагилову удалось создать в г. Стерлитамаке настоящий центр школьного занятия археологией — феномена очень типичного для науки и культуры СССР 70–80-х годов.

Полевые сезоны 1979–80 гг. для отряда Р. Б. Исмагилова, получившего название «Исседон», принесли самые важные результаты. В эти годы у дер. Гумарово Кувандыкского района Оренбургской области была полностью исследована курганная группа, состоящая из пяти каменных насыпей, которая была известна науке по находке в самом большом кургане оренбургским краеведом С. А. Поповым каменного изваяния аржанского типа. Полное исследование этих курганов привело к открытию ряда непогребённых погребений скифского типа, одно из которых относится к рубежу VIII–VII вв. до н. э. и входит в круг наиболее ранних захоронений кочевников скифской эпохи (Зуев, Исмагилов. 1999. С. 105–123). Несомненной заслугой и большим вкладом Р. Б. Исмагилова в скифскую археологию было введение в научный оборот и истолкование этого комплекса. После открытия кургана Аржан М. П. Грязновым, осмысления Чиликтинских курганов, раскопанных С.С. Черниковым, правильно истолкованные материалы гумаровского погребения в Большом кургане обозначили реальный вектор раннескифской миграции из глубин Срединной Азии (Исмагилов. 1988. С. 29–47). Работа над публикацией гумаровских находок очень сблизила Р. Б. Исмагилова с такими археологами, как К. Ф. Смирнов, А. И. Тереножкин и М. П. Грязнов. У него завязалась интенсивная переписка с ними, в которой отразились споры, и неспешная выработка

позиций оценки этого памятника, что оказало заметное влияние на формирование у Р. Б. Исмагилова собственной концепции ранней истории и археологии скифов.

В 1981–1983 г. археологический отряд «Исседон» продолжал исследования памятников древности в Башкирии и в Оренбуржье. Были раскопаны курганы в могильнике у с. Николаевка Стерлитамакского района Башкирии (1981 г.), открыто на дюнах в Соль-Илецком районе интересное погребение эпохи энеолита Ветлянка IV (1982), открыт курганный могильник у с. Казачий Кордон в Оренбургской области (1983)¹. Большинство этих материалов введены уже в научный оборот самим исследователем (Исмагилов. 1983. С. 149. Исмагил, Морозов, Чаплыгин. 239 с. Исмагилов. 1992. С. 88–94). Но в эти годы начинается и кризис в работе Р. Б. Исмагилова. Он вынужден был уйти из музея, т. к. руководство совершенно не понимало, зачем нужно тратить деньги на археологию и экспедиции. На время учёного приютил Стерлитамакский Дворец пионеров и школьников. Однако, проблемы с хранением всё увеличивающихся коллекций и трагический случай в экспедиции 1981 г.², привели учёного к необходимости уйти из этого учреждения. К тому же, выросли и поступили в высшие учебные заведения первые поколения «исседонцев». К 1984 г. школьная археология в г. Стерлитамаке сошла на нет. Для учёного наступили трудные времена безработицы и временных подработок разносчиком почты, грузчиком и даже могильщиком на городском кладбище. Возникла проблема и с жильём в Стерлитамаке: музей требовал освобождения служебной площади. В те времена высших учебных заведений в городе не существовало и перспектив нормальной жизни у семьи учёного с двумя маленькими детьми не было вовсе. В этих условиях Р. Б. Исмагилову было сделано предложение К. М. Байпаковым переехать на работу в Алма-Ату. Решился вопрос и с жильём — Исмагиловым удалось купить половину дома с участком земли по дороге на Медео. Так начался казахский период жизни и творчества Р. Б. Исмагилова.

Свою трудовую деятельность он начал сотрудником «Казпроектреставрации» и первые годы интенсивно вёл работы по выявлению памятников для составления республиканского свода объектов археологии. В 1986 г. Р. Б. Исмагилов исследовал курганы могильника Жетытобе на р. Талас в Казахстане (Байпаков, Исмагилов, Каратае, Касенов. 1988. С. 477–479). В 1989 г. он уже в качестве сотрудника

¹ Этот могильник был исследован в 1987 г. по согласованию с Р. Б. Исмагиловым экспедицией В. С. Горбунова.

² Родители забрали с раскопок одну из девушек, полагая, что это дело не для неё, и она в знак протеста против вселиия родительского запрета покончила с собой. В память о девушке Р. Б. Исмагилов назвал и утвердил в Полевом комитете Института археологии название памятника по её имени — «Елена».

Института археологии Казахской Академии наук, провёл обследование в Бейнеусском районе Казахстана курганных могильников с каменными изваяниями на плато Устюрт. (Zuev, Ismagilov. 1994. P. 54–57. Zuev, Ismagil. 1996. S. 397–404). В 1993 г. он принимал участие в раскопках могильника Дыкылтас на Мангышлаке под общим руководством З. С. Самашева. (Жетибаев, Исмагил, Самашев, Курочкин. 1994. С. 79–81. Загородний, Исмагил, Самашев. 1994. С. 64–66). Им проведены в разные годы раскопки могильников Уш-Тобе, Сулатор, Каменка, Беткайнар на Курдайском перевале, а также исследование руин позднебуддийского храма XVII–XVIII вв. в Кызыл-Кенче. Эти материалы большей частью ещё ждут ввода в научный оборот.

В 1989 г. на международной конференции в Алма-Ате «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» Р.Б. Исмагилев сделал доклад: «О некоторых тенденциях развития современной отечественной скифологии», который был высоко оценён заведующим Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (будущим директором Института истории материальной культуры Российской Академии Наук), член-корр. АН Туркменистана В. М. Массоном (Исмагилев. 1989. С. 265–283). Он стал приглашать Исмагилева принимать участие в пленумах ИИМКа, а в 1993 г. предложил ему защитить в Санкт-Петербурге кандидатскую диссертацию в форме научного доклада на тему «Ранние скифы и Центральная Азия» (Исмагилев. 1993. 18 с.).

Плодотворная работа Р. Б. Исмагилева в Казахстане была омрачена трудностями в семейной жизни. После распада СССР его жена стала испытывать ностальгию по родной Башкирии и всё чаще уезжала с детьми к своим родителям. Наконец, она решила остаться с детьми в России и уговорила три года спустя мужа тоже уехать из Алматы. Посвятить десятилетие интенсивной археологической деятельности в Казахстане, продав дом, Р. Б. Исмагилев в конце 1996 г. вернулся в Башкирию, в деревню жены — Мраково, где построил дом для своей семьи. Его приняли на работу научным сотрудником в Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, в котором он проработал до последнего дня жизни. Началась трудная в бытовом плане жизнь учёного, вынужденного жить в общежитиях Научного центра и ездившего на несколько дней в неделю за сотни километров в деревню к семье, отрываясь от «кургана» книг и архива, хранящихся под койкой и в углу комнаты общежития. В этом режиме Р. Б. Исмагилев прожил много лет. Он так и умер в комнате общежития, которую перед смертью учёного смогла приватизировать его семья. Эта аскетичность быта, безусловно, сократила его жизнь. Р. Б. Исмагилев жил трудно, но счастливо, поскольку реализовывался в любимом деле жизни — археологии. Он имел хороших друзей, на кого мог полагаться в трудные моменты жизни.

У него была любимая жена и горячо любимые дети. Трудности жизни он переносил всегда стоически спокойно, с большим достоинством пользуясь лишь минимумом житейских благ. «Для жизни мне нужны только чай и книги» — как девиз часто повторял он.

В последний период жизни Р. Б. Исмагилев вернулся к своим любимым «вояжам» на велосипеде по разным районам Башкирии, пополняя информационную базу о мечях и кинжалах скифо-сарматского времени. Он стал больше писать, разрабатывая оригинальную концепцию этногеографии Евразийской Скифии, в которой многое пытался трактовать, исходя из пратюркских данных ономастики, гидро- и топонимии. Эти работы отличались дискуссионностью положений и не нашли безусловного признания в науке. Но Р. Б. Исмагилев относился к этому спокойно, полагая, что это естественное состояние разработки новых направлений научной мысли.

В 2001 г. он принял участие в обследовании Прохоровского курганного могильника в Оренбуржье, вместе со мной оценив реальную перспективность исследования курганов, раскопанных в 1916 г. С. И. Руденко только шурфами по центру насыпей (Зуев. 2003. 72 с.). К сожалению, интрига судьбы сложилась так, что копать эти курганы в 2003 г. Р. Б. Исмагилеву пришлось под руководством московского археолога Л. Т. Яблонского. Но это не убавило значимости нашего общего вывода о том, что это исследование даст науке много новой и ценной информации, вопреки мнению столичных сарматологов о бесперспективности такой работы. В том же году Р. Б. Исмагилев принял участие в раскопках кургана Прохоровка-2, а чуть позже участвовал в изучении курганных могильников у с. Валитово под руководством Ф. А. Сунгатова. Сотрудничество с Сунгатовым переросло в творческое содружество этих учёных, выразившееся в совместных раскопках 2004 г. ряда памятников в районе Валитово и в серии публикаций новых материалов по эпохе бронзы и раннего железного века (Исмагил, Султанова, Сунгатов. 2006. С. 105–113. Исмагил, Сунгатов. 2009. Вып. 9. С. 118–127. Исмагил, Сунгатов. 2011. С. 65–79.). Вместе они сотрудничали и на раскопках городища Уфа-2 в 2008 г. под общим руководством Н. А. Мажитова. Ф. А. Сунгатов вместе с коллегами — Н. С. Савельевым и В. Котовым не оставили Р. Б. Исмагилева в беде, когда его здоровье оказалось серьёзно подорванным. Тяжёлая болезнь, настигшая его в 2006 г. (Р. Б. Исмагилев потерял в результате операции одно лёгкое) круто изменила жизнь учёного. Он упорно боролся с болезнью, сопротивляясь ей в том числе и стремлением продолжать экспедиционную деятельность. В 2006 г. он провёл привычные ему по образу жизни археологические разведки в Кугарчинском районе окрестностей с. Мраково, в 2008 и 2009 г. с И. Каюмовым объехал школьные музеи западных районов Башкирии, а в 2010 г. на машине

с сыном произвёл разведки в Стерлитамакском и Ишимбайском районах Башкирии. С Ильдаром Каюмовым в 2008 г. Р. Б. Исмагилов на машине совершил путешествие в Крым, где устроился сотрудником Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и четыре сезона (2008, 2009, 2011 и 2012 гг.) работал под руководством А. М. Бутягина в Восточном Крыму.

Коллеги активно помогали Р. Б. Исмагилову в работе. Ю. А. Морозов и М. С. Чаплыгин доследовали курганный могильник «Елена» в Стерлитамакском районе и подготовили вместе с Р. Б. Исмагиловым его полную публикацию (Исмагил, Морозов, Чаплыгин. 239 с.). Ф. А. Сунгатов помог в подготовке к изданию материалов раскопок городища Уфа-2 за 2008 г. (Мажитов, Сунгатов, Султанова, Исмагилов, Бахшиева. 2009. 368 с.), а за месяц до смерти Р. Б. Исмагилова довёл до публикации их совместную книгу о «шагреновой» культуре ранних кочевников Приуралья последней четверти V–IV вв. до н. э. (Исмагил, Сунгатов. 2013. 223 с.).

Умер Р. Б. Исмагилов 5 января 2014 года.

Своим примером, обаянием увлечённого делом человека, Р. Б. Исмагилов оказал огромное влияние на становление судеб нескольких десятков мальчишек и девчонок, прошедших его экспедиции. Многие из них стали хорошими людьми, личностями, признавая большую заслугу в их становлении именно Р. Б. Исмагилова. Хорошо помню первый и важный урок, полученный от него в экспедиции. Это был 1978 г. Первая экспедиция в Меселях. Мне было 14 лет. Я, городской мальчик, волею судьбы случайно павший в экспедицию. Иллюзии того, что археология — это только романтика, быстро улетучились, примерно через неделю с начала работ, когда сошли на руках первые мозольные пузыри. Когда дожди промочили всё в палатке и жизнь по расписанию с дежурствами и регулярным хождением на раскоп стали казаться тяжёлым проклятием. Из 40 школьников взроптало большинство и идея бросить экспедицию и вернуться в город стала злобой дня. Не скрою — у меня тогда тоже была мысль уехать. Р. Б. Исмагилов построил как на линейке всех нас (а он был единственным взрослым в экспедиции) и обратился к нам с прочувствованной речью. Он сказал, что прекрасно понимает нас. И предлагает на завтрашний день оплатить дорогу домой всем тем, кто считает, что экспедиция — это не для него. Он также сказал, что мы сейчас находимся в том возрасте, когда формируется характер. И что лучше всего этот процесс можно сравнить со штурмом первых вершин, путь к которым даётся с большим трудом. И те, кто преодолеют себя и доберутся через трудности к своей вершине, познают радость победы над собой. И дальше по жизни, такие люди будут идти от вершины к вершине именно потому, что им введома победа над собой, своими слабостями. А те, кто не справится со своими

первыми трудностями, и покатится под горку, так и будут всю жизнь искать лёгких путей и катиться под гору. Поэтому он предлагает нам подумать ночь и утром принять решение — уезжать, или оставаться. Я, правда, думал всю ночь. Образ покорённой вершины и победы над трудностями меня пленил. И я решил остаться. Утром уехало большинство. Но осталось 15 человек. И это уже была гвардия Р. Б. Исмагилова... Потом к ней прибавились ещё замечательные ребята. И всю нашу жизнь нас объединяет дружба и общая юность, проведённая в экспедициях и понимании того, что мы археологический отряд со своей иерархией и чувством особого братства.

В археологию Р. Б. Исмагилов привёл нескольких человек — меня, А. Г. Гаврилюка, М. Г. Парфёнову, К. В. Кириллова и И. В. Денисова. М. Г. Парфёнова, сделав в годы студенчества несколько самостоятельных шагов в археологии, ушла из неё, переключившись на семейные заботы. К. В. Кириллов, закончив исторический факультет БГУ, был одно время директором Стерлитамакского краеведческого музея, но позже тоже ушёл из археологии. В науке остались трое. И. В. Денисов (пришедший в «Исседон» осенью 1980 г.), стал специалистом по эпохе бронзы. Преподаёт и занимается археологией в Стерлитамакском педагогическом институте. А. Г. Гаврилюк (пришёл в «Исседон» весной 1979 г.¹) активно работал археологом в Челябинске. К сожалению, жизнь его оборвалась очень рано, но в нескольких работах по археологии эпохи ранних кочевников, А. Г. Гаврилюк высказал ряд интересных идей, нашедших развитие в историографии по эпохе раннего железного века Южного Приуралья (Исмагилов, Савельев. 2004. С. 291).

Особенностью «школы» Р. Б. Исмагилова в науке было то, что при обсуждении научных проблем приветствовалась дискуссия и смелая, резкая критика спорных позиций. Споры велись всегда на равных, поскольку уважение к оппонентам определялось равенством спорящих, пониманием, что каждый по-своему верен науке и её принципам.

Интересная ситуация сложилась у Р. Б. Исмагилова в споре по проблемам хронологии Прохоровской археологической культуры. А. Г. Гаврилюк, когда начались сомнения в бесспорности эволюционной периодизации единой савромато-сарматской археологической культуры, первым предложил удревить сарматскую (прохоровскую) культуру до VI в. до н. э., тем самым сняв все проблемы сопряжения савроматов и сарматов на Южном Урале. Для него в этом регионе с VI в. до н. э. существовала единая в нескольких эволюционных фазах культура

¹ Р. Б. Исмагилов, в некрологе о А. Г. Гаврилюке (Исмагилов, Савельев. 2004. С. 291) ошибается, говоря, что Гаврилюк с 1978 г. принимал участие в раскопках его экспедиции. Это аберрация памяти.

исторических сарматов. Идеи Гаврилюка получили поддержку некоторых уральских археологов, но Р. Б. Исмагилов не принял этой идеи.

Другой его ученик — автор этих строк — предложил считать прохоровскую культуру самостоятельным феноменом, появившимся в срединной части Евразийского пояса степей в середине II в. до н. э., не имеющим генетической связи с культурами VII–IV вв. до н. э. на Южном Урале, которые по облику своему относятся к кругу скифских культур Евразии. С исторической точки зрения, никаких савроматов на Южном Урале, я полагаю, не было, а сарматы появляются с самобытной культурой на Южном Урале из глубин Азии только во II в. до н. э.

Обдумывая сложный расклад материалов, Р. Б. Исмагилов в последние годы жизни обозначил самостоятельную позицию по данному вопросу. Начало эпохи ранних кочевников в Приуралье он относит к рубежу VIII–VII в. до н. э. Принимая для эпохи скифской архаики р. Волгу за Танаис (Исмагил. 2013. С. 394–400) он полагал, что в VI–IV в. до н. э. в Приуралье обитали исторические савроматы. В III в. до н. э. начинается сложение — или приход сюда — исторических сарматов, носителей прохоровской культуры, которая, по убеждению Р. Б. Исмагилова, была тоже самостоятельным археологическим явлением. Правда, в археологическом отношении, Р. Б. Исмагилов, вместе с Ф. А. Сунгатовым, предложили выделить особую Яицкую культуру, выделив для неё узкий хронологический период последней четверти V–IV в. до н. э. (Исмагил, Сунгатов. 2011. С. 65–79. Исмагил, Сунгатов. 2013. 223 с.). Они решительно передатировали (на мой взгляд, абсолютно безосновательно) древности Блюменфельдского кургана А 12, Елги, Черниговского кургана 1888 г., Сары, Гумаровских курганов и нескольких десятков других, омоложив их даты до указанного интервала Яицкой культуры, назвав это омоложение дат феноменом «шагреновой» культуры предсарматского времени. К сожалению, серьёзных обоснований своей историко-археологической концепции Р. Б. Исмагилов оставить не успел: книга о Яицкой культуре содержит публикацию материалов многолетних раскопок в Южном Приуралье разных исследователей. Датировка этих памятников только декларирована авторами книги в пределах последней четверти V–IV в. до н. э. Но дискуссионность концепций была всегда приоритетом Р. Б. Исмагилова. В постановке спорных, дискуссионных вопросов Р. Б. Исмагилов всегда видел смысл уточнения и совершенствования археологии, как источниковедческой дисциплины¹.

¹ Ярким примером работ такого плана является публикация Р. Б. Исмагилова о том, мужчина или женщина были погребены во впускной могиле Иссыкского кургана (Исмагилов. 1995. С. 111–113).

Большинство его работ — это изложение его размышлений, своего рода заготовки, наброски, которые будущему надлежит проверить и уточнить. Многие из написанного им ранее, Р. Б. Исмагилов смело дезавуировал сам, считая это нормальным процессом переоценки научных гипотез. Эта подвижность мысли присуща особенно его занятиям этногеографией Геродотовой Скифии, в которую он привнёс много любопытных гипотетических решений, сделанных с позиций праторкских толкований письменного источника. В этом было много от личного переживания своего созвучия с древностью, стремления открыть новые, не апробированные наукой пути детерминативных связей прошлого и современности. В этом же контексте находится и отгадка тайны его научного псевдонима — Р. Исмагил: в нём напрасно искать чего-то политически фрондёрского. Наоборот, это было самовыражением себя в неразрывной связи с древностью.

Но не только спорное, гипотетичное и дискуссионное составляет характеристику научного наследия Р. Б. Исмагилова. Интересным и позитивным вкладом этого учёного в археологию, являются его публикационные работы, которые ввели в научный оборот ряд уникальных комплексов древностей скифо-сарматского времени. Важным и удачным был поиск раннескифского контекста материалов погребения в Большом Гумаровском кургане. Убедительны и интересны трактовки Р. Б. Исмагилова конструктивных особенностей курганов Семиречья, Южного Приуралья, степного Северного Причерноморья и Алтая в контексте сообщений «Пёстрых рассказов» Эллиана, о мистериях хтонического порядка, совершаемых в подземных (подкурганых) святилищах. Интерпретация Р. Б. Исмагиловым подземных подкурганых ходов, часто принимаемых за неудачные грабительские мины, как этих святилищ, где происходили шаманские космогонические мистерии — это очень удачное развитие идеи М. П. Грязнова о том, что курганы — это сложные архитектурные сооружения, функции которых целиком нам плохо известны (Исмагилов. 1992. С. 34–35). Интересны и перспективны попытки Р. Б. Исмагилова и З. Аминова объяснить через древнюю поминальную практику частоту случайных находок мечей и кинжалов скифо-сарматского времени на Южном Урале (Исмагил, Амин. 2003. С. 34–37).

Научное наследие Р. Б. Исмагилова богато и многогранно. Оно лучше всего свидетельствует о бесконечной преданности его науке, служению которой он отдал всего себя без остатка¹.

¹ Я приношу благодарность Ильдару Каюмову за уточнение деталей последних лет жизни Р. Б. Исмагилова, которые я учёл в работе над биографическим очерком.

Литература

- К. М. Байпаков, Р. Б. Исмагилов, П. Е. Каратаев, М. С. Касенов. Экспедиция по составлению свода памятников // АО-86. М., 1988.
- Е. Б. Добрынина, И. Б. Васильев, В. А. Иванов, Р. Б. Исмагилов, Г. Г. Пеннин. Работы Новостроечного отряда Куйбышевского педагогического института // АО-75. М., 1976.
- Ж. Жетибаев, Р. Исмагил, З. С. Самашев, Г. Н. Курочкин. Могильник Дыкылтас на Мангышлаке // Изучение древних культур и цивилизаций. СПб., 1994.
- А. С. Загородний, Р. Б. Исмагилов, З. С. Самашев. Могильник Дыкылтас на Мангышлаке // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 95-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. Запорожье, 1994.
- В. Ю. Зуев. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье (По итогам экспедиции 2001 г.). СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. — (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа).
- Р. Исмагил. Первый башкирский профессиональный археолог-женщина (к 80-летию со дня рождения М. Х. Садыковой) // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001 б. Вып. 3.
- Р. Исмагил. Танаис: река и город // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрёстке. Материалы международной научной конференции. СПб., Нестор-История, 2013.
- Р. Б. Исмагилов. Исследования Стерлитамакского музея // АО-78. М., 1979.
- Р. Б. Исмагилов. Работы отряда Стерлитамакского Дома пионеров // АО-81. М., 1983.
- Р. Б. Исмагилов. О некоторых тенденциях развития современной отечественной скифологии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
- Р. Б. Исмагилов. Об одном сакском обряде // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов международной научной конференции, посвящённой памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь, 1992.
- Р. Б. Исмагилов. Энеолитический могильник нового типа на Илеке // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992
- Р. Б. Исмагилов. Ранние скифы и Центральная Азия. Автореф. канд. дисс. в форме докл. СПб., 1993.
- Р. Б. Исмагилов. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001 а. Вып. 3.
- Р. Б. Исмагилов. «Золотой воин» из кургана Иссык: мужчина или женщина? // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа, 1995. Вып. 1.
- Р. Исмагил, З. Амин. Культ скифского Ареса и Южноуральские реалии. // Человек в пространстве древних культур. Материалы всероссийской научной конференции. Челябинск, 2003.
- Р. Исмагил, Ю. А. Морозов, М. С. Чаплыгин. Николаевские курганы («Елена») на р. Стерля в Башкортостане. Уфа, ДизайнПолиграфСервис, 2009.
- Р. Исмагил, А. Н. Султанова, Ф. А. Сунгатов. Оленные камни Валитовского (Кизяташского) святилища Башкирского Зауралья // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа, Гилем, 2006.
- Р. Исмагил, Ф. А. Сунгатов. Тулубай. Савромато-сарматский склеп в Зауралье // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2009. Вып. 9.

- Р. Исмагил, Ф. А. Сунгатов. Могильник Валит-2 и проблема датировки «шагреновой» культуры V–IV в. до н. э. Южного Урала // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвящённой 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. Алматы, 2011. Т. 2.
- Р. Исмагил, Ф. А. Сунгатов. Памятники Яицкой культуры последней четверти V–IV вв. до н. э. на Южном Урале. Уфа, Белая река, 2013. — (Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала. Т. III).
- Р. Б. Исмагилов, Ф. Ф. Латыпов, М. Ф. Обьидёнов. Работы в зоне Иштугановского водохранилища // АО-76. М., 1977.
- Р. Б. Исмагилов, Ф. Ф. Латыпов, М. Ф. Обьидёнов, Н. Г. Рутто. Исследования в зоне Иштугановского водохранилища // АО-77. М., 1978.
- Р. Б. Исмагилов, Н. С. Савельев. Памяти А. Г. Гаврилюка // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2004. Вып. 5.
- Р. Б. Исмагилов, А. С. Суразаков, Н. А. Членова. Султангора III — двуслойный памятник эпохи раннего железа под Кисловодском // АО-76. М., 1977.
- Мажитов Н. А., Ф. А. Сунгатов, А. Н. Султанова, Р. Б. Исмагилов, Р. И. Бахшиева. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Уфа, ГУП РБ УПК, 2009. Т. III.
- Г. Т. Обьидёнова, Н. Г. Рутто, Р. Б. Исмагилов. Акназаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.
- А. Хусаинов. Горшки не устаревают. Стареют знания. Интервью с Р. Б. Исмагиловым // Уфимские ведомости. Приложение к журналу Уфа. Уфа, 2006. 2 февраля. № 5 (160).
- Н. А. Членова. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // КСИА. 1988. Вып. 194.

**Материалы к биобиблиографии Рамиля Бакировича Исмагилова
(Рамиля Абубакира Улы Исмагилова)
(псевдоним: Рамиль Исмагил) (1949–2014)¹**

1976

- Добрынина Е. Б., Васильев И. Б., Иванов В. А., Исмагилов Р. Б., Пеннин Г. Г. Работы Новостроечного отряда Куйбышевского педагогического института // АО-75. М., 1976. С. 175–176.
- Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3. С. 229–247.

1977

- Исмагилов Р. Б., Латыпов Ф. Ф., Обьидёнов М. Ф. Работы в зоне Иштугановского водохранилища // АО-76. М., 1977. С. 152.

¹ Составитель — В. Ю. Зуев. Знаком * отмечены работы, в публикации которых имеются сомнения. De visu эти работы составителю остались неизвестны.

Исмагилов Р. Б., Скарбовенко В. А. Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С. 77–92.

Исмагилов Р. Б., Суразаков А. С., Членова Н. А. Султангора III — двуслойный памятник эпохи раннего железа под Кисловодском // АО-76. М., 1977. С. 100–101.

1978

Исмагилов Р. Б. Кинжалы позднеавроматского времени из Башкирии // СА. 1978. № 4. С. 229–238.

Исмагилов Р. Б., Латыпов Ф. Ф., Обьденов М. Ф., Рутто Н. Г. Исследования в зоне Иштугановского водохранилища // АО-77. М., 1978. С. 178.

1979

Исмагилов Р. Б. Исследования Стерлитамакского музея // АО-78. М., 1979. С. 176–177.

Исмагилов Р. Б. О происхождении меча скифского типа // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1979. С. 71–73.

1980

Исмагилов Р. Б. Меч скифского типа: Истоки происхождения // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 85–95.

Исмагилов Р. Б. Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. 1980. № 1. С. 219–228.

Исмагилов Р. Б. Раскопки Гумаровского могильника // АО-79. М., 1980. С. 147.

1981

Исмагилов Р. Б. Завершение раскопок Гумаровской группы // АО-80. М., 1981. С. 134–135.

Исмагилов Р. Б. Мечи марычевского типа // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. Вып. 15. С. 126–130.

Иванов В. А., Исмагилов Р. Б. Исследования в междуречье Урала и Сакмары // АО-80. М., 1981. С. 133.

1983

Исмагилов Р. Б. Работы отряда Стерлитамакского Дома пионеров // АО-81. М., 1983. С. 149.

1984

Исмагилов Р. Б. Древнейшие образцы звериного стиля эпохи раннего железа из Южного Приуралья // Скифо-сибирский мир (Искусство и идеология). Тезисы докладов второй археологической конференции. Кемерово, 1984. С. 24–26.

1985

Обьденова Г. Т., Рутто Н. Г., Исмагилов Р. Б. Акназаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985. С. 40–53.

1986

Исмагилов Р. Б. К вопросу о памятниках гумаровского типа в Восточной Европе (Древнейший скифский курган из Южного Приуралья) // Скифская эпоха Алтая. Тезисы докладов научной конференции. Барнаул, 1986. С. 62–64.

1987

Исмагилов Р. Б. Каменная стела и золотые олени из Гумарово // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 89–93.

Исмагилов Р. Б. К локализации Восточного моря и Рипейских гор античных источников // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 18–20.

Исмагилов Р. Б. О локализации некоторых племён «Истории» Геродота // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тезисы докладов. Омск, 1987. Ч. 1. С. 175–178.

Исмагилов Р. Б. Скифы и Центральная Азия // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987. С. 99–100.

1988

Исмагилов Р. Б. О локализации «Древней Скифии» Геродота // Организация археологических экспедиций с участием школьников. Тезисы докладов. Донецк, 1988. С. 31–32.

Исмагилов Р. Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1988. Вып. 29. С. 29–47.

Исмагилов Р. Б. Индоарийцы и иранцы: на пороге новой парадигмы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Барнаул, 1988. С. 97–98.

Галлиев А. А., Исмагилов Р. Б. Арийский компонент индийской цивилизации. Основные этапы пространственно-временного генезиса // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. Тезисы докладов 3 Всесоюзной конференции востоковедов. М., 1988. Т. 1. С. 14–16.

Байтаков К. М., Исмагилов Р. Б., Каратаев П. Е., Касенов М. С. Экспедиция по составлению свода памятников // АО-86. М., 1988. С. 477–479.

1989

Исмагилов Р. Б. Два этюда о скифских божествах // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 81–82.

Исмагилов Р. Б. О некоторых тенденциях развития современной отечественной скифологии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 265–283.

Исмагилов Р. Б. Об одной древней географической традиции // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. I. Тезисы докладов областной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. Запорожье, 1989. С. 55–57.

Исмагилов Р. Б. К этимологии Massagetae и Phryssagetae // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 137–141.

Денисов И. В., Исмагилов Р. Б. I Санзяповский могильник срубной культуры на юге Башкирии // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989. С. 35–40.

Исмагилов Р. Б., Обьидёнов М. Ф. Случайные находки металлических изделий эпохи бронзы на Южном Урале // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989. С. 110–114.

1990

Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б., Денисов И. В. Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа, БашГПИ, 1990. 38 с.

Исмагилов Р. Б. О некоторых конструктивных особенностях сакских курганов // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвящённой 70-летию организации Чимкентского областного историко-краеведческого музея. Алма-Ата, 1990. С. 30–32.

Исмагилов Р. Б. Об этнокультурной принадлежности памятников V–III вв. до н. э. степного Причерноморья // Проблемы археологии Урала и историографии античности. Тезисы докладов научной конференции. Уфа, БГУ, 1990. С. 21–24.

1991

Исмагилов Р. Б. К проблеме происхождения новочеркасской культуры // Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму ИИМК 1991. СПб., 1991. С. 57–58.

Р. Б. Исмагилов. Скифо-греческий торговый путь или миграционный путь сарматов? // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Алма-Ата, 15–16 июня 1991 г. Алма-Ата, 1991. С. 32–35.

1992

Исмагилов Р. Б. Монеты-стрелки — монетные ножи: типологическое сходство или генетическая связь? // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы докладов конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 1992. С. 105–107.

Исмагилов Р. Б. Новое погребение эпохи раннего железа на Илеке // Маргулановские чтения. 1990. Сборник материалов конференции. М., 1992. Часть I. С. 143–146, 255–257.

Исмагилов Р. Б. О двух мифологических традициях в Северном Причерноморье в скифо-сарматское время // Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. Уфа, 1992. Ч. 2. С. 87–89.

Исмагилов Р. Б. Об одном сакском обряде // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов международной научной конференции, посвящённой памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь, 1992. С. 34–35.

Исмагилов Р. Б. Саи, скифы и Боспор (научный этюд на тему «классической» Скифии) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Сборник археологических статей в честь 56-летия Д. А. Мачинского. СПб., 1993. С. 87–89. — (ПАВ № 6).

Исмагилов Р. Б. Таргитай, прародитель скифов // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992. С. 87–89.

Исмагилов Р. Б. Энеолитический могильник нового типа на Илеке // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992. С. 88–94.

1993

Исмагилов Р. Б. Ранние скифы и Центральная Азия. Автореф. канд. дисс. в форме докл. СПб., 1993. 18 с.

Исмагилов Р. Б., Худяков Ю. С. Панцирь из городища Бузук-тобе // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. М., 1993. С. 204–211.

1994

Исмагил Р. Сарматская проблема: взгляд со стороны // Проблема истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции. Волгоград, 1994. С. 23–25.

Исмагилов Р. Б. Скифская легенда и раннесарматские царства // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. II. Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 95-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. Запорожье, 1994. С. 69–71.

Жетибаев Ж., Исмагил Р., Самашев З. С., Курочкин Г. Н. Могильник Дыкылтас на Мангышлаке // Изучение древних культур и цивилизаций. СПб., 1994. С. 79–81.

Загородний А. С., Исмагилов Р. Б., Самашев З. С. Могильник Дыкылтас на Мангышлаке // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 95-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. Запорожье, 1994. С. 64–66.

Самашев З. С., Исмагил Р., Жетибаев Ж. К изучению культур древних кочевников Арало-Каспийских степей // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 176–183.

Zuev V., Ismagilov R., Ritual complexes with statues of horsemen in the Northwestern Ustyurt // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. SPb., 1994. P. 54–57.

1995

Исмагилов Р. Б. «Золотой воин» из кургана Иссык: мужчина или женщина? // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа, 1995. Вып. 1. С. 110–113.

Исмагилов Р. Б. Средневековые комплексы и случайные находки из Южного Приуралья. // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа, 1995. Вып. 1. С. 136–147.

Григорьев Ф. П., Исмагил Р. Новые находки сакских котлов в окрестностях Алматы. // Проблемы взаимодействия национальных культур. Тезисы докладов конференции. Астрахань, 1995. С. 31–32.

Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б. Корсуковский клад // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 67–75. — (Археологические изыскания. Вып. 24).

1996

Исмагил Р. Савромато-сарматская культура Западного Казахстана // История Казахстана с древнейших времён до наших дней в четырёх томах. Том 1. Казахстан от эпохи палеолита до позднего Средневековья. Под ред. К. А. Акишева. Алматы, 1996. С. 200–207. <Вариант на казахском языке>.

Исмагил Р. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа, 1996. С. 32–72.

Исмагил Р. Сарматское окно в Европу // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. С. 176–211.

Байпаков К. М., Исмагил Р. Бесагашский клад бронзовой посуды из Семиречья // Известия Министерства образования и науки Республики Казахстана, Национальной АН. Алматы, 1996. № 2. С. 41–51.

Bajpakov K. M., Ismagil R. Der Besagas-Hort und das sakenzeitliche Bronzegeschirr aus dem Siebenstromland // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Berlin, 1996. Bd. 2. S. 347–353.

Grigor'ev F. P., Ismagil R. The Cult Bronzes of Semirechye of the Saka Period // Ancient Civilisations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Leiden, E. J. Brill, 1996. Vol. 3. № 2–3. P. 241–252.

Zuev V., Ismagil R. Frühsarmatische Steinstelen von Ustjurt und Mangyşlak, West-Kazachstan // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Berlin, 1996. Bd. 2. S. 397–404.

1997

Байпаков К. М., Исмагил Р., Касенов М. С. Раскопки могильника Беткайнар на Курдайском перевале // Известия Министерства образования и науки Республики Казахстана, Национальной АН. Алматы, 1997. № 1. С. 15–24.

1998

Исмагил Р. Бегазы-Дандыбаевский феномен и его типологические параллели. // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1. С. 3–7.

Исмагил Р. По поводу каллипидов и ализонов (этимологические заметки на полях «Истории» Геродота) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. Тезисы докладов. СПб. 1998. С. 55–57.

1999

Григорьев Ф. П., Исмагилов Р. Б. Новые находки бронзовых котлов в окрестностях Алматы // История и археология Семиречья. Алматы, 1999. С. 84–90.

Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б. Курганы у деревни Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1999. Вып. 3. С. 105–123.

Zuev V., Ismagil R. Skythische Kurgane beim Dorf Gumarovo, südliches Uralvorland // Eurasia antiqua. Zeitschrift für archäologie Eurasiens. Berlin, 1999. Bd. 5. S. 271–294.

2000

Исмагил Р. Клинковое оружие досакского и сакского времени из Центральной и Северо-Западной Азии // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Сборник статей к 50-летию научной деятельности Р. Г. Кузеева. Уфа, Гилем, 2000. С. 127–145.

2001

Исмагилов Р. Б. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 117–147.

Исмагил Р. Кто наследовал Октамасаду? // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и в Средние века. Материалы IX международной научной конференции 25–30 мая 1998 г. Ростов-на-Дону, 2001. С. 32–34.

Исмагил Р. Первый башкирский профессиональный археолог-женщина (к 80-летию со дня рождения М. Х. Сальковой) // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 189–190.

Исмагил Р. Танаис Геродота: Дон или Волга? // Ватандаш. Уфа, 2001. № 4. С. 103–108.

Денисов И. В., Иванов В. А., Исмагилов Р. Б. Новые древности с территории Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2001. Вып. 5. С. 75–90.

2002

Исмагил Р. Танаис и другие восточные реки Геродота. Ранние тюркизмы в «скифском логосе» // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2002. Вып. 2. С. 174–182.

2003

Исмагил Р., Амин З. Культ скифского Ареса и Южноуральские реалии. // Человек в пространстве древних культур. Материалы всероссийской научной конференции. Челябинск, 2003. С. 34–37.

Исмагил Р., Сунгатов Ф. А. Новые курганные и грунтовые могильники бронзового века в Башкортостане // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2003. Вып. 4. С. 99–112.

Шилов С. Н., Исмагил Р., Котов В. Г., Банников А. Л. Уникальный бронзовый кинжал из Казак-Кочердыка (Курганская область): типология и семантика // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2003. Вып. 4. С. 163–198.

2004

Исмагил Р. Заволжье и Южный Урал в «Скифском логосе» Геродота // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Материалы международной конференции к 70-летию Н. А. Мажитова. Уфа, 2004. С. 77–94.

Исмагил Р. К толкованию этнонима «киммеры» // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб., Издательство Гос. Эрмитажа, 2004. Ч. 2. С. 234–239.

Аминев З. Г., Исмагил Р. «Аримаспея» Аристия Проконнеского: путешествие, которого не было // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2004. Вып. 5. С. 256–263.

Исмагилов Р. Б., Савельев Н. С. Памяти А. Г. Гаврилюка // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2004. Вып. 5. С. 291.

Исмагил Р., Сунгатов Ф. А. О генезисе акинаков марьчевского типа // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2004. Вып. 5. С. 127–134.

2005

Исмагилов Р. Б. Акинак с реки Уршак // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы всероссийской науч. конф. (г. Уфа, 1–5 июня 2005 г.). Уфа, Гилем, 2005. С. 177–178.

2006

Исмагил Р. Легенда происхождения скифов как раннетюркский источник. // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А. Х. Пшеничноку. Уфа, Гилем, 2006. С. 117–122.

Исмагил Р., Султанова А. Н., Сунгатов Ф. А. Оленные камни Валитовского (Кизяташского) святилища Башкирского Зауралья // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А. Х. Пшеничноку. Уфа, Гилем, 2006. С. 105–113.

2007

Исмагил Р. Абашево и Фёдоровка как два этапа развития культуры одного этноса // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966). Уфа, КИТАП, 2007. С. 130–133.

Исмагилов Р. Б. «Саки тиграхауда» и проблема этнической атрибуции племен степной Евразии эпохи раннего железа // Кадырбиевские чтения — 2007. Материалы международной научной конференции 16–18 мая 2007 г. Актобе, 2007. С. 108–112.

2008

Исмагил Р. Танаис Геродота: Дон или Волга? // Ватандаш. Уфа, 2008. № 9. С. 67–71.

2009

Исмагил Р., Морозов Ю. А., Чаплыгин М. С. Николаевские курганы («Елена») на р. Стерля в Башкортостане. Уфа, ДизайнПолиграфСервис, 2009. 239 с.

Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н., Исмагилов Р. Б., Бахшиева Р. И. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Уфа, ГУП РБ УПК, 2009. Т. III. 368 с.

Исмагил Р. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // История башкирского народа в семи томах. М., Наука, 2009. Том I. (Макет).*

Исмагил Р. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к железу // От Древности к Новому времени. Уфа, 2009. Вып. XIII.*

Исмагил Р., Сунгатов Ф. А. Тулубай. Савромато-сарматский склеп в Зауралье // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2009. Вып. 9. С. 118–127.

2010

Аминев З. Г., Исмагил Р. Об одной скифо-башкирской этнографической параллели // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Уфа, Сибай, 2010. С. 27–28.

2011

Исмагил Р., Миннибаева З. Н. О назначении савроматских каменных столиков и бронзовых колёсиков // Материалы V международной конференции памяти проф. МГУ Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань, Астрахань, 2011.*

Исмагил Р., Сунгатов Ф. А. Могильник Валит-2 и проблема датировки «шагреновой» культуры V–IV в. до н. э. Южного Урала // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвящённой 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. Алматы, 2011. Т. 2. С. 65–79.

2013

Исмагил Р. Танаис: река и город // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрёстке. Материалы международной научной конференции. СПб., Нестор-История, 2013. С. 394–400.

Исмагил Р., Сунгатов Ф. А. Памятники Яицкой культуры последней четверти V–IV вв. до н. э. на Южном Урале. Уфа, Белая река, 2013. 223 с. — (Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала. Т. III).

Memorabilia

Зуев В. Ю. К юбилею Рамиля Бакировича Исмагилова // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 181–184.

Хусаинов А. Горшки не устаревают. Стареют знания. Интервью с Р. Б. Исмагиловым // Уфимские ведомости. Приложение к журналу Уфа. Уфа, 2006. 2 февраля. № 5 (160). С. 5–6.

Воробьева С. Л. Исмагилов Рамиль Бакирович // Археологическое общество Республики Башкортостан. Члены общества. [2014] (<http://www.archeologyrb.ru/index.php/chleny-ao-rb/23-ismagilov-ramil-bakirovich>)

Список сокращений

ААЭ — Артезианская археологическая экспедиция.
 АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955.
 АИБ — Археология и история Боспора. Симферополь.
 АМА — Античный мир и археология. Саратов.
 АО — Археологические открытия. М.
 Арх. МЗХТ (=НА МЗХТ) — Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
 БИ — Боспорские исследования. Симферополь, Керчь.
 БФ — Боспорский феномен. СПб.
 ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ВКИКМЗ — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Керчь.
 ГАОО — Государственный архив Одесской области.
 ГИМ — Государственный Исторический Музей. М.
 ГЭ — Государственный Эрмитаж. СПб.
 ДБ — Древности Боспора. М.
 ДБК — Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. СПб., 1854.
 ДГВЕ — Древнейшие государства Восточной Европы. М.
 ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.
 ЗИН РАН — Зоологический институт Российской Академии наук. СПб.
 ЗОАО — Записки Одесского Археологического Общества.
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
 ИАК — Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб. (Пг)
 ИАИАИАНД — Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов.
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
 ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук. СПб.
 ИНИОН — Институт научной информации общественных наук.
 ИР НБУВ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины.
 КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965. = (CIRB –Corpus inscriptionum regni Vosporani. М.; Л., 1965).
 КБН-Альбом — Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб., 2004. = (CIRB-album — Corpus inscriptionum regni Vosporani. Album imaginum. SPb., 2004).
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии (АН СССР) РАН. М.
 МАИАСК — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск.
 МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, Керчь.
 МАКК — Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь.

МАР — Материалы по археологии России. СПб., Пг.
 МГПУ — Московский государственный педагогический университет. Москва.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
 МИДУ — Музей исторических драгоценностей Украины. Киев
 МИС — Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
 НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
 НВБелГУ — Научные ведомости Белгородского государственного университета. Белгород.
 НМЦА — Научно-методический центр археологии. Ростов-на-Дону.
 ОАИБ — Очерки истории и археологии Боспора. М.
 ОАК — Отчёты Императорской археологической комиссии. СПб.
 ООИД — Одесское общество истории и древностей.
 ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
 ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск.
 РА — Российская археология
 РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры.
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
 РОМК — Ростовский областной музей краеведения.
 СА — Советская археология. М.
 САИ — Свод археологических источников. М.
 СГМИИ — Сообщения Государственного музея истории искусств им. А. С. Пушкина. М.
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
 СК НБУВ — Сектор картографии Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины.
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
 Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея. Москва.
 ТС — Таманская старина. СПб.
 ХСб — Херсонесский сборник. Севастополь.
 AAn — Archäologischer Anzeiger des Deutsches Archäologisches Institut. Berlin.
 ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden — Boston.
 AIF — Archive de l'Institut de France. Académie des Inscriptions et Belle-Lettres. P.
 AirWb — *Ch. Bartholomae*. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
 AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Athenische Abteilung
 AWE — Ancient West and East
 BAR IS — British Archaeological Reports. International Series. London.
 BE — Bulletin épigraphique, Paris.
 DAI — Deutsches Archäologisches Institut.
 CIG — Corpus inscriptionum graecarum. Auctoritate et impensis Academiae Litterarum Regiae Borussicae / Hrsg. von A. Boeckh. B., 1825–1859. Bd. I–IV.
 CIL — Corpus inscriptionum Latinarum.
 CVA — Corpus Vasorum Antiquorum. Attic Red-Figure and Bilingual Drinking-Cups, part II, by Anna Petrakova. Russia fasc. XVI, The State Hermitage Museum fasc. XI. Roma, 2016.
Geophys. J. Int. — Geophysical Journal International.
 IG — Inscriptiones graeci.
 IG. II2 — Inscriptiones Graecae. Vol. II, ed. sec., 1913–1940.

- IGrR. I — *R. Cagnat*. Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris, 1911. Vol. I.
 IOSPE 12 (=IOSPE, I²) — *B. Latyshev*. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916. Vol. I. 2 ed.
 IOSPE 2, 4 — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. 2, 1890; vol. 4, 1901.
 Isr. J. Earth Sci. — Israel Journal of Earth Sciences.
 JDI — Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts.
 JHS — Journal of Hellenic Studies.
 SEG — Supplementum epigraphicum Graecum.
 SS — Supplementary Series.

- ПРЕДИСЛОВИЕ..... 5–7
Н. К. Жижина. Двойной юбилей 8–10

I. ЭЛИТА БОСПОРА И ЕЁ КУЛЬТУРА

- И. А. Тульпе*. Понятие «элитарная культура» в традиционном обществе..... 11–16
М. В. Скржинская. Интеллектуальные занятия боспорской элиты..... 16–20
А. В. Подосинов. Боспорский правитель за рубежом: причины и следствия 20–25
Н. Б. Чурекова. Боспорская политическая элита эпохи архаики и ранней классики 25–28
А. Н. Матукина. Правовая основа и легитимизация власти Спартокидов 28–30
А. Twarddecki. Evidence of Foreign Citizens in the Bosporan Inscriptions. A second approach..... 30–40
Н. В. Молева. Боспорская элита в стихотворных надгробных надписях 40–46
Е. А. Молев. Сопей и Сопейд. К истории боспорской политической элиты 47–50
М. Ю. Трейстер. Гарнитурные ювелирные украшения и сервизы из драгоценных металлов в погребальном обряде Боспора классического и раннеэллинистического времени 50–56
Д. В. Журавлёв, Е. Ю. Новикова. Золото Боспора и Херсонеса: комплексы с изделиями из драгоценных металлов в собрании Государственного Исторического музея 56–61
Н. А. Кучеревская. Боспорская скульптура — элитарное искусство или «ширпотреб»? 61–68
А. А. Трофимова. Царский портрет на Боспоре: хронология, типология, специфика 68–74
М. М. Чорев. Надчеканки на медных монетах архонта Асандра как источник исторической информации 74–77
В. П. Толстиков. Архитектурно-планировочная среда Центрального района Пантикапея как источник по социально-политической истории Боспора 77–92
Н. С. Асташова, Г. А. Ломтадзе, О. Ю. Самар, В. П. Толстиков. Древнейший Пантикпей — предварительные итоги археологических исследований 92–99
Н. И. Винокуров. Маркеры боспорской элитарной культуры (на примере городища Артезиан) 99–106
А. М. Бутягин, Ю. А. Виноградов. Курганы на мысе Ак-Бурун и особенности формирования боспорской элиты в V–IV вв. до н. э. 106–112
М. Ю. Вахтина. О женских погребениях в гробницах 1 и 2 некрополя Нимфея 112–120
О. Ю. Соколова. Изображение грифона из Нимфея 120–124
В. Н. Зинько. Погребальные комплексы эллинистической знати на хоре Нимфея 124–129
В. А. Хрищановский. Элитный склеп-кенотаф на Илуратском плато 130–136
В. А. Горончаровский. Погребальные памятники элиты Синдского царства 136–143

<i>Е. Г. Застрожнова.</i> Погребения боспорской элиты из раскопок К. Р. Беги-чевым курганного некрополя Фанагории (1853–1855 гг.).....	143–147
<i>А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова, М. О. Жуковский, В. Д. Кузнецов.</i> Курган Боюр-Гора (Буерова могила) — усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора.....	147–164
<i>Я. М. Паромов.</i> Сырцовые гробницы V–IV вв. до н. э. в курганах Азиатского Боспора.....	164–173
<i>С. В. Кашаев.</i> Парные погребения в некрополе Артющенко-2.....	173–181
<i>С. И. Безуглов, С. М. Ильяшенко.</i> Социальная элита Танаиса во II–III вв. н. э. (культурно-исторический облик).....	181–186
<i>А. Г. Фурасев.</i> Концешты: погребение представителя боспорской элиты конца IV века в верховьях реки Прут.....	186–194
<i>Н. Н. Болгов.</i> Элиты позднего Боспора и Ранневизантийской империи (V–VI вв.): общее и особенное.....	194–199
<i>Е. А. Зинько.</i> К вопросу о христианских иерархах Боспорского царства.....	199–203
<i>Ю. К. Рогова.</i> Христианские склепы с текстом 90 псалма из Керчи.....	203–205

II. ВАРВАРСКАЯ ЭЛИТА НА БОСПОРЕ И ЕГО ПЕРИФЕРИИ

<i>А. Ю. Алексеев.</i> Раннее погребение Куль-Обы и скифские гробницы.....	206–215
<i>Н. Ф. Федосеев.</i> Куль-Оба: погребальный комплекс боспорских царей. Скифское или фракийское влияние?.....	215–223
<i>А. В. Вертиенко.</i> К значению надписей в декоре ножен мечей из Северного Причерноморья IV в. до н. э.....	224–230
<i>Н. В. Быковская.</i> Материалы некоторых элитарных курганных погребений IV–III вв. до н. э. в фондах Восточно-Крымского заповедника.....	230–236
<i>А. В. Иванов.</i> О некоторых параллелях в погребальном обряде элитарных комплексов Азиатского Боспора, Синдики и Кубани.....	236–240
<i>В. П. Копылов.</i> Черты элитарной боспорской культуры в курганах Елизаветовского некрополя.....	240–245
<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.</i> Меотские всадники на восточной границе Боспора.....	245–250
<i>В. И. Мордвинова.</i> Погребальные комплексы элиты как источник по выявлению политической идентичности на археологическом материале.....	251–259
<i>В. Ю. Зуев.</i> К проблеме выделения погребений раннесарматской элиты по археологическим материалам.....	259–276
<i>С. А. Яценко.</i> Сарматская элита у границ Боспора I–III вв. н. э.....	276–282
<i>В. П. Глебов, И. А. Гордин.</i> Богатое сарматское погребение из могильника Дядьковский 45 в Краснодарском крае.....	282–292
<i>Ю. П. Зайцев.</i> Элита Крымской Скифии и Боспора в эпоху эллинизма: контакты и конфликты.....	292–299
<i>В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев.</i> К вопросу о связях боспорской элиты с сарматскими кланами (по материалам раскопок городища «Белинское» в Восточном Крыму).....	299–304
<i>И. В. Толочко, О. В. Шаров.</i> Танаис. Курган № 2 римской эпохи.....	304–313

III. НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Д. А. Щеглов.</i> Понт Эвксинский на карте Птолемея: новое в топологии пространства.....	314–320
<i>И. В. Тункина.</i> Картографические и изобразительные документы конца XVIII–XIX в. о Херсонесе Таврическом и памятниках Гераклейского полуострова в Крыму. Новые архивные открытия.....	321–327
<i>А. А. Супренков.</i> Боспорские ворота — новейшее открытие при раскопках на Узунларском валу.....	328–333
<i>Н. И. Сударев.</i> Погребения некрополя «Виноградный 7» (раскопки 2015–2016 гг.).....	333–340
<i>А. К. Каспаров, А. А. Масленников.</i> Поселение Генеральское — хозяйственный уклад в усадьбе знатного пантикапейца.....	340–347
<i>С. А. Смекалов, В. Г. Зубарев.</i> Элитные склепы Боспора и Западного Крыма. Особенности обнаружения при помощи магниторазведки.....	347–352
<i>Т. Н. Смекалова.</i> Могильник скифской знати Чаян — Апан Сарча — Кош-Оба в северо-западном Крыму.....	353–358
<i>С. Б. Ланцов, И. И. Неневоля.</i> Открытие некрополя поселения Джан-Баба конца эры до Р. Х. и начала эры от Р. Х. в Северо-Западном Крыму и боспорские параллели в нём.....	358–365
<i>Д. В. Бейлин.</i> Некрополь на горе Хрони.....	365–371
<i>А. М. Корженков, А. С. Ларьков, А. В. Мараханов, Е. А. Молев, А. Н. Овсяченко, Е. А. Рогожин, В. А. Хришановский.</i> Следы сильных землетрясений в крепостных стенах античного города Китей, Керченский полуостров.....	372–381
<i>А. П. Бехтер, А. М. Бутиягин.</i> Новый памятник лапидарной эпиграфики из Мирмекия.....	381–386
<i>Н. Ю. Новосёлова.</i> Комплекс расписной штукатурки из раскопок XX квартала Херсонесского городища (предварительные замечания).....	387–393
<i>Е. С. Лесная, О. П. Дорошко.</i> Комплекс керамики классического времени из раскопок Р. Х. Лёпера в Херсонесе.....	393–400
<i>М. И. Тюрин.</i> Новые находки аттической рельефной эллинистической керамики из Херсонеса и его хоры.....	400–406
<i>В. В. Дорошко, Д. В. Журавлёв.</i> Редкая шкатулка из некрополя Херсонеса Таврического.....	407–413

IV. MEMORABILIA

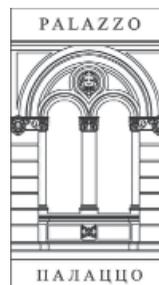
<i>Ю. А. Виноградов.</i> В. Ф. Гайдукевич и изучение культуры боспорской элиты... 414–420	414–420
<i>В. А. Хришановский.</i> Памяти Марианны Казимировны Трофимовой (1926–2016).....	421–428
<i>В. Ю. Зуев.</i> Материалы к библиографии М. К. Трофимовой (1926–2016).....	429–435
<i>В. Ю. Зуев.</i> Рамиль Бакирович Исмагилов (1949–2014). Биографический очерк.....	435–457
Список сокращений.....	458–460

Научное издание

**ЭЛИТА БОСПОРА
И БОСПОРСКАЯ ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРА**

Материалы международного круглого стола
Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 года

Редакторы *В. Ю. Зуев, В. А. Христановский*
Корректор *Н. Н. Тютюник*
Оригинал-макет *Л. В. Васильева*
Дизайн обложки *В. Ю. Зуев*

Подписано в печать 31.10.2016. Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 29. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «ТИПОГРАФИЯ „НП-ПРИНТ“»
197110, Санкт-Петербург, проспект Чкаловский, д. 15